

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Лаборатория археографических исследований при кафедре истории России
департамента «Исторический факультет»

На правах рукописи

Боровик Юлия Викторовна

**СТАРООБРЯДЦЫ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО
И СЕМЬЯ ЕКАТЕРИНБУРГА**

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Екатеринбург

2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Историография и источники исследования	30
§ 1. Историографический анализ проблематики	30
§ 2. Источниковая база	62
§ 3. Методика исследования	87
Глава 2. Старообрядческое общество Екатеринбурга: конфессиональная история и институты	93
§ 1. Этапы формирования городских общин старообрядцев	93
§ 2. Полемика об иерархии	124
§ 3. Интеграция старообрядческих общин в религиозно-правовую систему Российской империи	139
§ 4. От религиозной полемики к политическим инициативам и союзам ..	154
Глава 3. Старообрядческое население Екатеринбурга: численность, сословный состав, занятия	178
§ 1. Изменение численности старообрядческого сообщества	178
§ 2. Социальный состав и половозрастная структура	185
2.1. Купеческое сословие	186
2.2. Мещане и крестьяне	194
§ 3. Занятия и развитие системы хозяйственных связей	200
Глава 4. Старообрядческая семья в городских условиях	216
§ 1. Проблемы легальности брака и семьи старообрядцев	216
§ 2. Типология старообрядческих семей	237
§ 3. Между традицией и городской модой: личные имена в старообрядческих семьях в начале XX в.	261
§ 4. Детская смертность в старообрядческом сообществе по материалам метрических книг	273
Заключение	280

Список источников и исследований	289
Перечень иллюстративного материала в тексте диссертации	357
Список сокращений	361
Приложения	363
Приложение 1. Старообрядческий ландшафт Екатеринбурга в XVIII – начале XIX в. (итоги картографического анализа)	364
1.1. Местонахождение храмов, молелен, кладбищ	364
1.2. Места проживания и торгово-промысловой деятельности старообрядцев, 1880–1910-е гг.	365
Приложение 2. Учет старообрядческого населения Екатеринбурга в 1850–1890 гг.	369
2.1. Алфавитный список мужской части семей мещан-старообрядцев Екатеринбурга, 1855 г.	369
2.2. Численность старообрядцев Екатеринбурга в 1861 г.	374
2.3. Данные о численности старообрядцев Екатеринбурга в 1860–1897 гг.	375
Приложение 3. Структура семей купцов и мещан Екатеринбурга, 1858 г.	376
Приложение 4. Структура сложных семей с. Шарташ в 1874 г.	377
4.1. Расширенные семьи	377
4.2. Мультифокальные семьи	415
Приложение 5. Сфера деятельности купцов часовенного согласия в Екатеринбурге во второй половине XIX – начале XX вв.	460
Приложение 6. Количество записей в метрических книгах старообрядцев Екатеринбурга в начале XX в.	465
Приложение 7. Зарегистрированные общины, поддержавшие ходатайство о проведении Первого Всероссийского съезда старообрядцев часовенного согласия в 1911 г. .	466

Приложение 8. Имена, полученные при крещении в старообрядческих храмах Екатеринбурга, 1907–1926 гг.	468
Приложение 9. Смертность в старообрядческих общинах Екатеринбурга по данным метрических книг, 1907–1918 гг.	469
Приложение 10. Возраст вступления в первый брак в восточно-христианских приходах Екатеринбурга в 1907–1919 гг.	471
Приложение 11. Численность и относительная величина старообрядческого населения городов Российской империи по данным Всеобщей переписи 1897 г.	472

Введение

Актуальность темы исследования. Старообрядчество, ориентированное на сохранение традиций от внешнего проявления ритуально-обрядовых элементов до существенных функций приходской жизни в виде активности мирян в выборе причта, изначально было сложным и развивающимся явлением, неоднородным как в социальном, так и в догматическом плане. Разделения на согласия начались почти сразу после обрядовой реформы середины XVII в. и не закончились в XX в. Стремление сохранить чистоту веры наряду с постоянным творческим осмыслением святоотеческого наследия в контексте эсхатологических ожиданий способствовало закреплению в старообрядческой среде представлений об индивидуальной ответственности, характерных для Нового времени. При этом персональные действия и активность обретали смысл в традиционной мирской солидарности – помощи своей религиозной общине. Такое положение было в определенной степени результатом нестабильного правового статуса старообрядцев, в отношении которых политика духовных и светских властей варьировалась от преследований и ограничений до терпимости и компромиссов. Выживанию в таких условиях способствовали крепкие внутриобщинные связи.

Закономерно, что многочисленные старообрядческие течения объединяет опора на книжность и творчество духовных авторитетов восточно-христианской традиции, в круг которых входят византийские, древнерусские, украинско-белорусские и собственно старообрядческие авторы¹. Развитие каждого из согласий с самого начала сопровождалось дискуссиями и появлением апологетических и полемических произведений, в которых обосновывался и отстаивался тот или иной выбор. На тенденциях в осмыслении самими староверами пройденного и предстоящего пути оставляли отпечаток не только обстоятельства переживаемого времени, касающиеся всех, но также и пространственные условия

¹ Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / Под ред. Н. Н. Покровского. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 12–16.

обитания, круг социальных контактов, возможности наблюдения иного коммуникативного, управленческого, профессионального, образовательного, бытового вариантов опыта. Поэтому, есть основания полагать, что насыщенное этими условиями городское пространство воздействовало на традицию и способы её поддержания в гораздо большей степени, чем среда промышленного или сельского поселения.

Изучение городского старообрядчества – это еще один шаг к более взвешенному пониманию особенностей феномена, олицетворяющего успешное сочетание разнонаправленных явлений. В староверии, с одной стороны, несомненно присутствовало стремление к поддержанию религиозного благочестия и сохранении конфессиональной обособленности, а с другой стороны – в виде старообрядческого предпринимательства, активно использующего технологические достижения, которое был явлен пример динамичного развития и освоения нового. Учитывая социокультурную неоднородность старообрядчества и особенности его региональных вариаций, крайне необходимо изучение релевантности выявляемых характеристик свойствам, взглядам, действиям определенных групп/страт для понимания истории приверженцев «древнего благочестия».

Поскольку старообрядческая религиозная община и семья являлись во второй половине XIX – начале XX вв. социальными институтами, обеспечивавшими сохранение и трансляцию традиционного уклада и порядка, то изучение существенных изменений, происходящих на этих двух уровнях необходимо для понимания степени устойчивости, гибкости и пределов трансформации системы норм, представлений, образцов и правил. Картина мира у поколения, выросшего и живущего в условиях города (при всех противоречиях российской урбанизации)², постоянно усложнялась, включала новые связи и накладывалась на уже усвоенные повседневные обычаи, цели и ценности, не всегда напрямую, но тем не менее явно видоизменяя их, формируя новые умения и ориентиры, способствуя развитию

² *Миронов Б. Н.* Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. Т. 48. № 3. С. 259–276.

индивидуальности и рациональности. Следовательно, в изучении истории старообрядчества как сложного религиозного, культурного, социального и экономического феномена необходимо учитывать роль урбанизационной составляющей. Таким образом, представляется логичным изучение старообрядческого городского сообщества в канун и после реформ середины XIX в., комплекс которых обусловил динамичный рост городов, особенно в начале XX в. Для вновь прибывающих в город старообрядцев религиозная община становилась одним из институтов адаптации к непривычному для них образу жизни, который обеспечивал возможность переосмысления представлений о социально приемлемом поведении и позволял существенно расширить контакты в новом социуме. Изучение особенностей этого процесса сохраняет актуальность в настоящее время, поскольку способствует пониманию того, какие институты и в какой степени могут быть задействованы в решении проблем, возникающих в ходе адаптации различных этно-конфессиональных групп мигрантов.

Развитие общества и развитие семьи являются взаимосвязанными процессами. Динамика изменений в обоих случаях в наибольшей степени проявляется в условиях большого города, сочетающего многочисленные разнонаправленные функции. «Многофункциональность — одна из главных составляющих разнообразия, отличающего города вообще. ...Переплетение функций создает в большом городе замечательное контактное поле, благоприятные условия взаимовлияния и взаимодействия разных сфер деятельности»³. Вариации функционального содержания городского пространства в зависимости от исторической эпохи и конкретной страны⁴, вызывало и вызывает дискуссии о самом определении понятия «город»⁵. Для данного исследования важна

³ Лаппо Г. М. Города России: взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. С. 46–48.

⁴ Вебер М. Город / Пер. с нем. Б. Н. Попова под ред. Н. И. Кареева // Вебер М. История хозяйства. Город. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. 2001. С. 333–486; О своеобразии российской урбанизации при активном участии государства см.: Сенявский А. С. Российский путь к городскому обществу: история и современность. Екатеринбург, 1998. С. 6–7; Его же. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.

⁵ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской части России: очерк по экономической географии. СПб., 1910; Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Под ред. Нефедовой Т., Полян П., Трейвиш А. М.: ОГИ, 2001. С. 23–26, 95–123; Вишневский А. Г.

трансформирующая роль города, предполагающая, что сложность условий жизнедеятельности вызывает к жизни новое, преобразует форму, состав и структуру устоявшихся явлений, в том числе тех, которые в основе своей привержены сохранению традиционного порядка.

Степень разработанности темы. В исследованиях, посвященных истории старообрядчества, к настоящему времени рассмотрен широкий круг проблем, при этом вопрос о влиянии урбанизации ранее не ставился в качестве самостоятельного. Его актуализации в логике исторических изысканий предшествовало изучение произведений духовной литературы староверов, проводимое историками и филологами Москвы, Петербурга, Сыктывкара, Екатеринбурга, Томска, Новосибирска, которое показало влияние региональных и локальных особенностей на выстраивание отношений староверов с властями, а также на взаимодействие различных групп внутри старообрядческих обществ между собой. Исследование Н. Н. Покровским, Р. Г. Пихоей, Л. А. Соболевой, А. Т. Шашковым, В. И. Байдиным, С. А. Белобородовым, П. И. Мангилевым, Ю. В. Клюкиной, А. С. Палкиным произведений, происходящих из старообрядческой среды уральского региона дало понимание различий в мировоззрении горнозаводского старообрядческого населения (которое включало значительное число крестьян, приписанных к металлургическим предприятиям и привлекаемых к обеспечению производства), представителей торгово-промышленных слоев, наиболее активно вовлеченных в процессы рыночного обмена, и крестьянства, связанного с традиционным сельским типом хозяйствования. Выводы о значительной роли городских лидеров в истории самого староверия дополняются результатами антропологически ориентированных исследований городской истории (Н. С. Корепанов, В. А. Шкерин, В. П. Микитюк, Н. А. Миненко, С. В. Голикова, Е. Ю. Апкаримова), которые указывают на

Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998; *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990; *Его же.* Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. Т. 48. № 3. С. 259–276; *Его же.* От традиции к модерну. Т. 1. СПб.: СПбГУ, СПб. ИИ РАН, 2014. С. 790.

своеобразие процессов развития городской культуры на Урале, обусловленное в том числе присутствием сторонников «древнего благочестия». Подробный анализ исследований по теме диссертации содержится в первой главе и позволяет сделать вывод о необходимости специального изучения городского старообрядческого социума как одного из составных элементов постоянно взаимодействующей и развивающейся среды.

Проблема, рассматриваемая в диссертационном исследовании, связана с вопросом о качестве и направленности развития консервативно-ориентированного религиозного сообщества под влиянием урбанизации.

Объект – старообрядческое сообщество на двух базовых взаимосвязанных уровнях социальной организации: приходской общины и семьи, находящихся под влиянием городской культуры. При этом важным обстоятельством являются качественные характеристики конкретного города – во второй половине XIX – начале XX в. это динамично развивающийся центр промышленного региона, являющийся средоточием административных, торговых, финансовых, транспортных, образовательных и культурных функций, которые обеспечивали на протяжении указанного периода его постоянный рост за счет миграции и, следовательно, усиливали социальное и религиозное многообразие города. Кроме того, Екатеринбург являлся религиозно-организационным центром двух самых распространенных на Среднем Урале согласий – часовенного и белокриницкого.

Предмет – социокультурные процессы, происходящие в старообрядческой семье и общине города и тесно связанной с ним пригородной территории, то есть свойственные данному религиозному сообществу особенности развития под влиянием сложной, дифференцированной пространственной и социальной городской среды. Городское религиозное сообщество/общество в данном случае понимается как совокупность приходских общин, сконцентрированных вокруг молелен/молитвенных домов/церквей, и семей, входящих в эти общины) в пределах городского пространства с характерными для городского типа свойствами, в т. ч. социокультурной динамикой и мобильностью. Определяющим принципом связанности общин в этом случае является не иерархическое

соподчинение и соответствие функциональным требованиям, а холархическая включенность, предполагающая самостоятельность и цельность частей, входящих в силу собственных потребностей в систему более высокого уровня.

Хронологические рамки – конец 1850-х – 1919 гг. Нижняя граница обусловлена необходимостью включить в сравнительный ряд состояние городского сообщества и семьи старообрядцев накануне реформ и отмены статуса горного города, сдерживавшего развитие и приток нового населения. Это своеобразная точка отсчета связана с началом пересмотра государственной политики по отношению к старообрядчеству и отходу от репрессивного воздействия на его приверженцев. Немаловажным обстоятельством является наличие отметок о принадлежности к старообрядчеству в переписных листах последней ревизии 1857–1858 гг. по Екатеринбургу, что позволяет учесть их семейное состояние, распределение по сословиям, провести сравнительный анализ с православным населением. Кроме того, важно, во второй половине XIX в., началось развитие транспортной сети и активного роста именно средних городов⁶, что дает возможность изучения динамики социокультурных функций этого типа поселений.

Верхняя граница исследования определяется по времени окончательного установления советской власти на Урале, в том числе и в Екатеринбурге в середине 1919 г. после чего было введено провозглашенное декретами 1917–1918 гг. советское, принципиально иное, законодательство относительно религии, семьи и брака⁷.

В рамках этого периода старообрядчество находилось под влиянием пореформенных изменений, прежде всего либерализации части законодательства.

⁶ Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен. С. 70–75.

⁷ Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака 16 (29) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 – 16 марта 1918 гг. М.: Политиздат, 1957. С. 237–240; Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния 18 (31) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 – 16 марта 1918 гг. М.: Политиздат, 1957. С. 247–249; Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах 20 января (2 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 – 16 марта 1918 гг. М.: Политиздат, 1957. С. 371–374; Декрет об отмене наследования 27 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918. М.: Политиздат, 1959. С. 185–190; Кодекс законов ВЦИК об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. 18 сентября 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 3: 11 июля – 9 ноября 1918 гг. М.: Политиздат, 1964. С. 314–343.

Поскольку на протяжении рассматриваемого периода были изданы несколько законодательных актов, касающихся правового статуса староверов есть основания полагать, что в развитии исследуемого объекта можно выделить внутренние этапы, опирающиеся на указы 1870–1880-х гг. и 1905–1906 гг. о признании старообрядческой семьи, духовных лиц и общин.

Географические рамки исследования включают в себя Екатеринбург и его пригород со старообрядческим населением. Процессы урбанизации во второй половине XIX в. в пределах промышленно-развитых территорий, в том числе на Урале, обрели большую динамику, но при этом концентрированно проявлялись не везде. В пределах Уральского региона можно выделить несколько зон – Прикамье, Средний Урал (составляющие основную часть Пермской губернии) с преобладанием горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, Южный Урал (включая Оренбуржье) и сельскохозяйственное Зауралье (восточная часть Пермской и юг Тобольской губерний).

Среди городов этих зон Екатеринбург был местом наибольшего сосредоточения старообрядцев как в абсолютных, так и в относительных цифрах: по данным Всеобщей переписи на 1897 г. здесь проживало 1790 староверов, что больше чем во всех остальных городах Пермской губернии вместе взятых – екатеринбуржцы составляли почти 60% городского старообрядческого населения всего Прикамья, Среднего Урала и Зауралья. Кроме того, в пределах Пермской губернии старообрядческое население Екатеринбурга составляло самую высокую долю среди жителей города – 4,2%⁸.

Вторым важным обстоятельством является то, что Екатеринбург выделялся во второй половине XIX в. не только своей многофункциональностью, динамикой роста, но также признанностью в качестве авторитетного старообрядческого регионального центра, своеобразного драйвера, выдвигающего и

⁸ Среди остальных религиозных меньшинств в городе по данным переписи, это самая большая величина, поскольку на долю католиков (323 чел.) приходилось лишь 0,8%, лютеране (377 чел.) составляли 0,9%, мусульмане (678 чел.) – 1,6%, иудеи (303 чел.) – 0,7%. Первая Всеобщая перепись населения. Т. XXXI. Пермская губерния. С. 72–73 (процентный расчет на основе абсолютных значений мой – Ю. Б.).

поддерживающего инициативы, вызывающие широкий резонанс в обществах не только Урала, но и Западной Сибири. При этом остается актуальным замечание об особенностях его взаимосвязи с другими старообрядческими обществами в предыдущий период: крупные заводские и крестьянские общества признавали более широкие возможности екатеринбургских лидеров и делегировали им полномочия в совместных инициативах, но это не вызывало к жизни систему подчиненности и не означало утрату их самостоятельности⁹. Екатеринбургское общество было тесно ассоциировано со своим «спутником» – шарташским обществом в близлежащем селении, откуда происходили многие городские старообрядческие фамилии и ряд первых глав города. В конце XVIII – первой половине XIX в. Шарташ был широко известен среди уральских беглопоповцев, имел высокий авторитет и влияние как крупный скитской центр. После его разгрома на рубеже 1840–1850-х гг. функции социального призрения были рассредоточены между несколькими более отдаленными пустынножительскими, Екатеринбург и самим Шарташом. Во второй половине XIX – начале XX вв. шарташские старообрядцы-часовенные принимали участие в соборах, собраниях, подаче прошений как от лица своей общины, так и в качестве представителей Екатеринбурга. Поэтому Шарташ включен в исследование в качестве самостоятельной части большого городского старообрядческого сообщества.

Итак, город и тесно ассоциированный с ним старообрядческий пригород составляют географические рамки работы.

Цель диссертационного исследования: проанализировать основные тенденции развития старообрядческого сообщества города Екатеринбурга чтобы выявить общие и специфические проявления социокультурных и демографических процессов в данной деноминации в условиях начальной стадии урбанизации.

Задачи, необходимые для достижения поставленной цели формулируются следующим образом:

⁹ Байдин В. И. Новые источники по организации и идеологии урало-сибирского старообрядчества в конце XVIII – первой половине XIX в. // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск: «Наука», 1980. С. 100.

- 1) Разработать методику исследования старообрядческого социума, направленную на выявление особенностей этой группы в городской среде;
- 2) Рассмотреть состояние и функционирование старообрядческих общин и семей как социальных институтов второй половины XIX – начала XX вв.;
- 3) Определить особенности и факторы изменения численности, социально-сословного и половозрастного состава, конфессионально-деловых связей старообрядческих общин в контексте развития российского города второй половины XIX – начала XX вв.;
- 4) Установить содержание и формы трансляции идентичности в старообрядческой городской общине и семье; выявить степень включенности старообрядцев в общегородские тенденции развития;
- 5) Определить типологические, структурные и количественные изменения семейного строя у старообрядцев города и пригорода; выявить формы и степень влияния урбанизации на социально-демографические характеристики изучаемого сообщества.

Источниковая база исследования включает в себя законодательные акты, актовые источники старообрядческих обществ, делопроизводственную документацию, статистику, материалы учета населения (ревизские сказки, посемейные списки и метрические книги – на основе двух последних разновидностей источников для расширения информационного потенциала были созданы несколько номинативных баз данных). Кроме того, использовались материалы периодической печати, полемические произведения старообрядцев, источники личного происхождения. Анализ источниковой базы диссертации представлен в первой главе.

Методология и методы исследования. Диссертационное исследование основывается на принципах системности и историзма. Используемые в работе методологические подходы определены объектом, предметом и задачами исследования.

Исследование сосредоточено на социокультурных процессах, связанных с урбанизацией на этапе перехода от протоиндустриального общества к

индустриальному, в ходе которого жизнь в городе обрела сущностные специфические черты. Среди них исследователи отмечают открытость, динамизм, превалирование рациональных форм мышления над эмоциональными, необходимость эффективной организации труда и синтез различных форм деятельности, значимость самоконтроля, усложнение среды, трансформация «догородских» отношений¹⁰. Проявление данных черт имело региональные отличия, обусловленные различными сочетаниями и взаимодействиями промышленных и аграрных территорий. Поэтому общетеоретической основой исследования является регион-ориентированная модель модернизационного подхода, рассматривающая общество как неоднородное и вариативное, гибко и не однонаправленно реагирующее на трансформационные вызовы¹¹. Этот вариант подхода позволяет поставить изучаемые процессы и структуры в контекст региональной, а затем и общенациональной динамики. Старообрядческое сообщество Екатеринбурга являлось частью регионального социума, ассоциируемой, как правило, с консерватизмом, и одновременно авангардной частью старообрядческого мира, становясь агентом городской культуры и испытывая трансформирующее влияние инновационных элементов. В столичных городах эти процессы развивались довольно отчетливо¹², а на региональном уровне могли проявляться иначе. Отдельные элементы социальных практик (приемы обсуждения проблем, презентация себя в городском пространстве, представления о взаимодействии с «другими», пределе образовательного уровня и т. д.) утверждались в жизни городского религиозного сообщества и сопровождались

¹⁰ Ахиезер А. С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1994. С. 24–26.

¹¹ Побережников И. В. Между макро- и микро-: уровни модернизационного анализа // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. С. 41.

¹² Значительная степень вовлеченности представителей московского старообрядчества не только в деловую, но и в общественно-политическую и театрально-художественную жизнь раскрывается в мемуарах и биографических исследованиях, см. напр.: Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М.: Новое литературное обозрение, 1999; Бурьшкін П. А. Москва купеческая. Воспоминания М.: Захаров, 2002; Сенин А. С. Александр Иванович Гучков // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 69–88; Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. М.: Русская книга, 1998; Шевырев В. М. Павел Петрович Рябушинский // Россия и современный мир. 2009. Т. 63. № 2. С. 205–211.

разной степенью внутреннего притяжения/отторжения, свидетельствующей о неоднородности старообрядческой среды.

Предмет исследования носит междисциплинарный характер и находится на стыке нескольких дисциплин, изучающих город, социокультурные процессы и религиозные сообщества: социологии, локальной и городской истории, религиоведения, социальной истории, исторической демографии. Поэтому для изучения старообрядческого общества в процессе урбанизации сочетаются методологические подходы, применяемые в рамках перечисленных дисциплин.

В работе используются подходы социологии города к изучению урбанизации и взаимодействия социальных объединений в городском пространстве. Учитываются качества городского образа жизни¹³, социальные структуры с различными принципами внутренней связанности¹⁴, выделяемые классической социологией города, при этом город рассматривается как сообщество. Благодаря такому ракурсу появляется возможность выявить закономерности структурирования многомерного городского пространства и расселения в нем, складывания новых видов социальных отношений и взаимодействия жителей¹⁵. Заключение о процессах формирования городских сообществ и среды, сделанные представителем чикагской социологической школы Л. Виртом в первой половине XX в., остаются актуальными для изучения свойств города и его обществ вне зависимости от времени и пространства, поскольку акцентированы на сочетании городского многообразия: Люди, обладающие гомогенными статусами и потребностями, невольно стекаются в город, один и тот же ареал приобретали специализированные функции. В результате, город все больше становился похожим на мозаику социальных миров с возможностью скачкообразного перехода

¹³ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4 (34). С. 25–38; Вебер М. Город / Пер. с нем. Б. Н. Попова под ред. Н. И. Кареева // Вебер М. История хозяйства. Город. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. С. 333–486.

¹⁴ Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 207–229.

¹⁵ Парк Р. Э. Город: Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки. М.: ИНИОН, 2011. С. 19–56; Его же. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11–18; Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН, 2005. С. 93–118.

из одного мира в другой. При этом, соседство и образ жизни дивергентных личностей порождал чувство терпимости к различиям¹⁶. Угол зрения, под которым рассматриваются в данном случае социальные структуры города и сочетание описательного и количественного методов изучения городских групп, дают масштаб необходимый для изучения данной проблематики в исторической перспективе: город как «точка сборки» различных сообществ в условиях повышенной миграции, динамично влияющей на социокультурное измерение городской среды. Отметим, что, несмотря на внимание к различным конкретно-историческим сюжетам, связанным с деятельностью городских общин староверов и их лидеров, вопрос о старообрядчестве в условиях города как самостоятельном явлении не ставился. На важность миграционного фактора в его пространственной и социальной формах применительно к распространению староверия внимание обращалось неоднократно¹⁷, но в контексте урбанизации эта тема не рассматривалась. Следовательно, учет основ теоретической концепции социологии города дает понимание указанного объекта исследования в определенных географических рамках как постоянно изменяющегося компонента городского многообразия.

Кроме того, к исследованию привлекаются познавательные возможности концепции «новой истории и социологии города», обращенной к локальным, конкретным проявлениям сетевого характера общественных отношений и контекстуализацией результатов анализа для понимания глобальной перспективы той или иной проблемы¹⁸. Это позволяет определить характер и особенности

¹⁶ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. С. 106.

¹⁷ Напр., применительно к ситуации в пределах уральского региона, это отмечалось уже в ранних работах и подтверждается последними исследованиями, см.: А. П. [архимандрит Палладий (Павел Егорович Пьянков)]. Обозрение Пермского раскола: так называемого «старообрядства». СПб.: тип. ж-ла «Странник», 1863. С. 3–4; Мельников П. И. Очерки поповщины. Ч. 1. // Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского). 1-е посмерт. полн. изд., доп., свер. и вновь просмотр. по рукописям. Т. 13. СПб., 1898. С. 253; Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. Его же. Шарташ XVIII в. – традиция или новация? // Вестник музея «Невьянская икона». Вып. III. Екатеринбург, 2010. С. 262–290; Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2017. С. 40–47.

¹⁸ Ретина Л. П. Между локальным и глобальным: поиски интегративных подходов //

взаимосвязей объекта с конкретной окружающей его территорией. При этом разработанный научным сообществом в рамках «новой локальной истории» принцип соотносить частные и глобальные проявления проблемы, «видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней», акцентироваться «на признании глубокой взаимной детерминации “внешнего” и “внутреннего”»¹⁹ отличает исследования этого направления от краеведческого дискурса. Основываясь на этой позиции в представленном исследовании микроанализу процессов внутри старообрядческого социума Екатеринбурга (особенно при рассмотрении изменений социального состава общин, направлений полемической активности, демографических сюжетов) сопутствует не только общегородская, но также региональная и общенациональная перспективы.

Исследование опирается на понимание религиозной приходской общины как одной из микроструктур города, выполнявшей функцию социального контроля и поддержки²⁰. В данной работе выявление формообразующих социальных взаимосвязей микроуровня (семейных, внутриобщинных, соседских) позволяет раскрыть адаптационную роль старообрядческой общины, которая была важна для инклюзии приходящих жителей в новые условия, и, следовательно, для обеспечения устойчивой эволюции конфессионального сообщества в целом. Кроме того, это важно для понимания развития системы ценностных ориентиров, которая изменялась, усложнялась, но при этом сохраняла единство. Переход к рассмотрению частных историй и биографических сведений, включающих подробности соседских, деловых, общественных, имущественных, семейно-брачных связей, взаимодействий на основе политических предпочтений, открывает

Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Вып. 5. 2011. С. 9–28; *Ее же*. Новая локальная истории // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Челябинск, 2003. С. 10–20.

¹⁹ Булыгина Т. А., Маловичко С. И. Новая локальная история: Новые исследовательские практики // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 10.

²⁰ Данилко Е. С. Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья. Автореф. ... докт. ист. наук. М., 2007.

широкие перспективы для понимания внутригрупповой динамики и может являться одним из способов поиска ответа на вопрос о границах и степени открытости (и, следовательно, интегрируемости) представителей религиозного сообщества в городской социум.

В качестве еще одной вспомогательной теории в исследовании задействована концепция аккультурации в варианте, предложенном для изучения взаимодействия носителей городской культуры и мигрантов из другой среды в процессе урбанизации²¹. В основе такого понимания аккультурации лежит тезис о том, что «...сельско-городская аккультурация и межкультурная аккультурация отличаются только степенью и не представляют существенно разные процессы изменений»²². Предполагается что под влиянием аккультурации находятся обе стороны – приходящий субъект и принимающий социум, поскольку привычный культурный контекст мигрантами приносится в город, и они пытаются действовать не только в соответствии с условиями новой среды, но и согласно моделям взаимоотношений, усвоенным ранее, пролонгируя на новом месте прежние воззрения и практики. Подобный процесс отмечается в социально-демографических исследованиях, посвященных российской урбанизации²³. Применительно к объекту данного исследования этот ракурс позволяет рассматривать процесс включения вновь прибывших жителей города в контексте формирования социальной и религиозной идентичности городских старообрядцев. Их представления о своем месте и месте своей общины не могли складываться однолинейно, поскольку конфессиональная гомогенность дополнялась неоднородностью в экономическом, сословном, профессиональном, образовательном и др. статусах. При этом следует также учитывать, что отдельные элементы системы ценностей в процессе городской аккультурации являются более устойчивыми к изменениям и нивелирование различий имеет ограничения.

²¹ *Beals R. L. Urbanism, Urbanization and Acculturation // American Anthropologist. 1951. Vol. 53. № 1. P. 1–10;*

²² *Ibid. P. 7.*

²³ *Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. С. 105–111.*

В исследовании в качестве дополнительной теоретической основы используются подходы историко-географического направления, которые предполагают соотнесение социальных и пространственных фактов с картографированием полученных результатов для «более глубокого или даже нового понимания исторического процесса»²⁴. Антропологические, этнографические, культурологические изыскания и методологические разработки с привлечением географической составляющей ведут начало с 1920-х гг.²⁵ Перспективность исторических исследований в этом направлении отмечалась в середине XX в. В. К. Яцунским²⁶, а последние работы по реконструкции уральского религиозного ландшафта выявили плодотворность подобных исследований применительно к истории городских этно-конфессиональных сообществ²⁷. При анализе пространственной составляющей городского старообрядчества конкретного исторического периода выявляется взаимосвязь приходских центров и выбора прихожанами мест жительства. Это дает возможность оценить структурирующую роль культовых объектов в консолидации конфессиональной группы (Приложение 1). Взгляд «сверху» на старообрядческое пространство города, показывает не только выраженное локально присутствие староверов (что важно для изучения собственно истории конкретной религиозной группы), но является еще одним шагом к реконструкции общего городского религиозного ландшафта и его особенностей в рассматриваемый период.

Изучение конкретных сообществ на основе комплексного анализа локальных источников предполагает изучение проблемы общественной рефлексии, эволюции

²⁴ Историческая география России IX – начала XX вв.: территория, население, экономика: очерки. М.: Институт истории РАН, 2013. С. 22.

²⁵ Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. М.–Л.: Гос. Изд-во, 1928. С. 62–72, 102–111, 117–126.

²⁶ Яцунский В. К. Историческая география как научная дисциплина // Вопросы географии. Сб. 20. М., 1950. С. 13–41; *Его же*. Роль исторической географии в разработке важнейших проблем отечественной истории // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 17–26.

²⁷ Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 76–82; *Ее же*. Эволюция религиозного ландшафта Урала в конце XIX – начале XX вв.: историко-культурный атлас // Известия Уральского университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 309.

представлений о границах между «своими» и «чужими» и степени их проницаемости, а также формирования групповых интересов в рамках одного религиозного направления²⁸. Подходы интеллектуальной истории, позволяющие, благодаря учету вклада личностного фактора в формирование социокультурного пространства, корректно оценить процесс развития новых представлений о границах социального взаимодействия. Основанием для работы в этом направлении являются исследования новосибирского и уральского археографического центров, рассматривавших жизненный путь и творчество отдельных представителей старообрядческого движения, а также изучающих тесно связанную с личностной рефлексией проблему изменения общественного сознания²⁹. В данном исследовании рассмотрение старообрядческих дискуссий о

²⁸ Перспективность разработки данного направления показана в трудах Н. Д. Зольниковой о сибирских старообрядцах, см.: *Зольникова Н. Д.* «Свои» и «чужие» по нормативным актам сибирских староверов-часовенных // *Гуманитарные науки в Сибири. Отечественная история.* 1998. № 2. С. 55–56; *Ее же.* Сибирские писатели-староверы XX века // *Проза Сибири.* 1996. № 1. С. 269–275; *Ее же.* Сибирские староверы-часовенные в первой половине XX века.: Древние традиции в советское время // *История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв.* Новосибирск, 1998. С. 174–190; *Ее же.* Скитские письма второй половины XX века (Нижний Енисей) // *Общественное сознание и литература XVI–XX вв.* Сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 292–299; *Ее же.* Современный писатель-старообрядец с Енисея // *Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки.* Новосибирск, 1992. С. 283–288; *Ее же.* Таежный писатель // *Традиция и литературный процесс.* Новосибирск, 1999. С. 418–433; *Ее же.* Урало-сибирские староверы в первой половине XX в.: древние традиции в советское время // *История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв.* Сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 174–190.

²⁹ *Покровский Н. Н.* Рассказ о Екатеринбургском соборе 1884 г. // *Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России.* Новосибирск, 1992. С. 146–159; *Его же.* Традиции и новации в духовной жизни русского старообрядчества // *Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки.* Новосибирск, 1992. С. 6–12; *Его же.* Старообрядческий рассказ о сталинских репрессиях // *Возвращение памяти.* Новосибирск, 1994. Вып. 2. С. 198–211; *Его же.* Старообрядческий агиографический цикл XX века // *Skupiska staroobrzadowcow w Europie, Azji i Ameryce, ich miejsce i tradycje we wspolczesnym swiecie.* Warszawa, 1994. С. 33–43; *Его же.* Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // *Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (Археография и источниковедение Сибири).* Новосибирск, 1982. С. 48–79; *Его же.* Споры об исповеди и причастии у староверов-часовенных востока России в XVIII в. // *Культура славян и Русь.* М., 1998. С. 518–528; *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Старообрядцы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М.: Памятники исторической мысли, 2002. С. 59–225; *Мангилев П. И.* К истории урало-сибирского старообрядчества XVIII–XIX вв. Крестьянин Стефан Кузьмич Тельминов // *Религия и церковь в Сибири.* Вып. 1. Тюмень, 1990. С. 10–1; *Шашков А. Т.* Послание сибирской «братии» протопопа Аввакума и его адресаты // *Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма: археография и источниковедение Сибири.*

различных путях интеграции в систему государственно-церковных отношений, о поддержке политических сил произведено через изучение взглядов представителей круга духовных авторитетов, светских лидеров городских общин и представителей старообрядческой интеллигенции.

Для анализа места и роли религиозных взглядов в работе используются подходы религиоведения, выделяющие значимую роль религиозных воззрений в деятельности изучаемого сообщества. Интегрирующая, нормативно-регулятивная, коммуникативная и социальная функции религии³⁰ в условиях урбанизации изменялись.

В исследовании также использованы подходы исторической демографии, поскольку пореформенный период и начало XX вв. отличались динамичным ростом городского населения и изменениями в структуре городской семьи. В городской семье, в отличие от крестьянской, не только усложнялось сочетание семейных и производственных обязанностей, но и происходило отделение их друг от друга, начал меняться возраст вступления в брак, в средних городских стратах стали расширяться представления об уходе за детьми, необходимости их образования, при создании семьи обретали значимость индивидуальные предпочтения³¹. Хотя эти, и многие другие компоненты демографического развития в наибольшей степени проявились в советский период, в городских условиях основные тенденции демографического перехода намечаются во второй половине XIX – начале XX вв.³² Для рассмотрения вопроса о степени

Новосибирск, 1985. С. 85–97; Байдин В. И., Шашков А. Т. Исторические сочинения уральских старообрядцев XVIII–XIX вв. // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С. 4–9; Байдин В. И., Шашков А. Т. Новые материалы к изучению биографии и творчества зауральского крестьянина М. И. Галанина – бунтаря и писателя XVIII в. // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 59–70; Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья / Сост.: Байдин В. И., Шашков А. Т. В 2-х томах. Т. 1. Вып. 1–2. Свердловск, 1991; Т. 2. Вып. 1–2. Екатеринбург, 1993.

³⁰ Элбакян Е. С. Изучение религии в научной парадигме: общее и особенное // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 1. С. 71, 74–75. 62–80.

³¹ Араловец Н. А. Городская семья Европейской России. М.: Институт российской истории РАН, 2015. С. 181–183.

³² Демографическая модернизация России: 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. С. 24–25.

включенности старообрядчества в эти процессы, представляется продуктивным выявление изменений демографического поведения, размера и структуры семьи.

Инструментальный аспект реализации исследования – методическая база включает всеобщие, общие и специальные методы исторического исследования.

Согласно всеобщему методу диалектики изучаемые процессы и явления рассматриваются как развивающиеся и изменяющиеся, подверженные в силу внутренних противоречий качественной стадийной трансформации, не всегда равномерной и однонаправленной. Метод диалектики в данном исследовании определил трактовку процессов, происходящих в городском религиозном сообществе, как многокомпонентных, разнонаправленных, приводящих к внутренним изменениям, несмотря на приверженность «традициям» в богослужении, сфере общинного и семейного строя, провозглашающуюся представителями рассматриваемого религиозного направления.

Основная цель исследования – установление специфики исторического развития старообрядческого социума в городских условиях, обусловила выбор историко-сравнительный метода в качестве базового, поскольку он позволяет выявить качественные отличия в явления и процессах.

Решение задач исследования на промежуточных этапах работы осуществлялось с помощью метода классификации и историко-типологического метода для определения места изучаемого сообщества и его внутренних структур на фоне городского социума и места изучаемого города среди остальных городов со старообрядческим населением. Оба метода в процессе исследования имели статус вспомогательных. Кроме того, структурно-функциональный метод (историко-системный анализ) в качестве дополнительного метода применялся для изучения старообрядческого общества как части городского социального пространства и одновременно как отдельной изменяющейся системы с собственной структурой и функционалом, базирующихся на организационных принципах, имевших особенные черты, отличающиеся от других религиозных общин (в первую очередь, имеются ввиду традиции самоуправления и концепт персональной ответственности).

В работе использовались логические методы исследования – абстрагирования, дедукции и индукции, анализа и синтеза, доказательства, верификации, логической формализации. Метод систематизации применен для определения места изучаемого старообрядческого городского центра среди других городов региона, при этом в основу типологизации были положены два параметра: численность старообрядческого населения и его относительная доля в городском населении; метод периодизации привлекался для выявления степени исследованности объекта в историографии и основывался на выделении внутренних этапов изучения в зависимости интерпретации старообрядчества как явления, от круга источников и методов работ, практикуемых внутри каждого из этапов.

Детальное описание особенностей использования исследовательских приемов для решения конкретных задач и подзадач представлено в разделе, посвященном методике исследования.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается широкой источниковой базой, содержащей достаточный для анализа фактический материал и методами исследования, которые соответствуют поставленным в работе целям и задачам.

Научная новизна состоит, во-первых, в двухуровневом подходе к изучению социальных институтов – семьи и общины, взаимодействие которых является ключевым для понимания в какой степени консервативно ориентированная среда подвержена влиянию факторов урбанизации и какие новые качества в ней возникают при такой трансформации. Во-вторых, впервые уделяется внимание не столько вопросу о численности и действительном количестве староверов (это как раз наиболее тривиальный пункт в исследованиях, посвященных старообрядчеству), сколько проблеме причин и темпов роста общин, изменению их сословно-социального состава, условиям, в которых происходила миграция в город. В-третьих, впервые на основе материалов учета населения изучаются историко-демографические характеристики старообрядческой семьи в городе и пригороде. Параллельно проведен аналогичный анализ по остальному населению города и результаты дают возможность поставить изучаемый предмет в контекст

общегородских процессов. Анализ семейной структуры по классификации Ласлетта³³ позволяет включить полученные данные в сравнительный ряд по другим населенным пунктам и регионам³⁴. Это открывает перспективу более обоснованных заключений о качественных изменениях размера и структуры семейств, а также для корректного дальнейшего использования отдельных свидетельств из других источников. В-четвертых, в научный оборот вводятся материалы старообрядческого съезда часовенного согласия в Екатеринбурге 1911 г. и двух екатеринбургских съездов всех согласий в 1917 г. с широким кругом дискуссий. Анализ хода и содержания дебатов данных собраний показывает не только наличие широкого спектра позиций внутри отдельных согласий (заметим, что, бóльшая радикальность крестьян уже отмечалась многими исследователями³⁵), но и новые отличительные характеристики горожан-старообрядцев. Для этого, наряду с полемическими произведениями и материалами общественно-политических дискуссий старообрядцев, привлекаются материалы городского самоуправления, которые демонстрируют городские практики обсуждения и совместного решения проблем.

³³ Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. М., 1979. С. 132–137; Семья, дом и узы родства в истории. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2004. С. 270–271.

³⁴ См.: Гончаров Ю. Н. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. С. 370; Ульянова Е. А. Численность и структура старообрядческих семей Екатеринбургского уезда (по данным исповедной росписи 1838 г.) // Документ. Архив. Источник. Вып. 6. Екатеринбург: УрГУ, 2006. С. 156–174; Юнусова Л. В. Структура мещанской семьи Тюмени во второй половине XIX – начале XX века (на основе посемейных списков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16 (270). История. Вып. 51. С. 29–33; Стрекалов Д. В., Стрекалова Н. В. Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 172. С. 119–130; Миронов Б. Н. Социальная история России. (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: ИД «Дмитрий Буланин», 1999. С. 232–236; по структуре семей православных и староверов в Польше и Восточной Европе: Rzemieniecki K. Struktura i wielkość gospodarstw rodzinnych staroobrzędowców w powiecie Zytomierskim (w guberni Wołyńskiej), w końcu XVIII w. // Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych. Tom LXXV. 2015. S. 263–276; Szoltysek, M. Rethinking East-Central Europe: family systems and co-residence in the Polish-Lithuanian Commonwealth. Contexts and analyses. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2015. 1066 p.

³⁵ См., напр.: Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья / Байдин В. И., Шашков А. Т. Т. 2. Вып. 1. Екатеринбург, 1993. С. 15–35; Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Старообрядцы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. С. 5–9.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Городские старообрядческие общины во второй половине XIX – начале XX вв. имели специфические черты, обусловленные интегрированностью ее светских лидеров и части прихожан в многообразное социокультурное пространство;

- Рост численности и изменение социального состава старообрядческих общин Екатеринбурга находился в тесной взаимосвязи с активизацией миграционных процессов в пореформенное время и приводил к увеличению доли выходцев из крестьянского сословия в этой среде, поэтому состав старообрядческих общин был неоднороден и включал представителей этой деноминации с разной степенью адаптированности к городской социокультурной среде;

- Продолжительное существование в Екатеринбурге старообрядческих общин, в которых часть лидеров и рядовых прихожан была интегрирована в местный социум, способствовало адаптации вновь прибывающих в город, включению их в систему конфессионально-хозяйственных и семейных связей, в сферу социального контроля на уровне общины;

- Основными факторами, влияющими на активное положительное отношение старообрядцев к расширению гражданских прав в последней четверти XIX – начале XX вв., являются: во-первых, наличие опыта конструктивного внеконфессионального взаимодействия у влиятельного круга староверов города, поскольку именно они выступали от лица старообрядческого мира в качестве медиаторов во взаимодействии с властями; во-вторых, вовлеченность прихожан в урбанизационные процессы которая актуализировала интерес к ресурсам вертикальной мобильности (юридическому закреплению владельческих прав, образованию);

- Старообрядческая городская семья находилась в сфере влияния демографических процессов, характерных для населения большого провинциального города. Численность и семейный строй в городских условиях изменялись под заметным воздействием экономических и социальных факторов.

Религиозные нормы и предписания могли замедлять трансформацию в семейном строе, но не исключали ее полностью;

– В городе старообрядческое сообщество, выступая в данном случае уже как компонента старообрядческого мира, выделялось сохранением действенной системы приходского самоуправления, высокой плотностью внешних и внутренних социальных связей, сохранением религиозной идентичности.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты проведенного анализа уточняют представления о процессе институционализации консервативного религиозного сообщества в условиях города. Итоги исследования способствуют пониманию условий, в которых принадлежность к старообрядческому приходу способствовала адаптации мигрантов-старообрядцев в городе. Полученные результаты вносят вклад в понимание динамики и механизмов социального взаимодействия, роли религиозного фактора в формировании городской идентичности у религиозных меньшинств. Изучение старообрядчества уральского города показывает эффективность расширения круга источников за счет комплексного сочетания историко-литературных произведений, материалов внутренней полемики и номинативных данных для характеристики социокультурных изменений на уровне общины и семьи под влиянием урбанизации.

Полученные результаты исследования имеют практическое значение для создания рекомендаций по взаимодействию с герметичными конфессиональными сообществами, растущими в урбанизированном пространстве за счет миграционных потоков из местностей не городского типа. Разработанная в процессе работы программа изучения конкретного городского сообщества может быть моделью для аналогичных исследований по другим деноминациям. Положения и выводы диссертации могут использоваться при написании коллективных трудов, учебных пособий, создании общих и специальных лекционных курсов по истории религиозных обществ, российской урбанизации, социокультурной истории Урала.

Четыре базы данных, созданных для изучения городского старообрядчества Екатеринбурга, включены в состав электронного ресурса «Регистр населения Урала» (URaPP) URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>. На их основе проводятся генеалогические изыскания, планируются дальнейшие исследования по истории семьи, исторической демографии, истории медицины и социальной истории.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается широкой источниковой базой, содержащей значительный фактический материал и методами исследования, которые соответствуют поставленным в работе целям и задачам. Положения и выводы диссертационного исследования были представлены и обсуждены на 19 научно-практических конференциях международного и всероссийского уровней, проходивших в 1997–2019 гг. в г. Екатеринбурге, Новосибирске, Ижевске, Москве, Перми, Санкт-Петербурге (Россия), Минске (Беларусь), Валенсии (Испания), Белфасте (Великобритания), Чикаго (США), Ольштыне (Польша), Левене (Бельгия) в том числе, на конференции Общества европейских исследователей исторической демографии (ESHG, 2016), Конгрессе Ассоциации этнологов и антропологов России (2015, 2017), конференции по европейской социальной истории (ESSHI, 2018), конференции Ассоциации исследователей социальной истории (SSHI, 2016), конференции Ассоциации «История и компьютер» (АИК, 2016, 2018). Содержание исследования получило отражение в 48 научных публикациях автора общим объемом 27 п. л., трех разделах коллективных монографий и 15 статьях в журналах, включенных в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по соответствующей специальности, а также в высокорейтинговых журналах, индексируемых в международных системах Scopus и Web of Science, в том числе «History of the Family», «Transylvanian Review», «Przegląd Wschodnioeuropejski», «Государство, религия, церковь в России

и за рубежом», «Российская история». Созданные в процессе исследовательской работы на основе исторических источников – материалов учета населения (метрических книг, посемейных списков) 4 машиночитаемые базы данных в формате Access и Excel, прошли государственную регистрацию в качестве объектов интеллектуальной собственности (№ гос. свидетельства БД 2018620345, 2019620295, 2019620296, 2019620533), реферат к каждой БД размещен в открытом реестре Федерального института промышленной собственности и в научной электронной библиотеке Elibrary.ru.

Структура диссертации построена в соответствии с поставленной целью и задачами. Материал излагается по проблемному принципу с учетом хронологии. В исследовании городское старообрядчество анализируется в качестве одной из системообразующих компонент городского многообразия. Это обусловило рассмотрение динамики его социальной, семейной и профессиональной структуры, конфессиональной и общественно-политической активности.

Историография проблематики и источниковая база проанализированные в первой главе диссертации, позволяют раскрыть тему в предложенной системной связи.

Во второй главе выделены этапы формирования старообрядческого сообщества города, выявлены изменения численности и сословно-социального состава, реконструирован круг основных занятий и торгово-производственных взаимосвязей с учетом миграционной составляющей. Получены основания для заключения о ресурсообразующей роли городской старообрядческой общины.

В третьей главе анализируются основные направления религиозных, общественных и политических дискуссии, инициированных старообрядческим городским сообществом. Сделан вывод о спектре актуальных внутриконфессиональных проблем, имевших прямую зависимость от интересов светских городских лидеров старообрядцев, направленных на упрочение позиций согласий в качестве признанной развивающейся социальной институции (восстановление священнической иерархии, создание общественных организаций братского типа, издательская деятельность). Выявлена зависимость политических

предпочтений от факторов, связанных не только с экономической сферой, но и с включенностью в разнотипные социальные пространства и взаимодействия.

В четвертой главе рассмотрены изменения, происходящие в старообрядческих обществах города на уровне семейной структуры. В ней, на фоне трансформации законодательства, прослежены брачные коллизии, проанализированы тип, состав и размер старообрядческих семей Екатеринбурга, что позволило установить существенную степень их подверженности влиянию урбанистических тенденций. Данный вывод о подверженности семей старообрядцев влиянию общегородских культурных процессов подкрепляется результатами анализа данных об имянаречении.

Кроме четырех глав, включающих 15 параграфов, диссертационное исследование включает введение, заключение, список использованных источников и литературы, 10 приложений.

Глава 1. Историография и источники исследования

1.1. Историографический анализ проблематики исследования

Историография по старообрядчеству рассматриваемого периода весьма обширна, однако поскольку предмет исследования находится на стыке истории города и социокультурной динамики, работами первостепенной важности в этом случае являются те, в которых затрагивались вопросы истории староверия, связанные с этими направлениями. В изучении старообрядчества города выделяются пять основных этапов, становление каждого из которых связано с концептуальными изменениями в отношении к старообрядчеству.

Первый этап следует обозначить как миссионерский, охватывающий период с 1850-х до середины 1870-х гг. Труды этого этапа включают публикации, авторами которых были преимущественно представители церкви. К этому времени ресурсы административного воздействия показали свою ограниченность³⁶. В арсенале применяемых к «раскольникам» мер более предпочтительными стали считаться «духовные назидания» и полемика (хотя и жесткие меры не исчезли совершенно)³⁷. Большое внимание начало уделяться миссионерской работе, для эффективности которой необходимо было знать особенности учения и истории тех, кто был объектом упрямления усилий³⁸. Это стимулировало появление «расколоведения»

³⁶ Итогом борьбы правительства Николая I с «расколом» во второй четверти XIX в., стало не существенное ослабление «раскола», а появление новых более радикальных согласий и учреждение самостоятельной старообрядческой белокриницкой иерархии.

³⁷ *Алексеева С. А.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2003. С. 162–165; *Старухин Н. А.* Сибирские общества белокриницких староверов во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2015. С. 44–69.

³⁸ Работам этого периода предшествовали отдельные варианты краткого изложения истории старообрядчества в контексте обличительного миссионерства XVIII в. тобольского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) и ростовского митрополита Димитрия (Туптало), см.: Сибирские послания (1696 г.) Тобольского митр. Игнатия Римского-Корсакова: Извлечения // Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Екатеринбург, 1991. Т. 1. Вып. 2 / Сост.: А. Т. Шашков, В. И. Байдин. С. 22–31; *Шашков А. Т.* Сибирский митрополит Игнатий и «дело» Иосифа Астомена // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 36–49; *Смирнов П. С.* Из истории противораскольнической

как отдельного направления в историографии. Хотя уровень обработки и представления материала в таких исследованиях был разным, объединял их подход к изучаемому явлению: оно рассматривалось как комплекс заблуждений, возникших вследствие упорства и безграмотности. Знания об истории старообрядческих согласий и их вероучении должны были дать ключ к успешному опровержению этих заблуждений и возвращения заблудших в лоно православной церкви. В этот период миссионерская работа среди старообрядчества и его изучение для обличения становится самостоятельной темой на страницах синодальной периодики³⁹. В местных епархиальных изданиях, в том числе екатеринбургских, статьи, посвященные истории старообрядчества с использованием миссионерского дискурса продолжают выходить вплоть до начала XX в.⁴⁰

Одной из самых ранних работ первого «миссионерского» направления, наиболее близкой по территориальному охвату изучаемой территории является «Обозрение Пермского раскола» архимандрита Палладия (Пьянкова)⁴¹, созданное в 1861–1862 гг. с целью более плодотворной борьбы с «отступниками» и возвращением «смущенных» ими в православные приходы. Своей работой автор надеялся в дальнейшем «споспешествовать изучению раскола и обращению заблуждающихся». Представитель пермского духовенства, окончивший Московскую духовную академию и почти десять лет, проработавший учителем в Пермской духовной семинарии, Палладий располагал отчетами священников за 1820–1840-е гг. и, скорее всего, был знаком с частью материалов Пермского секретного совещательного комитета по делам раскола, по крайней мере с

миссии XVII в.: Поездка архим. Игнатия в Кинешму для увещевания раскольников и составленное Игнатием описание этой поездки // Христианское чтение. 1903. Т. 216. № 11. С. 652–666; № 12. С. 855–880; *Димитрий (Д. С. Туптало), митр. Ростовский и Ярославский*. Розыск о брынской вере. Москва: Синодальная тип., 1762. 258 с.

³⁹ Кузоро К. А. Старообрядчество на страницах православных периодических изданий середины XIX начала XX в // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 347. С. 83–85.

⁴⁰ Краткий очерк возникновения и распространения единоверия в пределах Екатеринбургской епархии // Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 578–612; Павлов А. Шарташ и его православный храм // ЕЕВ. 1889. № 11. С. 256–266; П. А. К вопросу об ослаблении раскола среди народа // ЕЕВ. 1889. № 9. С. 211; Одна из причин устойчивости раскола старообрядчества // ЕЕВ. 1900. № 15. С. 476–473.

⁴¹ А. П. [архимандрит Палладий (П. Е. Пьянков)]. Обозрение Пермского раскола: так называемого «старообрядства». СПб.: тип. ж-ла «Странник», 1863.

реквизированными в ходе «антираскольнических» акций у старообрядцев рукописями. Город Екатеринбург и соседствующее с ним торговое селение Шарташ со скитами он рассмотрел отдельными краткими очерками, поскольку на взгляд автора, они являлись главными «гнездами раскола», откуда распространялись и поддерживались «заблуждения» среди населения остальных заводов Екатеринбургского уезда. Самые поздние данные о численности старообрядцев, приводимые Палладием на основе донесений священников относятся к 1860 г. и заключения автора относительно состояния старообрядческих центров также определены этим временем⁴². Ошибки в приводимых в работе данных можно встретить в том числе среди сведений по Екатеринбургу (например, время появления Троицкой единоверческой церкви «удревнено» на два десятка лет, среди обращенных в единоверие значится Екатерининская городская церковь никогда в таком качестве не бывшая)⁴³. Часть этих описок и опечаток, очевидно, была связана с тем, что в момент публикации труда в Санкт-Петербурге автор не мог проверить и уточнить их, поскольку был переведен в Подольск, занимаясь работой, не связанной с изучением старообрядчества. В приложениях к работе Палладия приведены несколько старообрядческих сочинений и исторического и полемического характера, в том числе из тех, что были реквизированы в скитах и у частных лиц. Среди них присутствует сочинение «О галстуках», точно бытовавшее у пермских старообрядцев в первой половине XIX в., что является показателем актуальности для них проблем, возникших с появлением городской моды и изменением костюма горожан.

Несколько лет спустя после выхода труда Палладия появилось исследование профессора Санкт-Петербургской духовной академии И. Ф. Нильского «Семейная жизнь в русском расколе», вторая часть которого была посвящена учению о браке у старообрядцев в период царствования Николая I, вплоть до 1850-х гг. Он видел цель своего труда не только в том, чтобы показать развитие взглядов старообрядцев на брак и выдвинуть опровержения их правомочности. Исследователь ставил задачу

⁴² Там же. С. II, 10–15, 52–65.

⁴³ Там же. С. 75–76.

шире – на примерах неподобающей семейной жизни беспоповцев продемонстрировать ошибочность идей женской эмансипации. Помимо обширных экскурсов в историю федосеевцев и поморцев, работа также включала небольшую главу о возникших у бывших беглопоповцев проблемах с венчанием браков после изъятия у них священников. Основными источниками работы были постановления по делам раскола, изданные к тому времени, а также сведения из периодических изданий, статей П. И. Мельникова и материалов Н. Попова⁴⁴. Наиболее подробно раскрываются процессы, происходившие на Рогожском кладбище, уральский материал представлен в главах по беспоповцам. Труд И. Ф. Нильского базируется на анализе обширного корпуса правительственных распоряжений и результатах их исполнения. Важен его тезис о большом значении единых правовых норм для старообрядцев. При этом самые первые шаги по снижению прессинга в отношении староверов в 1858 г. – издание «Наставлений для руководства при исполнительных действиях и совещаниях по делам до раскола относящимся» разработанных МВД, Синодом и одобренных Александром II, оценивались И. Ф. Нильским как полноценные и достаточные для нормализации положения с юридической точки зрения⁴⁵. Значение работы для исследований старообрядческих общин (в т. ч. городских) в выводе автора о неудовлетворительных итогах «строгости властей», неэффективности мер по стеснению «раскольников» и признание правительственной политики как одного из факторов радикализации старообрядчества⁴⁶.

Материалы по городскому староверию вошли в «Исторические очерки поповщины», созданные в 1863–1867 гг. бывшим чиновником особых поручений в Нижегородской губернии П. И. Мельниковым и напечатанные на страницах журнала «Русский вестник». Либерально настроенный П. И. Мельников (особенно в

⁴⁴ Попов Н. Сборник для истории старообрядчества. М.: Унив. тип., 1864–1866.

⁴⁵ Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе в настоящее царствование. Отношение к вопросу о браке заграничных раскольников беспоповцев // Христианское чтение. 1871. № 12. С. 863–868.

⁴⁶ Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе: Ист. очерк расколы. учения о браке. Вып. 2. СПб.: тип. Деп. уделов, 1869. С. 211–256; *Его же*. Семейная жизнь в русском расколе в настоящее царствование. С. 861–934.

поздний период своего творчества) имел опыт выяснения численности старообрядческого населения по поручению министра внутренних дел. Источниками труда стали материалы архива МВД и его собственные наблюдения. В главах, посвященных первой половине XIX столетия, представлена жизнь московского (прежде всего Рогожского) центра, а также перипетии и итоги неудавшегося диалога екатеринбургских попечителей (представлявших всех уралосибирских беглопоповцев) с властями о возможности встраивания старообрядческой иерархии в систему административного управления гражданского ведомства. Исследователями неоднократно отмечалась ценность данного труда как источника, обусловленная близким знакомством бывшего чиновника особых поручений с многими деятелями нижегородского и московского староверия и доступом к архивным документам.

Для изучения уральских городских общин важен отмеченный П. И. Мельниковым процесс «возвышения» екатеринбургского старообрядческого центра, происходивший не только благодаря связям с иргизским центром, «поставкам» оттуда на Урал исправленных беглых священников, но и достаточно развитому уровню коммуникативной культуры, позволившей местным выборным от старообрядческого общества выступать посредниками в ходатайствах перед правительством. В одной из глав «Очерков поповщины» упоминается свидетельство пермского губернатора, датированное 1827 г., о том, что беглые попы находились в полной зависимости от старшин местной часовни: «не смели совершить никакой требы без их письменного разрешения»⁴⁷. В этой же главе были перечислены наиболее влиятельные лица екатеринбургского общества. Подробно, с цитатами, отсылками и красочным пересказом документов департамента духовных дел, представлена деятельность екатеринбургского купца и городского головы Я. М. Рязанова⁴⁸. Мельников включил в свой текст переписку Рязанова, старшин уральских беглопоповцев с министром духовных дел А. Н. Голицыным в

⁴⁷ Мельников П. И. Очерки поповщины // Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Печерского). Т. 13. М. – СПб.: тип. тов-ва М. О. Вольф, 1898. С. 254.

⁴⁸ Там же. С. 255–259.

1817–1819 гг., в которой обсуждались особые правила легализации беглого священства для урало-сибирского общества. Переписка свидетельствовала, во-первых, о самостоятельности беглопоповцев региона, а во-вторых, о неоднородности взглядов внутри старообрядческого социума: вариант вполне приемлемый для части старообрядческих старшин, в т. ч. Рязанова, был сочтен «невозможным» для остальных, причем не только для низовых членов общества, но и для попечителей из числа городского купечества⁴⁹. Кроме того, комментарии П. И. Мельникова к официальной статистике старообрядчества и способах ее сбора, дополнили ранее обнародованные расчеты и аргументы А. Б. Бушена об искажениях данных⁵⁰ и в дальнейшем к ним регулярно апеллировать при рассмотрении вопроса о реальной численности староверов⁵¹.

Представители «миссионерского» направления обращались к источникам, созданным самими староверами (цитировали и публиковали старообрядческие сочинения с разной степенью подготовленности архим. Палладий, И. Ф. Нильский, позднее П. С. Смирнов⁵²). Работы этого этапа способствовали эволюции отношения

⁴⁹ Там же. С. 250–279.

⁵⁰ Бушен А. Б., Тройницкий А. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел центральным статистическим комитетом. Вып. 2: Наличное население империи за 1858 год. СПб.: [Тип. К. Вульфа], 1863. С. 216, 234; Мельников П. И. Счисление раскольников // Русский вестник. 1868. № 2. С. 403–442; самые ранние наблюдения были сделаны после обследования Нижегородской губернии 1852–1853 гг., см.: Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, составленный состоящим при Мин. внутр. дел коллежским советником Мельниковым // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. IX. Сборник в память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). 1910. Нижний Новгород: типо-литография товарищества И. М. Машистова, 1911. С. 3–328 (4-я паг.).

⁵¹ Вруцевич М. Раскол в Пермской губернии // Отечественные записки. 1883. № 6. С. 155–184; № 7. С. 33–100; Кириллов И. А. Статистика старообрядчества. М.: изд. ж-ла. «Старообрядческая мысль». 1913. 26 с. Из современных исследователей методический аспект этого вопроса исследуется П. И. Еремеевым, см.: Еремеев П. И. Методы оценки достоверности статистики старообрядчества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на примере Харьковской губернии) // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2015. № 1–2. С. 73–97; Его же. Старообрядчество XIX – начала XX в. как тип социальной общности: внутренние и внешние границы (по материалам Харьковской губернии) // Дриновський збірник. Т. VIII // Харьков – София, 2015. С. 35–49; Его же. Всё же, два миллиона или двадцать? Численность старообрядцев Российской империи в XIX – начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 7 (51) Т. 7. Цифровая история в контексте цифровых гуманитарных наук. 2016.

⁵² Примечательно, что эти публикации стали востребованы и в старообрядческой среде,

к изучаемому явлению, постепенному отказу от крайних и однозначных оценок. В рамках «миссионерского» периода отдельные исследования использовали совершенно иные подходы⁵³ и в дальнейшем послужили основой для пересмотра взглядов на старообрядчество как на исключительно религиозное явление и следствие приверженности упорным заблуждениям.

Второй этап историографии изучаемой темы (ориентировочно 1874–1905 гг.) связан с началом включения староверов в правовое поле, когда происходит частичное признание старообрядческих семей и прав исполнителей духовных треб по старому обряду действовать в молитвенных домах. Старообрядчество в это время перестает рассматриваться исключительно как религиозное явление. К нему начинают обращаться в связи с изучением традиций самоуправления и народного быта. Исследования середины 1870-х – начала 1900-х гг. тесно связаны с проблемой интеграции старообрядчества как части общества в религиозно-правовую систему Российской империи.

Начало этого этапа связано с работами А. С. Пругавина. Он проявил пристальное внимание к старообрядчеству как движению, связанному с народными традициями и религиозно-этическими исканиями (рассматривавшимися ранее как проявления отсталости), с выражением оппозиционности государственно-бюрократическому духу, а не монарху и властям. Благодаря работам Пругавина, начиная с конца 1870-х гг., формировалось не только общественное отрицательное мнение к стесненному положению староверов, но и были сделаны первые шаги на пути к систематическому изучению жизни «раскольников». Именно А. С. Пругавину принадлежит инициатива обследования старообрядчества как явления социального, культурного, этнографического, а не «вредного», антиправительственного. «Все сильнее, все заметнее обнаруживается в нашем обществе стремление ближе и теснее сойтись с народом, узнать его, изучить,

представители которой в своих сочинениях начали ссылаться и цитировать труды «обличителей раскола».

⁵³ Например, рассмотрение «раскола» в качестве закономерного результата общественного развития, когда в ответ на централизацию государственной власти народ нашел вариант сохранения основ самоуправления (*Щанов А. П.* Земство и раскол. Вып. 1. СПб.: тип. Д. Е. Кожанчикова, 1862).

понять – понять ту многомиллионную массу серого люда, что несет на своих плечах всю тяжесть современного строя, современной цивилизации»⁵⁴ – писал исследователь в предисловии к разработанной им Программе собирания сведений о старообрядчестве, представленной в докладе на заседании Этнографического отделения РГО в апреле 1880 г. Программа включала семь разделов, в том числе о экономическом быте, семье и доме, отношению к образованию, многие из пунктов были сопровождаемы комментариями самого А. С. Пругавина о ситуации в Архангельской губернии. Предложение сбора этнографических материалов о старообрядцах встретило поддержку у членов РГО и у Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии МГУ⁵⁵, однако, например, по Пермской губернии ответы на опросник Пругавина не значатся в известных описаниях⁵⁶. Значительно позднее необходимость подобных исследований была признана даже в миссионерских кругах⁵⁷.

В 1882 г. исследователь провел несколько летних месяцев на Среднем Урале, пытаясь понять формирование воззрений «неплательщиков»⁵⁸, При содействии пермского губернатора В. А. Енакиева активный сторонник просвещенного народничества работал с материалами архивов губернского правления, канцелярии губернатора и волостных правлений, в том числе с конфиденциальными и секретными документами⁵⁹, впоследствии включенными в работу «Уральское старообрядчество»⁶⁰. «Хождения» к старообрядцам и сектантам дали Пругавину

⁵⁴ *Пругавин А. С.* Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве // *Русская мысль*. 1881. № 3. 2-й сч. С. 23–42.

⁵⁵ *Пашков А. М.* А. С. Пругавин: от революционных кружков до изучения старообрядчества (1869–1881 гг.) // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2010. № 7 (50). С. 47–49.

⁵⁶ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Пг., 1916. Вып. 3. С. 989–1056; *Матвеева Т. П., Филонович Т. С., Ярукова Л. И.* Русские географы и путешественники. Л., 1973.

⁵⁷ *Г.* Что необходимо сделать // *ЕЕВ*. 1900. № 15. С. 479–481.

⁵⁸ Неплательщики появились в связи с неприятием некоторыми мастеровыми уральских горных заводов условий реформы 1861 г.

⁵⁹ *Пругавин А. С.* Борьба с Антихристом (Очерки религиозно-аграрного движения на Урале) // *Заветы*. 1914. № 5. Отд. II. С. 63–92; *Его же.* Неприемлющие мира: Очерки религиозных исканий: Анархическое течение в русском сектантстве. М.: Задруга, 1918.

⁶⁰ См. в качестве главы в изд.: *Пругавин А. С.* Старообрядчество во второй половине XIX века: Очерки из новейшей истории раскола / А. С. Пругавин. Москва: Отд. тип. т-ва И. Д. Сытина,

массу наблюдений и богатый материал, благодаря чему его труды⁶¹ до сих пор активно используются в качестве источника в работах по старообрядческой проблематике. Для темы диссертационного исследования важны отмеченные исследователем варианты отношения к властям, в том числе в городских старообрядческих общинах. Мимо внимания А. С. Пругавина, активного сторонника просвещения, не могло пройти стремление староверов к грамотности и расширению религиозного образования: он приводит сведения об открытии или попытке получить разрешение на устройство училищ и школ, в том числе с расширенной программой (с включением коммерческой, «фабричной» составляющей, с обучением «всей словесности наук»), предпринимаемой старообрядцами разных согласий в Риге, Санкт-Петербурге, Москвы, Подмосковье, Хвалынске, Гуслицах, Покровском уезде Владимирской губернии⁶², т. е. на территории страны с более высокой степенью урбанизации.

В рамках этого этапа был создан обширный исторический очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка о Екатеринбурге написанный для первого городского справочника 1889 г. Очерк включал несколько глав о старообрядцах. В качестве источников писатель использовал записки академиков П. С. Палласа, И. П. Фалька, И. И. Лепихина, заметки аббата Ж. Шаппа Д'Отроша, минералога Г. Розе, дневник лейб-медика Д. Тарасова, флигель-адъютанта С. А. Юрьевича, путешественника Аткинсона, «Хозяйственное описание Пермской губернии» Н. С. Попова, труды П. А. Словцова и «Описание Пермской губернии» Х. Мозеля, благодаря чему в очерке приводятся конкретные данные о численности, конфессиональном и этническом составе населения города. Как и 15 годами ранее Н. К. Чупин⁶³,

1904. С. 21–59.

⁶¹ *Пругавин А. С.* Раскол и его исследователи // *Русская Мысль*. 1881. № 2. С. 332–357. Русские сектанты до закона 3 мая 1883 года // *Русская мысль*. 1883. № 10–11; *Его же*. Запросы и проявления умственной жизни в расколе // *Русская мысль*. 1884. Кн. I. С. 161–199; *Его же*. 2 миллиона или 20 миллионов. СПб., 1902. *Его же*. Раскол вверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб., 1909; *Раскол-сектантство: Материалы для изуч. религ.-бытовых движений рус. народа, собр. А. С. Пругавиным*. Вып. 1. М.: тип. В. В. Исленьева, 1887.

⁶² *Его же*. Запросы и проявления умственной жизни в расколе. С. 164, 168–178; *Его же*. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. С. 32.

⁶³ *Чупин Н. К.* Полусторолетие Екатеринбурга: Период первый. С 1723 до конца 1734 г.: Пермь: Перм. губ. тип., [1873].

Д. Н. Мамин-Сибиряк, остановился подробно на роли старообрядцев в истории Екатеринбурга до середины XIX в., особенно подробно описывая характеры и типы руководителей старообрядческой общины времен «золотой лихорадки» 1830–1840-х гг. Сведения о некоторых деятелях он брал из документов канцелярии Начальника горных заводов в Екатеринбурге, цифры о количестве обращенных в единоверие – из отчетов пермского архиепископа Аркадия (Федорова), а некоторые впечатляющие детали, которых не было в этих источниках – из городских легенд, например, эпизод со роскошным и расточительным празднованием свадьбы, устроенной двумя видными старообрядческими семьями города, которая растянулась на целый год. Упоминания об этом длительном торжестве в качестве яркой характеристики «диких» нравов и впустую растрченного богатства екатеринбургских старшин вслед за Маминым-Сибиряком неоднократно приводились во многих публикациях о городском староверии без каких-либо дополнительных подтверждений. Однако, в известных и частично опубликованных дневниковых записях современника и участника упоминаемых событий – екатеринбургского жителя Набатова – свадебный цикл от получения согласия, обручения и бракосочетания занял время сопоставимое с обычной длительностью этих событий⁶⁴.

Мамин-Сибиряк был знаком с трудами А. С. Пругавина⁶⁵, и кроме того, будучи уроженцем Висимо-Шайтанского завода, имел возможность сравнить уральских горнозаводских старообрядцев с городскими. Поэтому переход основных лидеров в единоверие он объяснял причинами, не связанными с деятельностью «антираскольнической» миссии⁶⁶. Описывая события 40–50-летней

⁶⁴ Личный архив В. И. Байдина. Дневник екатеринбургского купца В. А. Набатова. Частично опубликован: Курочкин Ю. М. Из театрального прошлого Урала: Заметки собирателя. Свердловск, 1957.

⁶⁵ Соболева Л. С. Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: Размышления времени о староверии / Л. С. Соболева // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 97–122.

⁶⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / Сост. И. И. Симанов. Екатеринбург: Типография «Екатеринбургской Недели», 1889. С. 2–57.

давности, писатель одним из первых обозначил последствия эволюции социокультурного облика представителей уральского городского старообрядчества, проведя аналогию с естественным ходом событий: все «устроилось само собой... Широкая предприимчивость вывела вожakov из прежнего замкнутого состояния, явились новые культурные формы, наконец, пробилась первая зелень начинавшегося образования»⁶⁷.

Параллельно со светской и «миссионерской» историографией во второй половине XIX в. имелся и старообрядческий «взгляд»: в родословиях ряда согласий актуализировалась преемственность традиции от первых авторитетных учителей и обосновывалась правомочность учения отдельного направления или общества⁶⁸. Пока Мамин-Сибиряк писал главу о старообрядцах Екатеринбурга для своего очерка, авторитетный глава одного из уральских скитов черноризец Нифонт по просьбе Екатеринбургского собора 1887 г. начал составлять «Родословие часовенного согласия». Для создания «Родословия» ему были переданы рукописи, находившиеся в распоряжении собора, к которому позднее добавились сборники из Невьянска и других мест, а также некоторые из имевшихся у местных староверов книг церковных и гражданских авторов о старообрядчестве⁶⁹.

Сведения о шарташских скитах с поименным перечислением игумений, изложенные первоначально в кратком виде на страницах «Екатеринбургской недели» вероятнее всего, екатеринбургским единоверцем Н. С. Смородинцевым⁷⁰,

⁶⁷ Там же. С. 39–40.

⁶⁸ Мангилев П. И. К истории поморского согласия на Урале в XVIII–XX в. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 11–12; Покровский Н. Н. «Родословия» часовенных и их источники // Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII – XX вв. М.: Памятники исторической мысли, 2002. С. 183–204.

⁶⁹ Покровский Н. Н. «Родословия» часовенных и их источники. С. 196–197.

⁷⁰ С[мородинцев Н. С.]. Шарташ // Екатеринбургская неделя. 1884. № 30. С. 519. Приведенный в этой статье список управительниц скитов и их количество имеет небольшие отличия как от списка 1826 г. чиновника особых поручений С. Д. Нечаева (исследование о пермском расколе в начале царствования императора Николая I // Братское слово. 1893. № 7. С. 613), так и от более поздних, созданных полицией в 1844 г. (Перепись раскольниковых скитов и их обитательниц в Шарташе в 1844 г. // Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII – начала XX века. Екатеринбург: изд-во УрФУ, 2017. С. 355–356) и 1845 г. (О женских скитах в Екатеринбургских заводах // Об учреждении в городе Екатеринбурге Секретного комитета по

в начале XX в. были дополнены неизвестным автором данными о других скитах часовенных, близких Екатеринбург и напечатаны в журнале «Церковь»⁷¹. Из последней публикации история шарташских скитов впоследствии попала в «Краткую историю древлеправославной (старообрядческой) церкви» активного деятеля белокриницкого согласия Ф. Е. Мельникова⁷², который коснулся жизни екатеринбургской общины белокриницкого согласия второй половины XIX – начала XX вв., отметив организацию епископской кафедры, выступления местных делегатов во всероссийских съездах, создание братства⁷³. Самое раннее упоминание о екатеринбургском центре в этом труде относится к 1820 г. в связи с визитом в город Александра I и его посещением беглопоповских скитов в том же Шарташе, а далее рассматривается уже история белокриницкого согласия с перипетиями поимки епископа Геннадия Пермского (изложенная по статьям А. С. Пругавина)⁷⁴.

В начале XX вв. на волне дискуссий о свободе вероисповедания появляются публикации юристов и общественных деятелей. Направленность данных работ можно условно назвать «правовой». В трудах С. А. Мельгунова⁷⁵, М. А. Рейснера⁷⁶, В. И. Ясевич-Бородаевской⁷⁷ рассматривались актуальные проблемы осуществления веротерпимости и обсуждалось совершенствование религиозного законодательства. Поскольку действенная реакция старообрядцев на предложения

делам раскола и о действиях его. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 495. Л. 15–15 об.).

⁷¹ А. Л. Из уральской старины. К истории уральских скитов // Церковь. 1908. № 35. С. 1205–1208.

⁷² Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: изд-во БГПУ, 1999. В кратком виде первый вариант был издан типографией товарищества Рябушинских в 1918 г.

⁷³ Там же. С. С. 218, 492, 542–543.

⁷⁴ Там же. С. С. 165, 250–251.

⁷⁵ Мельгунов С. П. Старообрядцы и свобода совести (исторический очерк). М., 1907; *Его же*. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). Сб. ст. Т. 1. М.: тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1907.

⁷⁶ Рейснер М. А. Государство и верующая личность: сб. статей. СПб.: Общественная польза», 1905. С. 156–277; *Его же*. Веротерпимость и «раскол»: (Из истории секретного законодательства о расколе до 1875 г.) / М. Рейснер. Москва: т-во типо-лит. И. М. Машистова, 1912.

⁷⁷ Ясевич-Бородаевская В. И. Борьба за веру: Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии. СПб.: Государственная типография, 1912.

об изменении правовых основ вероисповедной политики была в значительной степени связана с позицией городских деятелей, как столичного, так и регионального уровня, то публикации на эту тему (нередко помещавшиеся старообрядческими редакторами на страницах своих изданий)⁷⁸ расширяли возможность сотрудничества городских слоев интеллигенции со староверами и способствовали обнародованию мнения старообрядцев.

С. А. Мельгунов сделал обзор общественно-политической активности старообрядцев, опираясь на материалы Всероссийского старообрядческого съезда белокриницкого согласия в Москве в 1905 г. Показав широкую вариативность интересов и практических действий, он одним из первых обозначил особую группу – «старообрядческую интеллигенцию», вовлеченность которой в общественную жизнь, Мельгунов, вслед за П. Д. Боборыкиным⁷⁹ связывал с процессом «обмирщения» городского молодого поколения староверов⁸⁰.

Одновременно со штудиями борцов за совершенствование правовой системы, история старообрядчества стала объектом внимания сторонников марксистского направления. В тома «Истории России в XIX в.», издаваемые братьями Гранат, и «Истории России с древнейших времен» подготовленной М. Н. Покровским вошли статьи Н. М. Никольского⁸¹ о двух основных старообрядческих течениях – поповского и беспоповского, природу которых в условиях города автор определял,

⁷⁸ См.: Розанов В. Закон о веротерпимости в его осуществлении // Старообрядец. 1906. № 4. С. 461–463; Мельгунов С. Один из старых голосов в защиту религиозной свободы // старообрядческая мысль. 1910. № 1. С. 12–18; *Его же*. Свобода совести // Там же. С. 32–36; Котляревский С. Законопроекты о старообрядцах // Там же. № 10. С. 665–669; Речь А. Ф. Кони в Государственном совете по старообрядческому законопроекту // Церковь. 1910. № 27. С. 675–678.

⁷⁹ Боборыкин П. Д. Обмирщение. – М.: Сфинкс, 1912.

⁸⁰ Мельгунов С. П. Старообрядчество и освободительное движение Москва: Труд и воля, тип. Вильде. 1906. С. 15. *Его же*. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в. М.: Задруга, 1919. С. 26–33.

⁸¹ Никольский Н. М. Реформы Никона и религиозно-социальные движения во второй половине XVII в. // Русская история с древнейших времён М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева. Т. II. М.: изд-во товарищества «Мир», 1909. С. 256–305; *Его же*. Религиозные движения в XVIII в. // Русская история с древнейших времён М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева. Т. IV. М.: изд-во товарищества «Мир», [1912]. С. 180–227; *Его же*. Религиозные движения в XIX в. // Русская история с древнейших времён М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева. Т. IV. М.: изд-во товарищества «Мир», [1912]. С. 159–213.

исходя из стадильности развития капитализма: «если поповщина есть организация уже властвующего капитала, то городская беспоповщина была организацией первоначального капиталистического накопления»⁸². В очерке, посвященном первой половине XIX в., 1,5 страницы были посвящены действиям провинциальных старообрядцев по легализации своего общества, была подчеркнута обособленность «уральской поповщины» под руководством екатеринбургского старообрядческого центра от московского Рогожского центра, которое автор связывал с экономической самостоятельностью региона, утверждая, что торговля на востоке не зависела от московских капиталов и в первой четверти XIX в. «все частные уральские заводы были собственностью екатеринбургских старообрядцев»⁸³ (последнее, мягко говоря, было не совсем верно). Поскольку оба издания «Историй» носили научно-популярный характер, в них отсутствуют какие-либо ссылки на источники, которые находились в распоряжении авторов. Можно предполагать, что сюжет о екатеринбургском проекте легализации старообрядческой поповской организации и выводы о выдающейся роли местных купцов, были сделаны на основе документов синодального архива⁸⁴.

В 1908 г. В. Д. Бонч-Бруевич выпустил сборник материалов по сектантству и старообрядчеству, одном из разделов которого были помещены духовные стихи и произведения выговского поморского центра⁸⁵. Ему принадлежит классификация⁸⁶ старообрядческих согласий отличающаяся от предшествующих, предлагаемых различными правительственными кругами, поскольку в её основу положена не степень «вредности» по отношению к государственной власти, а «полезность» в деле освобождения от сковывающего влияния церкви. Еще в 1903 г. на съезде РСДРП в Женеве В. Д. Бонч-Бруевич в своем докладе выделил основные различия

⁸² Никольский Н. М. Религиозное движение // История России в XIX веке. Т. 4: Эпоха реформ (1840–1866). Санкт-Петербург: А. и И. Гранат, [1908–1909]. С. 68.

⁸³ Никольский Н. М. Религиозные движения в XIX в. С. 162–163.

⁸⁴ Впоследствии эти статьи легли в основу отдельной книги Н. М. Никольского «История русской церкви», стремительно подготовленной в 1930 г. по заказу издательства «Атеист» (см. ниже).

⁸⁵ Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под. ред. В. Д. Бонч-Бруевича. Вып. 1. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1908.

⁸⁶ Там же. С. 298.

между сектантами и староверами: первым принадлежит положительная роль в истории – они являются «борцами против восточного православия», а у вторых, по большей части, отрицательные идеалы (отрицают власть, деньги)⁸⁷. Конкретные материалы, связанные с уральской тематикой или городским старообрядчеством, в работах В. Д. Бонч-Бруевича представлены не были, но отмеченная им необходимость изучения старообрядчества как религиозно-социального движения с привлечением широкого круга архивных источников и проведением разноплановых полевых исследований этнографической направленности, оказалась полезной для возобновления изучения этого феномена в 1960-х гг.

Следующий период с конца 1920-х до середины 1960-х гг. связан с существенными изменениями отношения к религиозной проблематике в целом, которая обретает политическое изменение, которое жестко увязывается с экономической детерминантой. Немногочисленные общие работы использовали подход к изучению религиозных обществ с классовых позиций, разделяющих массы и руководство, позиции которого определялись исключительно интересами получения прибыли.

Внимание к вопросам внутриконфессиональной жизни старообрядческих общин в 1920-х гг. было связано с попытками оценить староверие как политическое движение, только теперь уже не с точки зрения «противогосударственного раскола», а с классовых позиций. В 1926 г. Е. М. Ярославский подготовил для Оргбюро ЦК ВКП(б) доклад о состоянии сектантства в СССР, к которому он отнес и старообрядчество. В нем было отмечено, что старообрядцы, «несмотря преобладание среди них зажиточного крестьянства и торгового элемента», относятся к советской власти в целом положительно. Его не следует однозначно считать «сплошь революционным» или «сплошь контрреволюционным», т. к. оно неоднородно по экономическому

⁸⁷ См.: *Бонч-Бруевич В. Д.* Раскол и сектантство в России // Избранные атеистические произведения. С. 173–213. С тех же позиций позднее был подготовлен значительно позднее его доклад «О сектантстве как таковом» для всесоюзного съезда безбожников, где он отметил, что некоторая часть старообрядчества под влиянием сектантства обрела кое-какие положительные, «но такие недалекие мещанские идеалы, на которых, я думаю, в сегодняшней беседе не стоит и останавливаться» (РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 3088. Л. 2–3).

положению и следует «различать сектантскую массу от ее руководителей ибо последние, в подавляющем своем большинстве состоят из антисоветского элемента, как в деревне, так и в городе...»⁸⁸.

После начала в 1928 г. новой антирелигиозной кампании преобладающим стало агитационно-пропагандистское направление с акцентом на церковной контрреволюции и реакционной роли религии, помогающей зажиточной верхушке и в городе, и в деревне удерживать в темноте и бесправии трудящихся⁸⁹. Язык и аргументация публикаций были близки материалам газеты «Безбожник»⁹⁰ и в итоге должны были способствовать практической цели – «освобождению трудящихся из-под влияния эксплуататоров одурманенных религией масс». Поэтому мало что из работ того времени в полной мере можно отнести к научным исследованиям.

Н. М. Никольским был подготовлен на основе его предшествующих упомянутых выше статей, широко известный труд по истории русской церкви⁹¹ на базе формационной теории и классового подхода, в котором основные старообрядческие направления рассматривались как «религиозная идеология» различных социальных слоев: поповские согласия соотнесены с «посадским бюргерством» – купечеством и посадскими жителями, беспоповские – с крестьянством. Работа была срочно подготовлена к изданию в 1930 г. и не предполагала научной верификации, дискуссии и представления новых фактов. Хотя при её подготовке использовались работы исследователей XIX в., в том числе А. С. Пругавина и П. И. Мельникова, ссылки в тексте почти отсутствуют, так же как и в его «базовых» статьях, изданных в начале XX в. Работа была необходима

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 119. Л. 9–10, 29–31.

⁸⁹ В помощь безбожнику. Златоуст, 1929; Задачи антирелигиозной пропаганды на Урале // Известия Уральского областного исполнительного комитета. 1929. № 33–34. С. 13; *Эристов А.* На Тобольском фронте борьбы с религией. Антирелигиозные очерки и материалы. Тобольск, 1929; *Его же.* Уральский Север. Антирелигиозные очерки Тобольского края. Свердловск, 1933; *Его же.* Церковь на службе у колчаковщины (к 10-летию освобождения Урала от Колчака) // Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. 1929. № 1–2. С. 47–48.

⁹⁰ Напр., см.: Там, где были знаменитые Гуслицкие скиты // Безбожник. 1929. № 2. С. 14; Вместо церкви – клуб строителей // Безбожник. 1929. № 21. С. 7; *Закржевский.* Безбожные ударные бригады на Урале // Безбожник. 1931. № 16. С. 19; *Путинцев Ф.* Сектанты против колхозного урожая // Безбожник. 1933. № 7. С. 6–7.

⁹¹ *Никольский Н. М.* История русской церкви. Изд. 1-е. Рязань, 1930.

для «научного» обоснования необходимости радикального решения вопроса о месте религиозных воззрений и церкви в новом государстве. Объединить синодальную церковь и «буржуазные верхи» старообрядчества XIX – начала XX вв. позволила упрощенная схема социального устройства: предлагалось разделение общества на трудящихся рабочих и крестьян («серую массу») и эксплуататоров («буржуазных верхов»)⁹². Таким образом, борьба за расширение прав старообрядцев, меры по агрономическому просвещению представлялись порождением исключительно экономической заинтересованности, а религиозные споры – поддержанием собственной влиятельности (поэтому, например, дебаты вокруг «Окружного послания» в белокриницком согласии интерпретированы как борьба «гуслицкого капитала» с «московским капиталом»)⁹³. Тем не менее, говоря о классовой идеологии, Н. М. Никольский впервые стал рассматривать отдельно городское старообрядчество и крестьянство, отмечая существенную разницу интересов и мировосприятия.

Одним из первых региональных вариантов работ с «разоблачениями капиталистической сущности» старообрядчества, характерных для начала десятилетия форсированного культурного строительства, хотя и не столь масштабным как труд Н. М. Никольского, является «Церковь и сектантство в Сибири» А. А. Долотова, которая появилась также в 1930 г. и предназначалась для обличения религии – инструмента классового угнетения⁹⁴. Автор использовал в своем труде статистические источники и, как и многие «знатоки раскола» ранее, отмечал особенности данных по старообрядцам. Вслед за исследователями народнического направления, в первую очередь А. П. Щаповым⁹⁵, А. А. Долотов рассматривал раннее старообрядчество как на социально-политическое движение «различных слоев населения, в том числе и духовенства, против крепостнического

⁹² Там же. 3-е изд. М.: Политиздат, 1985. С. 341.

⁹³ Там же. С. 145–168, 245, 426–435.

⁹⁴ Долотов А. А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930. С. 53–74.

⁹⁵ Щапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII века и в первой половине XVIII: Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859; *Его же*. Земство и раскол. СПб.: тип. тов-ва «Общественная польза», 1862.

государства»⁹⁶. После краткого описания гонений на староверов «при царизме» и упоминаний о постоянных раздорах внутри разных согласий, автор применительно к позднеимперской истории старообрядчества отходит от позиции Щапова и утверждает о присущей старообрядчеству контрреволюционности, поскольку «во главе... стояла буржуазия, от которой полностью зависела судьба всего движения»⁹⁷. В числе упоминаемых автором старообрядческих деятелей есть и представители уральского региона.

На основании формационной теории деятельность городских старообрядческих общин в дальнейшем была представлена в трудах В. Д. Миловидова, В. Г. Карцова, А. Е. Катунского⁹⁸.

Схематизм и идеологические штампы исторических работ 1930–1940-х гг. попытался преодолеть П. Г. Рындзюнский, который с 1950-х гг., на базе музейных рукописных коллекций, в первую очередь собрания ростовского купца А. А. Титова, в состав которого входили бумаги «расколоведов» П. И. Мельникова, И. П. Липранди, Н. И. Надеждина, занимался исследованиями социальной дифференциации в условиях города. Не выходя за рамки господствующей в советской исторической науке марксистской теории, он внес большой вклад в детализацию внутреннего развития московских старообрядческих обществ, особенно федосеевского согласия, показав его эволюционный характер и заметную роль в формировании новых экономических отношений, составлявших динамику городского развития⁹⁹.

⁹⁶ Дологов А. А. Церковь и сектантство в Сибири. С. 53.

⁹⁷ Там же. С. 59, 68–69.

⁹⁸ Миловидов В. Ф. Современное старообрядчество. М., 1979; *Его же*. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969; Карцов В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в России. Калинин, 1971; Катунский А. Е. Старообрядчество. М., 1972.

⁹⁹ Рындзюнский П. Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма (на примере истории московской общины федосеевцев в 40-х годах XIX в. // Вопросы истории религии и атеизма. М.: издательство Академии наук СССР, 1950. С. 188–248. *Его же*. Городское гражданство дореформенной России М.: издательство Академии наук СССР, 1958; *Его же*. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. (взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М.: Наука, 1983. Анализ «старообрядческой темы» в работах П. Г. Рындзюнского см.: Архипова Е. А. П. Г. Рындзюнский – исследователь социально-экономической истории старообрядчества // Историко-экономические исследования. 2010. Т. 11. № 2. С. 79–90.

В ходе последнего этапа, начавшегося с середины 1960-х гг., в связи с повышенным вниманием к народной культуре, появились полевые археографические и этнографические исследования, начал вводиться в научный оборот неизвестный ранее пласт оригинальных старообрядческих сочинений. Перспективным оказалось комплексное изучение старообрядческой истории и культуры создаваемыми с середины 1960-х гг. археографическими центрами в сотрудничестве с этнографами. Полевые наблюдения в сочетании с исследованием памятников старообрядческой книжности и архивным поиском позволили сформировать богатейшую источниковую базу для теоретических выводов о развитии старообрядчества как своеобразного и противоречивого феномена традиционной русской культуры. Это позволило перейти к исследованиям общественного сознания, творчества староверов, эволюции их социальной организации в различных регионах России, в т. ч. Урала. Расширение подходов к исследованию старообрядчества продолжается в настоящее время: ведутся работы в рамках этнографии, социокультурной антропологии, лингвистики, искусствоведения, институциональной экономической теории, новой биографической истории, локальной истории.

В работах московского археографического центра Е. А. Агеевой, И. В. Поздеевой, Е. Б. Смилянской, Т. А. Кругловой, Н. А. Кобяк, Я. Н. Щапова, В. П. Пушкова на материалах полевых археографических исследований, рукописей из собрания научной библиотеки МГУ, РГБ и ряда других коллекций исследуется книжно-рукописная традиция и история сельских общин Верхокамья и западной части Пермской губернии¹⁰⁰. В сборниках конференций, проводимых московским

¹⁰⁰ Агеева Е. А. Старообрядческое согласие «не приемлющих общин» и его историографы // Традиционная народная культура населения Урала. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 1997. С. 172–178; Описание рукописей Верхокамского собрания // Рукописи Верхокамья XV–XX вв. Поздеева И. В. Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). М., 1982. С. 40–71; Она же. Книга – личность – община – инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхокамья) // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Мат-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения». Пермь, 25–26 октября 2001 г. Пермь, 2001. С. 7–30; Ее же. Русское старообрядчество

археографическим центром содержатся разноплановые результаты эмпирических исследований истории крупных городских центров разных согласий и биографий их выдающихся деятелей – Москвы, Риги и ряда других¹⁰¹. В работе Е. М. Юхименко, посвященной истории Рогожского кладбища, выделены этапы развития общины, ее внутренняя структура и состав жизнь, отмечена ведущая роль московских староверов-беглопоповцев (с середины XIX в. белокриницкого согласия) в общестарообрядческих инициативах¹⁰².

Существенный вклад в изучение староверия урало-сибирского региона внесли ученые новосибирского археографического центра. Актуальность для темы диссертации имеют работы Н. Н. Покровского и Н. Д. Зольниковой, посвященные разработке концепции о сочетании традиций и новаций в старообрядческой культуре и духовной жизни, источниковедческому изучению обширного комплекса соборных постановлений часовенного согласия XVIII–XX вв.¹⁰³, а также

и Москва в начале XX в. // Мир старообрядчества. Вып. 2: Москва старообрядческая. М., 1995. С. 6–40; *Ее же*. Традиционная книжность современного старообрядчества // Мир старообрядчества. Вып. 1: Личность. Книга. Традиция. М–СПб., 1992. С. 11–27; *Пушков В. П.* Массовые источники по истории старообрядческих поселений Пермского региона второй половины XIX–XX вв. как база комплексных исследований // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы междунар. науч. конф. 21–24 ноября 1995 г. Сб. науч. тр. М., 1998. С. 73–80; *Щанов Я. Н.* Старообрядцы в Москве между двумя революциями (1905–1917 гг.) // *Skupiska staroobrzadowcow w Evropie, Azji i Ameryce*. Polska Akademia nauk. Institut slavistyki. Warszawa, 1994. С. 81–89.

¹⁰¹ *Поздеева И. В.* Личность и община в истории русского старообрядчества // Мир старообрядчества. Вып. 5. История и современность. Сб. науч. тр. М.: изд-во МГУ, 1999. С. 3–25; *Мальцев А. И.* Московские филипповцы во второй половине XVIII в. // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований. Материалы международной научной конференции. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 241–246; *Горячева Т. А.* Устройство Рогожского Богаделенного дома во второй половине XIX – начале XX века // Там же. С. 247–256; *Стадников А. В.* Список старообрядческих фамилий Москвы // Мир старообрядчества. Вып. 5. История и современность. Сб. науч. тр. М.: изд-во МГУ, 1999. С. 343–349.

¹⁰² *Юхименко Е. М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою. 1-е изд. М. : 2005. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

¹⁰³ *Покровский Н. Н.* За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 77–90; *Его же*. Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8. С. 194–210; *Его же*. Рассказ о Екатеринбургском соборе 1884 г. // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 146–159; *Его же*. Традиции и новации в духовной жизни русского старообрядчества // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 6–12; *Его же*. Старообрядческий рассказ о сталинских репрессиях // Возвращение памяти. Новосибирск, 1994. Вып. 2. С. 198–211; *Его же*. Старообрядческий агиографический цикл

анализу ряда старообрядческих памятников – родословий часовенного согласия, полемических сочинений о природе Антихриста, одно из которых было создано оренбургским автором в конце XIX – начале XX вв. и является одним из важных звеньев развития эсхатологической полемики урало-сибирских старообрядцев-часовенных¹⁰⁴.

Благодаря исследованиям ученых уральского археографического центра по истории урало-сибирского старообрядчества XVII – первой половины XIX вв. Р. Г. Пихой, В. И. Байдина и А. Т. Шашкова, были введены в научный оборот новые источники, установлено их авторство, изучена региональная специфика старообрядческой организации и эволюция системы ценностей ее представителей, установлены социально-экономические характеристики староверия¹⁰⁵.

XX века // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce, ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie. Warszawa, 1994. С. 33–43; *Его же*. Соборные уложения часовенных XVIII–XX вв.: система запретов // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 123–138. *Его же*. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; *Его же*. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1982. С. 48–79; Он же. Споры об исповеди и причастии у староверов-часовенных востока России в XVIII в. // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 518–528.

¹⁰⁴ Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Старообрядцы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. С. 59–225.

¹⁰⁵ Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII – XVIII вв.) Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1987. С. 206–246; Байдин В. И. Новые источники по истории крестьянских волнений на Урале в 1940-е гг. XIX в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979. С. 90–96; *Его же*. Новые источники по организации и идеологии урало-сибирского старообрядчества конца XVIII – первой половины XIX вв. // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 93–109; *Его же*. Старообрядчество Урала и самодержавие в конце XVIII – середине XIX вв.: Дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983; *Его же*. К вопросу о старообрядческом иконописании на горнозаводском Урале в XVIII–XIX вв. // Древнерусская традиция в культуре Урала: Материалы науч.-практ. конф. Челябинск, 1992. С. 18–41; Он же. Два ряда портретов XVIII столетия: российские монархи и крестьяне Заверткины // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1994. Вып. 4. С. 48; *Его же*. Пути-дороги инок Паисия // Уральский следопыт. 1994. № 4. С. 41–44; *Его же*. Кто ты, Иона Курносый? // Ежегодник НИИ РК УрГУ. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 32–47; *Его же*. Антихрист у власти: социально-политические сюжеты старообрядческой лицевой книги XVIII–XIX вв. // Цензура в России: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 38–47; *Его же*. Эволюция социально-культурного и бытового облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII–XIX вв. (на примере семьи екатеринбургских купцов Казанцевых) // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 17–27; Невьянская икона / В. И. Байдин, Г. В. Голынец, Н. А. Гончарова и др. Екатеринбург, 1997; Шашков А. Т. Послание сибирской «братии» протопопа Аввакума и его

Старообрядчество Южного Урала и Зауралья, включая общины уездных центров – Кургана и Златоуста, основательно представлено в исследованиях П. И. Мангилева, посвященных главным образом истории поморского согласия, преобладающего на этой территории. На базе обширного круга документальных и нарративных источников из центральных и местных архивов и древлехранилищ исследователем воссозданы детальные биографические данные ведущих персоналий, рассматривается содержание и значение многочисленных зауральских, в том числе городских, поморских соборных постановлений конца XIX – начала XX вв., раскрываются направления полемики между брачным и бракоборным течениями в указанном согласии¹⁰⁶. Проведенный исследователем анализ деятельности зауральских поморцев указывает на активность городских жителей и их тесную связь с сельскими общинами в исследуемый период.

Появление и распространение «австрийцев» на Урале, неизвестные ранее данные об активных деятелях этого согласия 1850-х гг. – конца XX в., а также краткие, но показательные контакты руководства екатеринбургских часовенных с самозванным «беловодским» иерархом изложены в работах С. А. Белобородова¹⁰⁷.

адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма: археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1985. С. 85–97; *Байдин В. И., Шашков А. Т.* Исторические сочинения уральских старообрядцев XVIII–XIX вв. // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С. 4–9; *Байдин В. И., Шашков А. Т.* Новые материалы к изучению биографии и творчества зауральского крестьянина М. И. Галанина – бунтаря и писателя XVIII в. // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 59–70; Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья / *Байдин В. И., Шашков А. Т.* В 2-х томах. Т. 1. Вып. 1–2. Свердловск, 1991; Т. 2. Вып. 1–2. Екатеринбург, 1993.

¹⁰⁶ *Мангилев П. И.* «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири» и старообрядческая полемика о браке // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 92–103; *Его же.* К истории урало-сибирского старообрядчества XVIII–XIX вв. Крестьянин Стефан Кузьмич Тельминов // Религия и церковь в Сибири. Вып. 1. Тюмень, 1990. С. 10–14. *Его же.* Из истории складывания обряда бессвященнословных браков у старообрядцев Урала // История церкви: изучение и преподавание. Мат-лы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства, Екатеринбург, 22–25 ноября 1990 г. Екатеринбург, 1999. С. 198–204; *Его же.* К истории поморского согласия на Урале в XVIII–XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 4–24; *Его же.* О круге чтения крестьян-старообрядцев Зауралья в середине XIX в. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. II. Екатеринбург, 1998. С. 146–153; Он же. Старообрядчество и крестьянская книжность Южного Урала и Зауралья в XVIII – начале XIX вв. Дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008.

¹⁰⁷ *Белобородов С. А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (из истории русской Православной Старообрядческой церкви – белокриницкого согласия) // Очерки истории

Им также выявлены центры беглопоповцев (часовенных) Среднего Урала, рассмотрены организационные особенности обществ, включая Екатеринбургское, деятельность попечителей, беглых священников и наставников¹⁰⁸.

Тенденции изменения сословного состава городских общин во второй половине XIX в., позиции светских лидеров часовенного согласия и начетчиков по наиболее важным для старообрядцев вопросам в начале XX в. (регистрация общин, участие в партиях) изучались Ю. В. Клюкиной¹⁰⁹.

Этно-конфессиональный аспект истории населения, включающего старообрядческую составляющую разрабатывается исследователями Перми, Санкт-Петербурга, Уфы, Москвы. На основе опубликованных этнографических описаний населения Пермской губернии, документов РГИА, Русского географического общества, местных архивных и библиотечных собраний Г. Н. Чагиным были проанализированы особенности хозяйственного освоения Верхокамья, севера Пермского края, Колвинско-Печерского бассейна, семейные и культурные связи старообрядческих общин этого района, а также традиции пустынножительства. При этом исследования сфокусированы не на городе, а на сельских районах, где в большей степени сохранились элементы традиционной культуры и быта¹¹⁰. Межэтническому и межконфессиональному взаимодействию

старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 136–172; *Его же*. Славяно-беловодская иерархия. Материалы к истории затянувшейся мистификации // Сибирь на перекрестке мировых религий. Мат-лы межрегиональной конф. Новосибирск, 2002. С. 124–126.

¹⁰⁸ *Его же*. Религиозно-организационная структура старообрядчества горнозаводского Урала во второй четверти XIX – начала XX веков (на примере беглопоповского-часовенного согласия). Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012; *Белобородов С. А., Боровик Ю. В.* Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2017. С. 5–308.

¹⁰⁹ *Клюкина Ю. В.* Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX – начале XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. *Ее же*. Материалы к биографии старообрядческого начетчика А. Т. Кузнецова (1879–1938) // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы науч.-практ. конф. посв. памяти М. И. Рижского, Новосибирск, 29–30 октября 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 153–156.

¹¹⁰ *Чагин Г. Н.* Традиционные связи духовной культуры семьи и общины русского старообрядческого населения Верхокамья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 162–167; *Его же*. Природная среда и особенности культурно-бытовых традиций народов Среднего Урала в середине XIX – первой половине XX в. // Материальная культура народов России. Т. 1. Новосибирск, 1995; *Его же*. Заселение и хозяйственное освоение Верхокамья в конце XVIII – первой трети XX вв. // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции:

старообрядцев Пермского края на материалах устных опросов, «внешних» описаний старообрядческого социума начала XX в. посвящены работы А. В. Черных¹¹¹. Исследователем сделаны выводы о важной роли системы названий старообрядческих согласий в выстраивании конфессиональной идентичности, а также о распространенности межэтнических и межконфессиональных контактов, например, староверов с татарами, представителями других согласий и прихожанами официальной церкви, необходимость взаимодействия с которыми влияла на трансформацию норм и интенсивность контактов. Территориальные рамки исследования включают районы компактного проживания и отдельные населенные пункты Пермского Прикамья, преимущественно сельские, что ограничивает возможность сравнительного анализа с процессами внутри городских общин.

Взаимодействие старообрядцев с представителями других конфессиональных групп, в том числе пермских часовенных преимущественно в сельском социуме с

результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы междунар. науч. конф. 21–24 ноября 1995 г. Сб. науч. тр. М., 1998. С. 265–274; *Его же*. Пудьвинская лавра // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 169–172; *Его же*. Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры в XIX–XX вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. II. Екатеринбург, 1998. С. 258–272; *Его же*. Крестьянская семья Верхокамья в конце XVIII – первой четверти XX вв. // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Мат-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения». Пермь, 25–26 октября 2001 г. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. С. 31–40; *Его же*. Материальная культура русского населения Северо-Восточного Прикамья в конце XIX – середине XX века // Вестник Перм. ун-та. Сер. История. 2005. №5. С. 70–86; *Его же*. Социально-экономическое развитие Чердынско-Печорского края в XVIII – начале XX вв. // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2015. Вып. 1 (28). С. 183–194.

¹¹¹ *Черных А. В.* Старообрядчество южных районов Пермской области в контексте этнокультурной истории // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Мат-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения». Пермь, 25–26 октября 2001 г. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. С. 133–158; *Его же*. Старообрядцы пермского Прикамья: опыт межконфессионального взаимодействия // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 125–132; *Его же*. Народная терминология старообрядческих согласий в русских традициях Прикамья: бегуны (странники) // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 5. С. 97–109; *Его же*. К проблеме народной терминологии старообрядческих согласий в русских традициях Прикамья // *Staroobrzędowcy za granicą 2 / pod red. D. Pasko-Koneczniak, M. Ziółkowskiej, S. Grzybowskiego, M. Głuszkowskiego*. Toruń: Eikon, 2014. S. 309–318; *Его же*. Старообрядческие согласия в народной терминологии русского населения Пермского края // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 85–110.

выстраиванием поведенческих стратегий отстранения, рассматривается в исследованиях А. Б. Островского, проведенных с использованием этнографических подходов¹¹².

Изучение хозяйственно-экономического, матримониального, миссионерского взаимодействия старообрядцев с иноэтничным и иноконфессиональным окружением на территории Урало-Поволжья в XVII–XX вв., было проведено Е. С. Данилко на основе статистических, делопроизводственных источников, периодики и материалах полевых этнографических исследований. В результате были выявлены вариативность во взаимодействии с внешним миром, изменения функциональности элементов старообрядческой культуры, гибкость норм и сфер их влияния, что в совокупности дает широкие возможности как для адаптации к изменениям в окружающем социуме, так и для динамичного развития¹¹³. В сферу исследования были включены исторически сложившиеся районы с этноконфессиональной спецификой, включающими как городские, так и сельские центры. Каждое из перечисленных исследований этнографического направления отмечает адаптивный потенциал старообрядческого комплекса норм.

Еще одним направлением исследований феномена старообрядческой культуры являются работы, посвященные вопросу о религиозных основаниях

¹¹² *Островский А. Б.* Формы общественного признания старообрядчества после принятия указов 1905–1906 гг., легитимировавших веротерпимость // *Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы.* М., 2002. С. 163–173; *Его же.* Старообрядчество в условиях ограниченного социального признания (по материалам журнала «Церковь» 1908–1917) // *Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 10.* М., 2004. С. 13–15; *Его же.* Старообрядцы и православные в русском сельском социуме (поведенческие стратегии взаимодействия) // *Этнографическое обозрение.* 2005. № 6. С. 85–104; *Его же.* Уральские часовенные в XX веке // *Русский мир: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. «Русское старообрядчество в истории и культуре: прошлое и настоящее».* Пермь, 2010. С. 95.

¹¹³ *Данилко Е. С.* Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья. Автореф. докт. ист. наук. М., 2007; *Данилко Е. С.* «Старая вера» по-чувашски: книжная традиция и повседневные практики одной старообрядческой общины // *Этнографическое обозрение.* 2015. № 5. С. 19–32; *Ее же.* Старообрядцы-уральцы в Средней Азии и Казахстане: взаимоотношения с соседями и социально-культурная адаптация // *Вестник антропологии.* 2016. № 4 (36). С. 22–37; *Ее же.* Общие закономерности проникновения старообрядчества в нерусскую среду на территории Урало-Поволжья // *Вопросы истории.* 2018. № 10. С. 121–129; *Данилко Е. С., Агеева Е. А.* Старообрядцы-уральцы Каракалпакии как локальная этноконфессиональная группа. Истоки // *Старообрядчество: история, культура, современность Материалы.* М.: Музей истории и культуры старообрядчества. 2014. С. 133–147.

старообрядческого предпринимательства, формировании особой системы хозяйствования под влиянием комплекса этических, правовых, политических, институциональных факторов, потенциал и ограничения внутрикорпоративных связей рассматриваются В. В. Керовым, А. В. Стадниковым, Д. Е. Расковым, А. В. Старцевым на материалах европейской части Российской империи¹¹⁴. Результаты исследований показывают, что выдающаяся экономическая активность староверия связана не только с положением преследуемой группы, на что уже обращалось внимание А. Леруа-Болье, А. Гершенкрона, Р. Крамми, Д. Л. Уэста¹¹⁵, но и с формированием у его приверженцев мировоззрения, включавшего нормы религиозного рационализма и индивидуализма при одновременной приверженности типу отношений, свойственных традиционному капитализму с высокой значимостью репутации, личных отношений, семейных и корпоративных связей. Сравнительный анализ деятельности московского, петербургского и новгородского староверия предпринятый в работе Д. Е. Раскова указывает на большой и неоднозначный спектр мнений старообрядцев относительно этики и практики решения хозяйственных и финансовых вопросов, а также приводит автора к заключению об замедлении «экспансии старообрядческого капитализма»

¹¹⁴ *Старцев А. В.* Хозяйственная этика староверов // Старообрядчество: история и культура. Барнаул, 1999. С. 78–93; *Керов В. В.* Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII–XIX веках // Отечественная история. 2001. № 4. С. 18–40; *Его же.* Правительственные преследования, конфессиональные ценности или общинный корпоративизм? // Экономическая история: ежегодник. 2010. С. 30–58; *Его же.* Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России в конце XVII – XIX вв.: Дис на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. М., 2004; *Его же.* Хозяйственная культура и хозяйственное поведение старообрядцев в России XVIII–XIX вв.: ценностно-институциональный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 1. С. 40–57; *Керов В. В.* Православная модернизация vs механическая европеизация: ответ старообрядцев на вызовы истории // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 22–38; *Расков Д. Е.* Дискуссии о проценте у староверов // Христианское чтение. 2010. № 4. С. 85–108; *Его же.* Социальные нормы и институциональные изменения, или как понять динамику экономической активности старообрядцев // Journal of Institutional Studies. 2012. Т. 4. № 3. С. 34–42; *Его же.* Экономические институты старообрядчества. СПб.: изд-во СПбГУ, 2012.

¹¹⁵ *Leroy-Beaulieu A.* L' empire des tsars et les Russes. T. 3: La religion. Paris, 1889. P. 359–453; *Gershenron A.* Europe in the Russian Mirror. Four lectures in economic history. Cambridge, 1970 (на рус. яз. опубликована первая лекция: *Гершенкрон А.* Европа в российском зеркале. Лекция 1 // Экономическая политика. 2013. № 6 С. 67–88); *Rieber A. J.* Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill: University of North Carolina press, cop. 1982; *Уэст Дж. Л.* Старообрядцы и предпринимательская культура в царской России // Современная конкуренция. 2009. № 3. Л. 130–143.

во второй половине XX в., когда поддержка традиционных общинных институтов начинает уступать по эффективности инструментам обезличенной кредитно-финансовой сферы того типа¹¹⁶. Однако уральский регион в них не рассматривается. Общественно-политические инициативы городских старообрядцев, имевшие корреляцию с их экономической активностью и связями, был объектом изучения в работах В. И. Байдина, О. Ю. Редькиной, В. В. Керова, А. В. Пыжикова. Анализ политических предпочтений различных социальных слоев в наиболее активных старообрядческих согласиях показал более многообразную картину, в которой социальная и политическая составляющие, противоречивые взаимоотношения элиты старообрядчества и низовых деятелей оказывались не всегда напрямую и жестко связанными¹¹⁷ и не соответствовали однозначным схематичным построениям, в которых, без учета специфики разных уровней предмета исследования, присутствует неоправданно широкий уровень упрощений и обобщений о настроениях в старообрядческой среде¹¹⁸.

Еще одним направлением исследований институциональных аспектов старообрядчества является изучение роли семьи, поскольку процессы на уровне этого института являются наиболее яркими маркерами кардинальных изменений или наоборот устойчивого воспроизведения сформировавшихся традиций, поэтому усилиями историков и экономистов, начиная с 1970-х гг. активно изучаются

¹¹⁶ Расков Д. Е. Экономические институты старообрядчества. С. 132–135, 260–270.

¹¹⁷ Байдин В. И. Общество старообрядцев Сибирского края в первой половине XIX в. (к вопросу о политической культуре российской провинции) // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (25–27 ноября 1997 г., Тобольск). Тобольск, 1997. С. 129–131; Редькина О. Ю. Старообрядцы Нижней Волги в 1917 г. // Русская Православная Церковь и межконфессиональные отношения в Нижнем Поволжье. Волгоград, 2003. С. 38–47; Ее же. Христианские политические партии на Нижней Волге в 1917 г. // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 4: История. 2012. № 1 (21) С. 38–43; Керов В. В. От выражения «молитвенного восторга» до осуждения «гноусного злодейства»: старообрядчество в 1917 г. // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения материалы междунар. науч. конф., Москва, 9–11 октября 2017 г. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 426–432; Его же. Старообрядчество в 1917 г. // Российская история. 2018. № 1. С. 143–160.

¹¹⁸ Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М.: Древлехранилище, 2013; Теленков А. В. Представления о власти в контексте национального самосознания уральских старообрядцев в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. № 4 (2018). С. 93–100.

семейная структура, брачность, рождаемость, смертность¹¹⁹. Отдельные характеристики старообрядческой семьи как своеобразной части локального социума рассматривались В. Ю. Крупянской и Н. С. Полищук, использовавшим этнографические описания и ревизские сказки (людность и структура семьи, особенности семейного строя)¹²⁰, Ю. А. Гончаровым, на основе агрегированных данных ревизий и метрических книг сибирских городов отметившим более длительное сохранение патриархального уклада в семьях старообрядцев на фоне постепенного сглаживания отличий семейной структуры у купечества разных вероисповеданий вследствие сближения образа жизни во второй половине XIX – начала XX вв.¹²¹

Своеобразие брачного возраста, размера семьи, сословных соотношения в семейных союзах православных прихожан Екатеринбурга и заводского населения показана в работе И. В. Злобиной и Р. Г. Пихои на основе различных видов документов церковного учета (ведомости, метрические книги), судебно-следственных дел, делопроизводственной документации конца XVIII – первой половины XIX вв.¹²². Анализ 934 браков дал авторам основания говорить о высокой доле межсословных бракосочетаний в условиях города в 1860-х – 1820-х гг., которая указывает на значительно большую «открытость» городских семей и

¹¹⁹ Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР: сб. ст. / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977; Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 95–100; Авдеев А., Блюм А., Троицкая И. Наречение имени в России // Историческая демография: сборник статей / под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. Т. 14. Демографические исследования. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 210–238; Васина Т. А. Демографические процессы в среде православного населения Камбарского завода второй половины XIX в. // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2014. № 3. С. 46–52; *Ее же*. Типология семьи крестьян Омутнинского завода в конце XIX в. (по материалам духовной росписи 1879 г.) // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. М.: Энциклопедия российских деревень, 2012. С. 99–103.

¹²⁰ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX вв.). М.: Наука, 1971.

¹²¹ Гончаров Ю. Н. Национально-конфессиональные особенности купеческой семьи Сибири (к вопросу о специфике семьи старообрядцев) // Старообрядчество: история и культура. Барнаул, 1999. С. 43–57; *Его же*. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. С. 289–290; *Его же*. Семейный быт горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Барнаул, 2004.

¹²² Злобина И. В., Пихоя Р. Г. Семья на Урале в XVIII – первой половине XIX вв. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 131–144.

имевшиеся возможности для социальной мобильности в период, предшествующий исследуемому.

Трансформация семьи и демографического поведения у разных сословно-социальных групп российского города и роли религиозных норм на формирование семейно-брачной системы ценностей в начале XX в. изучена Н. А. Араловец, которая отметила устойчивое уменьшение замкнутости брачного выбора и иерархичности в семейных отношениях, автономизацию семьи в рамках общества, в том числе у старообрядцев¹²³.

Вклад в уточнение представлений о старообрядческой семье внесли антропологически ориентированные исследования, в которых широко используются материалы интервью и визуальные источники. Е. Ф. Фурсовой, А. П. Веселовой, С. М. Климовой, Л. В. Хирьяновой, Н. В. Куприяновой, Ю. В. Аргудяевой, А. А. Виноградовым на примере различных региональных старообрядческих групп найдены подтверждения того, что на уровне семьи у старообрядцев эффективно действуют механизмы сохранения идентичности и адаптации, аналогичные тем, что выявлены этнографами на уровне общины¹²⁴,

¹²³ Араловец Н. А. Городская семья в России 1897–1926 гг. Историко-демографический аспект. М., 2003; *Ее же*. Российское городское население в 1897–1926 гг.: брак и семья. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; *Ее же*. Семейные ценности городских жителей России в XX в. // Труды Института Российской истории РАН. М., 2010. С. 311–331; *Ее же*. Городская семья в европейской части России на рубеже XIX–XX вв.: размер и величина // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием, Сургут, 14 ноября 2014 г. Курган, 2015. С. 305–315.

¹²⁴ Фурсова Е. Ф., Голомянов А. И., Фурсова М. В. Род и семья у старообрядцев-поморцев Новосибирской области: конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 2002; Веселова А. П. Семья в старообрядческой культуре: опыт исторического исследования. Автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 2007; Климова С. М., Хирьянова Л. В. Традиционные основы семьи как главный фактор формирования идентичности старообрядчества в эпоху модернизации // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 14 (54). С. 28–35; Куприянова И. В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. 2013. № 4[41]. С. 326–330; Аргудяева Ю. В. Семья и семейный быт у русских крестьян на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток: ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2001; *Ее же*. Семья и семейный быт русских старообрядцев в Америке // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2012. № 1. С. 114–125; *Ее же*. Семья и семейный быт русских старообрядцев в Маньчжурии // Религиоведение. 2015. № 4. С. 30–42; *Ее же*. Заключение брака у русских старообрядцев на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – первая треть XX в.) // Россия и АТР. 2016. № 3 (93). С. 173–184; Васина Т. А. Старообрядцы Омутнинского завода Вятской губернии в дореформенный период (конец XVIII – первая половина XIX века) // Вестник Оренбургского

однако они фиксируются прежде всего у жителей территорий, которые в незначительной степени затронуты урбанизацией. В исследовании старообрядческой семьи самарского Поволжья А. А. Виноградовым были привлечены переписные листы 1897 г. и судебно-следственные материалы середины XIX в. на основе которых были построены схемы наиболее многочисленных крестьянских старообрядческих семей сделаны выводы об их структуре и размере: они были более сложными и большими по сравнению с православными. Не выделяя городской социум¹²⁵, автор экстраполирует, на наш взгляд не вполне обоснованно, полученные им общие средние значения величины семьи в деревне на всех старообрядцев указанного региона: в конце 1890-х гг. 9,5–10 чел. (в то время как у православных 8,5–9 чел.)¹²⁶.

Одним из последних исследований демографического поведения старообрядцев в XVIII – первой половине XIX в. на материалах учета населения в трех частновладельческих селах Владимирской губернии является монография Дж. Бушнелла, в которой с помощью приемов микроанализа представлена история распространения учения и практики отрицания брака в согласии спасовцев, которое может быть связано не только с подверженностью влиянию духовных учителей староверов, но и с социально-экономическими факторами¹²⁷. Важно отметить, что исследователь очень тщательно оговаривает возможности и ограничения источников, которые он обнаружил в российских архивах и использовал в работе, а также взвешенный подход к гипотезам. Хотя городское старообрядчество автор не затрагивает, важен пример подхода, который детально

государственного педагогического университета. 2017. № 3 (23). С. 90–97; Виноградов А. А. Старообрядцы Симбирско-Ульяновского Поволжья середины XIX – первой трети XX века : монография / А. А. Виноградов. Ульяновск : УВАУ ГА(И), 2009. 186 с.

¹²⁵ Хотя это можно было бы рассмотреть на примере крупной общины в г. Сызрань Симбирской губернии, где только по скромным подсчетам переписчиков в 1897 г. из 32 тыс. жителей было 1,3 тыс. человек были староверами (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Симбирская губерния. – [Санкт-Петербург]: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – С. 3.

¹²⁶ Виноградов А. А. Старообрядцы Симбирско-Ульяновского Поволжья С. 65.

¹²⁷ Bushnell J. Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the 18th–19th Centuries / John Bushnell. – Bloomington: Indiana University Press, 2017.

связывает старообрядческое учение о браке с его экономическими и демографическими последствиями.

О старообрядческой городской семье Урала и Приуралья как о специфическом для города явлении в XIX в. говорят исследования в рамках истории повседневности и частной истории: на примерах отдельных семей прослеживается длительное сохранением неразделенности и совместного проживания уже женатых детей с родителями, большая роль семейственности в торгово-промышленных делах¹²⁸. Исследования В. П. Микитюка, посвященные истории екатеринбургских купеческих семейств выявили ведущую роль старообрядцев в деловой жизни города и судьбы их предпринимательских инициатив, которые поддерживались родственными связями¹²⁹. Кроме того, им на основе местных архивных материалов делопроизводственного и частного характера прослежены коллизии изменения в купеческой среде отношения к новым приемам в ведении деловых начинаний и к светскому образованию¹³⁰. Изучению раннего этапа истории старообрядческих общин Екатеринбурга и Шарташа посвящены несколько работ Н. С. Корепанова, в которых широко использована документация судебно-следственного характера,

¹²⁸ Миненко Н. А., Анкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М.: Наука. 2006. С. 265–310. Голикова С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков. Демографические процессы и традиции. Екатеринбург, 2001; Банникова Е. В. Купечество Южного Урала в первой половине XIX в. СПб.: Нестор, 2004; Годовова Е. В. Особенности заключения брака в казачьей среде (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Семейная жизнь. Счастливые и драматические истории на фоне городской повседневности: материалы научного семинара, посвященного исследованиям проблем истории повседневности. Оренбург: Университет, 2018. С. 23–33.

¹²⁹ Агеев В. В., Микитюк В. П. Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург: УрО РАН, 1998; Микитюк В. П. Род Злоказовых. Екатеринбург: Издательский Дом «Сократ», 2017; *Его же*. Исетский мукомольный район (вторая половина XIX – начало XX в.) // Урал в зеркале тысячелетий. Екатеринбург: БКИ, 2009. Кн. 2. С. 109–126; *Его же*. Страсть фабриканта // Былое. 1998. № 77.

¹³⁰ Микитюк В. П. Отношение уральских предпринимателей к образованию во второй половине XIX – начале XX в.: конфликт «отцов» и «детей» // Уральский исторический вестник. 2017. № 1. С. 50–58; *Его же*. Династия екатеринбургских купцов Белиньковых // Третьи Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ., Екатеринбург, 19–20 апр. 2000 г. Екатеринбург: Банк культур. информ., 2000. – С. 201–207; *Его же*. Адаптация населения Екатеринбурга к реформам императора Александра II // XVI Романовские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург-Алапаевск. 19–20 июля 2018 г. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2018. С. 91–98; *Его же*. Екатеринбургские купцы Грачевы // Одиннадцатые Татищевские чтения. Всерос. науч.-практич. конф. (Екатеринбург, 18 – 19 ноября 2015 г.): материалы / под ред. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2015. С. 166–170.

давшая основание для выводов о неоднородности сословно-социального состава местного староверия и значимой роли индивидуальных интересов и противоречий в жизни местного староверия уже в XVIII в.¹³¹

Проведенный анализ историографии по теме исследования дает основание для следующего вывода: несмотря на большое внимание к истории староверия, старообрядчество города не было выделялось как предмет исследования, хотя во многих работах присутствуют примеры того, что развитие городских общин имело свою выраженную специфику – их развитию присущ больший динамизм, по сравнению с крестьянскими общинами они более «открыты» взаимодействию. Полученные к настоящему времени результаты изучения истории старообрядческих обществ, институтов, механизмов поддержания идентичности, роли светских и духовных лидеров в совокупности с современным состоянием знаний о социальных, политических, социокультурных, демографических процессах в российском обществе в позднеимперский период¹³² дают основания для более детального изучения и сравнительного анализа данного явления, уделяя внимание старообрядческому социуму не только как ограниченному в правах объединению религиозных диссидентов, но и как одному из составных элементов постоянно взаимодействующей и развивающейся городской культуры.

¹³¹ *Корепанов Н. С.* Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005; *Его же.* Первая старообрядческая часовня Екатеринбурга // Вестник музея «Невьянская икона». Вып. II. Екатеринбург, 2006. С. 100–106; *Его же.* Шарташ XVIII в. – традиция или новация? // Вестник музея «Невьянская икона». Вып. III. Екатеринбург, 2010. С. 262–290.

¹³² Население России в XX веке: исторические очерки. В 3-х т. / Под ред. Ю. А. Полякова. Т. 1: 1900–1939 гг. Отв. ред. В. Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2000; *Поляков Ю. А.* Человек в повседневности. (исторические аспекты) // Труды Института российской истории РАН. 2002. № 3. С. 290–322; Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР: сб. ст. / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977; *Миронов Б. Н.* Социальная история Российской империи. В 2 т. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 1999; Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тез. докл. науч. конф. Москва, 27–28 февраля 2002 г. М.: Центр демографии и экологии человека ИПН РАН. Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002; *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.

1.2. Источниковая база исследования

Раскрытие общих социальных характеристик и взаимосвязей с сохранением учета частных, индивидуальных факторов возможно при обращении к источникам массового характера, вводимыми в научный оборот в формате не агрегированных, а номинативных данных.

Источниковую базу исследования составляют письменные источники: документальные и нарративные.

К документальным источникам, привлеченных к исследованию относятся акты, изданные органами государственной власти Российской империи, нормативно-правовые документы, в том числе постановления старообрядческих соборов, регулирующие внутреннюю жизнь общин¹³³, делопроизводственные, статистические материалы и массовые источники (ревизии, метрики, посемейные списки). Нарративные включают в себя старообрядческие полемические сочинения, исторические описания, послания, мемуары и дневники, публицистика, материалы периодической печати. Классификация письменных источников по видам и разновидностям произведена по принципу наличия устойчивых общих признаков формы и содержания, возникших и закрепившихся в силу общности их социальных функций¹³⁴.

Актовые источники. В числе актовых источников к исследованию привлечены Законодательные акты (по Своду законов Российской империи), регламентировавшие деятельность старообрядческих обществ. Они являются важным источником для характеристики отношения правительства к старообрядческим обществам. В 1850 – начале 1870-х гг. значительная часть Высочайших распоряжений относительно старообрядцев составляла секретную

¹³³ Покровский Н. Н. Соборные постановления XVIII–XX вв. // Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: проблемы вероучения и общественного сознания. М., 2002. С. 61–62.

¹³⁴ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 188–268.

часть законодательства и являлась ответом на запросы различных ведомств по частным вопросам, решения которых распространялись на всю страну или часть губерний¹³⁵. Многие акты содержали определения влияющие на положение старообрядцев сословий, составлявших основу городских старообрядческих общин: запись в купечество, признание состава семьи, избрание на общественные должности, отмена отдачи в рекруты¹³⁶, поэтому учтены в исследовании. Секретный характер старообрядческой законодательной части «о раскольниках», при их фактическом бесправии, способствовал злоупотреблениям представителей коронной администрации и самоуправству на местах и ситуация изменилась лишь после издания Правил записи браков раскольников 19 апреля 1874 г.¹³⁷, который ввел в правовое поле семейное и гражданское состояние староверов.

Важным актом для легализации старообрядческих обществ был Закон о старообрядческих молитвенных домах и духовных лицах 3 мая 1883 г.¹³⁸, разрешивший согласованное с властями общественное богослужение в частных строениях и деятельность наставников и священников при соблюдении условий

¹³⁵ Перечислим лишь некоторые: О порядке внесения в ревизские сказки жен и детей раскольников, 10 июня 1850 г.; О доставлении приходским священникам сведений об умирающих и рождающихся раскольниках, 30 декабря 1855 г.; О порядке записывания раскольников в 10-ю народную ревизию, 14 сентября 1857 г.; Об учении малолетних детей раскольников, 20 января 1858 г.; О допросе раскольников, 2 января 1862 г.; О выборе в общественные должности раскольников из государственных крестьян, 29 ноября 1863 г.; Касательно предположения Оренбургского генерал-губернатора об учреждении в Челябинском уезде Оренбургской губернии четырех сельских школ для детей раскольников, 27 ноября 1872 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874 гг.]. Санкт-Петербург: Тип. М-ва внутренних дел, 1875. С. 428–666.

¹³⁶ О непривлечении купцов на временном праве к отправлению воинской повинности, 15 октября 1855 г.; О пожертвованиях раскольников, 15 мая 1856 г.; Относительно требований от предъявителей купеческих капиталов удостоверений о принадлежности к Св. Церкви, 9 июля 1856 г.; По просьбам раскольников о выдаче удостоверения о вероисповедания для исходатайствования звания почетного гражданства, 9 июля 1856 г.; О порядке записывания раскольников в 10-ю народную ревизию, 14 сентября 1857 г.; О допусчении раскольников в общественные учебные заведения, 4 августа 1861 г.; О праве раскольников записываться в купечество, 13 ноября 1863 г.; Относительно выдачи купеческих свидетельств раскольникам, 5 февраля 1864 г.; О допусчении до участия в городских выборах и избрания в общественные должности раскольников, 16 июня 1870 г.; По предмету избрания раскольников в общественные должности 9 марта 1873 г. С. 504–668.

¹³⁷ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Том XLIX. Отделение 1. № 53391. Правила записи браков раскольников 19 апреля 1874 г.

¹³⁸ Там же. Собр. 3-е. Т. III. № 1545. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» 3 мая 1883 г.

«неоказательства» внешних проявлений религиозной жизни. Хотя в положениях этого закона были существенные ограничения, само признание законности обычного богослужения по старым обрядам было большим шагом в интеграции религиозных диссидентов в общество.

К исследованию привлечены также наиболее значимые для старообрядчества законодательные установления начал веротерпимости в начале XX в. Ограничения были сняты в 1905–1906 гг. Указом «об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г., Манифестом «о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы и об установлении нового законодательного порядка» 17 октября 1905 г., Указом «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» 17 октября 1906 г.¹³⁹ Перечисленные акты обеспечили активную деятельность старообрядцев в последнее предреволюционное десятилетие: при участии городских обществ (что справедливо и для Екатеринбурга) строились храмы, проводились съезды, организовывались братства, создавались собственные школы, велись дискуссии между согласиями.

Нормативно-правовые акты. Данный вид источника включает постановления старообрядческих соборов, содержащие информацию об участниках, процессе обсуждения вопросов, послуживших причиной собрания (организационные, догматические, обрядовые, бытовые) и тексты принятых решений. Для старообрядцев постановления их соборов по значимости стояли в одном ряду с постановлениями древних соборов, которые следовало обязательно исполнять, хотя, по замечанию Н. Н. Покровского, в децентрализованных согласиях беспоповцев, например, у часовенных, далеко не всегда была возможность обеспечить соблюдение решений местных соборов за пределами круга лиц, принимавших их, что нередко порождало «разделы». Источники, относящиеся к другим видам и разновидностям, например, таким как заметки о соборах в

¹³⁹ Там же. Т. XXV. № 26125–26126. Высочайше утвержденные положения комитета министров об укреплении начал веротерпимости 17 апреля 1905 г.; Т. XXIV. № 28424. Указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» 17 октября 1906 г.; № 28425. Об учреждении книг гражданского состояния старообрядцев и отделившихся от Православия сектантов 17 октября 1906 г.

периодической печати, исторические сочинения, деловая переписка¹⁴⁰ могут включать фрагменты текста принятого на съезде решения и сопутствующих ему обстоятельствах. Мы учитывали материалы трех Екатеринбургских соборов 1873, 1884 и 1887 г., рассматривавших вопросы о священстве¹⁴¹, и нескольких соборов в сопредельной горнозаводской территории (Веселогорский 1872 г.¹⁴², Невьянский ок. 1873 г.¹⁴³ Пермский 1888 г.¹⁴⁴), поскольку их проблематика была инициирована екатеринбургским обществом и оно принимало в собраниях участие. Сведения о соборах вне Екатеринбурга необходимы для понимания контекста в котором городское общество вырабатывало и предлагало те или иные решения¹⁴⁵.

С нормативно-правовым источниками соотносится такая разновидность документов как постановления съездов и собраний старообрядческих обществ, которые отличались от соборов присутствием широкого круга лиц как из мирян, так и из духовенства или наставников¹⁴⁶. Работа съездов чаще всего была связана с обсуждением актуальных и злободневных тем, например, в 1905 и 1917 гг. разбирали политические и экономические вопросы: о власти, о выборах, о земле, о войне (причем, несовпадение мнений, как правило, не становилось причиной

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 16. Л. 57–59 об., 63–63 об.

¹⁴¹ ОР БРАН. Собрание рукописей 43 (Тагильского скита). № 27. Л. 11; «Описание деяний и постановления Екатеринбургского собора» 1 мая 1884 г. // Духовная литература староверов востока России... С. 339–350; «Постановления Екатеринбургского собора» 11 января 1887 г. // Там же. С. 351–354, 464–480.

¹⁴² ОР БРАН. Собрание рукописей 43 (Тагильского скита). № 27. Л. 10–10 об.

¹⁴³ Там же. Л. 12–15 об.

¹⁴⁴ Пермское соборное уложение 21 июня 1888 г. // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 3. Новосибирск: СО РАН, 2011. С. 130–131.

¹⁴⁵ Безпоповский «собор» (в январе 1903 г. в д. Галашки Пермской губ.) // Старообрядец. 1906. № 8. С. 938; По поводу собрания старообрядцев в г. Екатеринбурге // ЕЕВ. 1908. Неофиц. отд. № 39. С. 685–687; Собор старообрядцев часовенного согласия // Церковь. 1909. № 11. С. 387; Освященный собор // Слово Церкви. 1917. № 25. С. 458–459.

¹⁴⁶ Труды I Всероссийского съезда старообрядцев не имеющих священства (часовенных) в г. Екатеринбурге с 25–30 октября 1911 г. (1911 г.). Екатеринбург, 1912; Епархиальные съезды: 5й благочинный округ Пермской епархии // Слово Церкви. 1917. № 25. С. 467–468; Решения и постановления всероссийского съезда старообрядцев // Слово Церкви. 1917. № 27. С. 494; Собрания старообрядцев // Зауральский край. 1917. 15 июля; Старообрядческий съезд // Зауральский край // 1917. 24 июня; 28 июня; 10 октября; 13 октября; Съезд старообрядцев всех согласий // Сибирский старообрядец. 1919. № 4. С. 15; Считается, что главными участниками соборов являлись духовные лица, в то время как на съездах они собирались вместе с мирянами, которые тоже имели право голоса; однако в реальности влияние мирского руководства общины было заметным и на соборах, и на съездах.

раздоров). Среднее положение между собором и съездом занимает Первый всероссийский съезд часовенных в Екатеринбурге в 1911 г., поскольку на нем разбирались довольно широкий круг проблем, в том числе и те, что обычно подлежали компетенции соборов: от унификации обрядов до учреждения школ и регистрации общин. В работе использовалась документация как всероссийских, так и местных соборов и съездов, а при отсутствии таковой привлекаются пересказы участников или присутствовавших на собрании. Обе разновидности источников позволяют представить эволюцию вопросов, наиболее актуальных для городских староверов и связанных с ними обществ в рассматриваемых период.

Делопроизводственная документация включает в себя материалы центральных и местных учреждений: департаментов и подразделений МВД, Синода, канцелярии губернаторов, губернских правлений, судов, духовных консисторий и правлений, епархиальных миссионеров. В работе использованы фонды Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Пермской области, Государственного архива Свердловской области, Государственного архива административных органов Свердловской области. В состав делопроизводственной документации входят: ведомственные распоряжения, уточняющая права староверов, деловая переписка по прошениям старообрядцев, судебно-следственные материалы о нарушении старообрядческими деятелями прав господствующей церкви, отчеты государственных чиновников о наблюдениях за староверами и миссионеров о своей работе. По ним можно судить сколь широкое распространение получила введенная правительством после 1905 г. практика осуществления прав и свобод, предоставленных Манифестом о веротерпимости и Положением о старообрядческих общинах. Кроме того, были выявлены материалы полицейского наблюдения за деятелями старообрядчества: в фонде особого отдела Департамента полиции МВД, хранящегося в ГАРФ, содержатся сводки о действиях белокрыницкого священства и их активных сторонников¹⁴⁷, в том числе, о екатеринбургском мукомоле Г. Н. Грачеве, поддерживавшем отношения с

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 12ч3а. Л. 93, 97–98, 105, 114, 140, 150; Д. 12ч3лБ. Л. 14–14 об.

московскими «австрийцами», устраивавшим «ознакомительные» поездки в Константинополь для встреч с греческими иерархами и бывшем в 1901–1902 г. числе инициаторов подачи прошения императору из-за притеснений староверов.

Статистические источники. Вторая половина XIX в. является временем становления институций, связанных со сбором, обработкой и публикаций статистических данных. В результате целенаправленной работы деятелей городского самоуправления появляются полученные методом опроса сведения о количестве представителей различных вероисповеданий в пределах города. В Екатеринбурге это, прежде всего, итоги двух однодневных подворных переписей – 1873 и 1887 гг.¹⁴⁸, а также Всеобщей переписи 1897 г.¹⁴⁹, которые можно сравнить с предшествующей регулярной статистикой церковного и полицейского ведомств и материалами описания Пермской губернии 1860 г., подготовленного офицерами Генерального штаба под руководством Х. Мозеля на основе данных представленных гражданским и духовным ведомствами. Годом позднее эти же цифры были опубликованы в первой Памятной книжке Пермской губернии (см. Приложения 2.2 и 2.3).

Сведения для статистиков в последней четверти XIX в. собирались преимущественно через местных священников и полицию, поскольку именно последняя занималась учетом рождений и смертей «записных» старообрядцев. Данные полицейских исправников были «привязаны» к последней ревизии 1858 г. (в которой часть староверов предпочла не обозначать свою религиозную аффилиацию)¹⁵⁰ и дальнейшие цифры получались путем прибавления к известной

¹⁴⁸ Результаты однодневной переписи г. Екатеринбурга, произведенной 26 марта 1873 г. // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / Сост. И. И. Симанов. Екатеринбург: Типография «Екатеринбургской Недели», 1889. С. 59–69; Однодневная перепись г. Екатеринбурга 26 марта 1883 г. и ее результаты // Там же. С. 71–101.

¹⁴⁹ Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. В 2 ч. СПб.: тип. Ф. Петерсона, 1864.

¹⁵⁰ Например, попечители екатеринбургских часовень И. Л. и С. Л. Тарасовы с семьями, в 10-й ревизии не числятся ни старообрядцами, ни единоверцами, ни православными.

ранее численности староверов числа родившихся, о которых у полиции были сведения, и вычитанием количества умерших¹⁵¹.

Рядовые представители обоих ведомств по ряду причин, не раз обозначенных уже в XIX в.¹⁵², имели ограниченную заинтересованность в сборе и предоставлении в вышестоящие инстанции данных о численности староверов, их скитов и моленных зданий (например, даже старейшая екатеринбургская старообрядческая Никольская часовня не отмечена в данных за 1861 г.).

Поэтому ценность собранных Пермским статкомитетом материалов 1861 г. о екатеринбургских старообрядцах – не столько в высокой точности, сколько в образце комплексности (Приложение 2.2). Это была первая попытка дать статистическое описание явления, представив его численность и институциональные элементы на трех территориальных уровнях (город, территория его уезда, вся губерния – что позволяет сравнить данные, собранные одним методом), с учетом естественного движения населения в отдельных конфессиональных группах (данные об остальных вероисповеданиях в этой «Памятной книжке» также присутствуют). В нескольких следующих номерах этого издания статистика по старообрядцам и другим религиозным группам не приводилась. Возобновившаяся с 1888 г. публикация данных о численности приверженцев различных исповеданий за 1887–1890 гг. включала в себя лишь общие цифры по всем городам и уездам в целом (без выделения конкретных городов и уездов) и по всей губернии. Лишь через 30 лет после выхода наиболее содержательного издания 1863 г., в 1893 г. появляются публикации с собранными «по особой программе» губернским статистическим комитетом опять же через полицейских, подробными данными о численности старообрядцев по каждому городу Пермской губернии за 1892 г., предваренные обширным очерком «О состоянии раскола в Пермской губернии»¹⁵³. В следующем году информация по

¹⁵¹ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2524 (1859 г.), 2530 (1860 г.).

¹⁵² Вруцевич М. С. Раскол в Пермской губернии // Отечественные записки 1883. Т. 268. № 6. С. 155–188; Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX в. М., 1904. С. 8–12; *Его же*. 2 миллиона или 20 миллионов. СПб., 1902; Отчет о состоянии миссии в Пермской епархии в 1899 г. // ГАПО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 об.

¹⁵³ Число раскольников в Пермской губернии в 1892 г. (по сведениям полицейских

всем городам также была собрана и опубликована¹⁵⁴. Насколько полученные сводные данные Пермского статистического комитета точны, можно предположить, наблюдая колебания численности старообрядцев на графике, построенном на их основе, в сравнении с материалами городских переписей (Приложение 2.3).

Главный вопрос, который возникает при сравнительном анализе этих данных, касается женского старообрядческого населения Екатеринбурга. По информации губернского статистического комитета за 1892 г., оно оказывается значительно меньше, чем зафиксировала однодневная подворная перепись 1887 г.: её переписчики нашли в екатеринбургских домах почти в 2 раза больше женщин-старообрядок, чем их было сочтено полицией 5 лет спустя. При этом не отмечалось никаких событий, способных вызвать резкий отток женского старообрядческого населения из Екатеринбурга или каким-либо еще образом на 40% сократить их количество здесь, а на следующий год, 1893 г., привлечь обратно. Примечательно, что о количестве мужчин-старообрядцев, чья торговая, производственная и пр. деятельность за пределами дома была более активной, заметной и поддающейся внешнему контролю (в том числе при учете отбытия воинской повинности), информация городской переписи и полиции почти совпадала.

Рассмотрение данных из переписей на фоне сведений, полученных с помощью других приемов учета населения в целом и старообрядческого в частности, позволяет говорить о них как о источнике, обладающем более высокой точностью, чем сводные данные губернского статистического комитета. Все расчеты в представленной работе проводились на основе данных переписей.

Материалы учета населения. Ревизские сказки¹⁵⁵ последней 10-й ревизии использовались в исследовании для сравнительного анализа типов семей разных

властей) // Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1894 г. Издание Пермского губернского статистического комитета / Под ред. члена-секретаря комитета Д. Смышляева. Пермь, 1893. С. 44–45.

¹⁵⁴ [Раздел] III. Статистический ежегодник на 1893 г.: Число жителей в Пермской губернии по вероисповеданиям в 1893 г. // Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1895 г. Издание Пермского губернского стат. Комитета / Под ред. секретаря комитета Р. Попова. Пермь, 1894. С. 4–5.

¹⁵⁵ Ревизские сказки несколько десятилетий активно используются в историко-

социальных и религиозных групп ревизские сказки, поскольку фиксировали податные единицы – семьи, часть которых сопровождается комментарием о вероисповедании. По причинам, уже выявленным исследователями ранее, ревизские материалы могли на 3,2% недоучитывать наличное население¹⁵⁶, а также преувеличивать количество и соответственно долю сложных семейных групп¹⁵⁷, считая отделившимися только те семьи, раздел которых был закреплён решением обществ. Последнее обстоятельство особенно важно, когда речь идет о структуре семьи, однако, поскольку ограничение касалось всех вне зависимости от конфессиональной принадлежности, мы можем опираться на данные ревизии при расчете относительных величин, свидетельствующих о распространенности того или много типа семейной структуры, и затем сравнивать долю одного и того же типа у разных сословных и религиозных групп. На основе документов 10-й ревизии (1857–1858 гг.) был проведен сравнительный анализ структуры и размера семей старообрядческого-единоверческой группы и всего остального населения в зависимости от сословной принадлежности.

Метрическая система учета событий жизненного цикла у православного населения в Российской империи была введена в эпоху петровских преобразований¹⁵⁸. В 1820–1830-е гг. появились законы о ведении метрических книг в общинах католиков, магометан, лютеран, евреев¹⁵⁹. Старообрядцы получили возможность

демографических исследованиях: *Ульянова Г. Н., Троицкая И. А.* Ревизские сказки как источник в историографии 1970-х – 2010-х годов // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2016. №4 (71). С. 118–135.

¹⁵⁶ *Кабузан В. М.* О достоверности учета населения России (1858–1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории. М., 1982. С. 100–117; *Миронов Б. Н.* Новая историческая демография имперской России (Ч. 1): аналитический обзор современной литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 4. С. 64–65.

¹⁵⁷ *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. С. 42, 89–90.

¹⁵⁸ *Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги России XVIII – начала XX вв. М., 2006. С. 32–38.

¹⁵⁹ *Недзелюк Т. Г.* Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2011. № 3 (15). С. 129; *Лиценбергер О. А.* Применение норм семейного права Римско-католической церкви в Российской Империи // Религия и право. 2003. № 1. С. 34–37.

вести собственные метрики только после издания Указа о порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин 17 октября 1906 г.¹⁶⁰

Сразу после обнародования Указа о старообрядческих общинах 1906 г. обнаружилось, что отношение к возможности метрикации в самой старообрядческой среде было неоднозначным. Многие старообрядческие общества опасались доставлять сведения о себе и не подавали прошений о регистрации общин после 1906 г., найдя для своих действий религиозное обоснование¹⁶¹. Вновь открывшейся возможностью стремились воспользоваться прежде всего те общества, которые рассматривали взаимодействие с властями как допустимое, не опасались предоставления сведений о себе и воспринимали легальный статус общины как ценность. Поэтому приходских комплексов старообрядческих метрических книг изначально заполнялось меньше чем было реально действовавших общин.

Поскольку это один из редко привлекаемых для исследований истории старообрядчества источник (значительно чаще он используется для генеалогических изысканий), мы вынуждены сделать краткий экскурс в историю ведения метрик старообрядческого населения.

Частью старообрядцев ведение самостоятельного учета практиковалось и в предшествующее время – известно, что метрики велись беглопоповцами с 1822 г.¹⁶²

¹⁶⁰ ПСЗ РИ. Собр. 3-е (1881–1913). Т. XXVI. № 28425, 28426 (1906 г.).

¹⁶¹ В основе этих рассуждений была та же логика, что «сработала» 100 годами ранее в отношении т. н. секретных правил 1822 г., которыми Александр I позволил старообрядцам иметь беглых священников, предписав последним вести метрические книги. Однако, жители посада Лужки в Стародубье «смутились» этой царской милостью, ибо в их понимании истинное священство в последние времена должно быть гонимо, а не признаваемо и в этом контексте дело лишь усугубила необходимость вести метрики. Они отделились от более лояльных собратьев по вере, получив название «лужковцы», см.: *Агеева Е. А.* Беглопоповцы в XIX – начале XX вв. // *Православная энциклопедия*. Т. 4 (Афанасий – Бессмертие). М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 422–424; Подробнее об отношении к Указу о старообрядческих общинах 1906 г. на Урале см.: *Клюкина Ю. В.* Источники о свободе вероисповедания старообрядцев Урала в начале XX века (1905–1917 гг.) // *Проблемы истории России*. Сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург, 2001. С. 51–58; *Белобородов С. А., Боровик Ю. В.* Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2017. С. 309–326.

¹⁶² Беглым священникам предписывалось вести метрики на основании секретных правил «Об оставлении у раскольников беглых священников, если ни до побега своего не учинили уголовного преступления...» 26 марта 1822 г. // *Собрание постановлений по части раскола*. Т. 1. Вып. 1: Постановления Министерства внутренних дел. Лондон, 1863. С. 52–53.

Основой таких ранних формуляров, скорее всего, были образцы православной церкви. Записи вносились беглыми священниками вплоть до запрета 1837 г.¹⁶³, хотя немногие из подобных документов сохранились до настоящего времени комплексно. Например, обнаруженные недавно записи о крещениях старообрядцев-беглопоповцев на территории Уральского казачьего войска в начале 1830-х гг. охватывают только семь лет (1832–1837, 1841 гг.)¹⁶⁴.

В дневнике чиновника С. Д. Нечаева, объехавшего старообрядческие центры горнозаводского Урала и Зауралья в октябре 1826 – январе 1827 гг., встречаются свидетельства о ведении беглопоповцами горнозаводской зоны собственных метрик отдельно от православных в первой половине XIX в.¹⁶⁵ То что они заполнялись, по крайней мере в екатеринбургских старообрядческих часовнях, подтверждается и выписками из этих книг¹⁶⁶. Известно, что метрические записи подавались старшинами через Горного начальника Екатеринбургских заводов в Пермское губернское правление и хранились в его архиве, однако сами метрические книги горнозаводских обществ пока не обнаружены. События рубежа 1830–1840-х гг. – периода очередного наступления на старообрядчество, показывают, что знакомство и понимание важности этой практики в то время у заводских староверов было. В январе 1839 г. управляющий Нижнетагильскими заводами Дмитрий Белов сообщал пермскому архиепископу Аркадию, о том, что в Черноисточинском заводе местный часовенный¹⁶⁷ Василий Санников совершает брачные обряды и, в подтверждение законности своих действий, записывает их в специальную книгу на гербовой бумаге и выдает на её основе брачные свидетельства. Порядок этот совершенно устраивал

¹⁶³ Собрание постановлений по части раскола. Т. 1. Вып. 1. С. 180, 259–260, 340.

¹⁶⁴ Назаров А. И. Именник старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 81–99.

¹⁶⁵ Исследования о пермском расколе в начале царствования императора Николая (из арх. С. Д. Нечаева) // Братское слово. 1893. Т. 1. № 7. С. 550.

¹⁶⁶ Например, образец выписки из «метрической ведомости», поданной Фомой Казанцевым в 1826 г. о крещении екатеринбургского старообрядца Федора Сырейщикова беглым священником Василием Лакомкиным 27 декабря 1826 г., см.: Ревизские сказки купцов Екатеринбурга 1857–1858 гг. // Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 85.

¹⁶⁷ Термин «часовенные раскольники» использован архиепископом Аркадием (Федоровым) в письме от 14 января 1839 г., см. Материалы слушаний о сводных браках в Пермском секретном совещательном комитете по делам раскола, 1839 г. (РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23064. Л. 7).

местных старообрядцев и «таким же образом венчаться или сводиться в доме Санникова согласились семь заводов округа Нижне-Тагильского»¹⁶⁸. Упомянутая тетрадь стала одним из оснований для инициированного архиепископом разбирательства о незаконных браках, после которого на протяжении нескольких десятилетий не встречается свидетельств о практике ведения подобных документов на Урале, в то время как она продолжалась в Москве у беглопоповцев, принявших «австрийское» священство¹⁶⁹.

Вероятно, за пределами Рогожского центра ведение регулярных собственных метрик старообрядцев было редкостью и для узаконения своего состояния они приходили, как правило, в православную или единоверческую церкви, заявляя о присоединении (чаще всего оказывавшемся фиктивным) для совершения брака¹⁷⁰. В Поволжье для привлечения староверов саратовский преосвященный в 1833 г. разрешил некоторым священникам совершать у них таинства, «в надежде... смягчить сердца закоренелых в расколе и постепенно удалить их от призывания для исправления треб беглых раскольнических попов»¹⁷¹. Тогда же Синод позволил православным иереям сначала Вятской, а потом и остальных епархий без всяких ограничений крестить детей староверов. Однако венчать можно было только после предварительного присоединения¹⁷², вследствие чего приходы пополнялись в 1840–1850-е гг. «обратившимися из раскола», по большей части формально и поэтому равнодушно относившимися к делам официальной православной церкви. Впоследствии в некоторых местностях это могло весьма своеобразно сочетаться с интересами местного священника: «Все старообрядцы, значившиеся православными по метрическим книгам, составляли для него доходную статью и платили за

¹⁶⁸ Там же. Л. 9.

¹⁶⁹ Метрики Рогожского кладбища, велись в середине – второй половине XIX в., хоть и с перерывами: за 1840–1854 гг. и 1883–1910-х гг. есть записи о браках и рождениях, за 1840–1853 и 1859–1912 гг. – об умерших; хранятся в отделе рукописей РГБ, в них записаны многие старообрядцы Подмоскovie. См.: Мельникова О. В. Рогожские метрики // Гуслицы. Альманах. Вып. 9 (2009). Доступ на сайте Ильинской средней школы. URL: <http://ilschool-guslitsy.ru/a9-melnikova-oi-rogozhskie-metriki.html> (дата обращения 17.02.2019).

¹⁷⁰ Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных. С. 224.

¹⁷¹ Нильский П. Семейная жизнь в русском расколе. Вып. 1. СПб., 1869. С. 240.

¹⁷² Там же.

пастырские номинальные труды повышенное вознаграждение и двойную ругу» (речь идет о зауральской деревне Кулаковой Тюменского уезда 1840–1850-х гг.)¹⁷³.

Сами староверы, испытывавшие в царствование Николая I, особенно со второй половины 1830-х гг., крайнюю нужду в священстве, вынуждены были санкционировать участвовавшие контакты с официальной православной церковью. Так, Тюменский собор часовенного согласия в 1840 г. не сформулировал четко выраженного запрета на обращение за исполнением таинств в «еретические» церкви, а скорее признал широкое распространение такой практики по причине «гонения, или по другой вине»¹⁷⁴, за которую устанавливалась трехгодичная епитимья, такая же как ранее полагалась за обращение к священникам с «обливательным примесом»¹⁷⁵. Порядок принятия обратно в старообрядческую общину тех, кто совершал моление и таинства в церквях под контролем Синода, т. е. «волею отступил от православия веры в какую-либо ересь» подтверждался и более поздними соборами часовенных: на горнозаводском Урале, Екатеринбургскими 1884 и 1887 гг., в Зауралье – Рамыльским 1890 г.¹⁷⁶ При таком положении дел старообрядцы получали возможность, с одной стороны, сохранить принадлежность к своей вере, а с другой легализовать свое семейное положение. Однако, поскольку в записях они значились православными или единоверцами, выделить «старообрядческую» составляющую этого источника пока не представляется возможным, за исключением случаев, когда священник сам вводил в книгу особый раздел для учета семей староверов.

На Екатеринбургских заводах в 1844–1860 гг. горная полиция вела учет родившихся и умерших староверов, фиксируя больше последних. Все данные указывались как в полноценных метриках и подавались в горное правление регулярно; на протяжении более чем 15 лет в этом массиве почти нет лакун, однако полнота таких рапортов вызывает сомнения, как из-за почти двойного «перевеса» раздела об

¹⁷³ Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания: избранные произведения / сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень, 1997. С. 64.

¹⁷⁴ Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 1. Новосибирск, 1999. С. 336–338.

¹⁷⁵ Т. е. крещенных в форме обливания, а не погружения или поставленных в сан епископом-«обливанцем».

¹⁷⁶ Духовная литература староверов востока России. С. 348, 353, 356–358.

умерших, так и из-за полного отсутствия записей за отдельные месяцы¹⁷⁷. Для примера приведем данные о количестве событий, зафиксированных в этих документах в годы, когда градус преследований «раскольников» снижался (Таблица 1.1).

Табл. 1.1. Количество событий жизненного цикла у старообрядцев Екатеринбургских горных заводов (Шарташский и Сарапульский участки) во второй половине 1850-х гг.

годы	родившиеся	бракосочетавшиеся	умершие
1856	19	–	40
1857	19*	–	40
1858	18	–	39*
1859	30	–	34*
1860	33	–	48
за весь период	119	–	201

Источник: Рапорты исправников о родившихся и умерших раскольниках на Екатеринбургских заводах. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2482, 2499, 2509, 2516, 2524, 2530.

* Согласно источнику, событий в декабре не было.

Браки, заключенные между старообрядцами, властями не признавались и в документы не вносились (поэтому большинство детей в этих семьях считались рожденными вне брака).

В 1874 г. последовал высочайший Указ с правилами, предписывавшими по всей стране вносить метрические записи (в том числе брачные) старообрядцев в специальные книги в полицейских управлениях¹⁷⁸. Повсеместного и широкого распространения эта практика не получила, поскольку предусматривала самостоятельное обращение старообрядцев к полицейским чинам. Не все «ревнители древнего благочестия» спешили лишний раз идти в полицию, а та, в свою очередь, тоже без излишнего рвения принимала на себя дополнительные, не свойственные функции, выполняемые в отношении большинства населения духовенством. В Екатеринбурге в начале XX века такой порядок считался приемлемым. В 1911 г. наставник местной общины часовенного согласия П. С. Мокрушин на отказ бийских

¹⁷⁷ Лакуны в подобных документах характерны не только для этого времени и региона. Например, по одному из станов Московской губернии в 1899 г. были записи о 12 браках (вместо трех десятков) и не фиксировалось ни одного рождения и отпевания (хотя было известно, что за год каждое из этих событий происходило до 40 раз), см.: Мокрушина О. А. Родословные старообрядцев: особенности исследования на примере дворцовой Коломенской волости // Сайт «Союз возрождения родословных традиций»: Библиотека – статьи и публикации. URL: <http://svrt.ru/lib/article.shtml> (дата обращения 17.02.2019).

¹⁷⁸ ПСЗ. Собр. 2-е (1825–1881). Т. 49. № 53391 (1874 г.).

и красноуфимских крестьян допустить собственные метрические книги, т. к. через них может выйти «смещение» с иноверными, возражал (но не нашел взаимопонимания): «Мы же записываемся в полиции, волости. Ведь ведение метрических книг и доставление сведений дело совсем не духовное, а гражданское. Никакого вреда духовного это не принесет. Наоборот, это избавит нас от лишних хлопот, например, при воинской повинности»¹⁷⁹.

Тем более, что тот же Указ 19 апреля 1874 г. признавал доказательством законного рождения или брака запись в городской обывательской книге, ревизских сказках 1858 г., именных списках старообрядцев, формулярных списках родителей, а кроме того еще и показания свидетелей¹⁸⁰. Степень востребованности этой возможности варьировалась от региона к региону, но нигде не была распространенной. Известно, что некоторые старообрядцы, в том числе и горожане Среднего Урала и Зауралья, проявили заинтересованность в подобной фиксации и получении документальных свидетельств семейного состояния и оснований для подтверждения имущественных и наследственных прав¹⁸¹.

Скорее всего, в самом институционально организованном старообрядческом согласии – белокриницком, священники не только самого Рогожского центра, но и на местах должны были вести записи о произведенных крещениях, браках и отпеваниях, но они вряд ли были унифицированными. Косвенным свидетельством такого положения дел является послание о метрических формулярах, которые могли удовлетворять потребностям прихожан в получении документальных свидетельств (хотя бы и для внутреннего пользования) и духовного лица, учитывающего свою паству. В 1899 г. Московскому старообрядческому архиепископу Иоанну (Картушину) поступило письмо тульского священника белокриницкого согласия Василия Механикова, в котором были представлены образцы метрик и сопроводительной документации, которые он вел у себя в общине¹⁸². Среди них были

¹⁷⁹ Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных) в г. Екатеринбурге с 25–30 сентября 1911 года. Екатеринбург, 1912. С. 40–41.

¹⁸⁰ ПСЗ. Собр. 2-е (1825–1881). Т. 49. № 53391 (1874 г.). Статья 35.

¹⁸¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. (1888 г.) Д. 59.

¹⁸² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 246. Картон 211.

бланки и примеры заполнения всех трех разделов: о родившихся, бракосочетавшихся, умерших, а также составленный к метрикам именной указатель в алфавитном порядке и т. н. посемейная метрическая книга. Письмо и бланки сопровождалось образцами свидетельств, которые священник выдавал своим прихожанам после совершения таинств крещения и бракосочетания. В. Механиков описывал свой опыт как успешный, многообещающий в деле упорядочения документации и значительно облегчавший доказательство законности рождения и семейного состояния. Автор обосновывал целесообразность распространения его среди других общин их согласия. Однако, видимо, дело унификации записей далее предварительного обсуждения в Московской старообрядческой архиепископии не продвинулось, но вопрос о старообрядческих особых метриках стал обсуждаться в начале 1900-х гг. белокриницкими эmissарами в правительственных кругах в ходе подготовки законопроекта о расширении прав староверов. Регулярные метрики у белокриницких в регионах, равно как и у других согласий ведут свой отсчет с 1907 г., когда их предписывалось заполнять во всех зарегистрированных у властей общинах. В отличие от метрик государственной православной церкви, старообрядческий формуляр был дополнен требованием указывать как место приписки всех участников обряда, так и реальное место их проживания, которое, как правило соблюдалось. Кроме того, в записях следовало указывать населенный пункт, где произошло регистрируемое событие¹⁸³.

Иногда за этот период встречаются нестандартные варианты метрик, которые велись в общинах, не пожелавших получать официальный статус, но это скорее, исключение. Такие записи больше похожи на памятные заметки весьма лапидарного содержания, иногда в одной записи соединены сведения о рождении и смерти: «1909 года июля 27 родился Антоний крестился того же дня восприемники Игнатий Стефанов Пучкин и Анна Акимовна Пучкина, помер 1913 12 декабря»¹⁸⁴. Если

Д. 1. Л. 4–24.

¹⁸³ Подробнее см.: *Боровик Ю. В.* Метрические книги старообрядцев-часовенных уральского города: характеристика источника // Документ. Архив. История. Современность. Сборник науч. трудов. Вып. 16. Екатеринбург, 2016. С. 221–228.

¹⁸⁴ Цит. по: *Соколов В.* Старообрядческие метрические книги общины деревни Кузьево // Сайт «Старообрядческое Подмосковье». URL: http://www.genealogy-kzn.ru/staroobrad_metr_knigi/ (дата

подобные заметки и велись, то почти ничего из них не сохранилось, в том числе и на Урале. Поэтому только метрические книги старообрядцев начала XX в. в отличие от записей беглопоповских общин 1820–1830-х гг., рапортов исправников 1840–1850-х гг., книг полицейских управлений 1870-х и последующих годов, благодаря своей массовости и лучшей сохранности дают возможность проводить исследования с учетом пространственной, социальной, возрастной, гендерной и др. составляющих.

* * *

На практике ведение содержательной части старообрядческих метрик представляло непривычную и непростую задачу. После регистрации общины губернское правление высылало обществу три тома (по количеству разделов) чистых метрических книг в двух экземплярах – пронумерованные, прошитые и удостоверенные официальными лицами. На заключительном листе должен был расписаться вице-губернатор или замещающее его лицо, а также губернский делопроизводитель; там же указывалось общее количество страниц, дата заверения книги и проставлялась на шнуры сургучная гербовая печать правления, так что незаметная расшивка книги и изъятие листов были невозможны. Характерных для православных метрик сводных таблиц в конце книги у старообрядцев не было.

Екатеринбургская Свято-Троицкая община белокриницкого согласия почти сразу после Указа 17 октября 1906 г. оформила надлежащим образом прошение о регистрации и уже в феврале 1907 г. начала заполнять свои первые метрические книги. В Никольской часовне метрики велись с августа 1907 г., в Успенской с 1908 г.

Председатель старообрядческой общины и четыре – пять членов совета их общества обязаны были контролировать внесенные записи и подтверждать их правильность своими подписями. По правилам такую внутреннюю проверку надлежало производить в каждом месяце, но на практике это не всегда соблюдалось: в Троицкой и Успенской общинах Екатеринбурга старались это делать ежемесячно, в Никольской общине – в конце года. Один экземпляр метрик в конце года отправлялся

обратно в губернское правление на проверку. За обнаруженные неисправности предполагалось наказание [Именной высочайший Указ. О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин], поэтому качеству ведения записей уделялось пристальное внимание. В Екатеринбурге оставались экземпляры общины. Именно эти книги в 1920-х гг. были собраны в отделах ЗАГС, а затем переданы на постоянное государственное хранение. Следует отметить, что в них встречаются записи дьяконов о крещениях, бракосочетаниях и отпеваниях в первой половине 1920 г. с пометой «для памяти», что является возможным свидетельством того, что процесс изъятия актов гражданского состояния из ведения религиозных институций не был одномоментным и повсеместным.

Часть записей по Екатеринбург у представлена не только в виде оригиналов. По требованию городского исполкома депутатов священник белокрыницкой иерархии Василий Усов в 1924 г. снял копию с метрик за март – декабрь 1918 г., которая в последующем использовалась сотрудниками отдела ЗАГС для выдачи справок и дополнений. Метрические книги всех согласий Екатеринбурга содержат 1793 записи (Приложение 6).

Формуляры разделов о родившихся, бракосочетавшихся и умерших в метрических книгах, заполняемых староверами по форме и составу были близки к соответствующим документам государственной православной церкви. Нововведение касалось необходимости указывать не только общепринятые данные о месте человека в социуме («звание» – сословие с местом приписки или чин, занятие/профессия), но и настоящее место жительства участников события. Поэтому сведения старообрядческих метрик содержат как социальный статус с местом приписки, так и данные о месте действительного постоянного проживания, что позволило в процессе исследования сделать более точные учесть миграционный фактор.

Записи о венчании сопровождаются указаниями не только на основную конфессию, но и на принадлежность к определенному старообрядческому согласию. Это дает возможность определить степень открытости сообщества к межконфессиональному взаимодействию.

Сведения первого и третьего разделов – «О родившихся» и «Об умерших» в ряде случаев содержат точное указание места, где произошло событие, хотя такие подробности были вовсе не обязательны. Например, несколько семей проживавших около с. Арамель Екатеринбургского уезда указывали место рождения своих детей так: «Екатеринбург, мукомольная мельница И. М. Беленькова». Некоторые детали оставляют вопросы относительно того, каким образом старообрядческий наставник имел физическую возможность совершить обряд. Речь идет о двух внуках известного в Екатеринбурге почетного гражданина П. И. Тарасова, которые, как указано в метрике, родились на нефтяных промыслах в Грозном Терской области – где работал их отец Георгий Петрович. Борис появился на свет 16 июля 1914 г. и, судя по метрике, был крещен через месяц екатеринбургским наставником Никольской часовни Порфирием Лобановым. С его младшей сестрой Клавдией, родившейся 19 октября 1915 г., произошло то же самое. Дальность расстояния для такой поездки, отсутствие длительного перерыва в исполнении обрядов наставником (который объяснялся бы его поездкой) и известные опасения, что новорожденный умрет некрещенным, заставляют сомневаться в том, что запись отражает реальное положение дел: на месте крестил детей не екатеринбургский наставник, а, например, благословленное им лицо, а запись была внесена именно для подтверждения факта рождения.

Формулировки причин смерти в старообрядческих метриках, как и в большинстве аналогичных записях других религиозных сообществ, довольно сложно соотносятся с современной нозологией¹⁸⁵: младенцы умирали чаще всего от «родимца» (причем не только в возрасте нескольких дней, но иногда и после достижения 1,7 или 2,5 лет), а пожилые люди от «старости». Для внесения в метрическую книгу старообрядцев, как и у православных, достаточно было устного заявления, без заключения врача, если речь не шла о насильственной смерти, а также кончине служащего в армии или заключенного. Тем не менее 11% смертей у часовенных имеют документальное подтверждение и среди неаннотированных причин также встречаются формулировки, свидетельствующие об участии медиков в

¹⁸⁵ Голикова С. В. Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты. Екатеринбург, 2012. С. 112–114

постановке диагноза и лечении: «острый катар желудка», «рак», «сибирская язва», «воспаление легких», «дизентерия», «коклюш». Некоторые подробности периода гражданской войны вполне ясны без врачебного комментария. Например, мученическая смерть одного из активных деятелей местной белокриницкой общины, члена центрального комитета Общестарообрядческого политического союза С. М. Елшанкина¹⁸⁶, симпатизировавшего кадетам и «расстрелянного в окопах на кунгурском фронте» в 1918 г. была воспринята очень болезненно – его фамилия, внесенная дьяконом Иоанном Сюткиным в раздел «Об умерших», была неоднократно обведена чернилами и выделяется среди всех записей книги.

Ограничение их использования, тем не менее имеются и главное препятствие связано с краткосрочностью источника, которое осложняется лакунами (утратой?) записей за отдельные годы. Некоторые приемы минимизации последнего недостатка, примененные нами в исследовании, изложены в разделе о методах.

Посемейные списки. В феврале 1874 г. были приняты правила обязательного ведения посемейных списков в городских управах, думах и волостных правлениях¹⁸⁷. Они были необходимы для учета призывников и заполнялись по образцу ревизских сказок: вносился мужской и женский состав семьи на определенную дату. Отличия проявлялись в заполнении источника: в отличие от ревизий, списки, зафиксировав семейное состояние и возраст, в дальнейшем пополнялись комментариями об изменении витального, брачного и миграционного статуса («умер», «причислен к мещанам», «сослан в Сибирь» и т. п.) и по мере накопления таких дополнений посемейный список переписывался с сохранением помет к изначальному списку семей, сопоставимого с материалами 10-й ревизии. Возраст в обязательном порядке указывался у молодых мужчин и мальчиков, иногда с точностью до месяца. Т. о. посемейные списки являются ценным источником для изучения истории семьи и

¹⁸⁶ О нем см.: *Аничков В. П.* Екатеринбург – Владивосток (1917–1922) М.: Рус. путь, 1998. (глава «Новое о терроре»); *Клюкина Ю. В.* Старообрядцы и политические партии (1905–1917) // Проблемы истории России. На перекрестках эпох и традиций. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 337.

¹⁸⁷ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Том LII. (1877 г.). Отделение 1. № 57504; *Вилейшис Я. М.* Посемейные списки мещан и крестьян и их приписка, причисление, перечисление, исключение, переселение, порочные члены, узаконение, усыновление, внебрачные дети, избрание рода жизни, фамилия вообще и разведенных жен, старообрядцы, сектанты, евреи, перемена веры. Херсон, 1915. С. 5.

миграционных процессов. В представленном исследовании использовались посемейные списки пригородного селения Шарташ, подавляющая часть жителей которого принадлежала к старообрядчеству¹⁸⁸. На момент составления списка 1 января 1874 г. в нем было 185 семей (904 чел.), но всего в списке значатся 193 семьи (1180 чел.) – это все, кто учитывался волостным правлением на протяжении 20 лет.

Анализ почерков и датированных комментариев, показал, что сохранившийся документ является уже как минимум вторым списком, который был переписан вновь примерно в 1883 г. После этого он использовался до 1894 г. включительно. О приемлемости посемейных списков дебатом старообрядцами не велось, в отличие от специальных старообрядческих метрик. Это дает основания полагать, что они воспринимались старообрядцами с заинтересованностью. Возможно, в этом важную роль играло отсутствие обязательного требования давать принадлежность к какому-либо исповеданию в этих документах (но в шарташском списке подобные пометы есть, но их минимум – из 1180 отмечены 9 человек: четверо братьев в одной семье сопровождаются определением «православный», их пятый брат – «старообрядец», еще трое глав семейств обозначены старообрядцами и один бессемейный – единоверцем)¹⁸⁹. Кроме того, внесение сведений в такой документ стало служить необременительным и надежным подтверждением семейного статуса. По этой же причине привлечение посемейных списков для историко-демографического анализа данных о старообрядческом населении на основе массовых источников возможно, но только если речь идет о населенных пунктах, где староверы составляли большинство жителей. Шарташ как раз относился к числу таких мест.

В исследовании использовались нарративные источники. Они, как не обладающие формализованным объемом, структурой и содержанием, могут быть разделены по видовому признаку: материалы периодической печати и публицистика, переписка, материалы дневникового и мемуарного характера.

¹⁸⁸ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1.

¹⁸⁹ Там же. Л. 5 об.–6 (Записи № 14, 15); Л. 6 об.–7 (Записи № 16, 17); Л. 7 об.–8 (Запись № 18).

Периодическая печать и публицистика. Местная светская и епархиальная пресса в лице «Екатеринбургской недели», «Уральского края», «Пермских губернских ведомостей», «Зауральского края», «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» помещала на своих страницах сообщения о событиях в старообрядческом мире. Публикации представляли не только точку зрения миссионеров (о причинах стойкости «раскола», полемическими беседами с его представителями, случаях перехода в православие и единоверие, нестроениях среди старообрядцев), но и отвечали на возникший в обществе интерес к старообрядчеству как самобытному явлению. В 1917 г. большинство публикаций было связано с политической активностью местных старообрядцев.

Важным массивом источников по истории городской общины в начале XX в. является собственно старообрядческая публицистика, но за большую часть исследуемого периода она отсутствует из-за законодательного запрета. Возможность легального издания периодической литературы появилась у старообрядцев в 1905 г., после провозглашения веротерпимости. Несмотря на что, создание и получение разрешения на выпуск периодического издания не содержало больших препятствий¹⁹⁰, на Урале старообрядцы вплоть до 1915 г. довольствовались периодикой, выпускаемой представителями разных согласий в центральной России: «Старая Русь», «Щит веры», «Златоструй», «Старообрядческая мысль», «Церковь», «Слово Церкви», «Старообрядец» и «Старообрядцы» и др. С Урала, в том числе из Екатеринбурга, в эти журналы от местных авторов нередко поступала корреспонденция о событиях приходской жизни. Более того, старообрядцы обоих старообрядческих направлений, присутствовавших в городе активно использовали страницы центральной конфессиональной периодики и местной светской прессы для размещения официальных обращений друг к другу. Выпуск собственного журнала старообрядцами Екатеринбурга был осуществлен только в 1915 г., благодаря деятелям Братства часовенного согласия. Два года ежемесячный журнал выходил

¹⁹⁰ ПСЗ РИ. Собр. 3-е. № 26962. Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату о временных правилах о повременных изданиях, 24 ноября 1905 г.

под названием «Уральский старообрядец». В нем освещалась жизнь старообрядческих обществ часовенного согласия преимущественно на Урале, в том числе в Екатеринбурге. К исследованию привлекались материалы из раздела екатеринбургской хроники: сообщения о собраниях общин, решениях Совета братства, пожертвованиях, проведении приходских мероприятий, в которых упоминается круг лиц, связанных с жизнью старообрядческих приходов города. Комментарии к новостям учтены в исследовании, поскольку позиция редакции – «интеллигентов-старообрядцев часовенного согласия»¹⁹¹ была тесно связана с представлениями екатеринбургского городского общества. На страницах «Уральского старообрядца» рассматривались наиболее актуальные для общины вопросы. Среди материалов этого жанра выявлены самые частые темы: правомерность и необходимость регистрации общин, усовершенствование старообрядческого образования, поддержание религиозно-нравственных устоев, обсуждение важных военных и политических событий¹⁹². Обширный очерк А. Т. Кузнецова, посвященный беглопоповцам Среднего Урала до середины XIX в. и ряд его исторических заметок, опубликованных под псевдонимами¹⁹³ привлекались не в качестве источника фактов (в большинстве из них повествуется о более раннем периоде), а как материал для характеристики взглядов самого старообрядческого историографа, являвшегося в начале XX в. одним из немногих представителей старообрядческой интеллигенции. Кроме того, в исторических статьях журнала нашли место представления старообрядцев о своей истории

¹⁹¹ Самоназвание, см.: Ответ министра народного просвещения // Уральский старообрядец. 1915. № 7. С. 31–32.

¹⁹² Задачи нашего журнала // Уральский старообрядец. 1915. № 1. С. 3–5; Кузнецов А. Т. Общины и противообщинники // Уральский старообрядец. 1915. № 6. С. 25–29; № 7. С. 12–20; № 8–9. С. 13–18; № 10. С. 12–16; Сапегин К. А. Гонения на Урале // Уральский старообрядец. 1915. № 2. С. 21–28; Озерский А. Свет знания // Уральский старообрядец. 1915. № 3. С. 22–24; Потомки Патриарха Никона // Уральский старообрядец. 1915. № 3. С. 25–26; Черноземцев К. Беседы с читателями. О пользе просвещения // Там же. № 4–5. С. 33–40; Белоглазов Гр. В критическом положении // Там же. 1916. № 1–2. С. 18–22; Старообрядцы в Сибири // Там же. № 4–5. С. 19–20.

¹⁹³ Кузнецов А. Т. Исторические очерки уральского старообрядчества // Уральский старообрядец. 1915. № 11. С. 16–30; № 12. С. 21–30; 1916. № 1–2. С. 11–18; № 3. С. 9–15; № 4–5. С. 6–9; № 8. С. 10–16. № 9–10. С. 5–10; Острожский А. К. Братство и его историческое прошлое // Там же. 1915. № 2. С. 15–18; Горский Л. Из истории уральского старообрядчества // Уральский старообрядец. 1915. № 1. С. 5–11.

которую они стремились связать с самым началом местной городской истории: в описании возникновения екатеринбургского центра при покровительстве первостроителя Екатеринбурга В. де Генина перечисляются известные своим старообрядческим происхождением фамилии, в числе которых упомянуты преимущественно те, кто начал играть заметную роль в городской общине лишь в середине – конце XIX в.¹⁹⁴

Еще один вид источников позволяет увидеть актуальные проблемы внутренней жизни старообрядческого общества – *историко-апологетические сочинения* старообрядцев. В составе рукописного фонда Древлехранилища Лаборатории археографических исследований УрФУ выявлено одно из неизвестных ранее произведений последней трети XIX – начале XX вв. – «Разсуждение о временах века сего»¹⁹⁵, которое является одним из звеньев в поздней полемике старообрядцев о судьбах священства. Сочинение объясняет неизбежность и постепенность полного исчезновения «истинной иерархии», поисками которой занимались екатеринбургские часовенные, инициировавшие в 1870–1900 гг. несколько экспедиций «за священством». Данный источник позволил представить систему аргументации оппонентов екатеринбургских лидеров.

Переписка. Важный пласт источников о внутренней жизни старообрядческих общин белокриницкого согласия содержится в фонде Рогожского кладбища ОР РГБ, где хранится переписка Московской архиепископии со священниками и попечителями на местах. По стилю и структуре письма с мест следует отнести к документам частно-делового характера, которая передает событийный ряд и содержит множество подробностей: переговоры о покупке молельных зданий у наследников, ход судебных тяжб, межличностные отношения внутри общины. Для изучения были привлечены письма архиепископу Савватию (Левшину) за 1891 г.

¹⁹⁴ Горский Л. Из истории уральского старообрядчества // Уральский старообрядец. 1915. № 1. С. 8.

¹⁹⁵ Древлехранилище ЛАИ УрФУ. VI.178р/1272, л. 1–11 об.; Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований. Ч. 1. Сост.: С. А. Белобородов, И. Л. Манькова, А. В. Полетаев. Екатеринбург, 1994. С. 101. № 178.

из Екатеринбурга: от священноинока Антония (Паромова) о вызове к окружному прокурору за отпевание православной, от екатеринбургского священника Пимена Огнева о передаче книг и действиях лицах на церковных должностях¹⁹⁶. Письма из других крупных пунктов Среднего и Южного Урала – Златоуста, Верхнетагильского и Нижнетагильского заводских поселков даже не содержащие конкретики о екатеринбургских деятелях и их действиях, являются свидетельствами общепринятых практик внутренней жизни старообрядческих общин (контроль членов низовых общин за поступками духовенства, заметное участие женщин в улаживании материальных затруднений и проблем с клириками и т. п.); причем отчасти они могут быть экстраполированы и на часовенное согласие, откуда происходила немалая часть прихожан белокриницких церквей.

Кроме того, к исследованию привлекалась частично опубликованная переписка 1860-х гг. единоверца, бывшего попечителя одной из городских часовень Г. Ф. Казанцева с архимандритом Аркадием (Федоровым) о распространении «австрийской» иерархии и перспективах часовенного согласия¹⁹⁷. В переписке представлен хорошо осведомленный о настроениях бывших беглопоповцев взгляд со стороны, подтверждающий актуальность вопроса о священстве сохранявшуюся долгое время для уральских старообрядцев. Относящаяся к началу XX в. переписка деятелей екатеринбургского центра дает представление об уровне их участия в событиях общероссийского значения – копии перлюстрированных жандармерией в начале 1900-х гг. писем екатеринбургского еп. Антония (Паромова) и сторонника «австрийского» священства Г. Н. Грачева¹⁹⁸, обнародованное приглашение синодального миссионера К. Крючкова екатеринбуржцу Ф. А. Малиновцеву на совещания старообрядцев и единоверцев в Нижнем Новгороде¹⁹⁹.

¹⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 246. Оп. 200. Д. 3.

¹⁹⁷ Из сочинений последователей австрийщины // ЕЕВ. 1909. № 9. С. 118–127; № 11. С. 163–171.

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 12ч3а. Л. 101, 135, 145, 150 об.; Д. 12ч3лБ. Л. 8, 12, 60–62 об., 67 об.–69 об.

¹⁹⁹ К характеристике двух ненавистников старообрядческого священства // Старообрядец. 1907. № 3. С. 357.

Мемуары, дневники, памятные записи. В работе использовались воспоминания лиц, которые своим происхождением или деятельностью были связаны со старообрядчеством, в том числе городским. В записях зауральца Н. М. Чукмалдина, изданных в 1902 г. подробно и неоднократно упоминается о проблемах перехода в городское сословие в середине XIX в., мемуары приказчика П. Ф. Кочнева о деловых и родственных взаимоотношениях в среде мещан и купцов дают дополнительные аргументы об использовании старообрядцами оформления брака в православных церквях, а также являют конкретный пример обстоятельств перехода к малой семье. Оба мемуариста были связаны с торговым сословием Тюмени, поэтому используются в исследовании как сравнительный материал.

Выдержки из дневника екатеринбургского купца единоверца М. П. Брагина, С. В. Корепановой и В. П. Микитюком относящиеся ко второй половине XIX в. дают представления о том, как выстраивались, поддерживались родственные отношения в купеческих кругах, расширяясь за пределы уральского региона.²⁰⁰

Представленная характеристика источниковой базы дает основание оценить корпус обнаруженных материалов как разноплановый, содержащий достаточный объем данных по теме исследования и удовлетворительный для раскрытия темы диссертации.

1.3. Методика исследования

Состояние источниковой базы, представленное в предыдущем разделе, позволило провести анализ процессов, происходивших в городском старообрядческом сообществе. В работе использовались методы источниковедческого анализа и синтеза, базирующиеся на принципах внешней и внутренней критики источника, учете условий его возникновения, проблемы

²⁰⁰ Корепанова С. А., Микитюк В. П. Дневник купца М. П. Брагина [1873–1917 гг.] // Первые Татищевские чтения: тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 14–15 нояб. 1997 г. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН; УрГУ, 1997. С. 89–90.

авторства, а также его предназначения и функционирования²⁰¹. Достаточность источниковой базы для количественных методов исследования определялась расчетом репрезентативности выборки²⁰².

Для изучения социокультурных процессов в условиях начальной стадии урбанизации, протекавших в среде городских старообрядцев, являвшихся одним из религиозных меньшинств, была разработана программа исследования по трем направлениям. Во-первых, производилось наблюдение за количественными и качественными изменениями численности и состава старообрядческого городского социума; во-вторых, был проведен анализ коммуникативных и организационных способов социального взаимодействия и идентификации его участников; в-третьих, изучались аспекты, характеризующих включенность объекта исследования в общегородские процессы модернизации. В фокусе находились, прежде всего, модифицируемые качества и решалась проблема их сопоставимости. Комплекс изысканий включал работу по контекстуализации места и состояния городского старообрядческого сообщества во времени и пространстве.

Историко-генетический метод, выявляющий причинно-следственные взаимосвязи, позволил определить роль внутренних и внешних факторов развития старообрядческого сообщества города, закономерностей изменения его сословно-социального состава, спектра занятий и направлений деятельности.

С помощью историко-динамического анализа были выявлены этапы формирования старообрядческого сообщества в очерченных географических и хронологических рамках.

Роль конфессионального фактора в выборе места жительства в границах городского пространства исследовалась с помощью картографического анализа. Для этого номинативные данные из материалов призывного учета, ревизии 1858 г., и метрических книг начала XX века были соотнесены с адресами горожан из материалов городской переписи и учета домовладений по двум временным срезам:

²⁰¹ Источниковедение: Теория, история, метод: уч. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 122–143.

²⁰² Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург: УрФУ, 2010. С. 248.

1887 г. и 1911–1914 гг. Результаты связывания данных были нанесены на карту города (приложение 1).

Для характеристики Екатеринбурга как старообрядческого центра в рассматриваемый период и изучения динамики численности староверов по минимальным показателям применялся статистический анализ внутригородских переписей и материалов учета населения. Наиболее широкую картину удалось выстроить на основе Всеобщей переписи 1897 г., данные которой были распределены в зависимости от численности старообрядцев в городах различной величины по нескольким крупным регионам (см. приложение 11)²⁰³. Таким образом появилась возможность провести широкий сравнительный анализ и корректно рассматривать положение изучаемого города в региональном и общенациональном контексте. Сравнительный анализ позволил выявить сопоставимые с Екатеринбургом центры формирования городских старообрядческих сообществ, исследования которых в дальнейшем позволят проверить и уточнить полученные на уральских материалах результаты.

Кроме того, для систематизации и последующего изучения содержащихся в источниках данных использовались несколько методов. Первичная статистика на уровне города частично формализовалась, суммировалась и сводилась в таблицы, демонстрирующие абсолютные и относительные показатели совокупности старообрядцев на фоне общей численности населения. Методом группировки были выстроены данные по сословному признаку, миграционному статусу, возрастам, полам и брачному состоянию, т. е. неколичественным признакам. Анализ семейной структуры и размеров семей производился путем сложной группировки по признакам религиозной и сословной принадлежности. Указание относительных расчетных показателей сопровождается итоговыми суммарными абсолютными значениями. Для того чтобы представить темпы роста старообрядческого населения города и особенности его учета были собраны, проанализированы и

²⁰³ В основу распределения городов по категориям была положена градация по численности жителей, которую использовал В. П. Семенов-Тянь-Шанский. См.: *Полян П.* «Город и деревня в Европейской России» В. П. Семенов-Тянь-Шанского глазами современников и потомков // *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен.* М.: ОГИ, 2001. С. 25–26.

выстроены данные по нескольким хронологическим срезам за период 1860–1890-е гг. Результаты использования всех статистических методов визуализированы в тексте диссертации в виде таблиц и графиков, общий список которых приводится после источников и литературы. Часть аналогичных материалов, позволяющих сравнить данные по старообрядцам с данными по всему населению приводится в приложениях 3, 9.3, 9.4, 10.

Сравнительный метод применялся также и при изучении старообрядческих общественных дискуссий, проводившихся под эгидой екатеринбургских деятелей. В результате сопоставления тактических действий и аргументации участников были выделены особенности позиции городских лидеров, поскольку в дебатах наряду с ними были представлены мнения и действия делегатов от общин сельских и заводских местностей.

Трансформация качественного состояния разных уровней социума прослеживается по изменениям элементов, его составляющих, причем не столько по отдельным случаям, значение которых можно оценить лишь представляя насколько они являлись типичными или исключительными, сколько по устойчивым и направленным модификациям²⁰⁴.

Рассмотрение семейного состояния старообрядцев по материалам 10-й ревизии и посемейным спискам произведено на основе классификации, разработанной Кембриджской группой истории населения и социальной структуры²⁰⁵. Классификация позволяет формализовать номинативные данные, а ее широкое применение в социальных и историко-демографических исследованиях, в том числе российских, особенно в последнее время, делает возможным

²⁰⁴ Кускарова О. И. Социокультурный процесс: состояние, особенности, факторы взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. С. 175–180.

²⁰⁵ Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / ed. by P. Laslett, R. Wall. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 623 с.; (eds.) Family Forms in historic Europe / ed. by Wall R., Roin J., Laslett P. Cambridge: Cambridge University. 608 с. Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. М., 1979. С. 132–157.

контекстуализацию и сравнение семейных структур в различных городах²⁰⁶.

При обработке материалов ревизии и посемейных списков стала очевидной необходимость уточнения смысла, заложенного в источнике в определение «семьи». Поскольку первоочередной целью ревизии был податный учет по сословиям, а посемейные списки в изучаемый период составлялись прежде всего для контроля призывников, то зафиксированная в этих документах структура семей не всегда отражала совместное проживание (домохозяйство). Фактически, она скорее показывала иерархию внутри крупной семейной организации: кто в качестве главы был ответственен перед властями за выполнение экономических и социальных обязательств данного коллектива родственников. Поэтому, помимо списков семьи и примечаний к основным записям, изучался весь сопутствующий им комплекс документов с заявлениями переписываемых лиц, выписками из метрических книг, доверенностями на подачу сказки. В ряде случаев со сложными семьями и одиночками это дало возможность точнее определить кто действительно входил в число родственников, живших под одной крышей и вел совместное хозяйство. Работа с посемейными списками екатеринбургского пригорода, которые постоянно пополнялись информацией об изменениях в составе семей, потребовала использования текстологических и палеографических методов работы с текстом для вычленения первичного варианта учетного документа. Для представления итогов этой работы использовался метод визуализации в виде схем родственных связей в каждой семье (приложение 4). Поскольку для исследования было важно понимание структуры семьи, позволяющее выделить основные ее типы, то в данных об индивиде на схемах указаны только пол, возраст и степень родства²⁰⁷.

²⁰⁶ Например, соотношение 5 типов семейной организации у городского населения без учета религиозной аффилиации рассмотрено по Тамбову, Томску, Тюмени: *Стрекалов Д. В., Стрекалова Н. В.* Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 172. С. 119–130; *Щеглов С. Г., Меженина О. В.* Структура семьи в мещанском сословии в городах Томской губернии в первой половине XIX в. // Известия Алтайского университета. 2016. № 2 (90). С. 176–180; *Юнусова Л. В.* Структура мещанской семьи Тюмени во второй половине XIX – начале XX века (на основе посемейных списков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16 (270). История. Вып. 51. С. 29–33.

²⁰⁷ См. аналогичный вариант: *Муттерауэр М., Каган А.* Структуры семьи в России и в Центральной Европе: сравнительный анализ // Семья, дом и узы родства в истории. СПб.:

Остальная персональная информация, в том числе о миграции, изменении сословного и витального статуса, оставлена в сопровождающих схемы текстовых таблицах для того чтобы обеспечить необходимую верификацию построений. В итоге удалось определить степень распространенности простых и сложных семей в старообрядческой среде.

Для организации массива информации из посемейных списков и метрических книг старообрядцев были созданы 4 источник-ориентированные базы данных (см. раздел «Номинативные данные» в списке опубликованных источников) с помощью программ Microsoft Access и Excel. Они обеспечили поиск и выборку сведений для изучения семейного статуса, возраста вступления в брак, отдельных параметров заболеваемости и смертности (приложения 8, 9, 10). Все созданные БД доступны для дальнейших исследований, так как включены в состав электронного он-лайн ресурса «Регистр населения Урала»²⁰⁸.

Метод контент-анализа номинативного раздела метрических книг начала XX в. использовался для изучения вопроса о распространенности личных имен в старообрядческих общинах и семьях. Сравнение материалов указанного источника с именами православных жителей Екатеринбурга и других регионов дало основание полагать, что старообрядцы не были исключены из сферы влияния модернизационных тенденций. Это, в частности, отразилось на формировании моды на определенные имена.

В итоге нам представляется важным подчеркнуть, что выбор конкретных методов исследования определялся необходимостью получить представление о двух взаимосвязанных параметрах: во-первых, о степени и направленности внешних воздействий (городских условий) на изучаемый объект, во-вторых, о тенденциях во внутренней динамике самого объекта.

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2004. С. 50, 53, 56, 65–68.

²⁰⁸ «Регистр населения Урала» // Уральский Федеральный университет. – Режим доступа: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>

Глава 2. Старообрядческое общество Екатеринбурга: конфессиональная история и институты

2.1. Этапы формирования городских общин старообрядцев

История старообрядцев Екатеринбурга начинается почти одновременно с историей города. Своеобразие его социо-культурного облика, сложившееся за два столетия в ряде черт обусловлено присутствием староверов. Значительное количество сторонников «древлего благочестия» среди населения было характерно для всего горнозаводского Урала, административным и культурным центром которого являлся Екатеринбург. Старообрядческая составляющая являлась частью религиозного ландшафта, оказывала влияние и испытывала взаимовлияние других компонент социума в процессе формирования единого регионального историко-культурного ареала и многоукладной системы хозяйствования²⁰⁹.

Чтобы проследить какие факторы являлись определяющими в эволюции городского старообрядческого общества горнозаводской зоны следует рассмотреть основные этапы его формирования и институционализации.

²⁰⁹ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX вв.). М.: Наука, 1971. С. 16–17, 59–64; Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII – XVIII вв.) Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1987. С. 206–246; Байдин В. И. Формирование буржуазии в среде государственного крестьянства Среднего Урала во второй половине XVIII в. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988. С. 77–88; Его же. О социальной природе волнений старообрядцев на Нижне-Тагильских заводах в 1840 г. // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Сб. науч. тр. Екатеринбург: НПП «Волот», 1996. С. 69–76; Его же. Эволюция социально-культурного и бытового облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII – начале XX в. (На примере семьи екатеринбургских купцов Казанцевых) // Уральский сборник. Вып. 1. Екатеринбург, 1997. С. 17–27; Голикова С. В. Горнозаводское население на Урале: традиции и новации в культуре // Опыт российских модернизаций XVIII – XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. С. 282–287; Шкерин В. А., Микитюк В. П. Диффузия технико-технологических новшеств и организационных моделей в промышленном секторе в XIX – начале XX в. // Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начале XX в.) Екатеринбург: УрО РАН, 2011. С. 128, 140–143;

С первых лет существования города-крепости староверы, преимущественно беглопоповцы²¹⁰, проживали в самом Екатеринбурге и в ближайших окрестностях – Уктусском заводе, деревнях Шарташских, Становской и Сарапулке. Одну из улиц на Торговой стороне Екатеринбурга (правом берегу Исети за западными стенами крепости) в 1720-х гг. в обиходе называли Керженской, что вряд ли связано с чем-то иным, кроме именованя «керженцами» старообрядцев, пришедших из районов реки Керженец в Заволжье, в т. ч. Керженской волости Балаховского уезда Нижегородской губернии²¹¹. Впрочем, уже 1730-е гг. в период «татищевских выгонок» название было изъято из употребления и заменено.

В Екатеринбурге староверы были заняты на строительных работах, поставляли продовольствие на заводы, вели торгово-промысловую деятельность. Старообрядец М. А. Бармин из посадских людей г. Балахны Нижегородской губ. в 1732–1736 гг. являлся главным закупщиком товаров для Екатеринбургских заводов, он же поставил здесь первую частную мельницу²¹². К юго-западу от крепости в Купеческой слободе в начале 1730-х гг. образовался «старообрядческий квартал», там находились усадьбы купца-беглопоповца В. И. Сапожникова (из семьи нижегородского ямщика) и поморца И. С. Осенева (бывший крестьянин Казанской губ.), который вел торговые операции в делах основателя Иргинского, Саранинского и Нязепетровского заводов балахнинского купца П. Осокина и В. Демидова – племянника известного невянского заводчика²¹³. По 2-й ревизии (1745–1748 гг.) старообрядцев в городе насчитывалось 1006 чел., по 3-й (1761–1763 гг.) 1192 чел., что составляло треть всех жителей²¹⁴. Отдельного общественного молитвенного здания у беглопоповцев Екатеринбурга не было до

²¹⁰ Хотя первое время были и отдельные представители поморского согласия.

²¹¹ *Корепанов Н. С.* Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 7, 50.

²¹² Там же. С. 28, 51.

²¹³ *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974. С. 74–75.

²¹⁴ Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. Ч. 1. СПб.: имп. АН, 1824. С. 323; *Словцов П. А.* История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М., 2006. Вече, 2006. С. 323; *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев. С. 116, 151–153.

1780-х гг. и, скорее всего, им приходилось ездить 5 верст в соседнее селение Шарташ, где уже в 1730 г. вне поле зрения властей был устроен молитвенный дом²¹⁵. В известиях о деятельности беглых попов Якова (Варламова) в 1740-х гг. и Петра Красноперова в 1760-х гг. вблизи Екатеринбурга также упоминался Шарташ²¹⁶.

Во многом благодаря Шарташу, появившемуся почти одновременно с заводом-крепостью²¹⁷, Екатеринбург обязан своей известностью в качестве уральского старообрядческого центра. За первые три десятилетия существования Шарташа рядом с Екатеринбургом в нем поселились более сотни человек, большинство из них – государственные и монастырские крестьяне (88 из 135 чел. – 65% всех жителей мужского пола). Первые шарташские жители пришли из разных мест, но преимущественно (80%) из Московской и Нижегородской губерний²¹⁸. Обитатели селения занимались огородничеством, торговлей и промыслами, поскольку возможности для хлебопашества были ограничены особенностями климата и почв: здесь не было полей для выращивания зерновых. Продукцию свою крестьяне Шарташа сбывали, в первую очередь, екатеринбургским жителям. Как и екатеринбургские купцы-старообрядцы, они использовали конфессионально-деловые связи со своими одноверцами на горных заводах в сельскохозяйственных и степных местностях восточнее и южнее Урала. Около Шадринска, Камышлова, Ишима и Кургана ими закупались для уральских заводов зерно и масло. У крепостей Троицк и Петропавловск они обменивали промышленные товары на коней и крупный рогатый скот. Почти всё население Шарташа являлось старообрядцами-беглопоповцами.

²¹⁵ Белобородов С. А. Шарташ – старообрядческий рай (из истории «шарташской веры» на Урале в XVIII – первой половине XIX вв.) // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XV–XX вв.* / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск: СО РАН, 2005. С. 346.

²¹⁶ Белобородов С. А. Религиозно-организационная структура старообрядчества горнозаводского Урала. С. 129.

²¹⁷ Связь основания Шарташа со строительством Екатеринбурга и деятельностью В. И. Геннина обоснована, в отличие от полулегендарной «ранней» версии, см.: *Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. С. 7; Корепанов Н. С. Шарташ XVIII в. – традиция или новация? // Вестник музея «Невьянская икона». Вып. III. Екатеринбург, 2010. С. 262–265.*

²¹⁸ *Корепанов Н. С. Шарташ XVIII в. – традиция или новация? С. 263.*

С запада к Екатеринбургскому примыкал Верх-Исетский завод (осн. 1726 г.), который первоначально был казенным, затем перешел в частное владение Воронцовых. Крестьяне Шарташа в 1760–1770-х гг. при этом заводе исполняли повинность по перевозке заводской продукции, так что некоторая связь между обществами существовала, и первый владелец завода граф Р. И. Воронцов поддерживал староверов. В самом Верх-Исетском заводском поселке старообрядцы имели с начала XIX в. свою каменную часовню, но по сравнению с шарташским обществом, составляли не столь весомую долю среди 700 заводских жителей: в 1820–1830-х гг. по минимальным данным, которыми располагали священники, она варьировалась от 10 до 35%²¹⁹. Для поддержки заводских староверов всегда большую роль играла деятельность приказчиков и управляющих, в случае Верх-Исетского завода – Г. Ф. Зотова и Е. А. Китаева, руководивших как заводским производством, так и делами местной общины с 1798 по 1840 гг.²²⁰

Существенным итогом первых четырех – пяти десятилетий торговой деятельности старообрядцев Екатеринбурга и Шарташа в XVIII в. стали накопленные средства, которые в период либерализации религиозной политики при Екатерине II, в условиях благоприятных для устройства небольших частных предприятий, были вложены в устройство промысловых заведений по переработке продуктов животноводства, в первую очередь, салотопенных заводиков, большая часть продукции которых отправлялась на экспорт и приносила значительный доход²²¹. На этом этапе появились первые отличия екатеринбургского старообрядчества: занятия его были в большей степени сосредоточены вокруг торгового дела и перевозок, что было связано с высокой мобильностью и в перспективе обеспечивало влиятельные позиции в системе взаимосвязей внутри старообрядческого мира на обширной территории в восточной части империи. С другой стороны, староверы Екатеринбурга, Шарташа и Верх-Исетского завода,

²¹⁹ Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала. С. 133.

²²⁰ Там же. С. 145–147, 155–157.

²²¹ Байдин В. И. Старообрядчество Урала. С. 37–39.

несмотря на определенную территориальную обособленность в городском и пригородном пространстве, находились в социуме крупного административно-производственного центра, который был более мобильным и разнообразным в сословном, культурном, конфессиональном отношении²²².

После издания в 1785 г. Жалованной грамоты городам, право торговли в пределах города осталось лишь у тех, кто был включен в городские сословия²²³. Поэтому старообрядческая составляющая екатеринбургских купцов и мещан, к тому времени и так немалая, стремительно выросла в 1780–1790-е гг. за счет шарташских крестьян²²⁴. В 1795 г. из 222 новоявленных екатеринбургских купцов не менее 157 ранее были крестьянами-старообрядцами, из которых 70% ранее числились в Шарташе и волости²²⁵. Этой «массовой» припиской была подведена своеобразная черта под начальным «скрытым» периодом и открыта новая страница в истории старообрядцев Екатеринбурга, в которой беглопоповцы не только институционализировались в городе, построив два общественных молитвенных здания, но и почти сорок лет держали в своих руках городское самоуправление²²⁶.

²²² Примечательно, первым храмом на территории Екатеринбургской крепости был Крест Екатерины: Страницы истории лютеранства: город Екатеринбург: Личности, документы, фотографии / ред.-сост. С. Ф. Глушков. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. 224 с. *Корепанов Н. С.* Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. С. 40; *Андреев А. Н.* Евангелическо-лютеранская община Екатеринбурга в XVIII в. и ее взаимоотношения с местным населением // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гум. науки. 2010. №1 (72). С. 135–148; *Главацкая Е. М.* Лютеране Среднего Урала в XVIII – второй половине XIX в.: институты, расселение, численность // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2015. № 2 (139). С. 112–119; *Ее же.* «...В весьма изящном, готическом стиле»: история католической традиции на Среднем Урале до середины 1930-х гг. // Государство, Церковь, религия в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 218–238; *Старостин А. Н., Главацкая Е. М.* Мусульманская община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в.: численность и институты // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 244–253.

²²³ Ситуация с припиской к городскому сословию стала в определенной степени показательной для оценки пределов конфессиональной солидарности, которая уступала сословным и деловым интересам. Выходцы из Шарташа, приписавшись в городское купечество, неоднократно пытались «монополизировать» городской рынок, запрещая вести торг в черте города крестьянам, основная часть которых были их же одноверцами и земляками. См.: *Корепанов Н. С.* Первый век Екатеринбурга. С. 150; *Его же.* Михайло Федорович Тарасов // Главы городского самоуправления. С. 50–51.

²²⁴ *Корепанов Н. С.* Шарташ XVIII в. – традиция или новация? С. 284–285.

²²⁵ *Байдин В. И.* Старообрядчество Урала. С. 38.

²²⁶ См.: Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. Екатеринбург: Сократ, 2008. С. 44–89.

Часть новоявленных екатеринбургских купцов продолжала жить в Шарташе, большинство остальных осело на южной окраине города. Характеристика условий в которых находились старообрядцы в Екатеринбурге: «быстрое обогащение раскольников, постоянные сношения с невяянскими староверами, продолжительное и открытое пребывание здесь беглых попов и учителей, послабления гражданской власти»²²⁷ относится как раз к концу XVIII – первой трети XIX вв.

Центрами приходской жизни старообрядцев в Екатеринбурге с кон. XVIII в. были две городские часовни (в обозначении чиновников первой четверти XIX в они фигурируют как молитвенные дома²²⁸). Их оформление в виде отдельно стоящих зданий относится ко времени активной шарташской «миграции» на рубеже 1780–1790-х гг.

Успенскую молельню, скорее всего, следует считать первым местом, где приблизительно с начала 1780-х гг. собирались на богослужение екатеринбургские беглопоповцы. Предположительно, сначала она представляла собой комнату в купеческой усадьбе на западном берегу Исети, располагавшейся в центре города на 3-й Уктусской улице²²⁹. Ок. 1792 г. старообрядцы в той же усадьбе возвели отдельное деревянное здание²³⁰. В ведомостях, составленных местными чиновниками для пермского губернатора в 1830-х гг. время постройки обозначено неопределенно: «во времена населения города»²³¹ (т. е., предположительно, ок. 1781 г.).

Вскоре после начала приписки шарташцев к городским сословиям (что нередко сопровождалось и переселением), в городе появился второй

²²⁷ *А[рхим.] П[алладий]*. Обозрение пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб.: тип. ж-ла «Странник», 1863. С. 11.

²²⁸ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 816. Л. 628.

²²⁹ *Голобородский М. В.* Архитектура храмов Екатеринбурга: XVIII–XIX вв.: дисс. на соиск. уч. степ. канд. архитектуры. Екатеринбург, 2004. С. 126. Предшествующее название улицы – Сапожникова, последующее, с 1845 г. – Госпитальная, поскольку шла от заводского госпиталя, см.: *Зорина Л. И., Слукин В. М.* Улицы и площади старого Екатеринбурга. Екатеринбург: «Баско», 2005. С. 63–64.

²³⁰ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 11.

²³¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 816. Л. 628.

беглопоповский храм, поскольку Успенский молитвенный дом в старой купеческой части Екатеринбурга, видимо, был мал для стремительно увеличивавшегося числа прихожан. К тому же он находился в центре города, а многие выходцы из Шарташа осели в пределах южной заимки на восточном берегу р. Исеть. Там в 1792–1793 г. они начали строительство новой часовни²³². Первоначально она была устроена в честь Покрова Богородицы, а в 1812 г. переосвящена как Никольская и приобрела статус единственной на Урале и в Сибири старообрядческой церкви²³³. Беглые священники, служившие до 1830-х гг. в Екатеринбурге привозились попечителями из старообрядческих монастырей на р. Иргиз в Саратовской губ., где их «исправляли»²³⁴. Особая роль старшин в обеспечении екатеринбургского общества и связанных с ним общин сопредельной территории беглыми попами была одним из дополнительных факторов влияния и укрепления позиций светских лидеров религиозного сообщества. В перв. трети XIX в. привезенных иргизских священников около десятка²³⁵.

Кроме Екатеринбурга, привезенные с Иргиза беглые иереи по направлению старшин исполняли таинства в других уральских общинах, отлучаясь из города на довольно продолжительное время. Екатеринбургские беглопоповцы рассматривали перспективу «исправы» священников в своей Никольской церкви, что позволило бы им не зависеть от иргизских монастырей, но ни об одном из таких событий неизвестно.

Третий большой каменный молитвенный дом также в честь свт. Николая Мирликийского был выстроен старообрядцами в 1814–1818 гг. Он возводился при попечении старообрядческого старшины купца Я. М. Рязанова и предполагался в качестве главного храма не только для беглопоповцев города, но и всего уралосибирского региона. Беглопоповцы в течение 15 лет надеялись, что власти

²³² ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 816. Л. 628; Голобородский М. В. Архитектура храмов Екатеринбурга. С. 126; Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. С. 157; Его же. Первая старообрядческая часовня Екатеринбурга. С. 100.

²³³ Байдин В. И. Старообрядчество Урала. с. 53.

²³⁴ «Исправа» беглых попов – особый чин приема в старообрядчество крещенных обливательно священников РПЦ, введен Московским старообрядческим собором 1779–1780 гг.

²³⁵ Белобородов С. А. Религиозно-организационная структура старообрядчества. С. 130–140.

разрешат открыть помещение как церковь, где будут служить старообрядческие иерархи, действия которых контролировались бы светской администрацией. После завершения постройки каменного молитвенного дома, старообрядческие лидеры неоднократно – в 1818, 1826, 1829, 1832, 1837 гг. ходатайствовали перед императором и правительством о разрешении иметь священников, подчинявшихся гражданской администрации, а не епархиальным властям. Обращения были безуспешными, хотя и подкреплялись подписями уполномоченных от 150-тысячного старообрядческого населения Урала, а просьба 1837 г. была поддержана Главным начальником Уральских горных заводов В. А. Глинкой²³⁶.

В Шарташе из 400 дворов в 1828 г. не было ни одного православного²³⁷. Там образовалось как минимум два старообрядческих прихода, сложившихся вокруг часовень – Покровский и Троицкий. Кроме того, с конца XVIII в. в селении появилось полтора десятков женских скитов, куда принимались насельницы со всего Урала и Зауралья. Известность и устойчивость шарташского скитского центра поддерживалась не только средствами как минимум четырех не бедных общин (двух екатеринбургских, двух шарташских) и сбором подаваний. Скиты выполняли традиционные религиозные функции, служили местом социального призрения, образования, изготовления богослужебных книг и утвари. Жителей шарташских скитов насчитывалось свыше 300 человек, среди которых были и представительницы известных старообрядческих фамилий Екатеринбурга²³⁸.

Первые проявления пристального внимания правительства к староверию, как фактору влияния, который необходимо поставить под бóльший контроль властей, относятся еще ко времени царствования Александра I, когда в Санкт-Петербурге ок. 1820 г. был создан секретный совещательный комитет по делам раскола, хотя первые несколько лет он почти бездействовал. При Николае I в стране была устроена сеть таких комитетов и им были приданы полномочия для максимального

²³⁶ Байдин В. И. Старообрядчество Урала и самодержавие. С. 95–96, 109–117, 123.

²³⁷ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1901. С. 38–40, 584.

²³⁸ Подробнее см.: Белобородов С. А. Шарташ – старообрядческий рай (из истории «шарташской веры» на Урале в XVIII – первой половине XIX вв.) // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XV–XX вв. / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск: СО РАН, 2005. С. 343–352.

содействия устранению старообрядцев из публичной, экономической и административной сфер²³⁹. При этом религиозная оппозиционность приравнивалась к противообщественным и противогосударственным действиям.

Из колоссального множества законов и подзаконных секретных предписаний о старообрядцах, изданных в этот период, выделим те, что имели существенное влияние на положение старообрядческого сообщества в городе²⁴⁰.

Сначала запретом на совершение венчаний и выдачу метрических свидетельств, а затем и устранением беглых попов из старообрядческих общин было существенно ограничено подтверждение статуса и имущественных прав старообрядцев, что было не особенно важно в условиях сельской общины, где семейный раздел и право зависели от решения крестьянского мира, но в городских условиях для купечества составляло проблему, поскольку их брак и наследники должны были быть занесены в санкционированные властями гражданские документы²⁴¹.

В 1838 г. главы авторитетных старообрядческих фамилий Екатеринбурга были поставлены перед выбором: прекращение торгово-промышленной деятельности, в том числе золотодобычи, а также отстранение от участия в органах местного самоуправления из-за принадлежности к старообрядчеству или сохранение всего при условии принятия единоверия. Строитель каменного молитвенного дома Яким Рязанов и представители еще пяти семейств выбрали второй вариант.

²³⁹ Переход в единоверие уральских старообрядческих старшин подробно рассмотрен в достаточно большом количестве исследований, см.: *Байдин В. И.* Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII – середина XIX вв.): дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Свердловск, 1983; *Агеев С. С., Микитюк В. П.* Рязановы – купцы Екатеринбургские. Екатеринбург, 1998; Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. Екатеринбург, 2008; *Белобородов С. А.* Религиозно-организационная структура старообрядчества горнозаводского Урала во втор. четв. XIX – нач. XX вв. (на примере согласия беглопоповцев / часовенных): дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012; *Палкин А. С.* Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург: УрФУ, 2016.

²⁴⁰ Например, запрет ремонтировать общественные молитвенные здания и устраивать таковые в частных домах (ПСЗ. 2-е собр. Т. 1. № 584; Т. 11. № 9107), ставший основным поводом для закрытия старообрядческих часовень и молелен на Урале и по всей стране, в Екатеринбурге не применялся.

²⁴¹ ПСЗ. 2-е собр. Т. 1. № 1257, 2356.

Молитвенный «рязановский» дом после этого стали перестраивать в церковь и на время этих работ Я. Рязанов предлагал передать его общине деревянную Никольскую часовню беглопоповцев. Он аргументировал свою просьбу тем, что в процессе перестайки каменное помещение храма трудно отапливать и в качестве зимнего храма оно еще неудобно. Главный начальник уральских горных заводов В. А. Глинка и архиепископ Пермский Аркадий поддержали Рязанова. Тем не менее, часовня осталась в пользовании беглопоповцев. Можно предположить, что новоявленные единоверцы и их бывшие «сообщинники», сохраняя прежние родственные и деловые связи, сами нашли компромиссный вариант, в отличие от многих городских общин в других регионах²⁴². Возможно, также, что этому способствовали неоднократные пожертвования прихожан Никольской часовни в пользу перестраиваемой единоверческой церкви: только в 1840 г. Г. Ф. Казанцев передал для этого дела 1500 руб. ассигнациями, оставаясь при этом одним из попечителей старообрядческой общины Никольского храма²⁴³.

В 1839 г. екатеринбургская «рязановская» церковь стала единоверческой с южным Иоанно-Златоустовским приделом. Улица, ведущая к храму, получила

²⁴² Переход в 1830–1840-х гг. в единоверие был вынужденной мерой и выбирался, как правило, только небольшой частью общины. Наличие единоверческой общины в первые годы являлось своеобразным доказательством успешности местных властей в борьбе с расколом и ослабляло натиск на оставшихся в старообрядчестве. Во многих крупных городских центрах принятие единоверия с переосвящением молитвенного помещения в церковь происходило без явного желания, но без ярко выраженного противодействия (в отличие, например, от открытого сопротивления в случае с Иргизскими монастырями или в Нижнетагильском заводом). При этом большинство таких городов остались центрами старообрядчества: Хвалынский (единоверческий приход появился в 1838–1842 гг.), Саратов (1843–1844), Вольск (1845), Боровск (1846), Самара (1848), Новозыбков. *Соколов Н. С.* Раскол в Саратовском крае Опыт исследования по неизданным материалам. Т. 1. Саратов : тип. И. П. Штерцер и Ко., 1888. С. 441–449, 451–452; *Тихомиров И. Ф.* Раскол в пределах Калужской епархии: прошлое и настоящее местного раскола. Калуга: Типо-литография губернского правления, 1900. С. 135–150 173 с.; *Полозов С. П.* История старообрядчества Хвалынского района Саратовской области // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы 13-й международной конференции молодых ученых. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002. С. 498–502; *Наумов А.* Земли Хвалынской храмы. Саратов : Текст, 2004. С. 129–131; 141 с.; *Алабин П. В.* Двадцатипятилетие Самары, как губернского города : (историко-статистический очерк). Самара : Издание Самарского статистического комитета, 1877. С. 109–110; 744 с. *Абакумов С. Н.* Орловское купеческое общество старообрядцев беглопоповцев в первой половине XIX века // Булгаковские чтения. Сб. науч. ст. / Под. ред. Л. И. Пахарь, Е. И. Хохловой, И. В. Желтиковой. Орел : Орловский государственный университет, 2009. Т. 3. С. 139–147.

²⁴³ *Палкин А. С.* Указ. соч. С. 139.

название Златоустовской. В 1849 г. появился северный Никольский придел, а спустя три года был освящен главный престол в честь Св. Троицы.

Для захоронения умерших старообрядцы-беглопоповцы и единоверцы до середины 1840-х гг. продолжали совместно использовать небольшой участок на юго-восточной окраине города. Затем им и единоверцам было выделено новое место, находящееся далее на восток по Сибирскому тракту²⁴⁴. Новый участок был разделен на две части: старообрядческую (для Успенской и Никольской часовень) и единоверческую (Свято-Троицкого храма). Позднее к кладбищу часовенных была прирезана часть, предназначавшаяся для отдельного погребения старообрядцев белокриницкого согласия, а к единоверческому – территория для захоронений еще одной единоверческой общины – Спасской²⁴⁵. При старом кладбище, по ходатайству присоединившегося к единоверию коммерции советника А. Т. Рязанова, на принадлежавшей ему земле в 1864 г. была устроена больница-богадельня. Кроме того, на этом кладбище находились фамильные захоронения семьи Рязановых, что способствовало закреплению за этим местом названия старообрядческое «рязановское» кладбище, память о котором объединяла екатеринбургских старообрядцев и единоверцев Свято-Троицкого храма, в прошлом принадлежавших к одному беглопоповскому сообществу (Приложение 1).

В Верх-Исетском заводе беглопоповская часовня была обращена в Христорождественскую единоверческую церковь в 1837 г., а ведущая роль Шарташа поначалу не особо изменилась, даже после большого пожара в селе в 1832 г., уничтожившего большую Троицкую старообрядческую часовню. Её прихожане, не имея разрешения на постройку нового строения, просто перенесли спасенные иконы в молитвенный дом при т. н. Сосновом кладбище и стали молиться там²⁴⁶. Однако, когда на рубеже 1840–1850-х гг. горные власти провели выселение

²⁴⁴ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2358, 2382.

²⁴⁵ *Ворошилин С. И.* Из истории церковного строительства в Екатеринбурге // Уральская старина. Вып. 2. Екатеринбург, 1996. URL: <http://www.1723.ru/read/books/voroshilin.htm> (дата обращения: 05.05.2016).

²⁴⁶ *С[мородинцев Н.] Шарташ* // Екатеринбургская неделя. 1884. № 31. С. 533.

скитниц в места приписки, действующий открыто шарташский религиозный центр был ослаблен. Некоторые руководительницы обителей переместились в более труднодоступные местности на Южном Урале и в Зауралье, часть насельниц осталась там, куда их водворила горная полиция, другая часть – из приписанных к мещанству Екатеринбурга, просто переселилась под опеку городских общин. Надо полагать, что всё это не предотвращало повторное устройство аналогичных обителей (решавших, прежде всего, насущную проблему социального призрения), лишь не столь многочисленных и явных. Например, насельница уничтоженных скитов мещанская дочь Калашникова Лукерья и в 1858 г. продолжала жить в Шарташе, приписанная «сестрою» к местной семье²⁴⁷. Одна из скитских руководительниц 1840-х гг. – Пастухова Прасковья в 1874 г. также находилась среди шарташских жителей, числясь отдельным одиночным домохозяйством²⁴⁸. Известно, что скитницы – и водворенные в места приписки, и оставшиеся в Шарташе, уже с конца 1850-х гг. развернули деятельность, которая влияла на окрестное население не вполне желательным для синодальных властей образом²⁴⁹.

В отличие от Екатеринбурга, в Шарташе насаждение единоверия происходило по «классической» схеме: сначала были найдены немногочисленные согласные перейти в него, для них власти в феврале 1852 г. отобрали у старообрядцев одну из местных часовень. Но, видимо, в шарташском обществе эта акция вызвала такое возмущение, что новоявленным единоверцам служить в часовне было затруднительно и они обратились к главному начальнику Екатеринбургских заводов В. А. Глинке с просьбой построить им новое здание за счет казны²⁵⁰. Просьба не была удовлетворена, но из 30 шарташских старообрядческих семейств, наиболее активно противостоявших отобранию часовни и не желавших присоединиться к единоверию, главы были переведены в 1852–1853 гг. на Богословские и Гороблагодатские заводы в назидание остальным²⁵¹. В 1855 г.

²⁴⁷ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 495. Л. 15–15 об.; Ф. 8. Оп. 1. Д. 1777. Л. 939–940.

²⁴⁸ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 39 об.–40 (Запись № 172).

²⁴⁹ Из сочинений последователей австрийщины // ЕЕВ. 1909. № 11. С. 166–167; Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала. С. 270–271.

²⁵⁰ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1390.

²⁵¹ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1379. Л. 1 об.–2 (Кунаев Т. Е.), 7 об.–8 (Черепанов А. С.), 9

закрыли кладбище, при котором молились прихожане сгоревшей Троицкой часовни и отвели новое место подальше от селения, так что ходить на службу с детьми стало непросто, в то время как переданное единоверцам здание находилось в самом центре Шарташа и даже было в 1862 г. перестроено в церковь. Тем не менее и несколько десятилетий спустя большинство жителей пригородного села принадлежала к староверию, а треть населения, числящаяся при единоверческой церкви, присоединялась к ней для придания законности бракосочетанию: «Некоторые старообрядцы, присоединившись к православию и повенчавшись (а всегда присоединяются ради брака), затем уже никогда и не показываются в церкви. А таковые у церковнослужителей считаются православными»²⁵². По самым оптимистичным подсчетам церковнослужителей в числе их паствы в 1882 г. было 253 православных шарташца, 309 числилось единоверцами; остальные 1106 человека оставались в староверии, а екатеринбургская пресса с сомнением комментировала эти цифры: «не показывают истинной цифры: тоже много православных и единоверцев и чрезвычайно мало старообрядцев!»²⁵³.

Для понимания изменения условий, в которых существовало старообрядчество во второй половине XIX – начале XX вв. необходимо сделать экскурс в историю законов и нормативно-правовых актов, регламентирующих положение староверов в империи этого времени.

Проблема неудовлетворительной правовой базы (с наличием множества противоречивых постановлений) в отношении старообрядцев начинает обсуждаться еще в правительстве Николая I в начале 1850-х гг. Для её пересмотра

(Тяжелых К. Ф.), 14 (Кузнецов И. С.), 15 об.–16 (Шапошников Н. Ф.), 19 об.–20 (Шляпников Г. Р.), 26–27 (Хромых И. П.), 28–29 (Коуров П. П.), 38 (Пичушин С. А.), 37 об.–38 (Дмитриев П. Н.), 41 (Нуров Я. К.), 43 (Зайков В. П.), 47 (Масленниковы Г. К. и А. К.), 48 об.–49 (Мяконьких О. М.), 50 об.–51 (Колпаковы В. М. и В. М. младш.), 54 (Лошкарёв П. А.), 56 об. (Баклаев П.), 61 об.–62 (Бойцов П. Е.), 65 об.–66 (Бойцовы Л. Ф. и А. Л.), 69 об.–70 (Баклаев В. С.), 79 (Благин З. С.), 79 об.–80 (Благин Л. С.), 88 об.–89 (Бабарыкин И. М.), 95 об.–96 (Дыбин Д. Е.), 96 об.–97 (Иванов В. Т.), 97 об.–98 (Мишалин В. Д.), 108 (Ведерников А. Г.), 121 (Тимофеев А. Ф.). Часть событий по устройству единоверческого прихода в Шарташе предстала с художественными подробностями в рассказе на страницах «Исторического вестника», который в начале XX в. перепечатало издание екатеринбургских часовенных: *Сапегин К. А. Гонения на Урале // Уральский старообрядец. 1915. № 2. С. 21–28.*

²⁵² *С[мородиных Н.] Шарташ // Екатеринбургская неделя. 1884. № 31. С. 534.*

²⁵³ Там же.

под контролем министра внутренних дел в 1853 г. был создан Особый комитет и хотя речь по-прежнему шла о борьбе с «расколом» с использованием административных средств, центр тяжести переносился на миссионерско-просветительскую работу и выяснение реальной численности староверов²⁵⁴. Сроки принятия решений по старообрядческому вопросу в отличие от остальных реформ середины XIX в., постоянно откладывались из-за позиции представителей Синода, отстаивавших исключительное право православной церкви на распространение веры внутри страны и апеллировавших к неблагонадежности старообрядцев («австрийское» согласие было связано с заграничной белокриницкой иерархией, часть беспоповцев, например, старопоморцы и федосеевцы, не принимали общепринятую формулировку моления за Высочайшую императорскую власть, бегуны отвергали уплату податей, паспорта, не имели постоянного места жительства). Т. о. вопрос о легализации староверов сохранял политическое измерение и был предметом противостояния консервативных и либеральных сил, межведомственной борьбы и затягивал пересмотр прежних правовых норм.

В 1857–1858 гг. был отвергнут либеральный проект о поповцах, разработанный под эгидой вел. кн. Константина Николаевича, в котором предусматривалась легализация беглопоповского священства (что, в свою очередь, повлекло бы и легализацию совершаемых ими браков); но в то же время было издано особое руководство для губернаторов ограничивающее меры воздействия на «раскольников» арсеналом увещательных практик и прекращавшее розыск беглых попов, ушедших к старообрядцам. В 1864 г. после доклада министра внутренних дел П. А. Валуева императору был создан комитет для пересмотра действовавших относительно староверов законоположений, в результате работы которого упразднили труднодостижимые ограничения – на устройство молитвенных помещений в жилых домах (теперь необходимо бы «всего лишь» получить на это разрешение властей), богослужебную деятельность священников и наставников (духовный статус их при этом не признавался), приобретение

²⁵⁴ Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8. СПб., 1863. С. 632.

недвижимости, запись в гильдии для старообрядческого купечества, занятие общественных должностей (в некоторых случаях)²⁵⁵.

После долгих дебатов в правительстве частичное признание старообрядческой общины и семьи произошло лишь в 1870–1880 гг. По правилам 19 мая 1874 г. браки, заключаемые между «природными» старообрядцами (т. е. от рождения принадлежащими к староверию, никогда не причисляемыми к пастве синодальной православной церкви) и сведения о том, кто их венчал («брачил») могли быть внесены в особые метрические книги, ведущиеся при местных полицейских управлениях и волостных правлениях. Законными также признавались семейные узы старообрядцев, внесенные в последнюю 10-ю ревизию²⁵⁶. Последовавшее через год распоряжение министра внутренних дел еще точнее определило сферу применения правил: они касались только тех, кто никогда не был записан в метриках какого-либо вероисповедания, официально признанного в государстве²⁵⁷. Тем не менее, при всех оговорках и ограничениях, этот законодательный акт был первым шагом к легализации старообрядческой семьи и может служить своеобразным внутренним разделом изучаемого периода. В последней четверти XIX в. изменения коснулись и старообрядческой общины.

Законом 3 мая 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» было подтверждено, что старообрядцам можно занимать общественные должности с соблюдением определенных условий, с разрешения гражданских властей строить моленные дома (но без крестов и куполов) и проводить там общественные богослужения (без устройства крестных ходов). Главным ограничительным условием был запрет «публичного оказательства раскола», чтобы в староверие не совращались православные²⁵⁸. На практике официальное устройство моленного дома могло быть

²⁵⁵ Особый временный комитет по делам о раскольниках. Общий журнал комиссии для всестороннего обсуждения и разработки Высочайше утвержденных 16 августа 1874 года предначертаний Особого временного Комитета о раскольниках. Б. м. и г. С. 1–11.

²⁵⁶ ПСЗ. Собрание 2-е. Том XLIX. 1874 г. Отделение 1. № 53391.

²⁵⁷ Обзор мероприятий министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С. 301.

²⁵⁸ ПСЗ. Собрание 3-е. Т. III. 1883 г. № 1545.

остановлено на этапе рассмотрения из-за того, что выяснялась принадлежность части заявителей к числу когда-либо обращавшихся синодальный приход, ныне «уклонившихся в раскол». Решение, как правило, принималось с учетом мнения православного миссионера, например, утверждавшего, что в данной местности уже есть один молитвенный дом, поэтому во втором таком же нет совершенно никакой необходимости и лучшим выходом будет слом имеющихся недозволенных частных молитвенных помещений²⁵⁹.

Лишь в 1905–1906 гг. после Манифеста о веротерпимости 17 октября 1905 г. и Правилах регистрации старообрядческих общин 17 октября 1906 г.²⁶⁰, появились закрепленные *de-jure* основания для легального общественного и семейного статуса старообрядцев. Либерализация законодательства в 1905–1906 гг. позволила говорить о начале «серебряного» века для старообрядчества²⁶¹. Изменение гражданско-правового положения староверов способствовало активизации храмостроительства и школ, организации соборов и съездов. Государственная политика по отношению к староверам утратила откровенно репрессивный характер и обрела бо́льшую, нежели прежде, терпимость. Тем не менее, попытка «вписать» старообрядчество в систему, в которой господствовала официальная православная церковь, привела к тому, что многие дарованные права и свободы необходимо было при реализации обосновывать и отстаивать в административном и судебном порядке.

Возвращаясь к ситуации в уральском городе в середине XIX в., когда легальность семьи и общины старообрядцев оставалась в сфере желаемого, отметим, что конфронтации между старообрядцами и самой большой

²⁵⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 164. Д. 1374. Дело о привлечении купца Т. М. Аксенова к ответственности за устройство тайной «австрийской» церкви в ограде своего дома в Нижнем Тагиле, 1883–1887 гг. (избежал преследования, так как умер); Ф. 1284. Оп. 221. Д. 3. Ходатайство старообрядцев Черноисточинского завода об устройстве молеального дома, 1885 г. (отклонено).

²⁶⁰ Высочайше утвержденные 17 апреля 1905 г. положения комитета министров об укреплении начал веротерпимости // Церковные ведомости. 1905. № 18. С. 126–134; Свод Законов Российской империи под ред. и с прим. И. Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 1. Т. II. СПб, 1912. С. 201–205; ПСЗ. Собр. 3-е Т. 26. № 28425, 28426 (1906 г.).

²⁶¹ Поздеева И. В. Русское старообрядчество и Москва в начале XX в. // Мир старообрядчества. Вып. 2. Москва старообрядческая. М., 1995. С. 6.

единоверческой общиной в самом Екатеринбурге не наблюдалось²⁶². Этому способствовало отсутствие споров вокруг здания и, видимо, понимание вынужденности «перехода», который совершился на «особых условиях», позволявших на первых порах рассматривать единоверие как вариант старообрядчества. Кроме того, переход глав нескольких наиболее влиятельных старообрядческих семей, совершившийся под нажимом властей в два приема – в 1838 и 1845–1846 гг., позволил остальным остаться на прежних позициях, отчасти поступившись масштабами предпринимательской деятельности, поскольку запись в 1-ю гильдию для старообрядцев была запрещена. При этом сохранилась система семейно-деловых связей и на её основе городские старообрядцы могли вести опосредованный диалог с властями с привлечением максимально возможного круга средств и учетом правил бюрократического управления (переписка с Синодом, местными иерархами, начальником Екатеринбургских горных заводов), а также решать часть затратных вопросов, связанных с обеспечением прихода.

До середины 1860-х гг. местное единоверческо-старообрядческое сообщество не следует рассматривать как четко и бесповоротно разделенное: члены попечительских семей обоих направлений участвовали в совместных предприятиях по разработке золотых приисков, питали надежды на обретение независимого от господствующей церкви епископа, от которого возобновилось бы старообрядческое священство. Бывшие беглопоповцы, связанные с городской экономикой, стремились к обретению не просто «истинной» иерархии, а еще и признаваемой властями²⁶³.

Помимо возвращения к желательным литургическим практикам и отсутствию угрозы санкций и преследований, наличие священства, признанного властями, но находящегося под контролем общины и на её обеспечении, решало бы проблему с документированием рождений, браков и смертей для подтверждения родства и законности передачи наследства (подобно тому как в первой трети XIX в., «метрические ведомости» старообрядцев подавались старшинами через Горного

²⁶² Палкин А. С. Указ. соч. С. 131–167.

²⁶³ Из сочинений последователей австрийщины // ЕЕВ. 1909. № 9. С. 126–127.

начальника Екатеринбургских заводов в Пермское губернское правление и хранились в его архиве). После запрета беглых священников аналогичный порядок староверы пытались ввести при заключении «сводных» браков, но первые же метрические книги, заполняемые наставниками и свидетельства выданные молодоженам в 1839 г. стали уликой в следствии о распространении «беззаконных сожителств»²⁶⁴. В 1830–1850-х гг. в местных учреждениях исправниками фиксировались только смерти и рождения (последние большей частью отмечались как внебрачные), чего городским старообрядцам было недостаточно. В 1857–1858 гг. при проведении 10-й ревизии отдельные староверы делали ревизскому старосте о своих «сводных браках» заявления²⁶⁵, которые он оформлял письменно, но эта существенная возможность узаконения семейного состояния была, во-первых, одномоментной, во-вторых, могла повлечь нежелательное разбирательство и, скорее всего, поэтому не приобрела массового характера.

Во внутренних старообрядческих дискуссиях об исчезновении «истинной» иерархии екатеринбургское старообрядческое общество занимало консервативную позицию. Если зауральские крестьяне санкционировали переход к бессвященнословному состоянию соборным решением еще в 1840 г., горнозаводские беглопоповцы вынуждены были начать «сводить» браки в отсутствие священников в 1838 г., то в Екатеринбурге и Шарташе еще почти десятилетие могли прибегать к помощи бывшего старообрядческого иерея Парамона Лебедева, служившего в единоверческой Троицкой церкви до 1847 г. Таким же образом, возможно, относились и к последующим священникам, чья деятельность в 1850–1860-х гг. выстраивалась с учетом мнения светского лидера прихода Г. Ф. Казанцева (ок. 1806–1874)²⁶⁶. Кроме того, отдельные екатеринбургские сторонники священства могли себе позволить поездку в Тулу,

²⁶⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23064. Л. 10 об.–12.

²⁶⁵ См.: ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1777. Л. 494–496 (заявление о браке 1857 г. мещан Ивана Наумова и Варвары Игнатьевой Щербаковых).

²⁶⁶ Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы – купцы Екатеринбургские (Схема 17); Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в. С. 144, 243–247; Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала. С. 207.

где действовал беглый поп Павел Смирнов²⁶⁷. Относительно него уральские часовенные не выносили никаких суждений, но принятых Павлом священников от новообрядческой церкви признавать отказались, при этом из формулировки соборного постановления следует, что случаи обращения к ним могли иметь место²⁶⁸.

Ход и содержание полемики среди часовенных Урала по этому вопросу указывает на две особенности: во-первых, для екатеринбуржцев было важно действовать от лица всего уральского старообрядческого сообщества и иметь на свои действия санкцию собрания с максимально большим количеством представителей. Во-вторых, им требовался институт священства, а лучше трехчинной иерархии, который был бы признан властями (со всеми преимуществами легальной организации) и функционировал с учетом мнения мирян (прежде всего, попечителей, которые несли основные расходы в общине). Все остальные нюансы были уже не столь существенны. Однако крестьянские общества вполне устраивала расширившаяся после исчезновения священства автономность региональных объединений и независимость от «поставок» священнослужителей под эгидой екатеринбургских деятелей. Они придерживались более радикальных взглядов и даже их санкцию на снаряжение «экспедиции» для поиска священства приходилось добиваться с трудом.

²⁶⁷ Подробнее о т. н. тульском священстве см.: *Агеева Е. А.* Беглопоповцы в XIX – начале XX вв. // *Православная энциклопедия*. Т. 4 (Афанасий – Бессмертие). – М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 422–424. Глава екатеринбургских единоверцев Г. Ф. Казанцев в одном из своих писем 1861 г. отмечал особую роль тульского попа: «В настоящее время, хотя между старообрядцами есть разномыслие относительно Буковинской иерархии [имеется ввиду белокриницкое священство – Ю. Б.], и те из них, которые за правильную её не признают, а лжепопов австрийских не принимают, но не станет беглого попа в Туле, Павла, тогда, без сомнения, все поповцы совоюются под хоругвь лжеепископа Кирилла» (Цит. по: Из сочинений последователей австрийщины // ЕЕВ. 1909. № 9. С. 119).

²⁶⁸ Обращение к ним было запрещено в 1872 г. Веселогорским собором и Екатеринбургским собором 1873 г. «Если кто прежде того собора, то есть 10-го марта [1872 г.] коснулся выше упомянутым попом и со смирением раскаются, тии остаются без последствия. А кто откажется и будут оупорны, с таковыми не иметь сообщения и единомыслия» (ОР БРАН. Ф. 43 (Собрание рукописей Тагильского скита). № 27. Л. 10–11). После этого екатеринбургские часовенные в течение последней четверти XIX в. инициировали поиски священства, добиваясь поддержки благодаря своей влиятельности среди горнозаводских часовенных (Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 1. Новосибирск, 1999. С. 339–350; *Белобородов С. А., Боровик Ю. В.* Староверы горнозаводского Урала. С. 232–240).

По сравнению с другими старообрядческими центрами Урала «особые условия» действовали не только для единоверцев, но и фактически для екатеринбургских беглопоповцев, оставшихся без священства: они сохранили обе часовни (их не опечатывали и не закрывали), только в отсутствие священников престол и царские врата в них оставались закрытыми. С 1880-х гг. появляются известия о наставниках (Таблица 2.1), которые, скорее всего, начали служить в обеих часовнях в более раннее время (уже в материалах 10-й ревизии фиксируются «сводные» молодожены-старообрядцы, которые, судя по возрасту, заключали брак после исчезновения священников и, следовательно, «брачить» их должны были наставники).

Таблица 2.1. Наставники старообрядческих общин часовенных в Екатеринбурге, 1880–1919 гг.

период	Успенская часовня («малая»)	Никольская часовня («большая»)
1880 – 1900-е гг.	Петр Иванович Песков крестьянин Невьянского(?) завода Пермской губ.	
	Савельевских Лазарь Фокиевич, крестьянин Кунгурского уезда Пермской губ.	Шапошников Федор Лаврентьевич, мещанин г. Екатеринбурга (бывший крестьянин с. Шарташ)
1900-е – 1918 гг.	Мокрушин Порфирий Симонович, мещанин г. Екатеринбурга (бывший крестьянин Красноуфимского уезда Пермской губ.)	Солодовщиков Иван Алексеевич, крестьянин с. Петрокаменского Верхотурского уезда Пермской губ. Лобанов Порфирий Данилович, крестьянин Сылвенской вол. Пермского уезда Пермской губ.

Источники: Город Екатеринбург. С. 943; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 94, 114, 176, 184, 207, 209, 228, 251, 258, 281, 308, 335 (метрические книги Успенской и Никольской часовень за 1907–1919 гг.); Поминальник невянского наставника К. С. Овчинникова (л. 2 об.).

Большинство наставников происходило из грамотных крестьян соседних заводов и деревень, которые со временем приписывались к мещанскому сословию. Поиск мирян для богослужения и требоисполнения, дальнейшее их положение и статус в общине основывались на тех же принципах, что действовали раньше в отношении беглых священников – это были лица, выделяемые и уважаемые за богослужебную грамотность, главная функция которых заключалась в исполнении

таинств. Они обеспечивались совместными усилиями общества (и попечительский вклад в этом был не последним) так, что для совершения, например, брака была важна не столько плата за сам обряд²⁶⁹, сколько согласие старообрядческого старшины. У нас также нет оснований утверждать, что они обладали абсолютным духовным авторитетом. При обеих часовнях существовали жилые помещения для служителей²⁷⁰ и принятых под опеку прихожан²⁷¹, обеспечением и руководством деятельности которых, как и прежде, занимались светские лидеры каждой общины. На старостах и попечителях лежала обязанность ходатайствовать о перестройке и расширении храмовых строений. Прошения из Екатеринбурга и Шарташа в последней четверти XIX – начале XX в., ремонте, улучшении молитвенных помещений, возвращении отобранного имущества подавались властям неоднократно²⁷², причем екатеринбургские попечители иногда подавали ходатайства и от других уральских общин (например, И. Тарасов в 1883 г. представил властям просьбу часовенных Петрокаменского завода Верхотурского уезда Пермской губернии о распечатании их часовни)²⁷³.

Обе екатеринбургские часовни сохранили основную массу прихожан, поскольку, как уже отмечалось, даже в семьях купцов, присоединившихся к единоверию, от женщин и детей подписки о переходе не требовалось, они могли долгое время оставаться в прежней вере²⁷⁴. Вопрос о принятии единоверия перед

²⁶⁹ У часовенных Зауралья денежная плата за требы осуждалась соборными решениями.

²⁷⁰ Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / Сост. И. И. Симанов. Екатеринбург, 1889. С. 943.

²⁷¹ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1778. Л. 115; Д. 1779а. Л. 39–40, 47–48 (1857–1858 г.): при большой старообрядческой часовне Екатеринбурга проживали мещанская вдова Ломтева Мария Поликарповна, 51 год; вдова Лоцилова Марфа Григорьева 68 лет с дочерью Федосьей Павловой 36 лет перечисленная в 1856 г. из прописных мещан; девка Анна Григорьева Моисеева, 66 лет причисленные к екатеринбургским мещанам «из каракалпаков, бывшая у купца Байнаухова». Причем каждая из пожилых женщин считалась главой отдельного домохозяйства. В поминальнике невянского наставника К. С. Овчинникова есть запись о проживавшей в Екатеринбурге черноризице Капитолине, память которой чтилась (л. 17 об.).

²⁷² РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д. 20 (1882 г.); Д. 69 (1886 г.); Оп. 222. Д. 82 (1901 г.); Д. 111. Л. 2 об.–5. (1905 г.).

²⁷³ Там же. Оп. 221. Д. 40.

²⁷⁴ Эта распространенная точка зрения современных исследователей подтверждается анализом сословного состава старообрядческих городских общин конца 1850-х гг., в котором

потомством старообрядцев вставал перед заключением брака. В екатеринбургских и шарташских семьях переход в единоверие именно перед венчанием в городской Троицкой единоверческой церкви перестал быть редкостью (более подробно этот вопрос рассмотрен в параграфе 1 главы 4). Однако, появляясь несколько раз в единоверческой или православной церкви для освящения брачного союза или крещения, такие прихожане все остальное время продолжали посещать свои часовни, понеся определенную епитимью за обращение к единоверцам²⁷⁵.

В 1865 г. после отказа властей рассматривать проект о самостоятельном старообрядческом епископе, продвигаемый екатеринбургским единоверческим старшиной Ф. Г. Казанцевым, была утрачена надежда, объединяющая перешедших к «православному старообрядчеству» и староверов-часовенных. Естественный уход поколения деятелей, ранее составлявших одно старообрядческое общество способствовал более явному размежеванию.

Во второй половине XIX в. бывшие беглопоповцы стали испытывать сильное влияние еще одного старообрядческого согласия – белокриницкой иерархии, появление которого стало неожиданным последствием репрессивной по отношению к «расколу» политики правительства Николая I, поставившей вне закона беглых священников. При нехватке попов, часть старообрядцев конституировала переход к беспоповской практике с наставниками (как это сделали староверы Зауралья на Тюменском соборе 1840 г., признавая, однако, необходимость священства), а другая не оставляла попыток найти епископа за пределами Российской империи (по решению собора на Рогожском кладбище в 1823 г.). Поиски активизировались после разгрома крупнейшего поповского центра в Поволжье на р. Иргиз, откуда прежде

значительную долю составляют вдовы и подросшее молодое поколение – родственники перешедших в единоверие (см. ниже). Однако в отдельных случаях все члены семьи учитывались, причем на это обращалось внимание еще в 1840-х гг.: в рапорте миссионера Иоанна Первухина 1 марта 1845 г. об итогах беседы с екатеринбургскими купцами Андреем Харитоновым, Григорием Блохиным и Ларионом Спициным отмечено согласие последнего «ходить в единоверческую Спасскую церковь и состоять в приходе (соответственно и жена, и трое детей) о чем сообщено приходскому священнику». Остальные двое купцов «не изъявили согласия... говоря, что их дети будут присоединяться к церкви, когда придут в возраст и что родители еще подумают...» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 495. Л. 43).

²⁷⁵ Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 1. Новосибирск, 1999. С. 336–338, 348, 353, 356–358.

старообрядческие общества получали «исправленных» беглых священников. Появление новой иерархии имеет точную дату – 28 октября 1846 г., когда в с. Белая Криница (Австрия) к старообрядцам присоединился находившийся на покое митрополит греческой православной церкви Амвросий, который в короткое время поставил двух епископов и восемь иереев. Закономерно, что распространение «австрийцев» шло особенно активно именно там, где были общества бывших беглопоповцев, «по нужде» окормляемые наставниками.

Принявшие белокриницкое священство появились на Урале в середине 1850-х гг.²⁷⁶ Сначала их было немного и принадлежали они к нескольким купеческим и мещанским семьям местных старообрядцев и единоверцев²⁷⁷. Кроме них, белокриницкое священство поддерживали новоявленные горожане – переселенцы из Подмосковья, особенно это стало заметным после того как приток мигрантов усилился в пореформенное время (см. об этом подробнее в следующем параграфе). Если в 1857 г. речь шла о нескольких десятках последователей иерархии в Екатеринбурге²⁷⁸, то в начале 1860-х гг. при аресте одного из «раскольнических лжеепископов» – Геннадии во время богослужения в доме купца Чувакова, полицмейстер застал 70 человек, а на допросах сам Геннадий показывал о трех сотнях местных прихожан²⁷⁹.

В 1860–1880-х гг. на Урале жил «австрийский» епископ Константин (Коровин), и действовало уже более десятка священников и священноиноков этого согласия. Число прихожан постепенно увеличивалось за счет миграции и присоединения «часовенных», для которых вопрос о поиске священства всё еще оставался открытым. Основным местом общественных богослужений и

²⁷⁶ Подробнее о распространении белокриницкого согласия в регионе см.: *Белобородов С. А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (из истории русской Православной Старообрядческой церкви – белокриницкого согласия) // *Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий.* С. 136–172.

²⁷⁷ Например, в их числе единоверцы, позднее упоминаемые в качестве деятелей местной общины белокриницкого согласия: Григорий Никифорович Грачев, воспитанница старообрядцев Сырейщиковых – Анна Гавриловна (м. Лариса); купеческая вдова Анна Блохина, значившаяся в 1857 г. единоверкой (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 279–280; Д. 1776(6) Л. 55–56; Д. 1778. Л. 40).

²⁷⁸ *Белобородов С. А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири. С. 138–139.

²⁷⁹ *Пругавин А. С.* Старообрядчество во второй половине XIX в. С. 237.

исполнения таинств в это время у «австрийцев» были частные дома, в которых служили приезжающие священники, привозя с собой походные церкви. Один из первых крупных на Урале храмов белокриницкого согласия в начале 1880-х гг. был устроен в Екатеринбурге в купеческой усадьбе, купленной рядом с «большой» Никольской часовней. После переустройства помещения, храм был освящен в честь Св. Троицы²⁸⁰, аналогично «рязановской» единоверческой церкви, находившейся в соседнем квартале. Служившие в нем священники также, как и большинство наставников часовенного согласия, происходили из уральцев и вели активную миссионерскую работу среди своих земляков: «Ездил к беспоповцам в прошлый Великий пост, присоединилось 18 человек, а всего мною обращено до 50-ти. Были бы деньги на проезд, так можно было бы и больше» – сообщал старообрядческому архиепископу Савватию в Москву екатеринбургский протоиерей Пимен Петрович Огнев в 1891 г.²⁸¹ Представители белокриницкого согласия в деле привлечения сторонников вели себя более активно, по сравнению с часовенными, хотя в количественном отношении им уступали. Их активной деятельностью была одной из причин постоянного возобновления в среде уральских часовенных вопроса о принятии священства (см. подробнее об этом в следующем параграфе).

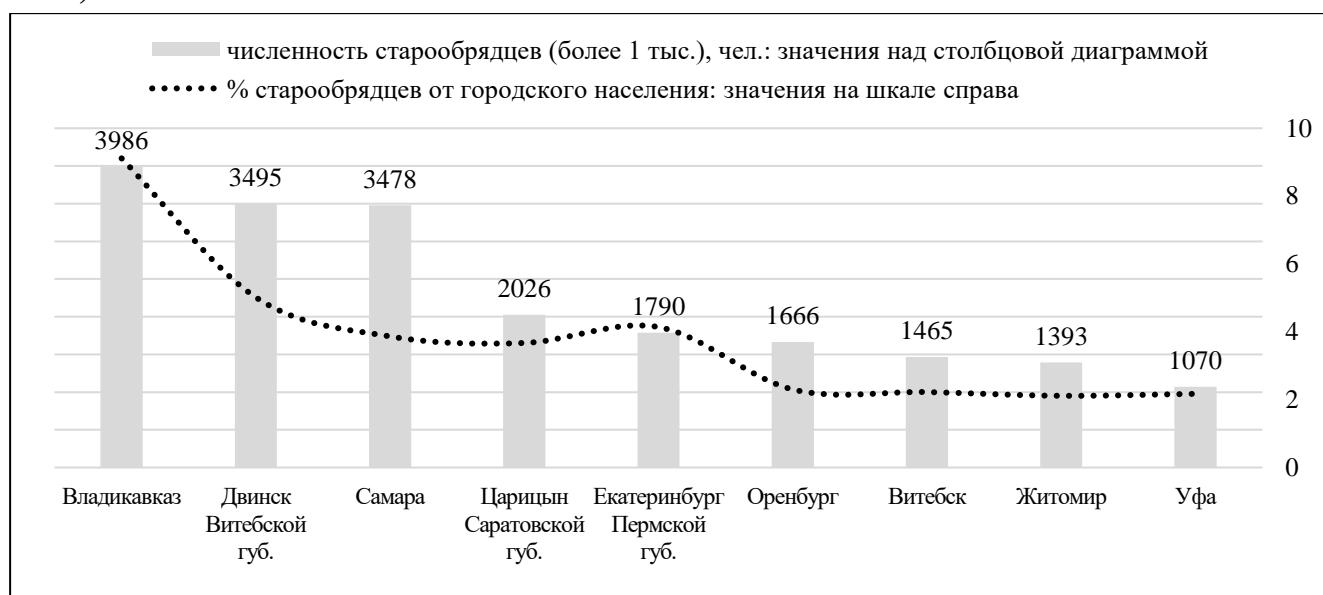
Итак, к началу XX в. в Екатеринбурге было три старообрядческих прихода со своими храмами: Успенский и Никольский часовенного согласия и Свято-Троицкий белокриницкой иерархии. После издания Положения о старообрядческих общинах все они получили официальное признание и статус юридического лица. Влияние каждого из них простиралось далеко за пределы города.

Согласно данным Всеобщей переписи 1897 г. Екатеринбург, будучи уездным центром, находился в числе больших городов империи (с населением от 40 до 100 тыс. жителей), где численность старообрядцев превышала тысячу человек (Рисунок 2.1).

²⁸⁰ Белобородов С. А. «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири. С. 150.

²⁸¹ ОР РГБ. Ф. 246. Оп. 200. Д. 3. Л. 282, 284–285.

Рисунок 2.1. Численность старообрядцев в городах с населением 40–100 тыс. чел., 1897 г.

Источник: Всеобщая Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н. А. Тройницкого. Т. V (Витебская губ.), VIII (Подольская губ.), XXVIII (Оренбургская губ.), XXXI (Пермская губ.), XXXVI (Самарская губ.), XXXVIII (Саратовская губ.), XLV (Уфимская губ.), LXVIII (Терская обл.). СПб.: Слово, 1904. С. 1–4.

Примечание: Принадлежность к губерниям указана для уездных городов, для центров губерний приводятся только названия. Полный список городов Российской империи с численностью старообрядцев свыше 100 чел. см. в приложении 11.

В ряду сопоставимых по общей численности населения, абсолютным и относительным параметрам старообрядческого сообщества городов Екатеринбург являлся среднестатистическим примером и поэтому вполне может выступать моделью для изучения общин староверов большого регионального городского центра под влиянием урбанизации.

Поскольку региональная специфика в Российской империи имела существенное значение, следует обращать внимание на место, которое занимал тот или иной центр в местной городской сети. Екатеринбург в начале XX в. выделяется среди городов Пермской губернии: в нем на момент Первой Всеобщей переписи проживало более половины городского старообрядческого населения Среднего Урала (Таблица 2.2).

Таблица 2.2. Численность старообрядцев в городах Пермской губернии, 1897 г.

Город	Численность старообрядцев	Численность населения
Екатеринбург	1790	43239
Ирбит	345*	20062
Пермь	287	45205
Шадринск	223	11678
Красноуфимск	197	6251
Кунгур	97	14295
Камышлов	50	8210
Алапаевск	34	8646
Чердынь	15	3658
Оханск	7	1894
Соликамск	4	4073
Оса	3	5067
Верхотурье	—	3179
Далматов	—	564
Дедюхин	—	3318
Во всех городах	3052	179339

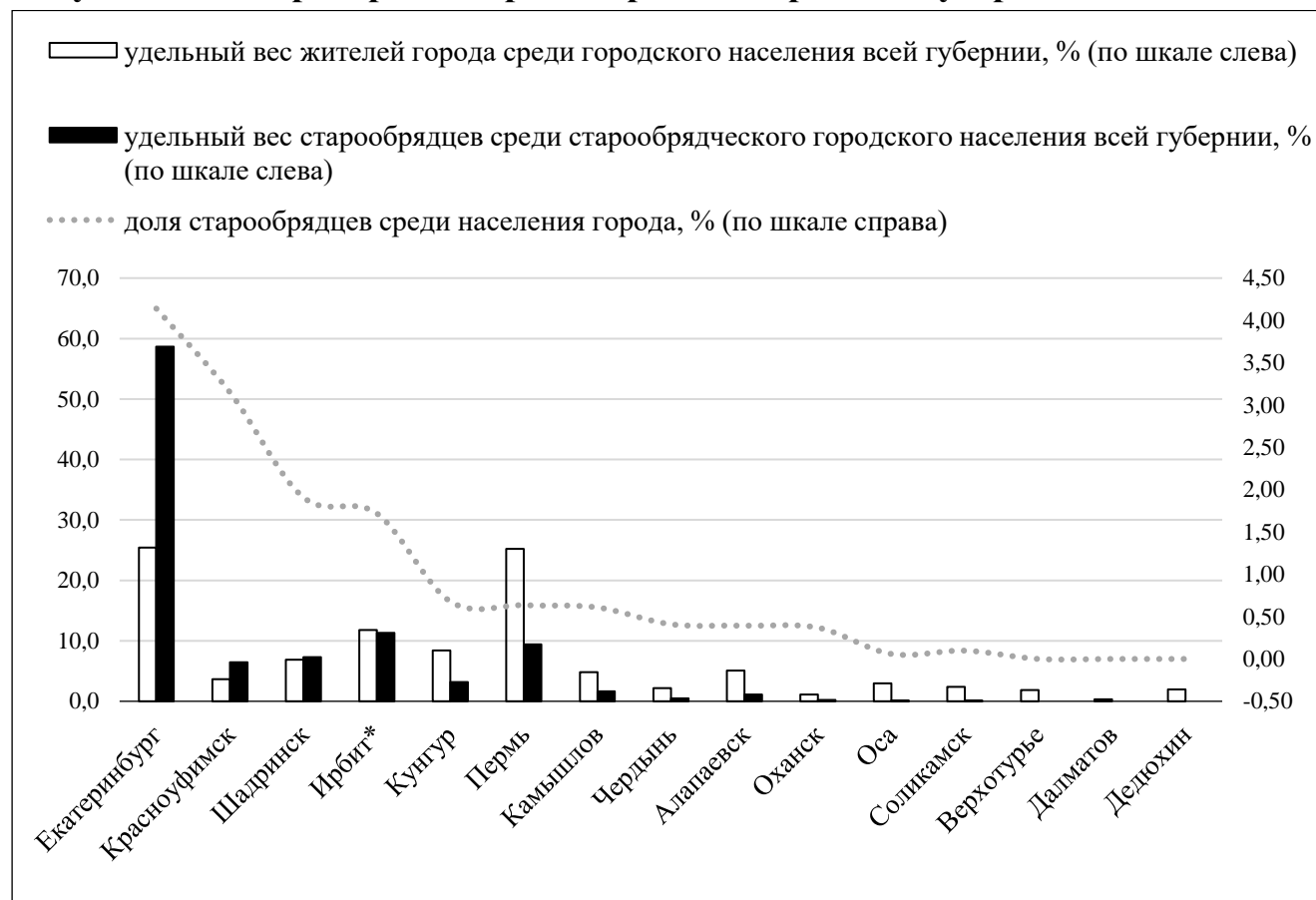
Источник: Всеобщая Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXI. Пермская губерния. СПб.: Слово, 1904. С. 81–82.

* Перепись пришлось на время Ирбитской ярмарки, поэтому численность наличного населения города сильно завышена. Почти половина учтенных приходилась на приехавших торговцев, среди которых было немало старообрядцев. По остальным населенным пунктам доля «временнопребывавших» не сопоставима с масштабами всероссийской ярмарки. Следовательно, полученные данные по Ирбиту, хотя и приводятся в общем списке, не могут быть в полной степени использованы для сравнения.

По доле староверов среди населения Екатеринбург отличался как от губернской столицы, где она составляла всего 0,6% (287 чел.), так и остальных уездных центров (Рисунок 2.2). Более-менее значимая величина 3,2% приходилась на небольшой уездный город Красноуфимск, где их насчитывалось всего 197 чел. Старообрядцы в Ирбите, как отмечено выше, были зафиксированы в числе прибывших на ярмарку, в самом городе исторически не сложилось большой общины. Относительно заметным было старообрядчество Шадринска, вовлеченное, наряду с екатеринбуржцами, в мукомольное производство и

торговлю зерном, значительно оживившиеся во второй половине XIX в. после уничтожения вместе с крепостным правом гарантированного снабжения горных заводов продовольственными припасами²⁸².

Рисунок 2.2. Старообрядцы среди горожан Пермской губернии в 1897 г.

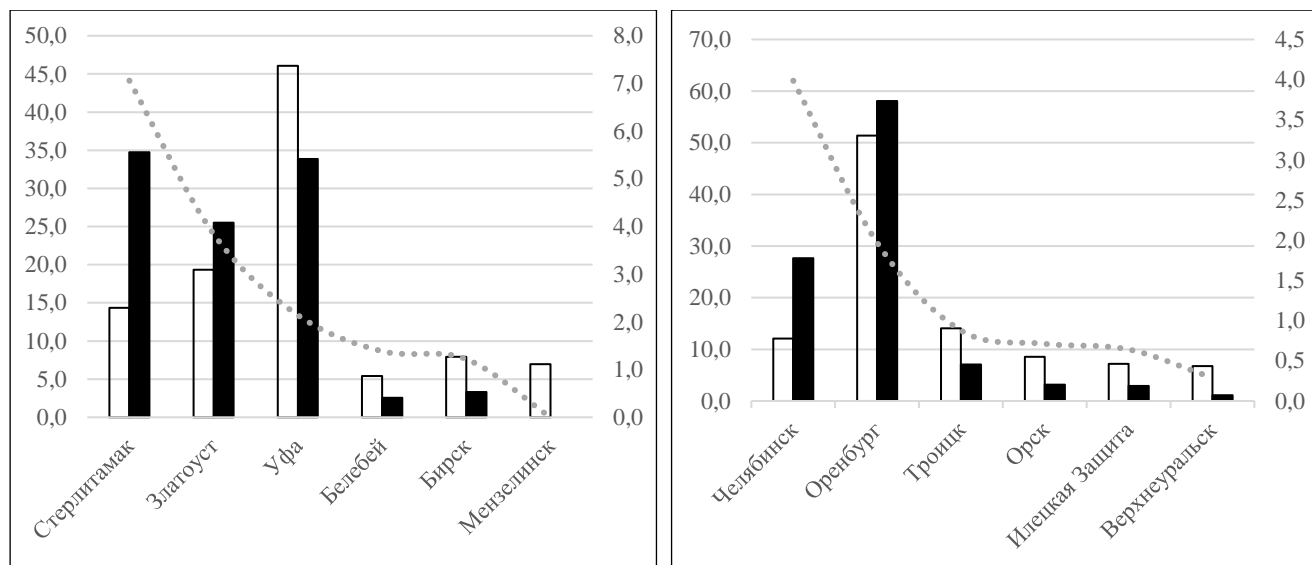

Источник: см. прим. к рисунку 2.1.

На Южном Урале относительно сопоставимыми с Екатеринбургом по числу и доле старообрядцев могут быть несколько городов (Рисунок 2.3). Все они вели «городскую» часть своей истории, как и Екатеринбург, с XVIII в. Почти все старообрядцы-горожане Уфимской губернии в 1897 г. были «распределены» между тремя пунктами: Стерлитамаком, Златоустом и Уфой (1097, 806 и 1070 чел.; 7, 3,8% и 2% городского населения соответственно). В соседней Оренбургской губернии такими центрами являлись Оренбург и Челябинск (1666 и 793 чел.; 2 и 4%).

²⁸² Микитюк В. П. Исетский мукомольный район (вторая половина XIX – начало XX в.) // Урал в зеркале тысячелетий. Екатеринбург: БКИ, 2009. Кн. 2. С. 109–126.

Рисунок 2.3. Городское население Южного Урала в 1897 г.: Уфимская (слева) и Оренбургская (справа) губернии (условные обозначения и распределение данных по шкалам аналогичны рисунку 2.2)

Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. [Санкт-Петербург: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел], 1904. С. 54; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. [Санкт-Петербург: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел.], 1904. Т. 45: Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 38.

Однако, каждый из рассмотренных населенных пунктов, считаясь городом, так же, как и Екатеринбург – с конца XVIII в., тем не менее имел достаточно ограниченное направление развития: жизнь Златоуста сосредотачивалась вокруг завода и во многом была связана с заводским управлением, Оренбург являлся прежде всего административно-военным центром (с ростом промышленного потенциала), а Стерлитамак и Челябинск были связаны преимущественно с транзитной торговлей – первый с вывозом хлеба по реке Белой, а роль последнего заметно выросла лишь после проведения железной дороги²⁸³. Екатеринбург

²⁸³ Алферова Е. Ю. Социально-экономическое развитие городов Урала в 60–90-е годы XIX в. Автореф. на соиск. канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 12–15; *Ее же*. Динамика общих коэффициентов естественного движения населения в XIX – начале XX века (на примере Пермской губернии) // Население России и СССР. Новые источники и методы исследования. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 1993. С. 19–23; *Ее же*. Основные тенденции развития городских поселений Урала на рубеже XIX–XX вв. // Размещение производительных сил Урала. Сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1985. С. 77–85. *Ее же*. Города Урала второй половины XIX в. как центры торговли // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. Сб. науч. тр. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 168–191; Истомина Э. Г. Пути сообщения и транспорт в России в XVI – начале XX вв. // Историческая

находился в более выгодном положении благодаря тому, что, являясь с XVIII в. центром управления всеми уральскими горными заводами и снабжения их продовольствием, центром камнерезного мастерства, уральской золотопромышленности, он со временем только утверждал своё лидирующее положение в качестве ключевого узла крупной транспортной артерии, важной для развития как регионального передвижения и торговли, так и для общероссийских связей²⁸⁴. Транспортная доступность, близость к заводам и заинтересованность негорнозаводских отраслей промышленности в технологической модернизации способствовала становлению Екатеринбурга в качестве одного из региональных лидеров торговли технологическими новинками²⁸⁵. При этом Екатеринбург долгое время был крупным организационным центром старообрядчества, влияние которого распространялось не только за городскую черту, но и за пределы Пермской губернии: местные старшины представляли интересы всех уралосибирских беглопоповцев до 1830-х гг., а в 1870 – 1910-х гг. под эгидой попечителей екатеринбургского общества были проведены не менее четырех крупномасштабных соборов и один всероссийский съезд часовенного согласия²⁸⁶.

Сравнительный анализ функциональности города, соотношения общей численности городского населения с численностью староверов по данным переписи 1897 г. по остальным городам империи (см. приложение 11) показывает,

география России IX – начала XX вв.: Территория. Население. Экономика: очерки. М.: ИРИ РАН, 2013. С. 214.

²⁸⁴ Иофа Л. Е. Города Урала. М.: Географгиз, 1951. Р. 109–115, 257–264.

²⁸⁵ Шкерин В. А., Микитюк В. П. Диффузия технико-технологических новшеств и организационных моделей в промышленном секторе в XIX – начале XX в. // Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начале XX в.) Екатеринбург: УрО РАН, 2011. С. 106–144.

²⁸⁶ ОР БАН. Собр. 43 (Тагильского скита). № 27. Л. 11 (1873 г.); Духовная литература староверов востока России XVIII – XX вв. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 339–354 (соборы 1884 и 1887 гг.); Съезд старообрядцев часовенных // Церковь. 1908. № 40. С. 1366–1367 (собор о белокрыницкой иерархии, 1908 г.); Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев, не имеющих священства (часовенных) в г. Екатеринбурге с 25–30 сентября 1911 года. Екатеринбург: Художественная печать, 1912 (съезд об унификации таинств, создании братства, общинах, школах, 1911 г.). Старообрядческий съезд // Зауральский край. 1917. 24 июня; 28 июня; 10 октября; 13 октября (два съезда о политической программе и выборах в Учредительное собрание в 1917 г.).

что Екатеринбург следует считать примером крупного города²⁸⁷ и влиятельного старообрядческого центра.

В итоге следует выделить четыре основных периода в истории старообрядческого городского сообщества:

1 этап: становление старообрядческого общества (1723 – 1780-е гг.). За несколько первых десятилетий пребывания старообрядцев в Екатеринбурге их численность вырастает до трети населения города. Почти все они принадлежат к беглопоповскому течению и не имеют разрешения на устройство общественных молитвенных помещений. Ближайшие молельни располагаются на пригородной территории с. Шарташ, где растет беглопоповский центр.

2 этап: оформление приходской общины (1780-е – середина 1830-х гг.). Итогом этого периода стало выдвижение попечителей екатеринбургских общин в качестве старообрядческих старшин горнозаводского Урала и Сибири, представлявших всё сообщество беглопоповцев этой обширной территории перед гражданскими властями, а также занятие ими ведущих позиций в городском самоуправлении, активное храмостроительство (особенно до 1826 г.) и создание системы обеспечения беглым священством. Их лидерские позиции поддерживались взаимодополняющимися семейными и деловыми связями.

3 этап: утрата правового статуса и священства (конец 1830-х – середина 1850-х гг.). К основным изменениям этапа следует отнести возникновение институциональных и нормативно-правовых проблем – к которым относится переход большинства попечителей в единоверие, полулегальное положение религиозной общины, утрата священства и неудовлетворительное вынужденное беспоповское состояние, неопределенность с подтверждением семейно-брачных отношений и прав наследования. Поиск решения этих проблем стал основной

²⁸⁷ В данном случае используется условная градация, предложенная В. П. Семеновым-Тянь-Шанским: города с населением от 5 до 10 тыс. чел. считаются малыми, от 10 до 40 средними, от 40 до 100 тыс. большими, свыше 100 тыс. крупными (*Ланно Г.* Критерии «истинного» города // *Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен* / Под ред. Нефедовой Т., Полян П., Трейвиш А. М.: ОГИ, 2001. С. 79).

сферой приложения усилий старообрядцев Екатеринбурга в пореформенный период.

4 этап: возвращение прав конфессионального сообщества (конец 1850-х – 1917 гг.). В этот период небольшая часть городских часовенных принимает белокриницкую иерархию, число последователей которой постепенно росло. Т. о. первоначально принадлежавшее к беглопоповскому течению старообрядчество Екатеринбурга за два века своего присутствия претерпело организационные изменения и в рассматриваемый период распределилось между тремя направлениями: часовенным согласием, белокриницкой иерархией и единоверцами под эгидой синодального епископата. Все они в начале XX в. имели сложившиеся приходы и отдельные молитвенные здания. По численности и удельному весу старообрядцев среди населения Екатеринбург был одним из самых крупных городских центров Урала и Сибири.

2.2. Полемика об иерархии

Одним из самых актуальнейших вопросов внутренних старообрядческих дискуссий второй половины XIX в. по всей стране был вопрос о священстве, актуализированный распространением белокриницкой иерархии. Признание вечности священства и предположение, что где-то сохраняется «истинная», в понимании старообрядцев, иерархия, питали надежды части поповцев найти священнослужителей. Поиски поддерживались старообрядцами крупных центров, прежде всего Москвы и городов Нижнего Поволжья, не смилившихся с перспективой принимать таинства от наставников-мирян. Московские беглопоповцы Рогожского кладбища приняли белокриницкое («австрийское») священство. Хотя следует отметить, что даже у московских прихожан первоначально разошлись мнения о том, как следует рассматривать появление белокриницкой иерархии. Некоторая часть беглопоповцев этого центра соотносила происходящее с эсхатологическим сценарием: «не по время... заводить теперь своих архиереев-то, царство антихристово вполне продолжается»²⁸⁸. Однако ввиду первоочередности выяснения правильно ли был крещен и принят в старообрядчество первый белокриницкий митрополит, эта тема не стала центральной. При этом сама постановка эсхатологического вопроса (вторым планом которой видится предубеждение против иерархии) и отсутствие в ответ какого-либо резкого противостояния дают исследователям основание полагать, что высказанные воззрения были в общине и за её пределами хорошо известны.

²⁸⁸ Из выступления рогожского дворника И. А. Гусева в ноябре 1846 г. на собрании о принятии белокриницкого священства. Цит. по: *Крахмальников А. П.* «Духовномудрствующие» поповцы и раскол белокриницкого согласия в 1862 г. // *Сибирь на перекрестье мировых религий. Материалы второй межрегиональной научно-практической конференции, посвящ. памяти М. И. Рижского.* Новосибирск, 2005. С. 167.

С 1847 г. ведет начало растянувшаяся на пять лет дискуссия инок Павла Белокриницкого и федосеевца Павла Прусского из Войновского монастыря*, в которой, в числе прочего, затрагивалась и тема времени последнего отступления²⁸⁹. О конце света в обозримом будущем размышлял в 1845–1850 гг. в своем толковании на 12 книгу Ездры беглопоповский инок Конон (К. Т. Дураков), будущий старообрядческий епископ Новозыбковский, проживавший в то время в Стародубье. Текст его сочинения до сих не обнаружен, оно известно лишь по тезисным пересказам, согласно которым автор писал, что, во-первых, со времени реформы Никона официальная церковь верует в Иисуса, под измененным именем которого есть «бог-антихрист», а во-вторых, что появление белокриницкой иерархии ускорило завершение царствования земных правителей (под которыми подразумевались российские императоры) и приблизило наступление конца света²⁹⁰. Этот вариант трактовки имени «Иисус» на рубеже 1850–1860-х гг., видимо, получил заметное распространение среди самих «австрийцев», чему способствовали уже имевшиеся эсхатологические настроения о «продолжающемся царстве антихристовом». Настолько заметное, что потребовалось его официальное опровержение отдельной статьей в «Окружном послании» 1862 г., повлекшее дальнейшее развитие дискуссии и разделения в белокриницком согласии. При этом непримиримые споры вокруг «Окружного послания» были вызваны не только разногласиями идеологического и догматического характера, но структурно-организационными проблемами. Полемика внутри «австрийского» согласия соединялась с конфликтами, сопровождавшими встраивание иерархии духовных лиц в систему бывших беглопоповских обществ, постепенную централизацию, поскольку были связаны с перераспределением полномочий между светским

* Войново – в то время находился на территории Восточной Пруссии. В 1847 г. там по инициативе московского старообрядческого центра на Преображенском кладбище (федосеевское согласие) был устроен беспоповский монастырь. Руководитель монастыря Павел Леднев более известен как Павел Прусский. В 1867 г. присоединился к единоверию.

²⁸⁹ Крахмальников А. П. Сочинения староверов белокриницкого согласия (1846–1862 гг.). М.: Индрик, 2012. С. 88–90.

²⁹⁰ Там же. С. 180–182.

руководством московского центра, епископатом (и внутри него) и представителями низовых общин²⁹¹.

Беглопоповцы лужковского согласия* в начале 1860-х гг. также пытались осмыслить появление иерархии в Белой Кринице через теорию о конце света, отстаивая иносказательное («духовное») прочтение пророчеств. Так что распространение белокриницкого священства с первых лет сопровождалось спорами, в которых в той или иной степени присутствовала эсхатологическая составляющая.

Кроме того, появление «австрийцев» активизировало дискуссии также и в тех обществах, которые отказались признать новоявленную иерархию. Уральские часовенные были как раз в их числе. Обсуждаемые ими вопросы во многом были созвучны сомнениям о ненадлежащем времени высказываемым ранее в рогожской общине, хотя и вряд ли были связаны с ними генетически. Отличие же проявилось в том, что все внутренние споры часовенных концентрировались вокруг необходимости дополнительных поисков «истинного» священства, поскольку за белокриницким они не признавали этого качества, однако вряд ли можно утверждать, что активность и распространение «австрийцев» могли оставаться незамеченными.

Попечители обществ часовенных были готовы взять на себя расходы по поиску и содержанию духовных лиц (как это практиковалось ранее). Во второй половине XIX в. именно от светских лидеров городских и отчасти заводских общин постоянно исходила инициатива возобновления поисков священства. В 1870–1880-х гг. известно, как минимум, пять уральских соборов, созванных для рассмотрения вопроса о восстановлении священства: Екатеринбургский 1871 г.²⁹², Невьянский

²⁹¹ *Старухин Н. А.* Сибирские общества белокриницких староверов. С. 41–43.

* Лужковцы – старообрядческое согласие, выделившиеся в 1820-х гг. из беглопоповского течения из-за несогласия с правилами Александра I о легализации священников, действующих у староверов. Основные принципы сформулированы жителями посада Лужки в Стародубье, отстаивавшими тезис о том, что старообрядческие иереи не должны быть известны властям. Было немногочисленным, хотя имело сторонников, помимо Лужков, в Гуслицах, на Дону, в Молдавии, на Урале.

²⁹² Текст решений этого собора пока не найден. Предложение упоминается в Пермском соборном уложении 21.06.1888 г., см.: Духовная литература староверов востока России XVIII –

1 марта 1872 г.²⁹³, Веселогорский 28 июня 1872 г.²⁹⁴, Екатеринбургский 6 марта 1873 г.²⁹⁵, Екатеринбургский 1 мая 1884 г.²⁹⁶ Многократным призывам найти «правильное» священство и восстановить его оппонировали делегаты от зауральских старообрядческих обществ, преимущественно крестьянских, которых поддерживал авторитетный глава крупного уральского скитского центра черноризец Нифонт, уверенный в бесполезности таких попыток²⁹⁷.

Адепты белокриницкого согласия появились на Урале в 1850-х гг. Сначала их было немного и принадлежали они к нескольким купеческим семьям уральского и московского происхождения²⁹⁸. В 1860–1870-х гг. на Урале жил «австрийский» епископ Константин (Коровин), и действовало уже более десятка священников и священноиноков этого согласия. Число прихожан постепенно увеличивалось за счет миграции и присоединения «часовенных», для которых вопрос о поиске священства всё еще оставался открытым. Основным же местом общественных богослужений и исполнения таинств в это время у «австрийцев» были частные дома, в которых служили приезжающие священники, привозя с собой походные церкви²⁹⁹. Один из первых крупных на Урале храмов белокриницкого согласия в начале 1880-х гг. был устроен в Екатеринбурге в здании, купленном рядом с самым большим молитвенным домом часовенных города. После переустройства помещения, храм был освящен в честь Св. Троицы, также как широко известная на Урале екатеринбургская единоверческая церковь, находившаяся в соседнем

XX вв. Т. 3. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2011. С. 130–131, список ИИ СО РАН 3/04-г. Л. 58–59 об.

²⁹³ ОР БАН. Собр. 43 (Тагильского скита). № 27. Л. 10. Собравшиеся рассматривали вопрос о беглых полах, принятых старообрядцами Тулы (подробнее о т. н. тульском священстве см.: *Агеева Е. А.* Беглопоповцы в XIX – начале XXI в. // *Православная энциклопедия*. Т. 4 (Афанасий – Бессмертие). – М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 422–424).

²⁹⁴ ОР БАН. Собр. 43 (Тагильского скита). № 27. Л. 10–10 об., 11.

²⁹⁵ Там же. Л. 11.

²⁹⁶ «Описание деяний и постановления Екатеринбургского собора» 1 мая 1884 г. // *Духовная литература староверов востока России XVIII – XX вв.* Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 339–350.

²⁹⁷ Там же. Л. 14 об.

²⁹⁸ См.: *Белобородов С. А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (из истории русской Православной Старообрядческой церкви – белокриницкого согласия) // *Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий*. С. 136–172.

²⁹⁹ Там же.

квартале. В дальнейших действиях поповцев не раз проявлялось стремление укрепить своё влияние и привлечь часовенных на свою сторону. Забегая вперед, заметим, что массового присоединения бывших беглопоповцев в «австрийское согласие» в итоге до конца имперского периода на Урале так и не произошло, основная масса часовенных оставалась на прежних позициях.

В отличие от центральной России, где упомянутое выше предубеждение «лужковцев» к «белокриницкой» иерархии в Стародубье и Гуслицах уже в 1840–1850-х гг. породило ряд сочинений, в том числе эсхатологического характера, на Урале этот процесс четко фиксируется лишь в начале 1880-х гг. и связан с активной миссионерской деятельностью «австрийского» иеромонаха Феофилакта (И. С. Савкина).

В 1868–1875 гг. он был одним из черноризцев в златоустовских старообрядческих пустынях на Южном Урале, в 1875 г. переселился со своими единомышленниками в томскую тайгу, устроив там скит, а в 1880 г. съездил в Бессарабию и там присоединился к белокриницкой иерархии с довершением пострига под именем Феофилакт³⁰⁰. В начале июля 1880 г. на обратном пути в Томск он остановился в Екатеринбурге, где была устроена беседа о священстве с местными часовенными³⁰¹. Призывам Феофилакта принять «встрийское» священство возражал Василий Матфеевич Бородин, числившийся купцом, имевший опыт участия в городском самоуправлении в качестве гласного Екатеринбургской думы в 1872–1876 гг. и считавшийся попечителем одной из старообрядческих часовень в Нижнетагильском заводе³⁰². «Прения» слушали более 40 человек, которых Феофилакт, видимо не без основания, надеялся привлечь на свою сторону. После встреч в Екатеринбурге В. М. Бородин стал планировать самостоятельную поездку в Грецию и Турцию для выяснения обстоятельств крещения первого «австрийского» митрополита, а священноинок Феофилакт с надеждой на продолжение успешного миссионерства отправился в скиты

³⁰⁰ *Старухин Н. А.* Сибирские общества белокриницких староверов. С. 129–131.

³⁰¹ Там же. С. 174–175.

³⁰² Город Екатеринбург. С. 832.

часовенных на р. Сылве, поскольку именно там был влиятельный духовный центр часовенного согласия под руководством старейшины уральских скитников о. Нифонта, к мнению которого прислушивались городские и заводские общины. Своей проповедью Феофилакт вызвал переход в «австрийство» на Урале более 100 чел., в том числе нескольких черноризцев из братии Нифонта. Это внесло большие «нестроения»: после визита священноинока в том же месяце из скитов выехала в томском направлении, желая присоединиться к пустынножительству Феофилакта, часть уральских скитников во главе с Антонием Паромовым*. Двое из них, вряд ли случайно, были арестованы в Уткинском заводе, где жили преимущественно часовенные. Препровожденные позднее в Екатеринбург, арестованные оказались в довольно непонятном положении, поскольку хлопотать об их участии не спешили ни часовенные, ни белокриницкие³⁰³. Следствие по делу арестантов, грозившее обернуться неприятными последствиями для насельников сылвинских пустынножительств, вкупе с посещениями нескольких из них полицейскими экспедициями в 1879–1880 гг.³⁰⁴ подвигли оставшуюся с о. Нифонтом братию часовенных, скорее всего, не без помощи екатеринбургских попечителей, переехать в Ялуторовский уезд Тобольской губернии³⁰⁵.

Вскоре после возвращения в свою томскую обитель священноинок Феофилакт направил черноризцу Нифонту несколько развернутых обращений с убеждением в

* В 1894–1918 гг. епископ РПСЦ.

³⁰³ *Старухин Н. А.* Сибирские общества белокриницких староверов. С. 177–178.

³⁰⁴ В декабре 1879 г. около д. Урмы Кунгурского уезда Пермской губернии были обнаружены два больших скита и там задержаны всего четверо совсем старых малоподвижных насельников, в 1880 г. около д. Симонята той же местности арестованы еще 7 мужчин. В обоих случаях изымались иконы, книги, молитвенная одежда. *Пругавин А. С.* Старообрядчество во второй половине XIX в. С. 55–57; Примечателен финал первого дела, сохранившийся в фонде канцелярии Синода (РГИА. Ф. 796. Оп. 164. Д. 1454. Л. 2–14 об.): в июле 1881 г. Пермский окружной суд постановил дело прекратить и вернуть все конфискованное чернецам, которые, прожив более двух лет под надзором при Урминском волостном правлении, снискали в народе много жалости «как остальные древнего благочестия» и были освобождены. Пермская консистория в 1887 г. добилась отмены решения о возврате вещей и оставила себе книги, отдав иконы урминским единоверцам.

³⁰⁵ Духовная литература староверов востока России. Т. 1. С. 653.

правильности белокриницкой иерархии и 15-тью вопросами, призванными показать безосновательность исполнения таинств наставниками³⁰⁶.

После столь энергичного «вторжения» уральский духовный лидер был вынужден вступить в полемику с иноком Феофилактом. Дискуссия об «австрийском» священстве развернулась весьма широко и вызвала к жизни целый ряд оригинальных сочинений. Нифонт написал «Ответ австрийским»³⁰⁷ и развернутое послание³⁰⁸.

Используя прием «смотрительного толкования» из «Разсуждений» о. Максима 1770-х гг. (с учетом условий создания наставления кого-либо из отцов Церкви, на которое опирался оппонент, и применимости их к обсуждаемой ситуации), черноризец отстаивал допустимость мирян к требоисправлению в «великой нужде», при невозможности обратиться к имеющим благодать священникам. Аргументация строилась как на критическом отношении к благочестию первого митрополита Амвросия и каноничности восстановления священства в Белой Кринице (из чего заключалось, что иерархия не может считаться законной), так и на тезисе, что истинная церковь сохраняется в понимании о. Нифонта церковь, которая «пребудет до скончания века» – это не иерархия, а множество истинно верующих людей, а также несокрушимая вера и дела христиан, ищущих душевного спасения и избегающих «любопрений», разделов и уклонений к лживым учителям (в разряде таковых «злых пастырей» он числил по вышеуказанным причинам и белокриницкое священство)³⁰⁹. Апеллируя к широко известному в старообрядчестве литературному наследию отцов Церкви на эсхатологическую тему, черноризец усматривал в бесчисленных спорах, «церковном нестроении» и «состязаниях» (каковыми причислял также миссионерскую деятельность и послания Феофилакта) признаки наступления последних времен:

³⁰⁶ *Старухин Н. А.* Сибирские общества белокриницких староверов. С. 152–153, 174–175.

³⁰⁷ В составе сборников из Древлехранилища ЛАИ УрФУ: IV (Красноуфимское) собр. 180p/5341. Л. 1–59, VII (Нижнетагильское) собр. 5p/156. О нем см.: *Белобородов С. А.* Религиозно-организационная структура старообрядчества горнозаводского Урала. С. 157–159.

³⁰⁸ Известно в нескольких списках, один из которых опубликован: Послание черноризца Нифонта к монаху Феофилактору // *Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий.* С. 111–135.

³⁰⁹ Послание черноризца Нифонта к монаху Феофилактору. С. 125–128.

Той убо сицевая вопрошения посылает, да братию нашу о Христе ввергнет в сомнение и да вложит во оумышление, и да вселит в разум недоумения, да погасить ревность Божию и любовь к вере, да оустрашит нечаянием³¹⁰.

...да с пророком возрыдаю: “Како немощное подкреплю и падшее возставлю, и блудящее обращаю, и погибшее възыщу, и сохраню крепкое? ...Но да не буду зол пастыр[ь], ...пасуше себе самих, а не овцы...”³¹¹.

По его убеждению единственным правильным выходом было спастись верой и праведным житием, отказавшись принимать наставления от «злых пастырей»³¹². Более того, примерно три года спустя спустя о. Нифонт в своем выступлении на Екатеринбургском соборе часовенных в мае 1884 г., адресуясь местным попечителям, желавшим вновь и вновь искать хиротонию, делал акцент на бóльшей целесообразности придерживаться правил христианского поведения, нежели сборов сомнительных по результативности экспедиций для исследования иерархии:

Простите, я смотрю на вас и вижу, что из вас по наружному виду трудно найти и христианина! ...Вы бы лучше постарались исправить свои нравы. А если в таковых пребудите, то будь бы естли бы вы и нашли истинного и беспорочного священника, то едва ли что может сотворить он вам помощи в деле спасения³¹³.

Однако, ни подобные вразумления, ни отстаиваемые черноризцем Нифонтом тезисы о настоящей Церкви как сообществе верующих и невозможности истинного священства в наступившие времена всеобщего отступления от православной веры, не убеждали екатеринбургских попечителей – они настаивали на взыскании «беспорочной» иерархии. Во второй день собора они добились желаемого: ими был

³¹⁰ Древлехранилище ЛАИ УрФУ. IV (Красноуфимское) собр. 180р/5341. «Ответ австрийским». Л. 1.

³¹¹ Послание черноризца Нифонта к монаху Феофилакту. С. 130–131.

³¹² Там же.

³¹³ «Описание деяний и постановления Екатеринбургского собора» 1 мая 1884 г. // Духовная литература староверов востока России XVIII – XX вв. Т. 1. С. 342.

продуман ход обсуждения, аргументы, порядок принятия решения³¹⁴ (поименно, хотя остальные вопросы на этом же соборе определялись большинством голосов) и заготовлен заранее текст постановления, так что приехавшие с о. Нифонтом зауральские представители общин сделали вывод: «они звали на свой собор нас не ради совета, но ради общего и единогласного соизволения и одобрения их намерения»³¹⁵. Решение о поиске было принято, после которого состоялось несколько поездок, не давших нужного попечителям результата. Дискуссия о возможности найти истинное священство принимала затяжной и латентный характер.

Несколькими годами позднее, в 1888/1889 гг. отчасти под влиянием нифонтовского «Послания» бывшим полковником уральского казачьего войска И. И. Канбулиным было создано сочинение «Цветник»³¹⁶. В нем автор развил уже написанное скитником и изложил взгляды части часовенного согласия о «духовном» понимании признаков последних времен. Широко толкуя предсказания отцов Церкви, он обосновывал фактически беспоповский тезис об исчезновении таинств после отступления от веры, но в отличие от беспоповцев связывал это не с церковной реформой XVII в., а с распространением униатского «обливательного» крещения, окончательно уничтожившим возможность найти «правильное» священство. Такой подход оправдывал как прошлый прием иереев из официальной православной церкви, так и повсеместный отказ от беглых попов после 1840 г., а, кроме того, показывал бессмысленность каких-либо

³¹⁴ Примечательно, что спектр использованных на соборе организационных приемов был во многом схож с порядком работы гласных в городской думе, в которую екатеринбургские попечители избирались неоднократно. Порядок этот требовал, во-первых, определенного количества присутствующих гласных для рассмотрения повестки, во-вторых, предварительного изучения проблемы и специально подготовленного доклада с результатом, а в-третьих, предполагал особый порядок вынесения решений по ряду вопросов: избрание членов комиссий производилось закрытой баллотировкой большинством голосов, а определения по важным делам ставились на поименное голосование, причем выбор того или иного варианта принятия решения также осуществлялся через голосование присутствовавших.

³¹⁵ Описание деяний и постановления Екатеринбургского собора 1 мая 1884 г. С. 345.

³¹⁶ Подробнее о нем см.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на востоке России. С. 205–225.

дополнительных поисков «истинной» иерархии и критически относился к правомочности «австрийской» иерархии.

Как видим, два взаимосвязанных вопроса – о судьбах священства и сущности переживаемого времени в 1880-х гг. стали предметом весьма активной внутренней и внешней полемики часовенных признающих необходимость церковной иерархии, но её не имеющих. Взгляды единомышленников уральского скитского центра получили оформление в этих сочинениях. Авторы, декларативно признавая спасительность и желательность священства, использовали «духовное» толкование и доказывали исчезновение хиротонии ввиду наступления последних времен.

За пределами этого ряда стоит еще одно сочинение – «Разсуждение о временах века сего»³¹⁷, которое было ориентировано на гораздо более широкую аудиторию. В отличие от сочинений о. Нифонта, оно предназначалось не для богословской полемики, а для простого и внятного объяснения пребывания часовенных без священства таким образом, чтобы легитимными были как прошлый беглопоповский период, так и современная беспоповская практика.

В числе небольшого круга его источников – Толковый Апостол, толкования Феофилакта Болгарского на Евангелия, ветхозаветные 3-я книга Ездры, книги пророков Даниила, Софония и одна цитата из 105-го слова Ефрема Сирина «Об Антихристе». Автор обошелся без Книги о вере, Кирилловой книги, Апокалипсиса и толкований Андрея Кесарийского, традиционных для старообрядческих эсхатологических построений.

Наиболее вероятным временем создания «Разсуждения» представляется также посл. треть XIX в., когда часовенными сначала стала рассматривается возможность приема беглых попов, а потом появилась необходимость оппонировать активным деятелям белокриницкой иерархии. Косвенным подтверждением этого предположения может служить место бытования рукописи – часть

³¹⁷ Древлехранилище ЛАИ УрФУ. VI (Невьянское) собр. 178р/1272. 11 л. Полное описание рукописи и публикацию текста сочинения см.: *Боровик Ю.* «Разсуждение о временах века сего» – апологетическое сочинение старообрядцев часовенного согласия // *Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 37).* Новосибирск: Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, 2018. С. 313–325.

горнозаводского района, прилегающего к Невьянску, откуда происходят соборные постановления 1872 г. с отклонением тульских беглых попов. В самом сочинении никаких сопутствующих реалий не содержится и пока точное определение времени и обстоятельств создания остается открытым: 1870–1890-е гг.

«Разсуждение» написано в широко распространенном в старообрядческой литературе жанре послания – неизвестный автор обращается к своим не названным по имени друзьям, для того чтобы предостеречь их от неосмотрительных и поспешных действий:

Друг мой, я наслышался от людей, что вы испытуете о священстве; так и от души жалея вас и при сем с нетерпением дружеской любви пишу вам и прошу вас Господа ради без доказательства Святаго Писания пророческаго и апостольскаго не соблазнитесь принять священство, но испытайте прилежно³¹⁸.

Основной целью автора является доказательство, что в постепенном исчезновении священства есть «составная мудрость Божия» и её можно обнаружить в Писании и Предании, рассматривая историю Церкви «уподобительно». Это отчасти сближает «Разсуждение о временах века сего» с «Цветником И. И. Канбулина, отстаивающим «духовное» понимание библейских текстов. Неизвестно был ли знаком создатель послания со «смотрительным» пониманием о. Максима, но по сути именно этот подход используется им в «Разсуждении».

Автор старается показать, что «время не едино». Под временем подразумевается не абстрактный хронологический ряд, а вся христианская эпоха. Для начала это понятие соотносится с близким и понятным всем читателям временем суток: утро, полдень, вечер, ночь. Используя основную метафору церковной литературы «солнце» – «Христос», он сравнивает первые 300 лет христианства с зарей:

³¹⁸ Древлехранилище ЛАИ УрФУ. VI (Невьянское) собр. 178p/1272. Л. 1.

...сиречь 300 лет до Константина царя пребысть церковь не светла в мире, но претерпевала тесноты и гонении, сие время бысть оутреннее³¹⁹.

Распространение христианства в «римской стране» соотносится с полднем, после чего миновав 1000-летний рубеж свет учения переходит в Россию» (причем для согласованности с ходом солнца автор определил свою страну в разряд западных), где после 666 лет происходит «помрачение». При этом не упоминается никаких исторических подробностей, которыми обычно сопровождается использование теории «отступлений» от веры³²⁰:

А обращается солнце праведное Христос Слово Божие на страны западныя в Россию и продолжался после полудни свет вечерний в России 666 лет, потом и заря вечерняя погасла, сиречь свет чина вещественной церкви и нача постигати тма ночная, и свет мира прелагается во тму, а тма во свет³²¹.

По мысли автора, «свет чина вещественной церкви» менялся в разные периоды истории подобно насыщенности солнечных лучей в течение дня. Картина угасающей зари и наступления сумерек создавала понятное широкому кругу читателей представление о растянутом во времени, постепенном «оскудении» священства. Для объяснения возможности передачи требоисправления мирянам в «Разсуждении о временах века сего» дана лишь отсылка к толкованиям Феофилакта Болгарского на 20-ю главу Евангелия от Матфея с притчей о виноградаре и его работниках, пришедших в разное время, но получивших равную плату (динарий). В толковании плата определяется как благодать Св. Духа, обретаемая вставшими на душеспасительный путь вне зависимости от того в юности они это сделали или в старости, но ничего не говорится о духовном сане. Поэтому автор предлагает свою избирательную интерпретацию, сужая круг просвещаемых до «не мудрых» и «неученых», скорее всего, имея ввиду мирян-часовенных, которые обучались не в учреждениях существующей в государстве

³¹⁹ Там же. Л. 3.

³²⁰ *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. 1–15; *Гурьянова Н. С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1988.

³²¹ Древлехранилище ЛАИ УрФУ. VI (Невьянское) собр. 178p/1272. Л. 3 об.–4.

системы духовного образования, а среди круга совершающих путем размышлений и споров о св. Писании:

Вечер бо кончину века» нарицают святые отцы и глаголют яко «на кончине тогда вси приемлют по динарю еже есть духа святаго благодать», сиречь не мудрые и неученые вси будут научены духом святым³²².

Хотя очевидно, что одной этой интерпретации не вполне достаточно, «Разсуждение» не использует комплекс аргументов, которые были известны и обычно выдвигались в этом случае представителями часовенного согласия³²³. Вместо этого перед читателем предстает второй сравнительный ряд: «возраст человека» – «история Церкви», выстроенный по той же логике что предыдущий о сутках. Он как раз и выполняет роль объяснения почему уже не нужно рассчитывать на благодать «ученых людей» Церкви, под которыми, по всей видимости, подразумеваются не все «ученые» и знатоки Св. Писания, а лишь обладающие этим статусом в силу специального образования и сана). Просвещенность посредством св. Духа, сопровождающая исследование текстов св. Писания и Предания ценятся автором выше, чем знания, полученные в духовных академиях³²⁴.

Оттолкнувшись от цитаты из пророка Ездры об удалении истины и увеличении зла в последние времена, автор проводит параллели между периодами взросления человека и распространением христианства (возрастанием и убыванием разума Святого Духа). Он называет годы апостольской проповеди и первые 300 лет «безпечальным о житейских попечениях» отрочеством, время вселенских

³²² Там же.

³²³ Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России. С. 211, 222–225; Послание черноризца Нифонта к монаху Феофилакту. С. 124–130; Белобородов С. А. Религиозно-организационная структура старообрядчества горнозаводского Урала. С. 157–158; Горский Л. Беседа с белокриницкими // Уральский старообрядец. 1916. № 9–10. С. 11–23.

³²⁴ Неоднозначное отношение значительной части часовенных Урала к учреждению собственных старообрядческих школ, в которых предполагалось преподавание светских дисциплин помимо чтения, письма и «божественной грамоты», высказывалось на I Всероссийском съезде своего согласия в 1911 г. См.: Ключкина Ю. В. Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX – начале XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 95.

соборов – вступлением в «совершенный возраст», когда в пределах 800–1000 гг. у христианских пастырей («ученых людей») начинаются искушения властью и богатством, что в итоге ведет к старости и кончине христианского века:

...егда же дойде время до 800 лет, тогда змии дьявол нача предлагать в мир лестию грех, развращать разум оученых мужей любоначалием и гордостью и прельщать ко сласти и богатству мира сего. Егда же дойде время до 1000 лет, тогда обладаем бысть разум оученых мужей попечением и печальми житейскими о оумалется попечением для спасения душ человеческих. И от сего начаша век сей старетися и в летах старости еще поживе 666 лет и скончашеся³²⁵.

Показав читателям постепенное исчезновение истинной христианской иерархии через «угасание» и «развращение» её представителей, автор перешел к рассмотрению третьей метафоры «старость» – «бесплодность», тем более что тематически это хорошо согласовывалось с итогами второй части о постепенном умалении разума «ученых мужей» и скончании века. Опорой вновь стал текст из 3-й книги Ездры с текстом о подобии «матрисы» – века созданного Богом, женщине рожающей крепких детей в молодости, слабых в старшем возрасте и перестающей рожать в старости (3 Езд. 5:46–55):

Зрите, како архангел пророку возвести о времени старости и кончины века. В немлите прилежно и испытайте в котором времени ныне матрица наша, от которой мы раждаемся духовно во младости времени или в старости, и которой свет нас освещает, утренний или вечерний³²⁶.

После такого трехкратного подхода к рассмотрению изменчивой природы христианского времени подводится итог о невозможности сохранения благодатной хиротонии в настоящее время. По логике автора, наступил последний темный, старый, бесплодный период³²⁷, в который следует ожидать второго пришествия и

³²⁵ Дрвелехранилище ЛАИ УрФУ. VI (Невьянское) собр. 178p/1272. Л. 7 об.–8 об.

³²⁶ Там же. Л. 9 об.–10.

³²⁷ Этот вывод 1870–1890-х гг., появившийся в результате характерного для традиционной

спасать душу уклонением от «сомнительного» священства, а «истинного», ввиду вышеизложенных обстоятельств, быть уже не может.

Подводя итоги, отметим, что стремление сохранить священство питало дебаты поповцев на эту тему на протяжении почти всей истории старообрядческого движения; в спорах урало-сибирских старообрядцев о «правильной» иерархии переосмысление эсхатологической составляющей христианского учения особенно активно шло в ранний период (при разделении на поповское и беспоповское направление) и спустя два века, в последней четверти XIX в. на фоне распространения старообрядческой белокриницкой иерархии среди бывших беглопоповцев (часовенных). В результате полемического творчества духовных лидеров часовенного согласия для защиты бессвященнического состояния появился целый ряд сочинений, развивающих тему «последнего» времени, главным признаком которого представлялось исчезновение «истинного» священства. Часто этот вопрос становился своеобразным «водоразделом» между группировками внутри согласия по-разному представлявших распределение руководящих ролей в общинах. «Разсуждение о временах века сего», как и сочинения черноризца Нифонта и казака Ивана Канбулина, несмотря на существенные различия в приемах, источниках и стиле аргументации является выражением позиции сторонников наставников-мирян и оппонировавшей умеренному направлению, прежде всего городскому, ориентированному на институт священства (в значительной степени зависимого от попечителей). Все эти произведения используют «смотрительное» толкование, предложенное в XVIII в. уральским иноком схимником Максимом: понимать писание сообразуясь с реалиями переживаемого времени. «Разсуждение о временах века сего» полностью построено на этом тезисе. Ориентированное на широкую аудиторию, «Разсуждение» неизвестного автора конца XIX в. шло к обоснованию

старообрядческой религиозной полемики соотнесения происходящих событий с эсхатологической составляющей христианского учения, оказался созвучным мыслям, высказанными позднее философами Вл. Соловьевым («Три разговора», 1899 г.) и О. Шпенглером («Закат Европы», 1918 г., русский перевод первого тома 1923 г.), но никоим образом не может быть связан с ними.

необходимости продолжения бессвященнической практики с минимальным количеством источников через повествование простым языком с яркими метафорами.

Сам вопрос о церковной иерархии еще несколько раз рассматривался часовенными, в том числе и в Екатеринбурге (1908 г.), но никогда положительное соборное постановление по нему принято не было, что является показателем ограниченности возможностей инициативной группы от городского общества даже при условии их частичной поддержки со стороны представителей заводских общин. Сторонники священства имели средства и способности провести нужный им вариант решения на соборе, но результаты этих стараний были сведены к нулю, поскольку их устремления не разделялись большинством согласия, полагавшим невозможность восстановления иерархии.

2.3. Интеграция старообрядческих общин в религиозно-правовую систему Российской империи

В начале XX в. в российском обществе активно велись дискуссии о выведении официальной православной церкви из-под синодального управления, созыве Поместного собора, реформе прихода. В старообрядчестве, где миряне обладали бóльшим влиянием, а соборы сохранились в качестве инструмента принятия решений, актуальные проблемы оказались иными, но и они во многом были связаны с определением полномочий (между мирянами и иерархией в белокриницком согласии) и устройстве внутренней жизни. Особенно бурные споры о приемлемости для старообрядческих обществ находиться контролем (пусть даже формальным) административных властей развернулись в самом многочисленном старообрядческом согласии на востоке России – часовенном.

В центре внимания находились три вопроса: регистрация общин, создание новых внутриконфессиональных институтов (братств), институционализация

старообрядческих школ на основе Указа 17 октября 1906 г. Консервативное течение, отказывавшееся принимать новые правила, составляло у часовенных большинство согласия, в отличие от других направлений старообрядчества³²⁸. Оппоненты консерваторов были немногочисленны, но активны и влиятельны. Хотя основные тезисы дискуссии и её результаты в недавнем прошлом введены в научный оборот, объяснение причин столь масштабного противостояния остается в поле гипотезы, поскольку часто взгляды одного направления экстраполируются на всё согласие в целом.

Внести определенность могут постановления соборов часовенного согласия с аргументацией обеих сторон. Однако три из них (Екатеринбургский 21 сентября 1908 г, Качегарский 28 мая 1911 г., Горбуновский 13–15 января 1912 г.) известны лишь по упоминаниям или кратким пересказам в печати³²⁹. Единственным источником, содержащим очень подробное, почти стенографическое описание дебатов по наиболее актуальным для согласия вопросам того времени, являются «Труды Первого Всероссийского съезда часовенного согласия» устроенного в Екатеринбурге в 1911 г.³³⁰ Анализ материалов съезда позволяет проследить организацию собрания, ход дискуссии, поведение участников, приемы, которые были ими использованы для продвижения нужных решений, интересы сторон и группы, которые они представляли.

³²⁸ *Агеева Е. А.* Согласие старообрядцев-беспоповцев, не приемлющих общин Сибири, Кубани, Орегона. История, миропонимание, традиция // *Алтарь России. Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока, история и современность: местная традиция и зарубежные связи.* Большой Камень, 1997. С. 68–71; *Боровик Ю. В.* Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1927 гг.). Дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 150–151; *Куприянова И. В.* «Религиозная свобода» в интерпретации и практике старообрядческих сообществ Алтая (1900–1910-е гг.) // *Социум и власть.* 2014. № 5 (49). С. 112–118; *Иванов К. Ю.* Старообрядчество юга Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. Автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Кемерово, 2001. С. 27.

³²⁹ По поводу собрания старообрядцев в г. Екатеринбурге // *Екатеринбургские епархиальные ведомости. Неофиц. отд.* 1908. № 39. С. 685; *Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных) в г. Екатеринбурге с 25–30 сентября 1911 года.* Екатеринбург: Художественная печать, 1912. С. 78; *Кузнецов А. Т.* Общины и противообщинники // *Уральский старообрядец.* 1915. № 6. С. 25–29; № 7. С. 12–20; № 8–9. С. 13–18; № 10. С. 12–16.

³³⁰ *Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных).*

Материалы съезда были подготовлены и выпущены в 1912 г. при участии сотрудников екатеринбургской газеты «Уральский край». В состав издания была включена предыстория съезда, информация о количестве прибывших, полные тексты приветственных речей и докладов, конспективное изложение выступлений с цитатами наиболее ярких высказываний, а также протокольные данные о проведении голосований и результатах. Материалы съезда сопровождаются списком делегатов, избранных в Совет Братства.

Через Пермского губернатора уполномоченные от 15-ти общин, имевших на тот момент официальный статус, обратились в Департамент духовных дел МВД с прошением разрешить провести в Екатеринбурге два съезда – 25–29 сентября и 1–4 октября 1911 г. (Приложение 7). В Санкт-Петербурге прошение было рассмотрено и удовлетворено.

Судя по представленному ходатайству о съезде, опасения регистрации проходили не по линии городские – сельские (крестьянские) общества, поскольку почти три четверти подписавших его принадлежали как раз к крестьянским общинам. Основная их часть (8 из 11) была сосредоточена на смежных территориях южной части Урала и Зауралья – в Челябинском и Троицком уездах Оренбургской губернии, в соседнем Шадринском уезде Пермской губернии и Курганском уезде Тобольской губернии. Из горожан созыв съезда поддерживали Никольская и Успенская общины в Екатеринбурге и одна в Челябинске. Есть основания предполагать, что влияние городских обществ, подкрепленное хозяйственными связями (в Зауралье располагались мельницы влиятельного екатеринбургского купеческого семейства Щербаковых, попечительствовавшего в екатеринбургской Никольской общине часовенных), сыграло ведущую роль в лояльном отношении часовенных этого района к регистрации и обеспечило их участие в подаче прошения о съезде с соблюдением всех формальностей.

Горнозаводские поселки в ходатайстве представляла единственная община Саранинского завода Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ни в одном из заводских центров – Невьянском, Нижнетагильском или каком-либо другом, часовенные не пожелали пройти регистрацию. Тем не менее, на самом съезде были

уполномоченные от большинства этих общин, за исключением нижнетагильской, откуда приехали «по собственному желанию» без права голоса лишь двое – Еловигов И. Г. и Комельков Ф. Я.³³¹, видимо, для того, чтобы составить собственное представление о происходящем на съезде. В дебатах они не участвовали и не в какие объединения не входили.

Доклады по программе съезда должны были подготовить начетчики, которые выступали еще и в роли главных экспертов. В отличие от соборов 1880-х гг.³³² к духовному авторитету иночества (черноризцам) собравшиеся не обращались, хотя несколько скитских отцов присутствовали, как и прежде. Однако их реплики и высказывания нигде не упоминаются, с ними открыто не советуется и к их мнению не апеллируют в спорных моментах (что, однако, не исключает их влияния).

Время проведения съезда было выбрано осеннее, удобное для крестьян, когда основные сельскохозяйственные работы обычно завершались. Первоначально предполагалось, что состоится два съезда. Первый из них, запланированный на 25–29 сентября, был необходим для введения единообразия обрядовой практики при совершении сохранившихся у часовенных таинств крещения, брака, покаяния и причащения, а также для уменьшения разномыслия по вопросу о регистрации общин. В программе второго съезда, 1–4 октября стояло учреждение братства и школ. Именно в такой очередности инициативная группа первоначально расположила рассмотрение вопросов. Представляется, что этот порядок являл собой своеобразную иерархию стоящих перед согласием проблем в видении большинства. С этим вариантом программы были знакомы и общества, которые отправляли на съезд своих представителей: им давали полномочия принимать лишь определенный вариант решений по этим вопросам или не голосовать вообще. Однако, видимо, в процессе подготовки собрания главным организаторам стало понятно, что начинать с важного, но при этом самого дискуссионного вопроса об

³³¹ Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных). С. 17.

³³² Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. (Серия «История Сибири. Первоисточники». Вып. IX). Т. 1. Новосибирск, 1999. С. 339–358; Т. 3. Новосибирск, 2011. С. 130–131.

унификации совершения таинств, чревато долгим разбирательством многообразия практик, которое, в свою очередь, может обернуться дополнительными разделениями. Кроме того, легко было предположить, что, получив наконец решение насущного вопроса о таинствах, уполномоченные могут разъехаться, и второстепенный для них, но важный для организаторов, вопрос о создании координирующего органа (братства и его совета) останется без должного рассмотрения представительным составом съезда.

Поэтому подготовительная комиссия съезда решила в первый же день подвигнуть собравшихся к созданию братства и выбору членов его совета, которым в дальнейшем можно было бы поручить подробное разъяснение всех возникающих спорных моментов, в том числе и обрядовых. Число членов Совета братства по их планам, составляло бы около двух-трех десятков человек, которые в любом случае имели больше шансов договориться между собой, чем несколько сотен человек, прибывших на съезд, каждый с наказом действовать в интересах своей общины. При этом коллегиальный состав придавал решениям Совета авторитетность и легитимность.

Итак, в конце сентября 1911 г. в Екатеринбург съехалось около 400 старообрядцев-часовенных из Вятской, Оренбургской, Самарской, Уфимской, Пермской, Тобольской, Томской губерний. Прибыли также представители беглопоповцев из Нижнего Новгорода.

Съезд открылся в доме Городского общественного управления. Председателем съезда был избран единогласно настоятель екатеринбургской Никольской общины П. С. Мокрушин. В числе его помощников оказалось еще двое делегатов от Екатеринбурга – мещане М. Л. Соколов и С. Д. Яковлев, председатель челябинской общины П. К. Толстых и представитель часовенных г. Бийска М. З. Можаяев – все они представляли городские общины. Первое заседание началось с приветственных речей, зачитывания текстов, предлагаемых к рассылке благодарственных и соболезнующих телеграмм (вдове П. А. Столыпина).

После этого участники были удивлены новостями от организаторов. Собравшихся известили, что доклады про таинства и общины пока

рассматриваться не будут, поскольку докладчики еще не прибыли, и программу начнут с конца – с доклада о братстве. Но большинство делегатов приехали на съезд в Екатеринбург, в первую очередь, как раз для выяснения правильности совершения крещения, брака причащения и покаяния. Мало кто из уполномоченных видел связь между созданием братства и возможностью разрешения проблем с таинствами. К тому же в вопросе о вхождении в какие-либо объединения, вроде братства или официальных общин, многие из них имели «осторожные» наказы своих обществ воздержаться от присоединения к сторонникам этих нововведений (причем, часто братство и община виделись неким единым целым)³³³.

Кроме того, собрание высказало неодобрение изменением порядка рассмотрения пунктов предварительной программы. Критике подверглась кулуарность принятия этого решения. Недовольные апеллировали к полномочиям всероссийского собрания: «Раз открылся Съезд, то изменение программы зависит уже от собрания, а не от комиссии»³³⁴.

Разочарование было довольно значительным, его не мог скрыть даже один из товарищей председателя бугурусланский мещанин С. Д. Яковлев, видимо, не входивший в ближний круг «реформаторов» программы: «Больше года предсъездная комиссия готовилась к Съезду. Съезд, наконец, состоялся. Но когда члены Съезда собрались на заседание, им говорят: у нас нет доклада, нет материала. Что же это значит? Неужели же комиссия не могла своевременно разобраться и подготовить всё необходимое для Съезда? Это очень печально, но что же делать? Начнем. Может кто-либо и выступит с докладом»³³⁵. Столь неожиданная для организаторов импровизация была поддержана большинством присутствовавших и открыла обсуждение обрядовой практики без каких-либо преамбул, после чего несколько часов заслушивались речи и высказывания делегатов о «религиозных нуждах» первостепенной важности.

³³³ Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных). С. 30, 34.

³³⁴ Там же. С. 26.

³³⁵ Там же.

Выступления показали, что ценность бытовых предписаний была для многих сравнима с самими таинствами. Выяснилось, что помимо отсутствия единообразия с выполнением крещения, бракосочетания, причащения и покаяния, старообрядцев-часовенных очень волновали следующие проблемы:

- как творить молитву за царя;
- как творить молитву за рожениц;
- как благословлять наставников;
- как относиться к питию вина, чая, курению табака;
- различное отношение к пострижению волос;
- ношение одежды «немецкого» покроя;
- допустимы ли калоши с двуглавыми орлами и крестами;
- допустимо ли использование самовара, керосиновых ламп, земледельческих машин, железной дороги;
- можно ли использовать книги и иконы, писанные неверными и многое другое.

Организаторы собрания, принадлежавшие к екатеринбургской и челябинской городским общинам, неоднократно призывали собравшихся оставить на время в стороне эти, на их взгляд не первоочередные, проблемы и перейти к созданию братства: «этот вопрос все осветит и поможет разобраться затем в других вопросах программы», надо «избрать добрых мужей, которые разобрались бы во всем этом и привели бы старообрядцев к единомышлению»³³⁶. Однако, и в первый, и во второй раз этот призыв был отвергнут делегатами.

Почти весь первый день понадобился для того, чтобы прийти к выводу о бесполезности попыток решить этот вопрос за один раз многочисленным собранием, в котором почти за каждым уполномоченным стояло собственное понимание правильности совершения таинств или религиозного обоснования бытовых запретов.

³³⁶ Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных). С. 27–28.

Дебаты так не смогли продвинуться дальше подходов к определению того, что же следует считать обрядом, требующим упорядочения. Выступления грозили внести больше разногласий, чем ясности, поэтому руководители съезда предложили представлять доклады им на предварительное согласование, поскольку некоторые «могут оказаться совершенно неподходящими и содержанием своим могут не только вселить недоразумения, но и рознь»³³⁷.

К концу первого дня, удостоверившись в тщетности дальнейших прений на тему обрядов и таинств, несколько представителей крестьянских общин горнозаводского района и Зауралья присоединились к призыву организаторов оставить эту проблему и решать вопрос об объединении. Съезд наконец-то согласился на очередное предложение рассматривать вопросы в зависимости от степени их подготовленности и доклад о создании братства был прочитан.

Представление этого вопроса готовили крестьянин Даниил Серебренников из Невьянского завода (о сути братства) и челябинский мещанин Павел Толстых (о роли начетчика в братстве). По их словам, братство должно было стать союзом всех часовенных-старообрядцев, которые делегируют своих представителей в Совет братства для изучения, согласования и представления всех актуальных вопросов согласия. В дальнейшем эти предложения предполагалось утверждать на очередном съезде. Совет братства планировалось собирать в Екатеринбурге 2–3 раза в год и в него должны были входить «лучшие мужи», обязанные изучать Св. Писание и Предание и регулярно приезжать на заседания, отложив свои повседневные дела. Это должно было привести к фактическому объединению часовенного согласия: «Между прочим в высшей степени поучителен и сегодняшний день: собрались, целый день судим, судим, а ни к каким выводам не приходим. У нас нет материала, нет знаний. Мало того, мы разъединены, друг друга не знаем и, пожалуй, друг другу не верим»³³⁸. Немногочисленные речи против братства, свидетельствовали, что даже после разъяснений, Совет многим

³³⁷ Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных). С. 28.

³³⁸ Там же. С. 29.

представлялся не рабочим органом, генерирующим согласованное понимание, а неким символом, возникновение которого возможно только после устранения всех «розней» (тут начинал маячить возврат к только что завершившимся бесплодным дебатам).

Стараясь избежать нового витка выступлений, которые опять выявили бы богатое разнообразие сомнений, руководство съезда после доклада поставило вопрос на голосование и получило 76 голосов в поддержку Братства и 24 против (остальные уполномоченные воздержались от какого-либо определения)³³⁹. При этом, судя по сводкам прибывших к тому времени на съезд делегатов, всего в этом голосовании могли принимать участие 171 чел., следовательно, возможное число воздержавшихся было 71, т. е. совсем немногим меньше тех, кто проголосовал «за». Однако, поскольку основанием для результата было простое соотношение голосовавших, вопрос об учреждении Братства сочли решенным положительно и завершили первый рабочий день съезда.

Стремительность вынесения постановления о создании Братства вызвала смятение у не желавших в него входить и многочисленных воздержавшихся. На следующий день они подали председателю съезда заявление о том, что не признают Братство. Но поскольку организаторы собрания уже получили необходимое им решение от съезда, к этому демаршу они отнеслись спокойно. Всем присутствующим от председателя и его товарищей было оглашено разъяснение, что Братство будет создаваться лишь теми, кто захочет в него войти, а остальные могут не участвовать. Это успокоило волнения и позволило во второй день избрать первых членов совета братства, отдать им на усмотрение дело с приглашением начетчика и решить вопрос об обеспечении их работы за счет благотворительных добровольных взносов и комиссионных от продажи свечей Шарташского старообрядческого свечного завода.

Далее последовала дискуссия о школьном образовании и необходимости собственных старообрядческих учебных заведений. Обнаружилось, что даже

³³⁹ Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных). С. 23, 25, 29.

многих сторонников просвещения не устраивают существующие возможности обучения в земских школах в которых преподают старообрядческие законоучителя: «не обучают ни псалтыри, ни канонам, ни пению по крюкам. <...> дети ... недостаточно будут обучены христианским истинам. <...> У нас земство выстроило десяти тысячное здание для школы. Учитель у нас теперь из своих старообрядцев. Дело идет хорошо. Только вот беда: говорят детям, что земля вертится, а солнце стоит. Это нам не нравится»³⁴⁰.

Помимо опасений «лишнего» знания, которое разъединит детей и родителей, жители небольших селений не всегда были готовы к финансовым затратам. Так, при устройстве земской школы с сельскохозяйственным и ремесленным отделениями, с приглашением старообрядческого учителя для преподавания Закона Божьего в Петрокаменском заводе Верхотурского уезда Пермской губ. они отказалась брать на себя половину расходов и сочли более удобной прежнюю практику обучения основам грамоты у «мастериц»³⁴¹.

Наиболее активные сторонники современного образования из числа начетчиков оптимистично полагали, что смогут устроить полностью старообрядческие училища на средства братства, пригласив учителей из своих рядов, которые бы вели все предметы. Это предложение поддержало большинство проголосовавших делегатов, хотя были и воздержавшиеся. Крестьянине Шадринского уезда ни братства, ни общины, ни школы не желали: «Во всем этом мы сомневается»³⁴². Были и более аргументированные мнения: «На школы требуется разрешение [от властей]. Это нас останавливает... как бы можно свободно открывать школы – дело другое. Нужно вычитывать в Священном Писании – прибегали ли при открытии школ к власти в старое время»³⁴³. Сторонники этой точки зрения, рассматривали образование в пределах необходимого для религиозного воспитания, которое, по их мнению, должно, как

³⁴⁰ Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных). С. 34–35.

³⁴¹ Там же. С. 33.

³⁴² Там же. С. 34.

³⁴³ Там же.

и прежде, определяться самими старообрядцами, а точнее, главами семей, решавших куда и когда отправлять своих детей. В итоге также, как и в случае с участием в братстве инициатива создания школ получила одобрение съезда, но осталась в статусе необязательной.

В следующие два дня съезд, к радости всех прибывших, наконец-то обратился к рассмотрению вопроса о таинствах.

В XIX в. часовенным пришлось, после перехода к беспоповской практике, конституировать передачу выполнения обрядов мирянам, избираемым самими обществами, но не имеющими духовного сана лицами. Это привело к возникновению различных вариантов совершения таинств. Например, началу XX в. в части обществ считалось, что при крещении наставникам не должно читать отрицание от ереси, поскольку это являлось прерогативой священника. В подготовленном к съезду докладе отстаивался наиболее полный чин совершения таинства – с отрицанием в момент обращения лица окрещаемого на запад и погружением, после поворота его на восток. По этому поводу состоялась довольно бурная дискуссия, причем иногда стороны, ссылаясь на одни и те же тексты Св. Писания, отстаивали противоположные точки зрения. Сначала было решено по предложению руководителей съезда (председателя и двух его помощников) передать дальнейшее рассмотрение вопроса в Совет братства.

Однако, когда та же участь постигла проблему браков (следует ли считать сочетание жениха и невесты без священника законным союзом) и причастия (сохранились ли Св. Дары), съезд был немало озадачен: приехали чтобы обсудить и решить насущные вопросы, а на деле – переложили их на плечи некоего вновь созданного Братства, которое никогда не собиралось и не всеми признано. В последний день большинство делегатов потребовало вернуться к повторному рассмотрению таинств: «при том направлении, которые приняли эти вопросы, явиться домой к пославшим их буквально не с чем»³⁴⁴. Руководство съезда пыталось возражать: «ждали 250 лет. Неужели же теперь наступила такая спешка,

³⁴⁴ Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных). С. 38.

что нельзя отложить решение вопроса на один – на два года»³⁴⁵, что породило новую волну бурных дебатов.

В итоге, о крещении, браке и покаянии на съезде после долгих прений была признана законность совершения в определенном порядке крещения, бракосочетания и покаяния избранными мирянами: за наставниками признано право читать отрицание при крещении, найдены основания считать освященным сводный брак, покаяние могло принимать любое «избранное законное лицо». Таким образом, была окончательно утверждена легитимность бессвященнической практики согласия, ранее установленная местными соборами³⁴⁶. Наибольшую сложность вызвала проблема причастия, которую, несмотря на желание внести определенность, всё равно пришлось оставить Совету Братства.

Туда же после доклада и непродолжительного обмена мнениями отправился и вопрос о приемлемости регистрации старообрядческих общин в губернских правлениях по Положению 1906 г. Показательна предшествующая этому дискуссия. Наставник часовенных Шемахинской волости Красноуфимского уезда П. Л. Зайцев трактовал понятие «община» как «общение с неверными», которое подлежит проклятию: «При таких общинах мы должны заводить книги и доставлять сведения людям великороссийской церкви. В этой церкви Закон Божий давно убрали, и мы от нея отделились. Теперь хотят в эту же церковь доставлять о нас сведения ... на такую общину, что требуются книги и сведения, ни я, ни мои общественники никогда не согласимся»³⁴⁷. Уполномоченный часовенных с. Усть-Козлуха Бащелакской волости Бийского уезда Томской губ. Сычугов П. С. обосновывал несогласие своих единомышленников по той же причине: «И наше общество сомневается. Старики думают, что при общине от гражданской власти произойдет повреждение»³⁴⁸. Старообрядцы Верхнеиргинского завода Красноуфимского уезда

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. (Серия «История Сибири. Первоисточники». Вып. IX). Т. 1. Новосибирск, 1999. С. 334–369; Т. 3. Новосибирск, 2011. С. 130–131.

³⁴⁷ Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных). С. 40.

³⁴⁸ Там же. С. 41.

Пермской губернии отправили своего делегата П. М. Емельянова с напутствием: «поступай как знаешь во всем, но на общины не соглашайся; на братство можно, а общины не принимай. ... общины дело новое и опасное»³⁴⁹. При этом противники регистрации территориально могли соседствовать с теми, кто относился к «общине» положительно. Не согласный «принять общину» крестьянин Г. Н. Нифонтов из станицы Долгодеревенской в окрестностях Челябинска Оренбургской губернии знал по крайней мере о пяти зарегистрированных обществах часовенных этой местности, поскольку как раз они ходатайствовали о разрешении съезда³⁵⁰.

Обсуждение вопроса о регистрации общин с выступлениями почти четырех десятков участников показало невозможность получить одобрительное решение, которого желали инициаторы съезда. Отрицательное заключение организаторов также не устраивало, ибо ставило зарегистрированные общины (и их в том числе) в ряды отступников от веры. Поэтому они предложили отдать изучение проблемы Совету Братства и лишь в этом встретили поддержку большинства присутствовавших.

В заключительных речах выступавшие выражали надежду, что съезды станут регулярными (по примеру других согласий), но этого не произошло. Оставленные на усмотрение Совета братства вопросы, консервативно настроенная часть обществ часовенных предпочла решать самостоятельно, как например, это сделали в отношении общин (не принимать), вслед за Качегарским собором 1911 г., старообрядцы на Горбуновском соборе на Среднем Урале, состоявшемся при участии скитских духовных отцов спустя три месяца после съезда (13–15 января 1912 г.)³⁵¹.

Совет Братства, собравшись первый раз сразу после завершения съезда 30 сентября 1911 г., начал полноценно работать только в 1913 г. и основными его

³⁴⁹ Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных). С. 41.

³⁵⁰ Там же. С. 42.

³⁵¹ Кузнецов А. Т. Общины и противообщинники // Уральский старообрядец. 1915. № 6. С. 25–29; № 7. С. 12–20; № 8–9. С. 13–18; № 10. С. 12–16.

участниками были члены двух екатеринбургских общин. Одним из немногих свершений Братства стал выпуск за счет членских взносов и пожертвований журнала «Уральский старообрядец» в 1915–1916 гг. Его редактированием занимался известный уральский начетчик А. Т. Кузнецов и молодое поколение екатеринбургского общества часовенных, отстаивавшее целесообразность регистрации общин, устройства школ, возможность участия старообрядцев в различных внеконфессиональных объединениях (кооперативах, товариществах, профессиональных сообществах и даже политических партиях)³⁵².

* * *

Процесс подготовки, проведение и итоги I Всероссийского съезда, события грандиозного в масштабах часовенного согласия, показали, разнородность старообрядческой среды с присутствием как минимум трех вариантов понимания принципов взаимодействия общины с внешним миром:

1. Консервативный – с взысканием автономии от властей, с сохранением главного авторитетного института в виде собора старейшин «единомысленных» общин в противовес Братству, строящемуся из «знатоков св. Писания» под эгидой городских светских лидеров. Сторонники консервативных взглядов были связаны более всего с крестьянскими, частично с заводскими обществами, а на Алтае в их число входило и старшее поколение городских часовенных; основная их заинтересованность на съезде сконцентрировалась вокруг решения вопроса о правильности таинств; они отказались от легализации общин по правилам Указа

³⁵² Заметим, при этом, что возможность (а зачастую и необходимость) взаимодействия старообрядцев городского сообщества с различного рода объединениями и союзами была частой, привычной, но далеко не безграничной. За религиозным обоснованием отказа стояли причины не столько догматического характера, к которым, как и на съезде 1911 г. апеллировали, сколько несовпадение интересов, о чем не всегда говорилось напрямую. В октябре 1917 г. председатель старообрядческого съезда в Екатеринбурге В. Е. Черных обосновал свою приверженность особой старообрядческой политической программе, как альтернативу поддержке партии эсеров: «Старообрядцам нельзя идти в социалистические партии, т. к. социалисты – безбожники... обещают рай земной, не ожидая рая небесного, а старообрядцы рая земного не признают... Социализму – христианство не по пути» (Старообрядческий съезд // Зауральский край. 1917. № 160. 10 октября. Л. 3); при этом несколькими месяцами ранее старообрядцы решили поддержать партию народной свободы (кадетов) на выборах в Екатеринбургскую городскую думу (С собрания старообрядцев // Зауральский край. 1917. № 154. 15 июля. Л. 2).

1906 г., и от создания «своих» школ, отдавая предпочтение семейному образованию.

2. Умеренный (признание необходимости устройства конфессиональных школ вместо обучения у «мастериц», согласие на участие в старообрядческом Братстве, и осторожное отношение к регистрации и подаче властям сведений о событиях в общине) – также выражался частью крестьянских и заводских делегатов от общин, чьи интересы были ориентированы на городские сообщества.

3. Лояльный по отношению к нововведениям (принятие регистрации, ведения метрических книг, учреждение совета общины, активное участие в созыве съезда, создании братства, и т. п.) – прежде всего, ему были привержены городские часовенные (уральские из Екатеринбурга и Челябинска, частично алтайские из Барнаула и Бийска) и связанные с ними общины. Новые возможности, полученные после провозглашения веротерпимости, способствовали укреплению влияния светских лидеров-мирян, которые имели достаточно опыта отношений с административными инстанциями губернского уровня и не видели препятствий для повседневных контактов в поликультурном городском окружении.

Следовательно, основной круг причин столь различного отношения к «открытости», допустимому взаимодействию с властями следует рассматривать с учетом процессов социокультурной дифференциации, одним из результатов которой стало активное использование возможностей десятилетия веротерпимости прежде всего деятелями городских – Екатеринбургской, Челябинской и связанных с ними общин часовенного согласия на Урале. Изменения в более герметичных сельских обществах, особенно сибирских, были не столь динамичными и незначительно затрагивали традиционный порядок.

2.4. От религиозной полемики политическим дебатам и союзам

После провозглашения веротерпимости активизировалась деятельность светских лидеров и старообрядческих начетчиков. В первую, очередь их старания направлялись, как рассматривалось выше, на отстаивание позиций своего согласия в религиозной полемике. Белокриницкое согласие было более централизованное, активное, старалось использовать все потенциальные возможности для увеличения сторонников, распространения и укрепления своих обществ. Появление Братства полемистов, а затем и Союза начетчиков (для оппонирования миссионерам православной церкви и представителям других согласий) произошло у них еще в посл. четв. XIX – начале XX в. В отличие от «австрийцев», перед уральским часовенным согласием не стояло масштабной задачи расширения круга прихожан, а для участия в беседах с миссионерами синодальной церкви или белокриницкой иерархии большинству общин еще в конце XIX в. представлялась вполне достаточной возможность приглашения известного начетчика со стороны или самостоятельного оппонирования, тем более, что «обсуждаемый» список вопросов исчерпывался, как правило, несколькими пунктами.

В 1890-х и начале 1900-х гг. на Урал и в Сибирь на такие беседы приезжал спасовец из Саратовской губ. А. А. Коновалов, чтобы выступать от лица старообрядцев, не имеющих церковной иерархии³⁵³. Однако уже в первые годы XX в., в условиях активизации «австрийцев», усиливших миссионерскую деятельность и централизованно поддерживавших своих начетчиков, стала очевидной недостаточность редких и дорогих визитов А. А. Коновалова, который попутно мог обратить своё красноречие на самих пригласивших, начать проповедь спасовского учения и внести раздор среди часовенных³⁵⁴.

³⁵³ Рукавицын В. И. Собеседование старообрядцев в с. Ильинском // ПЕВ. Неофиц. отд. 1902. № 5. С. 64; Морозов В. Беседы в с. Ильинском Пермского уезда // ПЕВ. Неофиц. отд. 1907. № 19. С. 352–363; № 21. С. 392–403; № 27. С. 521–527; № 29. С. 575–583; № 30. С. 598–607; ИИ СО РАН. № 10/90-г. Л. 84 об.–87 об.; Древлехранилище ЛАИ УрГУ. VI (Невьянское) собр. 55p/387, 56p/388.

³⁵⁴ ИИ СО РАН. № 10/90-г. Л. 84 об.–87 об.

В местном «австрийском» приходе, при поддержке деятелей этого согласия епископа Пермского Антония (Паромова), Ф. Е. Мельникова, епископа Уральского Арсения (Швецова) и своего брата И. Г. Усова, развернул активные полемические и издательские труды начетчик В. Г. Усов³⁵⁵, прибывший из центральной России³⁵⁶. Тогда и попечители екатеринбургской общины часовенных озаботились приисканием своего «защитника» и стали помогать молодому знатоку Священного Писания, уроженцу Черноисточинского завода А. Т. Кузнецову, служившему в то время в нижнетагильской часовне³⁵⁷. У него появилась возможность учиться полемическому мастерству у А. А. Коновалова³⁵⁸. После 1903 г. этот местный начетчик мог действовать самостоятельно и необходимости приглашать кого-либо со стороны уже не было. Описания одного из первых его собеседований с «австрийцами» – о. Василием Сюткиным и А. Д. Токманцевым были комплементарны как у православного миссионера (обеспокоенного укреплением «австрийской» иерархии), так и у самих часовенных³⁵⁹.

Признание А. Т. Кузнецова в качестве известного полемиста и влиятельного старообрядческого деятеля (хоть и стесненного в средствах) можно отнести к 1906 г., когда он, вместе с попечителем екатеринбургской Успенской («Малой») часовни Ф. А. Малиновцевым получил от синодального миссионера

³⁵⁵ Василий Григорьевич Усов (1877 – после 1943 гг.). Большую часть жизни являлся одним из лидеров Свято-Троицкой общины белокриницкого согласия в Екатеринбурге (Свердловске), был репрессирован в 1933 и 1943 гг. по ст. 58-10 и 58-11 (ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7491, 41352). По последнему делу в 66-летнем возрасте выслан на 5 лет в Омскую область, дальнейшая судьба неизвестна. Книга памяти Свердловской области. Т. 9.

³⁵⁶ О его деятельности в первые годы пребывания на Урале см.: *Белобородов С. А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (из истории русской Православной Старообрядческой церкви – белокриницкого согласия) // *Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий.* Екатеринбург, 2000. С. 159–160.

³⁵⁷ О деятельности А. Т. Кузнецова: *Клюкина Ю. В.* Материалы к биографии старообрядческого начетчика А. Т. Кузнецова (1879–1938) // *Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы науч.-практ. конф. посв. памяти М. И. Рижского,* Новосибирск, 29–30 октября 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 153–156.

³⁵⁸ Период «ученичества» черноисточинского начетчика у полемиста-спасовца дало основание считать его принадлежащим к спасовскому согласию; по крайней мере дважды он в таком качестве упомянут на страницах старообрядческой прессы: К характеристике двух ненавистников старообрядческого священства // *Старообрядец.* 1907. № 3. С. 357; Осуждение в тюрьму начетчика // *Старообрядческая мысль.* 1911. № 11. С. 972.

³⁵⁹ *Клюкина Ю. В.* Старообрядцы-часовенные Урала. С. 91.

К. К. Крючкова приглашение в Нижний Новгород на «совещание» о снятии клятв и поставлении единоверческого епископа: «Многоуважаемый Флегонт Артемьевич! ...Всё это осуществится, когда соберется собор; нужно бы иметь и голос старообрядцев. Вот поэтому мы и решили в Нижнем поговорить с вами об этих предметах. Приезжайте и захватите с собой Кузнецова, хотя я его просил лично, но и вы со своей стороны тоже попросите. Мы ему как небогатому человеку поможем на путевые расходы...»³⁶⁰.

Поскольку перспектива обретения единоверцами епископа в 1906 г. не прояснилась, а от принятия «австрийского» священства в 1908 г. отказался Екатеринбургский собор часовенных, Ф. А. Малиновцев, давно склонявшийся к белокриницкой иерархии, осуществил наконец своё намерение. В отличие от него А. Т. Кузнецов и в дальнейшем продолжил участие в обсуждении этого проекта. В Екатеринбурге надежды отдельных представителей часовенных на обретение иерархии были весьма серьезными: например, председатель Никольской общины Ф. Г. Щербаков в 1912 г. предложил внести поправку в официальное наименование согласия – «*временно* не имеющие священства», но не получил одобрения. Тем не менее группа поддержки у сторонников священства была. Тогда же, в 1912 г., группа беспоповцев из Екатеринбурга, Шарташа и Челябинска (в т. ч. А. Т. Кузнецов и Ф. Г. Щербаков) привезла на I Всероссийский единоверческий съезд письмо с подписями часовенных, готовых принять единоверие при условии, что со старых обрядов будут сняты клятвы 1666–1667 гг. и у единоверцев будет свой епископ. Однако, этот вопрос на съезде даже не начали рассматривать из-за позиции представителей синодальной церкви. Происходившее на съезде не внушало оптимизма в отношении самостоятельности единоверия в устройстве своей внутренней жизни³⁶¹, старообрядцы поняли, что в ближайшем будущем этого ждать не стоит и вернулись к делам своего согласия.

В том же 1912 г. А. Т. Кузнецов вошел в состав сотрудников

³⁶⁰ К характеристике двух ненавистников старообрядческого священства // Старообрядец. 1907. № 3. С. 354–357.

³⁶¹ Кузнецов А. К предстоящему съезду единоверцев // Старая Русь. № 3. С. 52; Кузнецов А. Т. Мои впечатления // Старая Русь. № 5. С. 85.

просветительского журнала «Старая Русь», в котором главной целью заявлялось правовое воспитание: «правовой принцип должен быть применяем не только к явлениям из области политики, но также ко всем явлениям из прочих областей общественной жизни. Мы должны стремиться к тому чтобы сознание права у нас постепенно перешло в чувство права»³⁶². В издании освящались события из жизни разных старообрядческих согласий, заметки и статьи для него писали поморцы, белокриницкие, часовенные, профессора Н. Ф. Каптерев, С. А. Котляревский, а также С. П. Мельгунов, А. С. Пругавин. За первый и единственный год существования журнала «Старой Русь» в нем было представлено несколько сообщений от уральского корреспондента, сопровождаемые фотографиями³⁶³. Одновременно с этой работой он готовил и впоследствии издал «Выписки из разных книг святоотеческого и священного Писания, служащие к оправданию старообрядцев» в двух частях, куда вошли тексты, используемые им в полемических религиозных беседах с миссионерами и представителями других согласий.

Участие в «Старой Руси» открыло новую страницу в деятельности начетчика, который, опираясь на полученный опыт, стал более самостоятельной фигурой в последующие два года прилагал усилия для создания старообрядческого журнала на Урале³⁶⁴, осуществлении которого показало границы влияния и возможности (в том числе финансовые) местных старообрядческих городских общин.

Частные пожертвования всегда имели большое значение для осуществления старообрядческих планов. Все поездки для «отыскания» священства, производились на собственные средства их инициаторов и, как следует из

³⁶² Редакция. О наших целях // Старая Русь. 1912. Без № (пробный выпуск). С. 1–3.

³⁶³ [Кузнецов А.] О 1-м Всероссийском съезде старообрядцев часовенных в Екатеринбурге // Старая Русь. № 7. С. 117–118; Кузнецов А. К истории старообрядчества на Урале. Веселые горы. Из жизни уральских старообрядцев // Старая Русь. № 9. С. 147–150; [Кузнецов А.] Среди старообрядцев не имеющих священства (часовенных). Собрание членов Совета братства // Старая Русь. № 13–14; [Кузнецов А.] К «Альбому портретов деятелей современного старообрядчества всех согласий»: Федор Григорьевич Щербаков // Старая Русь. № 15–17. С. 262.

³⁶⁴ Собрание Совета Успенского братства в Екатеринбурге // Уральский старообрядец. 1915. № 6. С. 42–46.

упоминавшихся соборных деяний³⁶⁵, сложности возникали не столько при непосредственной организации и проведении такой «экспедиции», сколько при получении одобрения обществ и благословения духовных авторитетов. На I Всероссийском съезде предложение ввести обязательные взносы от общин, соотносимые с количеством человек в них, встретило «восстание» большинства. В итоге решением съезда содержание начетчика и обеспечение деятельности Братства определялось только за счет частной благотворительности и добровольных пожертвований, что отражало давно сложившуюся практику. Однако, довольно скоро выяснилось, что разовые поступления, эффективные для относительно редких мероприятий, таких как ремонт и постройка храма, какого-либо нужного общине здания, воздвижение мраморных памятников³⁶⁶ или благоустройство мест паломничества, не вполне подходят для регулярных затрат. Журнал для своего согласия Совет Братства планировал выпускать ежемесячно за счет членских взносов (в основном, с горожан, так как они составляли большинство «братчиков») и подписки от общин, но уже через пять месяцев стало ясно, что взносы собираются с трудом и средств не хватает. Членам Братства пришлось повысить цену, учредить кружечный сбор в пользу «Уральского старообрядца» среди паломников на Веселых горах и провести вечер духовных песнопений с просветительской лекцией, чтобы вырученные от слушателей деньги направить на издание. Призывы более активно поддерживать Братство финансами и новости о благотворительности, достойной подражания появлялись на страницах журнала регулярно и также были призваны уменьшить недостаточность имеющихся в распоряжении редакции средств³⁶⁷. Во второй, 1916 г., оказавшийся последним,

³⁶⁵ «Описание деяний и постановления Екатеринбургского собора» 1 мая 1884 г. // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 1. Новосибирск, 1999. С. 342.

³⁶⁶ Хроника старообрядческой жизни [Молебен на кладбище д. Нижние Таволги около установленного мраморного памятника на могиле о. Варлаама] // Уральский старообрядец. 1915. № 6. С. 42.

³⁶⁷ Примерное завещание // Уральский старообрядец. 1915. № 3. С. 27; Собрание Совета Успенского Братства в Екатеринбурге // Уральский старообрядец. 1915. № 6. С. 42–46; Верх-Нейвинский завод // Уральский старообрядец. 1915. № 8–9. С. 26–28; Хроника старообрядческой жизни // Уральский старообрядец. 1915. № 12. С. 32; Хроника. Щедрый дар в Псковской губернии // Уральский старообрядец. 1916. № 4–5. С. 22–25; Хроника [Завещание Е. А. Меджер] // Уральский старообрядец. 1916. № 6–7. С. 31–32; Хроника [Стипендия

издание осуществлялось уже по предварительно подсчитанной смете, но даже в этом случае большинство номеров вышло парными из-за дороговизны бумаги. Сотрудники Братства, редактировавшие и выпускавшие «Уральский старообрядец» несмотря на экономические затруднения и необходимость преодолевать неоднозначное отношение к высказываемым на его страницах взглядам, считали собственный периодический журнал одним из наиболее важных средств в просвещении одноверцев.

В организации деятельности Братства часовенные имели возможность учитывать опыт других согласий, о котором им было известно³⁶⁸, тем более, что часть проблем, возникающих при устройстве старообрядческих объединений были схожи: трудно давалось согласование решений и соблюдение интересов всех участников. На страницах старообрядческой печати в многочисленных статьях о соборах, съездах и встречах можно было найти подробности непростых взаимоотношений Совета братства Честного и Животворящего Креста в Москве, Союза начетчиков, Совета всероссийских съездов и соборов епископов белокриницкого согласия. В то время как часовенные только готовились к открытию своего первого съезда, «австрийцы» в июле 1911 г. провели уже 12-й всероссийский съезд, в августе того же года у них состоялся очередной собор епископов. Тем не менее для обоих собраний вопрос о полномочиях светских и духовных руководителей, а также рядовых участников, оставался актуальным: в 1908 г. в старообрядческой прессе публиковались замечания о самодеятельности и «покушении на права высшей администрации» председателя Совета съездов Д. С. Сироткина, по своему усмотрению менявшего повестку заседаний и отправлявшего документы в Гос. Думу от имени всего согласия³⁶⁹; часть прихожан в 1910–1911 гг. высказывала недовольство порядком выбора представителей на

Е. П. Пермякова] // Уральский старообрядец. 1916. № 9–10. С. 32–33.

³⁶⁸ На одном из первых собраний Совета Братства 6–7 июня 1912 г. рассматривался в качестве примера Устав Братства беглопоповцев Нижнего Новгорода, см.: [Кузнецов А.] Среди старообрядцев не имеющих священства (часовенных). Собрание членов Совета Братства // Старая Русь. 1912. № 13–14.

³⁶⁹ Будьте внимательны // Старообрядцы. 1908. № 1. С. 98–99; Среди старообрядцев // Старообрядцы. 1908. № 2–3. С. 252–257.

собор епископов и постановлением о закреплении голосов лишь за духовенством, что устраняло мирян от участия в принятии соборных решений³⁷⁰. В белокриницком согласии активно действовал Союз начетчиков, созданный при участии уральского епископа Арсения (Швецова) для координации полемической защиты согласия. Однако самостоятельная и часто резкая критическая позиция Союза, заявляемая в его изданиях, в частности Ф. Е. Мельниковым, вызывала нарекания у Совета братства, собора епископов и ряда видных светских деятелей согласия³⁷¹. Шло определение границ полномочий и компетенций новых институтов и координация их решений с мнением низовых общин (внутри которых также присутствовала неоднородность интересов)³⁷². Преемственность соборных принципов как у «австрийцев», так и у часовенных, восходила к поддерживаемой в беглопоповских обществах, общехристианской традиции³⁷³. Поэтому схожие процессы обнаружились и в часовенном согласии, особенно когда после I Всероссийского съезда начало действовать Братство, вызвавшее много сомнений в уральских общинах и потому фактически оставшееся объединением наиболее активных деятелей екатеринбургского общества. Оппозиция «противообщинников» (не желавших вмешательства в их внутреннюю жизнь кого бы то ни было, кроме собора признаваемых ими духовных авторитетов) просветительским устремлениям главного начетчика Братства А. Т. Кузнецова сопоставима по причинам и направленности с борьбой вокруг компетенций между подвижниками круга Ф. Е. Мельникова и белокриницкими иерархами³⁷⁴.

³⁷⁰ XI Всероссийский съезд старообрядцев 19–20 августа 1910 года // Старообрядческая мысль. 1910. № 8. С. 526–545; Открытое письмо Ив. Ив. Новикову // Приложение к журналу «Старообрядческая мысль». 1911. № 7. С. 1–15; Голос Приуралья // Старообрядческая мысль. 1911. № 9. С. 737–741.

³⁷¹ См., напр.: Особое мнение члена Совета М. И. Бриллиантова по вопросу сдачи комнаты в братской квартире Ф. Е. Мельникову // Старообрядцы. 1909. № 3–4. С. 237–238; Постановление Освященного собора 1913 г. 25 авг. // Старообрядческий пастырь. 1913 г. № 1. С. 84.

³⁷² *Старухин Н. А.* Сибирские общества белокриницких староверов во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2015. с. 88, 100–101, 103, 112–113.

³⁷³ *Покровский Н. Н.* Соборные уложения часовенных XVIII–XX вв.: система запретов // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 123–138.

³⁷⁴ По постановлению собора белокриницкого согласия 1913 г. начетчикам Н. Д. Зенину и В. Е. Макарову было выражено порицание за редакцию и издание журнала «Старообрядческая мысль» с исключением их из кандидатов (мирян) в Совет при архиепископии, см. Постановление

В итоге в 1915–1916 гг. при Успенском Братстве часовенных в Екатеринбурге начал издаваться «Уральский старообрядец», адресованный, прежде всего, староверам этого согласия. Редактором его стал сын настоятеля екатеринбургской Успенской общины И. П. Мокрушин (до призыва в действующую армию в апреле 1916 г.), а основным автором статей А. Т. Кузнецов (под своим именем и псевдонимами), ответы на читательские вопросы обрядово-догматического характера, вероятнее всего, готовились при участии обоих екатеринбургских наставников – П. С. Мокрушина и П. Д. Лобанова. Регулярно на страницах журнала появлялись сообщения от алтайских общин. Материалы Кузнецова были посвящены законодательным актам и циркулярам, касавшимся старообрядческой жизни, полемике с противниками общин, устройства школ, кооперативов и разных объединений, а также событиям на фронтах 1-й Мировой войны. Благодаря ему в журнале печатались новости и объявления не только из местных обществ, и не только часовенного согласия³⁷⁵. Самым значительным по объему и значению произведением А. Т. Кузнецова стали «Исторические очерки уральского старообрядчества», вышедшие в виде серии статей на страницах журнала (характеристику этого труда см. во введении) и сделавшие автора одним из самых известных историографов часовенного согласия. Кроме того, А. Т. Кузнецов в 1917 г. стал членом партии эсеров и одним из активных участников политической жизни уральского региона.

Формирование партийно-политического спектра на Урале происходило по общероссийской схеме с некоторыми региональными особенностями³⁷⁶. К местной

Освященного собора 1913 г. 25 авг. // Старообрядческий пастырь. 1913 г. № 1. С. 84.

³⁷⁵ Екатеринбургские общины и война // Уральский старообрядец. 1915. № 1. С. 27. № 3. С. 27; Чудесное спасение рядового Н. Крохина // Там же. № 1. С. 32–35; Общее собрание Успенской общины // Там же. № 2. С. 30–31. 1916. № 1–2. С. 31; Пленные старообрядцы // Там же. С. 31; Собрание совета Успенского братства в Екатеринбурге // Там же. № 6. С. 41–46. Лобанов П. Д., настоятель О бранобритии // Там же. № 7. С. 9; На Веселых Горах // Там же. 1916. № 6–7. С. 33–35.

³⁷⁶ См.: Кононенко А. А. Социалисты-революционеры в политической борьбе на Урале в 1917–1918 гг. Дисс... канд. ист. наук. Тюмень, 1993; Курасова А. А. Уральские организации и политические партии России накануне и в период революции 1905–1907 гг. (по материалам печати). Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; Огоновская И. С. Борьба политических партий на Урале за идейное влияние на массы в 1917 г. (по материалам периодической печати). Дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1991; О политических партиях на Урале см.:

специфике исследователи относят преобладание здесь радикальных течений (как левых – ПСР, РСДРП, так и правых – Союз 17 октября, СРН) при слабости умеренных – конституционных демократов, которые по численности сторонников находились на последнем месте, но в Екатеринбурге имели много сторонников. Уралу была свойственна неравномерность территориального размещения партий: до 1917 г. наибольшее количество центристских и охранительных организаций было в Пермской губ., эсеры преобладали в Уфимской и Вятской губерниях, меньше всего партийное строительство захватило консервативное Оренбуржье³⁷⁷.

Самой оживленной партийная жизнь была в Пермской губ. При этом здесь, как и в провинции в целом, наблюдалось два пика политической активности: первый пришелся на 1905–1907 гг., затем последовало затишье (если не считать закончившихся в 1909 г. попыток левых радикалов организовать партизанское движение), когда партии почти не подавали признаков жизни, второй начался в марте 1917 г. При этом каким бы бурным ни был расцвет политических организаций в 1905–1907 гг. и 1917 г., участники всех партий в стране составляли не более 0,5–1,5 % населения³⁷⁸. Уже в декабре 1917 г., констатируя малую активность населения Урала на выборах в волостные и уездные земства (даже в заводских районах пришло лишь 10–20 % жителей), одна из местных газет писала: «В деревне нашего края о партиях знают много меньше, чем об Антихристе, об его кознях и хитростях»³⁷⁹.

Логичным было бы предположить, что политические предпочтения старообрядцев Урала распределялись в соответствие с местной спецификой.

Капцугович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975; *Нарский И. В.* Кадеты на Урале (1905–1907 гг.). Свердловск, 1991; *Его же.* Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. (материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994; *Его же.* Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995; *Его же.* Политические партии в российской провинции (Урал, 1901–1916 гг.): шанс демократизации или модификация авторитарной действительности? // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках. Челябинск, 1997; *Попов Н. Н., Бугров Д. В.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997.

³⁷⁷ *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 60–61.

³⁷⁸ *Тютюкин С. В.* Политическое пробуждение России... С. 80.

³⁷⁹ По Уралу // Зауральский край. 1917. 5 декабря.

Зафиксировано несколько прецедентов с вступлением старообрядцев в «Союз русского народа»³⁸⁰. Так, например, из Красноуфимского уезда Пермской губ. председатель Урминского отдела СРН дьякон М. С. Мокрушин спрашивал Главный совет о том, можно ли принимать в СРН старообрядцев, которых среди местного населения было около тысячи, в то время как православных – всего 700 чел.³⁸¹ Вплоть до 1909 г. в рядах Екатеринбургского отделения «Союза Русского народа» состояли несколько видных деятелей часовенного и белокриницкого согласия. Один из попечителей Свято-Троицкой общины белокриницкого согласия в г. Екатеринбурге В. О. Козицын известен как руководитель екатеринбургского отделения «Союза русского народа» с 1905 по 1907 гг.³⁸² Кроме него в СРН состоял ряд известных часовенных – иконописцы А. С. и Г. С. Романовы, М. Г. Романов, секретарь совета Никольской общины И. С. Крохин, Ф. И. Рожнов³⁸³. Противоречия между интересами основной части сторонников «Союза русского народа» и старообрядцами возникли после того, как черносотенцы в III Государственной Думе начали активно препятствовать

³⁸⁰ Теоретически массовое участие староверов в СРН вряд ли могло иметь место, поскольку ряды черносотенцев в этническом и религиозном отношении были монолитны, состоя почти исключительно из русских и православных (см.: *Нарский И. В.* Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале. С. 40). Однако это не исключает того, что симпатии некоторых беспартийных старообрядцев не находились на стороне правых движений.

³⁸¹ *Нарский И. В.* Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале. С. 40.

³⁸² Представитель известной купеческой семьи золотопромышленников Козицыных, Владимир Осипович управлял по доверенности жены фабрикой по производству пыжей в Арамиле, но предприятие долгое время было на грани банкротства. Очевидно, именно на его персону намекала газета «Уральский край» когда в номере за 17 августа 1907 г. писала о социальном составе черносотенцев: «Движение это искусственно создается... сельскими батюшками и чинами всех родов оружия... вылезшими из мужичков золотопромышленниками, малограмотными гранильщиками, ...прогоревшими фабрикантами пыжей и т. д. и т. д.». Будучи убежденным сторонником монархии, он возглавил «Всесословный союз мещан», который в июле 1906 г. влился в «Союз русского народа». Для поддержки своей партийной деятельности печатным словом В. О. Козицын приобрел типографию, в которой издавал газету «Голос народа». Однако на руководящем посту местного СРН он пробыл недолго, в 1907 г. «союзники» были В. О. Козицыным недовольны и в конце концов он отошел от политической деятельности. В это же время его постиг и финансовый крах: оказавшись в несостоятельных должниках, он выбыл из купеческого сословия. Газету и типографию пришлось закрыть (*Агеев С. С., Микитюк В. П.* Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998. С. 125–128).

³⁸³ Были подобные примеры и в Сибири. Известно, что купец г. Новониколаевска, К. А. Поляков, бывший старостой общины белокриницкого согласия, состоял товарищем председателя городского отдела СРН (см.: *Скубиневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М.* Предприниматели Алтая. С. 80).

прохождению старообрядческого законопроекта. На заседании местного отделения СРН 1 июня 1909 г. было решено послать сочувственную телеграмму епископу Евлогию, не сумевшему предотвратить одобрение Думой либерального варианта данного закона. В знак несогласия с таким постановлением часовенные вышли из СРН, заявив оставшимся «союзникам», что, отвергая установленную в 1905 г. царским манифестом свободу вероисповедания, они обманывают государя³⁸⁴.

Причины, по которым старообрядцы участвовали в черносотенных организациях, были те же, что и у остального населения. Исследователи отмечают, что значительная часть уральских отделений «Союза русского народа» располагалась в городах и заводских поселках Пермской губ. Здесь, в горнозаводской зоне Среднего Урала, по свидетельствам современников население находилось в очень тяжелом положении, и опасность социального взрыва была велика. Поэтому события первой революции разворачивались в этом районе столь стремительно, и это, в сочетании с накопившимся раздражением неблагополучной экономической ситуацией, вызвало реакцию в форме праворадикального движения³⁸⁵. На 1905–1907 гг. приходится расцвет местных черносотенных организаций, когда, зачислившись в «Союз», многие обыватели реализовали свое стремление выступить за порядок и спокойствие, нарушенные волнениями октября 1905 г. В целом, после окончания Первой русской революции началась волна деполитизации общества и черносотенные организации значительно поредели, подавляющее большинство местных «Союзов» пришло в упадок, предпринимая попытки оживить свою деятельность лишь во время выборов в местные органы самоуправления и Государственную Думу (с каждым разом все и менее и менее успешно)³⁸⁶.

Насколько серьезно можно говорить о контактах старообрядцев со сторонниками конституционно-демократической партии?³⁸⁷ По данным некоторых

³⁸⁴ Урал // Церковь. 1909. № 24. С. 772; Уральский край. 1909. 4 июня.

³⁸⁵ Нарский И. В. Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале. С. 29.

³⁸⁶ Там же. С. 33, 95–113.

³⁸⁷ В научной литературе приводится наивысшая численность всех кадетских организаций Урала: в период особо активного притока в партию в апреле – июне 1906 г. она насчитывала 3100 человек, из них 1259 в Пермской губернии. В это время в уральских социал-

источников, к кадетской партии был близок один из руководителей екатеринбургской Свято-Троицкой общины – В. Г. Усов³⁸⁸. Однако его, активнейшего участника старообрядческой общественно-политической жизни Москвы и Нижнего Новгорода, занявшего в Екатеринбурге место начетчика лишь в 1909 г., не вполне можно приводить в качестве примера типично уральского старообрядца. Гипотетически, его влияние на формирование политических взглядов местных старообрядцев, конечно, могло иметь место. Но гораздо больший шанс привлечь на свою сторону старообрядцев был и у самих местных кадетов – посредством прессы. На страницах кадетской газеты «Уральский край» (с 1912 г. – «Зауральский край»), издававшейся в Екатеринбурге, регулярно и подробно освещались события, происходившие в местном старообрядческом обществе. Такая осведомленность свидетельствует, во-первых, о постоянных контактах редакции с руководством старообрядческих общин, в особенности часовенного согласия, а, во-вторых, о заинтересованности в привлечении старообрядцев в ряды своих читателей. В 1911 г., когда начетчики белокриницкого согласия со страниц своего журнала «Церковь» стали открыто выдвигать часовенным предложения об объединении³⁸⁹, «Уральский край» предоставил часовенным возможность на страницах газеты высказать их мнение³⁹⁰. Кроме того, на I Всероссийском съезде часовенных в Екатеринбурге в 1911 г. из всей прессы были корреспонденты только двух газет: «Уральская жизнь» и «Уральский край» (обе издавались светскими, не принадлежащими к старообрядчеству, деятелями, обе относились к кадетскому направлению). Причем один из сотрудников последнего издания выполнял редактирование постановлений и составлял протоколы съезда³⁹¹. Журнал

демократических организациях состояло немногим более 3000 человек, а в эсеровских около тысячи (см.: *Нарский И. В.* Кадеты на Урале. С. 24–25).

³⁸⁸ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 32016. Л. 106. Авторитет Василия Усова среди уральских старообрядцев подкреплялся не только пламенными речами. Он был родным братом нижегородского епископа белокриницкой иерархии Иннокентия и еще до прибытия в Екатеринбург входил в круг активных старообрядческих деятелей. В. Г. Усов участвовал в 1906 г. в вышеупомянутых частных политических заседаниях, в 1906–1907 гг. редактировал журнал «Старообрядец».

³⁸⁹ Вопросы часовенным старообрядцам // Церковь. 1911. № 37. С. 891–893.

³⁹⁰ Уральский край. 1911. 24 сентября.

³⁹¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 63. Л. 82 об.–83.

часовенного согласия «Уральский старообрядец», издававшийся с 1915 г., печатался в Екатеринбурге в типографии товарищества «Уральский край». В мае 1917 г. на первом заседании екатеринбургского комитета конституционно-демократической партии (второе название – партия народной свободы) была образована комиссия по старообрядческим делам, которая должна была работать со старообрядцами, устраивая совместные заседания, и способствовать защите их интересов³⁹². В 1917 г. столь плодотворное сотрудничество наконец-то дало определенные плоды: объединенные собрания часовенных и белокриницких Екатеринбурга и Шарташа в июле 1917 г. решили при выборах в местную городскую думу голосовать за список партии народной свободы³⁹³. В перспективе открывалась возможность последующей поддержки данной партии городскими старообрядческими общинами на выборах в Учредительное собрание. На это указывает, в первую очередь, содержание «Политической программы старообрядцев всех согласий» (разработанной в Москве весной 1917 г.), которая была поддержана большинством представителей от городских и заводских обществ на двух съездах старообрядцев Пермской губ.³⁹⁴ Во многом ее положения, как уже отмечалось, оказались созвучны программе кадетской партии³⁹⁵. Однако, как это ни парадоксально, именно наличие отдельной старообрядческой политической программы разделяло старообрядцев и партию народной свободы на выборах в Учредительное собрание. Как уже отмечалось выше, согласно плану московских руководителей нескольких согласий, в Пермской губ. все старообрядцы, поддерживающие эту программу, должны были объединиться, выдвинуть на выборах в Учредительное собрание свой список представителей и дружно проголосовать за него³⁹⁶. К концу мая 1917 г. разработчики программы добились ее

³⁹² В партии народной свободы // Зауральский край. 1917. 26 мая.

³⁹³ С собрания старообрядцев // Зауральский край. 1917. 15 июля.

³⁹⁴ Старообрядческий съезд // Зауральский край. 1917. 10 октября; 13 октября.

³⁹⁵ Ср. старообрядческую программу в предыдущем разделе и программу кадетской партии (Шехолаев В. В. Кадеты // Политические партии России: история и современность. С. 154–158).

³⁹⁶ В густонаселенных старообрядцами губерниях Всероссийское старообрядческое совещание рекомендовало проводить выборную кампанию самостоятельно, не входя в соглашение с какой-либо партией. Кроме Пермской, к ним были отнесены Калужская, Черниговская, Бессарабская, Вятская, Казанская, Самарская губернии, Алтайский округ и

одобрения всероссийскими съездами поморского и белокриницкого согласий³⁹⁷. По проекту деятелей белокриницкого согласия, при их непосредственном участии и руководстве был создан так называемый общестарообрядческий политический союз³⁹⁸, по образу и подобию которого вскоре появились старообрядческие политические исполнительные комитеты на местах (причем, часто в числе их организаторов были не только миряне, но и священнослужители белокриницкой иерархии). Из уральских деятелей в центральный союз были избраны Ф. Д. Колобов (Пермь), М. И. Семенов (Ижевский завод), А. А. Кульков (Миасский завод), С. М. Ельшанкин (Екатеринбург).

К участию и в центральном союзе, и в местных комитетах «австрийцы» приглашали все согласия, однако руководящая роль и влияние в этих организациях оставались, прежде всего, за самими учредителями. Главной функцией местных отделов было знакомство старообрядцев с политической жизнью страны и подготовка к выборам в Учредительное собрание. Первым шагом новоявленных организаций стало проведение в старообрядческих общинах собраний для разъяснения «Политической программы».

На Урале и в Западной Сибири, кроме Пермской губ., старообрядческую политическую программу приняли в Тюмени и Уфе. Итоговые постановления собраний старообрядцев нескольких согласий касались, прежде всего, 9-ти

области – Войска Донского, Терская, Кубанская и Уральская (см.: Политическое совещание старообрядцев // Слово Церкви. 1917. № 38. С. 641).

³⁹⁷ О том, что к убеждению делегатов «из глубинки», собравшихся на поморском съезде, пришлось прилагать усилия, свидетельствует один из эпизодов, описанных Ф. Е. Мельниковым: «Начинаются прения. Три докладчика горячо доказывают необходимость продолжения войны до почетного исхода. Начинают выступать крестьяне. Говорят нескладно, по записочкам, многие читают привезенные наказы. Слушаю и удивляюсь; все говорящие против войны и против контрибуции! Вот-те, бабушка, и Юрьев день! Старообрядцы – и вдруг немцы чуть ли не братья... кто-то уверял, что процент по займам будут платить и восстанавливать разоренные города и области помещики и купцы, когда же им [крестьянам] растолковали, что если продать с аукциона не только имение наших купцов, но их самих с женами и детьми и только чуть-чуть хватит уплатить проценты за один год, что значит платить все придется им же, крестьянам, то стали горой за контрибуцию... темным-темна наша деревня... Приедет какой-нибудь последователь Ленина... бросит слово, крестьяне и верят... как же не поверить, особенно если эти слова приходятся по душе...» (М. Впечатления от съезда // Слово Церкви. 1917. № 19. С. 354).

³⁹⁸ Решения и постановления всероссийского съезда старообрядцев // Слово Церкви. 1917. № 27. С. 494.

пунктов, предлагаемых Исполнительным комитетом. Однако дополнения и оговорки, внесенные в эти же постановления, в ряде случаев заставляют сомневаться в том, что на местах, во-первых, адекватно поняли «Политическую программу», а во-вторых, могли объединиться на ее основе старообрядцы из различных социальных слоев. Так, например, 28 мая 1917 г. объединенный съезд поморцев, федосеевцев, спасовцев, «австрийцев» и часовенных Уфимской губ. поддержал «Политическую программу», но с условием, что ее дополняют положением о недопустимости конфискации у владельцев фабрик и торгово-промышленных предприятий необходимой для них земли. В Оханске Пермской губ. поповцы и беспоповцы, которые, как и большинство местных жителей занимались земледелием и рыболовством, единогласно одобрили все пункты программы, только «общее собрание желало бы, чтобы земля перешла к трудящемуся люду безо всякого выкупа»³⁹⁹. В соседнем Очерском заводе того же уезда старообрядцы, в числе которых были и заводские рабочие, тоже поддержали программу при оговорке о безвозмездном получении земли. Однако в пункт о «единой законной власти» ими было внесено дополнение о Советах солдатских, рабочих и крестьянских депутатов: «...собрание присоединяется к тому, что нужно проникнуться доверием к Временному Правительству, объединиться около него... Означенные Советы являются правомочными отстаивать взгляды и интересы трудового народа и контролировать действия Временного Правительства. Но исполнительная власть должна быть едина, в лице Временного Правительства»⁴⁰⁰. Это неоднозначное пожелание можно расценивать как попытку найти компромисс между формулировкой предлагаемой москвичами и требованиями заводского

³⁹⁹ Оханск Пермской губернии // Слово Церкви. 1917. № 32–33. С. 578–579.

⁴⁰⁰ Очерский завод Пермской губернии // Слово Церкви. 1917. № 32–33. С. 579; в данном случае в итогах обсуждения старообрядческой политической программы, не прослеживается расхождений между интересами, с одной стороны, крестьян и, с другой стороны, заводских рабочих. Но, примечательно, что на съезде священников и мирян белокрыницкого согласия в Очере 4 мая 1917 г. старообрядцы-крестьяне заявили, что они недовольны твердыми ценами на хлеб, а когда председатель попробовал возразить, что цены крестьян очень высоки для рабочих, депутаты из деревни ответили: «нас смущает требование рабочих относительно 8-часового рабочего дня, тогда как нужно всеми силами работать для поддержки государства и его военной мощи» (Епархиальные съезды: 5й благочинный округ Пермской епархии // Слово Церкви. 1917. № 25. С. 467–468).

населения, не оказывавшего в июле 1917 г. (именно тогда состоялось собрание) Временному Правительству безоговорочной поддержки. Впрочем, в итоговом варианте программы выдвинутое очерцами дополнение никак не отразилось. Того же нельзя сказать о пожеланиях бесплатной передаче земли. Они были, по всей видимости, самым многочисленным замечанием, так что в Москве в августе 1917 г. на объединенном политическом совещании старообрядцев всей страны пункт программы о земле был соответствующе подкорректирован⁴⁰¹.

Затем стали предприниматься непосредственные действия по реализации старообрядческого плана избирательной кампании в Учредительное собрание. В ряде губерний объединения старообрядцев разных согласий провели съезды и составили списки представителей. 1-й Урало-Сибирский объединенный съезд старообрядцев всех согласий состоялся 20–21 июня 1917 г. На нем более 130 делегатов от общин Тобольской, Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний обсуждали, какой должна быть власть в стране (одобрили вариант с народным представительством и президентом, предлагаемый старообрядческой «политической программой»)⁴⁰², а также избрали исполнительный комитет для подготовки к выборам в Учредительное собрание⁴⁰³. В Екатеринбурге 5–6 октября 1917 г. состоялся 2-й Урало-Сибирский съезд, главным на котором был вопрос: «объединяться ли с какой-либо партией или действовать самостоятельно». Перед съездом объединенный исполнительный комитет старообрядцев всех согласий провел в общинах Урала и сопредельных территорий разъяснительную работу: в общины рассылались воззвания, командировались депутаты для встреч и бесед о

⁴⁰¹ Теперь резолюция по земельному вопросу звучала следующим образом: «Вся земля государственная, кабинетная, монастырская и церковная должна отойти в государственный фонд безвозмездно; частновладельческие земли отходят в этот фонд по справедливой оценке; вся земля переходит в пользование трудовому населению не на правах собственности, кроме усадебной и хуторской, и земельные наделы должны быть равномерны для мужчин и женщин» (см.: Политическое совещание старообрядцев // Слово Церкви. 1917. № 38. С. 641).

⁴⁰² В ходе дебатов, проявились особенности представлений некоторых участников собрания о желаемой форме государственного устройства: «...делегаты говорили, что управление страной всем народом это “по Божьи”... Проголосовали за народоправство с президентом-христианином русской национальности... Торговец В. И. Ульянов хотел бы, чтобы президента называли князем, но это было сочтено за недоразумение» (Старообрядческий съезд // Зауральский край. 1917. 24 июня).

⁴⁰³ Старообрядческий съезд // Зауральский край. 1917. 24 июня.

«Политической программе», на местах было учреждено более двух десятков старообрядческих комитетов⁴⁰⁴. На сам съезд из Москвы был командирован представитель известной в старообрядческом мире семьи, студент Санкт-Петербургского университета Григорий Лакомкин (белокриницкого, кстати, согласия), который прочитал доклад о плачевном положении страны, безбожии социалистов и необходимости политического объединения старообрядцев. В итоге съезд решил голосовать на выборах в Учредительное собрание за отдельные старообрядческие списки. Тогда же по Пермскому избирательному округу был составлен список из 19 человек (12 часовенных, 6 «австрийцев» и 1 поморец из Екатеринбурга, Перми, Шадринска, 6 заводов и 5 селений в Верхотурском, Екатеринбургском, Шадринском, Камышловском, Красноуфимском и Оханском уездах)⁴⁰⁵.

Однако, не все шло так гладко, как первоначально предполагалось. Уже на первой, подготовительной стадии, когда шли организационные собрания в каждом согласии, вновь дали о себе знать давние противоречия между интересами руководителей городских обществ и более радикально настроенными старообрядцами-крестьянами. Дело в том, что во время подъема политической активности в 1917 г. симпатии рядовых старообрядцев оказались по большей части на стороне эсеров. Феномену влияния ПСР на Урале уделено достаточное внимание в научной литературе⁴⁰⁶, поддержка, оказанная в 1917 г. этой партией крестьянами-старообрядцами, представляется достаточно логичной. Влияние эсеров в уральской деревне и заводских поселках, где земельный вопрос стоял очень остро, объясняется их особым вниманием к аграрным проблемам и гибкой

⁴⁰⁴ Старообрядческий съезд // Зауральский край. 1917. 13 октября.

⁴⁰⁵ НБ МГУ. Верхокамское собр. № 626 [2]. Л. 18–27 (список объединений и лиц, баллотирующихся в Учредительное собрание является бумажной основой рукописи).

⁴⁰⁶ См.: Кононенко А. А. Социалисты-революционеры в политической борьбе на Урале в 1917–1918 гг. Дисс... канд. ист. наук. Тюмень, 1993; Адамов В. В. Социально-экономическое развитие Урала накануне революции 1905–1907 гг. // Большевики Урала в революции 1905–1907 гг. Свердловск, 1956. С. 13, 18. *Его же*. Численность и состав горнозаводских рабочих Урала в 1900–1917 гг. // Вопросы истории Урала. Сб. 8. Свердловск, 1969. С. 153; Капцугович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975.

тактикой по отношению к крестьянству⁴⁰⁷. Весной – летом 1917 г. эсеры пользовались наибольшим влиянием на Среднем Урале. В сельской местности их поддерживало абсолютное большинство населения, да и в городах они в это время умножили своих сторонников, потеснив либералов. Принципиальные требования городских низов, постоянно пополнявшихся переселяющимися в город крестьянами, были обусловлены тем же, что и у крестьян традиционным менталитетом: они по большей части включали в себя экспроприацию собственности и введение народного контроля наподобие общинного самоуправления. Эта закономерность прослеживается по всей стране⁴⁰⁸. Кроме того, выбор партии зачастую определялся не убеждениями, а желанием идентифицировать себя с новым строем. Именно этот мотив был основой массового притока в партию социалистов-революционеров новых членов – так называемых «мартовских эсеров»⁴⁰⁹.

Кроме объективных причин роста популярности ПСР в среде уральских старообрядцев в 1917 г. большую роль сыграла деятельность начетчика часовенного согласия А. Т. Кузнецова⁴¹⁰. Начиная с марта 1917 г., он был одним из активных эсеровских деятелей, занимающихся организацией на Урале крестьянских союзов. 29 марта на областном крестьянском совещании в Екатеринбурге Кузнецов был избран от Верхотурского уезда в исполнительный комитет областного Екатеринбургского совета крестьянских депутатов. И, начиная с этого времени, он очень много разъезжал по Уралу, помогая крестьянам организоваться на местах, для того чтобы «борьба за землю шла правильно и крестьянским интересам не было причинено вреда...»⁴¹¹. Он популяризировал как раз аграрную часть программы эсеров, которая встречала в деревне одобрение значительно чаще, нежели полное «обобществление», предлагаемое

⁴⁰⁷ Курасова А. А. Уральские организации и политические партии России накануне и в период революции 1905–1907 гг. С. 77–79.

⁴⁰⁸ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII – начало XX вв.). С. 345–349; Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernization or Revolution. Boston, 1965. P. 65.

⁴⁰⁹ См.: Ерофеев Н. Д. Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX – октябрь 1917 г.) // Политические партии России: история и современность. С. 202–204.

⁴¹⁰ Старообрядческий съезд // Зауральский край. 1917. 10 октября.

⁴¹¹ Совет крестьянских депутатов // Зауральский край. 1917. 30 марта.

большевиками⁴¹².

В определенной степени плодом пропагандистской деятельности А. Т. Кузнецова следует считать поведение делегатов от сельских общин часовенных на 1-м Урало-Сибирском съезде старообрядцев всех согласий (20–21 июня 1917 г.). Сам начетчик в съезде не участвовал, поскольку почти все время у него отнимала работа «по насаждению» крестьянских союзов. Однако и в его отсутствие представители деревни были настроены очень решительно и наотрез отказались голосовать за «общестарообрядческую политическую программу» из-за предлагаемого ею выкупа частновладельческих земель. «Земля, што воздух нечего за нее и платить... Все одно, домой приедем, опять же в своей социал-революционной партии будем, за ней и в Учредительное собрание пойдем – поясняло крестьянство...»⁴¹³.

Пропагандируемые А. Т. Кузнецовым взгляды находили поддержку у крестьян, но расходились с симпатиями промышленно-промысловых и торговых слоев. В октябре 1917 г., во время своего выступления на 2-м объединенном Урало-Сибирском старообрядческом съезде в Екатеринбурге, он отстаивал право каждого старообрядца определять самому, к какой партии примкнуть: «Организация старообрядчества ради политики греховна и недопустима... К чему объединятся старообрядцам в какую-то свою политическую партию? Каждый старообрядец-рабочий будет в своей партии, крестьянин в своей и т. д. Старообрядческая программа только вызывает все старообрядчество на классовую борьбу и втягивает его в политическую распрю! Старообрядчество должно бороться с безбожием, но

⁴¹² Местная пресса время от времени передавала подробности «разбирательств» крестьянами программ левых партий: «Молоденькому агитатору, с петушиным задором доказывавшему выгоды социалистического строя, выступал возражать начетчик старообрядец: “Ты нам, молодец, скажи, а как нашу надельную землю будут переделывать или нет?” [агитатор попробовал обойтись общими словами] “Нет, ты нам о земле скажи. Если у тебя хороший товар, продавай его при солнечном свете; если товар гнилой, продавай его при восковой свече”» (По Уралу // Зауральский край. 1917. 5 декабря).

⁴¹³ Старообрядческий съезд // Зауральский край. 1917. 28 июня. О популярности эсеров в деревне см.: *Попова О. Г.* Идея Учредительного собрания в российской истории и его роль в попытке создания правового государства в 1917 – начале 1918 гг. // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1998. С. 166–167.

бороться не с оружием в руках, не партийными способами. В партиях есть разные люди, верующие и неверующие, а безбожники и атеисты есть и среди самого старообрядчества»⁴¹⁴. Более того, первое заседание было полностью расстроено после замечания А. Т. Кузнецова о том, что исполком старообрядческого объединения мог бы сделать и больше, «но так как комитет проводит старообрядческую программу... то вследствие этого работа комитета и не имеет должного успеха. Эта программа не соответствует настроенности всего старообрядчества, она выработана при участии наиболее имущих старообрядцев и при том только австрийской-белокриницкой иерархии, как Рябушинский, Сироткин и др. Эта программа и не была обсуждена во всех приходах и общинах и едва ли все старообрядцы пойдут по этой программе к строительству новой жизни»⁴¹⁵. После таких слов разволновавшихся делегатов не могли уже успокоить ни заявление председателя съезда, шарташского кожевенного промышленника В. Е. Черных о том, что старообрядцам нельзя идти к социалистам, поскольку те «обещают рай земной, не ожидая рая небесного», ни уверения начетчика В. Г. Усова в том, что старообрядчеству ближе всего их собственная «христианско-политическая программа». Несколько попыток провести голосование о приемлемости старообрядческой программы не увенчались успехом: результаты получались «неправильными». Собрание быстро переросло в шумную беседу между часовенными и «австрийцами», президиум сложил свои полномочия и первое заседание съезда закончилось «само собой».

На второй день 6 октября 1917 г., опасаясь, что выступления начетчика не позволят достичь намеченной цели, организаторы съезда объявили результаты предыдущего собрания недействительными и заставили А. Т. Кузнецова покинуть зал, мотивировав это тем, что он не имеет полномочий от приходов. Вместе с начетчиком ушли его единомышленники, среди которых был и другой активист эсеровской партии инженер-химик И. П. Тарасов, происходивший из семьи

⁴¹⁴ Старообрядческий съезд // Зауральский край. 1917. 10 октября.

⁴¹⁵ Там же.

купцов-попечителей обеих старообрядческих часовень⁴¹⁶. Только после этого съезд согласился на поддержку политической старообрядческой программы и утвердил список кандидатов, за которых будут голосовать старообрядцы.

В результате выборов по Пермской губ. старообрядцы набрали 35,5 тыс. голосов, оказавшись в списке из одиннадцати партий и организаций, участвовавших в выборах, на 7-м месте, не сумев провести в Учредительное собрание ни одного кандидата⁴¹⁷. Социалисты-революционеры, которые получили наибольшее количество голосов – 660 тыс., отправили в Учредительное собрание 11 представителей, в то время как большевики довольствовались 4-мя, а партия народной свободы (кадеты) – 2 кандидатами⁴¹⁸. В числе эсеров от Пермской губ. в Учредительном собрании был и А. Т. Кузнецов. После разгона Учредительного собрания он вернулся из Санкт-Петербурга на Урал уже в разгар гражданской войны, несколько раз арестовывался и высылался, последний арест пришелся на кампанию 1937 г. и закончился расстрелом⁴¹⁹.

⁴¹⁶ В 1917 г. он, как «старый работник партии», вошел в Екатеринбургский комитет партии эсеров, активно выступал на разных митингах. В апреле того же года стал одним из членов Политического клуба открывшегося в Екатеринбурге, в июле был избран в городскую думу от партии эсеров (см.: Митинг социал-революционеров // Зауральский край. 1917. 9 апреля; Соединенное собрание старообрядцев // Там же. 18 мая; В партии социал-революционеров // Там же. 25 июня; Список с. р. на выборах в Екатеринбургскую городскую думу // Там же. 28 июля; Итоги выборов в Екатеринбургскую городскую думу // Там же. 30 июля; Открытие политического клуба // Уральская жизнь. 1917. 13 апреля; Собрание активных работников партии социал-революционеров // Там же. 27 мая).

⁴¹⁷ Для сравнения приведем сведения по соседним губерниям. Например, на Алтае достижения старообрядческого объединения были более впечатляющими. В Барнауле 20 июля 1917 г. состоялся краевой съезд в котором участвовали около 100 представителей от австрийских, беглопоповских и беспоповских обществ. На нем была принята общая политическая программа старообрядцев и для предвыборной работы создан Барнаульский отдел общестарообрядческого политического союза. В составленный чуть позже кандидатский список группы «Старообрядцев всех согласий Алтайской губернии» вошли 9 человек – поморцы, часовенные, белокриницкие. По результатам выборов по Алтайской губернии старообрядческое объединение шло на 3-м месте после эсеров и большевиков (в Барнауле на 5-м после большевиков, эсеров, кадетов и меньшевиков). См.: *Старухин Н. А.* Белокриницкое согласие на Алтае: Барнаульская Крестовоздвиженская церковь // Старообрядчество: история и культура. Сб. науч. ст. Вып. 1. Барнаул, 1999. С. 97–98; *Энциклопедия Алтайского края. В 2-х томах. Т. 2.* Барнаул, 1996. С. 284.

⁴¹⁸ Выборы в Учредительное собрание по Пермской губернии // Зауральский край. 1917. 21 декабря.

⁴¹⁹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 21522 (1924 г.), 23140. Т. 1. Л. 341–363 (1937 г.).

Итак, во второй половине XIX – начале XX вв. екатеринбургское старообрядчество было представлено двумя «родственными» согласиями – часовенным и белокриницким, прежде принадлежавшими к одному беглопоповскому направлению. Оба они имели в Екатеринбурге свои молитвенные здания, которые поддерживались и расширялись на средства общины и её попечителей. Все храмы локализовались в центральной и южной части города, где проживала значительная часть старообрядцев. Оба общества имели средства и воспользовались возможностью после 1905 г. перестроить молитвенные дома, придав им вид церкви. На основании анализа данных последней ревизии 1858 г. установлено, что при каждой из старообрядческих общин действовали неформальные институты социального призрения, решающие проблемы обеспечения нуждающихся, главным образом сирот и престарелых. Дети, в статусе воспитанников, жили в домах своих опекунов, а пожилые, кроме проживания у частных лиц, могли находиться при часовнях или церкви, выполняя посильную работу и читая по просьбам прихожан молитвы, каноны, псалмы. Центральное место в поддержании системы призрения играли попечители, а также жены и вдовы купцов.

В 1880-х гг. наставники часовенных числились крестьянами и мещанами, по роду своей деятельности и статусу внутри сообщества занимали положение духовных лиц.

Анализ религиозных дискуссий с участием екатеринбургских старообрядцев, показал, что одной из наиболее актуальных проблем для деятелей городских старообрядческих общин в рассматриваемый период оставался поиск священства, которое могло бы действовать вне контроля духовных и светских властей, но под протекцией самой общины. Идеи необходимости поиска продвигались светскими лидерами горожан и некоторыми горнозаводскими наставниками, отказавшимися принять белокриницкую иерархию как не каноничную и подчиненную

московскому центру (что предполагало встраивание в систему связей, сложившуюся без участия уральских беглопоповцев). Инициатива предпринять экспедицию для поиска священства последовала вскоре после закона 3 мая 1883 г., предоставившего старообрядческим духовным лицам возможность беспрепятственно служить в разрешенных властями молитвенных зданиях. Это обстоятельство, а также неприятие преследуемого властями «австрийского» епископата большинством местных горожан-часовенных указывает на легалистскую настроенность городских старообрядцев. Вне зависимости от результатов поиска, положительному решению вопроса о священстве препятствовала широкая оппозиция внутри согласия, связанная с представлениями скитских духовных лидеров и крестьянского населения о ближайшем наступлении «последнего времени» и утрате «истинной» церковной иерархии. Ценность «священнической иерархии» в представлениях горожан и крестьян была разной. Вынужденность перехода к беспоповскому состоянию и незавершенность теоретического обоснования этого перехода были стимулом к созданию произведений о судьбах и сущности Церкви. Рассматриваемый период отмечен несколькими оригинальными местными старообрядческими сочинениями на эту тему. Выдвигаемые ими аргументы были понятны и разделялись как городскими, так и сельскими часовенными.

Во второй половине XIX в. – начале XX вв. большинство городских старообрядцев занимают лояльные позиции в вопросе о контроле гражданской администрации за деятельностью и документированием гражданского состояния членов религиозной общины. В составе городских общин были влиятельные представители торгового сословия с опытом участия в органах самоуправления и обращений в различные инстанции, поэтому их представления о границах взаимодействия с властями отличались от взглядов крестьянского мира. Значимую роль для горожан имело признание собственных старообрядческих метрик в качестве юридического документа, способного подтвердить семейный статус, права наследования, возраст призывников. Работа представлявшаяся православным священникам тягостной обязанностью расценивалась

старообрядческими лидерами городской общины как полезная возможность, уравнивающая их общество с остальными вероисповеданиями.

Екатеринбург являлся крупным организационным старообрядческим центром, особенно для часовенного согласия. Местная община имела обширные связи и была инициатором всех масштабных соборов и съездов на Урале и в Сибири, в городе собирались делегаты не только из соседних населенных пунктов, но от всех значимых обществ Уфимской, Оренбургской, Вяткой, Тобольской и Томской губерний.

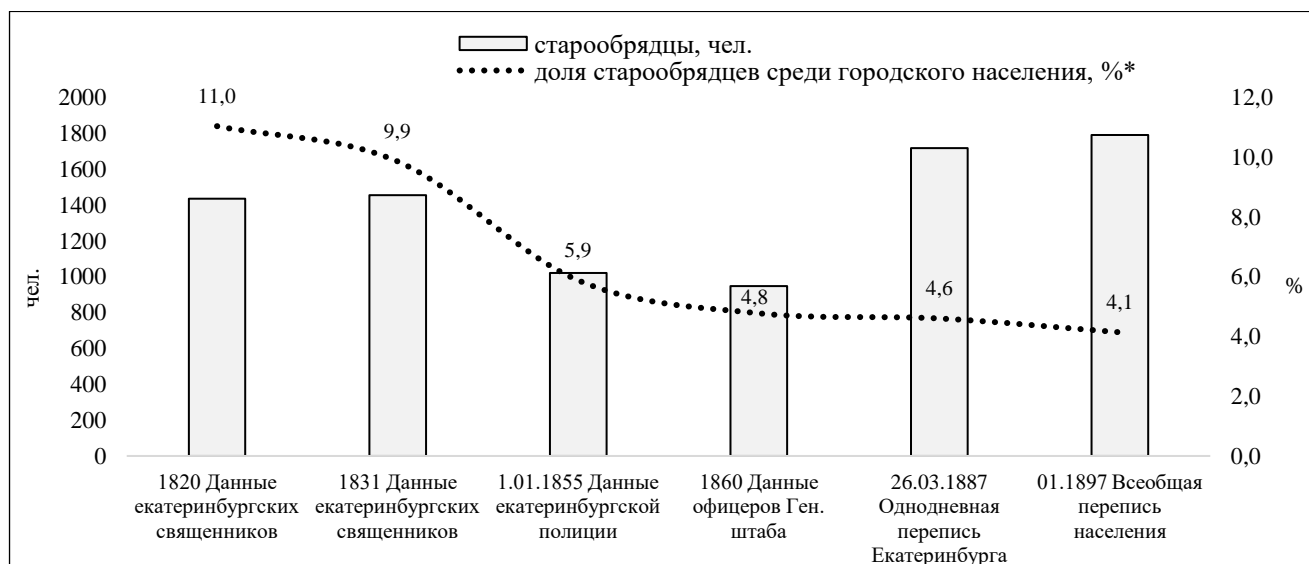
Анализ приемов ведения съездов и организации старообрядческих дискуссий с участием горожан показал, что, стремясь добиться одобрения своих планов по религиозным и общественно-политическим вопросам, светские лидеры городских общин приносили в порядок выработки решений свой разнообразный опыт согласования интересов в органах сословного представительства. Своей общественной и торгово-промышленной деятельностью они были подготовлены к достижению желаемых результатов, управлению общественным мнением и ходом принятия решений. Спектр приемов зависел от усвоенного ими арсенала регламентационных практик и от ситуации: проблемы с достижением необходимых результатов решались путем изменения порядка заслушивания докладов, очередности голосования по ним, изменением способа подсчета голосов, отстранением оппонентов от участия в дебатах и голосовании из-за недостаточной формальной представительности.

Глава 3. Старообрядческое население Екатеринбурга: численность, сословный состав, занятия

3.1. Изменение численности старообрядческого сообщества

Официальная численность староверов города росла на протяжении XIX в. более медленными темпами, чем население Екатеринбурга, варьировалась от 1400 до 1800 чел., и составляла в среднем около 4–5% всех жителей (Рисунок 3.1). Среди религиозных меньшинств в городе это была самая большая группа, хотя её удельный среди постоянно возраставшего населения не увеличивался, а снижался.

Рисунок 3.1. Официальная численность старообрядцев Екатеринбурга, XIX в.

	1820е	1831	1.01.1855 Данные екатеринбургской полиции	1860 Данные офицеров Ген. штаба	26.03.1887 Однодневная перепись Екатеринбург	01.1897 Всеобщая перепись населения
Численность городского населения	≈13000	14758	17374	19832	37309	43239
Численность старообрядцев	1435	1455	1021	947	1717	1790

Источники: о населении города: *И. Р.* Города Пермской губ. С. 34 (1820-е гг. и численность городского населения на 1835 г., по данным Пермского губернатора); Статистические таблицы. С. 96 (1855 г., данные собранные с участием полиции для Центр. стат. комитета); *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России. С. 727 (1860 г.); Город Екатеринбург. С. 79 (1887 г.); Первая Всеобщая перепись. С. 1 (1897 г.).

о старообрядцах: К биографиям преосвященных Иоанна и Аркадия Пермских // ЕЕВ. 1899. № 5. С. 126 (1820-е, 1831 г.); ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2493. Л. 9 об.–10 (1855 г.); *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России. С. 727 (1860 г.); Екатеринбург. С. 79 (1887 г.); Первая Всеобщая перепись. С. 72–73 (1897 г.).

* Расчет мой – Ю. Б.

После снятия статуса горного города и отмены крепостного права усилился приток мигрантов в Екатеринбург, в т. ч. и старообрядцев. Динамика их прироста после «ямы», образовавшейся в ходе преследований николаевского времени и зафиксированной последней ревизией 1857–1858 гг., схожа с динамикой по всему городскому населению. Проблематично выяснить каким образом на этот процесс могло влиять частичное упрочение правового положения староверов (в 1863 г. было снято ограничение для староверов на занятие общественных должностей, в 1865 г. упразднен институт «антираскольнических» секретных совещательных комитетов, с 1874 г. их события жизненного цикла, в том числе браки, могли быть зафиксированы в полицейских управах и волостных правлениях, с 1883 г. было разрешено устройство старообрядческих молитвенных зданий и действие старообрядческих духовных лиц с ограничением открытой манифестации вероисповедания)⁴²⁰.

Большим ресурсом влияния на миграционный процесс обладали законодательные изменения фискального характера в отношении основных податных сословий: отмена подушной подати с мещан в 1862 г. сделала запись в городское сословие привлекательной для крестьян, особенно в период 1863–1883 гг. Взамен подушной подати с мещан, начиная с 1863 г., взимался подоходный налог с недвижимых городских имуществ, если таковые у них были; позднее вместо него в 1877–1883 гг. мещане платили т. н. «окладной сбор», который был значительно меньше крестьянских платежей (71 коп. – мещане Екатеринбурга, 166–187 коп. – рабочие, мастеровые заводов, государственные крестьяне)⁴²¹. Для тех, кто получал доход главным образом не от сельского хозяйства, включенность в сферу городских занятий облегчалась еще одним нововведением 1863 г., предписывавшим покупку годового свидетельства для торгово-промышленной деятельности, без вступления в купеческую гильдию⁴²².

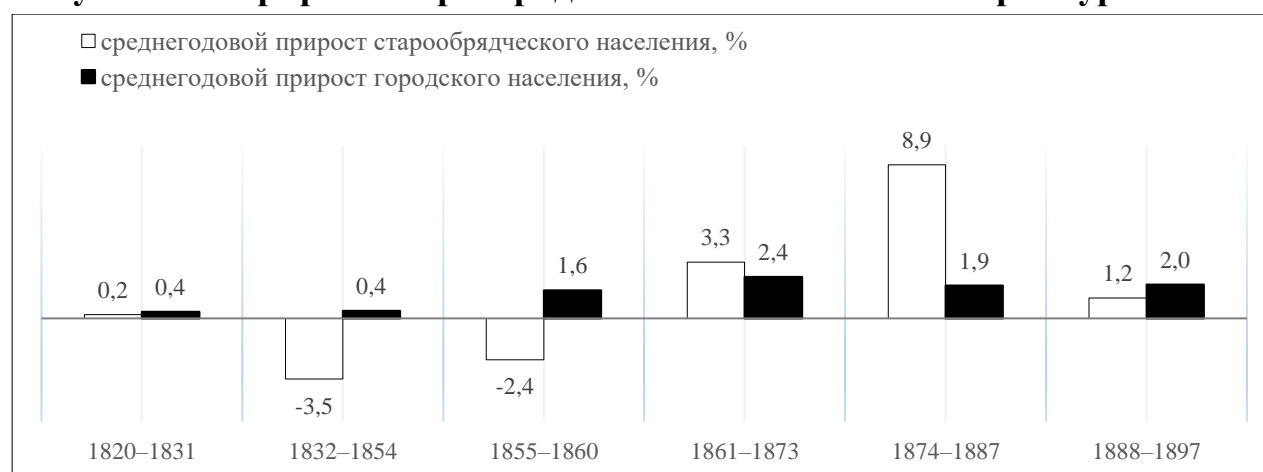
⁴²⁰ ПСЗ. Собр. 2-е. Том XLIX. 1874 г. Отделение 1. № 53391. С. 652–656; Собр. 3-е. Т. III. 1883 г. № 1545.

⁴²¹ См.: Голубев П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии, составленные по отчетам, ежегодникам и специальным изданиям разных министерств. Пермь, 1904. С. 119–121.

⁴²² ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. № 39118: Высочайше утвержденное положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1 января 1863 г.

Надо полагать, что в условиях отсутствия прямых преследований «раскольников» и под влиянием комплекса социально-экономических и правовых факторов официальная численность старообрядческих общин в городе увеличивается, начиная с 1860-х гг., особенно резко это происходит в период с 1874 по 1887 гг., не вполне следуя за динамикой численности городского населения в целом, которая кардинально меняется еще до отмены статуса горного города и в дальнейшем сохраняет приблизительно одинаковый темп⁴²³ (Рисунок 3.2).

Рисунок 3.2. Прирост старообрядческого населения Екатеринбурга в XIX в.

		1820	1831/1835	1.01.1855 Данные городской полиции	1860 Данные офицеров Ген. штаба	26.03.1873 Однодневная перепись Екатеринбурга	26.03.1887 Однодневная перепись Екатеринбурга	01.1897 Всеобщая перепись населения
Городское население	Численность	≈ 13000	14758*	17374**	19832	29274	37309	43239
	Прирост, чел.		+1758	+2616	+2458	+9442	+17477	+5930
	Среднегод. прирост за период, %		+0,4	+0,4	+1,6	+2,4	+1,9	+2,0
Старообрядцы	Численность	1435	1455	1021	947	[≤1209]***	1717	1790
	Прирост, чел.		+20	-434	-74	+262	+770	+73
	Среднегод. прирост за период, %		+0,2	-3,5	-2,4	+3,3	+8,9	+1,2

Источники: указаны в прим. к рисунку 3.1.

* Численность городского населения на 1835 г. по данным Пермского губернатора.

** Численность городского населения на 1855 г. по данным статистического комитета.

*** Старообрядцы не выделены из группы «иные вероисповедания» численностью 1209 чел.; к группе не относятся ни западные христиане, ни мусульмане, ни евреи, поскольку все они учтены в источнике отдельно.

⁴²³ Среднегодовой прирост населения Екатеринбурга по данным 10-й ревизии был ниже чем по городам всей губернии в целом: там он равен 1,79% (Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизий. М., 1971. С. 169). Вероятно, причиной этой ситуации был статус горного города, создававший ограничения для приписки некоторых категорий населения.

Местами, откуда старообрядцы переселялись в Екатеринбург, были не только прилегающие к городу местности, соседние уезды, но и центральные губернии. Выходцы из Московской губернии встречались как среди часовенных (Романовы), так и среди «австрийцев» (Афонины, Чекановы, Шуровы, Янины)⁴²⁴, однако последних было больше из-за доминирования белокрыницкого согласия в Подмоскovie под влиянием Рогожского центра.

Старообрядческая миграция в Екатеринбург в 1870–1890-х гг. являет собой сочетание внутрирегиональных перемещений и потока из центральных районов страны, где среди мелких производителей была высокая конкуренция, стимулировавшая в пореформенное время пространственную и межсословную мобильность, которой конфессиональные связи могли придавать определенные особенности⁴²⁵. Кондитерская, бакалейная, мануфактурная (производство посуды) сферы стали развиваться в городе усилиями выходцев из центра страны⁴²⁶, где в то время активно распространялось «австрийское» согласие. Традиционные промысловые заведения (салотопни, мыловарни, кожевни и т. п.) остались

⁴²⁴ См. подробнее: Из сочинений последователей австрийщины // ЕЕВ. 1909. № 9. С. 126–127; Белобородов С. А. «Австрийцы» на Урале. С. 157–158.

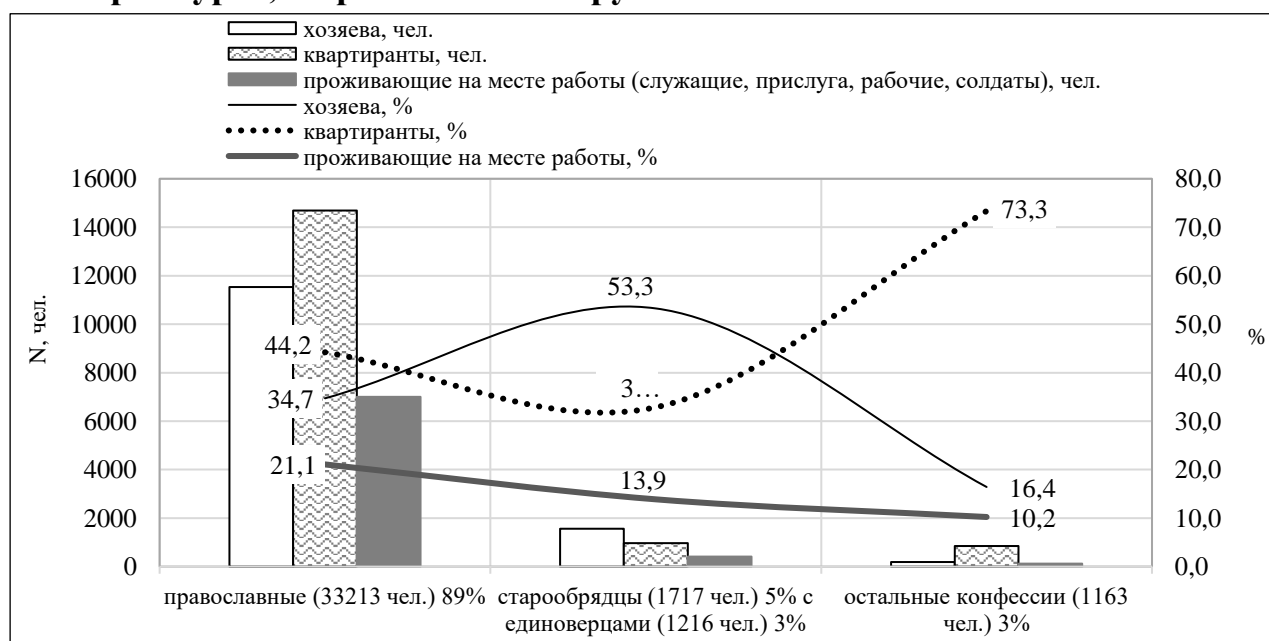
⁴²⁵ П. Г. Рындзюнский, сравнивая данные ревизии 1857–1858 гг. и переписи 1897 г. отмечал слабый приток крестьян в города Урала (Екатеринбург в анализе включен в зону «Приуралье и Север»), по сравнению с центральными районами страны, поскольку здесь многие крестьяне искали работу прежде всего в ближайших промышленных поселениях (*Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. (взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России)*. М.: Наука, 1983. С. 214). Исследователем оговорено, что при рассмотрении крупных территориальных единиц – вся европейская часть страны разделена в его исследовании на 5 районов – трудно уловить локальные особенности. В уральском варианте одной из таких особенностей был длительный период адаптации заводского хозяйства к последствиям реформ середины века. Только в 1880-х гг. уральская промышленность начала постепенно выходить из кризиса, который вряд ли до этого времени позволял активно привлекать крестьян к каким-либо работам на заводах. Относительный период улучшения продлился до первой половины 1900-х гг. (*Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг.* М.; Л., 1965; *Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917)*. М., 1982) и как раз к нему относится зафиксированные исследователем по переписи 1897 г. положение с крестьянской миграцией преимущественно в выделенные пункты с промышленной направленностью. Екатеринбургские городские переписи фиксируют наиболее активный приток населения как раз в период кризиса заводского производства 1860–1880-х гг. (Рисунок 3.2).

⁴²⁶ *Микитюк В. П. Торговля как механизм диффузии инноваций // Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале XVIII – начале XX века. Екатеринбург, 2011. С. 370–371.*

преимущественно за представителями местного часовенного сообщества. В золотопромышленности пытались искать прибыли как местные, так и пришлые семьи и деловые союзы.

В обоих согласиях поддержка членов «своего» религиозного сообщества явно способствовала быстрой адаптации вновь прибывших в городе. По данным подворной переписи Екатеринбурга 26 марта 1887 г среди старообрядцев и единоверцев, составлявших в совокупности всего 8% наличного городского населения, был самый высокий процент домовладельцев – 53,3%, оказалась совсем незначительной доля живущих на месте работы (предположительно, у своих же единоверцев) и совсем мало тех, кто принадлежал к «квартирантам», снимающим жильё (Рисунок 3.3).

Рисунок 3.3 Соотношение домовладельцев и арендаторов жилья Екатеринбурга, по религиозным группам в 1887 г.

Источник: Однодневная перепись г. Екатеринбурга 1887 г. // Город Екатеринбург. С. 79.

* Совокупность домовладельцев, квартирантов и живущих на месте работы для каждой группы составляет 100%; старообрядцы и единоверцы объединены, поскольку пропорции по категориям жителей у них совпадают.

Такое соотношение собственников и нанимателей жилья является показателем «укорененности» религиозной группы в городе, а также указанием на достаточно быстро реализуемую старообрядцами возможность приобретать собственное жильё.

Миграция в город в пореформенное время влияла на сословный состав городского общества: доля крестьян в Екатеринбурге росла (в 1873 г. – 29%, в 1887 г. – 35%, в 1897 г. – 42%)⁴²⁷. В последующие годы миграция также оставалась одним из источников пополнения городских старообрядческих общин. Основную её часть в начале XX в. составляла крестьянская миграция – 38,9%, причем не только локальная. Пришлые из близлежащих населенных пунктов в пределах уезда составляли 16,1%, а из других уездов и губерний 22,9% (Таблица 3.1).

Таблица 3.1. Численность и процентное соотношение местных и пришлых старообрядцев Екатеринбурга в начале XX в., по сословиям

Сословный статус	Местные (Екатеринбург с уездом)		Не местные (из других уездов и губерний)		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Купцы и потомственные граждане	8	1,2	2	0,3	10	1,5
Мещане	338	50,8	38	5,7	376	56,5
Крестьяне*	107	16,1	152	22,9	259	38,9
Мастеровые и заводские обыватели	–	–	9	1,4	9	1,4
Духовенство	1	–	1	0,2	2	0,3
Нет данных			9	1,4	9	1,4
Всего	454	68,3	211	31,7	665	100

Источник: Метрические книги Успенской, Никольской, Свято-Троицкой старообрядческих общин Екатеринбурга 1907–1925 гг. (раздел об умерших)⁴²⁸. ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 92, 94, 114, 116, 176, 180, 184, 207, 209, 228, 251, 254, 258, 281, 286, 288, 308, 332, 335.

* В том числе 2 оренбургских казака.

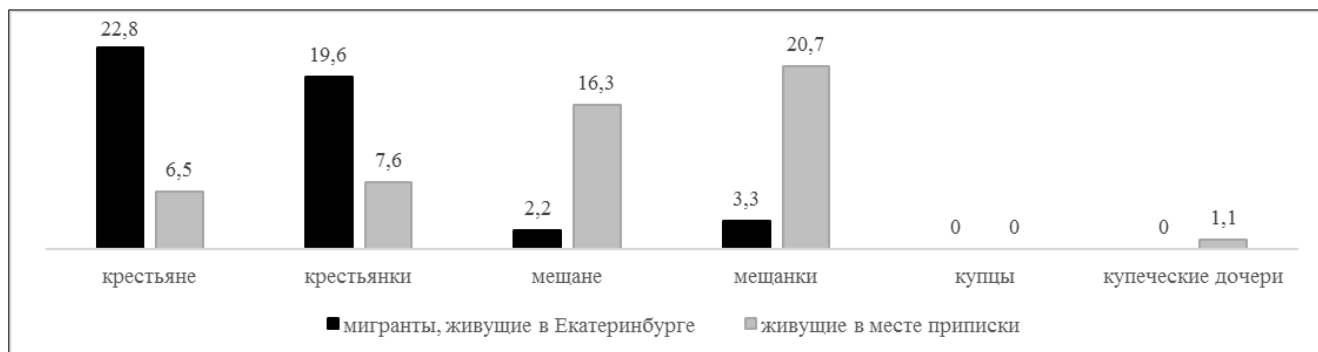
Схожую картину дает анализ сословной принадлежности наиболее молодой и динамичной части старообрядческих обществ – тех, кто вступал в первый брак. Среди них крестьяне в 1907–1918 гг. составляли более половины: 58% были крестьянами, 41% – мещанами и 1% приходился на купеческое сословие.

⁴²⁷ Город Екатеринбург. С. 60–61, 80; Первая Всеобщая перепись. С. 58–59 (процентный расчет мой – Ю. В.).

⁴²⁸ Выбор раздела об умерших обоснован тем, что в нем зафиксированы данные именно о жителях города и пригорода, ведь отпевание умерших происходило чаще всего там, где они постоянно жили.

Большинство бракосочетавшихся молодых крестьян, как мужчин, так и женщин, постоянно проживало уже в самом Екатеринбурге, а не на родине (Рисунок 3.4).

Рисунок 3.4. Место жительства старообрядцев часовенного согласия вступивших в первый брак* в Екатеринбурге в 1907–1918 гг. по сословиям и полам, %

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 96, 118, 140, 177, 185, 229, 283, 289, 336, 356 (метрические книги о бракосочетаниях в Успенской и Никольской часовнях 1907–1919 гг.).

* 92 чел. с данными о месте приписки, проживания, первом браке.

Среди мест выхода старообрядцев за пределами Пермской губернии выделяются два: первый связан с Орловским и Сарапульским уездами Вятской губернии, откуда происходили преимущественно прихожане Никольской и Успенской общин часовенного согласия, а второй с подмосковными – Бронницким и Богородским уездами, где проживали ранее семьи многих екатеринбургских «австрийцев» (Таблица 3.2).

Таблица 3.2. Источники миграции старообрядцев в Екатеринбург в начале XX в.

Место приписки (губ.)	Согласие		Всего	
	Часовенное, чел.	Белокриницкое, чел.	чел.	%
Средний Урал (Пермская)	41	39	80	37,9
Центр (Московская, Владимирская, Рязанская)*	—	37	37	17,5
Северное Приуралье (Вятская)	17	12	29	13,7
Южное Приуралье (Оренбургская, Уфимская)	11	9	20	9,5
Поволжье (Самарская, Казанская, Нижегородская)	5	9	14	6,6
Запад (Виленская, Ковенская, Двинская, Витебская)	13	—	13	6,2
Сибирь (Тобольская, Томская)	2	4	6	2,8
Прочие (Австро-Венгрия)	—	1	1	0,5
Нет данных	5	6	11	5,2
Всего	94	117	211	100

Источник: Указан к таблице 3.1.

* В том числе 1 чел. из Владимирской губ. и 6 чел. из Рязанской губ.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. Екатеринбург был одним из крупнейших городских старообрядческих центров всего Урала. Во второй половине XIX в. старообрядческое население города росло за счет внутрирегиональной и межрегиональной миграции. Поток переселенцев из Подмосковья «питал», прежде всего, общину «австрийцев», в то время как приходящие с уральских заводов и из Вятской губернии становились прихожанами двух городских часовень.

3.2. Социальный состав и половозрастная структура

Старообрядческие семьи, связанные с Екатеринбургом в середине XIX в., относились к нескольким сословным группам населения.

Во-первых, часть из них даже после завершения активного насаждения единоверия, преследований за поддержку «раскола», продолжала принадлежать к купечеству. Вопрос о том, кто остался в числе попечителей, как менялся их состав и возможности, напрямую связан с проблемой сохранения эффективности системы семейно-деловых связей и её использования в сфере отстаивания интересов городского старообрядческого сообщества.

Во-вторых, мещанство города пополнялось за счет государственных крестьян. Многие из них ранее принадлежали к селению Шарташ, жители которого были преимущественно старообрядцами. Для упрочения своего ремесла и расширения торговли часть членов семьи приписывалась в низшее городское сословие. Особенно активно этот процесс стал развиваться после 1863 г., когда для мещан и цеховых была отменена подушная подать⁴²⁹, а крестьяне продолжали её платить и она год от года росла.

⁴²⁹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. № 39119: Высочайше утвержденное положение о взимании 1863 году налога с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках.

В-третьих, в городском и пригородном пространстве действовали крестьяне, которые в числе прочих получили в пореформенное время право торговли в городах при условии покупки особого временного свидетельства действительного в течение 1 года⁴³⁰. Они пополняли собой ряды мещан и потому далее будут рассмотрены в совокупности с низшим городским сословием.

3.2.1. Купеческое сословие

К концу 1850-х гг. среди купечества Екатеринбурга осталось около двух десятков старообрядческих семей, главы которых были записаны во 2-ю или 3-ю гильдии. Это всего 15% от всех 131 семейств данного сословия в городе⁴³¹. Единоверие среди купечества в численном представлении стало более масштабным явлением, чем старообрядчество. Увеличение количества единоверческих семейств до 20% явилось прямым следствием правительственной политики по отношению к «столпам старообрядчества», дефицита беглых священников и последующей кампании властей против «сводных» браков (подробнее см. параграф 4.1). В совокупности на долю обоих направлений приходилось около 36% (Таблица 3.3), в то время как еще в начале 1830-х г. староверы составляли большинство купеческого сословия.

Однако следует учитывать, что у значительной части семей в ревизских сказках отсутствует указание на вероисповедание и они не могут быть напрямую соотнесены с каким-либо религиозным направлением. Можно лишь предполагать, что внутри этой неопределенной в религиозном отношении группы распределение

⁴³⁰ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. № 39118: Высочайше утвержденное положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1 января 1863 г.

⁴³¹ Среди московского купечества доля старообрядческих семей составляла в 1850 г. более 15%, в 1858 г. – менее 8% из-за необходимости предоставлять при записи в гильдию свидетельство о присоединении к православию или единоверию. Однако, исследователи имеют основание полагать, что по сути число глав старообрядческих семей не претерпело существенных изменений (См.: *Раскин Д. Е. Экономические институты старообрядчества*. СПб.: изд-во СПбГУ. С. 43–44).

между старообрядцами, единоверцами и православными было близким к выявленному.

Таблица 3.3. Религиозная принадлежность купеческих семейств Екатеринбурга в 1857–1858 гг.

Религиозная группа	Количество и доля семей	
	N	%
Старообрядцы Единоверцы*	19 28 } 47	14,5 22,4 } 35,9
Православные	29	22,1
Прочие**	54	42,0
Всего	131	100

Источник: Ревизская сказка 1857–1858 гг., Екатеринбург. ч. 1: о купцах. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1755. Л. 1–397 об.

* В их числе 1 семья единоверческо-старообрядческая семья.

** Прочие – 1 лютеранская, 2 католических семьи и 51 семья – нет данных.

В 1840 – начале 1850-х гг., в старообрядческой среде становятся привычным явлением молодые пары, переходящие в единоверие для венчания, и после этого появляющиеся в приходе только для крещения или отпевания⁴³². Увеличение количества единоверцев с середины XIX в. чаще прочих причин (таких как влияние миссионеров, пример руководителей обществ) шло за счет этого фактора. Если рассматривать численность самих семейств, то и тут доля старообрядцев в купеческом сословии не является значительной – чуть более 10% (Таблица 3.4).

Таблица 3.4. Численность купеческих семейств Екатеринбурга в 1857–1858 гг. по религиозным группам (на основе данных о 131 семье)

Религиозная группа	Количество и доля человек	
	N	%
Старообрядцы Единоверцы*	59 114 } 173	10,6 20,6 } 31,2
Православные	166	30,0
Прочие**	215	38,8
Всего	554	100

Источник: Ревизская сказка 1857–1858 гг., Екатеринбург. ч. 1: о купцах. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1755. Л. 1–397 об.

* В их числе 1 семья (15 чел.) с женатыми единоверцами и холостыми староверами.

** Прочие – лютеране (8 чел.), католики (6 чел.), нет данных (204 чел.).

⁴³² Например, по свидетельству причта екатеринбургской единоверческой Свято-Троицкой церкви, крестившего новорожденную дочь Анфису у молодых Федора и Агафьи Сырейщиковых в декабре 1856 г., оба родителя в последние три года ни разу не были у причастия (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 87).

Среди приверженцев «древлего благочестия» в середине XIX в. почти половина была вдовами (Таблица 3.5). О принадлежности к староверию открыто заявляли шлиссельбургская купеческая вдова М. Д. Зотова, вдова московского купца П. М. Шибалова с новорожденной дочерью Евгенией, мать купца на временном праве Е. Г. Блохина (в дев. Зотова), В. С. Щепетильникова, А. Г. Казанцева (в дев. Зотова), В. П. Баландина и бывшая мещанка Е. Т. Потапова с незамужней дочерью Анфисой 36 лет и холостым 19-летним сыном Иваном. В последнем случае после заполнения ревизской сказки Е. Т. Потапова не только расписалась в ней, но и сама внесла на поле отметку о старой вере⁴³³.

Таблица 3.5. Купцы-старообрядцы Екатеринбурга в 1857–1858 гг.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Семейное положение	Комментарии
1	Баландина Вера Петровна	63	вдова	Муж Алексей Иванович Баландин купец 2-й гильдии, умер в 1842 г.
2	Блохина Елизавета Григорьевна с сыном	49	вдова	3-я гильдия. Муж Николай Киприянович умер в 1833 г.
	Владимиром	24	нет данных	
3	Дыбин Григорий Ефимович с женой	64	в «сводном браке»	Перечислен в 3-ю гильдию из непреходящих работников Екатеринбургских заводов в 1852 г.
4	Ерусалимов Максим Тимофеевич с семьей	31	женат	Купец 3-й гильдии. Перечислен в 1855 г. 3-й гильдии г. Богородска Московской губернии.
5	Зотова Мария Дмитриевна	52	вдова	Перечислена в 1854 г. из купечества Шлиссельбурга.
6	Казанцева Анастасия Григорьевна	69	вдова	Муж Ефим Федотович умер в 1848 г., сыновья Григорий и Александр в 1857 г. перечислены в 3-ю гильдию Енисейска.
7	Коробков Полиевкт Иванович с семьей	49	женат	Купец 3-й гильдии.
8	Подвинцев Петр Артемонович, с младшим братом и двумя сестрами	22	холост	Купец 2-й гильдии. Причислен в 1854 г. из московского купечества. Жительство в Невьянском заводе.
9	Потапова Елизавета Терентьевна с детьми	60	вдова	Переписаны в 3-ю гильдию из мещан Екатеринбурга в 1857 г.

⁴³³ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 87. Л. 361–362.

10	Соколов Александр Михайлович	21	холост	Купец 3-й гильдии. Переписан из мещан Екатеринбурга в 1858 г.
11	Степанов Евстрат Козмич с детьми и снохой	57	вдовец	Купец 2-й гильдии.
12	Федотов Николай Иванович с семьей	38	в «сводном браке»	Купец 3-й гильдии. Переписан в купечество из мещан Екатеринбурга в 1854 г.
13	Харитонов Константин Васильевич	38	холост	Купец 3-й гильдии, перечислен в 1852 г. из мещан Екатеринбурга.
14	Шибалова Пелагея Михайловна с дочерью	27	вдова	Муж Сергей Иванович умер в апреле 1858 г. Перечислены в 3-ю гильдию из московского купечества в 1853 г.
15	Щепетильников Александр Кириллов	22	нет данных	3-я гильдия. Сестра Прасковья в 1857 г. выдана замуж за единоверца Галактиона Яковлевича Харитонова [вдовца с шестью детьми – племянниками старшины Свято-Троицкой единоверческой церкви Г. Ф. Казанцева].
Старообрядцы, не указавшие вероисповедание				
16	Баландин Степан Иванович	66	нет данных	2-я гильдия.
17	Скорнякова Марфа Ивановна с женатым сыном, двумя совершеннолетними сыновьями и дочерью	67	вдова	3-я гильдия. Муж – Назар Васильевич умер до 9-й ревизии 1850 г.
18	Тарасов Иван Лукич с семьей	54	женат	Купец 2-й гильдии.
19	Тарасов Савва Лукич с семьей	56	женат	Купец 2-й гильдии. Сын Иван в 1854 г. перечислен в купечество г. Бронницы Московской губ.

Источники: Ревизская сказка 1857–1858 гг., Екатеринбург. ч. 1: о купцах. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1755. Л. 1–397 об.

Большинство мужчин – глав семей продолжали принадлежать к староверию поскольку прежде не входили в первый круг влиятельных лиц, особо не обращали на себя внимание властей, или же записались в составе купечества относительно недавно.

В их числе был купец 2-й гильдии Е. К. Степанов с неженатым сыном Афанасием 29 лет, двумя взрослыми незамужними дочерьми Феклой 28 лет и Евдокией 23 лет. Кроме родных детей в состав его семьи входила вдовая и бездетная сноха Наталья. За предшествующий период он не был замечен среди организаторов петиций властям, активных действующих лиц городского самоуправления или устроителей прибыльного предприятия, ради сохранения которого необходимо было задумываться о принятии единоверия. Впоследствии по крайней мере одна из его дочерей – Фекла вышла замуж, но вскоре овдовела и позднее стала известна в истории местной общины под фамилией Ходова – прихожанка Никольской старообрядческой часовни и владелица канатного заведения, при котором ею было устроено жительство для престарелых старообрядок⁴³⁴.

В ходе ревизии старообрядцами сказалось в полном составе семейство купца П. И. Коробкова: он, жена и пять несовершеннолетних детей. Старшая дочь к тому времени уже была выдана замуж в 1856 г. за сына бывшего управляющего Верх-Исетским заводом 2-й гильдии купца Африкана Егоровича Китаева (с венчанием в Христорождественской единоверческой церкви под Екатеринбургом, хотя оба новобрачных от рождения принадлежали к старообрядчеству). Связанные с золотодобычей дела П. И. Коробкова в то время шли не самым лучшим образом. С 1854 г. он был должником Коммерческого банка и ряда частных лиц⁴³⁵. К тому же в семье подрастали еще три дочери и устройство брака старшей отец мог счесть скорее благополучным поворотом, нежели поводом для расстройств из-за необходимости иметь дело с единоверием.

Во всех остальных случаях старообрядцами записывались молодые люди, недавно переселившиеся в город или приписавшиеся к купеческому сословию вновь (богородский купец М. Т. Ерусалимов с семьей, местные мещане

⁴³⁴ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1755. Л. 223–224. Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 516, 520, 559, 755.

⁴³⁵ Коробков Полиевкт Иванович, купец-золотопромышленник, 1848–1865 гг. ГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1–14; Путеводитель по фондам и коллекциям личного происхождения Государственного архива Свердловской области. Екатеринбург, 2015. С. 109.

А. М. Соколов, К. В. Харитонов, Н. И. Федотов со «сводной женщиной» и сыном, четверо детей московского купца Артемона Подвинцева⁴³⁶, бывший заводской работник Г. Е. Дыбин в уже преклонном возрасте с «женщиной сводного брака» Аграфеной Нестеровной 33 лет⁴³⁷). То обстоятельство что, к екатеринбургскому купечеству в 1853–1855 гг. продолжают приписываются семьи старообрядцев, в том числе из Подмоскovie, указывает на ограниченность условия 1853 г. о записи в гильдию только после предъявления свидетельства о принадлежности к православию или единоверию, которое точно действовало в Москве и формально влияло там на сословный состав⁴³⁸.

Особый случай представляют дети купца 3-й гильдии Луки Михайловича Тарасова, родившегося в Шарташе и торговавшего в городе «маслом, винами, вотками и бакалиею»⁴³⁹. Л. М. Тарасов дважды был городским головой Екатеринбурга, скончался в 1826 г. после чего его трое сыновей стали вести дела самостоятельно. К 1858 г. средний его сын – Савва и младший Иван состояли во 2-й гильдии, были женаты на купеческих дочерях из видных местных старообрядческих семейств, за отказ перейти в единоверие пережили несколько лет ссылки в Богословском округе в 1854–1857 гг.⁴⁴⁰ Ревизскому старосте, производившему перепись семьи Саввы 1 ноября 1857 г. и 25 ноября 1857 г. у Ивана, принадлежность к старообрядчеству братьями не была объявлена. Примкнуть к единоверию они по-прежнему не желали, но опасались в лишний раз привлечь к себе внимание и оба подписались самолично в сказке лишь для подтверждения состава семьи⁴⁴¹. Из других

⁴³⁶ Семья его многочисленных племянников, частично единоверцы, во главе с Акинфом Ермолаевичем тоже числилась в купеческом сословии Екатеринбурга, переписавшись из Москвы в 1858 г. и проживала в Невьянске (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1755. Л. 346–347).

⁴³⁷ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1755. Л. 359–360.

⁴³⁸ Раскин Д. Е. Экономические институты старообрядчества. С. 29.

⁴³⁹ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 508. Л. 525. Байдин В. И. Лука Михайлович Тарасов // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: исторические очерки. Екатеринбург: ИД «СОКРАТ», 2008. С. 78–79; Корепанов Н. С. Михайло Федорович Тарасов // Там же. С. 50–51; Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы – купцы Екатеринбургские. Приложение (схема 13).

⁴⁴⁰ О преследовании Саввы и Ивана Тарасовых в 1854–1859 гг. см.: Микитюк В. П. Дом на набережной; Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала. С. 173–174.

⁴⁴¹ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1755. Л. 230–231, 285–287.

источников известно, что они продолжали опекать обе старообрядческие часовни Екатеринбурга. В дальнейшем эту функцию принял на себя сын Саввы – Иван⁴⁴².

Еще одна фамилия с уверенностью может быть отнесена к старообрядцам на основании дополнительно представленных в ходе ревизии документов, хотя её значительная роль в жизни городского старообрядческого общества совсем не очевидна. Старшей в семье являлась вдова купца 3-й гильдии Н. В. Скорнякова Марфа, с которой были записаны двое младших неженатых сыновей 35 и 25 лет, дочь Мastroдея 25 лет и семья старшего сына Иллариона. Последний по просьбе матери подписывал документы, т. е. нес ответственность наравне с ней и, скорее всего, как раз и являлся вторым главой семьи. Он был женат «сводным» браком на шарташской девице Ирине Петровой Осинцевой и имел 5 детей, самые младшие из которых были вписаны в учетные документы шарташского волостного старосты и екатеринбургского горного исправника, которые таким образом знали о продолжительном совместном проживании Иллариона и Ирины по благословлению родителей⁴⁴³. При этом представители местной власти не «разгоняли» супругов (как можно было бы ожидать, зная о практиковавшемся наказании за «свод», см. главу 4, параграф 1)⁴⁴⁴, а только считали их потомство незаконнорожденным. Семья, в которой, судя по приложенным документам, и старшее, и подрастающее поколение принадлежали к старообрядчеству, никак в этом качестве не обозначена. Поскольку в других записях уточнение о вере есть и иногда даже вписано собственноручно учитываемыми лицами, можно

⁴⁴² Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 1. Новосибирск, 1999. С. 339.

⁴⁴³ Рапорт горного исправника Сарапульского и Шарташского участка Екатеринбургских заводов о родившихся и умерших раскольниках. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2474. Л. 29 об.–30; ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1755. Л. 317.

⁴⁴⁴ Высочайшее повеление о сводных браках в Тобольской, Пермской, Оренбургской губерниях 28 ноября 1839 г. («мужем и женой не признавать и только приглашать к узаконению брака венчанием в единоверческой церкви») было дополнено Высочайшим повелением 19 февраля 1842 г. («не входить в разбирательство браков раскольников между собою, но предавать суду как совратителей тех, кто свел с православными... Сводителей, если таковые будут обнаружены, предавать суду»). Представители православной церкви настаивали на том, что ко всем бракам староверов следует применять статьи с наказаниями за распространение разврата и проповеди бессемейной жизни, что встречало недоумение в высших министерских инстанциях, которым предлагалось санкционировать репрессивные действия местных властей (см.: РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23064, подробнее в главе 4).

предположить, что наличие такой отметки зависело не только от переписчика, вносившего запись, но и от планов и возможностей самого главы семьи.

Приписка к определенной гильдии не была постоянной и в зависимости от успешности торгово-промысловых дел кто-то мог выбывать в мещане или наоборот приписываться к торговому сословию. Тем не менее, из материалов 10-й ревизии явно видно, что круг купцов – потенциальных попечителей старообрядческих общин в Екатеринбурге в середине XIX в. стал более ограниченным. Кроме С. И. Баландина, К. В. Харитонova, братьев Тарасовых, среди перечисленных домохозяев-мужчин мало кто мог взять на себя прежние руководящие функции. Однако процесс пополнения верхушки городских общин шел постоянно и к приходскому попечительству подключались вновь причисленные купцы: А. М. Соколов, Н. И. Федотов, И. Е. Павлов, Е. П. Суслов – в 1880-х гг. они состояли во 2-й гильдии и избирались гласными городской думы, причем первые два старались одновременно принимать активное участие в органах местного самоуправления и в делах общины. В 1884 г. Суслов был избран одним из двух представителей города, которые должны были в северной столице ходатайствовать о проведении ветки железной дороги через Екатеринбург и тогда же он участвовал в большом Екатеринбургском старообрядческом соборе, разрешившем екатеринбургским попечителям организовать экспедицию по поиску истинного священства для восстановления его у часовенных⁴⁴⁵.

Старостой большой городской часовни в это время являлся еще один представитель купечества, сын мещанина Артемия Назаровича Скорнякова – Иван. Другой выходец из городских мещан, чьи предки числились в составе городского сословия с XVIII в., Григорий Гордеев Щербаков с сыновьями Федором, Николаем и Виктором, упоминается как в старообрядческих источниках, так и гражданской делопроизводственной документации в качестве попечителей и светских руководителей екатеринбургских старообрядцев чаще всех остальных вместе взятых – в одном из его домов на окраине города устраивались старообрядческие

⁴⁴⁵ Протоколы Екатеринбургской городской думы за первое полугодие 1884 г. Екатеринбург : Типография П. Я. Сапожникова и К°, 1884. С. 85.

соборы и религиозные беседы между полемистами разных согласий в 1880-х – 1900-х гг.; представители семьи взаимодействовали с властями от лица «большой» городской общины часовенных⁴⁴⁶. Потомки братьев Тарасовых, в 1880-е гг. были приписаны уже к 1-й гильдии и также оставались в часовенном согласии, но их участие в религиозной жизни стало менее активным.

В делах старообрядческого прихода преемственность попечительских функций купеческого сословия, несмотря на смену его состава, обеспечивалась поддержанием и постоянным установлением новых внутриконфессиональных семейных и деловых связей, а также своеобразием екатеринбургского варианта единоверия, который по мнению православных иерархов скорее был похож на «личину», за которой скрывалось «гнездо раскола»⁴⁴⁷.

3.2.2. Мещане и крестьяне

Часть торгово-промысловых слоев старообрядчества города, вытесненная из купеческого сословия или заинтересованная в торговле и производстве только местного уровня в середине XIX в. принадлежала к мещанству. Тех, кто входил в ремесленные цеха было совсем немного, преобладающей была группа мещан, вошедших в сословие достаточно давно, еще до 9-й ревизии 1850 г. (Таблица 3.6).

Таблица 3.6. Религиозная принадлежность семей мещан Екатеринбурга в 1857–1858 гг., % (на основе данных о 576 семьях)

Религиозная группа	Цеховые мещане	Мещане*	Вновь причисленные мещане
Старообрядцы	7,0	24,0	4,0
Единоверцы и смешанные семьи	10,9 } 17,8	17,6 } 41,6	4,7 } 8,7

⁴⁴⁶ Духовная литература староверов востока России. Т. 1. С. 339; Древлехранилище ЛАИ УрФУ. VI.55р/387, VI.56р/388; Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 334: В 1887 г. во владении этого купца находились три дома и заводские помещения. По одному из адресов – на ул. Гилевской в большом двухэтажном доме с усадьбой, находящемся почти за чертой Екатеринбурга и отделенного рекой от городских кварталов вполне могли собраться несколько десятков человек для обсуждения вопроса о необходимости поиска священства.

⁴⁴⁷ Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX века. С. 145.

Православные	74,4	55,2	80,4
Прочие**	7,8	3,2	10,9
Всего	100	100	100
N, семей	129	125	322

Источник: Ревизские сказки 1857–1858 гг. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1776, 1777, 1778, 1779, 1779(а), 1779(б), 1779(в). Из анализа выпущены два дела с дополнительными частными ревизскими сказками о мещанах (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1778(а), 1778(б) – не менее 79 семей, поскольку в них совсем отсутствуют данные о вероисповедании).

* 10% выборка из массива 1205 мещанских семей⁴⁴⁸.

** В том числе 45 семей (139 чел.) – нет данных о религиозной принадлежности, 2 мусульманских (2 чел.), 2 – православно-лютеранских (8 чел.).

Обращает внимание совсем малая часть старообрядцев среди вновь причисленных мещан, что дает дополнительное подтверждение расчетам по среднегодовому приросту старообрядческого населения в Екатеринбурге (см. Таблица 3.7), которое выявилось при анализе статистических данных из других источников.

Таблица 3.7. Соотношение мещан Екатеринбурга в 1857–1858 гг. по религиозным группам (на основе данных о 2165 чел.), %

Религиозная группа	Цеховые мещане	Мещане *	Вновь причисленные мещане
Старообрядцы	3,4	16,2	2,1
Единоверцы и смешанные семьи	19,2 } 22,6	24,1 } 40,3	6,5 } 8,6
Православные	72,7	55,0	80,8
Прочие**	4,7	4,7	10,6
Всего, %	100	100	100
N, чел.	792	573	800

Источник и примечания: те же что к таблице 3.10.

Доля и численность старообрядческих семей в «старом» составе мещанского сословия была соответственно 24% (Таблица 3.6) и 16,2% (Таблица 3.7), т. е. выше, чем среди купцов (там 14,5 и 10,6%, см. Таблицы 3.3 и 3.4). В совокупности с единоверческими и смешанными семьями старообрядцы-мещане составляли весьма значительную группу более 40% (Таблицы 3.6, 3.7).

⁴⁴⁸ Использован метод выборки поскольку генеральная совокупность случаев значительно превышает 300 единиц. Для расчета ошибки выборки использована формула $\mu = \sqrt{(1/n - 1/N)}$, где n – объем выборки, N – генеральная совокупность. Результат не превышает 0,085 (8,5%) и соответствует обыкновенному критерию надежности (Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург: УрФУ, 2010. С. 248).

Среди вновь причисленных мещан есть 35 семей (10,6%), которые вписаны без определения вероисповедания, а те же кто указал принадлежность к старообрядчеству чаще всего были вдовами и пожилыми девицами либо старшим поколением в семьях, где молодые для заключения брака уже присоединились к единоверческой церкви. Нет ни одной семьи, в которой женатая молодежь в этом сословии заявила о себе как о старообрядцах (Таблица 3.8).

Таблица 3.8. Старообрядцы, причисленные к мещанскому сословию Екатеринбурга между 9-й и 10-й ревизиями

№ п/п	№ в 10-й ревизии	Фамилия, имя, отчество	Возраст, лет	Происхождение
1	1222	Ельнишных Матрена Никитина	51	«Мещанская девка из дворовых каракалпак, была у купца Сухарева»
2	1229	Калашникова Анна Степанова	26	Вдова Ивана Николаева Степанова (†1857 г.), причислены из купцов в 1854 г. «Живет в доме наследников ⁴⁴⁹ купца Никона Калашникова».
3	1273	Заверткина Глафира Андреева с теткой Натальей Ефимовой	21 36	Выбыли из купеческого сословия «по необъявлению капитала» главой семьи Андреем Федоровым Заверткиным (†1856 г.). Живут с холостым братом Глафиры единоверцем Аполлоном на ул. Архиерейской в своем доме.
4	1276	Егоров Миней Александров с женой Федосьей, сыновьями Иваном и Семеном	50 47 19, 9	Выбыли из купцов Екатеринбурга в 1855 г. Живут на ул. Отрясихинской в своем доме. Старшая дочь Анна с 1852 г. замужем за купцом Чуваковым.
5	1291	Травникова Парасковья Ивановна	34	Девка, причислена из Букор-Ворковской волости Маркановского общества. Живет на ул. Нововознесенской в доме мещанки Александры Гавриловой Сырейшиковой ⁴⁵⁰ .
6	1296	Солоницына Степанида Антонова	—	Вдова, в составе семьи женатого сына с детьми – православными. Все перечислены в 1853 г. из крестьян Вятской губ. с. Подрельского. Живут на ул. Спасской в своем доме.

⁴⁴⁹ Наследники – вдова купца 2-й гильдии Ф. А. Калашникова со снохой Александрой вписаны не указавшими вероисповедания (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 153–154).

⁴⁵⁰ Вместе с Анной Гавриловой Сырейшиковой (м. Лариса), «австрийского» согласия (См.: ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 40; Белобородов С. А. «Австрийцы на Урале и в Западной Сибири. С. 139).

7	1298	Дмитриев Фотей Фирсов с женой Степанидой, младшими сыном и дочерью, двумя внуками	54 52 21, 24 8, 6	Перечислены из крестьян Пермской губ. Шадринского уезда Батуринской волости. Все указаны старообрядцами, кроме внуков – детей старшего сына рекрута. Местожителство не указано.
8	1300	Лоциловы Марфа Григорьева и Федосья Павлова	68 36	Вдова с дочерью. Перечислены из прописных мещан в 1856 г. Живут в екатеринбургской «большой» часовне.
9	1303	Моисеева Анна Григорьева	66	«Девка», причислена в 1857 г. «из каракалпак бывшая у купца Байнаухова», живет на заимке в доме при «большой» часовне.
10	1309	Волкова Елена Титова	55	Вдова, причислена из далматовских мещан. Живет в доме мещанина Петра Бормотова.
11	1321	Макаров Ефим Федотов с сыном Прокопием, снохой Анной и внучкой Ульяной	59 34 34 3,5 мес.	Вдовец. Приписаны всей семьей из мещан г. Кунгура Пермской губ., живут в своем доме на Коковинской ул. Семья сына – единоверцы.
12	1420	Воробьева Марина Семенова	38	Перечислена в 1853 г. из крестьян Верхне-Уфалейского завода купца Губина
13	1475	Яковлева Елена Яковлева	57	Нет данных об прежнем состоянии. Живет в доме зятя своего томского мещанина А. С. Неупкоева по ул. Береговой
14	1543	Нурова Прасковья Николаева	54	Сестра Л. Н. Нурова ⁴⁵¹
15	1557	Соколова Мария Андреева	80	Приписана в 1858 г. из каракалпак. Живет в Волчьем порядке у торгующей крестьянки В. Д. Тимофеевой. Расписался за неграмотную урядник Иван Саввин Соколов.
16	1582	Шлыкова Марфа Сергеева	43	Мещанская вдова, причислена из крестьян московского удельного имения Богородского уезда Карповского приказа д. Костиной. Живет в доме мещанина Е. Поповичева.
17	1583	Клюквина Домника Степанова	86	Вдова, приписана из купечества.

Источник: Ревизские сказки 1857–1858 гг. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1779(а), 1779(б), 1779 (в).

Кроме распространенных причин приписки к мещанам – недостаточность капитала для купцов и перемещение в город или необходимый статус для крестьян⁴⁵², в сопутствующих сведениях указываются весьма своеобразные

⁴⁵¹ Родственники – семья купеческого сына И. Л. Тарасова (Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы – купцы екатеринбургские. Генеалогические схемы. С. 32).

⁴⁵² В воспоминаниях бывшего крестьянина Николая Чукмалдина о приписке в середине 1850-х гг. к мещанскому обществу Тюмени главной причиной названо стремление избежать поверстки в рекруты: «Дело в том, что два родных брата моего отца – Корнил и Никифор, жившие отдельными дворами, в ревизских сказках числились в одной семье под одним номером с нами. У дяди моего Корнилия было два сына, оба с физическими недостатками, а у другого дяди, Никифора, был один сын, но малолетний. К моему совершеннолетию в ревизской сказке состояло

этническо-хозяйственные «миграции». Так в Екатеринбург попала часть женщин, видимо, в результате среднеазиатских торговых контактов купцов, поскольку происходили они из каракалпаков, проживавшими по р. Амударье. Кроме того, немного каракалпаков жило в XVIII в. Оренбургской губернии⁴⁵³, с которой екатеринбуржцы также имели торговые связи. В городе они, хоть и значились в ревизии самостоятельно, но жили не отдельно, а под присмотром прихожан старообрядческих часовень. Еще ряд упомянутых в этом списке женщин являются явными сторонницами «австрийского» направления старообрядчества, представители которого в это время «осваивают» Урал, опираясь на пока немногочисленных местных сторонников.

Отмена обязательности приписки к купечеству для торгово-промышленной деятельности в 1863 г. и участия в городском самоуправлении (по городовому положению 1870 г.) замедлила рост численности купеческого сословия⁴⁵⁴. В старообрядческом мире уральского города это тоже заметно: часть деятелей местных приходов в 1880-х гг. числящихся купцами, в начале 1900–1910-х гг. переходит в мещанское сословие и при этом не оставляет следов разорения. Предприятия, которые возглавляют они сами или их дети по-прежнему работают, хозяева продвигают увеличение сбыта своей продукции, в том числе с использованием конфессиональных связей (Приложение 5)⁴⁵⁵.

бы шесть полных работников, с которых требовался срочно в сдачу рекрут. И я, единственный сын у родителей, должен был идти в солдаты за моих дядёв и их сыновей». Поэтому отец и мать сначала отправили 15-летнего сына в город на заработки для покупки рекрутской квитанции, а потом нашли способ приписать его сначала в мещанство, в затем в купечество, избавив таким образом от жеребьёвки по этой повинности (*Чукмалдин Н. М.* Мои воспоминания. Избранные произведения. Тюмень, 1997. С. 69, 97).

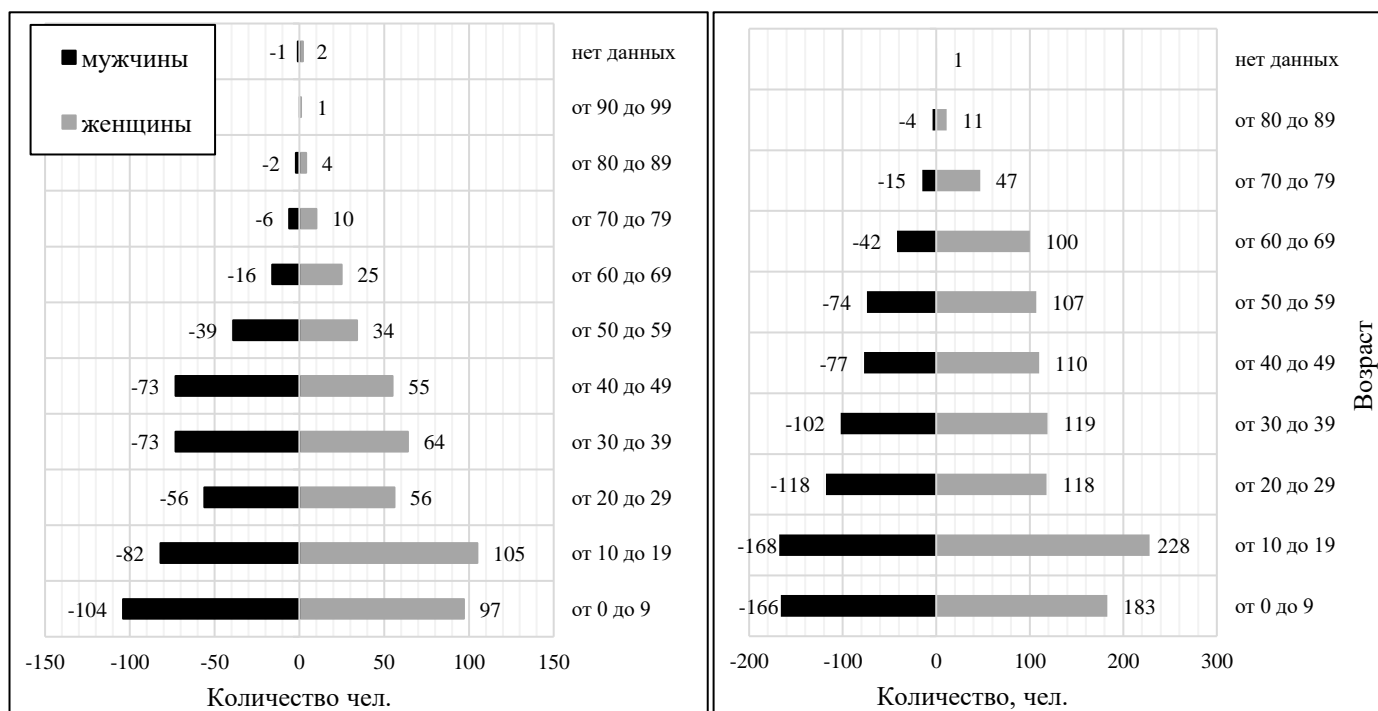
⁴⁵³ См.: Топография Оренбургской губернии. / П. И. Рычков. – Оренбург : Оренбург. Отд. Рус. Геогр. о-ва, 1887. С. 36, 113–125. Феномен распространения старообрядчества среди представителей локальных этносов в ходе торговых связей и хозяйственного освоения окраинных территорий отмечалось исследователями неоднократно (*Фишман О. М.* Жизнь по вере: тихвинские карелы старообрядцы. М.: Индрик, 2003; *Байдин В. И.* О распространении староверия среди финно-угров в конце XVII – начале XX вв. // Проблемы истории России: сб. науч. тр. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 284–292. В XVIII в. в сфере влияния староверов чаще других оказывались калмыки и татары.

⁴⁵⁴ *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 1. С. 114–116, 500–502.

⁴⁵⁵ Например, мещанин Лука Ефимович Черных, предлагал на I Всероссийском съезде часовенных организовать через старообрядческие общины продажу продукции Шарташского свечного завода так, чтобы часть вырученных средств оставалась у Совета Братства часовенных,

В половозрастной структуре старообрядческого населения Екатеринбурга и пригорода в последней четверти XIX в. есть некоторые особенности, которые, наш взгляд, предопределены характером источника. Согласно посемейному списку с. Шарташ (составленного для учета призывников и, следовательно, наиболее точно отражающего численность мужчин) общее соотношение в 1874 г. было полностью уравновешенным (452 мужчины и 453 женщины), что не исключает недоучет женского населения. В Екатеринбурге, половозрастная пирамида по которому составлена на основании данных Первой Всероссийской переписи (Рисунок 3.5), наблюдается преобладание женского населения 776 мужчин и 1024 женщины. Последних было больше на 14%.

Рисунок 3.5. Половозрастная структура старообрядческого населения: с. Шарташ, 1874 г. (слева) и Екатеринбург, 1897 г. (справа)

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. «Семьи села Шарташ»; Первая Всеобщая перепись Т. 31. С. 292.

Незначительное преобладание женщин среди «записных» екатеринбургских старообрядцев фиксируется и ранее. В рассмотренных выше материалах ревизии 1858 г., где учтены те, кто оставался вне сферы влияния борцов со староверием и большинство их составляли женщины, в сведениях, собранных офицерами

при этом производитель получал более широкий рынок для сбыта своего товара (Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев. С. 31).

Генштаба в 1860-х гг. (где женщин учтено на 10% больше, чем мужчин), в однодневной городской переписи 1887 г. (на 16%). Десятилетие, предшествующее Всероссийской переписи, не прибавило ничего нового ни к правовому положению приверженцев старообрядчества (это произошло в 1905–1906 гг.), ни к приемам их учета – старообрядцами заявляли себя прежде всего те, кто записывался в книги городского полицейского управления и не опасался обвинений в «уклонении в раскол» и данные по Екатеринбург 1897 г. сочетаются с предыдущими обследованиями.

3.3. Занятия и развитие системы хозяйственных связей

В исследованиях подробным образом представлены сферы деятельности и родственные отношения семей, принадлежащих белокрыницкому направлению⁴⁵⁶. Как уже отмечалось выше, одной из немногих «старых» купеческих фамилий Екатеринбурга, оставшихся в старообрядчестве после кампании по «насаждению» единоверия в 1840-х гг. были Тарасовы. Во второй половине XIX в. они входили в Екатеринбургское золотопромышленное товарищество, в котором на паях вместе с ними участвовали единоверцы Казанцевы, Баландины и Харитоновы. При переходе дела в руки младшего поколения – П. И. Тарасова и Г. Г. Казанцева сотрудничество в товариществе представителей разных религиозных обществ продолжилось и далее. Кроме того, Тарасов И. С. в 1870–1880-е гг. вел торговлю вином, салом со своего салотопенного завода. При смене конъюнктуры на

⁴⁵⁶ По Уралу см., напр. об Ушковых, Козицыных, Афониных, Чекановых, Шуровых: *Агеев С. С., Микитюк В. П.* Рязановы – купцы Екатеринбургские. С. 119–129; *Белобородов С. А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири. С. 156–158.

европейских рынках и падения спроса на сало, он переориентировался на операции с крупчаткой, «семенем и куделью»⁴⁵⁷.

Торговля зерном и мукомольный промысел положили начало новым купеческим фамилиям, включившимся в активное освоение сельскохозяйственного Зауралья. «Хлебное» дело входило и в сферу интересов попечителей екатеринбургских часовень купцов 2-й гильдии – Александра Соколова (зять И. С. Тарасова)⁴⁵⁸ и выдвинувшегося из приказчиков бывшего красноуфимского крестьянина Флегонта Малиновцева. Для последнего мучная торговля являлась основным занятием⁴⁵⁹. Е. П. Суслов, кратковременно побывавший в купеческом сословии (возможно, благодаря своему удачному браку с дочерью единоверца А. Т. Рязанова), устроил кондитерскую и булочную на главной улице мукомолов – Успенской.

Был и второй вариант, сочетавший разные товарные направления: новоявленные купцы сначала имели предприятия, связанные с традиционными для старообрядцев Екатеринбурга и Шарташа промыслами – переработкой и сбытом продуктов скотоводства (кожевенные, салотопенные, мыловаренные, свечные, клееваренные производства, торговля мясом), которые, как и у Тарасовых, сохранялись и в более позднее время, но в меньшем объеме, а часть прибыли была вложена в устройство паровых мельниц в сопредельной местности. Таков был путь к ведущим позициям попечителя екатеринбургского общества в случае уже

⁴⁵⁷ Город Екатеринбург. С. 580. О Тарасовых см.: *Микитюк В. П.* Дом на набережной URL: <http://www.fnperm.ru/SharedFiles/Download.aspx?pageid=2214&mid=2484&fileid=3284> (03.04.2017).

⁴⁵⁸ В описании Екатеринбургского собора часовенных 1884 г. есть описание его участия: «...Уполномоченный Иваном Савичем Тарасовым, попечителем обеих часовен, по случаю болезни зять его Александр Михайлович Соколов, взял от отцов благословение, собравшимся объявил...» (Духовная литература староверов востока России. Т. 1. С. 339).

⁴⁵⁹ Ф. Малиновцев, бывший поморец, происходил из крестьян Иргинского завода и был женат на Анфисе Грачевой, сестре екатеринбургского «австрийца» купца Г. Н. Грачева, также занимавшегося торговлей крупчаткой. Малиновцев был известен как сторонник принятия белокриницкой иерархии после того как съездил в 1900 г. в сопровождении Грачева по православным приходам греческой церкви в Турции, Греции и Австрии для выяснения обстоятельств принятия первого «австрийского» митрополита.

упомянутых мещан Щербаковых, которые свое дело вели с 1880 г.⁴⁶⁰ Деловые связи этой семьи подкреплялись брачными союзами, заключаемыми с представителями своего сословия и согласия (подробнее см. в главе 4).

В-третьих, были и те, кто продолжал дело, в котором лучше всего разбирался и имел давно сложившиеся связи. Приписанные в 1880-х гг. ко 2-й гильдии купцы из часовенного согласия – Н. И. Федотов с производством и сбытом свечей и мыла, И. Е. Павлов с тремя бакалейными лавками на главной торговой площади. Именно они в первую очередь выбывали из купеческого сословия в конце XIX в.

Большинство екатеринбургских старообрядцев во второй половине XIX – начале XX вв., по сравнению с золотыми промышленными кампаниями первой половины столетия, занималось менее масштабными предприятиями. Однако, как и прежде, в них имелаась шарташская «составляющая», подкрепляемая родственными связями. Приведем несколько примеров того, как происходило включение крестьян-старообрядцев пригородной территории в городское сословие во второй XIX в., на основе данных административного учета, сведений 10-й ревизии, самого раннего посемейного списка 1874 г. и материалов однодневной переписи Екатеринбурга 1887 г.

В 1855 г. среди мещан-старообрядцев Екатеринбурга значится только двое представителей семьи с фамилией Тяжелых (см. Приложение 1). В 1875 г. к городскому сословию приписывается шарташский крестьянин-часовенный Семен Парамонович Тяжелых, у которого сестры ранее были выданы замуж «сводным браком» в Екатеринбург⁴⁶¹. Для начала новоявленный горожанин купил дом с лавкой на оживленном Покровском проспекте, где стал вести торговлю бакалеей⁴⁶². Некоторое время после женитьбы в собственном владении его жены Марии Филимоновны еще находился одноэтажный деревянный дом в юго-восточной

⁴⁶⁰ Уральский старообрядец. 1915. № 1. С. 41 (рекламное объявление); Клюкина Ю. В. Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX – начале XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 98–99.

⁴⁶¹ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1379. Л. 9 об.–10 (Ревизская сказка Шарташского участка 1858 г., № 14). Там же. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1 Л. 3 об.–4 (Посемейный список с. Шарташ 1874 г., № 5).

⁴⁶² Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 233.

окраинной части города у метеорологической станции⁴⁶³, а ближе к рубежу XIX – XX вв. оба дома были, видимо, проданы, поскольку семья приобрела у своего одноверца купца Николая Ивановича Федотова довольно большую усадьбу с двухэтажным особняком на ул. Спасской в «старообрядческой» южной части города⁴⁶⁴. Сам глава семейства был прихожанином Успенской старообрядческой часовни, где один из двух его сыновей – Потап входил в начале XX в. в Совет общины⁴⁶⁵. В 1909 г. сын женился на дочери старообрядца своего согласия мещанина В. М. Жукова, занимавшегося в городе мясной торговлей⁴⁶⁶.

Другой шарташский крестьянин Максим Филиппов Ведерников, торгуя деревянной посудой и щепой на городском рынке, через десяток лет числился владельцем полукаменного 2-х этажного дома на Монастырской улице рядом с местом сбыта своих товаров и недалеко от Успенской старообрядческой часовни. Его средний брат Иван, вскоре после него также перебрался в Екатеринбург, где купил для своей семьи отдельное жильё на ул. Болотной и там же устроил сапожную мастерскую. В Шарташе остался в родительском доме жить младший брат Григорий со своей семьей. Почти в то же самое время их сосед и однофамилец Трофим Никандров Ведерников также переехал в город, возлагая надежды на доход от башмачного мастерства, которым он занимался в собственном владении – небольшом деревянном домике на том же Покровском проспекте рядом с дорогой, по которой выделанное сырье для ремесленников везли в город с шарташских кожевень.

В многочисленном семействе шарташских крестьян Ульяновых в последней четверти XIX в. в екатеринбургское мещанство был отписан только один – Тит Федорович Ульянов. О его переезде в город неизвестно ничего и, скорее всего, он остался на прежнем месте жительства. Зато его брат Фома уже в 1880-х гг. обосновался в юго-восточной части города, примыкающей к особой местности за

⁴⁶³ Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 482.

⁴⁶⁴ Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник. Екатеринбург, 1912. С. 86.

⁴⁶⁵ Труды I Всероссийского съезда старообрядцев часовенного согласия. С. 7.

⁴⁶⁶ Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 581; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 118. Л. 4 об.–5 (Запись № 1).

пределами жилья, куда были вынесенным кузни. На улице Луговой, 237 он жил с женой и детьми, а работал в своей кузнечной мастерской по Сибирскому тракту. Это мастерство давало, видимо, не очень значительный, но стабильный доход, потому что и в 1911 г. ни место жительства, ни сфера приложения усилий у него не изменились. Кроме того, с ремесленным цехом Екатеринбурга и схожим родом деятельности был связан его сосед и дядя Иосиф (Осип) Васильев Ульянов. В начале 1880-х гг. в соседнем доме на ул. Луговой 239 Иосиф принимал заказы на литьё, слесарные работы и починку медных вещей, а у его жены – Варвары Кондратьевны в центре города была лавка с шорным, сыромятным товаром, сбруей и ремнями. После смерти главы семьи в 1882 г. в доме по-прежнему жило его семейство (у Иосифа было как минимум четверо сыновей и дочь). По мере того как дети начинали обзаводиться собственными семьями увеличивалось и количество недвижимости: в начале XX в. мать-вдова была хозяйкой уже двух домов на ул. Солдатской 41 и 50 в приходе Успенской часовни. Прихожанами именно этого храма стали её сыновья Захар и Викул, причем последний вошел в совет общины и занимался вместе с вышеупомянутым Потапом Тяжелых устройством Первого всероссийского съезда часовенных в 1911 г. Кроме того, В. И. Ульянов сумел немного изменить торговую деятельность семьи: в 1914 г. продавал посуду, керосиновые лампы и готовое платье.

Совсем молодым, в возрасте 25 лет, 1875 г. был приписан в мещанское сословие вместе с братьями и племянниками Константин Иванов Силантьев, также из Шарташа. В одной из лавок Старого Гостиного двора он вел торговлю кожевенным товаром, позднее расширил её за счет бакалеи и «колониальных товаров» (кофе, чай, специи). К концу 1880-х гг. в его владении находились два дома, причем первый, «полукаменный» с небольшой усадьбой, располагался на ул. Госпитальной, почти напротив Успенской старообрядческой часовни и 30 лет не менял владельца. В 1900-х гг. К. И. Силантьев возвел еще пару строений по Кузнецкой улице и прикупил купеческий особняк на квартале мукомолов – на ул. Уктусской 15, рядом с домами и лавками крупных купцов Г. Н. Грачева и Ф. А. Малиновцева, правда они принадлежали уже на тот момент к

белокриницкому согласию, а не к часовенному, из которого происходил Силантьев. Его брат Павел и племянники Зотик и Стефан, долгое время по-прежнему проживали в Шарташе и выехали оттуда только к началу XX в., поселившись в небольших деревянных домах по соседству на Дровяной и Обсерваторской улицах ближе к восточной окраине города.

Всего из 93 крестьян села Шарташ, о которых известно по отметкам в посемейных списках, что они в 1870-х – 1880-х гг. перешли в екатеринбургские мещане, только пятая часть (20 чел.) вскоре перебралась в город на постоянное местожительство, купив дом и имея при этом, как было рассмотрено выше, доход от торговли и ремесла (Таблица 3.9).

Таблица 3.9. Причины отчисления крестьян мужского пола из общества села Шарташ в 1874–1894 гг.

Причины	Кол-во человек	% от общей численности
Сословный трансфер	96	20,9
– приписаны к мещанам Екатеринбурга (в т. ч. переселились в Екатеринбург)	94 (20)	
– отчислены в другую волость	2	
Принудительная миграция (ссылка в Сибирь)	7	1,5
Естественная убыль	121	26,3
Не значатся отчисленными	236	51,3
Общая численность (на 1874 г.)	460	100

Источники: Посемейный список с. Шарташ 1874–1894 гг. (срез 1874 г.). ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 1–45; Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений (Алфавитный указатель).

Остальные продолжали жить на месте прежней приписки и лишь впоследствии переезжали в город и то не во всех случаях. Обширные шарташские усадьбы с огородами на берегу озера, в отличие от города, давали возможность прокормить не только семью, но и получить доход от продажи части урожая на городских рынках. «Огороды есть у всех домохозяев; у некоторых даже по три. Вообще нужно сказать, что от огорода многие шарташцы кормятся круглый год. Огороды сдаются и в аренду; платится за огород на лето 3–5 р. Садят

преимущественно капусту и картофель. ... Сбывают, преимущественно, в Екатеринбурге»⁴⁶⁷. При этом старообрядцы Шарташа нисколько не смущались некогда распространенным в староверческой среде предубеждением к картофелю как к «антихристовому яблоку»⁴⁶⁸.

Переселялась в город, как правило, часть представителей большой или нуклеарной семьи. В случае приписки одиноких домохозяев к городскому сословию и последующего переселения, речь идет о мужчинах, средний возраст которых составлял 38 лет (Таблица 3.10).

Таблица 3.10. Крестьяне с. Шарташ, отписавшиеся в мещанство и переселившиеся в Екатеринбург, 1870–1880 гг.

Фамилия, имя, отчество	Семейное положение	Возраст	Время перехода в мещанское сословие	Место проживания в городе	Занятие
Безродных Никифор Родионов	холост	56 лет	1875 г.	1-я Береговая ул., 4: 1 этаж. деревянный дом	нет данных
Благин Егор Ларионов	нет данных	45 лет	нет данных	2-я Береговая ул., 5	нет данных
Ведерников Трофим Никандров	нет данных	37 лет	нет данных	Покровский пр., 69: 1 этаж. деревянный дом	сапожно-башмачная лавка
Поляков Трифон Яковлев	холост	35 лет	1875 г.	Кузнецкая 180 1 этаж. деревянный дом	нет данных
Тяжелых Семен Парамонов	холост	38 лет	1875 г.	Покровский пр. 53	торг бакалеей
Шапошников Северьян Никифоров	холост	37 лет	1877 г.	Никольская ул., 82: 1 этаж. деревянный дом	староста участка, маляр, торг сеном на Сенной площади
Шапошников Абрам Федорович	женат	24 лет	1883 г.	Солдатская ул., 97 1 этаж. деревянный дом	сапожник, башмачник служитель старообряд. Никольской часовни

⁴⁶⁷ С[морозинцев Н.] Шарташ // Екатеринбургская неделя. 1884. № 31. С. 534–535: «Благодаря тому, что огороды почти все расположены по берегу озера, на местах низменных, вблизи воды, капуста родится прекрасная. ...Некоторые продают до 800 вилок. Пуд картофеля продают от 25 до 40 коп. и дороже. Садят в огородах рано и лук у шарташцев поспевает скоро. Штук 7–10 луковиц сплела (“плетенка”) и тащит в Екатеринбург. Гряды копают; платится работнице 30–50 коп. в день; хлеб хозяйский. Полют сами».

⁴⁶⁸ Сказание о предосудительном происхождении картофеля «из книги Пандок» имело широкое хождение на Урале как на протяжении XIX, так и в начале XX вв. в составе сборников смешанного состава, см.: Древлехранилище ЛАИ УрФУ. IV.14p/253 (в совокупности с выписками «насчет белокрынцов»), V.27p/646. (с выписками о наступлении последних времен), X.1p/18. (с выписками о ересь, отпадении от истинной веры и т. п.), XIV.63p/685. (с сочинением о Петре I – Антихристе).

Шапошников Марк Федорович	холост	16 лет	1883 г.	Солдатская ул., 99 1 этаж. деревянный дом	служитель старообряд. Никольской часовни
Шапошников Федор Лаврентьевич	женат	56 лет	1883 г.	Златоустовская – Ночлежная ул.	настоятель Никольской старообряд. часовни, живет при ней
средний возраст 38 лет					

Источник: Посемейный список с. Шарташ 1874–1894 гг. ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 1–45.

Занятия многих старообрядцев-мещан были сосредоточены на торговле, они продавали те же товары, что и купечество, а также товары повседневного городского спроса. В конце 1880-х гг. мещанская вдова из общины часовенных Калашникова Анна Степановна вела мучную торговлю – её городской дом стоял в самом центре города на улице Уктусской, где лавки по продаже муки-крупчатки или железа были почти при каждом доме, в том числе и у неё. Выкупивший торговое свидетельство 2-й гильдии Дементий Белоусов с сыновьями Василием и Николаем продавал кожевенные изделия, которые изготавливались на его заводе в Шарташе⁴⁶⁹. Еще одним относительно крупным кожевенным заводом владел екатеринбургский купец (в 1900-х гг. мещанин, см. приложение 5) Ефим Севастьянов Черных⁴⁷⁰, который, несмотря на городскую приписку и городскую недвижимость, жил в Шарташе⁴⁷¹ и представлял местное общество на собраниях и съездах старообрядцев (подробнее см. главу 3).

Вокруг небольших производств были сосредоточены семейные дела многих приписанных к Екатеринбург в пореформенное время жителей-старообрядцев: колесное ремесло и кузня красноуфимского крестьянина Тимофея Мокрушина,

⁴⁶⁹ См.: Штейнфельд А. П. Санитарно-статистическое исследование кожевенных заводов, находящихся в селах Шарташ и Уктус // Записки Уральского медицинского общества. Год 3-й (1893–1894). Вып. 2. С. 13–16, 23.

⁴⁷⁰ «[Описание экспонатов кустарного отдела Сибиро-Уральской промышленной выставки, №] 43. Черных Ефим Севастьянович, екатеринбургский купец (г. Екатеринбург). Различные сорта кож и кожаные приводные ремни. Завод в селе Шарташ, при озере того же названия. Заведует сам владелец. Рабочих 15 человек, живут на стороне. Двигатели: 1 конная водокачка... Материалов для производства употребляется: извести 2 т. пуд., золы 2 т. пуд., ивовой коры 5 т. пуд., тюленьего жиру 200 пуд., дегтю 200 пуд. Все материалы русского происхождения. Приготавливается изделий до 5 т. шт. ... Цены от 1 руб. 50 коп. до 12 руб. за штуку. Сбыт в г. Екатеринбурге и окрестных селениях. Топливо: 10 куб. сажень» (Цит. по: Кельцев С. Из поездки по Уралу. Сибиро-Уральская научно-промышленная выставка. М., 1888. С. 13).

⁴⁷¹ Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 265, 559, 605.

скорняжное дело невянского крестьянина Абрама Санникова, «малярные» занятия мещан Вахромея и Дорофея Лапшиных, иконописная мастерская потомков выходцев из Подмосковья братьев Андрея и Гавриила Семеновых Романовых, пряничная лавка переселенцев из Подрельской волости Вятской губ. Солоницыных, приписавшихся к екатеринбургскому мещанству еще в начале 1850-х гг. и проживавших к 1887 г. в собственном доме на Спасской улице⁴⁷².

В последней четверти XIX в. среди прихожан-старообрядцев появляются владельцы «изысканных» городских заведений: купчиха 2-й гильдии Мария Дементьевна Блохина с магазином «Картины и книги» (и разрешением продавать «сильнодействующие вещества»)⁴⁷³, мастер-кондитер Н. И. Михайлов⁴⁷⁴ на Уктусской улице, купец С. И. Лопатин⁴⁷⁵ с модной лавкой в своем особняке на Златоустовской улице, Т. Е. Скавронская с парикмахерской и кондитерской.

В последнем случае «новшество» было результатом наследования предприятия. Татьяна, дочь старообрядцев-часовенных, была выдана замуж за прихожанина православной церкви купца Николая Петровича Скавронского. После его смерти около 1885 г. вдове и детям остались три магазина и особняк напротив городского театра. Средства от торговли и сдачи внаём комнат дома, видимо, вполне обеспечивали их жизнь. Т. Скавронская прожила во вдовствующем состоянии более 30 лет. В 1916 г., скончавшись «от старости», она была отпета в Никольской часовне и похоронена на старообрядческом кладбище по Сибирскому тракту⁴⁷⁶.

Еще один брак представительницы екатеринбургских часовенных Евдокии Андреевны (девичья фамилия неизвестна) с Николаем Карловичем Меджером, потомком выходцев из Англии, был заключен примерно в тоже самое время, что и у Скавронских – в середине XIX в. Как и в первом случае, вдова унаследовала

⁴⁷² Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 323; ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1779(а). Л. 28–29.

⁴⁷³ Город Екатеринбург. С. 890. Мария около 1860 г. вышла замуж за купеческого сына В. Н. Блохина. В браке родились сыновья Григорий, Владимир и дочь Елизавета.

⁴⁷⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 209. Л. 4 об.–5 (Запись № 10); Город Екатеринбург. С. 662.

⁴⁷⁵ Там же. Д. 207. Л. 3 об.–4 (Запись № 9); Город Екатеринбург. С. 555.

⁴⁷⁶ Там же. Д. 258. Л. 18 об.–19 (Запись № 6).

довольно приличное состояние: полукаменный двухэтажный дом с флигелем и службами, ренсковый погреб и пивную лавку на Уктусской улице. Она распорядилась после своей смерти продать особняк и разделить полученные деньги между часовенными и единоверцами Екатеринбурга и Шарташа⁴⁷⁷. Несмотря на присоединение к официальной православной церкви в молодости для бракосочетания, Евдокия Меджер в последние годы жизни, после Манифеста о веротерпимости, причисляла себя к старообрядцам⁴⁷⁸. В 1916 г. Успенской общине в кассу прихода из её наследства было передано 500 рублей.

Представительница екатеринбургского общества А. Г. Тупикова была одной из главных «устроительниц» новой старообрядческой часовни в Верх-Нейвинском заводе, на чьи средства возводилось здание с куполами и звонницей, поднимались кресты и устраивалось внутреннее убранство в 1915 г.⁴⁷⁹ Еще одна обладательница этой фамилии, происходившая из старообрядческой семьи – Е. Г. Тупикова, оставшись вдовой С. Е. Тупикова, золотопромышленника и управляющего Петербургской конторой Верх-Исетских заводов, по некоторым предположениям, во флигелях своей городской усадьбы в самом центре города поселила своих единоверок, которые вели службу в её домашней молельне⁴⁸⁰, что не мешало хозяйке на Рождество устраивать в доме празднество для городских детей с ёлкой и подарками.

В начале XX века в сферу интересов «младшего» поколения в обоих старообрядческих согласиях начинает входить техника и профессии, не связанные с торговлей. Внимание молодых привлекали технологии добывающей отрасли – два сына П. И. Тарасова занимались в Екатеринбурге продажей оборудования для цементных заводов, сотрудничали с поставщиками паровых двигателей конструкции Р. Вольфа и другого оснащения для горных заводов,

⁴⁷⁷ Хроника // Уральский старообрядец. 1916. № 6–7. С. 31–32.

⁴⁷⁸ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 228. Л. 2 об.–4 (Запись № 6).

⁴⁷⁹ Верх-Нейвинский завод Екатеринбургского уезда: Большое торжество // Уральский старообрядец. 1915. № 8–9. С. 26.

⁴⁸⁰ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 60 об. (число проживающих одновременно в доме вдовы в 1913 г. – 23 чел.).

золотопромышленных приисков, мельниц, маслобойных предприятий⁴⁸¹, а третий сын – Георгий участвовал в обустройстве нефтяных промыслов в Грозном Терской области⁴⁸².

Андрей Флегонтович Малиновцев, сын купца-мукомола долго надеявшегося на организованное присоединение часовенных к белокриницкому согласию, занимался поставкой на Урал кассовых аппаратов, пишущих машинок и комплектующих к ним от московского товарищества Т. И. Гаген, используя при этом рекламный девиз с «душеспасительными» коннотациями: «Соблазн побеждает под конец и честных людей... – защиту от соблазна, ошибок, недоразумений с покупателями ... дает самый надежный защитник контрольный кассовый аппарат “Националь” (Америка)»⁴⁸³. Его родная сестра Анна, уже будучи замужем, практиковала как зубной врач и, возможно, была одним из авторов, писавших для журнала «Уральский старообрядец»⁴⁸⁴.

Помимо упомянутых выше занятий о деятельности женщин удалось найти немного сведений. Представительница «старинной старообрядческой семьи... будучи по духу и по вере старообрядкой» народная учительница, помощница библиотекаря в городской публичной библиотеки им. В. Г. Белинского Анна Шамшурина, сотрудничала с изданиями «Утро» и «Зауральский край», «дарила редакцию» журнала «Уральский старообрядец» своими художественными рассказами и стихами⁴⁸⁵. Вот только для того, чтобы получить образование и звание учительницы на рубеже XIX–XX вв. ей пришлось присоединиться к православной церкви. В 1910-х гг. она заболела чахоткой и незадолго до кончины была принята

⁴⁸¹ Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник. Екатеринбург, 1912. Л. [П рекламный]; Зауральский край. 1917. № 13. Л. 4 [рекламный лист];

⁴⁸² ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 252. Л. 7. об.–8 (Запись № 12); Д. 282. Л. 9 об.–10 (Запись № 15).

⁴⁸³ Уральский старообрядец. 1916. № 10 (реклама на нижней стороне обложки).

⁴⁸⁴ Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник. Екатеринбург, 1914. С. 307; *М-ва А.* Из кельи в мир (рассказ) // Уральский старообрядец. 1916. № 11–12. С. 43–47.

⁴⁸⁵ *Шамшурина А.* Явленная // Уральский старообрядец. 1915. № 3. С. 16–21. *Ее же.* В пустыне (набросок). Родина (стихотворение) // Там же. № 6. С. 20–23; *Ее же.* Странник (рассказ). Ночью (стихотворение) // Там же. № 12. С. 19–20, 39–40.

обратно в старообрядческую общину, которая похоронила ее на своем кладбище и напечатала трогательный некролог на страницах своего издания⁴⁸⁶.

Еще об одной потомственной старообрядке Александре Конюховой (ок. 1875 г. р.) – дочери упоминавшегося выше купца А. М. Соколова, вслед за братом Степаном⁴⁸⁷ являвшейся одной из учредительниц Екатеринбургского общества попечения о начальном образовании, участнице многих других местных благотворительных и музыкально-литературных обществ, весьма оппозиционно настроенной моднице, оставил развернутое комплиментарное впечатление пермский губернатор И. Ф. Кошко. «В обращении она производила впечатление вполне воспитанной особы и в разговоре со мной, представителем той власти, против которой она будто бы сражалась, была так мила и любезна, что я счел долгом сделать ей визит, принятый как нечто должное с обычной вполне светской приветливостью. ... Когда открывался вновь построенный Екатеринбургский театр ... фигурировала тут и мадам Конюхова в умопомрачительном парижском туалете, декольте и тоже поднесла адрес от какой-то организации и даже, сколько помню, читала на этот случай какие-то стихи»⁴⁸⁸. Дочь попечителя екатеринбургской часовни, очевидно, была одной из тех, кто присутствием нескольких поколений староверов в городе объяснял вновьназначенному губернатору причины своеобразия Екатеринбурга: простонародность языка, бывшая в употреблении у большинства местного «общества» сочеталась с ярко выраженной оппозиционностью по отношению к правительству и распространенностью либеральных политических взглядов. Единственное обстоятельство препятствует далеко идущим выводам: после того, как А. А. Соколова вышла замуж за золотопромышленника П. А. Конюхова, никаких свидетельств её пребывания в старообрядчестве нами не обнаружено: записи о ней или детях не встречаются в

⁴⁸⁶ *Аз. Вечная память // Уральский старообрядец. 1916. № 8. С. 9.*

⁴⁸⁷ *Протоколы Екатеринбургской городской думы за второе полугодие 1881 г. Екатеринбург : Типография П. Я. Сапожникова и К°, 1881. С. 19 (об именном капитале С. А. Соколова в Общественном банке предназначенном для помощи воспитанникам учебных заведений).*

⁴⁸⁸ *Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911–1914) / Сост. Н. Г. Павловский. Екатеринбург: Демидовский институт, 2007. С. 115–116.*

метрических книгах какого-либо согласия; правда, и среди православных Екатеринбурга данных о купцах Конюховых тоже нет.

Представители старообрядческого торгового сословия обоих согласий входили в органы местного самоуправления и были в числе учредителей Общественного собрания г. Екатеринбурга. Избирались гласными городской думы в период 1872–1891 гг. С. И. Афонин, В. М. Бородин и все трое его сыновей, Ф. А. Малиновцев, А. М. и С. А. Соколовы, Е. П. Суслов, И. С. и П. И. Тарасовы, Л. М. Ушков, Г. Г. Щербаков, Белиньковы и др., причем некоторые – не на одно пятилетие. Участие старообрядческих попечителей в заседания думы и неоднократном обсуждении вместе с учителями вопросов начального образования и с врачами противоэпидемических и санитарных мер способствовало процессу нормализации отношения городских староверов к светскому образованию, медицинской помощи, карантинам, оспопрививанию и обращению к врачам. Гласные из старообрядческой среды предлагали заградительные меры для предотвращения сбросов загрязнений в городские водоемы, занимались организацией ветеринарного надзора на скотобойнях, соглашались с необходимостью финансировать родильный дом и его медицинские курсы, заслушивали развернутые лекции докторов об эффективности акушерской помощи, об опасности инфекционных болезней, дебатировали введение карантина при распространении дифтерита, кори, тифа, оспы и т. п.⁴⁸⁹ Итоги этого процесса

⁴⁸⁹ Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1873 г. Екатеринбург : Типо-литогр. Ахматовой и К^о, 1875. С. 178 (предложение С. А. Соколова устроить караулы на городском пруду); ... за первую половину 1877 г. Екатеринбург : Типо-литография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1877. С. 82 (направление процентов с капитала С. И. Баландина на устройство родильного дома); ... за вторую половину 1877 г. Екатеринбург : Типо-литография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1877. С. 43–46, 49–68 (доклад доктора Петрова и гласного А. Н. Казанцева о пользе родильного дома для обучения акушеров, сохранения жизни женщин, кормления младенцев и снижения числа детоубийств); ... за первую половину 1879 г. Екатеринбург : Типо-литография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1879. С. 92–95, 162–168, 172–173 (организация и работа оплачиваемой врачебно-санитарной комиссии для надзора за уборкой нечистот и соблюдении чистоты на скотобойнях); ... за вторую половину 1879 г. Екатеринбург : Типо-литография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1880. С. 33 (решение выделить средства на ремонт городской больницы); ... за второе полугодие 1881 г. С. 23–26 (утверждение Устава родильного дома и школы для повитых, организованных за счет средств Екатеринбургского земства и городского общества); С. 36–50 (организация комплекса общегородского карантина против дифтерита); ... за вторую четверть 1883 г.

фиксируются в первое десятилетие XX в.: в дискуссии с сибирскими староверами о прививках против оспы точку зрения Совета Братства часовенного согласия, действовавшего в Екатеринбурге, выразил один из авторов журнала «Уральский старообрядец» в 1915 г., назвав «грустным пережитком прошлого» отказ многих сибиряков ставить прививки как «клеймо антихриста»⁴⁹⁰. Следовательно, в самом екатеринбургском старообрядческом обществе преобладала поддержка превентивных медицинских мер, они представлялись делом обычным и вполне желательным. В следующей главе на примере уровня детской смертности рассматривается одно из возможных последствий такой лояльности.

* * *

Итак, согласно наиболее достоверным статистическим данным – собранным во время городских переписей и первой всеобщей переписи, старообрядцы во второй половине XIX в. составляли не менее 4–5% населения Екатеринбурга (около 2 тыс. чел.), что в относительном выражении минимум в 2 раза меньше, чем было накануне царствования Николая I, проводившего жесткий курс на борьбу со староверием.

С 1860-х гг., на фоне уменьшения «антираскольнических» мер начинается динамичный рост численности городского старообрядческого общества за счет крестьян. Наиболее активно этот процесс развернулся во второй половине 1870-х – начале 1880-х гг., когда уральские заводы еще не преодолели первые последствия

Екатеринбург : Типография П. Я. Сапожникова, 1883. С. 4–7 (организация ветеринарного контроля на городских скотобойнях); С. 52–53 (противодифтеритные меры); ... за первое полугодие 1884 г. Екатеринбург : Типография П. Я. Сапожникова, 1884. С. 79 (увеличение жалования городскому врачу); ... за второе полугодие 1884 г. Екатеринбург : Типография П. Я. Сапожникова, 1885. С. 45–46 (доклад врачей и гласных о результатах работы приемного покоя для бедных больных); С. 64–66, 69–71 (о лечении сифилитиков в городской больнице); С. 68 (о работе родильного дома); С. 72–77 (о сохранении школы акушеров); С. 82–89 (о выкупе городом у наследников Рязановой особняка, где расположен роддом); С. 155–161 (о работе городской больницы только для граждан Екатеринбурга); ... за первое полугодие 1892 г. Екатеринбург : Типография газеты «Екатеринбургская неделя», 1892. С. 6–17 (о мерах против тифа, кори, оспы); ... за первое полугодие 1893 г. Екатеринбург : Типография газеты «Екатеринбургская неделя», 1893. С. 175, 180 (о пожертвованиях на роддом); С. 188 (о ветеринарном контроле на городских скотобойнях).

⁴⁹⁰ Черноземцев К. Беседы с читателями // Уральский старообрядец. 1915. № 4–5. С. 35–36.

кризиса после отмены крепостного права. Анализ сословия и места приписки старообрядцев показал, что в начале XX в. приходящие в город староверы, в большинстве своем были крестьянами из близлежащих селений и поселков, соседней Вятской губернии (где из-за малоземелья было развито отходничество), а также уездов восточного Подмосковья. В устройстве мигрантов большую роль играли конфессиональные связи и включенность в религиозную общину.

Изучение сословного состава старообрядческих общин показало, уменьшение в его среде купеческого сословия. Этому способствовали, с одной стороны, правительственная политика, которая до начала 1860-х гг. в целом препятствовала старообрядцам заниматься крупномасштабной торгово-промышленной деятельностью. Большое влияние на смену социального состава старообрядческих общин оказала появившаяся после 1863 г. возможность занятия торгово-промышленной деятельностью с выкупом гильдейского свидетельства без записи в купеческое сословие, а закон 1874 г. о всеобщей воинской повинности распространил армейское рекрутирование в равной степени как на купцов, так и на мещан. Последствия «демократизации» проявились особенно отчетливо в конце XIX в., когда сословная корпорация купечества во многом утратила свои привилегии. В начале XX века доля купечества среди старообрядцев была невелика, но при этом часть мещан и находившихся в городе крестьян занималась фактически купеческой деятельностью: торговлей и производствами по гильдейским свидетельствам. Остальные вели те же дела, но в меньшем масштабе и с небольшим товарооборотом. Можно утверждать, что социальный состав старообрядческих общин Екатеринбурга изменялся под влиянием общегородских тенденций: вместо принадлежности к определенному сословию, ведущую роль начал играть фактор профессиональной стратификации.

Сравнительный анализ сведений о составе органов городского самоуправления и данных о жителях города, аффилированных со старообрядческими общинами, показал, что после снятия ограничения для старообрядцев на занятие общественных должностей, выходцы из часовенного и белокриницкого согласия совместно с единоверцами и православными участвовали

в местном самоуправлении. Следовательно, старообрядцы, имевшие приписку к городским сословиям и проживавшие в городе, как и в первой четверти XIX в., были включены не только в религиозную общину, но и в органы сословного представительства и взаимодействовали с широким кругом лиц. Их приемы общения и манера поведения, нормы и ценности испытывали влияние общегородских тенденций развития.

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что во второй половине XIX – начале XX вв. по мере упрочения правового положения старообрядческой общины, принадлежность к приходу любого из согласий являлась действенным инструментом (социальным лифтом) включения в городское экономическое и социокультурное пространство, которому «старообрядческий» компонент придавал своеобразие. Далее закономерно ставить вопрос о том, как включенность в городское сообщество влияла на старообрядческую семью. Результаты изучения этого вопроса представлены в следующей главе.

Глава 4. Старообрядческая семья в городских условиях

Родственные отношения и семья всегда играли важную роль в поддержании и развитии культурных социальных связей, формировании капитала доверия и представлений об идентичности; при этом есть и обратная связь – распространенность определенных типов семьи находится в зависимости от «внешних» требований и условий, поэтому в данной главе в центре внимания находятся структурные, социокультурные и демографические изменения которые могут прояснить влияние городской динамики. Однако, начать необходимо с правового положения, в котором находились брак и семья у старообрядцев в изучаемый период.

4.1. Проблемы легальности брака и семьи старообрядцев

Рассмотрение семейного состояния старообрядцев связано с двумя проблемами: признание «раскольнического» брака властями и понимание его законности самими староверами. Наличие и содержание данных в источниках учета населения напрямую зависит от этих двух обстоятельств.

Относительно первой проблемы важно иметь ввиду результаты предшествующих исследований⁴⁹¹, выявивших, что с 1837 г. легитимность брака, совершенного старообрядческими духовными лицами и наставниками, постоянно находилась под вопросом, поскольку статус таких лиц и «бракосводительство» были вынесены властями за пределы легальности. При общем жестком по отношению к «расколу» курсе граница между допустимым и возбраненным

⁴⁹¹ Нильский И. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. Вып. 2. СПб., 1869; Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала. С. 219–223.

менялась ситуационно⁴⁹². На протяжении нескольких десятилетий отношение властей колебалось между «никак невозможно считать такой брак законным» (1840–1860-е гг.) и «он терпим, но не в церковном, а в гражданском отношении» (с 1874 г.). Лишь после 1906 г. браки, внесенные в метрические книги зарегистрированных старообрядческих общин, стали подтверждением семейного статуса, как и в остальных деноминациях. Таким образом, на протяжении 70 лет направленность нормативно-правовой базы относительно основ старообрядческой семьи менялась от преследований к признанию и следует рассмотреть каким образом, что происходило под влиянием этих изменений.

Противоречивое и неустойчивое применение многочисленных постановлений относительно «раскольников» в середине XIX в. заставляют рассматривать последовательность действий властей по отдельности и учитывать не только их светский или духовный статус, но и сферу ответственности, а также позицию в бюрократической иерархии. Для частных заводов большое значение имели расчеты и мнение управляющих, на должности которых было запрещено назначать старообрядцев. В случае Екатеринбурга до 1863 г. ключевой была позиция Главного начальника Уральских горных заводов, а после отмены статуса горного города – пермского губернатора.

Действовавшие с конца 1830 – начала 1840-х гг. распоряжения и циркуляры о непризнании законом браков, заключенных между самими старообрядцами, а тем более между ними и единоверцами или православными, позволяли использовать их как инструмент борьбы с «расколом»⁴⁹³. Пермский архиепископ Аркадий (Федоров), пермский губернатор и большинство членов местного секретного совещательного комитета по делам раскола, впервые столкнувшись в 1838 г. со «сводными»⁴⁹⁴ браками старообрядцев, требовали считать такие союзы

⁴⁹² Нильский И. Семейная жизнь в русском расколе. С. 250.

⁴⁹³ ПСЗ. 2-е собр. Т. X. Ст. 26, 2138 (п. 6); Высочайшее положение 13 февраля 1826 г., Высочайшее повеление 7 июля 1835 г.; Высочайшее повеление 28 ноября 1839 г.; Высочайшее повеление 19 февраля 1842 г.

⁴⁹⁴ Заключенные без участия священников, при благословлении родителей и вычитывании канонов наставников. Подробнее об обряде см.: Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала. С. 219–223.

беззаконным, блудническим житием, а тех кто их заключает – распространителями разврата внушающими отвращение к браку, и настаивали на обязательном суде над ними и ссылке в Закавказский край⁴⁹⁵.

Однако, для исполнения подобных постановлений в Екатеринбурге и на горнозаводской территории необходима была поддержка заводских контор, начальника Горных заводов и министра государственных имуществ. Записка пермского архиепископа с требованием срочных и жестких мер, переданная в 1838 г. через начальника Горных заводов на рассмотрение в аппарат министерства, вызвала у чиновников недоумение. Новости о сводных браках их не особо беспокоили: «Нужно знать женихи сии и невесты из числа ли раскольников или из православных; в сем последнем случае сводившие их к сожитию таковому подлежат суду. В первом случае не следует к ним делать придирки»⁴⁹⁶. Кроме того, предложение местного Секретного совещательного комитета по делам раскола «сводимых не допускать в беззаконное супружеское сожитие, чтобы сведенных нигде не показывать мужем и женою, а потому и детей от их не признавать законноприжитых» было встречено недоуменным вопросом: «Когда и где было полагаемо? Это как?»⁴⁹⁷.

Высочайшее повеление «Об особых мерах» для пресечения «бракосведения», изданное в ноябре 1839 г., приравнивало сводителей к совратителям, предписало распространителей учения о «сводном» браке наказывать ссылкой в отдаленные заводы, а сожительствующих, не согласившихся на венчание в единоверческой церкви, разгонять (отдавая в отцовские семьи). К кому надлежало отправлять виновных, если сами отцы являлись «сводителями», постановление не указывало и

⁴⁹⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23064. Л. 3 об.–4, 29–30.

⁴⁹⁶ Там же. Л. 2. (Записка пермского архиепископа Аркадия, сопровождаемая черновыми комментариями чиновника министерства государственных имуществ).

⁴⁹⁷ Там же. Л. 4 (Записка пермского архиепископа Аркадия, сопровождаемая черновыми комментариями чиновника министерства государственных имуществ). Еще больше озадачила министерских сотрудников пояснение к этой записке, сделанное управляющим Пермской Казенной Палаты о том, что каждый член местного секретного совещательного комитета отправил материал о «сводных» браках своему вышестоящему начальству. На полях этого сообщения столичный чин не преминул заметить: «Что за странность... во все министерства! Которое из них должно начать переписку?».

многое в нем могло стать основой как для серьёзных преследований (если считать само заключение такого брака действием по его распространению, то надо было ссылать всех участников), так и для обычной миссионерской проповеди (если следовать пункту о приглашении к узаконению союза венчанием в единоверческой церкви с разъяснением выгод от этого)⁴⁹⁸.

Начальник Горных заводов хребта Уральского, стараясь предупредить негативное влияние предлагаемых мер на производство, возражал против резких действий и указывал на неправильность применения закона задним числом, ведь заключение первых «сводных» браков уральских часовенных состоялось осенью 1838 г., а Высочайшее повеление год спустя в ноябре 1839 г. Он также подчеркивал нежелательность преследований большого количества лиц:

«[Требуют] предать суду разом до 1000 человек, а может быть и более, ибо сводители ... суть все почти отцы и матери и даже родственники обеих сторон, вступивших в сожителство <...>, такое множество людей сослать или в Закавказские провинции для водворения или отдать для отсылки в Закавказский корпус или, наконец, переместить многих на Богословские заводы, но всего этого исполнить невозможно без особых затруднений»⁴⁹⁹.

Министр государственных имуществ, санкция которого была запрошена для расширения арсенала мер воздействия на «раскольников», также был не склонен давать ход повсеместным судебным разбирательствам из-за браков между старообрядцами, возражал против распространения на участников сводной церемонии наказания, полагающегося за непотребство, и в 1843 г. не соглашался с перспективой предоставить местным властям право замеченных в сводном браке «употреблять в общественные низкие работы». Такое отношение отчасти амортизировало воздействие «антираскольнической» политики, но не во всех случаях и не везде. Парадоксальным «подспорьем» стали тайные распоряжения Синода в 1842 г. в отдельных губерниях, в т. ч. Пермской, позволили епархиальным архиереям по их усмотрению («собственному руководству») решать

⁴⁹⁸ Высочайшее повеление 28 ноября 1839 г.; Высочайшее повеление 19 февраля 1842 г.

⁴⁹⁹ РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23064. Л. 49–53 об. (Копия отношения начальника Горных заводов хребта Уральского пермскому гражданскому губернатору, 19 января 1840 г.).

вопрос о разрешении православным священникам проводить венчания не присоединившихся «раскольников» с записью в особые тетради⁵⁰⁰.

По отношению к первым «сводителям» бессвященнических браков были приняты жесткие меры: пятерых человек с частных заводов сослали на Кавказ, еще несколько их соратников согласились дать подписку о принятии единоверия и неучастии в заключении браков по старообрядческому чину⁵⁰¹. Три пары в Кушвинском заводе, отказавшиеся идти в единоверческую церковь и «освятить нынешнее блудническое ложе»⁵⁰², были сосланы в Богословские заводы; еще двух непокорных женщин отправили в богадельню и тюрьму⁵⁰³. Насколько это было эффективным на территории, где старообрядческое население исчислялось десятками тысяч, показало дальнейшее развитие событий, когда «сводные» браки стали не особо афишируемой распространенной практикой, отчасти сдерживаемой угрозами наказаний.

Было бы не вполне верно настаивать на том, что Главный начальник горных заводов закрывал глаза на распространение бессвященнословных браков. В его распоряжении был штат горных исправников и сотников, которые отслеживали заключение «сводных» союзов в старообрядческой среде и рапортовали о каждом известном им случае, а также должны были принимать во внимание сообщения миссионеров⁵⁰⁴. Дальнейшие разбирательства по их сообщениям в 1850-х гг. передавались уездному суду, который решал присутствовало ли в событии «сворачивание в раскол» (если один из супругов принадлежал к единоверию или православию). Тогда родителей новобрачных со старообрядческой стороны следовало наказать за «сворачивание» единоверческого чада, а отцу и матери

⁵⁰⁰ Собрание постановлений по части раскола по ведомству святейшего Синода. СПб., 1860. Т. II. С. 380–384.

⁵⁰¹ Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала. С. 220.

⁵⁰² РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23064. Л. 3 (Узаконение «сводного» брака по определению пермского архиепископа Аркадия (Федорова)).

⁵⁰³ Голикова С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII – XIX веков. Демографические процессы и традиции. Екатеринбург, 2001. С. 43–46.

⁵⁰⁴ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2564. Л. 180–181 об., 184–187 об., 192–192 об., 206, 238–238 об., 242–242 об.

последнего могло грозить тюремное заключение за воспитание «в расколе», если они пытались апеллировать к своему старообрядческому происхождению⁵⁰⁵.

Контроль за брачностью староверов отразился на заполнении документов учета населения. При проведении 9-й ревизии в 1850 г. жены и дети старообрядцев-поповцев включались в состав семьи на основании полицейских свидетельств или записей в обывательских книгах, никаких иных доказательств не требовалось⁵⁰⁶. В 1853 г., для того чтобы придать новый импульс обращению в единоверие, было издано Высочайшее распоряжение о необходимости подтверждать семейное состояние в присутственных местах (например, при записи в гильдию) не только сведениями из ревизской сказки, но и метрическими свидетельствами (которые мало у кого имелись, поскольку ведение метрик беглыми священниками прекратилось почти полтора десятилетия назад после запретительных мер 1837 г.). Такое свидетельство можно было получить лишь в единоверческой или православной церквях после присоединения, влекущего признание заключенного «в раскольническом состоянии» брака и всех рожденных в нем детей. Однако, в сказках 10-й ревизии 1857–1858 гг. можно видеть, что члены семей опять вносились в документ вне зависимости от наличия или отсутствия у них метрик. Только дочери старообрядцев, вышедшие замуж между этими ревизиями, сопровождалась не вполне однозначными определениями: «женщина сводного брака», «сводная женщина», «сводная жена». Ревизские старосты могли детей от такого брака указывать в сказке вместе с обоими родителями (практика Екатеринбурга)⁵⁰⁷, а также могли в статусе незаконнорожденных приписывать к семье деда по материнской линии, как это делали в Шарташе⁵⁰⁸. Поэтому делать выводы о составе и структуре семьи старообрядцев по сказкам 9-й и 10-й ревизии необходимо с учетом этого обстоятельства. Например, большое количество детей

⁵⁰⁵ Уложение о наказаниях. Ст. 208. ПСЗ. 2-е собр. Т. XX. № 19283 (1845 г.). Применение наказания было остановлено выпущенным 25 янв. 1862 г. предписанием министра внутренних дел в котором разъяснялось, что эта статья касается только перешедших в православие иноверных подданных (ранее не бывших христианами). ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2564. Л. 240–241.

⁵⁰⁶ Собрание постановлений по части раскола. 1858. С. 537; С. 549.

⁵⁰⁷ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 315–316 (Скорняковы), 323–325 (Федотовы).

⁵⁰⁸ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1379. Л. 1 об.–2 (№ 1), 9 об.–10 (№ 14), 10 об.–11 (№ 15), 18 об.–19 (№ 38).

вне брака у старообрядцев в 1850-х гг. может свидетельствовать не столько о свободе нравов или опережающих темпах эмансипации, сколько об использовании властями своеобразной классификации брачного состояния староверов и их собственного понимания ситуации (насколько необходимо им было уточнять свой семейный статус).

Коллизии старообрядческого брачного рынка отразились в ревизии 1858 г. в виде явной диспропорции холостых. В главе 3 при рассмотрении персонального состава семей купеческого сословия и мещан было обращено внимание, что состоящих в супружестве старообрядцев среднего возраста совсем немного, хотя брачное состояние характерно для большинства населения этого возрастного диапазона и в значительно более позднее время⁵⁰⁹. Приведенные ниже результаты детального анализа по крупным возрастным группам совершеннолетнего населения подтверждает это наблюдение: среди купцов и цеховых мещан из старообрядческих, единоверческих или смешанных семей Екатеринбурга мы находим 47% (!) (50 чел.) никогда не вступавших в брак и 28%, (30 чел.) вдовых, не обретших пару повторно, в то время как у единоверцев и православных государственной церкви это соотношение существенно ниже: 19% (23 чел.) и 14% (17 чел.) соответственно (Таблица 4.1). Также можно видеть, что среди старообрядцев в возрасте 21–40 лет гораздо чаще встречаются мужчины и женщины в безбрачном состоянии, чем среди православных и единоверцев, каждый супружеский союз которых считался законным и не вызывал пристального внимания полиции, угрозы судебного разбирательства и наказания.

⁵⁰⁹ В Екатеринбурге в 1897 г. во время проведения Первой Всероссийской переписи в возрасте 20–29 лет вне брака оставались 57% мужчин и 40% женщин, а в 30–39 лет только 17–19% населения. См.: *Glavatskaya E. M., Borovik Iu. V. The Old Believers and their marriage in the early twentieth century Urals, Russia: a microdata analysis // Transylvanian Review. 2019. P. 120* (Табл. 3). Следовательно, сорока годами ранее этот показатель не может быть значительно выше, в то время как у екатеринбургских староверов мы находим в 1858 г среди 20–39-летних более 70% холостых и незамужних (см. об этом ниже). Диапазон 20–29 лет был временем, когда вступали в первый брак. У старообрядцев средний возраст первобрачных в начале XX в. 21,5 составлял 24,5 лет у мужчин и 21,5 у женщин и мало отличался от среднего брачного возраста у православных (Приложение 10).

Таблица 4.1. Брачный статус купцов и цеховых мещан Екатеринбурга из старообрядческих, единоверческих и смешанных семей по возрастам, 1857–1858 гг. (228 чел.*)

Возраст, лет	Единоверцы и православные (122 чел.)			Старообрядцы (106 чел.)		
	Холостые и незамужние	Состоящие в браке	Овдовевшие	Холостые и незамужние	Состоящие в браке	Овдовевшие
≤ 20	9	6	–	10	–	1
21–40	12	62	3	32	8	4
41–60	2	14	11	6	15	14
> 60	–	–	3	2	3	11
Всего, чел.	23	82	17	50	26	30
%	19	67	14	47	25	28

Источник: Ревизские сказки 1857–1858 гг. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775, 1776.

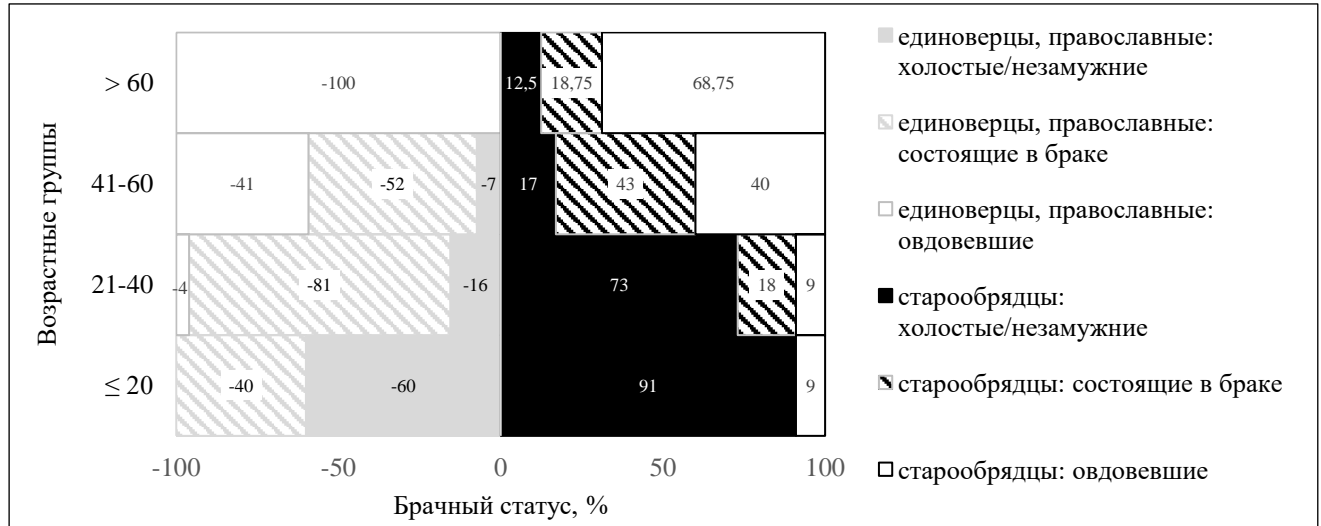
* Достигшие 16 лет и старше.

Пристальное внимание властей к «сводным» бракам и угроза преследований в середине XIX в. оказывали влияние на фиксацию семейного положения староверов города в возрасте 20–40 лет. На молодость живших в то время тридцати шести – сорокалетних как раз пришлось начало кампании 1838 г. против «бессвященнословных сожительств», преследований опасались и позднее поэтому именно у этих возрастных категорий наблюдаются более значительные отличия в брачном статусе по сравнению с единоверцами (Рисунок 4.1). Семейное положение тех, кто в 1858 г. был старше 40 лет (следовательно, их брак в большинстве случаев заключался до 1838 г.⁵¹⁰) являлось примерно таким же, как у прихожан государственной церкви, где основную массу составляют состоящие в супружестве и вдовы. Относительно молодежи, родившейся в 1830-х гг. и достигшей брачного возраста 20–25 лет к моменту 10-й ревизии, можно предполагать, что они в

⁵¹⁰ Возраст вступления в первый брак у православных, единоверцев и старообрядцев Екатеринбурга в начале XX в. имел незначительные отличия и в среднем составлял 23–24 года у мужчин и 20–21 у женщин (об этом см. далее). Возраст первобрачных в середине XIX в. не должен был быть выше этих значений (*Тольц М. С.* Брачность населения России в конце XIX – начале XX вв. // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР.* М., 1997. С. 139). Исходя из этого мы полагаем, что те, кто венчался за 20–24 года до 10-й ревизии еще не испытывали больших проблем с признанием законности их союза – он, как правило, был занесен в ведомости, подаваемые старообрядческими старшинами Горному начальнику.

большинстве показывались холостыми и незамужними так как их родители опасались преследований за устройство «сводного» брака.

Рисунок 4.1. Брачное состояние купцов и цеховых мещан Екатеринбурга из старообрядческих, единоверческих и смешанных семей по возрастам и в 1857–1858 гг., % (на основе данных о 228 чел. *)

Источник: Ревизские сказки 1857–1858 гг. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775, 1776.

Сумма всех разновидностей брачного статуса в каждой возрастной группе отдельно взятого религиозного направления составляет 100%.

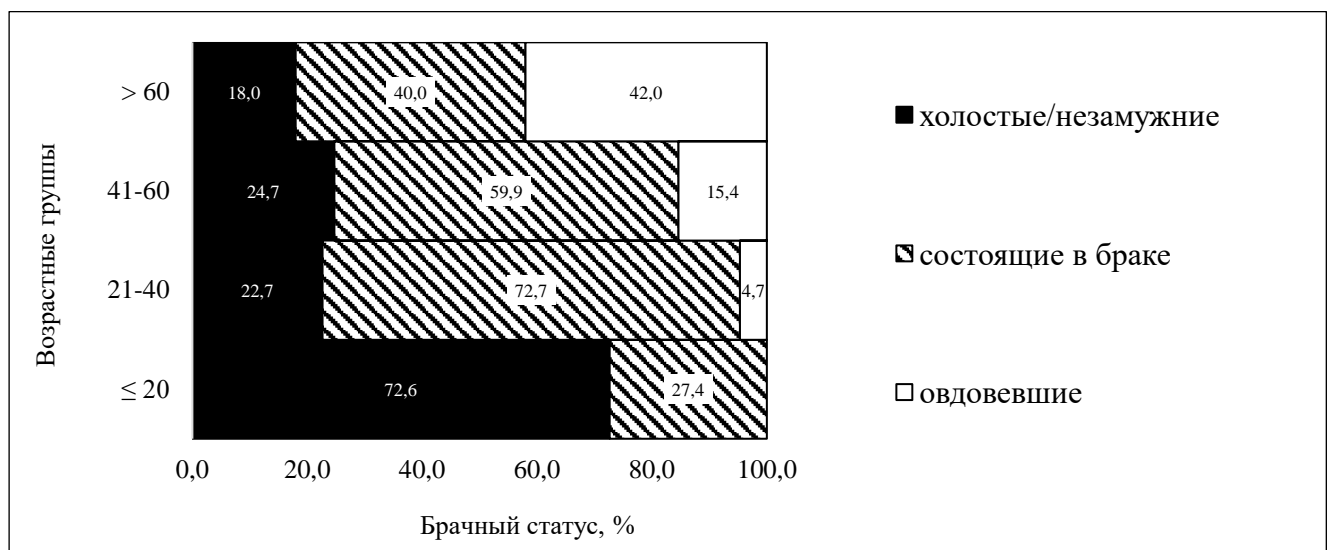
* Достигшие 16 лет и старше.

Поэтому даже если городские староверы молодого или среднего возрастов и находились в супружестве, благословленном родителями и наставником, то в ревизии это могло быть не отмечено. Затруднительно точно определить насколько велико было количество таких случаев, но они точно были. Например, при соединении номинативных данных 10-й ревизии с указателем городских жителей по переписи Екатеринбурга 1887 г. и старообрядческих метрик начала XX в. нашлись двое братьев Бабуриных – Лаврентий и Влас, часовенного согласия (см. Приложение 2 – список 1855 г.). На момент последней ревизии в ноябре 1857 г. им было 29 и 20 лет соответственно, и они первоначально заявили себя холостыми цеховыми мещанами Екатеринбурга. Оба брата якобы проживали в семье своего дяди-вдовца и его сына, последний вернулся из арестантских рот и уже полтора года не мог найти себе невесту. Единственной хозяйкой в этом доме была женщина, записанная сестрой домохозяина – «мещанская девка» Наталья, 58 лет. Позднее в ходе переписи выяснилось, что и Лаврентий, и Влас были главами собственных

семей – оба женились еще в 1856 г. Лаврентий взял в жены шарташскую крестьянку Веру Вахтееву Соколову⁵¹¹ и вскоре стал жить отдельно, с доходом от традиционного местного промысла – изготовления кожевенного, шубного и обувного товара для продажи которого у него и его жены имелось в городе три лавки. Его брат его Влас также вел торговлю изделиями из кожи и женился дважды. Во второй брак он счел возможным вступить уже будучи вдовцом в возрасте 72 лет и выйти за него согласилась 45-летняя девица Агриппина Силантьева из большой семьи кожевенников с. Шарташ, к тому времени частично уже перебравшейся на постоянное жительство в город (о них см. параграф 3.3).

В 1870-х гг. при отсутствии преследований за совершение «сводного» брака, соотношение холостых, состоящих в супружеских отношениях в средних возрастах у старообрядцев опять приближается к пропорциям, которые наблюдаются у православных и единоверцев (ср. левая часть рисунка 4.1 и рисунка 4.2).

Рисунок 4.2. Брачное состояние старообрядцев с. Шарташ в 1874 г., % (на основе данных о 588 чел.*)

Источник: Посемейный список с. Шарташ Екатеринбургской уезда Пермской губернии, 1874 г. ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1.

Сумма всех разновидностей брачного статуса в каждой возрастной группе отдельно взятого религиозного направления составляет 100%.

* Достигшие 16 лет и старше.

⁵¹¹ Брат Веры в 1880-х гг. жил в Екатеринбурге и также занимался продажей кожаной обуви и шуб. Торговля его располагалась по соседству с лавкой сестры на одном и том же рынке (см.: Город Екатеринбург. С. 601, 604). Поэтому не будет преувеличением сказать, что это матримониальное решение принималось в семьях, получавших в результате брака упрочение торгово-производственных взаимоотношений.

Пригородное селение Шарташ постоянно служило источником пополнения городского старообрядческого населения, там жили многие мещане⁵¹², а многие шарташские жители обитали и имели своё дело в самом городе поэтому полученные данные о брачности в определенной мере можно экстраполировать и на старообрядцев-мещан Екатеринбурга, тем более что во второй половине XIX – начале XX вв. мещане и крестьяне являлись большинством в городских общинах. По крайней мере, у нас нет оснований считать, что в городском и связанном с ним пригородном старообрядческих сообществах отношение к семье и браку сильно отличалось и радикализировалось, как это можно было бы предположить из-за большого количества холостых и незамужних по 10-й ревизии.

Часть старообрядческого купечества, вынесшее из периода николаевского царствования опасение давления из-за вероисповедания, в последующем старалось минимизировать возможные претензии со стороны властей. При этом им важно было оставаться в лоне своего круга семейно-конфессиональных связей, поскольку сложившиеся доверительные отношения часто являлись гарантией надежности при проведении торговых и промысловых операций, а также ресурсом для решения проблем частного характера. Неизвестно, когда вступали в брак упомянутые в главе 2 купцы А. М. Соколов и Е. П. Суслов – далеко не последние фигуры в городском старообрядческом сообществе. В 1858 г. первый из них значится холостым, в 1884 г. он назван зятем местного попечителя-старообрядца И. С. Тарасова, а в списке купцов в 1887 г. указан без жены, но с сыном Степаном. Суслов в этом же списке идет с дочерью Анной, не вдовцом и тоже без жены (хотя, предположительно, его супругой являлась дочь единоверца Аникия Терентьевича Рязанова Надежда и на момент однодневной городской переписи 1887 г. она была жива). Судя по возрасту их детей, превышавшем 17 лет, можно предположить, что оба вступили в брак в 1860-х гг., когда преследования за «свод» стали уходить в

⁵¹² После 1861 г. большинство шарташцев перешло в екатеринбургское мещанство. К 1883 г. в селе проживало 866 мещан, 802 крестьянина, 9 представителей купеческого звания и 3 – из духовного сословия (*С[морозинцев Н.] Шарташ // Екатеринбургская неделя. 1884. № 31. С. 534*).

прошлое, но легализация старообрядческой семьи только начала обсуждаться в правительственных кругах⁵¹³. Во втором случае, с Суловыми – Рязановыми оставалось много вопросов даже после закона 1874 г. ведь он не касался смешанных союзов. Они по-прежнему, могли быть заключены только при условии присоединения к православному или единоверческому приходу под контролем Синода.

Отношение властей к старообрядческому «сводному» браку как недействительному влияло и на количество детей, отмечаемых в качестве незаконнорожденных в 1840–1850-х гг. В ведомостях екатеринбургского горного исправника среди родившихся в семьях местных непременных рабочих, урочнорабочих и мещан в начале 1850-х гг. 80% младенцев значатся внебрачными⁵¹⁴. Начиная с рубежа 1850–1860-х гг., отрицание законности потомства староверов от подобных союзов постепенно стало уходить в прошлое и уступать место признанию сначала *de facto*, а с 1874 г. *de jure*. В посемейных списках той же местности, составленных в 1874 г. для учета призывников, совсем нет детей в возрасте до 8 лет, которые бы были отнесены к внебрачным, в подростковом возрасте есть лишь двое, а остальные 9 встречаются только среди старших, родившихся как раз в 1850–1858 гг.

В 1907–1919 гг. среди 906 новорожденных екатеринбургских старообрядцев, о которых можно сказать определенно, что они появились в полной семье или у незамужней матери, лишь 8,5% (71 чел.) обозначены как внебрачные дети. Крещения 2/3 внебрачных детей были совершены в двух городских часовнях и 1/3 – в церкви белокрыницкого согласия⁵¹⁵.

⁵¹³ Детальный анализ законодательных изменений и дискуссий в правящих кругах относительного правового положения староверов, а также анализ изданных впоследствии законодательных актов см.: *Старухин Н. А.* Сибирские общества белокрыницких староверов во второй половине XIX – начале XX вв. Новосибирск, 2015. С. 44–69; в том числе о семье: Там же. С. 53.

⁵¹⁴ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. Д. 2474 (1852 г., из 25 родившихся 19 вне брака и 1 подкидыш); Д. 2482 (1854 г. из 16 – 9 внебрачных).

⁵¹⁵ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 91, 95, 113, 115, 117, 175, 178, 179, 183, 206, 208, 227, 230, 253, 257, 282, 284, 285, 287, 307, 331, 334, 366, 367 (метрические книги о родившихся старообрядцах Екатеринбурга 1907–1925 гг.).

Это соотношение может указывать, с одной стороны, на большую терпимость к внебрачной рождаемости в часовенном согласии, появившейся, предположительно, в результате распространения «сводных» браков. Принятие «сводного» брака изначально было не всеми и не везде одинаковым. В Шарташе часть старообрядцев была недовольна распространением брачного нововведения и, видимо, не оставляла надежду в будущем решить проблему старообрядческого священства для узаконения брака⁵¹⁶. Однако уже в 1840-х гг. многие шарташцы и екатеринбуржцы вынуждены были заключать брак в форме родительского благословения с молитвословием наставника. О старообрядческих парах, которые решились в 10-ю ревизию заявить об этом уже упоминалось в главе 2. Судя по возрасту их старших детей, в 1843–1847 гг. такой альянс екатеринбургскими старообрядцами уже считался действительным. Поэтому можно сказать, что в первой половине – середине 1840-х гг. в Екатеринбурге, состоялось признание (хотя и не без некоторых сомнений) бессвященнических браков, основывавшихся лишь на согласии отца, матери и санкционированных религиозной общиной.

У такого брака по соглашению, не признанного властями и не освященного в церкви и потому даже для самих верующих являвшегося сомнительным⁵¹⁷ (ведь наставников и сами старообрядцы считали мирянами, которые «по нужде» выполняют обряды, но не священнодействуют), была обратная сторона: он мог быть прекращен в любое время. Примеры, относящиеся к 1870–1880-х гг., хотя не из Екатеринбурга, а из Шарташа, заводских поселков и зауральских деревень, время от времени попадали на страницы местной прессы, упоминались в мемуарах во второй половине XIX в.⁵¹⁸ «Между “беспоповцами” практиковались так называемые гражданские браки, т. е. без венчания в церкви; законом они, однако, не признавались и могли быть расторгнуты. Поэтому отец с матерью обвенчались

⁵¹⁶ Палладий (Пьянков). Обзорение пермского раскола. С. 116–117.

⁵¹⁷ Сомнения были актуальны и в начале XX в., поскольку вопрос о законности бессвященнословного брака был вынесен в 1911 г. на обсуждение всероссийского съезда часовенного согласия.

⁵¹⁸ Кочнев П. Ф. Жизнь на Большой реке: записки сибирского приказчика / Ред. Т. С. Мамсик, А. К. Кириллов. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. С. 28. Речь идет о г. Тюмени 1848 г., невеста из беспоповцев.

в церкви, чтобы брак был крепче и надежнее. Сначала родители матери на неё осердились, но потом простили и даже помогли молодым устроить своё хозяйство». Нестабильность старообрядческого брака отмечали миссионеры: «Когда брак не внесен в метрическую книгу, то сожителство может быть прервано в любое время каждым из супругов. Таким образом, раскольники мужчины «женятся» по несколько раз, а затем берут себе «законную жену», т. е. женятся уже по обрядам православной церкви». Им вторили знатоки местного «раскола»: «Старообрядец, поженившись «по-своему» (по благословенью), лет пять наслаждается супружеской жизнью. Как на грех, этому старообрядцу приглянулась девушка, и он отпускает свою сожительницу на все четыре стороны, присоединяется к православию и вступает в законный брак... Подобного сорта личности, отстав от одного берега (их уже в свою среду не принимают старообрядцы), не остаются навсегда и у другого...»⁵¹⁹.

Позднее, упоминания подобных случаев использовались как аргумент в старообрядческих дискуссиях об общинах и пользе метрических записей в начале XX в. Для жителей города с более мобильным и разнообразным окружением дополнительное свидетельство о браке представлялось необходимым: «Браки, где нет [признанных властями] общин, не регистрируются, т. е. не записываются. Для человека безнравственного бросить жену и взять другую – ничего не стоит» – убеждали екатеринбуржцы своих оппонентов-«противообщинников»⁵²⁰.

В своих призывах начала XX в. рассматривать метрики как удобное средство узаконения брака и семейного состояния, они не всегда встречали поддержку крестьянских общин, где главы семей считали достаточным постоянный и пристальный контроль со стороны сельского общества своей веры. Если супруги расходились, то возникавшие коллизии и репутационные потери не имели большого влияния ни на хозяйственную жизнь их родителей, ни самой религиозной общины. Горожане, особенно состоятельные, напротив, были озабочены судьбой

⁵¹⁹ Борисов Н. И. О браках раскольников // Екатеринбургская неделя. 1895. № 24. С. 488–489; (С[мородинцев Н.] Шарташ // Екатеринбургская неделя. 1884. № 31. С. 534).

⁵²⁰ [Заплатин С. З. Доклад об общинах] // Труды Первого Всероссийского съезда старообрядцев не имеющих священства (часовенных) в Екатеринбурге. С. 40.

передаваемого наследства и приданного. Еще в 1850 – начале 1870-х гг. в Екатеринбурге, в условиях непризнанности старообрядческих браков, заметной женской смертности в детородном возрасте⁵²¹ и довольно высоких рисков финансового краха в деловых операциях, купцы пользовались возможностью наделять своих замужних дочерей и внуков приданым и правами на недвижимость, сохраняя таким образом их долю наследства от растраты и претензий со стороны кредиторов зятя. Например, наследники уже упоминавшейся выше Надежды Аникиевны Рязановой (в замужестве Сусловой) владели 2-х этажным особняком напротив единоверческой Троицкой церкви, независимо от своего отца⁵²². Альянс Михаила Бородина – старшего сына купца В. М. Бородина⁵²³ со старшей дочерью главного попечителя екатеринбургских часовенных золотопромышленника С. Л. Тарасова – Елизаветой был устроен их родителями, предположительно в конце 1850-х гг. За каждым из супругов в отдельности было закреплено имущественное право на собственные городские усадьбы, которое они потом передали своим детям. От Елизаветы две их дочери Екатерина и Анна унаследовали каменный двухэтажный дом с мезонином в квартале Успенской старообрядческой часовни, а от Михаила наследникам достались расположенные неподалеку полукаменный дом и две деревянных избы⁵²⁴. Возможно, в обоих случаях определенную роль играл не статус непризнанного брака (это как раз можно было исправить формальным присоединением к единоверию), а то место, которое жених занимал в сословной иерархии: прежде ни Сусловы, ни Бородины, в отличие от Рязановых и Тарасовых, не входили в круг торгово-промысловой верхушки города и, похоже, для них установление связей через такой брак и кооперация с новыми родственниками могли стать ресурсом для ведения дел.

В случае с более-менее равными в сословном и имущественном отношении представителями старообрядчества подобные случаи обнаружить затруднительно. В 1861 г. заключение брака Ефима Севастьянова Черных и Екатерины Гордеевой

⁵²¹ Голикова С. В. Семья горнозаводского Урала. С. 111–113.

⁵²² Город Екатеринбург. С. 303, 392, 558.

⁵²³ См. Приложение 5 (Бородины).

⁵²⁴ Город Екатеринбург. С. 316–317.

Щербаковой – детей торгующих екатеринбургских мещан не сопровождалось перераспределением собственности⁵²⁵. В дальнейшем обе семьи постепенно «поднимались» и к концу столетия достигли весьма влиятельных и уважаемых позиций в старообрядческом обществе и предпринимательских кругах – Черных в Шарташе, а Щербаковы в Екатеринбурге (см. главу 3).

Как уже отмечалось, до издания в 1874 г. правил о возможности записывать старообрядческий брак в метрики при полиции, а также до легализации старообрядческих храмов и духовных лиц в 1883 г. основным способом получить документальное подтверждение законнорожденности и прав наследования, являлось присоединение к синодальному приходу. Можно определить динамику востребованности у старообрядцев этого варианта до и после 1880-х гг. Тюменским собором 1840 г., Екатеринбургскими 1884 и 1887 гг., а также Рамыльским 1890 г.⁵²⁶ не было сформулировано четко выраженного запрета на обращение за исполнением таинств в «еретические» церкви. Соборы вынуждены были признавать наличие такой практики по причине «гонения, или по другой вине»⁵²⁷, за которую для тех, кто «волею отступил от православныя веры в какую-либо ересь» устанавливалась трехгодичная епитимья, такая же как ранее полагалась за обращение к священникам с «обливательным примесом»⁵²⁸. До 10-й ревизии подобных присоединений ради брака к православной и единоверческой церкви было достаточно много. Представленные в рис. 4.2 и 4.3 процентные соотношения имеют на уровне семьи еще одно измерение: в рассмотренном корпусе из 65-ти семейств екатеринбургских купцов и цеховых мещан – старообрядцев и единоверцев, было всего 3 старообрядческих супружеских пары, но 21 – единоверческая⁵²⁹.

⁵²⁵ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2564. Л. 192–192 об.; Город Екатеринбург. С. 265.

⁵²⁶ Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 1. Новосибирск, 1999. С. 348, 353, 356–358.

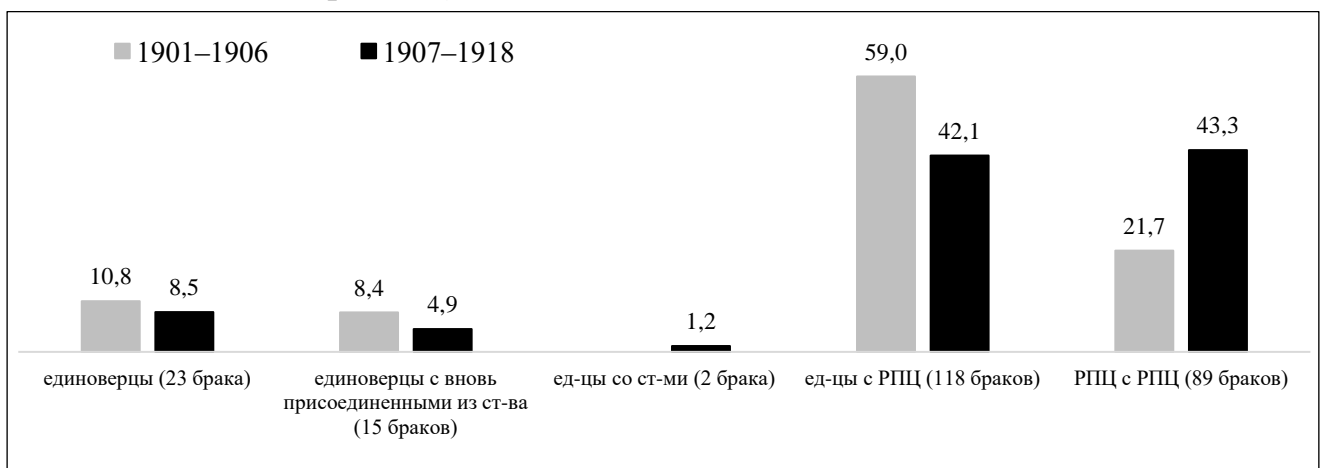
⁵²⁷ Там же. С. 336–338.

⁵²⁸ Т. е. крещенных в форме обливания, а не погружения или поставленных в сан епископом-«обливанцем». Старообрядцы считали правильным вариант крещения с погружением.

⁵²⁹ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775, 1776.

В дальнейшем в Екатеринбурге присоединения к единоверию или православию перед браком тоже происходили, однако доля их по мере упрочения правового положения староверов снижалась и в последние годы империи была совсем незначительна. Среди 17 тыс. женихов и невест, повенчанных в православных приходах Екатеринбурга 1880–1910-е гг. только 16 новобрачных (0,09% бракосочетавшихся) – указаны как бывшие старообрядцы⁵³⁰. Конечно, какая-то часть присоединенных староверов в записях о бракосочетавшихся могла называться уже православными, но обращение к разделу, в котором аккумулировались данные о перешедших в лоно государственной церкви не особенно меняет картину. За последние 40 лет империи их насчитывалось в двух из пяти городских приходов всего 102 человека, т. е. присоединялось 1–2 человека в каждой из церквей ежегодно⁵³¹. Даже в единоверческом Троицком приходе Екатеринбурга, который в середине XIX в. можно было назвать «личиной» для прикрытия «раскола», в начале XX в. браки со старообрядцами и присоединившимися составляют явное меньшинство (Рисунок 4.3)⁵³².

Рисунок 4.3. «Смешанные» браки в Троицком единоверческом приходе Екатеринбурга до и после легализации старообрядческих общин (на основе 247 записей о 494 новобрачных), %

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 22, 65, 165.

Совокупность случаев в рамках одного периода составляет 100%.

⁵³⁰ Угарр: База данных о 8520 бракосочетавшихся парах в Вознесенском, Богоявленском, Екатеринбургском, Свято-Духовском приходах в 1880–1919 гг.

⁵³¹ Угарр: База данных о 14002 родившихся и присоединенных Екатеринбурга в Вознесенском (1889–1918 гг.) и в Богоявленском приходах (1880–1919 гг.).

⁵³² Подробнее см.: Палкин А., Боровик Ю. Брачные стратегии в единоверческой общине Екатеринбурга в начале XX в. // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 4. (в печати).

В старообрядческих обществах требование принадлежности супругов к одной вере поддерживалось и распространялось даже на представителей родственного согласия, хотя степень взыскательности варьировалась. В белокрыницком храме перед алтарем в начале XX в. вполне могла оказаться «смешанная» пара, но говорить о том, что их свадьбы были распространенным явлением, было бы не вполне точно. В то же время в молитвенном доме часовенных не было заключено ни одного брака с представителем другого согласия или религиозной деноминации⁵³³.

Присоединение потенциальных новобрачных в обоих согласиях было произведено только трижды⁵³⁴. В 1908 г. состоялось довольно знаменательное присоединение: внучка яростного противника священства, ушедшего в конце жизни в нижнетагильский скит В. М. Бородина – Ольга Александровна с мужем – оренбургским купцом Иваном Тухтиным и их тремя совместными детьми перешла из часовенного согласия в белокрыницкое 27 июля 1908 г. Это произошло вскоре после того как вернулся из своей второй поездки в Константинополь екатеринбургский купец Флегонт Малиновцев, еще раз подтвердивший, что он там нашел свидетельства «истинности» белокрыницкого священства⁵³⁵. Он давно и активно продвигал среди в приходах часовенных идею присоединения к белокрыницкому согласию. По всей видимости, Тухтины – Бородины, были теми, кто разделял мнение Малиновцева. Они самостоятельно приняли решение о переходе, подав пример остальным. Между двумя общинами вновь начались дебаты, приехали начетчики с обеих сторон. Часовенные созвали 21 сентября 1908 г. собор представителей Пермской, Тобольской, Уфимской и Оренбургской губерний, который наотрез отказался следовать призывам, примерам и в очередной

⁵³³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 93, 96, 97, 118, 140, 177, 181, 185, 229, 256, 283, 289, 336, 356, 357 (метрические книги о родившихся старообрядцах Екатеринбурга 1907–1925 гг.).

⁵³⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 97. Л. 13 об.–14 (Запись № 5); Д. 334. Л. 12 об.–13 (Запись 24); Д. 336. Л. 2 об.–4 (Запись № 4).

⁵³⁵ Малиновцев Ф. А. Новое исследование о белокрыницком митрополите Амвросии // Церковь. 1908. № 27. С. 931–933; № 28. С. 975–977; № 29. С. 999–1001; № 30. С. 1031–1033.

раз решил, что «австрийская» иерархия не канонична⁵³⁶. Фиаско с массовым присоединением не остановила самого Малиновцев: он и еще один оренбургский купец В. В. Кукин⁵³⁷ стали посещать «австрийскую» церковь. Никакими дополнительными обрядами и записями это событие не сопровождалось.

В апреле 1909 г. к белокриницкому согласию присоединились работающие в городе крестьяне-часовенные: 20-летний Фирс Южак из Башкарской волости Верхотурского уезда и 19-летняя Елена Борохнина из Невьянского завода. До этого они больше года прожили в «сводном» браке, посещали Никольскую часовню, крестили там в апреле 1908 г. свою первую дочь Зою. В возрасте 3,5 месяцев она умерла, а еще через 9 месяцев супруги признали истинной старообрядческую белокриницкую иерархию и были повенчаны её священником. Очевидно, их прежнее бракосочетание, произведенное наставником, с точки зрения белокриницкого иерея, было не действительным. История этой пары важна, потому что показывает, как воплощались на практике стратегии каждого из старообрядческих согласий по собиранию паствы и установлению конфессиональных границ: брак был для этого одним из наиболее действенных инструментов.

Еще одно присоединение произошло 21 октября 1917 г. в Успенской часовне. Через два дня новообращенный прихожанин – галицийский крестьянин-поляк, предположительно попавший на Урал в числе австро-венгерских военнопленных Иван Кулик, 31 года от роду, женился на 19-летней крестьянке Васильево-Шайтанского завода Анисье Нарбутовских из потомков поляков, осевших на Урале в процессе горнозаводского строительства еще в XVIII в.⁵³⁸ Иная этническая принадлежность, иностранное подданство и латиноязычная грамотность уже не

⁵³⁶ Екатеринбург // Церковь. 1908. № 36. С. 1231; Съезд старообрядцев часовенных // Церковь. 1908. № 40. С. 1366–1367; По поводу собрания старообрядцев в Екатеринбурге // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1908. № 39. Неофиц. отд. С. 685–686.

⁵³⁷ Слово Церкви. 1916. № 40. С. 822.

⁵³⁸ Трусов В. А. О Василии Демидове и строительстве Шайтанского завода // Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 19–20 ноября 2015 года, Соликамский государственный педагогический институт / Сост. Г. А. Лебедева, В. В. Дементьева. Соликамск: СГПИ, 2015. С. 42.

являлись препятствием к тому чтобы после обряда присоединения считать жениха входящим в круг «своих». Затруднительно точно определить, где на момент знакомства находилась будущая невеста, поскольку в метрической записи о браке про неё указано только место приписки, а о жительстве нет никаких данных. Возможно, она работала в Екатеринбурге – о нескольких заводских девицах, нанятых прислужой в городских домах встречаются упоминания⁵³⁹. Жених местом проживания указал Екатеринбург. В истории этой пары сыграли роль не только конфессиональный, но и этнический, а также миграционный факторы (в его случае – принудительное перемещение со всеми сопутствующими трудностями и вариантами выживания, среди которых брак с местной жительницей был вполне приемлемым выходом)⁵⁴⁰. Выбору старообрядческой часовни как места присоединения и бракосочетания могли в их случае способствовать условия проведения обряда (у часовенных можно было договориться о небольшой плате за обряд), а также то, что наставник этой часовни уже был знаком с семьей невесты, поскольку пятью месяцами ранее он совершил брак её сестры Марии Нарбутовской с местным крестьянином Злоказовым.

На основании данных о 165 браках в рассматриваемых трех екатеринбургских старообрядческих общинах за период 1907–1918 гг., смешанные семейные союзы составляли среди них лишь 3–4%. В основном они заключались в белокриницком приходе. Круг вариаций при этом был совсем узкий: предпочтение отдавалось прихожанам официальной православной церкви или староверам-часовенным, в него не входили даже единоверцы. Чрезвычайно жесткие требования к тому, чтобы оба супруга принадлежали к одному согласию, могли создавать препятствия для

⁵³⁹ Напр., женщины из заводских семей, пришедшие в город и работавшие прислужой, указаны в качестве родственников или знакомых родившихся и умерших староверов часовенного согласия: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 94. Л. 1 об.–2 (Запись № 4); Л. 2 об.–3 (Запись № 13); Д. 95. Л. 1 об.–2 (Запись № 1: Бочкарева Пелагея из Шайтанского завода); Л. 2 об.–3 (Запись № 14); Д. 113. Л. 3 об.–4 (Запись № 5); Д. 114. Л. 3 об.–4 (Запись № 7); Л. 6 об.–7 (Запись № 20: Крохина Варвара из Шайтанского завода).

⁵⁴⁰ Подробнее см.: *Суржикова Н. В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014; *Ее же.* «Теперь за мужей пошли в моду австрийцы...»: плен, любовь и мораль в российской провинции 1914–1917 гг.» // *Родина.* 2014. № 8. С. 137–138; *Glavatskaya E. M., Borovik Iu. V.* The Old Believers and their marriage in the early twentieth century Urals, Russia: a microdata analysis // *Transylvanian Review.* 2019. P. 112–130.

признания смешанных браков и крещения детей в таких семьях как законнорожденных (при изучении рождаемости на это следует обращать внимание).

Вышеприведенные данные дают основания для следующих выводов:

1. Данные ревизий и полицейского учета 1850-х г. не обладают полной репрезентативностью о семейном состоянии городских старообрядцев среднего возраста и дают искаженное представление о преобладании у них безбрачных тенденций. Последнее обстоятельство вызвано длительным предшествующим правительственным курсом борьбы с «расколом», значительно ограничившим права староверов, в том числе в заключении браков между собой и поставившим рожденных в «сводных» браках детей вне закона. Анализ посемейных списков 1874 г., составленный на основе ревизий в более лояльный к староверию период, а также истории городских старообрядческих семей не подтверждают «безбрачную» тенденцию и показывают, что отношение к браку у старообрядцев Екатеринбурга, как часовенных, так и «австрийцев» не имеет значительных отличий по сравнению с православным населением.

2. Вариант присоединения к единоверию или православию для легализации семейного состояния утрачивал актуальность по мере упрочения правового положения старообрядцев. Преодоление нестабильности «сводного» брака было наиболее актуально для купечества и торгово-промышленных слоев мещанства.

3. Первоочередное значение для признания законности брака самими старообрядцами города в начале XX в. по-прежнему имеет конфессиональная гомогенность супружеской четы.

4.2. Типология старообрядческих семей

В исследованиях по европейской части России и Западной Сибири старообрядческая семья связывается с большей многолюдностью и более сложной структурой по сравнению с основной частью населения⁵⁴¹. Ниже приводятся результаты анализа типов семьи староверов в различных сословных группах крупного провинциального административного торгового городского центра, каковым Екатеринбург был во время 10-й ревизии.

В это время преобладающим типом семьи у связанного со староверием купечества Екатеринбурга является простая нуклеарная семья (53,2% всех семей старообрядцев и единоверцев⁵⁴²) и значительная доля приходится на одиноких (25,5%), таблица 4.2. В составе простой семьи на тот момент проживала почти половина не только купцов-староверов (53,8%), но и все остальные, причисленные к екатеринбургскому купечеству (45,4%). Эта тенденция является общей для всего сословия, вне зависимости от исповедания.

Таблица 4.2. Структура купеческих семей Екатеринбурга по 10-й ревизии

Тип семейной структуры	Старообрядцы, единоверцы и их смешанные семьи		Купеческие семьи остальных вероисповеданий*		Все вместе	
	Семьи	Доля проживающих в данном типе семьи	Семьи	Доля проживающих в данном типе семьи	Семьи	Доля проживающих в данном типе семьи
1. Одинокие	25,5	6,9	9,5	2,1	15,3	3,6
2. Группа родственников, не образующая семейную пару	6,4	5,8**	2,4	1,0	3,8	2,5
3. Нуклеарная	53,2	53,8***	59,5	45,4	57,3	48,0
4. Расширенная	8,5	16,2	7,1	8,1	7,6	10,6
5. Мультифокальная (большая составная)	6,4	17,3	21,4	43,3	16,0	35,2
Всего, %	100	100	100	100	100	100
N	47	173	84	381	131	554

⁵⁴¹ Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири. С. 289–290; Араловец Н. А. Городская семья европейской России на рубеже XIX–XX в.: тип и величина // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган: Курганский дом печати, 2015. С. 307.

⁵⁴² Насаждение единоверия привело к появлению в 1840–1850-х гг. заметного количества единоверческо-старообрядческих семей, поэтому в расчетах оба эти направления объединены.

Источник: Ревизия 1857–1858 гг., Екатеринбург. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1755. Л. 1–397 об.

* – 29 православных семей (166 чел.), 1 лютеранская (8 чел.), 2 католических (6 чел.), о 52 нет данных (201 чел.).

** – в том числе 4 мещан (мать, сестра, брат).

*** – в том числе 1 мещанин (несовершеннолетний сын).

Отличия наблюдаются среди одиноких – у старообрядцев их гораздо больше, чем у остальных. Это объяснимо, поскольку на данных 10-й ревизии, как уже отмечалось, отразились результаты правительственной политики по борьбе с «расколом» и насаждению единоверия, в результате немногие купцы, за исключением вдовых, давно состоящих в браке или совсем молодых, декларировали приверженность к «древлему благочестию». Кроме того, при анализе структуры семьи «одинокый» статус не следует понимать буквально и вот почему. В купечество мещане старались записать сыновей, чтобы избавить их от рекрутской повинности⁵⁴³ и старообрядческо-единоверческое общество, еще сохранявшее на тот момент родственно-конфессиональные и деловые связи, зачастую могло в этом помочь им и родителям при уплате процентов с указанного капитала, тем более, что такая практика существовала и у православных⁵⁴⁴. Это обстоятельство также увеличивало число «семей», состоящих из одного человека, хотя вклад этого фактора вряд ли был очень весомым. Формально купцов-одиночек младше 25 лет в ревизии зафиксировано всего трое. Первый – Александр Соколов в 1855 г. в «Ведомость о раскольниках» Екатеринбурга внесен как старший из пятерых братьев-мещан, так что, скорее всего, и три года спустя он в купеческом звании жил в составе мещанской семьи. Двое других – единоверцы Африкан Харитонов и Иван Яринских, происходили из старообрядческих семей, имели в городе многочисленную родню, в составе которой они проживали в предыдущую ревизию. Еще в паре случаев прямо в сказку купца вписывались члены его семьи – мать, брат, сестра из другого сословия с пометой «числятся в мещанах»⁵⁴⁵. У почти всех купцов и купеческих вдов более старшего возраста (Константин Харитонов,

⁵⁴³ Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Часть 1. СПб.: тип. Ф. Петерсона, 1864. С. 353.

⁵⁴⁴ Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания. С. 69, 97.

⁵⁴⁵ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1755. Л. 94–96.

Александр Полузадов, Мария Зотова, Вера и Мария Баландины, Анна Блохина) в Екатеринбурге и округе жило немало именитых родственников, так что есть больше сомнения в том, что они на самом деле имели одиночное хозяйство.

Мультифокальные (составные семьи из двух и более супружеских пар) являются заметным типом не у купцов-старообрядцев, а у православных и немногочисленных «иных исповеданий» (их число и доля приводятся при рассмотрении сословного состава в главе 2): такие семьи у последних приходится составлять 21,4% и живет в них 43,3% принадлежащих к данному сословию, в то время как у имеющих отношение к староверию – 6,4 и 17,3% (Таблица 4.5).

По всей видимости, это означает, что для старообрядческого купечества не было актуальным или возможным поддерживать в городских условиях большую составную семью. Все три мультифокальные семейства, которые среди них обнаружены являются смешанными в религиозном отношении и лишь по приписке могут быть отнесены к екатеринбургскому купечеству. Многочисленный клан братьев Подвинцевых (15 человек, 2 поколения, 2 супружеские пары) состоял из женатых единоверцев Акинфа и Филиппа Ермолаевичей и остальных старообрядцев – семерых совершеннолетних, но холостых братьев и незамужних сестер. Семья постоянно проживала не в Екатеринбурге, а в Невьянском заводе и была связана с заводским производством и торговлей (сундуки, чай, сахар)⁵⁴⁶. Именно оттуда один из братьев Акинфа и Филиппа – Гавриил Ермолаевич Подвинцев, впоследствии ставший попечителем самой большой старообрядческой часовни в заводском поселке, отправился в путешествие по Европе.

Единовец, купец 3-й гильдии Василий Григорьев Пшеничников с супругой не отделял своего старшего сына, женившегося в Енисейске на православной. Всего в семье на две супружеские пары было 7 человек, трех поколений. Сын был занят на сибирских золотых промыслах около села Усть-Тунгусского, приписку сохранял екатеринбургскую, но, видимо, на Урале появлялся не часто⁵⁴⁷. Примерно

⁵⁴⁶ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 508. Л. 528; Д. 1775. Л. 346–347.

⁵⁴⁷ Там же. Д. 1775. Л. 267–268.

такая же ситуация была в единоверческом семействе Андрея Афанасьева Коробкова (2 пары, 8 человек, 2 поколения), который со своей 3-й женой и детьми был приписан к 3-й гильдии екатеринбургского купечества и продолжал указывать в составе своей семьи только что женившегося 17-летнего сына Федора, пребывающего по делам отца в Томской губернии. Венчание его состоялось в Сибири, в походной церкви в пределах Енисейского уезда⁵⁴⁸. Так что в самом Екатеринбурге никто из этих Коробковых мог и не жить.

Количество поколений в семьях старообрядческо-единоверческой группы приписанных к торговым гильдиям в 24 случаях не превышало двух (родители и дети), в 16 случаях было ограничено одним (одинокие холостые, вдовы, братья и сестры) и только дважды увеличивалось до трех (вдовы с семьей старшего сына и внуками). Семей, объединяющих более чем три поколения, не встречалось. На фоне остального сословия незначительность доли многопоколенных семей у купечества, связанного со староверием в середине XIX в. выделяется весьма заметно: две трехпоколенные семьи из 47 старообрядческо-единоверческих (4,3%) и 13 из 84 всех остальных вероисповеданий (15,5%). Поскольку у старообрядцев была проблема с заключением брака и их признанием, представляется вполне возможным, что именно это обстоятельство оказало влияние на создание (легализацию) новых супружеских пар в лоне уже существовавших семей и появления третьего, самого младшего поколения. Однако, то что среди остальных купцов уральского города горнозаводской зоны многопоколенные семьи составляют лишь 15,5%, а на мультифокальные приходится всего 21% говорит об уменьшении сложных семей у всего сословия. Тенденция развития старообрядческих семей шла в этом же направлении, только ей активно «помогали» еще и внешние ограничения правового характера.

Семейства старообрядцев, согласно полученным данным, не были значительно крупнее, чем у остального купечества: чаще всего они состояли из 1–5, 7 человек. На долю семей таких размеров приходилось 72% состава старообрядческих фамилий, входивших в гильдии. У остальных купцов одинокими значилось меньше людей и

⁵⁴⁸ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 295–297.

распространенными были семьи по 2–4, 7 человек (47%). Многолюдностью в 14–16, 20 человек отличались отдельные семейства, встречающиеся лишь единожды у православных. Самой крупной среди всего купечества города была составная отцовская семья православного 70-летнего Ивана Дмитриева Фаддеева, приписанного к 3-й гильдии. Семейство состояло из 3 поколений и объединяло 20 человек – 4 супружеские пары, включая его с женой и троих сыновей у которых уже появились дети. Кроме того, с ними жила вдовая невестка с сыном и дочерью и еще трое холостых совершеннолетних детей домохозяина⁵⁴⁹. Заметим, что при небольшом числе анализируемых данных присутствие 4–5 таких семейных коллективов заметно влияло на среднюю численность семьи: у старообрядческо-единоверческой группы купцов он был равен 3,7 чел., а у православных 4,5 чел., у всех вместе – 4,2.

В итоге купечество Екатеринбурга, в том числе старообрядческое, уже в середине XIX в. не являлось хранителем многочисленной многопоколенной составной семьи.

Несколько иначе обстояло дело у цеховых мещан города. Старообрядцы и единоверцы среди них составляли примерно 1/5 часть⁵⁵⁰. Так же, как и в случае с купечеством, одинокие выделяются по удельному весу в типах семьи (Рисунки 4.5, 4.6). Только здесь это вдовы и вдовцы, молодых нет, но возраст мужчин – 41–50 лет, вполне подходил для повторного супружества. Во время переписи один из них, 43-летний Василий Грязных как раз сделал ревизскому старосте заявление о недавно состоявшемся своем «сводном» браке с мещанкой Настасьей Свининниковой⁵⁵¹. О еще двоих есть сомнения, что это семьи одиночек – Дий Яблонцов 50-ти лет и Прасковья Золотавина 69-ти лет имели приписку к цеху, но жили при этом в близлежащих селениях Шарташе и Сарапулке, возможно, с родственниками – торгующими и промысловыми крестьянами.

⁵⁴⁹ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1776. Л. 350–351.

⁵⁵⁰ 23 старообрядческих семьи цеховых мещан – объем не вполне достаточный для точных выводов относительно распространенности разных типов семьи. Однако, поскольку это максимум возможных данных по старообрядцам в этой страте, основное внимание далее сосредоточено только на самом заметном явлении – мультифокальных семьях, их численности, составе.

⁵⁵¹ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1776. Л. 357–358.

Производственные потребности ремесленников обычно требовали привлечения усилий членов семьи и минимизации затрат, возможно, поэтому у данной страты в целом, при существенной доле простых семей (29,5%) сохранялись расширенные и составные семьи (Таблица 4.3).

Таблица 4.3. Структура семей цеховых мещан Екатеринбурга по 10-й ревизии

Тип семейной структуры	Старообрядцы, единоверцы и их смешанные семьи		Православные и другие*		Все вместе	
	Семьи	Доля проживающих в данном типе семьи	Семьи	Доля проживающих в данном типе семьи	Семьи	Доля проживающих в данном типе семьи
1. Одинокие	17,4	2,2	8,5	1,5	10,1	1,6
2. Группа родственников, не образующая семейную пару	8,7	3,3	4,7	2,8	5,4	2,9
3. Нуклеарная	13,0	3,8	33,0	20,2	29,5	16,5
4. Расширенная	17,4	13,7	33,0	40,3	30,2	34,2
5. Мультифокальная (большая составная)	43,5	77,0	20,8	35,2	24,8	44,8
Всего, %	100	100	100	100	100	100
N	23	183	106	613	129	796

Источник: ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1776. Л. 1–333 об. Ревизская сказка 1857–1858 гг. О цеховых мещанах Екатеринбурга.

* Другие – 1 православно-лютеранская семья (5 чел.).

Средняя численность семей ремесленников у старообрядцев и единоверцев составляла 8 чел., а православных – 5,8 чел., у всех цеховых мещан – 6,2 чел. Старообрядческая среда давала преимущественно мультифокальные семьи – их доля 43,5%, в них проживали 77% цеховых мещан старообрядческого происхождения, в то время как у православных составных семей было лишь 20,8% (охватывали 35,2% населения данной конфессионально-сословной группы), а преобладающими являлись нуклеарные и расширенные (вместе 66%, в них живут 60,5% чел.).

Примечательно, что, несмотря на одинаковую проблему с заключением и признанием браков, доля сложных семей у цеховых мещан старообрядческой группы была гораздо выше, чем у купцов-староверов: 47,8% у первых и 6,4 у вторых. Ремесленники чаще использовали возможность закрепления брака путем присоединения к единоверию или православию, поскольку у них 89% (32 из 36) всех супружеских пар имеют законный, а не «сводный» статус, но и у купечества их лишь

немногим меньше – 84% (16 из 19). Поэтому причина преобладания/уменьшения мультифокальных семей может оказаться связанной не только с правовыми ограничениями, но и с особенностями жизнеобеспечения, ремесленного труда и сословными обязанностями. Довольно скудное существование большинства цеховых отмечалась современниками⁵⁵². В этих условиях, выглядит естественным сочетание семейной кооперации, как естественно возникающей формы объединения, и приверженностью большесемейным традициям. Последняя черта отличала старообрядческие семьи горнозаводского Урала⁵⁵³.

Составные семьи цеховых мещан единоверческо-старообрядческого направления на 2/3 были братскими, когда вместе записывались братья, каждый со своим потомством или, в случае смерти одного из них, семьи дядей и семьи племянников. В отцовских семьях, даже самых многочисленных, вместе с родителем числились лишь 1–2 его женатых сына (один из них, как правило был без детей) или женатых внука, что указывает на востребованность среди цеховых старообрядцев процедуры семейных разделов, несмотря на ограничения⁵⁵⁴.

Большинство этих составных семей включали в себя 3 поколения (8 семей из 11), реже встречались двухпоколенные (2 семьи). Исключением была семья Романовых, которая состояла из 14 человек 4 поколений: семья 57-летнего ювелира Матвея Клементьева охватывала помимо его детей еще вдовую тетку с дочерью, вдовую жену старшего брата Ивана и внуков (внучатых племянников), один из которых 30-летний Евстигней был уже женат и имел детей⁵⁵⁵. В составе семьи было 2 супружеских пары. У главы из собственного потомства до совершеннолетия дожили только дочери, и старшая – Агриппина была, видимо, обучена ювелирному

⁵⁵² Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Часть 1. С. 355.

⁵⁵³ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. С. 46.

⁵⁵⁴ Мещане, в т. ч. цеховые несли рекрутскую повинность, поэтому их семьи, согласно рекрутскому уставу могли произвести семейный раздел, если в родительском и в выделенных хозяйствах останется как минимум трое совершеннолетних мужского пола (ПСЗ. 2-е изд. Т. 4. (1857 рекрутский устав, ст. 74).

⁵⁵⁵ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1776. Л. 190–191; Более ранняя история семьи: Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы – купцы Екатеринбургские. Приложение (схема 9).

ремеслу. После отца она стала владелицей ювелирной мастерской, в деятельности которой, возможно участвовали её младшие сестры и двоюродные родственники⁵⁵⁶.

Семьи свыше 20 человек учтены ревизией среди всех цеховых мещан лишь дважды и как раз у тех, кто был связан со староверием. Самой большой по численности была семья Астраханцевых, состоящая из 25 человек, трех поколений, 5 супружеских пар. 78-летний глава Иван Григорьев состоял в 3-м браке и последовательно устраивал семейную жизнь троих сыновей, троих дочерей и двух внуков, позволив некоторым из них перед браком перейти в единоверие и православие. Две дочери состояли в «сводных» браках, непризнанных законом и потому их дети на протяжении 14 лет приписывались к его семье в качестве несовершеннолетних «незаконнорожденных» внуков. Главным местом жительства семьи была указана арендуемая квартира в Екатеринбурге, однако неудивительно, что прилагаемые к ревизской сказке дополнительные документы выдавались в Шарташе⁵⁵⁷ – там еще долгое время обитала часть этой семьи и осталась в истории не только своего сословия, но и своего старообрядческого согласия⁵⁵⁸. Поэтому данное семейство следует считать мультифокальным лишь как податную единицу, которая в реальности являлась как минимум четырьмя отдельными семьями. Женатые старшие внуки и их мать-вдова находились в городе и позднее на ул. Успенской устроили постоянный двор с бакалейной лавкой⁵⁵⁹, а сам глава семьи с двумя холостыми и двумя женатыми сыновьями по-прежнему жил в Шарташе. Смертность вносила коррективы в состав семей неожиданно и быстро – в «шарташской» части через два месяца после ревизии появилась молодая бездетная вдова, а в следующем году скончался самый младший из сыновей, 16-летний Лев. В таком случае, если принять во внимание, что состоявшие в «сводных» браках две дочери домохозяина должны были жить не с отцом, а со своими «незаконными» мужьями, то семья Ивана Астраханцева насчитывает в качестве постоянно с ним

⁵⁵⁶ Город Екатеринбург. С. 237, 671.

⁵⁵⁷ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1776. Л. 92–93, 96.

⁵⁵⁸ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1379 Л. 125–126; Д. 2482. Л. 34 об.; *Белобородов С. А., Боровик Ю. В.* Староверы горнозаводского Урала. С. 329, 343; *Клюкина Ю. В.* Старообрядцы-часовенные Урала. С. 134–135; Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев. С. 7.

⁵⁵⁹ Город Екатеринбург. С. 562, 588, 770.

живущих всего 6 человек (его жена, холостой сын, второй сын с супругой, 15-летняя дочь и вдовая невестка).

Сравнимо со всеми Астраханцевыми вместе взятыми было семейство Барминых, насчитывающее 25 человек трех поколений (6 супружеских пар)⁵⁶⁰. Её главой являлся старший брат Михаил Кириллов, 48-ми лет с собственной сложной семьей⁵⁶¹, в которой уже появились внуки, а также с семьями своих четырех братьев и многочисленных женатых племянников. В семье были представители старообрядчества, единоверия и официального православия. Их знали в приходах Екатеринбурга, но также Березовского и Верх-Исетского заводов – оттуда брали невест и туда отдавали дочерей замуж. «Сводная» жена одного из племянников Меланья Клементьева Щепетильникова происходила из старообрядческой купеческой семьи, имевшей родственные связи с единоверцами Харитоновыми. За три года до ревизии муж Меланьи умер, она осталась с «незаконнорожденным» сыном Ефтифеем и начала вести дела особо от главы семьи: на основе её показаний на них была составлена дополнительная сказка, в которой уточнялось вдовствующее состояние, происхождение ребенка и самостоятельное проживание в собственном доме на другой улице. Меланья впоследствии развернула торговлю мелкими железными изделиями и держала для этого в городе отдельную лавку⁵⁶². Остальные члены этой семьи не делали заявлений об своей автономии, но это совсем не исключало возможности их отдельного проживания. В этой ситуации однозначное утверждение о превалировании у старообрядцев данной сословной группы крупных составных семей, а также о сохранении в таких семьях полной подчиненности и авторитарности патриархального типа было бы не вполне обосновано. Каждая из нуклеарных или расширенных семей, входивших в масштабную семейную организацию, на деле могла жить не с главой, возможно даже не в городе, а в окрестных селениях (судя по сведениям о месте заключениях

⁵⁶⁰ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1776. Л. 236–248.

⁵⁶¹ Первоначально ведомость заполнена только на 7 человек семьи самого Михаила Кириллова Бармина, затем аннулирована перечеркиванием и далее подшита ведомость на всех 25 человек.

⁵⁶² Город Екатеринбург. С. 386, 613; ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 211–213.

браков) и вела часть хозяйственных дел самостоятельно, выполняя волю старшего в том, что касалось отношений семейства с городским обществом и сословной организацией. Спустя 30 лет в городе активную деятельность вели только трое внуков самого Михаила Бармина, содержавшие трактир на Александровском проспекте. Принадлежность остальных Барминых к собственникам городской недвижимости, их причастность к какому-либо ремеслу или торговле в городской переписи 1887 г. не зафиксирована.

Исходя из всего вышесказанного надо полагать, что масштабы самых крупных мультифокальных семей цеховых старообрядческой группы несколько завышены и объединения в 15–25 человек следует считать исключениями, в реальности они могли быть несколькими отдельными семьями до 10–11 человек. Это также значит, что доля мультифокальных семей и доля людей, в них проживающих должна быть ниже, а соотношение между составным и расширенным типами семейной структуры в старообрядческо-единоверческой группе цеховых мещан может быть схожим и не столь контрастное как это следует из первоначальных данных ревизии (Таблица 4.3).

Следует отметить, что из 23 единоверческо-старообрядческих семей, приписанных к цеховым мещанам, у 8 есть подтверждение о том, что место их пребывания находилось не в Екатеринбурге, а в пригороде – с. Шарташе и д. Сарапулке (Таблица 4.4). Значит, наблюдения о структуре и численности семьи цеховых мещан можно, с определенной долей условности, распространить на часть торгово-промышленного крестьянства городской округи.

Таблица 4.4. Место жительства семей цеховых мещан Екатеринбурга – старообрядцев, единоверцев и их смешанных семей, 1857–1858 гг.

№ п/п	Фамилия и имя главы	Место жительства семьи	
1	Астраханцев Иван	Екатеринбург и в с. Шарташ	на квартире и [свой дом]
2	Бабурин Алексей	Екатеринбург	свой дом
3	Бармин Михаил	Екатеринбург	свой дом
4	Благин Афанасий	Екатеринбург	свой дом
5	Вербин Иван	В с. Шарташ	на квартире
6	Грязнов Карп	В ведомстве исправника Екатеринбургских горных заводов (д. Сарапулка)	–
7	Грязных Василий	–	–
8	Евдокимов Андрей	–	–
9	Жукова Евгения	Екатеринбург	свой дом
10	Золотавина Прасковья	В с. Шарташ	свой дом

№ п/п	Фамилия и имя главы	Место жительства семьи	
11	Коуров Федор	В с. Шарташ	–
12	Никонов Данил	–	–
13	Петров Макар	–	–
14	Поляков Агапий	–	–
15	Романов Матвей	Екатеринбург	свой дом
16	Рязанов Михаил	–	–
17	Сартаков Варфаломей	–	–
18	Селезнев Ефим	–	–
19	Соколов Ефим	–	–
20	Суханов Иван	В ведомстве исправника Екатеринбургских горных заводов (д. Сарапулка)	свой дом
21	Шляпников Ефтифей	В с. Шарташ	свой дом
22	Яблонцов Дий	В ведомстве исправника Екатеринбургских горных заводов (д. Сарапулка)	–
23	Яринских Григорий	Екатеринбург	в доме жены

Источник: ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1776. Л. 1–333 об. Ревизская сказка 1857–1858 гг. О цеховых мещанах Екатеринбурга.

Таким образом, у старообрядцев и единоверцев, связанных с ремесленной сферой и частично проживавших за пределами городской среды, расширенные и составные семьи являются преобладающим типом (даже с учетом возможного меньшего количества мультифокальных), а связь между сохранением сложной семьи и религиозной аффилиацией у них прослеживается более явно, чем у купечества и остальных мещан.

Мещане⁵⁶³-старообрядцы и единоверцы, пребывающие в городском сословии занимали промежуточное положение между купечеством с явным преобладанием простых семей и цеховыми мещанами, имевшими много общего с промысловыми крестьянами пригорода. Нуклеарная семья и одиночки у них занимают по 26,9% каждый тип, а составная пребывает на уровне всего 17,3%, хотя и объединяет в себе 40,3% староверов и единоверцев этой страты (Таблица 4.5). Столь большая разница между соотношением разных типов семей старообрядцев у мещан и у цеховых (при всех высказанных оговорках относительно мультифокальности, у последних она всё равно будет в 1,5–2 раза больше) показывает, насколько условным следует считать понятие «традиции большой патриархальной старообрядческой семьи» в условиях города. Мещане-старообрядцы, включенные в городской рынок, всё больше и

⁵⁶³ Имеются ввиду мещане, за исключением «вновь причисленных» между ревизиями.

больше уже в середине XIX в. отдавали предпочтение раздельному проживанию и находили для этого возможности.

Таблица 4.5. Структура семей мещан Екатеринбурга по 10-й ревизии

Тип семейной структуры	Старообрядцы, единоверцы и их смешанные семьи		Православные и другие		Все вместе*	
	Семьи	Доля проживающих в данном типе семьи	Семьи	Доля проживающих в данном типе семьи	Семьи	Доля проживающих в данном типе семьи
1. Одинокое	26,9	6,1	16,4	3,5	20,8	4,5
2. Группа родственников, не образующая семейную пару	13,5	10,0	5,5	4,7	8,8	6,8
3. Нуклеарная	26,9	24,7	35,6	26,9	32,0	26,0
4. Расширенная	15,4	19,0	26,0	30,7	21,6	26,0
5. Мультифокальная (большая составная)	17,3	40,3	16,4	34,2	16,8	36,6
Всего, %	100	100	100	100	100	100
N	52	231	73	342	125	573

Источник: ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1777, 1778. Ревизская сказка 1857–1858 гг. О мещанах.

* Другие – 1 семья мусульман (1 чел.), 3 семьи без указания религиозной принадлежности (26 чел.).

** 10% выборка из массива 1205 мещанских семей (о методике выборки см. главу 3).

Несмотря на то, что все мещане, в том числе и связанные со старообрядчеством, привлекались к исполнению рекрутской повинности как цеховые и крестьяне, средняя численность семьи была также больше сопоставима с численностью купеческих семей (Таблица 4.6).

Таблица 4.6. Средняя численность семьи у основных городских сословий Екатеринбурга по 10-й ревизии

Сословная группа	Старообрядцы, единоверцы и их смешанные семьи	Православные и другие*	Все вместе
Купечество	3,7	4,5	4,2
Цеховые мещане	8	5,8	6,2
Мещане**	4,4	4,7	4,6
Все	4,8	5,1	5,0
N, семей	122	263	385
N, человек	587	1336	1923

Источник: Ревизские сказки 1857–1858 гг. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1776, 1777, 1778.

* Другие семьи: 1 лютеранская (8 чел.), 1 православно-лютеранская (5 чел.), 2 католических (6 чел.), 1 мусульманская (1 чел.), о 55 нет данных (227 чел.).

** 10% выборка из массива 1205 мещанских семей.

Также, как и приписанные к цеховым, часть мещан могла жить за городской чертой, но, похоже, это не оказывало особого влияния на среднюю численность их семей, следовательно, в городском старообрядчестве середины XIX в. основным фактором от которого зависел тип и размер семьи была необходимость в семейной кооперации для минимизации затрат, а религиозная санкция семейного порядка имела второстепенный характер, поскольку как видно из приведенных данных, что она не особо сдерживает процесс нуклеаризации у слоев, заинтересованных в самостоятельности.

Сравнение численности старообрядческих семей по сословным группам показывает, что мещанские семьи, как правило, не превышали 10 человек, почти половина семей (46,2%) вообще включали только 2–5 человек, а кроме того, удельный вес одиноких, согласно зарегистрированным данным, был даже выше чем у купцов (Таблица 4.7). В отличие от купеческого сословия, запись в которое привлекало возможностью избежать рекрутчины, мещане обязаны были поставлять новобранцев в армию, поэтому молодых и бессемейных здесь нет, а одинокие в этом сословии – это преимущественно вдовы и незамужние женщины старшего возраста (49–79 лет). Они имели собственные дома или жили у своих родственников или знакомых в городе и в Шарташе, где таким образом, создавались благоприятные условия для устройства новых женских скитов, выполнявших функцию социального призрения⁵⁶⁴. Кроме этих 12-ти женщин к категории одиноких старообрядческого вероисповедания были причислены лишь двое мужчин – 33-летний Андрей Кузнецов, обозначенный воспитанником сосланного в Сибирь мещанина и Михаил Корелин 49-ти лет, который постоянно жил в Невьянском заводе.

⁵⁶⁴ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1777. Л. 497–498, 503–504, 949–950, 952–953, 961–962, 1089–1090, 1092–1093, 1494–1495.

Таблица. 4.7. Размер семей Екатеринбурга, 1857–1858 гг.

Кол-во человек в семье	Старообрядцы, единоверцы и их смешанные семьи								Православные и другие*	
	Купечество		Цеховые мещане		Мещане*		Все сословные группы			
	a	b	a	b	a	b	a	b	a	b
1	25,5	6,9	17,4	2,2	26,9	6,1	24,6	5,1	11,03	2,2
2-5	57,4	53,2	26,1	9,8	46,2	32,9	46,7	31,7	52,1	33,1
6-10	12,8	24,9	26,1	24,0	21,2	39,4	18,9	30,3	28,9	43,2
11-15	4,3	15,0	21,7	36,6	1,9	4,8	6,6	17,7	6,8	17,7
16-20					1,9	7,8	0,8	3,1	1,1	3,9
21-25	-		8,7	27,3	1,9	9,1	2,5	12,1	0,0	0,0
всего,%	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
N	47	173	23	183	52	231	122	587	263	1336

a – процент семей разной численности; б – доля населения, проживающего в семьях.

Источник: Ревизские сказки 1857–1858 гг. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1776, 1777, 1778.

* Другие семьи: 1 лютеранская (8 чел.), 1 православно-лютеранская (5 чел.), 2 католических (6 чел.), 1 мусульманская (1 чел.), о 55 нет данных (227 чел.).

* 10% выборка из массива 1205 мещанских семей.

За исключением высокой доли одиночек, старообрядческо-единоверческие семьи купцов и мещан, вместе взятых, по размеру имели много общего с семействами православных: группа 2–5 человек была самой распространенной, с семьей такого масштаба была связана жизнь более чем 30% городского населения этих сословий. Семья из 6–10 человек встречалась у староверов Екатеринбурга даже реже, чем у православных, незначительная доля многолюдных семей сохранялась и у тех, и других, при этом старообрядческие семейства доходили до 25 человек.

Подводя итоги следует отметить, следующее:

1. Старообрядцы выделяются в середине XIX в. повышенной долей семей одиноких во всех сословиях. Более заметно это явление у купцов и мещан, менее – у цеховых мещан. При прочих равных условиях ревизского учета почти 25% старообрядческих семей зафиксированы как одиночные единицы податного учета (у православных – 11%⁵⁶⁵). Вызвано это было преимущественно двумя факторами: во-первых, преследованиями «сводных» браков, во-вторых, возможностью

⁵⁶⁵ Итоговые расчеты по всем сословиям в совокупности помещены в Приложении 3.

старообрядческих семей обеспечить приписку сыновей к купеческой гильдии, что избавляло их от необходимости отбывать рекрутскую повинность.

2. Нуклеарная семья являлась преобладающим типом у купцов и мещан, принадлежащих к старообрядческому и единоверческому обществам. При этом у купцов в простых семьях проживала половина сторонников «древлего благочестия», а у мещан – четверть, по всем сословиям вместе – около 27%.

3. Мультифокальные (составные семьи) охватывали 45% старообрядческо-единоверческого населения, преимущественно цеховых мещан, но уже в середине XIX в. не являлись самым распространенным типом семьи.

4. Присутствие составных семей в ревизии не всегда являлось показателем реального существования масштабных семейных коллективов. На микроуровне исследования можно наблюдать, что в ряде случаев они являются таковыми только как единица податного и рекрутского учета, но функционируют с явной степенью автономности и эволюционируют в сторону расширенных и малых семей.

5. Особенности структуры старообрядческих семей находятся в тесной взаимосвязи с сословной принадлежностью и занятиями. Распределение по типам внутри отдельных социальных страт показывает много общего у групп, принадлежащих к разным религиозным направлениям.

* * *

Одним из способов выявить изменения в типологии семьи старообрядцев екатеринбургского центра в пореформенный период является сравнение данных переписи 1857–1858 гг. со срезом более позднего времени. К сожалению, пока единственным источником этого времени, связанным со старообрядческим населением, являются посемейные списки пригородного с. Шарташ, где подавляющая часть жителей принадлежала к часовенному согласию. В посемейном списке, составленном для учета шарташских призывников в 1874 г., значатся 185 семей 904 сельских обывателей, из которых только 5 человек указаны не принадлежащими к старообрядчеству. Следовательно, наблюдения по этому селению можно в целом соотносить со старообрядческими семьями.

Исследовательская проблема заключается в необходимости решить насколько корректно сравнивать данные о структуре и численности семей староверов в Шарташе с таковыми в Екатеринбурге за более ранний период. Это возможно при следующем ракурсе: изменение типология семей негородского населения отставало от городского на несколько десятилетий при совпадающем векторе – переходе к малой (нуклеарной) семье⁵⁶⁶. Учетные волостным правлением семьи Шарташа по занятиям и образу жизни были ближе всего к торгово-ремесленному посаду, для них участие в рынке Екатеринбурга не означало полное вовлечение в городское пространство. Проживали шарташцы в своих обширных усадьбах с огородами и мастерскими. Поэтому теоретически для этого населения может быть в большей степени характерно сохранение больших составных семей. Однако, если доля простых (нуклеарных) семей и наиболее распространенная численность семейных групп спустя 15 лет после ревизии будут сопоставимы с городскими данными 1858 года, это даст основания для выводов об эволюции семейной организации у старообрядцев. Таким образом, вопрос, который можно решить на имеющемся материале, формулируется следующим образом: распространялись ли на старообрядческое население пригорода тенденции изменения семейной организации, фиксируемые в городе.

Еще раз отметим особенность Шарташа: после начала реформ 1860-х гг., поставивших мещан в более выгодное податного положение, по сравнению с крестьянами, жители селения стали активно отписываться в городское сословие. К началу 1880-х гг. по данным местного волостного правления в Шарташе обитало 866 мещан и 802 крестьянина⁵⁶⁷, т. е. по сравнению с рассматриваемым 1874 г. крестьян стало почти на сотню меньше. Это совпадает с отметками об исключении в городское сословие Екатеринбурга 96 человек, основная масса которых датирована 1874–1875 гг. (Таблица 4.8). Следует сразу определиться связан ли этот процесс с особенностями семейной организации. Сконцентрированность прошений, исходящих от членов разных по типу семей, вокруг этих двух лет

⁵⁶⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 235.

⁵⁶⁷ С[мородинцев Н.] Шарташ // Екатеринбургская неделя. 1884. № 31. С. 521.

указывает, что они вызваны неким временным фактором⁵⁶⁸, а не желанием покинуть большую составную семью (хотя 40 человек, действительно, были связаны с этим типом. Но ведь аналогичная смена статуса понадобилась 16 членам простой нуклеарной семьи, среди которых преобладали родители с детьми).

Таблица 4.8. Переход крестьян с. Шарташ в мещанское сословие Екатеринбурга в 1874–1894 гг., чел.

Год	Типы семейной структуры, к которой ранее принадлежал мещанин					
	Одиночки	Не родственники	Нуклеарная	Расширенная	Мультифокальная	Всего
1872	—	—	—	—	7	7
1875	3	4	5	1	18	31
1876	1	—	11	2	10	24
1877	1	2	—	2	0	5
1883	—	—	—	—	5	5
1889	—	—	—	1	—	1
1890	—	—	—	1	—	1
1891	—	—	—	1	—	1
Не указан		—	—	—	—	21
За весь период	5	6	16	8	40	96

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Посемейный список с. Шарташ Екатеринбургского уезда Пермской губернии, 1874 г.

⁵⁶⁸ Одним из таких факторов может быть получение заемных денег из Екатеринбургского общественного банка, которые были употреблены таким образом, чтобы часть семей смогла выделиться и перебраться в город. Как раз на 1872–1875 гг. приходится организованная гласным местной думы мещанином Александром Григорьевичем Потаповым, избранным товарищем директора Общественного банка, афера по выдаче шарташским жителям ничем не обеспеченных кредитов, по несколько тысяч каждый. За одобрение кредита шарташцы негласно обязывались покупать у А. Г. Потапова товар по завышенной цене, а когда вскрылось, что большинство кредитов возвращено быть не может и с самого Потапова взять нечего, то часть немалой суммы убытков банка в 115,6 тыс. руб. вынуждены были компенсировать руководители банка Андрей Яковлевич Харитонов и купец-старообрядец Александр Михайлович Соколов, т. к. «излишне доверились Потапову» и не проверяли его деятельность. Вплоть до середины 1880-х гг. думцы хлопотали о выводе из под угрозы наказания поплатившихся частью собственного имущества доверчивых Харитова и Соколова и справедливом наказании для Потапова, который в итоге был осужден и сослан, однако ничего никому не компенсировал (Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1877 г. Екатеринбург : Типо-литография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1877. С. 26–27; Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1879 г. Екатеринбург : Типо-литография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1879. С. 83–86; Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1879 г. Екатеринбург : Типо-литография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1879. С. 5–6, 29–32; Протоколы Екатеринбургской городской думы за первое полугодие 1884 г. Типография П. Я. Сапожникова, 1884. С. 93–97).

Анализ вариантов численности всех крестьянских семей Шарташа показывает, что чаще всего они насчитывали не больше десятка человек. В совокупности семьи одиночек (22,2%), а также включающие от 2 до 5 чел. (46,5%) и от 6 до 10 (21,6%) чел. составляют 90%. Поэтому коллективы категории «свыше 11 человек и более» обычно квалифицируемые как большая семья, очевидно, уходят в прошлое (Таблица 4.9).

Таблица 4.9. Размер семей Шарташа, 1874 г.

Кол-во человек в семье	Процент семей разной численности	Доля населения, проживающего в семьях
1	22,2	4,5
2–5	46,5	28,1
6–10	21,6	33,6
11–15	5,4	13,5
16–20	2,7	10,1
21–25	0,5	2,8
25–30	–	–
30–35	1,1	7,4
всего, %	100,0	100,0
N	185	904

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Посемейный список с. Шарташ Екатеринбургского уезда Пермской губернии, 1874 г.

Если сравнивать приведенные данные с людностью у старообрядцев Екатеринбурга в период 10-й ревизии (Таблица 4.7), то обнаруживается очень много общего. Несовпадения в процентном соотношении между семьями разного размера не выше 2–3%, а доля населения населения, проживающего в семьях до 15 человек, варьируется не более чем на 4%. Более значимые отличия заметны при сопоставлении многолюдных семей, но они не однозначны: у шарташцев на долю проживающих в семьях 16–20 человек оставалось на 7% больше чем у екатеринбургских старообрядцев, а в семьях по 20–25 человек на 10% меньше. Семей размером 30–35 человек в Екатеринбурге в 1858 г. уже не встречается, в то время как в Шарташе в 1874 г. они еще присутствуют, но в совсем незначительном количестве. Поэтому у нас есть основания говорить о тенденции к снижению численности старообрядческой семьи в пригороде, аналогично эволюции, происходившей в городе.

Поскольку анализ показал отличия города и пригорода по доле населения в многолюдных семьях, рассмотрение типологии семей Шарташа следует начать со сложных типов: мультифокального и расширенного (Таблица 4.10, группы 4 и 5).

Таблица 4.10. Типология старообрядческих семей с. Шарташ, 1874 г.

Тип и подтипы семейной структуры		% семей		% живущих в них
1. Одиноко живущие	а) вдовцы	-	2,7	0,6
	вдовы	2,7		
	б) неженатые	7,6	10,3	2,1
	незамужние	2,7		
	в) отставные солдаты без пары	0,5	1,6	0,3
	солдатки	1,1		
	г) мужчины с неизвестным семейным положением	7,0	7,6	1,5
	женщины с неизвестным семейным положением	0,5		
Промежуточный итог			22,2	4,5
2. Группы не образующие семьи	а) совместно проживающие братья	2,7	4,9	1,3
	совместно проживающие сестры	1,1		
	совместно проживающие брат и сестра	1,1		
	б) другие совместно проживающие родственники	1,1	1,1	0,4
	в) лица, не состоящие в очевидном родстве	—	—	-
Промежуточный итог			5,9	2,9
3. Группы образуемые простыми семьями	а) супруги без детей	10,8	10,8	4,4
	б) супруги с детьми	13,0	13,0	11,2
	в) вдовцы с детьми	2,2	3,8	2,5
	отец (без указания вдовства) с детьми	1,6		
	г) вдовы с детьми	2,7	5,4	2,8
	мать (без указания вдовства) с детьми, в т. ч. незаконнорожденными	2,7		
Промежуточный итог			33,0	20,9
4. Группы образуемые расширенными семьями	а) расширенные по восходящей		2,2	2,4
	б) расширенные по нисходящей		2,2	2,9
	в) расширенные по боковой (братские)		13,0	14,2
	г) комбинации а–в		2,7	4,5
Промежуточный итог			20,0	24,0
5. Группы, образуемые несколькими семьями	а) вторичные семьи по восходящей		—	—
	б) вторичные семьи по нисходящей		8,1	15,9
	в) вторичные семьи по боковым (братские)		9,7	25,8
	г) другие типы (включая комбинации б–в с расширениями)		1,1	6,0
Промежуточный итог			18,9	47,7
6. Группы не поддающиеся классификации			—	—
Всего	%		100	100
	N		185	904

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Посемейный список с. Шарташ Екатеринбургского уезда Пермской губернии, 1874 г.

В Шарташе на момент составления посемейного списка из 185 семейств только 35 (18,9%) относились к составным (мультифокальным), т. е. этот тип, как и в городе⁵⁶⁹, уже не был преобладающим. Средняя численность такой семьи была 12,3 человека, что заметно выше чем у обладателей наиболее многочисленных семей Екатеринбурга в 1858 г. – староверов-цеховых. В окружении родственных семейных союзов, жила почти половина Шарташа – 47,7% (Таблица 4.10). Это не всегда означало их буквальное совместное проживание в одном доме, а могло быть ближайшим соседством⁵⁷⁰.

Самыми большими из мультифокальных значатся всего 2 семьи, объединявших более 30 человек каждая. В обоих случаях это братские семьи, которые возглавлялись 43 и 45-летними мужчинами (см. Приложение 4, тип III, № 33 Яковлевы и № 34 Ивановы). Самая людная семья Семена Иванова включала 34 человека. У главы было 8 детей, а у его среднего брата – 7, остальные их родственники были не столь плодовиты – всего на 5 супружеских пар приходилось 22 человека самого младшего поколения в возрасте от 6 мес. до 25 лет. Вторая крупная семья – Фотей Яковлева состояла из 33 человек: 6 пар с 18-ю детьми и мачехой домохозяина с еще двумя холостыми совершеннолетними сыновьями. Так что величина семей в этих двух случаях определялась исключительно большим количеством выживших детей, что было не очень частым явлением в условиях высокой младенческой и детской смертности.

Еще 3 составных семьи имели в своем составе 20–25 человек – они объединяли родных и двоюродных женатых и холостых братьев, часть которых вскоре после составления списка отписались в екатеринбургское мещанство. 6 семей этого типа включали по 13–18 человек, а остальные 24 насчитывали меньше 4–12 человек под началом отца или старшего брата. Таким образом, в 1874 г. самый распространенный вариант большой мультифокальной семьи торгово-ремесленного Шарташа был численностью немногим более десятка членов. Случаев, когда во главе семьи оставался отец, зафиксировано немногим меньше,

⁵⁶⁹ См. таблицу 4.8, а также приложение 3 (Тип 3).

⁵⁷⁰ Тарасова Г. Шарташ – любовь моя и боль. Екатеринбург: БКИ, 2013. С. 101–103.

чем братских (15:18) и составляли они всего 15,9%. Ситуация, когда власть по восходящей линии была передана сыну при живом родителе, не встречалась вовсе (Таблица 4.10).

В мультифокальных семьях Шарташа было от 2 до 3 поколений, не более, но трех-поколенные среди них составляли 63%. В тех случаях, когда отец вторично женился, разница в возрасте его детей могла быть более двух десятилетий. Например, у Зотея Иванова (Приложение 4, тип III, № 5) младшему ребенку только исполнилось полгода, когда как старший достиг 20-летия. С его однофамильцем – Денисом Ивановым жил самый старший уже женатый сын 24 лет и самый младший 4 лет (Там же. № 4). Наибольшая разница – 26 лет наблюдалась в семействе Афанасия Красильникова, где одному «ребенку» было 45, а другому 15 лет (Там же. № 8). Эти случаи единичны, но они объясняют каким образом формировалась категория братских семей: после смерти родителя главой становился старший дееспособный сын, под началом которого еще долгое время продолжали жить его младшие сводные братья, даже если они женились. Процесс этот не был уникальным, таким же образом поступали в семьях других религиозных направлений, когда была заинтересованность в большом количестве рабочих рук⁵⁷¹.

Кроме нескольких супружеских пар с ребенком/детьми в 15 из 35 составных (мультифокальных семей) под руководством отца или старшего старшего брата проживали холостые и вдовы родственники по линии главы семьи – братья, матери, сестры, снохи, осиротевшие племянницы и племянники. Т. е. основой семейной организации продолжал оставаться принцип родства по мужской линии. Переход старшинства в семье в подавляющем большинстве случаев соблюдался. Исключение отмечено лишь однажды, когда вместе с только что женившимся 25-летним Харлампием Сродных, была объединена полная семья его 44-летнего дяди Карпа, включавшая его супругу и трех дочерей на выданье (Приложение 4, тип III, № 31).

⁵⁷¹ Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири. С. 155–174.

Структуру мультифокальных и расширенных семей усложняло проживание в семье овдовевшей матери (12 случаев, возраст от 48 до 90 лет)⁵⁷², вдовы умершего брата (8, во всех случаях она оставалась с детьми)⁵⁷³, незамужней сестры (15, в возрасте от 19 до 60, одна из них, овдовев, вернулась из мужниной семьи без детей и у одной имелся сын)⁵⁷⁴. Дочери, не выйдя замуж, тоже оставались жить в родительской или семье (5, в возрасте от 22 до 50 лет)⁵⁷⁵. В трех случаях в семью включались сестра жены или сестра невестки (Приложение 4, тип III, № 13, 14, 16). Внимание к присутствию женщин в составе сложных семей обусловлено упоминаниями о существовании в Шарташе продолжения известных скитов. Присутствие большого количества женщин без пары, включенных в семьи, было бы подтверждением прежней распространенной практики. Однако, в совокупности число их относительно не велико (43 человека) и маловероятно, чтобы все они поголовно были скитницами. Только в трех случаях указано совместное проживание: три старшие сестры 43-летнего Кирилла Баклаева, еще две 50-летние женщины Настасья и Стефанида в семье брата Апексима Хромых и три сестры 40–48 лет служителя екатеринбургской Никольской часовни Федора Шапошникова (Приложение 4, тип II, № 33, тип III № 14, 32). Женщины, возглавлявшие семью, тоже встречались (20 случай), но это либо одиночное домохозяйство (13), либо с дочерью (5), реже сестрой (3). Все отмеченное выше показывает, что если женские скиты и существовали в Шарташе как часть семейной организации после их выгонки в конце 1840-х гг., то это были, в отличие от первой половины XIX в. немногочисленные образования.

Первичный индикатор типа семьи – средний размер, в с. Шарташ в 1870-х гг. был равен – 4,9 человек (что сопоставимо с размером старообрядческой семьи Екатеринбурга 1858 г. – 4,8 чел., см. рис. 4.6). Среди приписанных к этому селению крестьян преобладающей была нуклеарная простая семья (Рисунок 4.10) состоящая из супругов с детьми или (реже) бездетной пары. Если один из родителей оставался

⁵⁷² Приложение 4. тип II, № 1–3, 13, 28, 33, 37; тип III. № 28, 29, 31, 32, 33.

⁵⁷³ Там же. Тип. II. № 10, 11, 20, 27, 31, 33; тип III. № 15, 22.

⁵⁷⁴ Там же. Тип. II. № 14, 18, 26, 28, 30, 34, 37; тип III. № 11, 14, 28, 32, 50.

⁵⁷⁵ Там же. Тип. II. № 7, 8; тип III. № 6, 13, 19.

с малолетними детьми, то он как правило, жил с кем-то еще из родственников в составе расширенной или мультифокальной семьи. По мере взросления детей овдовевшие могли выделяться как отдельная семья и большинстве случаев это были женщины с одним из оставшихся детей.

Оба типа сложной семьи в третьей четверти XIX в. утратили доминирующие позиции даже среди патриархально-ориентированного населения екатеринбургского пригорода, поскольку нуклеарные семьи составляли 33% (у старообрядцев города в 1858 г. почти столько же – 34,4%, см. приложение 3). Это предельно возможные цифры, поскольку шарташский посемейный список 1874 г. зафиксировал максимум семейных объединений (из них 20% пришлось на расширенные и 18,9% на мультифокальные семьи). Треть этих семей, судя по процессу отчисления в мещане в следующие два года, разделилась на более мелкие автономные семьи. Следовательно, пригородное старообрядческое население не избежало влияния общих модернизационных процессов, частью которых был переход к малой семье затрагивал.

Занятия шарташцев во второй половине XIX в. способствовали уменьшению сложных семейств как в размерах, так и в доле в отношении. Шарташ был известен кожевным промыслом, но уже в 1880-х гг. сами жители села в своих 6 кожевнях на трудоемких и малоприбыльных операциях не работали. На первичные этапы по размягчению кож нанимали пришлых из Вятской и Вологодской губерний, реже из зауральской части Екатеринбургского уезда. Для дальнейшей отделки кожи отдавали мастерам из соседнего Березовского завода. Шарташская семейная кооперация отчасти сохранялась при изготовлении конечного наиболее прибыльного товара: ремней для конской сбруи и обуви. По свидетельству местного мастера-сыромятника Саввы Матвеева Хромцова в 1884 г. около 10 «хозяев» занимались этим ремеслом самостоятельно, но больше половины населения работали в домовых мастерских по 5–18 человек, при этом в самом шитье кожевенного товара принимали участие и мужчины, и женщины, и подростки⁵⁷⁶. Т. е. огромного семейного объединения в 20–30 человек уже не

⁵⁷⁶ С[морозинцев Н.] Шарташ // Екатеринбургская неделя. 1884. № 33. С. 565–566; ГАСО.

требовалось для получения достаточной прибыли от этого ремесла, что и подтверждается результатами анализа семейной структуры.

На основании сделанных наблюдений можно сделать следующие выводы:

1. Численность старообрядческой семьи в пригороде во второй половине XIX в. не является высокой, её размеры в 1870-х гг. соответствуют городским показателям середины столетия.

2. Сложные по составу и многолюдные семьи не являлись доминирующими в пригородном селении уральского города, хотя оно оставалось торгово-ремесленным (с заинтересованностью в снижении издержек за счет родственных связей) и старообрядческим (с приверженностью к традиционному патриархальному типу семейной организации).

3. Структура семей пригорода второй половины XIX в. изменяется в том же направлении, что и городская семья с увеличением доли простых семей.

4.3. Между традицией и городской модой:

личные имена в старообрядческих семьях в начале XX в.

При выборе имени в начала XX в. начинает заметную роль играть городская мода и предпочтения родителей⁵⁷⁷. Рассмотрим насколько эта тенденция коснулась консервативно ориентированной конфессиональной группы. Для исследования этого вопроса старообрядческие метрики начала XX в. являются уникальным источником, поскольку, во-первых, они заполнялись и проверялись самими старообрядцами и содержат данные только о представителях своего религиозного направления, во-вторых, дают возможность проследить динамику на протяжении более 10 лет. В дополнение к общей характеристике этого источника, данной во введении, обратим

Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 9 об.–10 (Запись № 27).

⁵⁷⁷ Авдеев А., Блюм А., Троицкая И. Наречение имени в России // Историческая демография / Под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 210–238.

внимание, что он оказывается самым содержательным для решения вопроса о влиянии общегородских тенденций в имяназвании, на ситуацию в старообрядческих общинах и семьях.

Как уже было отмечено, первым годом самостоятельных записей о рождениях стал 1907 г., последним 1926 г. За 1920-е, и то не за каждый год, сохранились записи только у белокрыницкого согласия, священник которого Василий Усов продолжал заполнять книгу «для памяти». Их не много – всего 41 за 4 года, в то время как в предшествующий период в этой церкви каждый год в среднем совершалось 33 крещения (приложение 6). У часовенного согласия наставники Порфирий Мокрушин и Порфирий Лобанов вели метрики только до осени 1919 г. Еще 28 записей в книги всех согласий внесли сотрудники отделов ЗАГС на основании обращений граждан и постановлений комиссий по определению возраста.

За все годы ведения старообрядческих метрических книг в раздел «О родившихся» оказалось внесено 926 человек. Вторичное⁵⁷⁸ соотношение полов по этому источнику равно 1.08 (482 мальчика, 447 девочек), что находится в пределах средних значений в популяции и может служить показателем репрезентативности используемых данных. Записи по объему и полноте можно считать достаточными для предварительного наблюдения, анализа и выводов о процессах, происходивших с собственными именами в ориентированном на сохранение традиций религиозном сообществе начала XX в. в условиях динамично развивающегося провинциального города и прилегающей территории.

Для анализа имен в метрических записях старообрядцев содержание раздела о родившихся из источника сначала было транскрибировано в базу данных MS Excel в полном соответствии с первичным текстом. С помощью фильтров и сортировки по алфавиту была прослежена вариативность каждого из имен, выделены канонические

⁵⁷⁸ Вторичное соотношение полов – соотношение между числом родившихся мальчиков и родившихся девочек. По данным Центрального статистического комитета в Пермской губернии это значение в период 1907–1914 гг. колебалось от 1 до 1.04 См.: Движение населения // Статистический ежегодник России 1912 г. (Год девятый). СПб. : изд. Центр. стат. ком. МВД, 1913. Отдел II, С. 1–4. Движение населения // Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). СПб. : изд. Центр. стат. ком. МВД, 1914. Отдел II, С. 1–2; Движение населения // Статистический ежегодник России 1914 г. (Год одиннадцатый). Пг. : изд. Центр. стат. ком. МВД, 1915. Отдел II, С. 1; Движение населения // Статистический ежегодник России М., 1917. С. 92. Расчет мой – Ю. В.).

и разговорные формы. В случае нескольких вариантов написания, проверены сопутствующие крещению подробности, которые вносились в другие графы источника и соответственно занесены в поля БД. Т.о., можно было учесть личностный фактор (кем вносилась запись), принадлежность этого лица к тому или иному согласию, время записи.

Для второго этапа работы все варианты одного имени были приведены в соответствие с их написанием в современном старообрядческом календаре⁵⁷⁹ и создана вторая версия БД. После этого стало возможным корректно анализировать количество имен и их частотность, конфессиональные особенности использования. Результаты анализа представлены в таблицах, диаграммах и приложении 9.

После унификации фонетических вариантов мы получили для анализа 178 имен на 929 человек (Таблица 4.11). Во всех случаях процентное соотношение рассчитывалось на основе этой выборки. На основе среднего коэффициента одноименности⁵⁸⁰ выделены группы частых и редких имен, проведено предварительное сравнение с доступными метрическими данными по православным приходам Екатеринбурга, а также наблюдениями по другим регионам.

Таблица 4.11. Соотношение количества новорожденных и имен в старообрядческих общинах Екатеринбурга, нач. XX в.

Пол новорожденных	Получившие имя при крещении		Количество встречающихся имен
	N, человек	%	
Мальчики	480	51,7	100
Девочки	449	48,3	78
Всего	929	100	178

Источник: URaPP – Регистр населения Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>

Следует сразу отметить, что пропорция между набором мужских (100) и женских (78) имен новорожденных в екатеринбургских старообрядческих метриках

⁵⁷⁹ Старообрядческий церковный календарь на 1992 год. Издание Старообрядческой митрополии Московской М : [РПСЦ, 1991]. С. 44–51.

⁵⁸⁰ Средний коэффициент одноименности (СКО) для выявления частых имен рассчитан на основе соотношения количества человек, получивших имя и количества использованных при этом имен (Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения (мужские и женские имена) // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976. С. 19).

отличается от других именников староверов. У поповцев Уральского казачьего войска 1830-х гг., это соотношение было равно 3:1⁵⁸¹, а у крестьян-старообрядцев Зауралья времен всеобщей переписи 1897 г. – 2:1 (220 мужских и 95 женских)⁵⁸².

Средний коэффициент одноименности был низким как в мужской части – 4.8, так и в женской – 5.8, что свидетельствует о большом разнообразии в составе именника. При этом содержательность определялась обилием редких имен (54), а также именами, встретившимся только 1 раз (77). Последние у мальчиков насчитывают больше половины всего количества антропонимов: 52 из 100 (Таблица 4.12). Список имен в каждой из групп приведен в приложении.

Таблица 4.12. Соотношение имен, полученных при крещении в старообрядческих обществах Екатеринбурга 1907–1924 гг.

	Группы имен				
	Самые распространенные	Частые	Редкие	Разовые	Всего
Мужские, N (%)	10 (10)	13 (13)	25 (25)	52 (52)	100 (100)
Женские, N (%)	10 (12.8)	14 (17.9)	29 (37.2)	25 (32.1)	78 (100)
Обоего пола	20 (11.2)	27 (15.2)	54 (30.3)	77 (43.3)	178 (100)

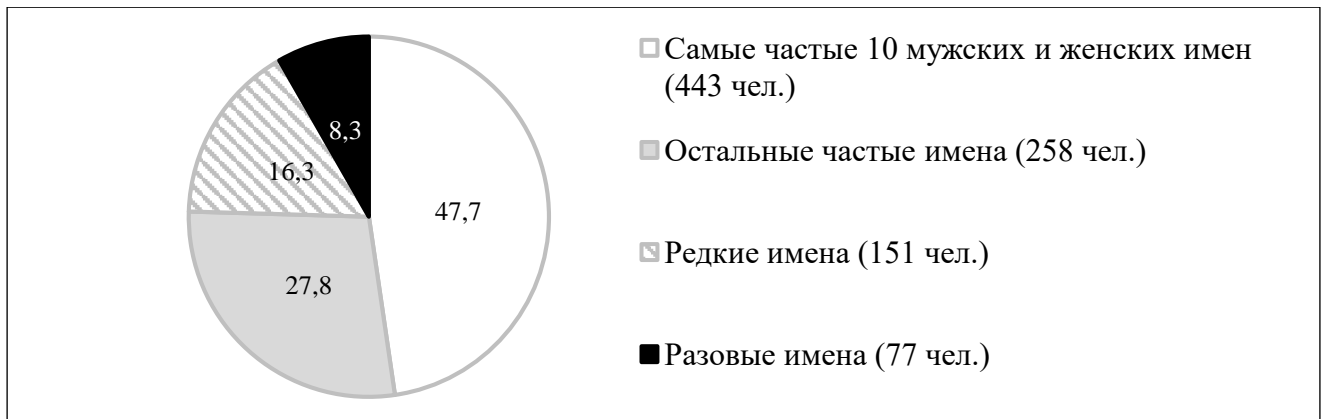
Источник: URaPP – Регистр населения Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>

На первые пять имен приходилась почти треть (Приложение 8), а на первую десятку около 50% всех наречений (Рисунок 4.4). Кроме того, более четверти новорожденных получали остальные 27 антропонимов из разряда частых. На основе СКО к ним отнесены имена, встретившиеся более 4 раз у мальчиков и более 5 раз у девочек. Еще 16,3% детей (151 чел.) окрещены были 54 редкими именами. Большинство женских имен попало как раз в эту группу. Разовые имена, несмотря на многочисленность вариантов – их число больше, чем самых распространенных и частых имен вместе взятых, охватывала всего 8% носителей.

⁵⁸¹ Назаров А. И. Именник старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 83.

⁵⁸² Кузнецова Я. Л. Женский антропонимикон старообрядцев Исетской волости конца XIX века // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 7. С. 139.

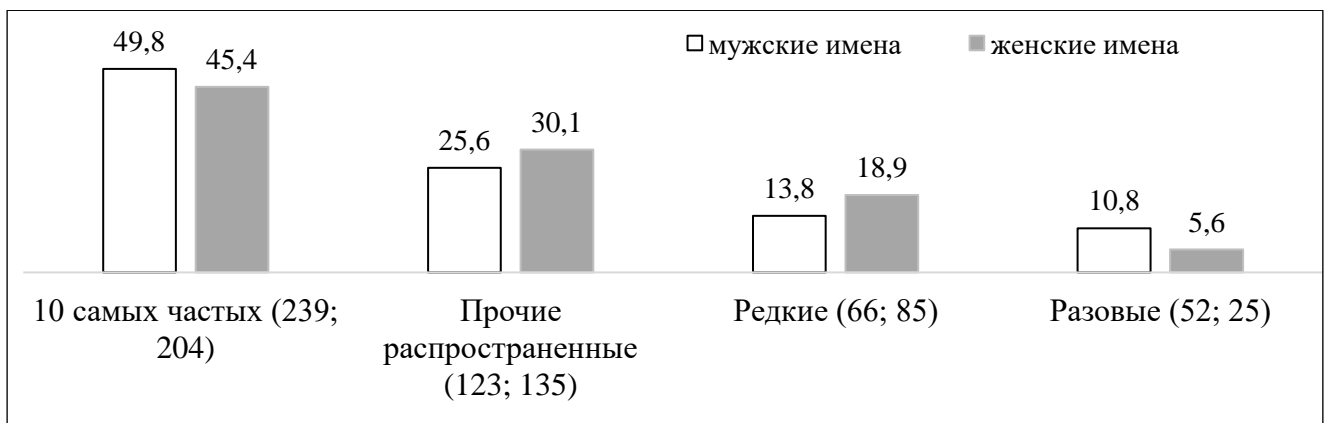
Рисунок 4.4. Количество и доля носителей имен разных групп частотности в старообрядческих обществах Екатеринбурга в начале XX в., %

Источник: URaPP – Регистр населения Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>

Доля первых самых распространенных десяти имен почти не отличалась по полам: их носили 49.8% мальчиков и 45.4% девочек (Рисунок 4.5). Это меньше, чем в городах Среднего Поволжья с высокой долей старообрядческого населения⁵⁸³, где первыми десятью именами на рубеже XIX–XX вв. были названы 70% новорожденных мальчиков и 57.5% девочек⁵⁸⁴. В уральском городе столь же значительный объем давали все распространенные имена: 23 мужских и 24 женских, которыми были названы в совокупности 701 чел. (Приложение 8).

Рисунок 4.5. Соотношение носителей имен разной степени употребительности в старообрядческих обществах Екатеринбурга, 1906–1926 гг., %

Источник: URaPP – Регистр населения Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project> Первое число в скобках – количество мальчиков, получивших имя, второе – количество девочек.

⁵⁸³ См. приложение 11.

⁵⁸⁴ Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения. С. 15–16, 34.

Мальчики чаще всего получали имена из первой десятки, в то время как девочкам давали имена менее распространенные и редкие. Но в тоже время обращений к разовым мужским именам было вдвое больше, вероятно, за счет преобладания их в месяцеслове.

Среди форм одного имени, выявленных на начальном этапе исследования в первичной БД о родившихся в екатеринбургских Никольской, Успенской и Троицкой общинах, встречаются как обиходные варианты (*Алексей, Антонида, Ироида, Иван, Дмитрий*) так канонически принятые (*Алексий, Антонина, Ираида, Иоанн, Димитрий*). Наблюдения за употреблением этих форм говорят, что причина явления не в диалекте, не в уровне грамотности лица, ведущего записи и не в тексте источника, которым это лицо располагало при наречении имен.

Один и тот же наставник часовенных мог при заполнении метрики в 1910 г. вписать имя окрещенного как *Алексѣй*, в 1911 г. – *Алексій* (в варианте допетровского времени), а в 1914 г. снова *Алексѣй*⁵⁸⁵. Последний вариант в начале XX в. явно был уже вполне устоявшимся: из 14 случаев на него приходится 11.

С именем *Антонина* примерно такая же ситуация: в 1912 г. наставник Никольской часовни Порфирий Лобанов девочку, родившуюся 23 февраля, нарек спустя 4 дня *Антониной*, а через год появившуюся на свет 17 февраля окрестил на 6-й день в честь той же мученицы Антонины Никейской – *Антонидой*⁵⁸⁶. В итоге за весь период в метриках оказалось 6 девочек с каноническим именем *Антонина*, а 11-ти досталась просторечная форма *Антонида*.

Подобные же примеры встречаются и у поповцев: священник белокрыницкого согласия Андрей Бердышев после совершения крещения 24 февраля 1909 г. вписал в метрику имя *Ироида*, а затем еще дважды – 19 марта 1913 г. и 3 сентября 1917 г. его же рукой в метрику внесен вариант *Ираида*⁵⁸⁷. В той же общине иерей Василий Усов 21 октября 1913 г. оставил запись о наречении младенца *Дмитрием*, 5 ноября 1914 г. –

⁵⁸⁵ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 117. Л. 18 об.–19 (Запись 3); Д. 183. Л. 8 об.–9 (Запись 19); Д. 257. Л. 2 об.–3 (Запись 3).

⁵⁸⁶ Там же. Д. 206. Л. 2 об.–3 (Запись 4); Д. 227. Л. 2 об.–3 (Запись 4).

⁵⁸⁷ Там же. Д. 115. Л. 20 об.–21 (Запись 7); Д. 178. Л. 37 об.–38 (Запись 20); Д. 331. Л. 4 об.–5 (Запись 17).

Димитрием. Всего в старообрядческих метриках вариант *Дмитрий* встречается дважды, а традиционное написание *Димитрий* 4 раза.

Все перечисленные разночтения указывают на то, что к началу XX века у части собственных имен (*Алексий, Димитрий, Елизавета, Антонина*) разговорные формы уже были настолько привычными, что становились в один ряд с каноническими и могли их заменять в метрических записях. В то же время относительно других имен этот процесс, похоже, даже не начинался: *Сергий* вписывалось исключительной в этом варианте, без каких-либо подозрений на разночтения или ошибки. То же самое можно сказать об именах *Феодор, Никола, Стефан*. В то время как в записях православных приходов в них часто возникают фонетические вариации и разночтения при письменной фиксации, вместо старинного имени *Никола* используется *Николай* – в метриках старообрядцев независимо от согласия присутствует только одна форма, являющаяся дореформенным каноном. Несмотря на широкую распространенность разговорной формы самого «русского» имени, 37 новорожденных мальчиков из старообрядческих семей стали *Иоаннами* и только один оказался вписан в метрики Успенской часовни за 1911 г. как *Иван*⁵⁸⁸.

Некоторые особенности написания имен, похоже, зависели от согласия: вариант *Елисавета* встречается лишь у часовенных (3 случая), а *Елизавета* только у белокриницкого согласия (6). Просторечная форма *Ульяния* обнаруживается в метриках, заполненных наставником, а традиционная по месяцеслову форма *Иулияния* вписана священником.

Иногда из-за близости дней памяти святых с похожими именами невозможно определить в честь кого был крещен младенец и понять насколько канонично написание имени. Например, 21 февраля 1913 г. священник Андрей Бердышев при крещении дочери крестьян Иргинского завода занес в метрику имя *Галя*. Это единственный случай использования формы, которая на первый взгляд является сокращением имени *Галина*. Однако в месяцесловах *Галя* и *Галина* – два разных имени. Из близких к дате крещения подходят памяти трех святых: прав. Галины (10 февраля), мц. Галины Коринфской (10 марта) и мц. *Гали́* (тоже 10 марта). В пользу

⁵⁸⁸ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 183. Л. 3 об.–4 (Запись 8).

того, что ребенку было дано имя последней отчасти свидетельствует практика того же священника – ни до, ни после он имя *Галина* не сокращал. Поэтому, скорее всего, данный случай следует рассматривать как сохранение традиции. В православных метриках имя *Гали́/Галя* встречается, но столь же редко – 8 имен на 7 тыс. человек⁵⁸⁹.

Среди распространенных имен только *Татиана* представлена исключительно неканонической формой (*Татияна*), хотя среди редких и разовых имен их больше (*Алимпий, Иларион, Марко, Пелагея, Анисья*).

Самыми востребованными пятью именами у старообрядцев Екатеринбурга и окрестных селений в 1907–1926 гг. были *Иоанн, Александр, Никола, Михаил, Георгий* и *Мария, Анна, Нина, Клавдия, Зоя* (см. Приложение 8).

За исключением *Георгия*, первые пять мужских имен, хоть и в другой последовательности – те же самые, что входят в эту группу у православных в центральной части страны (там пятерку замыкает *Василий*)⁵⁹⁰. Первые три мужских имени идут точно так же как в именнике населения Дона⁵⁹¹ 1908–1916 гг., а отличия наблюдаются в четвертой и пятой позициях: вместо уральских *Михаила* и *Георгия* на юге стоят *Василий* и *Андрей*⁵⁹². В области Астрахани 1900–1910 гг. в эти пять имен входили *Николай, Василий, Михаил, Андрей, Владимир*⁵⁹³. Однако, например, с данными белорусского старообрядческого именника конца XIX в. соотносится только имя *Иоанн*⁵⁹⁴.

Антропонимы *Мария* и *Анна* также входят в число самых употребительных в большинстве других регионов, но остальные три – *Нина, Клавдия* и *Зоя* с этой частью

⁵⁸⁹ См.: Регистр населения Урала.

⁵⁹⁰ Бондалетов В. Д. Русский именник... С. 21.

⁵⁹¹ С именником этой территории сравнение обоснованно прежде всего тем, что на отдельных территориях области войска Донского доля старообрядцев была довольно значительной: в Первом Донском округе они составляли 8.3% населения, в Усть-Медведицком – 10.6, во Втором Донском округе – 24; по остальным округам этот показатель не превышал 3% (Первая Всеобщая перепись. С. 1, 76. Расчет мой – Ю. Б.).

⁵⁹² Щетинин Л. М. Русские имена (очерки по донской антропонимике). Ростов-на-Дону : изд-во Ростовского ун-та, 1972. С. 183–219.

⁵⁹³ Копылова Э. В. Имя и время : два века истории имен астраханцев (1800–2000 гг.). М.: КноРус; Астрахань: Астрахан. ун-т, 2016.

⁵⁹⁴ Муратова Е. Ю. Именник старообрядческой общины на территории Миорского района Витебской области : автореферат дис. на соиск. ... канд. филол. наук / Белорусский гос. ун-т. Минск, 1994. С. 9.

именников не совпадают⁵⁹⁵. У старообрядцев Южного Урала *Нина* и *Зоя* не фиксируются совсем, хотя в этом случае стоит принимать во внимание, что данные по нему есть только за более ранний период и ограничены двумя годами⁵⁹⁶. На Дону эти три имени в период 1908–1916 гг. находятся в самом конце первой двадцатки, на *Нину* и *Клавдию* приходится 1.6 и 1.7% наименований соответственно, а на *Зою* всего 0.2⁵⁹⁷.

На примере распространенных имен можно проследить насколько существенна зависимость между днем рождения/крещения и датой памяти святого. Чрезвычайно востребованное у екатеринбургских старообрядцев имя *Нина* в честь просветительницы Грузии⁵⁹⁸, память которой приходится на 14 января, давалось не только в зимние месяцы, но и в апреле – августе. Часть случаев «внеурочного» времени наречения (3 раза из 6) отчасти можно объяснить тем, что оно относится к 1925–1926 гг., когда система имен активно трансформировалась, а следование религиозным предписаниям подвергалось испытаниям. Однако это не является единственной причиной, поскольку остальные три девочки получили свои имена в апреле, мае и июне 1907 и 1917 г. Возможно, в некоторых старообрядческих месяцесловах была еще одна дата, связанная с этим именем или же следует признать, что даже не строгий порядок выбора имени по святцам (в течение месяца до или после

⁵⁹⁵ Ср. Бондалетов В. Д. Русский именник... С. 34; Данилова И. В. Система личных имен Смоленского региона в XX веке: Динамический аспект : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Смолен. гос. пед. ун-т. Смоленск, 2004. С. 13; Кузнецова Я. Л. Женский антропонимикон старообрядцев Исетской волости конца XIX века // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 7. С. 140.

⁵⁹⁶ Назаров А. И. Именник старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска. С. 96–97.

⁵⁹⁷ Щетинин Л. М. Русские имена (очерки по донской антропонимике). С. 183–219.

⁵⁹⁸ На Урале несколько десятилетий, начиная с последней четверти XVIII в. старообрядцы принимали беглых священников, рукоположенных грузинскими епископами, поскольку считалось, что их крещение и поставление в сан наиболее соответствует каноническим правилам (см.: Родословие часовенного согласия // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 85). Не имея доказательств прямой зависимости этого обстоятельства и распространенности среди местных старообрядцев в начале XX в. имени равноап. Нины, принесшей в Грузию христианство, мы всё-таки выскажем предположение, что такая связь возможна. Кроме того, нельзя исключать влияние круга чтения жительниц города на желание дать дочери имя полюбившийся героини, одной из которых в начале века была Нина Джаваха, грузинская княжна из повести Лидии Чарской. Оба этих обстоятельства могли играть свою роль одновременно, когда имя, предлагаемое матерью сочеталось (хоть и по другим причинам) с представлениями семьи и конфессионального общества.

даты рождения или крещения) соблюдался отнюдь не всегда. Пример еще четырех женских имен из первой десятки с однократным упоминанием в календаре подтверждает последнее предположение (Таблица 4.13). Родившихся 14 апреля и 5 мая могли назвать в честь февральской *Валентины*, а появившимся на свет в феврале дать имя *Зинаида*, память которой приходится на октябрь, причем в одном случае так была окрещена дочь самого священника белокрыницкой церкви Василия Усова.

Таблица 4.13. Соотношение дат рождения и крещения с днем памяти святой согласно данным метрических книг старообрядцев Екатеринбурга, 1907–1926 гг.

	Имя					Всего
	Нина	Зинаида	Ольга	Татьяна	Валентина	
День памяти	14 января	11 октября	11 июля	12 января	10 февраля	
Совпадает с днем рождения	—	1	—	2	—	3
Совпадает с днем крещения	—	—	—	1	2	3
До рождения	9 ^{*1}	3 ^{*2}	5	3 ^{*4}	8 ^{*5}	28
После крещения	8	8	7 ^{*3}	5	3 ^{*6}	31
Между днем рождения и днем крещения	3	5	4	6	3	21
Всего	20	17	16	17	16	86

Источник: URaPP – Регистр населения Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>

Не оговоренные ниже в скобках годы крещения приходятся на период 1907–1918 гг.

^{*1} 6 чел. рождены и окрещены через несколько месяцев после дня памяти святой: 1 – в апреле, 1 – в мае, 3 – в июне (1907, 1918, 1925 гг.), 1 – в августе (1925 г.).

^{*2} 2 – в феврале.

^{*3} 1 – в мае (1924 г.).

^{*4} 1 – в ноябре.

^{*5} 2 – в апреле и мае.

^{*6} 1 – в октябре.

Можно также видеть, что даже в случае с наречением девочек уже не было строгой регламентации в направлении поиска, характерной для предшествующего времени⁵⁹⁹ и почти в равной степени выбирались имена, приходившиеся как на дни после крещения, так и до рождения или между ними. Большинство девочек, получивших эти имена были крещены в первые 8–9 дней своей жизни, но иногда обряд откладывался до полутора месяцев (Таблица 4.14).

⁵⁹⁹ Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. С. 143.

Таблица 4.14. Диапазон между днями рождения и крещения у носителей имен Нина, Зинаида, Ольга, Татьяна, Валентина, 85 чел.

Кол-во дней между рождением и крещением	1	2	3	4	5	6	7	8	9	11	14	15	16	17	18	21	24	48
Кол-во крещений	7	5	10	7	11	11	6	5	9	2	1	2	2	2	1	2	1	1
	71									14								

Источник: URaPP – Регистр населения Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>

О нескольких именах можно сделать вывод, что у старообрядцев они пользовались большей популярностью, чем у православных (см. Приложение 8), однако их совсем немного. В их числе уже упоминавшиеся имена *Нина* и *Зоя*, а также ряд редких антропонимов. В начале октября 1908 г. наставник часовенных выбрал каноническое написание имени, окрестив девочку в честь мц. *Виринеи Едесской*, а священник белокриницкой общины, при наречении июльской новорожденной в 1917 г., внес это же имя в форме *Вириния*. Использование имени только один раз в каждом из согласий не дает достаточных оснований для каких-либо обобщений. Примечательно другое: оно дается дважды на условную тысячу крещений у староверов и совершенно не встречается среди православных Екатеринбурга в начале XX в., даже в варианте *Вероника*. Его нет среди данных о 13 тысячах родившихся, которые сейчас доступны для анализа по трем из пяти городских приходов за 1880–1910-е гг.⁶⁰⁰ Следовательно, это имя следует считать востребованным преимущественно старообрядцами, хотя даже в их среде оно не было распространенным. В этом же ряду находится еще один женский антропоним – *Леонида*, и мужские – *Виссарион*, *Евсевий*, *Медост*, *Феодот*, *Фирс*, *Хрисанф*. Среди мужских имен исключительно «старообрядческим» был *Медост*. В такой форме это имя, вместо канонического *Модест*, присутствует не только в именнике на основе метрик 1900–1910-х гг., но и на уральских иконах старообрядческого письма XIX в., где он изображался в числе покровителей домашних животных⁶⁰¹. Но даже среди «старообрядческих» имен уже не встречалось таких как *Африкан*, *Авенир*, *Аскалон*, которые в 1820–1830-х гг. носили сыновья влиятельного старообрядческого

⁶⁰⁰ См.: Регистр населения Урала.

⁶⁰¹ Невьянская икона. Екатеринбург : изд-во Уральского ун-та, 1997. С. 143, 153; Уральская икона. Екатеринбург : изд-во Уральского ун-та, 1998. С. 167, 180.

старшины екатеринбургского общества Егора Артемьевича Китаева⁶⁰². Причем, в середине XIX в. его сын был не единственным обладателем имени Африкан в Екатеринбурге⁶⁰³.

* * *

Результаты изучения личных имен в записях о родившихся являются основанием для следующих выводов:

1. Подавляющая часть имен, которые старообрядцы Екатеринбурга давали своим детям, встречается в других регионах. Особенно близким по сочетанию самых популярных мужских имен оказываются именники центральных областей страны и Дона, где старообрядцев было немало.

2. Основой для имянаречения в начале XX в. продолжал оставаться месяцеслов. У старообрядцев Екатеринбурга в это время не фиксируется имен в него не входивших.

3. Определение имени в городских условиях в данный период не имело строгого порядка: треть имен выбиралась из тех дней памяти святых, что предшествовали дню рождения, 40% приходилось на период между появлением на свет и крещением, и 24% имен давались в честь имен, поминаемых после крещения.

4. Характерными исключительно для старообрядцев было совсем немного имен из разряда редких и разовых.

5. В начале XX в. уже почти половина новорожденных обоего пола получала распространенные имена, но в большей степени к ним обращались при наречении мальчиков, которым предстояло более активное взаимодействие с социумом, и родители при выборе имени, соблюдая в определенной мере внутриконфессиональные традиции, скорее всего, принимали во внимание и общие для городского населения предпочтения.

⁶⁰² Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала... С. 157.

⁶⁰³ Кроме Африкана Китаева в Екатеринбурге знали купца 2-й гильдии Африкана Ивановича Харитонов, 1834 г. р. (ГАСО. Ф. Оп. 1. Д. 1775. Л. 236–238).

4.4. Детская смертность в старообрядческом сообществе по материалам метрических книг

Для изучения детской и младенческой смертности в трех старообрядческих приходах Екатеринбурга начала XX в. есть 932 метрические записи о родившихся и 665 умерших до 1926 г. включительно (Таблица 4.15).

Таблица 4.15. Количество записей в метрических книгах старообрядческих общин Екатеринбурга, 1907–1926 гг.

Годы	Родившиеся	Умершие					
		Младенцы и дети				Взрослые	Все возрасты
		До 1 года	1–5 лет	6–16 лет	Всего от 0 до 16 лет	старше 16 лет	
1907	44*	5	3	0	8	22	30*
1908	90	8	4	1	13	34	47*
1909	75	9	8	3	20	33	53*
1910	98	14	4	5	23	24	47*
1911	79	12	6	2	20	30	50
1912	75	15	6	1	22	41	63
1913	88	11	4	0	15	21	36*
1914	74	7	11	1	19	33	52
1915	75	18	13	4	35	43	78
1916	54	8	7	2	17	50	67
1917	61	11	6	4	21	40	61
1918	40	1	3	1	5	27	32***
1919	38*	0	1	1	2	25	27**
1920	4**	0	1	0	1	16	17**
1921	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1922	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1923	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1924	20**	0	0	0	0	4	4**
1925	15**	0	0	0	0	1	1**
1926	2**	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Всего	932	119	76	25	220	445	665

Источник: URaPP – Регистр населения Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 91–97, 113–118, 140, 175–185, 206–209, 227–230, 251–258, 281–283, 285–289, 307, 308, 331–336, 354, 356–358, 366–368 (метрические книги старообрядцев Екатеринбурга 1907–1926 гг.).

* Сохранились данные по Троицкому и Никольскому приходам.

** Сохранились данные только по Троицкому приходу.

*** Сохранились данные по Троицкому и Успенскому приходам.

Очевидно, что заполнение метрик не всегда было регулярным. Стабильным периодом являются 1907–1917 гг. Далее количество обрядов резко сокращается,

поскольку в 1918 г. на Урале разворачиваются боевые действия с неоднократной сменой властей, что препятствовало не только поддержанию качества учета событий жизненного цикла, но и самому их осуществлению. С 1919 г. записи сохранились только по белокриницкому приходу. Все вышеизложенное дает основания утверждать, что использование в историко-демографических расчетах данных после 1917 г. вряд ли приведет к корректным выводам, хотя они, безусловно, важны для характеристики приходской жизни в ранний советский период. В итоге для анализа остается совокупность данных до 1917 гг.: 813 записей о родившихся и 584 об умерших (в т. ч. 118 – до 1 года, 71 – от года до 5 лет, 23 – от 6 до 16 лет, всего 212 – от 0 до 16 лет). На возраст до 5 лет включительно приходится 32% всех умерших.

Согласно сохранившимся данным, в среднем во всех старообрядческих приходах Екатеринбурга в 1907–1917 гг. крестилось ежегодно 74–76 человек, венчалось 15 пар и отпевалось 60 умерших. На один брак приходилось 5,8 рождений. Таким образом, объем записей о родившихся в это период косвенно подтверждает данные о 2 тыс. староверов в Екатеринбурге, поскольку в начале XX в. в пределах города на 1000 человек приходилось 36 рождений (в 1902 г. в Екатеринбурге было на 55853 жителя состоялось 2008 крещений)⁶⁰⁴. Есть сомнения в том, что абсолютно все дети, родившиеся в семьях старообрядцев города, внесены в метрики. На это указывает отсутствие в разделе о крещениях сведений о минимум 15-ти местных мещанских сыновьях и дочерях, впоследствии умерших в раннем возрасте, т. е. минимум 7,1% родившихся были не учтены в метриках (Таблица 4.16).

Таблица 4.16. Результаты связывания данных о родившихся и умерших в возрасте до 16 лет в старообрядческих приходах в 1907–1917 гг.

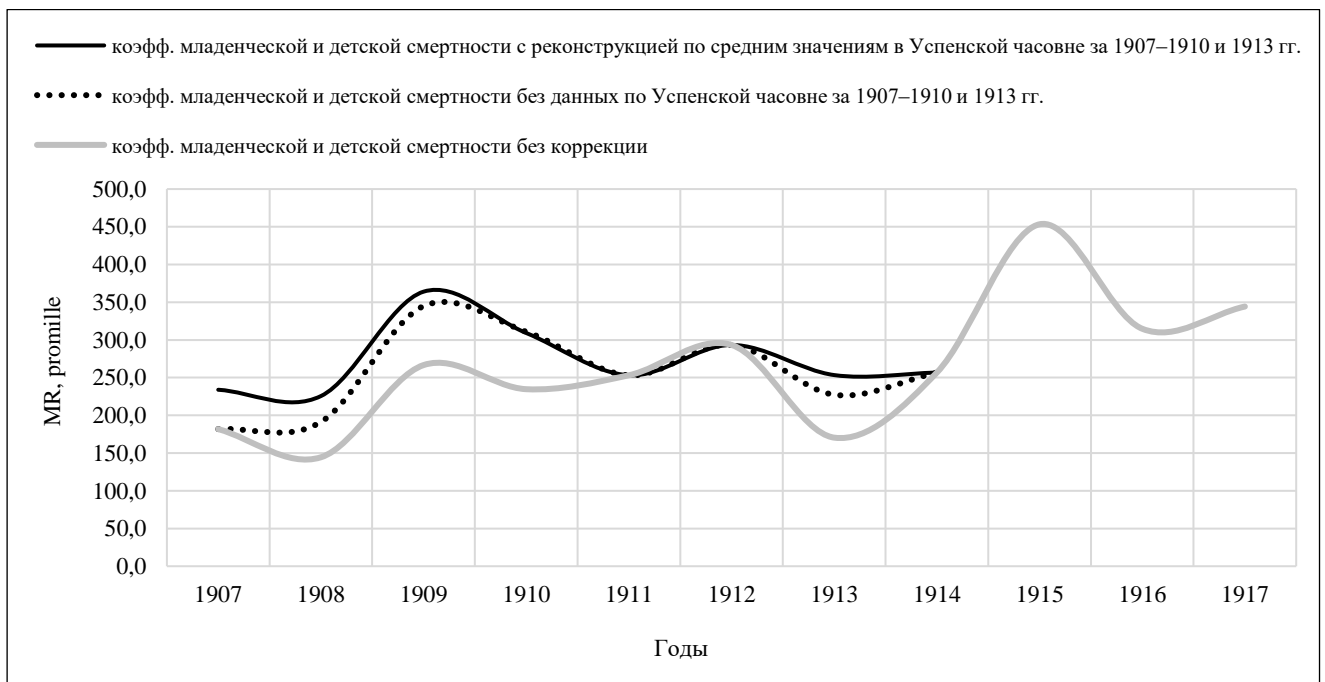
	Умершие, о которых есть записи в разделе о крещениях	Умершие, о которых нет записей в разделе о родившихся				Всего умерло детей
		Постоянные жители Екатеринбурга	Не постоянные жители Екатеринбурга	Родившиеся до 1907 г.	Недостаточно данных для идентификации	
чел., N	115	15	42	19	21	212
%	54,2	7,1	19,8	9,0	9,9	100,0

Источник: URaPP – Регистр населения Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>

⁶⁰⁴ Статистические сведения по Пермской губернии за 1902 год // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1904 г. Пермь, 1903. Отд. I. С. 77–79.

Необходимо отметить, какие в комплексе книг есть лакуны. По одному из храмов часовенного согласия – т. н. «малой» Успенской часовне за 5 из 11 лет не сохранились книги об умерших за 1907–1910 и 1913 гг. и о родившихся за 1907 г. (при этом есть браки за 1908–1910 гг.). Это обстоятельство является наиболее серьезным препятствием для непосредственного привлечения столь ценных старообрядческих метрик к анализу смертности, поскольку в этом случае необходим сопоставимый объем данных по родившимся и умершим. На примере расчета коэффициента младенческой и детской смертности мы попытались проверить насколько существенна разница между использованием всех наличных записей и двумя вариантами коррекции, направленными на снижение негативного эффекта от лакун в записях «малой» Успенской часовни (Рисунок 4.6).

Рисунок 4.6. Коэффициент младенческой и детской смертности у старообрядцев Екатеринбурга 1907–1917 гг. (до и после коррекции данных за 1907–1910 и 1913 гг.)

Источник: URaPP – Регистр населения Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://urappdata-urfi.uirfu.ru/ural-population-project> На основе 813 записей о родившихся и 212 записей об умерших в возрасте от 0 до 16 лет.

Первый вариант коррекции – 1907–1910 и 1913 гг. рассчитываются только на основе тех приходов, по которым есть оба раздела, родившиеся и умершие (исключаются данные о крещениях в Успенской часовне за 1908–1910, 1913 гг.

поскольку к ним нет записей об умерших; и 1907 г. по ней выпадает так как отсутствуют оба раздела). В этом случае сокращается количество анализируемых случаев: 728 родившихся и 212 умерших младенцев и детей.

Второй вариант коррекции связан с использованием среднегодовых значений по Успенской часовне в случае отсутствия данных. За 1908–1917 гг. этом приходе в среднем за год происходило 21,4 крещений и 7,3 смертей в возрасте до 16 лет включительно, поэтому общая расчетная база составила условно 834,4 крещений и 249,5 смертельных случаев.

В итоге можно видеть, что при втором варианте реконструкции за счет более сбалансированного количества крещений и отпеваний по всем приходам можно избежать не вполне корректной картины со скачкообразными колебаниями младенческой и детской смертности в 1912–1913 гг., которые неизбежно возникают при небольшом количестве анализируемых случаев. Однако их все равно не вполне достаточно для анализа погодной динамики, поскольку на каждый год до второй революции даже в случае реконструкции по средним значениям приходится небольшое количество случаев, а использование данных малого объема накладывает ограничения на работу с ними и выводы⁶⁰⁵. Например, по рис. 4.22 выделяется как без коррекции, так и после нее пик младенческой и детской смертности в 1909 г., хотя по числу случаев убыли он был не самым выдающимся и в причинах смертности не было указаний на эпидемий: 5 детей скончались, предположительно (поскольку, в качестве причин смерти часто указывались видимые симптомы) в январе, феврале и в июне – августе от болезней дыхательных путей («кашель», «простуда», «воспаление легких»), 5 – от «поноса» и «болезни живота», 3 – от «родимца», 3 – от «чахотки», 2 – от рахита («английской болезни»), по одному случаю пришлось на корь и «нервную болезнь». Медицинский диагноз встречается лишь однажды – «чахотку» у 5-летнего

⁶⁰⁵ Миронов Б. Н. Новая историческая демография имперской России (Ч. 2): аналитический обзор современной литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 4. С. 107; Кащенко С. Г. Микроисследования по исторической демографии Российской империи XIX – начале XX в.: Опыт работ 1990-х – 2001 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. 2001. Вып. 1. С. 3–15.

крестьянского мальчика определил в апреле один из городских фельдшеров. Соотношение 20 умерших до 16 лет и небольшого числа родившихся (75 человек) в этом году дает повышенный коэффициент смертности, при этом мало что объясняя, поскольку даже незначительное изменение числа случаев за год, оборачиваются падением/ростом результата на 40–50 единиц из-за чего сравнение по годам становится не корректным.

Поэтому следует откорректировать описанным выше способом имеющиеся данные и применять расчеты ориентировочных коэффициентов ко всему периоду в целом или же объединяя записи за несколько лет. Например, есть имеет смысл выделить, довоенное время 1907–1913 гг. и годы I Мировой войны до 1917 г. включительно (Таблица 4.17)⁶⁰⁶.

Таблица 4.17. Младенческая и детская смертность у старообрядцев Екатеринбурга до и после 1914 г. (с коррекцией данных)

Годы	Данные без коррекции по всем старообрядческим приходам			Коррекция без записей Успенской часовни за 1907–1910 и 1913 гг. и 7% поправкой к рождением			Коррекция с дополнением средних значений по Успенской часовне за 1907–1910 и 1913 гг. и 7% поправкой к рождением		
	Умерло от 0 до 16 лет, N	Родилось, N	Коэффициент детской и младенческой смертности, ‰	Умерло от 0 до 16 лет, N	Родилось, N	Коэффициент детской и младенческой смертности, ‰	Умерло от 0 до 16 лет, N	Родилось, N	Коэффициент детской и младенческой смертности, ‰
1907–1913	121	549	220	121	496	244	158	610	258
1914–1917	91	264	345	91	283	322	91	283	322
за весь период	212	813	261	212	779	272	249	893	279

Источник: URaPP – Регистр населения Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>

Принимая во внимание возможный 7-процентный недоучет рождений за весь период, можно полагать на основе реконструированных значений, что детская и младенческая смертность у старообрядцев в трех приходов Екатеринбурга в мирные годы была примерно 244–258‰, а в годы войны выросла до 322‰. Рост младенческой и детской смертности был обусловлен мобилизацией мужчин, что привело к снижению брачности и рождаемости, а также к необходимости многим семьям искать дополнительные заработки, что нередко оборачивалось занятостью

⁶⁰⁶ Основания для выделения этих двух периодов дает также анализ причин младенческой смертности (Приложение 9, рис. 2).

матери вне дома, ухудшением ухода и кормления, увеличением желудочно-кишечных заболеваний у детей, болезней органов дыхания и инфекций. Кроме того, в 1915–1917 гг. в Екатеринбурге оказались беженцы из западных губерний, которые в случае смерти своих детей, стали обращаться в старообрядческие приходы (возможно, по причине более демократичного отношения к плате за исполнение треб) для совершения отпеваний и погребений.

Результаты изучения данных старообрядческих метрик дают основания утверждать, что стабильный период ведения книг во всех старообрядческих общинах Екатеринбурга приходится на 11-летие – с 1907 по 1917 гг. При этом фактический объем записей за этот период ограничивает возможности анализа погодной динамики коэффициента младенческой и детской смертности. Объединение сведений за несколько лет, внесение 7% поправки на недоучет данных о родившихся и реконструкция возможного количества записей в утраченном фрагменте комплекса метрических книг по одному из приходов не внесли глобальных изменений в наблюдения на основе первичных данных, но позволили более точно представить насколько велика была смертность ранних возрастов. Наиболее корректными значениями являются 240–260 промилле в довоенное время и 320 – в годы войны. За весь период 1907–1917 гг. смертность младенцев и детей находилась на уровне 272–279‰ (только младенческая смертность при этом была в 155–160‰) и была ниже чем у православного населения, терявшего в возрасте до 1 года в мирное время 347–353 чел. из каждой тысячи родившихся⁶⁰⁷. Для сравнения: у местных католиков в 1906–1917 гг.

⁶⁰⁷ Голикова С. В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 5. С. 99; Glavatskaya E., Borovik J., Thorvaldsen G. Urban infant mortality and religion at the end of the nineteenth and in the early twentieth century: the case of Ekaterinburg, Russia. *The History of the Family*. 2018. № 1 (23). P. 135–153, (Table 5); Bakharev D., Glavatskaya E. Infant mortality in the late 19th and early 20th century // *Nominative data in demographic research in the East and the West*. Ekaterinburg, 2019. P. 212.

Приведем еще одно сравнение, которое пояснит не только региональную, но и страновую специфику: В Барнауле в 1880-х гг., согласно данным метрических книг, младенческая смертность у православных не опускалась ниже 400 промилле, а то время как аналогичные материалы протестантских церквей норвежского города Тронхейм показывают, что в крупном, но не столичном европейском городе до конца 1890-х гг. коэффициент младенческой смертности стабильно держался на уровне в 150 промилле, что на фоне остальной страны позволило

средний коэффициент младенческой смертности был не выше 60, а в еврейской общине около 90 промилле. Столь значительные вариации уровня младенческой смертности от одной религиозной деноминации к другой указывают на существенное влияние норм и ценностей, которых придерживались приверженцы разных религиозных сообществ и сословных страт внутри них.

* * *

Во второй половине XIX – начале XX вв. происходила постепенная легализация старообрядческой общины и семьи, завершившийся окончательным признанием в 1905–1906 гг. Параллельно происходило распространением типа простой (нуклеарной) семьи и уменьшение доли составных семей. Последний тип семейной организации сохранялся прежде всего у той части населения, которая испытывала необходимость в совместных усилиях, направленных на производство, т. е. у городских ремесленников и жителей пригорода. Следовательно, будет обоснованным утверждать, что эволюция структуры старообрядческой семьи направлялась в значительно большей степени социально-экономическими факторами, чем религиозными. Кроме того, отход от строгого следования религиозным предписаниям проявилось в начале XX в. в практике имянаречения, подверженной влиянию общегородских предпочтений.

Городское старообрядческое сообщество в начале XX в., несмотря на вовлеченность в деловые связи с представителями других деноминаций, по-прежнему строго придерживалось требования к бракосочетавшимся принадлежать к «одной вере», что вызывало переходы из одного согласия в другое и могло дезавуировать предшествующее брачное состояние (особенно, если переход происходил от часовенных, не имевших священства и возможности освятить брак

исследователям считать это место неблагоприятным для младенцев вплоть до того как на рубеже XIX–XX вв. ситуация там стала улучшаться (*Сарафанов Д. Е.* Смертность населения в Барнауле в XIX в. // Миграции и постмиграционные сообщества (Алтай – Казахстан, XIX–XX вв.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 182–212; *Sommerseth H. L., Walhout E. C.* Deaths in a city: a view from the 19th century church registers in Norway // *Nominative Data in Demographic Research in the East and the West*. Ekaterinburg: Ural University Press, 2019. P. 185).

венчанием, к обладавшим церковной иерархией белокриницким и ситуативно воспринимавшим «брачение», совершенное при участии наставника-мирянина: в практике екатеринбуржцев встречалось как признание законности такого супружества, так и его игнорирование).

Еще одной отличительной чертой екатеринбургских семей старообрядцев, несмотря на то что среди них было много приписанных к крестьянскому сословию, является заметно более низкий уровень младенческой и детской смертности, по сравнению с православными приходами, включавшими жителей окрестных деревень.

Заключение

В результате проведенного исследования удалось проанализировать основные тенденции развития старообрядческого сообщества города Екатеринбурга. Привлеченный комплекс правовых, делопроизводственных, статистических, номинативных, литературно-публицистических и историко-полемиических источников позволил выявить общие и специфические проявления социокультурных и демографических процессов в данной деноминации в условиях начальной стадии урбанизации.

Изучение истории сообщества старообрядцев в большом городе уральского региона, каковым был Екатеринбург во второй половине XIX – начале XX вв., позволило выявить несколько обстоятельств, которые оказали влияние на положение этой религиозной группы в городской среде. В результате проведенной пространственной реконструкции развития религиозного ландшафта старообрядцев Екатеринбурга удалось установить, что в XVIII в. староверы селились ближе к центральной торговой части Екатеринбурга или на удобной для заведения промыслов южной окраине, создав, таким образом, два основных территориальных кластера в городском пространстве. К середине XIX в. и часовенное и белокрыницкое согласия старообрядцев уже более полувека имели свои общественные молитвенные здания. Часть из них находилась в центральной части города, освоенной старообрядцами, занимавшимися торговлей и поставками потребительских товаров на горные заводы; другая – на южной окраине, занятой преимущественно выходцами из Шарташа, приписавшимися к городским сословиям в последней четверти XVIII в. Однако, во второй половине XIX – начале XX вв. эти два района считать «старообрядческими» можно лишь условно. Места их проживания уже не столь явно и четко были связаны с исторически сложившимися кластерами, а были частью религиозно гетерогенного городского пространства. Большинство проживавших в центральном и южном – бывших старообрядческих кварталах все еще были прихожанами одной часовни, но встречались и те, кто принадлежал к другой деноминации. Мигранты,

прибывавшие в город в послереформенное время, все еще предпочитали селиться внутри этих районов или вблизи них, однако, в зависимости от обстоятельств, могли выбирать дома и квартиры в других местах. Более состоятельные семьи тяготели к центру. Таким образом, старообрядческий мир, имея определенную пространственную локализацию, постепенно все больше включался в общегородскую среду.

Вторым существенным обстоятельством являлась включенность старообрядческих лидеров в работу органов городского самоуправления. И хотя во второй половине XIX в. их роль уже не была ведущей, как раньше, тем не менее все известные купеческие фамилии, попечительствовавшие в общинах староверов, не занимая главенствующих позиций в городской думе, тем не менее участвовали в ее работе в качестве гласных. Начиная с последней четверти XIX в. представители старообрядческой среды входили в число светских лидеров города, так что в их компетенцию входило не только внутриконфессиональное предпринимательство и попечительство, но и взаимодействие с широким кругом лиц, принадлежавших к разным религиозным направлениям, профессиональным и социальным слоям, имевшим иной уровень образования. Решение вопросов, входивших в компетенцию органов городского самоуправления, требовало постоянного обсуждения и экспертного участия в специализированных комиссиях, период работы которых не был продолжительным, а состав постоянно менялся. Круг проблем включал не только благоустройство и безопасность города, сбор местных налогов, но и работу городского банка, организацию городских медицинских служб, финансирования учреждений светского образования. Для консультаций на заседания думы приглашались врачи, представители учебных заведений. В этих условиях у всех участников процесса со временем появлялись более широкое и детальное понимание эффективных вариантов различных практик, начиная от взаимодействия с губернской администрацией до мер по предотвращению эпидемий, лечению заболеваний, возможностях внеконфессиональной благотворительности. Вследствие этого идентичность светских лидеров старообрядческих общин города становилась более сложной,

формировалась с учетом не только религиозной принадлежности, но и интегративной практики сословного представительства в рамках городской среды. Они получали опыт широкого взаимодействия и усваивали новые приемы обсуждения и вынесения решений, которые затем применяли для достижения необходимых им результатов на старообрядческих соборах и съездах. Именно эти деятели и близкие к ним круги городских старообрядцев проявляли максимальную заинтересованность в достижении определенного правового статуса, а также более высокого институционального и образовательного уровней, адекватных той социальной страте, в которую они входили.

Происходившая либерализация законодательства в отношении староверов, при всей её ограниченности, была очень важна для горожан, поскольку имела прямое влияние на постепенное включение старообрядческой семьи в правовое поле, превращению неформальных структур общины в официально признаваемые объединения.

В рамках рассматриваемого периода удалось выявить несколько самостоятельных этапов, характеризующихся определенным содержанием и спецификой.

Первый период охватывает 1853–1874 гг. – годы, когда стала очевидной необходимость пересмотра отношения властей к старообрядчеству, находившемуся за пределами правовой сферы, что привело к частичной легализации старообрядческой семьи.

Второй – середина 1870-х – 1905 гг., характеризовался постепенным развитием законодательной базы, регулировавшей взаимодействие властей со старообрядческими общинами, и началом активной борьбы за отмену ограничительных статей законодательства.

Третий период – 1905–1919 гг. ознаменовался провозглашением закона о веротерпимости, отменой основных ограничений в деятельности старообрядческих обществ, включением их в публичную сферу в качестве правомочных юридических лиц, признанием законности религиозного брака, заключенного в общине. При этом, условия каждого периода определяли содержательную часть проблем,

актуальных для старообрядцев, а внутреннее состояние общин и обществ влияло на ход и направленность поиска путей их решения.

Общины Екатеринбурга выделялись среди всех старообрядцев региона ярко выраженным стремлением использовать полученные права и готовностью при этом соблюдать формальные правила взаимодействия с властями. Они проявляли заинтересованность в утверждении официального статуса своих общин и духовных лиц, создании новых внутриконфессиональных институтов, отстаивании своей точки зрения в религиозных и политических дискуссиях с представителями не городских обществ и получении права самостоятельного учета событий жизненного цикла. Оба присутствовавших в городе направления – часовенное и белокриницкое согласия – проводили соборы и съезды, в том числе один всероссийский в 1911 г. Старообрядцы организовывали диспуты и благотворительные акции, сотрудничали с периодической печатью, выпускали свой журнал, публиковали материалы дискуссий. Активные прихожане стали входить в Совет общины, участвовали в организации приходских библиотек и школ, работе братств и сыграли ведущую роль в создании старообрядческой политической коалиции для выборов в Учредительное собрание. При этом в состав Совета входили преимущественно мещане, а круг активных представителей купеческих семей был не очень широк, особенно в часовенном согласии.

На уменьшение купечества в составе городской общины оказали влияние законодательные изменения первой половины 1860-х гг., разрешившие занятие торгово-промышленной деятельностью на основе выкупа свидетельств без записи в купеческие гильдии. Эта тенденция была частью общего процесса, которому способствовала частичная утрата купеческим сословием имевшихся ранее привилегий и упадок городских корпораций после реформы самоуправления 1870 г. К началу XX вв. старообрядческие общества уральских городов включали незначительное число купеческих фамилий. Гораздо больше в их среде было мещан, в том числе выписавшихся из купцов или горожан в первом поколении. Довольно значительная часть городских старообрядцев была представлена пришедшими в город крестьянами.

Анализ приписки староверов, ставших жителями Екатеринбурга, позволил выяснить, что пополнение старообрядческих городских общин было напрямую связано с миграционными процессами. Динамичный рост численности городского старообрядческого общества за счет крестьян начался в 1860-х гг., а в 1870-х – начале 1880-х гг., когда уральские заводы еще не преодолели первые последствия кризиса после отмены крепостного права, усилился еще больше. В результате внутренних и межрегиональных перемещений в городах оседали выходцы из близлежащих селений и соседней Вятской губернии. Кроме того, мигранты-старообрядцы переселялись в уральские города и из центральной России, преимущественно уездов восточного Подмосковья и Нижегородской губернии.

Во второй половине XIX в. многие вновь прибывшие староверы стремились найти дома и квартиры для жительства вблизи мест общественной молитвы и компактного проживания основной части прихожан, хотя в этом случае на выбор влияли конфессиональные предпочтения, социальные связи, а также экономические возможности и перспективы. Наличие в городах организованного старообрядческого сообщества способствовало адаптации мигрантов благодаря социальному контролю на уровне прихода, конфессионально-хозяйственным и семейным контактам. По мере упрочения положения и включения в городскую систему связей за пределами общины, начинался процесс перемещения старообрядческой семьи или её части как минимум в двух направлениях – в гетерогенный старообрядческий квартал, скрепленный социально-профессиональными отношениями, или в ближайшие к центру прихода более комфортные усадьбы.

Основной круг занятий, составляющих базу семейно-хозяйственных взаимосвязей старообрядцев города, включал торговлю, сферу услуг и промысловые предприятия. Конфессиональная поддержка могла влиять на их успешное ведение, однако рыночная конъюнктура и появление возможности брать кредиты оказывали значительно большее воздействие на благосостояние во второй половине XIX – начале XX вв. Прецедент кредитования старообрядцев с. Шарташ в Городском общественном банке в первой половине 1870-х гг. свидетельствовал,

что у старообрядцев была такая потребность и она не входила в противоречие с религиозными предписаниями. Процесс использования старообрядцами Екатеринбурга технологических новинок и активное освоение ими новых производств и профессий шло в русле аналогичных процессов, отмеченных и в других регионах страны. Таким образом, деловое сотрудничество городских старообрядцев хотя и развивалось благодаря семейным и конфессиональным связям, но в начале XX в. уже не исчерпывалось ими.

Анализ восприятия староверами уральского города изменений законодательства и степени их включенности в общегородские структуры позволяет выявить основные переменные, влияющие на их отношение к расширению гражданских прав.

1. Наличие опыта конструктивного внеконфессионального взаимодействия у элиты и влиятельного круга рядовых прихожан, выступавших в качестве медиаторов во взаимодействии с властями.

2. Вовлеченность рядовых прихожан в урбанизационные и секуляризационные процессы, изменявшие их отношение к закреплению владельческих прав, образованию и другим ресурсам социальной мобильности. Старообрядцы, имевшие приписку к городским сословиям и проживавшие в городе, были включены не только в религиозную общину, но и в органы сословного представительства и взаимодействовали с широким кругом лиц. Их приемы общения, манеры поведения, нормы и ценности испытывали влияние общегородских тенденций развития. В итоге старообрядцы городского сообщества, являясь частью многообразного городского социума, вне зависимости от согласия испытывали влияние урбанистических тенденций, что придавало им специфические по сравнению с не городскими общинами свойства: расширение аспектов самоидентичности, повышенная адаптивность к изменениям, способность лидеров к гибкому поведению и действию, что в итоге обеспечивало городскому обществу лидирующие позиции.

Изучение демографических характеристик городской старообрядческой семьи показало, что в начале XX в. гомогенность супружеской четы по-прежнему имела

первоочередное значение для признания законности брака самими старообрядцами. Для преодоления проблемы, возникавшей в случае, если один из брачующихся являлся представителем другой конфессии или согласия, проводился обряд перехода (присоединения) в то или иное старообрядческое согласие. Особенно жестко этот принцип соблюдался старообрядцами часовенного согласия. Городские старообрядцы находились в сфере активного влияния процессов демографического перехода: средний размер, и структура их семей имели незначительные отличия по сравнению с остальным, преимущественно православным населением. Следовательно, изменение численности семьи и семейного строя у старообрядцев в городских условиях находилось в значительно большей степени под воздействием комплекса факторов общих для всего городского населения.

Городские старообрядцы из-за ограничений «сводных» браков отличались повышенной долей семей, состоявших из одного человека, особенно в среде купцов и мещан. При прочих равных условиях ревизского учета почти 25% старообрядческих семей можно было отнести к этому типу, в то время как среди православного населения доля таких семей не превышала 11%.

Нуклеарная (простая) семья являлась преобладающим типом у купцов и мещан, принадлежащих к старообрядческому и единоверческому обществам. Примерно половина всех старообрядцев-купцов и до четверть старообрядцев-мещан проживали в таких семьях.

Присутствие мультифокальных семей, состоявших из нескольких супружеских пар и объединявших 47% приписанных к городу последователей старого обряда, уже в конце 1850-х гг., не всегда являлось показателем реального существования масштабных семейных коллективов. На микроуровне исследования можно наблюдать, что в ряде случаев они являлись таковыми только как единица податного и рекрутского учета, но функционировали с явной степенью автономности и эволюционировали в сторону расширенных и нуклеарных семей. Распределение по типам внутри отдельных социальных страт показывает много общего у групп, принадлежащих к разным религиозным направлениям.

Наблюдения, сделанные в ходе историко-демографического анализа, также позволяют утверждать, что при использовании локального материала исключительное значение приобретает источниковедческий анализ и решение проблем, связанных с малым объемом данных.

Изучение практик имянаречения и младенческой смертности в среде старообрядцев Екатеринбурга было прослежено влияние общегородских модернизационных тенденций. Таким образом, развитие городской старообрядческой семьи находилось в тесной взаимосвязи с социокультурными городскими процессами.

Изучение комплекса факторов, влияющих на положение старообрядцев в условиях уральского города второй половины XIX – начале XX вв., показало, что их семьи и общины, являлись проводниками религиозной идентичности и сохраняли высокую степень взаимодействия. Вместе с тем, оба эти института постепенно модернизировались в процессе интеграции в городскую общность. Прочная система деловых, родственных и конфессиональных связей, способствовала сохранению общины, и продолжавшей развиваться и играть существенную роль на протяжении всего изучаемого периода. Ее деятельность в условиях нараставшего социального, культурного и религиозного многообразия уральского города, способствовала включению новых стратегий и практик.

Проведенное на примере старообрядцев исследование позволило предложить схему изучения городских религиозных меньшинств, включающую сочетание историко-генетического, сравнительно-исторического, количественного методов и метода исторического картографирования. Такое сочетание дало возможность получить более глубокое, комплексное понимание феномена, установить взаимосвязи внутренних качеств рассматриваемого социума и средовых влияний. Городское старообрядческое общество, в трансляции идентичности которого большое значение имела семья и религиозная община, развивалось благодаря не только приверженности единым религиозным ценностям, но и наличию внутренней социальной стратификации, а также постоянному расширению и усвоению многообразного опыта взаимодействия в изменчивой городской среде.

Перспективы дальнейшей разработки темы. Полученные результаты делают возможным переход к дальнейшему изучению действенного сочетания традиции и новации в социокультурной динамике, а также открывают перспективы расширения методики изучения городских религиозных сообществ мигрантов. Разработанный план комплексного исследования городских старообрядческих общин включает изучение не только статистической численности и ее соответствия реальному положению дел, но и историю развития религиозных институтов, деятельность религиозных и светских лидеров, а также степень сохранности традиции и способов поддержания идентичности. Его важной частью является анализ социального и половозрастного состава, спектра основных занятий, миграций, изменений семейной структуры, возраста брака, уровня детской смертности, являющихся важными показателями адаптации и уровня включенности изучаемой группы в модернизационные процессы.

Список источников и литературы

Источники

I.1. Опубликованные источники

Законодательные акты

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е (1825–1881). Т. I. № 151 : О разрешении как поступать с церковниками, исключенными из духовного звания 13 февраля 1826 г.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е (1825–1881). Т. I. № 584 : «О недозволении раскольникам ничего строить вновь похожего на церкви» 17 сентября 1826 г.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е (1825–1881). Т. II. № 1257 : «О распубликовании указа Святейшего Синода 14 августа 1808 года, чтобы дела о людях, вступивших в брак по раскольническому обряду, рассматривать и судить гражданским, а не духовным правительством» 19 июля 1827 г.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е (1825–1881). Т. III. № 2356 : «О праве раскольников и старообрядцев свидетельствовать духовные завещания, составляемые людьми одинакого с ними обряда» 18 октября 1828 г.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е (1825–1881). Т. VI. № 4677 : Рекрутский устав 28 июня 1831 г., ст. 74 «Если в числе душ неполного участка ни разу не содержится то число, с коего Манифестом велено взимать одного рекрута...».
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е (1825–1881). Т. XI. № 9107 : «О воспрещении обращать крестьянские избы в

старообрядческие молельни и устраивать в них престолы» 28 апреля 1836 г.

7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е (1825–1881). Т. XX. № 19283 : Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 15 августа 1845 г. С. 206–215. О ересьях и расколах.

8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е (1825–1881). Т. XXXVIII. № 39118 : Высочайше утвержденное положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1 января 1863 г.

9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е (1825–1881). Т. XXXVIII. № 39119 : Высочайше утвержденное положение о взимании 1863 году налога с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках 1 января 1863 г.

10. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е (1825–1881). Том XLIX. Отделение 1. № 53391 : Правила записи браков раскольников 19 апреля 1874 г.

11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е (1881–1913). Т. III. № 1545 : О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб 3 мая 1883 г.

12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е (1881–1913). Т. XXV. № 26125–26126 : Высочайше утвержденные положения комитета министров об укреплении начал веротерпимости 17 апреля 1905 г.

13. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е (1881–1913). Т. XXV. № 26962 : Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату о временных правилах о повременных изданиях 24 ноября 1905 г.

14. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е (1881–1913). Т. XXIV. № 28424 : Указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» 17 октября 1906 г.

15. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е (1881–1913). Т. XXIV. № 28425 : Об учреждении книг гражданского состояния старообрядцев и отделившихся от Православия сектантов 17 октября 1906 г.

Особые императорские распоряжения о старообрядцах

16. Касательно предположения Оренбургского генерал-губернатора об учреждении в Челябинском уезде Оренбургской губернии четырех сельских школ для детей раскольников, 27 ноября 1872 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 666.

17. О выборе в общественные должности раскольников из государственных крестьян, 29 ноября 1863 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 603–605.

18. О выборе раскольников в общественные должности, 27 июля 1861 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 582–583.

19. О допросе раскольников, 2 января 1862 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 586.

20. О допущении до участия в городских выборах и избрания в общественные должности раскольников, 16 июня 1870 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 662.

21. О допущении раскольников в общественные учебные заведения, 4 августа 1861 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 582–583.

22. О доставлении приходским священникам сведений об умирающих и рождающихся раскольниках, 30 декабря 1855 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 505.

23. О закрытии секретного совещательного комитета в Екатеринбурге, 20 декабря 1863 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 605.

24. О мерах к ослаблению раскола, 24 апреля 1858 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 543–545.

25. О неосвобождении раскольников из под надзора полиции, 15 июня

1856 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 512.

26. О непривлечении купцов на временном праве к отправлению воинской повинности, 15 октября 1855 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 504.

27. О обращении денег, могущих оказаться при уничтожении раскольнических часовень и моленных, в пользу местного Приказа Общественного Призрения, 20 мая 1857 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 526.

28. О пожертвованиях раскольников, 15 мая 1856 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 511–512.

29. О порядке внесения в ревизские сказки жен и детей раскольников, 10 июня 1850 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 428.

30. О порядке записывания раскольников в 10-ю народную ревизию, 14 сентября 1857 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 528–529.

31. О порядке решения дел в отношении к раскольникам и отступникам от православия, 20 января 1858 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 537–542.

32. О праве раскольников записываться в купечество, 13 ноября 1863 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. С. 602.

33. О преставлении предъявителями купеческих капиталов свидетельств о вероисповедании, 6 сентября 1861 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 574.

34. О составлении наставления губернским начальникам как действовать с раскольниками, 24 апреля 1858 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 545–548.

35. О составлении проекта закона о даровании раскольникам некоторых гражданских прав, 4 января 1866 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 637–638.

36. Об изменении порядка увещевания совратившихся из веры Православия в раскол, 4 ноября 1863 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 601–602.

37. Об образовании комиссии для составления проекта закона о браках раскольников, 8 ноября 1868 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 646.

38. Об отмене представлений ведомостей о раскольнических молитвенных зданиях, 2 января 1862 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 585.

39. Об учении малолетних детей раскольников, 20 января 1858 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 533.

40. Особый временный комитет по делам о раскольниках. Общий журнал комиссии для всестороннего обсуждения и разработки Высочайше утвержденных 16 августа 1874 года предначертаний Особого временного Комитета о раскольниках. Б. м. и г.

41. Относительно выдачи купеческих свидетельств раскольникам, 5 февраля 1864 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 606.

42. Относительно обозначения в паспортах раскольников принадлежности к расколу, 15 апреля 1857 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 520–521.

43. Относительно требований от предъявителей купеческих капиталов удостоверений о принадлежности к Св. Церкви, 9 июля 1856 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 512.

44. По инструкции чинам полицейских управлений по предмету ведения

метрических книг для записи браков, рождений и смерти раскольников, 18 сентября 1874 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 685–689.

45. По пересмотру постановлений о раскольниках, 16 августа 1864 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 609–617.

46. По предмету избрания раскольников в общественные должности 9 марта 1873 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 667–668.

47. По предмету составления инструкции губернаторам, чинам полицейских и жандармских управлений и лицам прокурорского надзора касательно действий их вообще в отношении раскольников, 13 декабря 1874 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 694.

48. По просьбам раскольников о выдаче удостоверения о вероисповедания для исходатайствования звания почетного гражданства, 9 июля 1856 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 513.

49. Правила, коими при производстве дел о совращении из православия в раскол и другие исповедания, 26 мая 1866 г. // Собрание постановлений по части раскола [1734–1874]. – СПб. : тип. М-ва внутренних дел, 1875. – С. 633–637.

Законодательные и распорядительные акты советского правительства

50. Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака 16 (29) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 – 16 марта 1918 гг. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – М. : Политиздат, 1957. – С. 237–240.

51. Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния 18 (31) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 – 16 марта 1918 гг. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т

истории акад. наук СССР. – М. : Политиздат, 1957. – С. 247–249.

52. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах 20 января (2 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 – 16 марта 1918 гг. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – М. : Политиздат, 1957. – С. 371–374.

53. Декрет об отмене наследования 27 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918. – М. : Политиздат, 1959. С. 185–190.

54. Кодекс законов ВЦИК об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. 18 сентября 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 3: 11 июля – 9 ноября 1918 гг. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – М. : Политиздат, 1964. – С. 314–343.

Постановления и протоколы собраний, соборов, съездов

55. Описание деянии и постановления Екатеринбургского собора» 1 мая 1884 г. // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 1. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – С. 339–350.

56. «Постановления Екатеринбургского собора» 11 января 1887 г. // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Серия «История Сибири. Первоисточники». Вып. IX. Т. 1. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – С. 351–354.

57. Пермское соборное уложение 21 июня 1888 г. // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 3. – Новосибирск: СО РАН, 2011. – С. 130–131.

58. Постановление Освященного собора 1913 г. 25 авг. // Старообрядческий пастырь. – 1913. № 1. – С. 84.

59. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1873 г. – Екатеринбург : Типо-литограф. Ахматовой и К°, 1875. – С. 87–196.

60. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1877 г. – Екатеринбург : Типо-литография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1877. – 87 с.

61. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1877 г. – Екатеринбург : Типо-литография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1877. – 188 с.
62. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1879 г. – Екатеринбург : Типо-литография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1879. – 173 с.
63. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1879 г. – Екатеринбург : Типо-литография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1880. – 84 с.
64. Протоколы Екатеринбургской городской думы за второе полугодие 1881 г. – Екатеринбург : Типография П. Я. Сапожникова и К°, 1881. – 78 с.
65. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую четверть 1883 г. – Екатеринбург : Типография П. Я. Сапожникова, 1883. – 82 с.
66. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первое полугодие 1884 г. – Екатеринбург : Типография П. Я. Сапожникова, 1884. – 180 с.
67. Протоколы Екатеринбургской городской думы за второе полугодие 1884 г. – Екатеринбург : Типография П. Я. Сапожникова, 1885. – 172 с.
68. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первое полугодие 1892 г. – Екатеринбург : Типография газеты «Екатеринбургская неделя», 1892. – 116 с.
69. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первое полугодие 1893 г. – Екатеринбург : Типография газеты «Екатеринбургская неделя», 1893. – 204 с.
70. Решения и постановления всероссийского съезда старообрядцев // Слово Церкви. – 1917. № 27. – С. 494.
71. Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных) в г. Екатеринбурге с 25–30 сентября 1911 (1911) года. – Екатеринбург: Художественная печать, 1912. – 79 с.

Статистические материалы

72. Бушен А. Б., Тройницкий А. Г. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел центральным статистическим комитетом. Вып. 2: Наличное население империи за 1858 год. СПб.: [Тип. К. Вульфа], 1863. – 330 с.
73. Голубев П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии, составленные по отчетам, ежегодникам и специальным изданиям разных министерств / П. А. Голубев. – Пермь, 1904. – С. 119–121.
74. Движение населения // Статистический ежегодник России 1912 г. (Год девятый). – СПб. : изд. Центр. стат. ком. МВД, 1913. Отдел II. – С. 1–4.
75. Движение населения // Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). – СПб. : изд. Центр. стат. ком. МВД, 1913. Отдел II. – С. 1–2.
76. Движение населения // Статистический ежегодник России 1914 г. (Год одиннадцатый). – СПб. : изд. Центр. стат. ком. МВД, 1915. Отдел II. – С. 1.
77. Движение населения // Статистический ежегодник России 1916 г. Вып. 1. – М. : тип. Моск. Сов. раб. солд. и кр. деп. Петровка 26, 1918. – С. 91–92.
78. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. В 2 ч. / Х. Мозель. – СПб. : тип. Ф. Петерсона, 1864. – 457 с.; 820 с.
79. Однодневная перепись г. Екатеринбурга 26 марта 1883 г. и ее результаты // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / Сост. И. И. Симанов. – Екатеринбург : Типография газеты «Екатеринбургская неделя», 1889. С. 71–101.
80. Первая Всеобщая перепись населения Российской 1897 г. Т. 28. Оренбургская губерния / Под ред. Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1904. – 173 с.
81. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 31. Пермская губерния. / Под ред. Н. А. Тройницкого / Издание Центрального

статистического комитета МВД. – СПб.: Слово, 1904. – 301 с.

82. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 39. Симбирская губерния. – [Санкт-Петербург]: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – 177 с.

83. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 45: Уфимская губерния. Тетрадь 2. / Под ред. Н. А. Тройницкого / Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. – Санкт-Петербург: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел., 1904. – 189 с.

84. Результаты однодневной переписи г. Екатеринбурга, произведенной 26 марта 1873 г. // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / Сост. И. И. Симанов. – Екатеринбург: Типография «Екатеринбургской Недели», 1889. – С. 59–69.

85. Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. – СПб.: тип. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858. – 300 с.

86. Число жителей в Пермской губернии по вероисповеданиям в 1893 г. // Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1895 г. / Под ред. секретаря комитета Р. Попова. / Издание Пермского губернского стат. Комитета. – Пермь, 1894. [Раздел] III. – С. 4–5.

87. Число раскольников в Пермской губернии в 1892 г. (по сведениям полицейских властей) // Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1894 г. Издание Пермского губернского статистического комитета / Под ред. члена-секретаря комитета Д. Смышляева. – Пермь, 1893. – С. 44–45.

Номинативные данные

88. Алфавитный указатель фамилий [жителей Екатеринбурга] // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по

Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / Сост. И. И. Симанов. – Екатеринбург : тип-я газеты «Екатеринбургская неделя», 1889. – С. 1–184 втор. сч.

89. Книга памяти Свердловской области. Т. 9 (Ц–Я) / Ред.-сост. О. Л. Проскурякова, И. В. Каменева, Г. В. Простова, Е. Н. Фархутдинова, С. Ю. Еремина, К. В. Волощук. – Екатеринбург : Управление архивами Свердловской области, 2012. – 367 с.

90. Список домовладельцев г. Екатеринбурга [1887 г.] // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / Сост. И. И. Симанов. – Екатеринбург : тип-я газеты «Екатеринбургская неделя», 1889. – С. 217–525 перв. сч.

91. Список домовладельцев г. Екатеринбурга, [1911 г.] // Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник. Екатеринбург, 1911. С. 182–183 (вставка между страницами).

92. Список домовладельцев г. Екатеринбурга, [1912 г.] // Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник / Изд. Л. Я. Френкель. – Екатеринбург : Электро-типография А. Р. Вельц, 1912. – С. 182–183 (вставка между страницами).

93. Список купцов города Екатеринбурга, с показанием членов семейств 17-летнего и старшего возраста // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / Сост. И. И. Симанов. – Екатеринбург : тип-я газеты «Екатеринбургская неделя», 1889. – С. 548–560 перв. сч.

94. Список лиц, не принадлежащих к екатеринбургскому купечеству, но производящих в пределах Екатеринбургского уезда торговлю или промыслы по купеческим свидетельствам // Город Екатеринбург. Сборник историко-

статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / Сост. И. И. Симанов. – Екатеринбург : тип-я газеты «Екатеринбургская неделя», 1889. – С. 561–770 перв. сч.

95. Список потомственных почетных граждан, записанных по городу Екатеринбург [1887 г.] // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / Сост. И. И. Симанов. – Екатеринбург : тип-я газеты «Екатеринбургская неделя», 1889. – С. 546–547 перв. сч.

96. Старообрядческий церковный календарь на 1992 год. Издание Старообрядческой митрополии Московской. – М : [РПСЦ, 1991]. – С. 44–51 (алфавитный указатель имен святых).

97. Указатель торговых фирм; указатель фабрик и заводов; указатель промышленных и ремесленных заведений // Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник / Изд. И. С. Ушакова. – Екатеринбург, 1911. – С. 158–182.

98. Указатель торговых фирм; указатель фабрик и заводов; указатель промышленных и ремесленных заведений; Мукомольный отдел // Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник / Изд. Л. Я. Френкель. – Екатеринбург : Электро-типография А. Р. Вельц, 1912. – С. 158–192.

99. «Регистр населения Урала» [Электронный ресурс] : Население Урала // Уральский Федеральный университет. – Режим доступа: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>

100. База данных «Метрические книги екатеринбургских старообрядцев за 1907–1925 гг.: раздел о браках» 196 записей (Автор Ю. В. Боровик). № гос. свидетельства БД 2018620345.

101. База данных «Метрические книги екатеринбургских старообрядцев за

1907–1925 гг.: раздел об умерших» 665 записей (Автор Ю. В. Боровик). № гос. свидетельства БД 2019620295.

102. База данных «Метрические книги екатеринбургских старообрядцев за 1907–1925 гг.: раздел о родившихся» 932 записи (Автор Ю. В. Боровик). № гос. свидетельства БД 2019620296.

103. База данных «Семьи села Шарташ Екатеринбургского уезда Пермской губернии, 1874–1894 гг.», 1180 записей (Автор Ю. В. Боровик). № гос. свидетельства БД 2019620533.

104. База данных «Метрические книги православной Вознесенской церкви Екатеринбурга за 1880–1919 гг.: раздел об умерших» 8281 запись (Авторы Д. С. Бахарев, Е. М. Главацкая). № гос. свидетельства БД 2019620294.

105. База данных о родившихся и присоединенных Екатеринбурга в Вознесенском (1889–1918 гг.) и в Богоявленском приходах (1880–1919 гг.). 13801 запись (Авторы Е. М. Главацкая, Е. А. Заболотных).

106. База данных о бракосочетавшихся парах в Богоявленском, Екатерининском, Свято-Духовском приходах в 1880–1919 гг. 5724 записи. (Авторы Е. М. Главацкая, А. В. Вишневская).

107. База данных о бракосочетавшихся парах в Вознесенском, Богоявленском, Екатерининском, Свято-Духовском приходах в 1880–1919 гг. 2796 записей. (Авторы Е. М. Главацкая, А. В. Вишневская). № гос. свидетельства БД 2019620285.

Периодическая печать и публицистика

108. XI Всероссийский съезд старообрядцев 19–20 августа 1910 года // Старообрядческая мысль. – 1910. – № 8. – С. 526–545.

109. *Аз. Вечная память* // Уральский старообрядец. – 1916. – № 8. – С. 9.

110. *Борисов, Н. И. О браках раскольников* / Н. И. Борисов // Екатеринбургская неделя. – 1895. – № 24. – С. 488–489.

111. *Будьте внимательны* // Старообрядцы. – 1908. – № 1. – С. 98–99.

112. *В партии народной свободы* // Зауральский край. – 1917. – 26 мая.

113. В помощь безбожнику. – Златоуст : Златоустовск. Окросвет Союза воинствующих безбожников, 1929. 49 с.
114. В партии социал-революционеров // Зауральский край. – 1917. – 25 июня.
115. Верх-Нейвинский завод // Уральский старообрядец. – 1915. – № 8–9. – С. 26–28.
116. Вместо церкви – клуб строителей // Безбожник. – 1929. – № 21. – С. 7.
117. Вопросы часовенным старообрядцам // Церковь. – 1911. – № 37. – С. 891–893.
118. *Вруцевич, М. С.* Раскол в Пермской губернии / М. С. Вруцевич // Отечественные записки. – 1883. – Т. 268. – № 6. – С. 155–188.
119. Выборы в Учредительное собрание по Пермской губернии // Зауральский край. – 1917. – 21 декабря.
120. Голос Приуралья // Старообрядческая мысль. – 1911. – № 9. – С. 737–741.
121. *Горский, Л.* Беседа с белокриницкими / Л. Горский // Уральский старообрядец. – 1916. – № 9–10. – С. 11–23.
122. Екатеринбург // Церковь. – 1908. – № 36. – С. 1231.
123. Епархиальные съезды: 5й благочинный округ Пермской епархии // Слово Церкви. – 1917. – № 25. – С. 467–468.
124. Задачи антирелигиозной пропаганды на Урале // Известия Уральского областного исполнительного комитета. – 1929. – № 33–34. – С. 13.
125. *Закржевский.* Безбожные ударные бригады на Урале / Закржевский // Безбожник. – 1931. – № 16. – С. 19.
126. Из сочинений последователей австрийщины // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1909. – № 9. – С. 1118–127 ; – № 11. – С. 163–171.
127. Итоги выборов в Екатеринбургскую городскую думу // Зауральский край. – 1917. – 30 июля.
128. К характеристике двух ненавистников старообрядческого священства // Старообрядец. – 1907. – № 3. – С. 354–357.

129. *Кузнецов, А.* К истории старообрядчества на Урале. Веселые горы. Из жизни уральских старообрядцев / А. К. Кузнецов // Старая Русь. – 1912. – № 9. – С. 147–150.
130. *Кузнецов, А.* К предстоящему съезду единоверцев / А. К. Кузнецов // Старая Русь. – 1912. – № 3. – С. 52.
131. *Кузнецов, А. Т.* Исторические очерки уральского старообрядчества / А. Т. Кузнецов // Уральский старообрядец. – 1915. – № 11. – С. 16–30 ; № 12. – С. 21–30 ; – 1916. – № 1–2. – С. 11–18 ; – № 3. – С. 9–15 ; № 4–5. – С. 6–9 ; – № 8. – С. 10–16. – № 9–10. – С. 5–10.
132. [*Кузнецов, А.*] К «Альбому портретов деятелей современного старообрядчества всех согласий»: Федор Григорьевич Щербаков / А. Кузнецов // Старая Русь. – 1912. – № 15–17. – С. 262.
133. *Кузнецов, А. Т.* Мои впечатления / А. Т. Кузнецов // Старая Русь. – 1912. – № 5. – С. 85.
134. [*Кузнецов, А.*] О 1-м Всероссийском съезде старообрядцев часовенных в Екатеринбурге / А. Кузнецов // Старая Русь. – 1912. – № 7. – С. 117–118.
135. *Кузнецов, А. Т.* Общины и противообщинники / А. Т. Кузнецов // Уральский старообрядец. – 1915. – № 6. – С. 25–29 ; – № 7. – С. 12–20 ; – № 8–9. – С. 13–18 ; № 10. – С. 12–16.
136. [*Кузнецов, А.*] Среди старообрядцев не имеющих священства (часовенных). Собрание членов Совета братства / А. Кузнецов // Старая Русь. – 1912. – № 13–14.
137. [*Мельников, Ф.*]. Впечатления от съезда / Ф. Мельников // Слово Церкви. – 1917. – № 19. – С. 354.
138. *Малиновцев, Ф. А.* Новое исследование о белокрыницком митрополите Амвросии / Ф. А. Малиновцев // Церковь. – 1908. – № 27. – С. 931–933 ; – № 28. – С. 975–977 ; – № 29. – С. 999–1001 ; – № 30. – С. 1031–1033.
139. *М-ва, А.* Из кельи в мир (рассказ) / А. М-ва // Уральский старообрядец. – 1916. – № 11–12. – С. 43–47.

140. Митинг социал-революционеров // Зауральский край. – 1917. – 9 апреля.
141. *Морозов, В.* Беседы в с. Ильинском Пермского уезда / В. Морозов // Пермские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1907. – № 19. – С. 352–363 ; – № 21. – С. 392–403 ; – № 27. – С. 521–527 ; – № 29. – С. 575–583 ; – № 30. – С. 598–607.
142. Одна из причин устойчивости раскола старообрядчества // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1900. – № 15. – С. 476–473.
143. Особое мнение члена Совета М. И. Бриллиантова по вопросу сдачи комнаты в братской квартире Ф. Е. Мельникову // Старообрядцы. – 1909. – № 3–4. – С. 237–238.
144. Осуждение в тюрьму начетчика // Старообрядческая мысль. – 1911. – № 11. – С. 972.
145. Открытие политического клуба // Уральская жизнь. – 1917. – 13 апреля.
146. Открытое письмо Ив. Ив. Новикову // Приложение к журналу «Старообрядческая мысль». – 1911. – № 7. – С. 1–15.
147. Оханск Пермской губернии // Слово Церкви. – 1917. – № 32–33. – С. 578–579.
148. Очерский завод Пермской губернии // Слово Церкви. – 1917. – № 32–33. – С. 579.
149. *Павлов, А.* Шарташ и его православный храм / А. Павлов // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1889. – № 11. – Неофиц. отд. – С. 256–266.
150. *П. А.* К вопросу об ослаблении раскола среди народа / А. П. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1889. – № 9. – Неофиц. отд. – С. 211.
151. По поводу собрания старообрядцев в Екатеринбурге // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1908. – № 39. – Неофиц. отд. – С. 685–686.
152. По Уралу // Зауральский край. – 1917. – 5 декабря.

153. Политическое совещание старообрядцев // Слово Церкви. – 1917. – № 38. – С. 641.
154. Примерное завещание // Уральский старообрядец. – 1915. – № 3. – С. 27.
155. Редакция. О наших целях // Старая Русь. – 1912. – Без № (пробный выпуск). – С. 1–3.
156. Рекламное объявление // Уральский старообрядец. – 1915. – № 1. – С. 41.
157. [Рекламный лист Тарасовых о поставках оборудования] // Зауральский край. – 1917. – № 13. – Л. 4.
158. Речь А. Ф. Кони в Государственном совете по старообрядческому законопроекту // Церковь. – 1910. – № 27. – С. 675–678.
159. *Розанов, В.* Закон о веротерпимости в его осуществлении / В. Розанов // Старообрядец. – 1906. – № 4. – С. 461–463.
160. *Рукавицын, В. И.* Собеседование старообрядцев в с. Ильинском / В. И. Рукавицын // Пермские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1902. – № 5. – С. 64.
161. С собрания старообрядцев // Зауральский край. – 1917. – № 154. – 15 июля. – Л. 2.
162. *Сапегин, К. А.* Гонения на Урале / К. А. Сапегин // Уральский старообрядец. – 1915. – № 2. – С. 21–28.
163. *С[мородинцев, Н.] Шарташ* / Н. Смородинцев // Екатеринбургская неделя. – 1884. – № 30. – С. 517–519 ; – № 31. – С. 534–535 ; – № 32. – С. 549 ; – № 33. – С. 565–567 ; № 34. – С. 581–582.
164. Собрание активных работников партии социал-революционеров // Уральская жизнь. – 1917. – 27 мая.
165. Собрание Совета Успенского Братства в Екатеринбурге // Уральский старообрядец. – 1915. – № 6. – С. 42–46.
166. Совет крестьянских депутатов // Зауральский край. – 1917. – 30 марта.
167. Соединенное собрание старообрядцев // Зауральский край. – 1917. – 18 мая.

168. Список с. р. на выборах в Екатеринбургскую городскую думу // Зауральский край. – 1917. – 28 июля.
169. Среди старообрядцев // Старообрядцы. – 1908. – № 2–3. – С. 252–257.
170. Старообрядческий съезд // Зауральский край. – 1917. – 24 июня ; – 28 июня.
171. Старообрядческий съезд // Зауральский край. – 1917. – № 160. – 10 октября ; – 13 октября. – Л. 3.
172. Съезд старообрядцев часовенных // Церковь. – 1908. – № 40. – С. 1366–1367.
173. Там, где были знаменитые Гуслицкие скиты // Безбожник. – 1929. – № 2. – С. 14.
174. Урал // Церковь. – 1909. – № 24. – С. 772.
175. Уральский край. – 1909. – 4 июня.
176. Уральский край. – 1911. – 24 сентября.
177. Хроника [Завещание Е. А. Меджер] // Уральский старообрядец. – 1916. – № 6–7. – С. 31–32.
178. Хроника [Стипендия Е. П. Пермякова] // Уральский старообрядец. – 1916. – № 9–10. – С. 32–33.
179. Хроника старообрядческой жизни [Молебен на кладбище д. Нижние Таволги около установленного мраморного памятника на могиле о. Варлаама] // Уральский старообрядец. – 1915. – № 6. – С. 42.
180. Хроника старообрядческой жизни // Уральский старообрядец. – 1915. – № 12. – С. 32.
181. Хроника. Щедрый дар в Псковской губернии // Уральский старообрядец. – 1916. – № 4–5. – С. 22–25.
182. Черноземцев К. Беседы с читателями / К. Черноземцев // Уральский старообрядец. – 1915. – № 4–5. – С. 33–40.
183. Шамшурина, А. Явленная / А. Шамшурина // Уральский старообрядец. – 1915. – № 3. – С. 16–21.

184. *Шамшурина, А.* В пустыне (набросок). Родина (стихотворение) / А. Шамшурина // Уральский старообрядец. – 1915. – № 6. – С. 20–23.
185. *Шамшурина, А.* Странник (рассказ) / А. Шамшурина // Уральский старообрядец. – 1915. – № 12. – С. 19–20.
186. *Шамшурина, А.* Ночью (стихотворение) / А. Шамшурина // Уральский старообрядец. – 1915. – № 12. – С. 39–40.

Научные труды, описания фондов, коллекций

187. *Абрамов Н. А.* Город Тюмень: из истории Тобольской епархии / Сост. Ю. Л. Мандрика, В. А. Чупина. – Тюмень : СофтДизайн, 1998. – 575 с.
188. *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества / Д. К. Зеленин – Вып. 3. – Пг., 1916. – С. 989–1056 (Пермская губерния).
189. Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований / Сост. : С. А. Белобородов, И. Л. Манькова, А. В. Полетаев – Ч. 1. – Екатеринбург : УрО РАН, 1994. – 148 с.
190. Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований / Сост. : С. А. Белобородов, И. Л. Манькова. – Ч. 2. – Екатеринбург : УрГУ, 1995. – 117 с.
191. Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований / Сост. : Н. В. Ануфриева, С. А. Белобородов, Н. А. Борисенко, И. В. Починская. – Ч. 4. – Екатеринбург : УрГУ, 2000. – 135 с.
192. Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований / Сост. : С. А. Белобородов, И. Л. Манькова, Е. А. Полетаева. – Ч. 6. – Екатеринбург : УрГУ, 2000. – 136 с.
193. Краткий очерк возникновения и распространения единоверия в пределах Екатеринбургской епархии // Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. – С. 578–612.

194. *И. Р. Города Пермской губернии / И. Р. // Материалы для статистики Российской империи. Отд. III. – СПб. : МВД, 1839. – С. 3–85.*
195. *Исследования о пермском расколе в начале царствования императора Николая (из арх. С. Д. Нечаева) // Братское слово. – 1893. – Т. 1. – № 7. – С. 532–564 ; – № 8. – С. 600–626.*
196. *Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, составленный состоящим при Мин. внутр. дел коллежским советником Мельниковым / П. И. Мельников // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. – Том IX. Сборник в память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). – 1910. – Нижний Новгород : типо-литография товарищества И. М. Машистова, 1911. – С. 3–328 (4-я паг.).*
197. *Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. В 2-х томах / Сост. : Байдин В. И., Шашков А. Т. – Т. 1. – Вып. 1, 2. – Свердловск, 1991. – 240 с., – 156 с. ; – Т. 2. – Вып. 1, 2. – Екатеринбург, 1993. – 298 с., – 129 с.*
198. *Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. – Екатеринбург : Братство св. праведного Симеона Верхотурского Чудотворца, 1902. – 647 с.*
199. *Путеводитель по фондам и коллекциям личного происхождения Государственного архива Свердловской области. – Екатеринбург, 2015.*
200. *Рукописи Верхокамья, XV–XX вв. : Из собр. науч. б-ки Моск. ун-та им. М. В. Ломоносова : Каталог / Агеева Е. А., Кобяк Н. А., Круглова Т. А., Смилянская Е. Б. – М. : Цимелия, 1994. – 459 с.*
201. *Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН / Сост. : А. И. Мальцев, Т. В. Панич, Л. В. Титова. – Новосибирск : СО РАН, 1998. – 400 с.*
202. *Сибирские послания (1696 г.) Тобольского митр. Игнатия Римского-Корсакова: Извлечения // Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. – Т. 1. – Вып. 2 / Сост. : А. Т. Шашков, В. И. Байдин. – Екатеринбург, 1991. – С. 22–31.*
203. *Халтулари Д. Ф. Обзор мероприятий министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. – СПб. : Департамент общих дел, 1903. – 340 с.*

204. Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX в. – Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 1998. – 352 с.

205. Штейнфельд А. П. Санитарно-статистическое исследование кожевенных заводов, находящихся в селах Шарташ и Уктус / А. П. Штейнфельд // Записки Уральского медицинского общества. Год 3-й (1893–1894). – Вып. 2. – Екатеринбург, 1894. – С. 13–23.

Мемуары, записки, дневники

206. Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. / Н. А. Варенцов; Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. В. А. Любартовича и Е. М. Юхименко. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 844 с.

207. Клевакин Е. П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае. Сб. документов в 2 т. / А. П. Афанасьев. Т. 1. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 420 с.

208. Кочнев П. Ф. Жизнь на Большой реке: записки сибирского приказчика / Ред. Т. С. Мамсик, А. К. Кириллов. – Новосибирск : ИД «Сова», 2006. – 388 с.

209. Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911–1914) / Сост. Н. Г. Павловский. – Екатеринбург : Демидовский институт, 2007. – 384 с.

210. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. Ч. 1. – СПб. : имп. АН, 1824. – 546 с.

211. Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания: избранные произведения / Сост. Ю. Л. Мандрика. – Тюмень : СофтДизайн, 1997. – 367 с.

Полемические и исторические сочинения старообрядцев

212. Родословие часовенного согласия // Духовная литература староверов востока России. Т. 1. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. – С. 65–96, 637–657.

213. Послание черноризца Нифонта к монаху Феофилакту // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. – Екатеринбург : УрГУ, 2000. – С. 111–135.

214. «Разсуждение о временах века сего» // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37. – Новосибирск : Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, 2018. – С. 313–325.

I.2. Неопубликованные источники

1. Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 381. Канцелярия министра земледелия.

Оп. 1. Д. 23064. О браках, совершаемых раскольниками вне церкви и без священнического благословения в Пермской губернии, 1839–1843 гг.

Оп. 44. Д. 23635. О дозволении раскольническим семьям нанимать за себя в рекруты охотников, 1853 г.

Оп. 44. Д. 23722. О мерах против безбрачного жития раскольников Пермской губернии, 1856 г.

Ф. 796. Канцелярия Синода.

Оп. 161. Д. 1509. О состоянии раскола в Пермской епархии в 1879 г.

Оп. 164. Д. 1374. Дело по рапорту екатеринбургского исправника о привлечении купца Аксенова к ответственности за устройство церкви, 1883–1887 гг.

Оп. 164. Д. 1454. Дело об отобрании из раскольнических скитов Урминской волости Кунгурского уезда икон, книг и других вещей, 1880–1887 гг.

Оп. 139. Д. 219. Об «австрийцах» живущих в Екатеринбурге, 1858 г.

Оп. 205. Д. 508. О состоянии раскола на Урале за 1845–1862 гг. и деятельности

Секретного совещательного комитета в Екатеринбурге.

Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.

Оп. 133. Д. 26. О возвращении старообрядцам храмов, икон, книг, священных предметов, 1907–1917 гг.

Оп. 133. Д. 63. Съезды старообрядцев беспоповщинских согласий. 1900-е гг.

Оп. 133. Д. 122. Сведения о секте «немоляко-неплательщиков», 1916 г.

Ф. 1284. Департамент общих дел МВД.

Оп. 221. Д. 3. Ходатайство крестьян Черноисточинского завода Пермской губернии о разрешении устроить молельный дом. 1885 г.

Оп. 221. Д. 20. Дело по ходатайству старообрядцев Екатеринбурга исправить молельный дом. 1882 г.

Оп. 221. Д. 69. Дело по ходатайству мещанина Василия Черепанова и крестьянина Ефима Колпакова от старообрядцев Шарташской волости Екатеринбургского уезда возвратить часовню, отданную единоверцам. 1886 г.

Оп. 221. Д. 2. О допущении раскольников до участия в городские выборах и избрании на общественные должности. 1882 г.

Оп. 221. Д. 1. О допущении раскольников до участия в городские выборах и избрании на общественные должности. 1883 г.

Оп. 221. Д. 19. О допущении раскольников до участия в городские выборах и избрании на общественные должности. 1884 г.

Оп. 221. Д. 29. О допущении раскольников до участия в городские выборах и избрании на общественные должности. 1885 г.

Оп. 221. Д. 11а–11б. По циркуляру губернаторам о доставлении в МВД сведений о лицах, которые принадлежат к расколу и занимаемых общественных должностях по выборам. 1886, 1891 гг.

Оп. 221. Д. 29. О допущении раскольников до участия в городские выборах и избрании на общественные должности. 1888 г.

Оп. 221. Д. 40. Прошение купца Ивана Тарасова о распечатании принадлежащей старообрядцам Петрокаменского завода

Екатеринбургского уезда Пермской губернии молельни. 1883 г.

Оп. 222. Д. 82. Дело по представлению Тобольского губернатора о ходатайстве раскольников г. Екатеринбурга относительно разрешения каменной пристройки к существующему в Екатеринбурге молельному дому для устройства теплого входа. 1901 г.

Оп. 222. Д. 111. Дело по ходатайству попечителей Никольской старообрядческой часовни в Екатеринбурге построить купол и установить крест. 1905 г.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 102. Особый отдел Департамента полиции МВД

Оп. 226. Д. 12ч 3лА. Переписка о последователях различных сект и религиозных учений если деятельность их носит противоправный характер, 1898–1901 гг. (л. 93–114 о разъездах старообрядческого епископа Антонии Пермском, 145–157 о зарубежной переписке Г. Н. Грачева).

3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 89. Фонд Я. М. Ярославского

Оп. 4. Д. 119. Письма, препроводительные записки и другие материалы, присланные секретарем антирелигиозной комиссии и комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства, 1923–1928 гг.

4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

Ф. 6. Екатеринбургская духовная консистория

Оп. 2. Д. 495. Об учреждении в городе Екатеринбурге Секретного совещательного комитета по делам раскольников и о делах его, 1845 г.

Оп. 13. Д. 1 Посемейный список с. Шарташ 1874 г.

Оп. 13. Д. 91–97, 113–118, 140, 175–185, 206–209, 227–230, 251–258, 281–283,

285–289, 307, 308, 331–336, 354, 356–358, 366–368 Метрические книги о родившихся, бракосочетавшихся и умерших старообрядцах Екатеринбурга 1907–1925 гг.

Ф. 8. Екатеринбургская городская дума

Оп. 1. Д. 508. Л. 524–528. Список купцов города Екатеринбурга, 1824 г.

Оп. 1. Д. 1755, 1776, 1776(б), 1777, 1778, 1779(а) Ревизские сказки Екатеринбурга, 1857–1858 гг.

Ф. 25. Главная контора Екатеринбургских казенных горных заводов

Оп. 1. Д. 1379. Ревизская сказка Шарташского участка 1858 г.

Оп. 1. Д. 2358. Дело об отводе мест под кладбища для захоронения православных, единоверцев и старообрядцев в Екатеринбурге, 1841–1844 гг.

Оп. 1. 2382. Дело о прошении старообрядцев – прихожан Иоанно-Златоустовской единоверческой церкви об отводе места под кладбище, 1844–1847 гг.

Оп. 1. Д. 2474, 2482, 2499, 2493, 2516, 2524, 2530. Рапорты горного исправника Екатеринбургских заводов о родившихся и умерших раскольниках 1852–1860 гг.

Оп. 1. Д. 2564. Дело по розыску раскольников, фальшивомонетчиков, участников польского восстания, 1859–1862 гг.

Ф. 43. Канцелярия Главного начальника Уральских горных заводов

Оп. 2. Д. 1390. Прошение единоверцев о постройке церкви в с. Шарташ за счет казны, 1850-е гг.

5. Государственный архив административных органов

Свердловской области (ГААОСО)

Ф. 1. Судебно-следственный фонд

Оп. 2. Д. 7491. Дело старообрядческого священника Екатеринбурга В. Г. Усова. 1938–1940 гг.

Оп. 2. 32016. Дело И. П. Мокрушина и др. старообрядцев, 1938–1940 гг.

Оп. 2. 41352. Дело Г. П. Мальцева, П. И. Рябова, Р. С. Топоркова, В. Г. Усова.
1933 г.

6. Государственный архив Пермского края (ГАПК)

Ф. 65. Канцелярия Пермского губернатора.

Оп. 2. Д. 816. Л. 628–635. «В каких местах находятся старообрядческие
молельни, часовни и проч.», 1836 г.

Оп. 2. Д. 817. Л. 188–195. «Ведомость о старообрядческих и раскольнических
разных согласий и сект, жительствующих в Пермской губернии за
1836 г.»

Ф. 95. Пермский епархиальный миссионер.

Оп. 1. Д. 19. Отчет о состоянии миссии в Пермской епархии в 1899 г.

7. Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук (ОР БАН)

Ф. 43. Собрание рукописей Тагильского скита.

№ 27. Сборная рукопись с копиями старообрядческих постановлений,
письмами. Кон. XIX в.

8. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Ф. 246. Фонд Рогожского кладбища.

Оп. 200. Д. 3. Входящие и исходящие документы Пермско-Уфимской епархии,
1894 г.

Оп. 211. Д. 1. Механиков В. И. «Предложение» о метрической записи, 1899 г.

9. Собрание Научной библиотеки

Московского государственного университета (НБ МГУ)

Верхокамское собр. № 626 [2]. Л. 18–27. Список для выборов в Учредительное
собрание от Пермской губернии, 1917 г.

10. Древлехранилище Лаборатории археографических исследований

Уральского федерального университета (Архив ЛАИ УрФУ)

IV (Красноуфимское) собр.

180р/5341. Сборник (в т. ч. старообрядческое компилятивное сочинение об оскудении священства). Втор. пол. XIX в.

14р/253. Сборник (в т. ч. антиавстрийское сочинение «Выписка насчет белокринцов...», выписка из книги Пандок). Кон. XIX в.

V (Курганское) собр.

27р/646. Сборник (в т. ч. старообрядческое сочинение о наступлении последних времен, о происхождении картофеля). Нач. XX в.

VI (Невьянское) собр.

55р/387. Сборник (в т. ч. описание беседы А. А. Коновалова с А. Д. Токманцевым 22–23 октября 1901 г. в Екатеринбурге в доме Г. Г. Щербакова). Нач. XX в.

56р/388. Сборник. (в т. ч. «Краткое описание беседы в городе Екатеринбурге октября 22, 23 и 24-го 1901-го года»). Нач. XX в.

178р/1272. «Рассуждение о временах века сего». Втор. пол. XIX в.

VII (Нижнетагильское) собр.

5р/156. Сборник (в т. ч. о. Нифонт «Ответ австрийским»). Кон. XIX в.

X (Северо-Челябинское) собр.

1р/18. Сборник (в т. ч. выписки из «книги Пандок» о происхождении картофеля). 50–60-е гг. XIX в.

XIV (Шалинское) собр.

63р/685. Сборник (в т. ч. выписки из книги Барония (!) о картофеле). 20–30-е гг. XIX в.

11. Собрание старопечатных книг и рукописей Института истории
Сибирского отделения Российской Академии наук (ИИ СО РАН)

№ 10/90-г. Сборник часовенного согласия (ксерокопия): Л. 84 об.–87 об. [о.

Силуян, о. Савва] «Сказание о нижеследующих ответах, коея ради вины написаны суть» (рассказ об обстоятельствах спора А. А. Коновалова).

№ 3/04-г. Л. 58–59 об.

12. Личный архив О. П. Губкина

Поминальник наставника К. С. Овчинникова. Втор. пол. XIX в.

13. Личный архив В. И. Байдина

Дневник екатеринбургского купца В. А. Набатова. XIX в.

Монографии, статьи

1. *А. П. [архимандрит Палладий (Павел Егорович Пьянков)]*. Обозрение Пермского раскола: так называемого «старообрядства». – СПб. : тип. ж-ла «Странник», 1863. – 277 с.
2. *Абакумов С. Н.* Орловское купеческое общество старообрядцев беглопоповцев в первой половине XIX века / С. Н. Абакумов // Булгаковские чтения. Сб. науч. ст. / Под. ред. Л. И. Пахарь, Е. И. Хохловой, И. В. Желтиковой. – Орел : Орловский государственный университет, 2009. Т. 3. – С. 139–147.
3. *Авдеев А., Блюм А., Троицкая И.* Наречение имени в России // Историческая демография: сб. ст. / Под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. Т. 14. Демографические исследования. – М. : МАКС Пресс Москва, 2008. – С. 210–238.
4. *Агеев С. С.* Рязановы – купцы Екатеринбургские / С. С. Агеев, В. П. Микитюк. – Екатеринбург : УрО РАН, 1998. – 191 с.
5. *Агеева Е. А.* Беглопоповцы в XIX – начале XX вв. / Е. А. Агеева // Православная энциклопедия. Т. 4 (Афанасий – Бессмертие). – М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2013. – С. 422–424.

6. *Агеева Е. А.* Согласие старообрядцев-беспоповцев, не приемлющих общин Сибири, Кубани, Орегона. История, миропонимание, традиция / Е. А. Агеева // *Алтарь России. Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока, история и современность: местная традиция и зарубежные связи.* – Большой Камень, 1997. – С. 68–71.
7. *Агеева Е. А.* Старообрядческое согласие «не приемлющих общин» и его историографы / Е. А. Агеева // *Традиционная народная культура населения Урала. Материалы междунар. науч.-практ. конф.* – Пермь : б. и., 1997. – С. 172–178.
8. *Адамов В. В.* Социально-экономическое развитие Урала накануне революции 1905–1907 гг. / В. В. Адамов // *Большевики Урала в революции 1905–1907 гг.* – Свердловск : Кн. изд-во, 1956. – С. 5–26.
9. *Адамов В. В.* Численность и состав горнозаводских рабочих Урала в 1900–1917 гг. / В. В. Адамов // *Вопросы истории Урала. Сб. 8.* – Свердловск : УрГУ, 1969. – С. 152–166.
10. *Алабин П. В.* Двадцатипятилетие Самары, как губернского города : (историко-статистический очерк). / П. В. Алабин – Самара : Издание Самарского статистического комитета, 1877. – 744 с.
11. *Алексеева С. А.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. / С. А. Алексеева. – СПб. : Наука, 2003. – 276 с.
12. *Алферова Е. Ю.* Города Урала второй половины XIX в. как центры торговли / Е. Ю. Алферова // *Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. Сб. науч. тр.* – Екатеринбург : УрО РАН, 1992. – С. 168–191.
13. *Алферова Е. Ю.* Динамика общих коэффициентов естественного движения населения в XIX–начале XX века (на примере Пермской губернии) / Е. Ю. Алферова // *Население России и СССР. Новые источники и методы исследования. Сб. науч. ст.* – Екатеринбург : УрО РАН, 1993. – С. 19–23.

14. *Алферова Е. Ю.* Основные тенденции развития городских поселений Урала на рубеже XIX–XX вв. / Е. Ю. Алферова // Размещение производительных сил Урала. Сб. науч. тр. – Свердловск : УрГУ, 1985. – С. 77–85.
15. *Амбарцумов И. В.* Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX века) / И. В. Амбарцумов // Христианское чтение. – 2013. – № 1. – С. 39–113.
16. *Андреев А. Н.* Евангелическо-лютеранская община Екатеринбурга в XVIII в. и ее взаимоотношения с местным населением // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гум. науки. 2010. №1 (72). С. 135–148.
17. *Анимица Е. Г.* Города Среднего Урала / Е. Г. Анимица. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. – 303 с.
18. *Антонов Д. Н.* Метрические книги России XVIII – начала XX вв. / Д. Н. Антонов, И. А. Антонова. – М. : РГГУ, 2006. – 384 с.
19. *Араловец Н. А.* Городская семья в России 1897–1926 гг. Историко-демографический аспект / Н. А. Араловец. – М. : Ин-т рос. истории, 2003. – 234 с.
20. *Араловец Н. А.* Городская семья европейской России на рубеже XIX–XX в.: тип и величина / Н. А. Араловец // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием, Сургут, 14 ноября 2014 г. – Курган : Курганский дом печати, 2015. – С. 305–315.
21. *Араловец Н. А.* Семейные ценности городских жителей России в XX в. / Н. А. Араловец // Труды Института Российской истории РАН. – М. : Ин-т рос. истории, 2010. – С. 311–331.
22. *Аргудяева Ю. В.* Заключение брака у русских старообрядцев на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – первая треть XX в.) / Ю. В. Аргудяева // Россия и АТР. – 2016. – № 3 (93). – С. 173–184.
23. *Аргудяева Ю. В.* Семья и семейный быт русских старообрядцев в Америке / Ю. В. Аргудяева // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 2012. – № 1. – С. 114–125.
24. *Аргудяева Ю. В.* Семья и семейный быт русских старообрядцев в

Маньчжурии / Ю. В. Аргудяева // Религиоведение. – 2015. – № 4. – С. 30–42.

25. *Аргудяева Ю. В.* Семья и семейный быт у русских крестьян на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. / Ю. В. Аргудяева. – Владивосток: ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2001. – 132 с.

26. *Архипова Е. А.* П. Г. Рындзюнский – исследователь социально-экономической истории старообрядчества // Историко-экономические исследования. 2010. Т. 11. № 2. С. 79–90.

27. *Ахиезер А. С.* Город – фокус урбанизационного процесса / А. С. Ахиезер // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М. : Наука, 1994. – С. 21–28.

28. *Байдин В. И.* Антихрист у власти: социально-политические сюжеты старообрядческой лицевой книги XVIII–XIX вв. / В. И. Байдин // Цензура в России: Материалы междунар. науч. конф. – Екатеринбург : УрГУ, 1996. – С. 38–47.

29. *Байдин В. И.* Два ряда портретов XVIII столетия: российские монархи и крестьяне Заверткины / В. И. Байдин // Историческая генеалогия. – 1994. – № 4. – С. 48.

30. *Байдин В. И.* К вопросу о старообрядческом иконописании на горнозаводском Урале в XVIII–XIX вв. / В. И. Байдин // Древнерусская традиция в культуре Урала: Материалы науч.-практ. конф. – Челябинск, 1992. – С. 18–41.

31. *Байдин В. И.* Кто ты, Иона Курносый? / В. И. Байдин // Ежегодник НИИ РК УрГУ. 1994. – Екатеринбург : УрГУ, 1995. – С. 32–47.

32. *Байдин В. И.* Лука Михайлович Тарасов / В. И. Байдин // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: исторические очерки. – Екатеринбург : ИД «СОКРАТ», 2008. – С. 78–79.

33. *Байдин В. И.* Новые источники по истории крестьянских волнений на Урале в 1940-е гг. XIX в. / В. И. Байдин // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. – Свердловск : УрГУ, 1979. – С. 90–96.

34. *Байдин В. И.* Новые источники по организации и идеологии уралосибирского старообрядчества в конце XVIII – первой половине XIX в. / В. И.

Байдин // Сибирское источниковедение и археография. – Новосибирск : «Наука», 1980. – С. 93–109.

35. Байдин В. И. О распространении староверия среди финно-угров в конце XVII – начале XX вв. / В. И. Байдин // Проблемы истории России: сб. науч. тр. Вып. 4: Евразийское пограничье. – Екатеринбург : Волот, 2001. – С. 284–292.

36. Байдин В. И. О социальной природе волнений старообрядцев на Нижне-Тагильских заводах в 1840 г. / В. И. Байдин // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Сб. науч. тр. – Екатеринбург : НППМ «Волот», 1996. – С. 69–76.

37. Байдин В. И. Общество старообрядцев Сибирского края в первой половине XIX в. (к вопросу о политической культуре российской провинции) / В. И. Байдин // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (25–27 ноября 1997 г., Тобольск). – Тобольск: Изд-во Тобольского гос. пед. института, 1997. – С. 129–131.

38. Байдин В. И. Пути-дороги инока Паисия / В. И. Байдин // Уральский следопыт. – 1994. – № 4. – С. 41–44.

39. Байдин В. И. Формирование буржуазии в среде государственного крестьянства Среднего Урала во второй половине XVIII в. / В. И. Байдин // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск : УрО АН СССР, 1988. – С. 77–88.

40. Байдин В. И. Эволюция социально-культурного и бытового облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII – начале XX в. (На примере семьи екатеринбургских купцов Казанцевых) / В. И. Байдин // Уральский сборник. Вып. 1. – Екатеринбург : УрГУ, 1997. – С. 17–27.

41. Байдин В. И. Исторические сочинения уральских старообрядцев XVIII–XIX вв. / В. И. Байдин, А. Т. Шашков // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. – Свердловск : УрГУ, 1988. – С. 4–9.

42. Байдин В. И. Новые материалы к изучению биографии и творчества зауральского крестьянина М. И. Галанина – бунтаря и писателя XVIII в. / В. И. Байдин, А. Т. Шашков // Культура и быт дореволюционного Урала. – Свердловск: УрГУ, 1989.

– С. 59–70.

43. *Банникова Е. В.* Купечество Южного Урала в первой половине XIX в. / Е. В. Банникова. – СПб. : Нестор, 2004. – 207 с.

44. *Белобородов С. А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (из истории русской Православной Старообрядческой церкви – белокриницкого согласия) / С. А. Белобородов // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. – Екатеринбург : УрГУ, 2000. – С. 136–172.

45. *Белобородов С. А.* Славяно-беловодская иерархия. Материалы к истории затянувшейся мистификации / С. А. Белобородов // Сибирь на перекрестье мировых религий. Мат-лы межрегиональной конф. – Новосибирск, 2002. – С. 124–126.

46. *Белобородов С. А.* Шарташ – старообрядческий рай (из истории «шарташской веры» на Урале в XVIII – первой половине XIX вв.) / С. А. Белобородов // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XV–XX вв. / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : СО РАН, 2005. – С. 343–352.

47. *Белобородов С. А.* Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII – начала XX века / С. А. Белобородов, Ю. В. Боровик. – Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2017. – 382 с.

48. *Боборыкин П. Д.* Обмирщение (роман). – М.: Сфинкс, 1912. – 715 с.

49. *Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. / Проф. В. Г. Богораз – М.–Л. : Гос. изд-во, 1928. – 315 с.

50. *Бондалетов В. Д.* Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения (мужские и женские имена) / В. Д. Бондалетов // Ономастика и норма. – М. : Наука, 1976. – С. 12–46.

51. *Бонч-Бруевич В. Д.* Раскол и сектантство в России / В. Д. Бонч-Бруевич // Избранные атеистические произведения / Сост. К. Б. Сурикова. – М. : Мысль, 1973. – 343 с.

52. *Боровик Ю. В.* Метрические книги старообрядцев-часовенных уральского города: характеристика источника / Ю. В. Боровик // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. трудов. Вып. 16. – Екатеринбург, 2016. – С. 221–228.
53. Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР: сб. ст. / Под ред. А. Г. Вишневского. – М. : Статистика, 1977. – 247 с.
54. *Булыгина Т. А.* Новая локальная история: Новые исследовательские практики / Т. А. Булыгина, С. И. Маловичко // Новая локальная история. Сб. науч. ст. Вып. 3. – Ставрополь : изд-во СГУ, 2006. С. 7–18.
55. *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917) / Ю. А. Буранов. – М. : Наука, 1982. – 261 с.
56. *Бурлуцкая Е. В.* Личная переписка представителей семейства Дегтяревых-Сухановых как источник посемейной повседневности горожан / Е. В. Бурлуцкая // Человек и город в историко-культурном пространстве: краевед. чтения, посвященные 90-летию со дня рождения почетного гражданина города Оренбурга Виктора Васильевича Дорофеева, Оренбург, 1 декабря 2017 г. Сб. ст. – Оренбург : Оренб. гос. пед. ун-т, 2017. – С. 39–52.
57. *Бурлуцкая Е. В.* Брачное поведение оренбургских мещанок по данным метрических книг Вознесенской церкви г. Оренбурга (1851–1861 гг.) / Е. В. Бурлуцкая, Н. В. Клементьева // Семейная жизнь. Счастливые и драматические истории на фоне городской повседневности: материалы научного семинара, посвященного исследованиям проблем истории повседневности. – Оренбург : Университет, 2018. – С. 23–33.
58. *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. Воспоминания / П. А. Бурышкин. – М. : Захаров, 2002. – 302 с.
59. *Васина Т. А.* Демографические процессы в среде православного населения Камбарского завода второй половины XIX в. / Т. А. Васина // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. – 2014. – № 3. – С. 46–52.
60. *Васина Т. А.* Старообрядцы Омутнинского завода Вятской губернии в дореформенный период (конец XVIII – первая половина XIX века) / Т. А. Васина //

Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3 (23). – С. 90–97.

61. *Васина Т. А.* Типология семьи крестьян Омутнинского завода в конце XIX в. (по материалам духовной росписи 1879 г.) / Т. А. Васина // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. – М. : Энциклопедия российских деревень, 2012. – С. 99–103.

62. *Вебер М.* Город / Пер. с нем. Б. Н. Попова под ред. Н. И. Кареева // *Вебер М.* История хозяйства. Город. / М. Вебер. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 333–486.

63. *Вилейшис Я. М.* Посемейные списки мещан и крестьян и их приписка, причисление, перечисление, исключение, переселение, порочные члены, узаконение, усыновление, внебрачные дети, избрание рода жизни, фамилия вообще и разведенных жен, старообрядцы, сектанты, евреи, перемена веры / Я. М. Вилейшис. – Херсон : электр. Тип. «Порядок», 1915. – 217 с.

64. *Виноградов А. А.* Старообрядцы Симбирско-Ульяновского Поволжья середины XIX – первой трети XX века : монография / А. А. Виноградов. – Ульяновск : УВАУ ГА(И), 2009 – 186 с.

65. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни / Л. Вирт // Избранные работы по социологии. – М. : ИНИОН, 2005. – С. 93–118.

66. *Вишневский А. Г.* Демографическая революция / А. Г. Вишневский // Избранные демографические труды: в 2 т. Т. 1. – М. : Наука, 2005. – 368 с.

67. *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. / А. Г. Вишневский. – М. : ОГИ, 1998. – 432 с.

68. *Ворошилин С. И.* Из истории церковного строительства в Екатеринбурге [Электронный ресурс] / С. И. Ворошилин // Уральская старина. – Екатеринбург, 1996. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://www.1723.ru/read/books/voroshilin.htm>

69. *Вруцевич М.* Раскол в Пермской губернии / М. Вруцевич // Отечественные записки. 1883. № 6. С. 155–184; № 7. С. 33–100.

70. *Вяткин М. П.* Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. / М. П. Вяткин. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 400 с.
71. *Гаврилов Д. В.* Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885–1900 гг.) / Д. В. Гаврилов // Уральский исторический вестник. Вып. 2. – Екатеринбург : БКИ, 1995. – С. 81–98.
72. *Гершенкрон А.* Европа в российском зеркале. Лекция 1 / А. Гершенкрон // Экономическая политика. 2013. № 6. С. 67–88.
73. *Главацкая Е. М.* «...В весьма изящном, готическом стиле»: история католической традиции на Среднем Урале до середины 1930-х гг. // Государство, Церковь, религия в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 218–238.
74. *Главацкая Е. М.* Лютеране Среднего Урала в XVIII – второй половине XIX в.: институты, расселение, численность // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2015. № 2 (139). С. 112–119.
75. *Главацкая Е. М.* Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реуонструкции, методы исследования / Е. М. Главацкая // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 4 (21). – С. 76–82.
76. *Главацкая Е. М.* Эволюция религиозного ландшафта Урала в конце XIX – начале XX вв.: историко-культурный атлас / Е. М. Главацкая // Известия Уральского университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (120). – С. 305–309.
77. Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. 2-е издание, дополненное. – Екатеринбург : ИД «СОКРАТ», 2008. – 248 с.
78. *Годовова Е. В.* Особенности заключения брака в казачьей среде (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Е. В. Годовова // Семейная жизнь. Счастливые и драматические истории на фоне городской повседневности: материалы научного семинара, посвященного исследованиям проблем истории повседневности. – Оренбург : Университет, 2018. – С. 23–33.
79. *Голикова С. В.* Горнозаводское население на Урале: традиции и новации в культуре / С. В. Голикова // Опыт российских модернизаций XVIII – XX

вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2011. – С. 282–287.

80. *Голикова С. В.* Изучение детской смертности на Урале в конце XIX – начале XX вв. / С. В. Голикова // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VII Всероссийской науч. конф. Т. 1. – Екатеринбург : ООО «Изд-во УМЦ-УПИ», 2005. – С. 61–64.

81. *Голикова С. В.* Семья горнозаводского населения Урала XVIII – XIX веков. Демографические процессы и традиции / С. В. Голикова – Екатеринбург : УрО РАН, 2001. – 196 с.

82. *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX вв. / Ю. М. Гончаров. – Барнаул : изд-во Алт. ГУ, 2002. – 384 с.

83. *Гончаров Ю. Н.* Национально-конфессиональные особенности купеческой семьи Сибири (к вопросу о специфике семьи старообрядцев) / Ю. Н. Гончаров // Старообрядчество: история и культура. Вып. 1. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. – С. 43–57.

84. *Гончаров Ю. М.* Проблемы изучения социальной стратификации населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Ю. М. Гончаров // Известия АлтГУ. – 2013. – №4 (80). – С. 124–129.

85. *Гончаров Ю. М.* Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. / Ю. М. Гончаров. – Барнаул : АлтГУ, 2004. – 132 с.

86. Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Под ред. Нефедовой Т., Полян П., Трейвиш А. – М. : ОГИ, 2001. – 560 с.

87. *Горячева Т. А.* Устройство Рогожского Богаделенного дома во второй половине XIX – начале XX века / Т. А. Горячева // Мир старообрядства. Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований. Материалы международной научной конференции. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – С. 247–256.

88. *Гурьянова Н. С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода феодализма / Н. С. Гурьянова. – Новосибирск : Наука, 1988. – 186 с.

89. Данилко Е. С. «Старая вера» по-чувашски: книжная традиция и повседневные практики одной старообрядческой общины / Е. С. Данилко // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 5. – С. 19–32.
90. Данилко Е. С. Общие закономерности проникновения старообрядчества в нерусскую среду на территории Урало-Поволжья / Е. С. Данилко // Вопросы истории. – 2018. – № 10. – С. 121–129.
91. Данилко Е. С. Старообрядцы-уральцы в Средней Азии и Казахстане: взаимоотношения с соседями и социально-культурная адаптация / Е. С. Данилко // Вестник антропологии. – 2016. – № 4 (36). – С. 22–37.
92. Данилко Е. С. Старообрядцы-уральцы Каракалпакии как локальная этноконфессиональная группа. Истоки / Е. С. Данилко, Е. А. Агеева // Старообрядчество: история, культура, современность Материалы. – М. : Музей истории и культуры старообрядчества. 2014. – С. 133–147.
93. Дашкевич Л. А. Образование как механизм распространения знания / Л. А. Дашкевич, В. А. Шкерин // Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале XVIII – начало XX века. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – С. 316–355.
94. Демографическая модернизация России: 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. – М. : Новое издательство, 2006. – 601 с.
95. Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тез. докл. науч. конф. Москва, 27–28 февраля 2002 г. – М. : Центр демографии и экологии человека ИПН РАН. Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. – 68 с.
96. Димитрий (Д. С. Туптало), митр. Ростовский и Ярославский. Розыск о брынской вере. / Л. С. Туптало. – Москва : Синодальная тип., 1762. – 258 с.
97. Долотов А. А. Церковь и сектантство в Сибири / А. А. Долотов. – Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. – 146 с.
98. Еремеев П. И. Всё же, два миллиона или двадцать? Численность старообрядцев Российской империи в XIX – начале XX вв. / П. И. Еремеев // Электронный научно-образовательный журнал «История». Выпуск 7 (51) Том 7.

Цифровая история в контексте цифровых гуманитарных наук. – 2016. [URL : <https://history.jes.su/s207987840001595-3-1/>] DOI 10.18254/S0001595-3-1.

99. *Еремеев П. И.* Методы оценки достоверности статистики старообрядчества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на примере Харьковской губернии) / П. И. Еремеев // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. – 2015. – № 1–2. – С. 73–97.

100. *Еремеев П. И.* Старообрядчество XIX – начала XX в. как тип социальной общности: внутренние и внешние границы (по материалам Харьковской губернии) / П. И. Еремеев // Дриновський збірник. Т. VIII. – Харків – Софія : Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна, 2015. – С. 35–49.

101. *Ерофеев Н. Д.* Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX – октябрь 1917 г.) / Н. Д. Ерофеев // Политические партии России: история и современность. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 169–209.

102. *Ершова О. П.* Старообрядцы и власть / О. П. Ершова. – М. : Уникум-центр, 1999. – 203 с.

103. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3–4 (34). – С. 25–38.

104. *Злобина И. В.* Семья на Урале XVIII – первой половине XIX вв. / И. В. Злобина, Р. Г. Пихоя // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Сб. науч. ст. – Свердловск : УНЦ АН СССР, 1986. – С. 131–144.

105. *Зорина Л. И.* Улицы и площади старого Екатеринбурга / Л. И. Зорина, В. М. Слукин. – Екатеринбург : «Баско», 2005. – С. 63–64.

106. *Иофа Л. Е.* Города Урала / Л. Е. Иофа. – М. : Географгиз, 1951. – 423 с.

107. *Истомина Э. Г.* Пути сообщения и транспорт в России в XVI – начале XX вв. / Э. Г. Истомина // Историческая география России IX – начала XX вв.: Территория. Население. Экономика: очерки. – М. : ИРИ РАН, 2013. – С. 166–229.

108. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : Российский гуманитарный ун-т, 1998. – 702 с.
109. *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизий) / В. М. Кабузан. – М. : Наука, 1971. – 190 с.
110. *Кабузан В. М.* О достоверности учета населения России (1858–1917 гг.) / В. М. Кабузан // Источниковедение отечественной истории. – М., 1982. – С. 100–117.
111. *Капцугович И. С.* История политической гибели эсеров на Урале / И. С. Капцугович. – Пермь : Кн. изд-во, 1975. – 191 с.
112. *Карцов В. Г.* Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в России. В 2 ч. / В. Г. Карцов. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1971. – Ч. 1. – 160 с. ; – Ч. 2. – 208 с.
113. *Катунский А. Е.* Старообрядчество / А. Е. Катунский. – М. : Политиздат, 1972. – 120 с.
114. *Кваша Е. А.* Младенческая смертность в России в XX веке / Е. А. Кваша // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 46–55.
115. *Кельцев С.* Из поездки по Уралу. Сибиро-Уральская научно-промышленная выставка / С. Кельцев. – М. : тип. о-ва распространения полезных книг Мохова, 1888. – 346 с.
116. *Керов В. В.* Православная модернизация vs механическая европеизация: ответ старообрядцев на вызовы истории / В. В. Керов // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 2 (59). – С. 22–38.
117. *Керов В. В.* Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII–XIX веках / В. В. Керов // Отечественная история. – 2001. – № 4. – С. 18–40.
118. *Керов В. В.* От выражения «молитвенного восторга» до осуждения «гнусного злодейства»: старообрядчество в 1917 г. / В. В. Керов // Великая

русская революция, 1917: сто лет изучения материалы междунар. науч. конф., Москва, 9–11 октября 2017 г. – М. : ИРИ РАН, 2017. – С. 426–432.

119. Керов В. В. Правительственные преследования, конфессиональные ценности или общинный корпоративизм? / В. В. Керов // Экономическая история: ежегодник. 2010. – М. : РОССЭН, 2010. – С. 30–58.

120. Керов В. В. Старообрядчество в 1917 г. / В. В. Керов // Российская история. – 2018. – № 1. – С. 143–160.

121. Керов В. В. Хозяйственная культура и хозяйственное поведение старообрядцев в России XVIII–XIX вв.: ценностно-институциональный подход / В. В. Керов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2011. – № 1. – С. 40–57.

122. Киприянова И. В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта / И. В. Киприянова // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. – 2013. – № 4[41]. – С. 326–330.

123. Кириллов И. А. Статистика старообрядчества / И. А. Кириллов. – М. : изд-во ж-ла «Старообрядческая мысль». 1913. – 26 с.

124. Климова С. М., Хирьянова Л. В. Традиционные основы семьи как главный фактор формирования идентичности старообрядчества в эпоху модернизации / С. М. Климова, Л. В. Хирьянова // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – № 14 (54). – С. 28–35.

125. Клюкина Ю. В. Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX – начале XX вв. / Ю. В. Клюкина // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. – Екатеринбург : УрГУ, 2000. – С. 85–135.

126. Клюкина Ю. В. Материалы к биографии старообрядческого начетчика А. Т. Кузнецова (1879–1938) / Ю. В. Клюкина // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы науч.-практ. конф. посв. памяти М. И. Рижского, Новосибирск, 29–30 октября 2001 г. – Новосибирск : Новосибирск. гос. ун-т, 2001. – С. 153–156.

127. Копылова Э. В. Имя и время: два века истории имен астраханцев (1800–2000 гг.) / Э. В. Копылова. – М. : КноРус ; Астрахань : Астрахан. ун-т, 2016. – 448 с.

128. *Кончаковская Н. Б.* Повседневность екатеринбургской горожанки из среды интеллигенции в конце XIX – начале XX века (на примере Александры Владимировны Батмановой) / Н. Б. Кончаковская // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1. – С. 82–99.

129. *Кончаковская Н. Б.* Повседневная жизнь женщины в уральском городе (вторая половина XIX – начало XX в.) / Н. Б. Кончаковская // Материалы Всероссийской научной конференции: в 2 частях. Ч. 1. – Пермь : ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2013. – С. 262–270.

130. *Корепанов Н. С.* Михайло Федорович Тарасов / Н. С. Корепанов // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. 2-е издание, дополненное. – Екатеринбург : ИД «СОКРАТ», 2008. – С. 50–51.

131. *Корепанов Н. С.* Первая старообрядческая часовня Екатеринбурга / Н. С. Корепанов // Вестник музея «Невьянская икона». Вып. II. – Екатеринбург : изд. группа «Колумб», 2006. – С. 100–106.

132. *Корепанов Н. С.* Первый век Екатеринбурга / Н. С. Корепанов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. – 274 с.

133. *Корепанов Н. С.* Шарташ XVIII в. – традиция или новация? / Н. С. Корепанов // Вестник музея «Невьянская икона». Вып. III. – Екатеринбург : изд. дом «Автограф», 2010. – С. 262–290.

134. *Корепанова С. А.* Дневник купца М. П. Брагина [1873–1917 гг.] / С. А. Корепанова, В. П. Микитюк // Первые Татищевские чтения: тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 14–15 нояб. 1997 г. – Екатеринбург : ИИиА УрО РАН; УрГУ, 1997. – С. 89–90.

135. *Корнилов Г. Е.* Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. / Г. Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 3 (44). – С. 80–89.

136. *Корнилов Г. Е.* Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи 1926 года) / Г. Е. Корнилов, О. В. Павлова // Уральский

исторический вестник. Вып. 9: Проблемы экономической истории России: региональное измерение. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – С. 210–226.

137. *Котляревский С.* Законопроекты о старообрядцах / С. Котляревский // Старообрядческая мысль. – 1910. – № 10. – С. 665–669.

138. *Крахмальников А. П.* «Духовномудрствующие» поповцы и раскол белокриницкого согласия в 1862 г. / А. П. Крахмальников // Сибирь на перекрестье мировых религий. Материалы второй межрегиональной научно-практической конференции, посвящ. памяти М. И. Рижского. / Отв. ред Н. Н. Покровский. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2005. – С. 166–171.

139. *Крахмальников А. П.* Сочинения староверов белокриницкого согласия (1846–1862 гг.) / А. П. Крахмальников. – М. : Индрик, 2012. – С. 88–90.

140. Крест Екатерины: Страницы истории лютеранства: город Екатеринбург: Личности, документы, фотографии / ред.-сост. С. Ф. Глушков. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000. – 224 с.

141. *Крупянская В. Ю.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX вв.) / В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук. – М. : Наука, 1971. – 288 с.

142. *Кузнецова Я. Л.* Женский антропонимикон старообрядцев Исетской волости конца XIX века / Я. Л. Кузнецова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2006. – № 7. – С. 138–141.

143. *Кузоро К. А.* Старообрядчество на страницах православных периодических изданий середины XIX начала XX в / К. А. Кузоро // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2011. – № 347. – С. 83–85.

144. *Кузьмин А. И.* Семья на Урале: Демографические аспекты выбора жизненного пути / А. И. Кузьмин. – Екатеринбург : Наука: Урал. отделение РАН, Ин-т истории и археологии, 1993. – 235 с.

145. *Кузьмин А. И.* Историко-демографический портрет Екатеринбурга / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева // Известия Уральского государственного университета. – 1998. – № 9. – С. 95–100.

146. *Куприянова И. В.* «Религиозная свобода» в интерпретации и практике старообрядческих сообществ Алтая (1900–1910-е гг.) / И. В. Куприянова // Социум и власть. – 2014. – № 5 (49). – С. 112–118.
147. *Куприянова И. В.* Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта / И. В. Куприянова // Мир науки, культуры, образования. 2013. №4 (41). С. 326–330.
148. *Курочкин Ю. М.* Из театрального прошлого Урала: Заметки собирателя / Ю. М. Курочкин. Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1957 – 286 с.
149. *Кускарова О. И.* Социокультурный процесс: состояние, особенности, факторы взаимодействия / О. И. Кускарова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. № 3. – С. 175–180.
150. *Лаппо Г. М.* Города России: взгляд географа / Г. М. Лаппо. – М. : Новый хронограф, 2012. – 503 с.
151. *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход / П. Ласлетт // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. / Под ред. А. Г. Вишневского, И. С. Кона. – М. : Статистика, 1979. – С. 132–137.
152. *Лиценбергер О. А.* Применение норм семейного права Римско-католической церкви в Российской Империи / О. А. Лиценбергер // Религия и право. – 2003. – № 1. – С. 35–37.
153. *Мазур Л. Н.* Методы исторического исследования / Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : УрФУ, 2010. – 608 с.
154. *Мальцев А. И.* Московские филипповцы во второй половине XVIII в. / А. И. Мальцев // Мир старообрядства. Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований. Материалы международной научной конференции. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – С. 241–246.

155. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Город Екатеринбург. Исторический очерк / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / Сост. И. И. Симанов. – Екатеринбург : Типография «Екатеринбургской Недели», 1889. – С. 2–57.

156. *Мангилев П. И.* «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири» и старообрядческая полемика о браке / П. И. Мангилев // Культура и быт дореволюционного Урала. – Свердловск : УрГУ, 1989. – С. 92–103.

157. *Мангилев П. И.* Из истории складывания обряда бессвященнословных браков у старообрядцев Урала / П. И. Мангилев // История церкви: изучение и преподавание. Мат-лы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства, Екатеринбург, 22–25 ноября 1990 г. Екатеринбург : УрГУ, 1999. – С. 198–204.

158. *Мангилев П. И.* К истории поморского согласия на Урале в XVIII–XX вв. / П. И. Мангилев // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. – Екатеринбург : УрГУ, 2000. – С. 4–24.

159. *Мангилев П. И.* К истории урало-сибирского старообрядчества XVIII–XIX вв. Крестьянин Стефан Кузьмич Тельминов / П. И. Мангилев // Религия и церковь в Сибири. Вып. 1. – Тюмень : ТюмГУ, 1990. – С. 10–14.

160. *Мангилев П. И.* О круге чтения крестьян-старообрядцев Зауралья в середине XIX в. / П. И. Мангилев // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. II. – Екатеринбург : УрГУ, 1998. – С. 146–153.

161. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. Вып. 1. – СПб. : тип. Б. М. Вольфа, 1908. – 314 с.

162. *Матвеева Т. П.* Русские географы и путешественники / Т. П. Матвеева, Т. С. Филонович, Л. И. Ярукова. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. – 175 с.

163. *Машковцева В. В.* Старообрядцы Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографический аспект / В. В. Машковцева // Вестник ВятГУ. – 2014. – № 9. – С. 52–64.

164. Мельгунов С. Один из старых голосов в защиту религиозной свободы / С. Мельгунов // Старообрядческая мысль. – 1910. – № 1. – С. 12–18.
165. Мельгунов С. П. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в. / С. П. Мельгунов. – М. : Задруга, 1919. – 236 с.
166. Мельгунов С. П. Свобода совести / С. П. Мельгунов // Старообрядческая мысль. – 1910. – № 1. – С. 32–36.
167. Мельгунов С. П. Старообрядчество и освободительное движение / С. Мельгунов. – Москва : Труд и воля, Тип. Вильде. 1906. – 32 с.
168. Мельгунов С. П. Старообрядцы и свобода совести (исторический очерк) / С. П. Мельгунов. – М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. – 89 с.
169. Мельгунов С. П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). Сб. ст. Т. 1. / С. П. Мельгунов. – М. : тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1907. – 196 с.
170. Мельников П. И. Очерки поповщины. Ч. 1. / П. И. Мельников // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). 1-е посмерт. полн. изд., доп., свер. и вновь просмотр. по рукописям. Т. 13. – СПб., М. : т-во М. О. Вольф, 1898. – 396 с.
171. Мельников П. И. Счисление раскольников / П. И. Мельников // Русский вестник. – 1868. – № 2. – С. 403–442.
172. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви / Ф. Е. Мельников. – Барнаул : БГПУ, 1999. – 556 с.
173. Мельникова О. В. Рогожские метрики. Гуслицы. Альманах. Вып. 9 (2009). [Электронный ресурс] / О. В. Мельникова // Ильинская средняя школа. Режим доступа: <http://ilschool-guslicy.ru/a9-melnikova-oi-rogozhskie-metriki.html>
174. Микитюк В. П. Дом на набережной / В. П. Микитюк. // Забытые имена Пермской губернии. Режим доступа: [URL: <http://www.fnperm.ru/SharedFiles/Download.aspx?pageid=2214&mid=2484&fileid=32>

175. *Микитюк В. П.* Исетский мукомольный район (вторая половина XIX – начало XX в.) / В. П. Микитюк // Урал в зеркале тысячелетий. Кн. 2. – Екатеринбург : БКИ, 2009. – С. 109–126.
176. *Микитюк В. П.* Отношение уральских предпринимателей к образованию во второй половине XIX – начале XX в.: конфликт «отцов» и «детей» / В. П. Микитюк // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 1. – С. 50–58.
177. *Микитюк В. П.* Род Злоказовых / В. П. Микитюк. – Екатеринбург : Издательский Дом «Сократ», 2017. – 352 с.
178. *Микитюк В. П.* Торговля как механизм диффузии инноваций / В. П. Микитюк // Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале XVIII – начале XX века. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – С. 355–374.
179. *Микитюк В. П.* Династия екатеринбургских купцов Белиньковых // Третьи Татищевские чтения : Тез. докл. и сообщ., Екатеринбург, 19–20 апр. 2000 г. / [Отв. ред. С. П. Постников]. – Екатеринбург : Банк культур. информ., 2000. – С. 201–207;
180. *Микитюк В. П.* Адаптация населения Екатеринбурга к реформам императора Александра II / В. П. Микитюк // XVI Романовские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург-Алапаевск. 19–20 июля 2018 г. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2018. – С. 91–98;
181. *Микитюк В. П.* Екатеринбургские купцы Грачевы / В. П. Микитюк // Одиннадцатые Татищевские чтения. Всерос. науч.-практич. конф. (Екатеринбург, 18–19 ноября 2015 г.): материалы / под ред. Г. Е. Корнилова. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2015. С. 166–170.
182. *Миловидов В. Ф.* Современное старообрядчество / В. Ф. Миловидов. – М. : Мысль, 1979. – 126 с.
183. *Миловидов В. Ф.* Старообрядчество в прошлом и настоящем / В. Ф. Миловидов. – М. : Мысль, 1969. – 112 с.

184. *Миненко Н. А.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века / Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова. – М. : Наука. 2006. – 380 с.
185. *Миронов Б. Н.* Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации / Б. Н. Миронов // Отечественные записки. – 2012. – Т. 48. – № 3. – С. 259–276.
186. *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. – Л. : Наука, 1990. – 271 с.
187. *Миронов Б. Н.* Новая историческая демография имперской России (Ч. 1): аналитический обзор современной литературы / Б. Н. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2006. – Сер. 2. – Вып. 4. – С. 62–90.
188. *Миронов Б. Н.* Новая историческая демография имперской России (Ч. 2): аналитический обзор современной литературы / Б. Н. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Сер. 2. – Вып. 1. – С. 100–126.
189. *Миронов Б. Н.* От традиции к модерну. Т. 1. / Б. Н. Миронов – СПб. : СПбГУ, СПб. ИИ РАН, 2014. – 892 с.
190. *Миронов Б. Н.* Социальная история России (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. / Б. Н. Миронов – СПб. : ИД «Дмитрий Буланин», 1999. – 549 с.
191. *Миттерауэр М.* Структуры семьи в России и в Центральной Европе: сравнительный анализ // Семья, дом и узы родства в истории / М. Миттерауэр, А. Каган. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2004. – С. 33–80.
192. *Мокеров И. П.* Экономико-демографическое развитие семьи / И. П. Мокеров, А. И. Кузьмин. – М. : Наука, 1990. – 100 с.
193. *Мокрушина О. А.* Родословные старообрядцев: особенности исследования на примере дворцовой Коломенской волости [Электронный ресурс] / О. А. Мокрушина // Союз возрождения родословных традиций. Статьи и публикации. – Режим доступа: <http://svrt.ru/lib/article.shtml>

194. *Морозова Т. П., Поткина И. В.* Савва Морозов. – М. : Русская книга, 1998. – 202 с.
195. *Назаров А. И.* Именник старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска / А. И. Назаров // Вопросы ономастики. – 2009. – № 7. – С. 81–99.
196. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. – М. : РОССПЭН, 2001. – 613 с.
197. *Нарский И. В.* Кадеты на Урале (1905–1907 гг.) / И. В. Нарский. Свердловск : изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – 125 с.
198. *Нарский И. В.* Политические партии в российской провинции (Урал, 1901–1916 гг.): шанс демократизации или модификация авторитарной действительности? / И. В. Нарский // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках. Сб. ст / Отв. ред. А. П. Абрамовский. – Челябинск : ЧГУ, 1997. – 180 с.
199. *Нарский И. В.* Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. (материалы к исследованию «русскости») / И. В. Нарский. – Екатеринбург : Cricket, 1994. – 127 с.
200. *Нарский И. В.* Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России) / И. В. Нарский. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1995. – 310 с.
201. *Население России в XX веке: исторические очерки. В 3-х т. / Под ред. Ю. А. Полякова. Т. 1: 1900–1939 гг. Отв. ред. В. Б. Жиромская. – М. : РОССПЭН, 2000. – 463 с.*
202. *Наумов А.* Земли Хвалынской храмы / А. Наумов. – Саратов : Текст, 2004. – 141 с.
203. *Невьянская икона.* – Екатеринбург : изд-во Уральского ун-та, 1997. – 248 с.
204. *Недзелюк Т. Г.* Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник / Т. Г. Недзелюк // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2011. – № 3 (15). – С. 129–135.

205. Необщинники // *Вургафт С. Г., Ушаков И. А.* Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. – М. : Церковь, 1996. – С. 184–186.
206. *Никольский Н. М.* История русской церкви / Н. М. Никольский. – М. : Политиздат, 1988. – 445 с.
207. *Никольский Н. М.* Религиозное движение / Н. М. Никольский // История России в XIX веке. Т. 4: Эпоха реформ (1840–1866). – Санкт-Петербург : А. и И. Гранат, [1908–1909]. – 386 с.
208. *Никонов В. А.* Имя и общество / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 278 с.
209. *Нильский И.* Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. Вып. 1–2 / И. Нильский. – СПб. : тип. Деп. уделов, 1869. – Вып. 2. – 256 с.
210. *Нильский И. Ф.* Семейная жизнь в русском расколе в настоящее царствование. Отношение к вопросу о браке заграничных раскольников беспоповцев / И. Ф. Нильский // Христианское чтение. – 1871. – № 12. – С. 861–934.
211. *Островский А. Б.* Старообрядцы и православные в русском сельском социуме (поведенческие стратегии взаимодействия) / А. Б. Островский // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 6. – С. 85–104.
212. *Островский А. Б.* Старообрядчество в условиях ограниченного социального признания (по материалам журнала «Церковь» 1908–1917) / А. Б. Островский // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 10. Сб. материалов. – М. : Музей истории и культуры старообрядчества, 2004. – С. 13–15.
213. *Островский А. Б.* Уральские часовенные в XX веке / А. Б. Островский // Русский мир: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. «Русское старообрядчество в истории и культуре: прошлое и настоящее», 16 ноября 2010 г. / Отв. ред. С. В. Неганов. – Пермь : изд-во «Тип. купца Тарасова», 2010. – С. 93–113.
214. *Островский А. Б.* Формы общественного признания старообрядчества после принятия указов 1905–1906 гг., легитимировавших веротерпимость /

А. Б. Островский // Старообрядчество: история, культура, современность : Сб. материалов VII научно-практич. конф. 19–20 ноября 2002 г. / Отв. ред. В. И. Осипов. – М. : Музей истории и культуры старообрядчества, 2002. – С. 163–173.

215. *Палкин А. С.* Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика / А. С. Палкин. – Екатеринбург : УрФУ, 2016. – 338 с.

216. *Парк Р. Э.* Город: Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде / Р. Э. Парк // Избранные очерки. – М. : ИНИОН, 2011. – С. 19–56.

217. *Парк Р. Э.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Р. Э. Парк // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 11–18.

218. *Пашков А. М.* А. С. Пругавин: от революционных кружков до изучения старообрядчества (1869–1881 гг.) / А. М. Пашков // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2010. – № 7 (50). – С. 43–55.

219. *Пихоя Р. Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII – XVIII вв.) / Р. Г. Пихоя. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1987. – 272 с.

220. *Побережников И. В.* Между макро- и микро-: уровни модернизационного анализа / И. В. Побережников // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2011. – С. 27–48.

221. *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – М. : РОССПЭН, 2006. – 240 с.

222. *Поздеева И. В.* Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы / И. В. Поздеева // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по

материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. – М. : изд-во МГУ, 1982. – С. 40–71.

223. *Поздеева И. В.* Книга – личность – община – инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхокамья) / И. В. Поздеева // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: мат-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения», Пермь, 25–26 октября 2001 г. – Пермь : Перм. ун-т, 2001. – С. 7–30.

224. *Поздеева И. В.* Личность и община в истории русского старообрядчества // Мир старообрядчества. Вып. 5. История и современность. Сб. науч. тр. М.: изд-во МГУ, 1999. С. 3–25.

225. *Поздеева И. В.* Русское старообрядчество и Москва в начале XX в. // Мир старообрядчества. Вып. 2: Москва старообрядческая / Ред. И. В. Поздеева. – М. : Росийское университетское изд-во, Москва, 1995. – С. 6–40.

226. *Поздеева И. В.* Традиционная книжность современного старообрядчества // Мир старообрядчества. Вып. 1: Личность. Книга. Традиция / Под ред. И. В. Поздеевой, Е. Б. Смилянкой. – М. ; СПб. : Хронограф, 1992. – С. 11–27.

227. *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. / Отв. ред. С. О. Шмидт. – Новосибирск : Наука, 1974. – 394 с.

228. *Покровский Н. Н.* За страницей «Архипелага ГУЛАГ» / Н. Н. Покровский // Новый мир. – 1991. – № 9. – С. 77–90.

229. *Покровский Н. Н.* Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (серия «Археография и источниковедение Сибири») : сб. науч. тр. / Отв. ред Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1982. – С. 48–79.

230. *Покровский Н. Н.* Рассказ о Екатеринбургском соборе 1884 г. // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России (серия «Археография и источниковедение Сибири») : сб. науч. тр. / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука, Сиб. изд. фирма, 1992. – С. 146–159.
231. *Покровский Н. Н.* «Родословия» часовенных и их источники // *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. – М. : Памятники исторической мысли. – С. 183–204.
232. *Покровский Н. Н.* Скитские биографии / Н. Н. Покровский // Новый мир. – 1992. – № 8. – С. 194–210.
233. *Покровский Н. Н.* Соборные уложения часовенных XVIII–XX вв.: система запретов // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время (серия «Археография и источниковедение Сибири») : сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Н. Покровский. – Новосибирск : изд-во СО РАН, 2000. – С. 123–138.
234. *Покровский Н. Н.* Споры об исповеди и причастии у староверов-часовенных востока России в XVIII в. // Культура славян и Русь : сб. ст. / Ю. С. Кукушкин, Т. Б. Князевская и др. – М. : Наука, 1998. – С. 518–528.
235. *Покровский Н. Н.* Старообрядческий агиографический цикл XX века / Н. Н. Покровский // *Skupiska staroobrzadowcow w Europie, Azji i Ameryce, ich miejsce i tradycje we wspolczesnym swiecie.* – Warszawa, 1994. – С. 33–43.
236. *Покровский Н. Н.* Старообрядческий рассказ о сталинских репрессиях // Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах / Сост. И. В. Павлова. Вып. 2. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1994. Вып. 2. – С. 198–211.
237. *Покровский Н. Н.* Традиции и новации в духовной жизни русского старообрядчества // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки : Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Р. Моррис. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1992. – С. 6–12.

238. *Покровский Н. Н.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII – начале XX вв. / Н. Н. Покровский, Н. Д. Зольникова. – М. : Памятники исторической мысли, 2002. – 471 с.
239. *Полищук В. А.* Уголовные преступления уральских крестьян (по материалам Екатеринбургского окружного суда) / В. А. Полищук // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сб. материалов I Всероссийской молодежной науч. конф., Новосибирск 25–27 августа 2011 года. – Новосибирск : Параллель, 2011. – С. 117–123.
240. *Полозов С. П.* История старообрядчества Хвалынского района Саратовской области / С. П. Полозов // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы 13-й международной конференции молодых ученых. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002. – С. 498–502.
241. *Поляков Ю. А.* Человек в повседневности. (исторические аспекты) / Ю. А. Поляков // Труды Института российской истории РАН. – 2002. – № 3. – С. 290–322.
242. *Полян П.* «Город и деревня в Европейской России» В. П. Семенова-Тян-Шанского глазами современников и потомков / П. Полян // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М. : ОГИ, 2001. – С. 25–31.
243. *Попов Н.* Сборник для истории старообрядчества / Н. Попов. – М. : Унив. тип., 1864–1866. – 774 с.
244. *Попов Н. Н.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году / Н. Н. Попов, Д. В. Бугров. – Екатеринбург : Наука, 1997. – 129 с.
245. *Попова О. Г.* Идея Учредительного собрания в российской истории и его роль в попытке создания правового государства в 1917 – начале 1918 гг. / О. Г. Попова // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. : Сб. науч. тр. – Екатеринбург : Волот, 1998. – С. 166–167.
246. *Пругавин А. С.* 2 миллиона или 20 миллионов / А. С. Пругавин. // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. – 25 янв.

247. *Пругавин А. С.* Борьба с Антихристом (Очерки религиозно-аграрного движения на Урале) / А. С. Пругавин // Заветы. – 1914. – № 5. – Отд. II. – С. 63–92.
248. *Пругавин А. С.* Запросы и проявления умственной жизни в расколе / А. С. Пругавин // Русская мысль. – 1884. – Кн. I. – С. 161–199.
249. *Пругавин А. С.* Неприемлющие мира: Очерки религиозных исканий: Анархическое течение в русском сектантстве / А. С. Пругавин. – М. : Задруга, 1918. – 180 с.
250. *Пругавин А. С.* Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве / А. С. Пругавин // Русская мысль. – 1881. – № 3. – 2-й сч. – С. 23–42.
251. *Пругавин А. С.* Раскол вверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде / А. С. Пругавин. – СПб. : тип. т-ва «Общественная польза», 1909. – 267 с.
252. *Пругавин А. С.* Раскол и его исследователи / А. С. Пругавин // Русская Мысль. – 1881. – № 2. – С. 332–357.
253. *Пругавин А. С.* Раскол и сектантство в русской народной жизни / А. С. Пругавин. – М. : тип. т-ва И. Д. Сытина, 1905. – 93 с.
254. *Пругавин А. С.* Раскол-сектантство: Материалы для изуч. религ.-бытовых движений рус. народа, собр. А. С. Пругавиным. Вып. 1. / А. С. Пругавин. – М. : тип. В. В. Исленьева, 1887. – 525 с.
255. *Пругавин А. С.* Русские сектанты до закона 3 мая 1883 года / А. С. Пругавин // Русская мысль. – 1883. – № 10. – С. 213–252 ; – № 11. – С. 266–297.
256. *Пругавин А. С.* Старообрядчество во второй половине XIX века: Очерки из новейшей истории раскола / А. С. Пругавин. – М. : Отд. тип. т-ва И. Д. Сытина, 1904. – 281 с.
257. *Путинцев Ф.* Сектанты против колхозного урожая / Ф. Путинцев // Безбожник. – 1933. – № 7. – С. 6–7.
258. *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М. Наука, 1975. – 281 с.

259. *Пушков В. П.* Массовые источники по истории старообрядческих поселений Пермского региона второй половины XIX–XX вв. как база комплексных исследований / В. П. Пушков // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы междунар. науч. конф. 21–24 ноября 1995 г. Сб. науч. тр. / Отв. ред. И. В. Поздеева. – М. : РОССПЭН, 1998. – С. 73–80.

260. *Расков Д. Е.* Дискуссии о проценте у староверов / Д. Е. Расков // Христианское чтение. – 2010. – № 4. – С. 85–108.

261. *Расков Д. Е.* Социальные нормы и институциональные изменения, или как понять динамику экономической активности старообрядцев / Д. Е. Расков // Journal of Institutional Studies. – 2012. – Т. 4. – № 3. – С. 34–42.

262. *Расков Д. Е.* Экономические институты старообрядчества / Д. Е. Расков. – СПб. : изд-во СПбГУ. – 344 с.

263. *Редькина О. Ю.* Старообрядцы Нижней Волги в 1917 г. / О. Ю. Редькина // Русская Православная Церковь и межконфессиональные отношения в Нижнем Поволжье. Сб. ст. / Отв. ред. О. А. Прохвятилова и др. – Волгоград : изд-во ВолГУ, 2003. – С. 38–47.

264. *Редькина О. Ю.* Христианские политические партии на Нижней Волге в 1917 г. / О. Ю. Редькина // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 4: История. – 2012. – № 1 (21). – С. 38–43.

265. *Рейснер М. А.* Веротерпимость и «раскол»: (Из истории секретного законодательства о расколе до 1875 г.) / М. Рейснер. – М. : т-во типо-лит. И. М. Машистова, 1912. – 24 с.

266. *Рейснер М. А.* Государство и верующая личность: сб. ст. / М. Рейснер. – СПб. : Общественная польза», 1905. – 424 с.

267. *Репина Л. П.* Между локальным и глобальным: поиски интегративных подходов / Л. Репина // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Вып. 5. – 2011. – С. 9–28.

268. *Ретина Л. П.* Новая локальная истории / Л. Ретина // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Сб. ст. / Гл. ред. И. В. Нарский. – Челябинск : Каменный пояс, 2003. – С. 10–20.
269. *Россия в XVIII–XX в.: региональные аспекты модернизации* / Отв. ред. И. В. Побережников. – Екатеринбург : УрО РАН, 2006. – 342 с.
270. *Рындзюнский П. Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. (взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России) / П. Г. Рындзюнский. – М. : Наука, 1983. – 269 с.
271. *Рындзюнский П. Г.* Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма (на примере истории московской общины федосеевцев в 40-х годах XIX в. / П. Г. Рындзюнский // Вопросы истории религии и атеизма. М. : издательство Академии наук СССР, 1950. С. 188–248.
272. *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. М. : издательство Академии наук СССР, 1958. – 559 с.
273. *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. / П. И. Рычков. – Оренбург : Оренбург. Отд. Рус. Геогр. о-ва, 1887. – 406 с.
274. *Сарафанов Д. Е.* Смертность населения в Барнауле в XIX в. / Д. Е. Сарафанов // Миграции и постмиграционные сообщества (Алтай – Казахстан, XIX–XX вв.) / [отв. ред.: В. Н. Владимиров, И. Г. Силина]. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 182–212.
275. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в Европейской части России: очерк по экономической географии / В. П. Семенов-Тянь-Шанский. – СПб. : тип. В. Ф. Киршбаума, 1910. – 212 с.
276. *Семья, дом и узы родства в истории.* Сб. науч. ст. (серия «Современные направления в исторической науке: серия переводов». Т. 2) / Отв. ред. О. В. Кошелева. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2004. – 285 с.
277. *Сенин А. С.* Александр Иванович Гучков / Александр Сенин // Вопросы истории. – 1993. № 7. – С. 69–88.

278. *Сенявский А. С.* Российский путь к городскому обществу: история и современность / А. С. Сенявский. – Екатеринбург : ИРИ РАН, УрО ИИиА, 1998. – 12 с.
279. *Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе / А. С. Сенявский. – М. : Наука, 2003. – 285 с.
280. *Скубинецкий В. А.* Предприниматели Алтая 1861–1917: энциклопедия предпринимательства / В. А. Скубневский, А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. – Барнаул : Демидовский фонд, 1996. – 112 с.
281. *Словцов П. А.* История Сибири. От Ермака до Екатерины II. / П. А. Словцов. – М. : Вече, 2006. – 505 с.
282. *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. / П. С. Смирнов. – СПб. : т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1898. – 504 с.
283. *Смирнов П. С.* Из истории противораскольнической миссии XVII в.: Поездка архим. Игнатия в Кинешму для увещевания раскольников и составленное Игнатием описание этой поездки / П. С. Смирнов // Христианское чтение. – 1903. – Т. 216. – № 11. – С. 652–666 ; – № 12. – С. 855–880.
284. *Стрекалов Д. В.* Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова) / Д. В. Стрекалов, Н. В. Стрекалова // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 23. – № 172. – С. 119–130.
285. *Соболева Л. С.* Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: Размышления времени о староверии / Л. С. Соболева // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 97–122.
286. *Соколов В.* Старообрядческие метрические книги общины деревни Кузьево [Электронный ресурс] / В. Соколов // Старообрядческое Подмосковье. – Режим доступа: http://www.genealogy-kzn.ru/staroobrad_metr_knigi/
287. *Соколов Н. С.* Раскол в Саратовском крае Опыт исследования по неизданным материалам. Т. 1. – Саратов : тип. И. Штерцер и Ко., 1888. – 480 с.

288. *Стадников А. В.* Список старообрядческих фамилий Москвы / А. В. Стадников // Мир старообрядчества. Вып. 5. История и современность. Сб. науч. тр. М.: изд-во МГУ, 1999. С. 343–349.
289. *Старостин А. Н.* Мусульманская община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в.: численность и институты / А. Н. Старостин, Е. М. Главацкая // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 4 (157). – С. 244–253.
290. *Старухин Н. А.* Сибирские общества белокриничских староверов во второй половине XIX – начале XX в. / Н. А. Старухин. – Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2015. – 206 с.
291. *Старухин Н. А.* Белокриничское согласие на Алтае: Барнаульская Крестовоздвиженская церковь / Н. А. Старухин // Старообрядчество: история и культура. Сб. науч. ст. Вып. 1. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. – С. 93–103.
292. *Старцев А. В.* Хозяйственная этика староверов / А. В. Старцев // Старообрядчество: история и культура. Сб. науч. ст. Вып. 1. – Барнаул : изд-во БГПУ, 1999. – С. 78–93.
293. *Суржикова Н. В.* «Теперь за мужей пошли в моду австрийцы...»: плен, любовь и мораль в российской провинции 1914–1917 гг.» / Н. В. Суржикова // Родина. – 2014. – № 8. – С. 137–138.
294. *Суржикова Н. В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.) / Н. В. Суржикова. – М. : РОССПЭН, 2014. – 423 с.
295. *Теленков А. В.* Представления о власти в контексте национального самосознания уральских старообрядцев в конце XIX – начале XX вв. / А. В. Теленков // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2018. – № 4. – С. 93–100.
296. *Теннис Ф.* Общность и общество / Ф. Теннис // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4. – С. 207–229.
297. *Тихомиров И. Ф.* Раскол в пределах Калужской епархии: прошлое и настоящее местного раскола / И. Ф. Тихомиров. – Калуга: Типо-литография губернского правления, 1900. – 173 с.

298. *Трусов В. А.* О Василии Демидове и строительстве Шайтанского завода / В. А. Трусов // Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 19–20 ноября 2015 года, Соликамский государственный педагогический институт / Сост. Г. А. Лебедева, В. В. Дементьева. – Соликамск : СГПИ, 2015. – С. 40–45.

299. *Тольц М. С.* Брачность населения России в конце XIX – начале XX вв. / М. С. Тольц // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. ст. / Под ред. А. Г. Вишневого. – М. : Статистика, 1997. – С. 138–153.

300. *Тютюкин С. В.* Политическое пробуждение России на рубеже XIX–XX веков / С. В. Тютюкин // Политические партии в России: история и современность. / Отв. ред. А. И. Зевелев, В. В. Шелохаев, Ю. П. Свириденко – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 69–83.

301. *Ульянова Е. А.* Численность и структура старообрядческих семей Екатеринбургского уезда (по данным исповедной росписи 1838 г.) / Е. А. Ульянова // Документ. Архив. Источник. Вып. 6. – Екатеринбург : УрГУ, 2006. – С. 156–174.

302. *Уэст Дж. Л.* Старообрядцы и предпринимательская культура в царской России // Современная конкуренция. 2009. №3. Л. 130–143.

303. *Фишман О. М.* Жизнь по вере: тихвинские карелы старообрядцы / О. М. Фишман. – М. : Индрик, 2003. – 408 с.

304. *Фурсова Е. Ф.* Род и семья у старообрядцев-поморцев Новосибирской области (конец XIX – начало XX в.) / Е. Ф. Фурсова, А. И. Голомянов, М. В. Фурсова. Отв. ред Д. А. Зверев. – Новосибирск : Сиб. отд-ние РАН, 2002. – 207 с.

305. *Чагин Г. Н.* Заселение и хозяйственное освоение Верхокамья в конце XVIII – первой трети XX вв. / Г. Н. Чагин // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы междунар. науч. конф. 21–24 ноября 1995 г. Сб. науч. тр. / Отв. ред. И. В. Поздеева. – М. : РОССПЭН, 1998. – С. 265–274.

306. *Чагин Г. Н.* Крестьянская семья Верхокамья в конце XVIII – первой четверти XX вв. / Г. Н. Чагин // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Мат-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения». Пермь, 25–26 октября 2001 г. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – С. 31–40.
307. *Чагин Г. Н.* Материальная культура русского населения Северо-Восточного Прикамья в конце XIX – середине XX века / Г. Н. Чагин // Вестник Перм. ун-та. Сер. История. – 2005. – № 5. – С. 70–86.
308. *Чагин Г. Н.* Природная среда и особенности культурно-бытовых традиций народов Среднего Урала в середине XIX – первой половине XX в. / Г. Н. Чагин // Материальная культура народов России. Сб. ст. Т. 1. / Отв. ред. А. Г. Селезнев, Н. А. Томилов. – Новосибирск : Наука. Сибирская изд. фирма, 1995. – С. 122–139.
309. *Чагин Г. Н.* Пудьвинская лавра / Г. Н. Чагин // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 1. Сб. ст. – Екатеринбург : УрГУ, 1997. – С. 169–172.
310. *Чагин Г. Н.* Социально-экономическое развитие Чердынско-Печорского края в XVIII – начале XX вв. / Г. Н. Чагин // Вестник Пермского университета. Сер. «История». – 2015. – Вып. 1 (28). – С. 183–194.
311. *Чагин Г. Н.* Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры в XIX–XX вв. / Г. Н. Чагин // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. II. Сб. ст. – Екатеринбург : УрГУ, 1998. – С. 258–272.
312. *Чагин Г. Н.* Традиционные связи духовной культуры семьи и общины русского старообрядческого населения Верхокамья / Г. Н. Чагин // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки : Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Р. Моррис. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1992. – С. 162–167.
313. *Черных А. В.* К проблеме народной терминологии старообрядческих согласий в русских традициях Прикамья / А. В. Черных // Staroobrzędowcy za

granicą 2 / pod red. D. Pasko-Koneczniak, M. Ziółkowskiej, S. Grzybowskiego, M. Głuszkowskiego. – Toruń : Eikon, 2014. – S. 309–318.

314. *Черных А. В.* Народная терминология старообрядческих согласий в русских традициях Прикамья: бегуны (странники) / А. В. Черных // Традиционная культура. – 2018. – Т. 19. – № S5. – С. 97–109.

315. *Черных А. В.* Старообрядцы пермского Прикамья: опыт межконфессионального взаимодействия / А. В. Черных // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2 (47). – С. 125–132.

316. *Черных А. В.* Старообрядческие согласия в народной терминологии русского населения Пермского края / А. В. Черных // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16. – № 2. – С. 85–110.

317. *Черных А. В.* Старообрядчество южных районов Пермской области в контексте этнокультурной истории / А. В. Черных // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Мат-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения». Пермь, 25–26 октября 2001 г. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – С. 133–158.

318. *Чупин Н. К.* Полуторастолетие Екатеринбурга: Период первый. С 1723 до конца 1734 г. / Н. К. Чупин. – Пермь : Перм. губ. тип., [1873]. – 81 с.

319. *Шашков А. Т.* Послание сибирской «братии» протопопа Аввакума и его адресаты / А. Т. Шашков // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма : Сб. науч. ст. (серия «Археография и источниковедение Сибири»). – Новосибирск : Наука, Сибирское отд-ние, 1985. – С. 85–97.

320. *Шашков А. Т.* Сибирский митрополит Игнатий и «дело» Иосифа Астомена / А. Т. Шашков // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. С. Черкасова. – Свердловск : Институт истории и археологии, 1991. – С. 36–49.

321. *Шевырев В. М.* Павел Петрович Рябушинский / В. М. Шевырев // Россия и современный мир. – 2009. Т. 63. № 2. – С. 205–211.

322. *Шепталин А. А.* Сарапул. Сарапуль. Сарапуль: историко-краеведческие очерки / А. А. Шепталин. – Ижевск : Удмуртия, 2007. – 376 с.

323. *Шехолаев В. В.* Кадеты // Политические партии в России: история и современность / В. В. Шехолаев / Отв. ред. А. И. Зевелев, В. В. Шелохаев, Ю. П. Свириденко. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 154–158.
324. *Шкерин В. А.* Диффузия технико-технологических новшеств и организационных моделей в промышленном секторе в XIX – начале XX в. / В. А. Шкерин, В. П. Микитюк // Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начале XX в.). / Отв. ред. Е. В. Алексеева. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – С. 106–144.
325. *Шолтычек М.* Семья и домохозяйство в Центральной Европе (на примере прихода Буяков в XVIII–XIX вв.) / М. Шолтычек // Историческая демография. Сборник статей / Под ред. М. Б. Денисенко., И. А. Троицкой. – М. : МАКС Пресс, 2008 (серия «Демографические исследования». Вып. 14). – С. 240–276.
326. *Щапов А. П.* Земство и раскол / А. П. Щапов. – СПб. : тип. тов-ва «Общественная польза», 1862. – 161 с.
327. *Щапов А. П.* Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII века и в первой половине XVIII: Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола / А. П. Щапов. – Казань : Иван Дубровин, 1859. – 547 с.
328. *Щапов Я. Н.* Старообрядцы в Москве между двумя революциями (1905–1917 гг.) / Я. Н. Щапов // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce. Polska Akademia nauk. Instytut slavistyki. – Warszawa, 1994. – С. 81–89.
329. *Щеглов С. Г.* Структура семьи в мещанском сословии в городах Томской губернии в первой половине XIX в. / С. Г. Щеглов, О. В. Меженина // Известия Алтайского университета. – 2016. – № 2 (90). – С. 176–180.
330. *Щетинин Л. М.* Русские имена (очерки по донской антропонимике) / Л. М. Щетинин. – Ростов-на-Дону : изд-во Ростовского ун-та, 1972. – С. 183–219.

331. *Элбакян Е. С.* Изучение религии в научной парадигме: общее и особенное / Е. С. Элбакян // Евразия: духовные традиции народов. – 2012. – № 1. – С. 62–80.
332. *Энциклопедия Алтайского края. В 2-х томах. Т. 2. / Гл. ред. В. Т. Мищенко.* – Барнаул : Пикет, 1997. – 484 с.
333. *Эристов А.* На Тобольском фронте борьбы с религией. Антирелигиозные очерки и материалы / А. Г. Эристов. – Тобольск : О-во ищущения края при Госмузее Тобсевера ОкрОНО и Союза воинствующих безбожников, 1929. – 109 с.
334. *Эристов А.* Уральский Север. Антирелигиозные очерки Тобольского края / А. Г. Эристов. – Свердловск ; М. : Уралогиз, 1933. – 96 с.
335. *Эристов А.* Церковь на службе у колчаковщины (к 10-летию освобождения Урала от Колчака) / А. Эристов // Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. – 1929. – № 1–2. – С. 47–48.
336. *Юнусова Л. В.* Структура мещанской семьи Тюмени во второй половине XIX – начале XX века (на основе посемейных списков) / Л. В. Юнусова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 16 (270). – История. – Вып. 51. – С. 29–33.
337. *Юхименко Е. М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою / Е. М. Юхименко. 1-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 238 с.; 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 280 с.
338. *Ясевич-Бородаевская В. И.* Борьба за веру: Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии / В. И. Ясевич-Бородаевская. – СПб. : Государственная типография, 1912. – 683 с.
339. *Яцунский В. К.* Роль исторической географии в разработке важнейших проблем отечественной истории / В. К. Яцунский // Вопросы истории. – 1964. – № 12. – С. 17–26.
340. *Яцунский В. К.* Историческая география как научная дисциплина / В. К. Яцунский // Вопросы географии. Сб. 20. – М. : Географгиз, 1950. – С. 13–41.

Диссертации и авторефераты диссертаций

341. *Алексеева, С. И.* Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений Российской империи: 1856–1904 гг. Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук : 07.00.02. / Алексеева Светлана Ивановна. – СПб., 1997. – 20 с.

342. *Алферова Е. Ю.* Социально-экономическое развитие городов Урала в 60–90-е годы XIX в. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук : 07.00.02. / Алферова Елена Юрьевна. – Екатеринбург, 1992. – 21 с.

343. *Араловец Н. А.* Российское городское население в 1897–1926 гг.: брак и семья. Дис. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук : 07.00.02 / Араловец Наталья Аркадьевна – М., 2004. – 387 с.

344. *Байдин В. И.* Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII – середина XIX вв.). Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук : 07.00.02 / Байдин Виктор Иванович – Свердловск, 1983. – 228 с.

345. *Белобородов С. А.* Религиозно-организационная структура старообрядчества горнозаводского Урала во второй четверти XIX – начале XX вв. (на примере согласия беглопоповцев / часовенных). Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук : 07.00.02 / Белобородов Сергей Анатольевич – Екатеринбург, 2012. – 310 с.

346. *Боровик Ю. В.* Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1927 гг.). Дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук : 07.00.02 / Боровик Юлия Викторовна – Екатеринбург, 2003. – 26 с.

347. *Веселова А. П.* Семья в старообрядческой культуре: опыт исторического исследования. Автореф. дис на соиск. уч. степ. канд. ист. наук : 07.00.02 / Веселова Анна Петровна. – Томск, 2007. – 27 с.

348. *Голобородский М. В.* Архитектура храмов Екатеринбурга: XVIII–XIX вв. Дис. на соиск. уч. степ. канд. Архитектуры : 18.00.01 / Голобородский Михаил Венидимович. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.

349. *Данилко Е. С.* Старообрядчество на Южном Урале: историко-этнографическое исследование. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук : 07.00.07 / Данилко Елена Сергеевна – Уфа, 2000. – 23 с.

350. *Данилко Е. С.* Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья. Дис. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук: 07.00.07 / Данилко Елена Сергеевна – М., 2007. – 55 с.

351. *Данилова И. В.* Система личных имен Смоленского региона в XX веке: Динамический аспект: Автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. Наук : 10.02.01 / Данилова Ирина Валерьевна – Смоленск, 2004. – 24 с.

352. *Дутчак Е. Е.* Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX – XX вв): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук : 07.00.02 / Дутчак Елена Ерофеевна. – Томск, 1994. – 17 с.

353. *Ершова О. П.* Старообрядчество и государственная политика России в области вероисповедания во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук : 07.00.02. / Ершова Ольга Петровна – М., 2000. – 32 с.

354. *Иванов К. Ю.* Старообрядчество юга Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук : 07.00.02. / Иванов Константин Юрьевич. – Кемерово, 2001. – 27 с.

355. *Керов В. В.* Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России в конце XVII – XIX вв.: Дис. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук : 07.00.02 / Керов Валерий Всеволодович – М., 2004. – 715 с.

356. *Кононенко А. А.* Социалисты-революционеры в политической борьбе на Урале в 1917–1918 гг. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук : 07.00.02 / Кононенко Анатолий Анатольевич. – Тюмень, 1993. – 162 с.

357. *Курасова А. А.* Уральские организации и политические партии России накануне и в период революции 1905–1907 гг. (по материалам печати). Дис. на

соиск. уч. степ. канд. ист. наук. : 07.00.02 / Кононенко – Екатеринбург, 2000. – 20 с.

358. *Мангилев П. И.* Старообрядчество и крестьянская книжность Южного Урала и Зауралья в XVIII – начале XIX вв. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук : 07.00.02 / Мангилев Петр Иванович – Екатеринбург, 2008. – 323 с.

359. *Муратова Е. Ю.* Именник старообрядческой общины на территории Миорского района Витебской области. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук : 10.02.01 / Муратова Елена Юрьевна – Минск, 1994. – 21 с.

360. *Огоновская И. С.* Борьба политических партий на Урале за идейное влияние на массы в 1917 г. (по материалам периодической печати). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук : 07.00.01 / Огоновская Изabella Станиславовна – Свердловск, 1991. – 19 с.

361. *Пюрияйнен Д. М.* Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в. : социокультурный аспект. Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук : 07.00.02 / Пюрияйнен Дарья Михайловна – Ижевск, 2009. – 22 с.

Исследования на иностранных языках

362. *Bushnell J.* Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the 18th–19th Centuries / John Bushnell. – Bloomington: Indiana University Press, 2017 – 399 p.

363. *Family Forms in historic Europe* / ed. by Wall R., Roin J., Laslett P. – Cambridge : Cambridge University. – 608 с.

364. *Gerschenron A.* Europe in the Russian Mirror. Four lectures in economic history / Alexander Gerschenron. – Cambridge, 1970. – 158 с.

365. *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America* / ed. by P. Laslett, R. Wall. – Cambridge :

Cambridge University Press, 1972. – 623 c.

366. Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernization or Revolution. Boston : D. C. Heath, 1965. 108 p.

367. *Leroy-Beaulieu A.* L’empire des tsars et les Russes. T. 3: La religion. Troisième édition / Anatole Leroy-Beaulieu. – Paris : Librairie Hachette et Cie, 1889. – 670 p.

368. *Rieber A. J.* Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia / Alfred J. Rieber. – Chapel Hill : University of North Carolina press, cop. 1982. – 464 c.

369. *Rzemieniecki K.* Struktura i wielkość gospodarstw rodzinnych staroobrzędowców w powiecie Zytomierskim (w guberni Wołyńskiej), w końcu XVIII w. // Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych. Tom LXXV. – 2015. – S. 263–276.

370. *Sommerseth H. L., Walhout E. C.* Deaths in a city: a view from the 19th century church registers in Norway / H. L. Sommerseth, E. C. Walhout // Nominative Data in Demographic Research in the East and the West : monograph / Edited by E. Glavatskaya, G. Thorvaldsen, G. Fertig, M. Szoltysek. – Ekaterinburg : Ural University Press, 2019. – P. 185–201.

371. *Szoltysek M.* Rethinking East-Central Europe: family systems and co-residence in the Polish-Lithuanian Commonwealth. Contexts and analyses / M. Szoltysek – Bern : Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2015. – 1066 p.

372. *Beals R. L.* Urbanism, Urbanization and Acculturation / Ralf L. Beals // American Anthropologist. – 1951. Vol. 53. № 1. – P. 1–10.

Перечень иллюстративного материала в тексте диссертации

I. Перечень таблиц

Глава 1

1. С. 75. Таблица 1.1. Количество событий жизненного цикла у старообрядцев Екатеринбургских горных заводов (Шарташский и Сарапульский участки) во второй половине 1850-х гг.

Глава 2

2. С. 112. Таблица 2.1. Наставники старообрядческих общин часовенных в Екатеринбурге, 1880–1919 гг.

3. С. 118. Таблица 2.1. Численность старообрядцев в городах Пермской губернии, 1897 г.

Глава 3

4. С. 183. Таблица 3.1. Численность и процентное соотношение местных и пришлых старообрядцев Екатеринбурга в начале XX в., по сословиям.

5. С. 184. Таблица 3.2. Источники миграции старообрядцев в Екатеринбург в начале XX в.

6. С. 187. Таблица 3.3. Религиозная принадлежность купеческих семейств Екатеринбурга в 1857–1858 гг.

7. С. 187. Таблица 3.4. Численность купеческих семейств Екатеринбурга в 1857–1858 гг. по религиозным группам.

8. С. 188–189. Таблица 3.5. Купцы-старообрядцы Екатеринбурга в 1857–1858 гг.

9. С. 194–195. Таблица 3.6. Религиозная принадлежность семей мещан Екатеринбурга в 1857–1858 гг.

10. С. 195. Таблица 3.7. Соотношение мещан Екатеринбурга в 1857–1858 гг. по религиозным группам
11. С. 196–197. Таблица 3.8. Старообрядцы, причисленные к мещанскому сословию Екатеринбурга между 9-й и 10-й ревизиями.
12. С. 205. Таблица 3.9. Причины отчисления крестьян мужского пола из общества села Шарташ в 1874–1894 гг.
13. С. 206. Таблица 3.10. Крестьяне с. Шарташ, отписавшиеся в мещанство и переселившиеся в Екатеринбург, 1870–1880 гг.

Глава 4

14. С. 223. Таблица 4.1. Брачный статус купцов и цеховых мещан Екатеринбурга из старообрядческих, единоверческих и смешанных семей по возрастам, 1857–1858 гг.
15. С. 237. Таблица 4.2. Структура купеческих семей Екатеринбурга по 10-й ревизии.
16. С. 242. Таблица 4.3. Структура семей цеховых мещан Екатеринбурга по 10-й ревизии.
17. С. 246–247. Таблица 4.4. Место жительства семей цеховых мещан Екатеринбурга – старообрядцев, единоверцев и их смешанных семей, 1857–1858 гг.
18. С. 248. Таблица 4.5. Структура семей мещан Екатеринбурга по 10-й ревизии.
19. С. 248. Таблица 4.6. Средняя численность семьи у основных городских сословий Екатеринбурга по 10-й ревизии.
20. С. 250. Таблица 4.7. Размер семей Екатеринбурга, 1857–1858 гг.
21. С. 253. Таблица 4.8. Переход крестьян с. Шарташ в мещанское сословие Екатеринбурга в 1874–1894 гг.
22. С. 254. Таблица 4.9. Размер семей Шарташа, 1874 г.
23. С. 255. Таблица 4.10. Типология старообрядческих семей с. Шарташ, 1874 г.

24. С. 262. Таблица 4.11. Соотношение количества новорожденных и имен в старообрядческих общинах Екатеринбурга, начало XX в.
25. С. 263. Таблица 4.12. Соотношение имен, полученных при крещении в старообрядческих обществах Екатеринбурга 1907–1924 гг.
26. С. 269. Таблица 4.13. Соотношение дат рождения и крещения с днем памяти святой согласно данным метрических книг старообрядцев Екатеринбурга, 1907–1926 гг.
27. С. 270. Таблица 4.14. Диапазон между днями рождения и крещения у носителей имен Нина, Зинаида, Ольга, Татьяна, Валентина.
28. С. 272. Таблица 4.15. Количество записей в метрических книгах старообрядческих общин Екатеринбурга, 1907–1926 гг.
29. С. 273. Таблица 4.16. Результаты связывания данных о родившихся и умерших в возрасте до 16 лет в старообрядческих приходах в 1907–1917 гг.
30. С. 276. Таблица 4.17. Младенческая и детская смертность у старообрядцев Екатеринбурга до и после 1914 г.

II. Перечень рисунков

Глава 2

31. С. 117. Рисунок 2.1. Численность старообрядцев в городах с населением 40–100 тыс. чел., 1897 г.
32. С. 119. Рисунок 2.2. Старообрядцы среди горожан Пермской губернии в 1897 г.
33. С. 120. Рисунок 2.3. Городское население Южного Урала в 1897 г.: Уфимская и Оренбургская губернии

Глава 3

34. С. 178. Рисунок 3.1. Официальная численность старообрядцев Екатеринбурга, XIX в.

35. С. 180. Рисунок 3.2. Прирост старообрядческого населения Екатеринбурга в XIX в.

36. С. 182. Рисунок 3.3 Соотношение домовладельцев и арендаторов жилья Екатеринбурга, по религиозным группам в 1887 г.

37. С. 184. Рисунок 3.4. Место жительства старообрядцев часовенного согласия вступивших в первый брак в Екатеринбурге в 1907–1918 гг. по сословиям и полам

38. С. 199. Рисунок 3.5. Половозрастная структура старообрядческого населения: с. Шарташ, 1874 г. и Екатеринбург, 1897 г.

Глава 4

39. С. 224. Рисунок 4.1. Брачное состояние купцов и цеховых мещан Екатеринбурга из старообрядческих, единоверческих и смешанных семей по возрастам и в 1857–1858 гг.

40. С. 225. Рисунок 4.2. Брачное состояние старообрядцев с. Шарташ в 1874 г.

41. С. 232. Рисунок 4.3. «Смешанные» браки в Троицком единоверческом приходе Екатеринбурга до и после легализации старообрядческих общин.

42. С. 264. Рисунок 4.4. Количество и доля носителей имен разных групп частотности в старообрядческих обществах Екатеринбурга в начале XX в.

43. С. 264. Рисунок 4.5. Соотношение носителей имен разной степени употребительности в старообрядческих обществах Екатеринбурга, 1906–1926 гг.

44. С. 274. Рисунок 4.6. Коэффициент младенческой и детской смертности у старообрядцев Екатеринбурга 1907–1917 гг.

Список сокращений

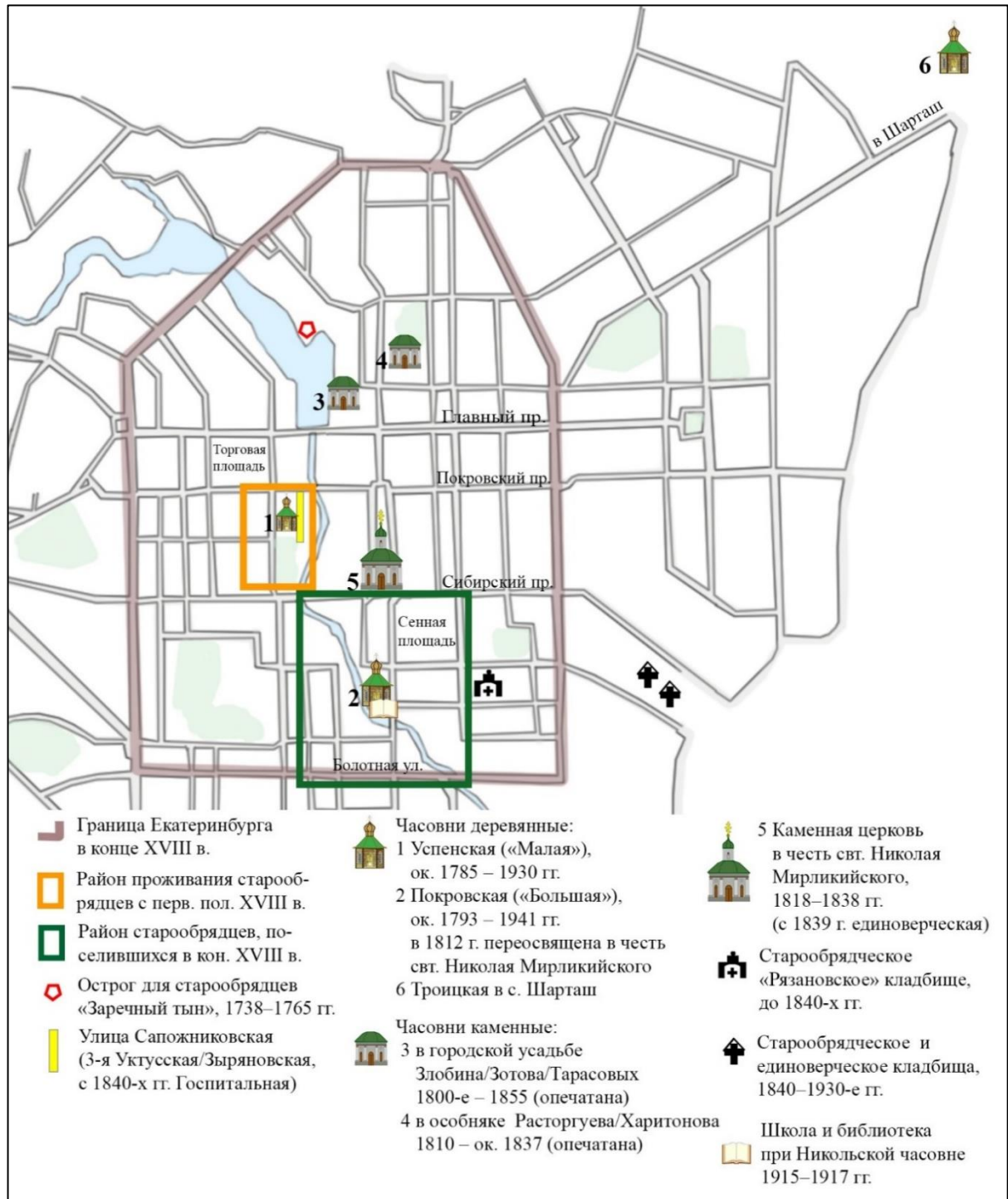
АлтГПУ	Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
ГААОСО	Государственный архив административных органов Свердловской области (г. Екатеринбург)
ГАПК	Государственный архив Пермского края (г. Пермь)
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)
ГАСО	Государственный архив Свердловской области (г. Екатеринбург)
ЕЕВ	Екатеринбургские епархиальные ведомости
ИИ СО РАН	Собрание Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Новосибирск)
ЛАИ	Лаборатория археографических исследований
МВД	Министерство внутренних дел
МГУ	Московский государственный университет (г. Москва)
НБ	Научная библиотека
ОЕВ	Оренбургские епархиальные ведомости
ОР БРАН	Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва)
ПЕВ	Пермские епархиальные ведомости
ПСЗ РИ	Полное собрание законов Российской империи
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва)
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

РГИА	Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
РПЦ	Русская православная церковь
РПСЦ	Русская православная старообрядческая церковь
РСДРП	Российская социал-демократическая рабочая партия
СРН	Партия «Союз русского народа»
УрО РАН	Уральское отделение Российской Академии наук (г. Екатеринбург)
УрГУ	Уральский государственный университет им. М. Горького (г. Свердловск/Екатеринбург)
УрФУ	Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
URaPP	Ural Population Project «Регистр населения Урала» [Электронный ресурс]

ПРИЛОЖЕНИЯ

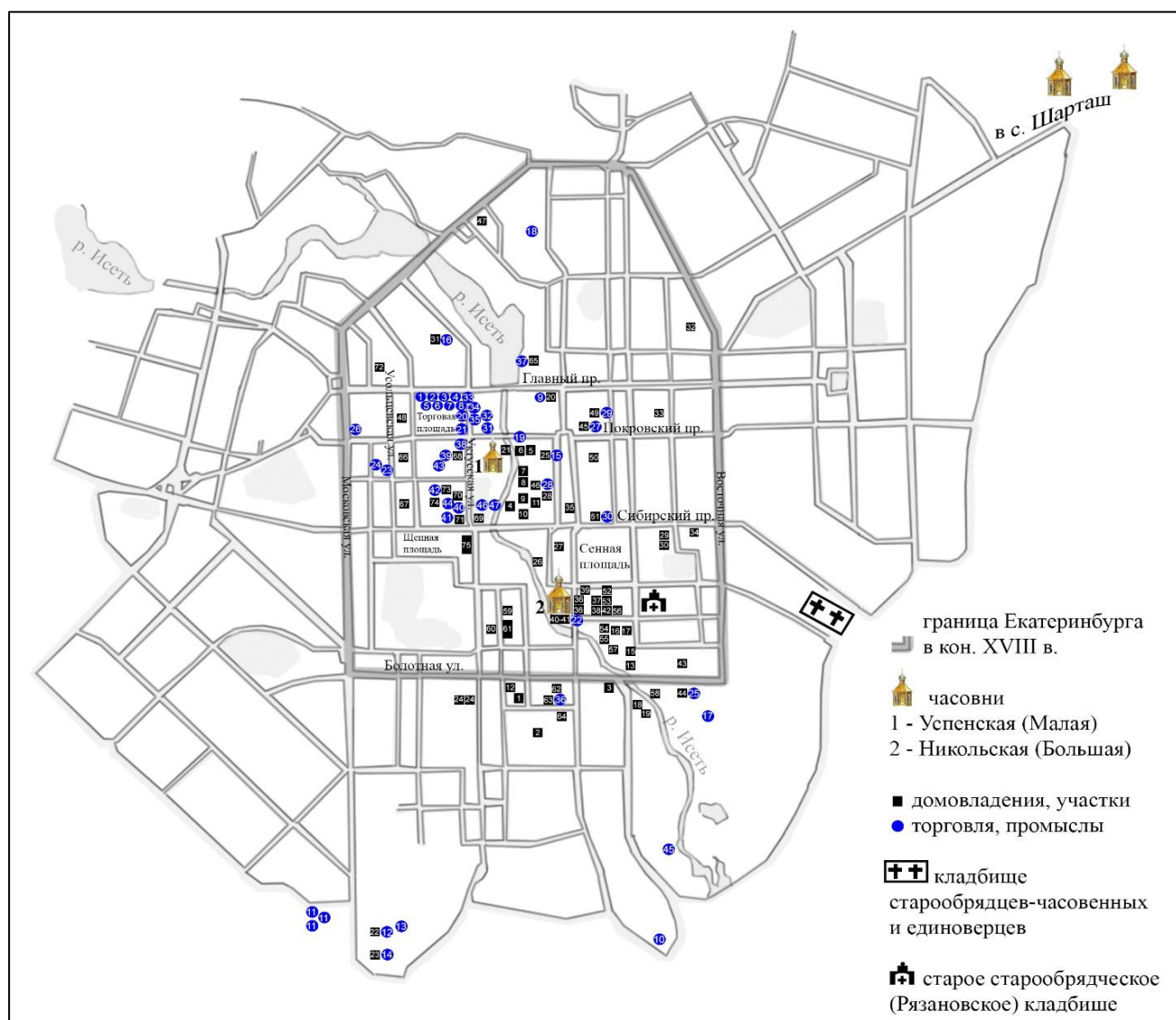
Приложение 1. Старообрядческий ландшафт Екатеринбурга в XVIII – начале XX вв.

1.1. Местонахождение храмов, молелен, кладбищ

Источники: Голобородский М. В. Архитектура храмов Екатеринбурга: XVIII–XIX вв.: диссертация на соиск. уч. степ. канд. архитектуры. Екатеринбург, 2004. С. 126; Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005; Ворошилин С. И. Храмы Екатеринбурга. Екатеринбург, 1995. С. 92; Приходы и церкви Екатеринбургской епархии С. 11; Очерки истории старообрядчества. С. 96.

1.2. Места проживания и торгово-промысловой деятельности старообрядцев, 1880–1910-е гг.

Источники: Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / Сост. И. И. Симанов. Екатеринбург, 1889; Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник. Екатеринбург, 1911; Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных) в г. Екатеринбурге с 25–30 сентября 7420 (1911) года. Екатеринбург: Художественная печать, 1912.

Домовладения и места жительства старообрядцев-часовенных в Екатеринбурге, (1880 – 1910-е гг.)⁶⁰⁸

Архиерейская, 18: дом купца 2-й гильдии Федотова Николая Ивановича с сыном Исааком.
Архиерейская, 47: деревянный одноэтажный дом, флигель, службы и лавка мещанина Семенова Стахия (Стефана) Фомича.
Байнауховская, 4: дом мещанина Щербачева Зотика Епифановича.

⁶⁰⁸ Список составлен на основании источников, указанных к карте 1.2.

Береговая 1-я, не распланированная левая сторона: деревянный двухэтажный дом и флигель мещанки Крыловой Екатерины Илларионовны.

Береговая 2-я, 3: местожительство старосты Успенской часовни купец Скорнякова Ивана Артемьевича.

Береговая 2-я, 4: одноэтажный деревянный дом мещанина Бабурина Лаврентия Егоровича.

Береговая 2-я, 12: дом мещанина Степанова Ефима Федотовича.

Береговая 2-я, 14: деревянный двухэтажный дом мещанки Козовой Марфы Филипповны.

Береговая 2-я, 20: деревянный двухэтажный дом мещанина Шамшурина Ивана Трофимовича.

Береговая 2-я, 38: деревянный двухэтажный дом с 4-мя флигелями мещанина дорожного смотрителя уездной земской управы Толстикова Ивана Прокопьевича.

Береговая 2-я, 41: местожительство служителя Никольской часовни мещанина Белых Петра Ивановича.

Болотная, 18: участок («пустопорожнее место») купца 2-й гильдии Федотова Николая Ивановича с сыном Исааком.

Болотная, 2-я часть, 19: дом мещанина Щербачева Никиты Елифановича.

Васенцовская, 226: подсобные помещения купца 1-й гильдии Тарасова Ивана Саввича.

Водочная, 152/12: деревянные службы мещан – старосты Никольской часовни Григория Саввиновича Третьякова и его брата Лазаря.

Водочная, 207: деревянный дом мещанина Фадеева Максима Артемьевича.

Гилевская, 4 дом наследников мещанина Артемия Назаровича Скорнякова.

Гилевская, 6: дом купца 2-й гильдии Щербакова Григория Гордеевича.

Гилевская, 7: деревянный двухэтажный дом наследников Сухарева Фокия Васильевича.

Главный пр., 40: каменный двухэтажный дом, службы, баня, три магазина, меблированный комнаты, парикмахерская, кондитерская мещанской вдовы Скавронской Татьяны Евстигнеевны.

Госпитальная, 7: полукаменный дом с подвальным помещением, службы, баня мещанина Силантьева Константина Ивановича.

Елизаветинский тракт, 8: два дома мещанина Масленникова Ивана Онисимовича.

Елизаветинский тракт, 14: дом купца 1-й гильдии Тарасова Ивана Саввича.

Загородная, 24–26: деревянный дом мещанина Семенова Стахия (Стефана) Фомича.

Златоустовская, 7: дом купца 2-й гильдии Лопатина Степана Ивановича.

Златоустовская, 66: дом купчихи 2-й гильдии вдовы Блохиной Марии Дементьевны с сыном Василием Владимировичем и дочерью Елизаветой Владимировной.

Златоустовская, 67: дом Мартемьяновой Ирины Максимовны, наследницы Тяжелых Максима Демидовича.

Крестовоздвиженская, 11: местожительство мещанина Соколова Василия Михайловича.

Кузнецкая, 161: пустопорожнее место мещанина Силантьева Константина Ивановича.

Кузнечная, 163/60: место жительства мещанина Гаврилова Григория Егоровича.

Ломаевская, 17: деревянный одноэтажный дом, два деревянных флигеля, каменный недостроенный флигель, службы, баня мещан Гавриловых Ефрема и Дементия Логиновичей.

Луговая, 17: дом мещанина Ульянова Фомы Федоровича.

Луговая, 58: одноэтажный деревянный дом мещанина Бабурина Власа Егоровича.

Луговая, 162: место жительства служителя Успенской часовни мещанина Клементьева Михаила Парфеновича и каморника Успенской часовни Клементьева Ельпидифора Гурьяновича.

Никольская, 56: деревянный одноэтажный дом, две избы, службы, баня мещанина Силантьева Константина Ивановича.

Никольская, 102 и 104: наследники Романова Семена Ефимовича иконописцы Андрей и Гавриил.

Никольская, 83: дом мещанина Коурова Якова Сергеевича.

Никольская, 87: дом мещанина Свининникова Ивана Лазаревича.

Никольская, 92: участок («пустопорожнее место») купца 1-й гильдии Тарасова Ивана Саввича.

Ночлежная, 2: дом купца 1-й гильдии Тарасова Ивана Саввича.

Ночлежная, 2: живет служитель Никольской часовни крестьянин Шайтанской вол. Крохин Сильвестр Сильвестрович.

Ночлежная, 7: участок («пустопорожнее место») Свининникова Ивана Лазаревича, рядом с Никольской часовней.

Обсерваторская, 182: дом купца Кондратьева Григория Алексеевича.

Обсерваторская, 210: дом крестьянина Невьянской волости Санникова Абрама Зотеевича.

Покровский проспект, 53: деревянный оштукатуренный дом с мезонином, флигель, службы, баня, бакалейная лавка Тяжелых Семена Парамоновича.

Разгуляйская, 37: деревянный дом, флигель с подвалом и домовая мелочная лавка мещанки Крыловой Екатерины Илларионовны.

Северная 1-я часть, 39: дом купца 2-й гильдии Щербакова Григория Гордеевича.

Симановская, 3: деревянный одноэтажный дом мещанина Жукова Лаврентия Агтеевича.

Солдатская, 11: дом мещанина Овчинникова Зиновия Кондратьевича.

Солдатская, 27: место жительства служителей Никольской часовни мещан Шапошниковых Абрама и Марка Федоровичей.

Солдатская, 79: одноэтажный деревянный дом мещанина Швалева Варфоломея Федоровича.

Солдатская, 85: дом мещанина Никифорова Артамона Дмитриевича.

Солдатская, 90: участок («пустопорожнее место») купца Кондратьева Григория Алексеевича.

Солдатская, 92: дом Свининникова Иосифа Лазаревича, наследника Свининникова Лазаря Устиновича.

Солдатская, 94: участок («пустопорожнее место») Свининникова Иосифа Лазаревича, наследника Свининникова Лазаря Устиновича.

Солдатская, 95: дом купца Кондратьева Григория Алексеевича.

Солдатская, 101: живет староста Никольской часовни мещанин Третьяков Григорий Савинович.

Солдатская, 107, 109: дом мещанина Соколова Павла Якимовича («деревянный одноэтажный дом, 2 флигеля, службы, баня»); местожительство мещанина Соколова Михаила Павловича.

Спасская, 27: дом купца 2-й гильдии Федотова Николая Ивановича с сыном Исааком.

Спасская, 38: дом купца 2-й гильдии Федотова Николая Ивановича с сыном Исааком.

Спасская, 39: участок («пустопорожнее место») купца 2-й гильдии Федотова Николая Ивановича с сыном Исааком.

Сухаревская, между 3 и 5: дом мещанина Коурова Дмитрия Сергеевича.

Сухаревская, 16: деревянный одноэтажный дом сыновей шарташского урочнорабочего Никиты Лапшина – Вахромья и Дорофея

Сухаревская, б/н в конце нечетной стороны: деревянный дом мещанина Семенова Стахия (Стефана) Фомица.

Тарасовская, 2: дом купца 1-й гильдии Тарасова Ивана Саввича.

Тихвинская, 35: дом купца 2-й гильдии Павлова Ивана Епифановича.

Тихвинская, 88: дом купца 2-й гильдии Щербакова Григория Гордеевича.

Уктусская, 14: дом купца 2-й гильдии Малиновцева Флегонта Артемьевича.

Уктусская, 25: каменный одноэтажный дом мещанина Рязанова Ивана Даниловича с женой Евдокией Ильиничной.

Уктусская, 44: одноэтажный деревянный дом с мезонином мещанина Соколова Александра Михайловича.

Уктусская, 52: полукаменный двухэтажный дом, флигель, службы, пивная лавка и ренсковый погреб мещанки Меджер Евдокии Андреевны.

Усольцевская, 36: дом купца 2-й гильдии Федотова Николая Ивановича с сыном Исааком.

Успенская, 31: деревянный дом с подвалом, службы, баня и постоялый двор мещан Парфеновых Евменей Аристаховича и его жены Феокистой Никифоровной.

Успенская, 56: полукаменный двухэтажный дом мещанина Ильина Ильи Ионовича с постоянным двором, пивной лавкой, шорной и жестяных дел мастерскими.

Щепная площадь, 2-3: дом мещанина Масленникова Ивана Онисимовича.

Приложение 2. Учет старообрядческого населения Екатеринбурга в 1850–1890 гг.

2.1. Алфавитный список мужской части семей мещан-старообрядцев Екатеринбурга, 1855 г.

№ п/п	№ в ведомости	Фамилия, имя, отчество
1	137	Алексеев Иван Козьмин
2	95	Андриянов Савва Иванов
3	62	Асанов Михайло Иванов
4	3	Астраханцев Иван Григорьев
5	29	Афанасьев Василий Федоров
6	72	Бабурин Алексей Фирстов
7		племянники Влас
8		Лаврентий
9	58	Бакланов Григорий Ананьин
10	77	Басунов Афанасий ⁶⁰⁹
11	90	Белоусов Иван Васильев
12	27	Белоусов Иван Матвеев
13	142	Блохин Григорий Тимофеев
14	76	Бородулин Ионий Яковлев ⁶¹⁰
15	133	Буторин Лазар Михайлов
16	11	Бухонин Наум Спиридонович
17		сродные братья Максим
18		Иван
–		Белых, см. Песков
19	84	Васильев Филипп Еремеев
20	36	Воробьев Егор Васильев
21	22	Гаврилов Сидор Васильев
22	118	Гилев Артамон Демидов ⁶¹¹
23	134	Григорьев Григорий Григорьев
24	115	Григорьев Петр Андреев
25	25	Дмитриев Козьма Петров
26	89	Дмитриев Прокопий Андреев
27	5	Егоров Андрей Иванов
28		его братья Венедикт
29		Василий
30	148	Егоров Миней Александров ⁶¹²
–		Ермолин, см. Потапов
31	59	Жуков Максим Яковлев
32	110	Жуков Кондратий Спиридонов
33	126	Жуков Лаврентий А.
34	39	Жуков Петр Максимов

⁶⁰⁹ Внук умершего в 1848 г. Степана Басунова – *дополнение источника.*

⁶¹⁰ Племянник умершего в 1845 г. Андрея Бородулина – *дополнение источника.*

⁶¹¹ Един[оверец] – *прим. источника.*

⁶¹² Купцов – *прим. источника.*

35	69	Завонегин Иван Петров
36	119	Загурской Степан Евгеньев ⁶¹³
37	34	Загурской Федор Дорофеев
38	32	Зайков Иван Никитин
39	93	Зайков Филипп Максимов
40		его братья Артемий
41		Никита ⁶¹⁴
42		сын Зотик
43	121	Иванов Александр Егоров
44	145	Иванов Вавило Иванов
45	82	Иконников Петр Якимов ⁶¹⁵
46	131	Ильин Илья Ионин
47	28	Ичков Кондратий Марков
48	31	Кашегин Гаврило Васильев
49	42	Караусов Семен Васильев
50	37	Каргашин Иван Павлов
51	70	Кашин Василий Григорьев
52	33	Козлов Зиновий Артамонов
53		его брат Иван
54	120	Колобов Федор Иванов
55	94	Комягин Афанасий Иванов
56	63	Кондратьев Григорий Яковлев
57	146	Корелин Михайло Евтихийев
58	8	Корепанов Артемий Алексеев
59		его брат Артемий же
60	122	Коряков Иван Миронов
61	105	Козлов Леонтий Клементьев
62	106	Козлов Маркел Филиппов
63	52	Козьмин Стахей Иванов
64	98	Коробков Афанасий Петров
65	97	Коробков Сидор Павлов
66	41	Коуров Иван Иванов
67	129	Коуров Парфен Иванов, брат Ивана ⁶¹⁶
68	111	Коуров Сидор Дементьев
69	116	Красильников Афанасий Алексеев
70	24	Краюхин Прохор Антонов
71	17	Крылов Иван Васильев
72		его брат Исаак
73	101	Кузнецов Козьма Васильев
74	102	Кумов Клементий Назаров
75	128	Лазарев Козма Гаврилов
76	56	Лапшин Григорий Григорьев
77	144	Ларионов Семен Игнатьев
78	21	Лебедев Иван Егоров

⁶¹³ Умершего Евгения Иванова Загурского сын – *прим. источника.*

⁶¹⁴ Умершего Максима Емельянова Зайкова сыновья – *прим. источника.*

⁶¹⁵ Един[оверец] – *прим. источника.*

⁶¹⁶ Парфен Иванов записан в ведомости дважды: с братом и самостоятельно (№ 41, 129) – *прим. сост.*

79	35	Лукоянов Еремей Иванов ⁶¹⁷
80	54	Маслов Савостьян Акинтьев
81		его братья Федор
82		Елиферий
83		Петр
84	49	Мастников Егор Анфимов
85		его брат Федор
86	15	Михайлов Иван Саввин
87		его племянник Александр
88	50	Михайлов Исаак Меркурьев
89		его брат Филипп
90	65	Медведев Ермолай Андреев
91	83	Морин Харитон Агафонов
92	91	Мяконьких Ксенофонт
93		Петр
94		Агафон ⁶¹⁸
95	149	Никифоров Дмитрий Ильин
96	74	Никонов Сергей Петров
97	39	Овцын Порфирий Иванов
98	2	Парфентьев Лаврентий Максимов
99		племянники Григорий
100		Федор
101	86	Пастухов Григорий Матвеев
102	124	Пастухов Михайло Карпов
103	85	Пастухов Наум Дмитриев
104	81	Пахов Артамон Лаврентьев
105	64	Петров Александр Петров
106	20	Петров Гордей [Андреев] ⁶¹⁹
107		[его брат] Андрей
108	73	Петров Назар Харламов
109	44	Песков (он же Белых) Потап Иванов
110		его брат Петр
111	18	Пикулин Макар Ермилов
112	138	Пискунов Андреян
113		его братья Спиридон
114		Филипп ⁶²⁰
115	61	Пискунов Прокопий Иванов
116	135	Полимонов Иван Андреев
117	136	Полимонов Петр Андреев
118	55	Потапов (он же Ермолин) Евстафий Иванов
119	60	Потапов Леонтий Григорьев
120		его сродный брат Иван
121	30	Потапов (он же Ермолин) Миней Евтихий
122		его брат Иван
123	67	Рогаткин Дий Петров

⁶¹⁷ Един[оверец] – прим. источника.

⁶¹⁸ Внуки умершего Григория Гаврилова Мяконьких – дополнение источника.

⁶¹⁹ Брат умершего в 1853 г. Петрова Василия Анфиногенова – дополнение источника.

⁶²⁰ Сосланного в Сибирь на поселенье Венедикта Егорова Пискунова сыновья – прим. источника.

124	139	Рогаткин Николай Иовов
125	43	Романов Козьма Викулов
126		его брат Иван
127	109	Рухлов Максим Иванов
128	10	Рязанов Иван Иванов
129		его брат Иов
130	78	Рязанов Иван Данилов
131	9	Рязанов Михайло Васильев
132		его брат Тимофей
133	6	Свининников Лазарь Устинов
134	112	Семенов Стефан Фомин
135	14	Скорняков Артемий Назаров
136	12	Скорняков Гурий Андреев
137	88	Скорняков Матвей Игнатьев
138	57	Соколов Александр Михайлов
139		его братья Василий
140		Евтифей
141		Михей
142		сродный брат Нефед
143	141	Соколов Павел Якимов
144	66	Спицын Ларион Григорьев
145	132	Степанов Владимир Родионов ⁶²¹
146	100	Степанов Федор Петров
147	113	Суханов Прокопий Михеев
148	108	Сухарев Василий Гордеев
149		его сродные братья Василий
150		Макарий
151		Алексей
152	51	Сухарев Мирон Кириллов
153		его брат Федор
154	107	Сухарев Фока Васильев
155	123	Сырейщиков Степан Дорофеев
156	96	Тимофеев Абрам Дмитриев
157	117	Тимофеев Захар Андриянов
158		его братья Иван
159		Иван ⁶²²
160		племянник Николай
161	39	Толстиков Алексей Прокопьев
162		его братья Ларион
163		Иван
164		Зотик
165	92	Третьяков Григорий Ефимов
165	23	Третьяков Иван Савинов
166		его братья Григорий
167		Лазарь
168	114	Тяжелых Иван Афанасьев
169	19	Тяжелых Максим Демидов
170	16	Ульянов Федор Миронов

⁶²¹ Умершего Родиона Степанова сын – прим. источника.

⁶²² Умершего Андрияна Макарова Тимофеева сыновья – прим. источника.

171	26	Фадеев Данило Севастьянов
172	45	Фадеев Иван Григорьев
173	47	Фадеев Матвей Артемьев
174		его брат Максим
175	46	Фадеев Трифон Григорьев
176	127	Федотов Андрон Никифоров
177	75	Федоров Артемий Федоров
178	1	Федоровых Алексей Селиверстов,
179		его родные братья Василий Яковлев
180		Лазарь Яковлев
181		племянники Федор Семенов
182		Порфир Семенов
183	143	Харитонов Аника Якимов
184	79	Холкин Агафоник Иванов
185	4	Холкин Егор Васильев ⁶²³
186		его брат Петр
187	68	Холкин Степан Афанасьев
188	87	Худобин Кирило Игнатъев
189	99	Черепанов Петр Спиридонов
190	40	Черных Василий Петров
191		племянники Савостьян
192		Яков
193		Александр
194	103	Шамшури Иван Трофимов ⁶²⁴
195	104	Шамшури Филипп Герасимов
196	13	Шапошников Василий Андреев
197		его брат Антипа
198	130	Шварев Варфоломей Федоров
199	125	Шелковкин Петр Фролов
200	53	Шмаков Мартимьян Матвеев
201	80	Щепетильников Кирило Андреев
202	140	Щербаков Лука Григорьев
203	48	Щербаков Наум Григорьев
204	71	Яблонцов Дий Петров
205	7	Яковлев Алексей Яковлев

Источник: ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1886. Л. 7–28. «1855 г. Ведомость о раскольниках беспоповской секты г. Екатеринбурга, не приемлющих священство, составленная рекрутским старостой 2-го участка Волокитиным».

⁶²³ Единов[ерц] – прим. источника.

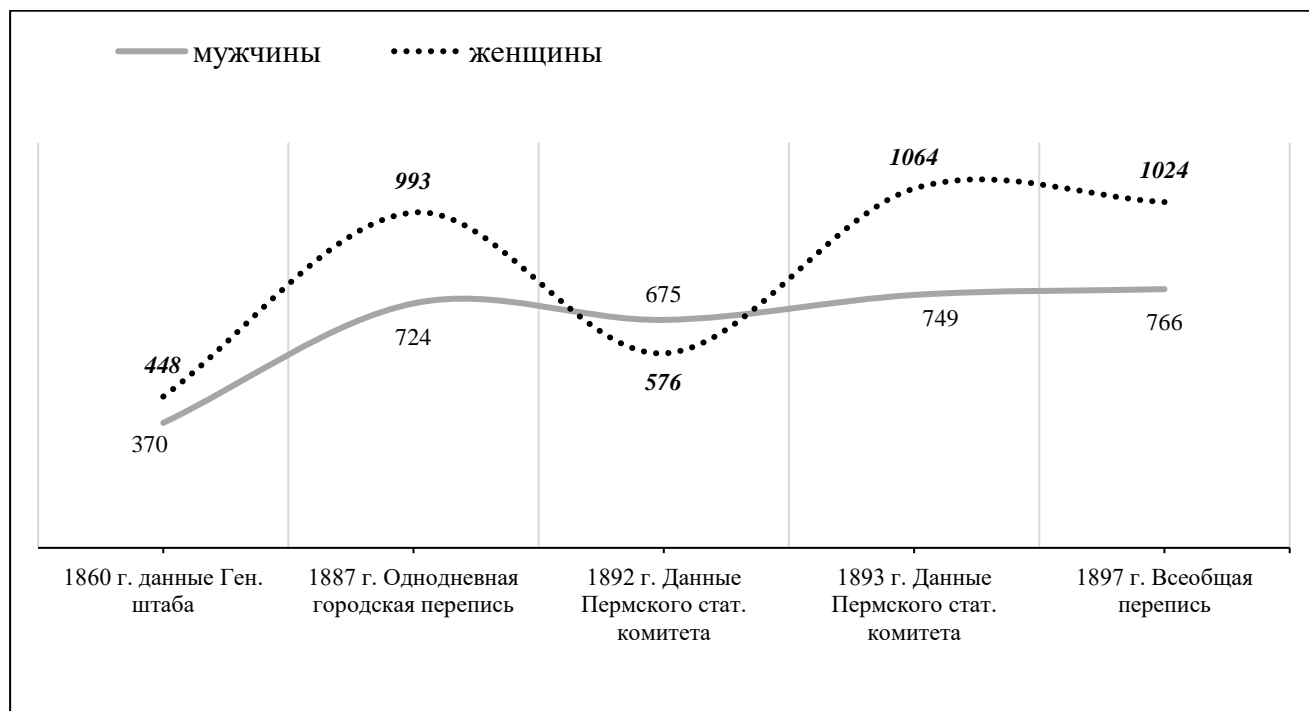
⁶²⁴ Указан в ведомости дважды: под № 103 и 147.

2.2. Численность старообрядцев Екатеринбурга в 1861 г. с учетом данных по уезду и губернии

Разделы данных			Екатеринбург	Екатеринбургский уезд	Пермская губерния
Численность старообрядцев мужского и женского пола	м. п.		370	5196	28549
	ж. п.		448	6301	33594
	об. п.		818	11497	62143
Число рождений, смертей и браков старообрядцев	родившиеся	м.п.	4	154	1113
		ж. п.	4	123	1145
		об. п.	8	277	2258
	браки		—	35	369
	умершие	м.п.	2	165	1070
		ж. п.	13	184	1202
		об. п.	15	349	2272
Количество старообрядческих молитвен. домов	каменные строения		0	1	1
	деревянные строения		0	4	9
Количество скитов	каменные строения		0	0	0
	деревянные строения		0	0	0

Источник: Статистическое обозрение Пермской губернии за 1861 г. // Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год, изданная при Пермском губернском правлении редактором неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» С. С. Пенном. Пермь: Губернская тип., 1862. С. 110, 122, 138, 145, 162–163.

2.3. Данные о численности старообрядцев Екатеринбурга в 1860–1897 гг., чел.

Источники: 1860 г. – Мозель Х. Материалы для географии и статистики России. С. 727. 1887 г. – Город Екатеринбург. С. 79.

1892 г. – Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1894 г. С. 44–45.

1893 г. – Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1895 г. С. 4–5.

1897 г. – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. С. 72–73.

**Приложение 3 Структура семей купцов и мещан* Екатеринбург, 1858 г., %
(на основе данных о 385 семьях, 1923 чел.)**

Тип семейной структуры	Старообрядцы, единовѣрцы и их смешанные семьи		Православные и другие**		Все	
	Семьи	Доля проживающих в данном типе семьи	Семьи	Доля проживающих в данном типе семьи	Семьи	Доля проживающих в данном типе семьи
Одинокие	24,6	5,1	11,0	2,2	15,3	3,1
Не образующие семьи	9,8	6,6	4,2	2,8	6,0	4,0
Нуклеарная	34,4	26,7	42,2	29,1	39,7	28,4
Расширенная	13,1	16,5	22,8	28,7	19,7	25,0
Мультифокальная (большая составная)	18,0	45,0	19,8	37,3	19,2	39,6
Всего, %	100	100	100	100	100	100
N	122	587	263	1336	385	1923

Источник: Ревизские сказки 1857–1858 гг. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1776, 1777, 1778.

* Все семьи цеховых мещан, все вновь причисленные к мещанству и 10% выборка из массива 1205 мещанских семей, находившихся в составе городского сословия до 9-й ревизии.

** Другие семьи: 1 лютеранская (8 чел.), 1 православно-лютеранская (5 чел.), 2 католических (6 чел.), 1 мусульманская (1 чел.), о 55 нет данных (227 чел.).

Приложение 4. Структура сложных (расширенных и мультифокальных) семей, приписанных к с. Шарташ, 1874 г.

Тип II. Расширенные семьи

Подтип 1. Расширение по восходящей линии

1. Ермиловы
2. Ивановы
3. Крохины

Подтип 2. Расширение по нисходящей линии

4. Мяконьких
5. Саванниковы
6. Шапошниковы
7. Щербачевы

Подтип 3. Расширение по боковой линии

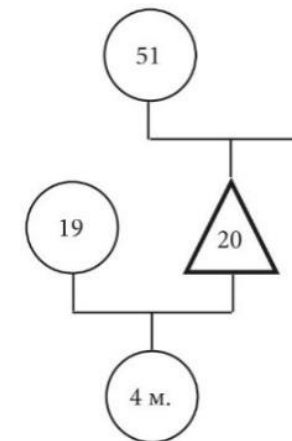
8. Алексеевы (Ивановы)
9. Андреевы
10. Бобарыкины
11. Бойцовы
12. Гавриловы
13. Дмитриевских
14. Егоровы
15. Зайковы
16. Ивановы
17. Ивановы
18. Кобылины
19. Колпаковы
20. Кузьмины
21. Лапшины
22. Овчинниковы
23. Онучины
24. Парфентьевы
25. Саванниковы
26. Сапожниковы
27. Севрюгины
28. Хромых
29. Шадруковы
30. Шляпниковы
31. Шляпниковы

Подтип 4. Расширение по нисходящей/восходящей и боковой линиям

32. Колпаковы
33. Баклаевы
34. Баклаевы
35. Мяконьких
36. Сродных
37. Шветовы

Тип II. Расширенная семья

Подтип 1. Расширение по восходящей линии

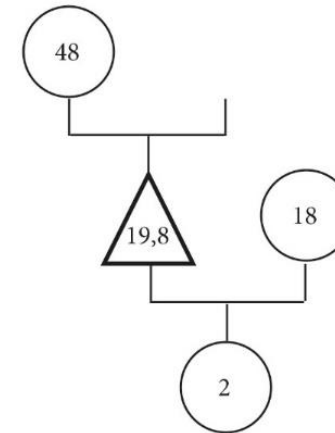
1. Ермиловы: мать-вдова, семья сына (**глава**)

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Ермилов	Иван	Иванов	глава	20,6	лет	«Поступил в ополчение в 1875 г.»; справа от возраста поставлена галочка карандашом. Номер и ФИО зачеркнуты карандашом.
2	Ермилова	Вера	Григорьева	мать	51	лет	Справа от возраста поставлена галочка карандашом.
3	Ермилова	Параскева	Андреева	жена	19	лет	Справа от возраста поставлена галочка карандашом.
4	Ермилова	Васса	Иванова	дочь	4	мес.	«Померла в 1876 г.»

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 13 об.–14 (Запись № 44).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 1. Расширение по восходящей линии

2. Ивановы: мать-вдова, семья сына (**глава**)

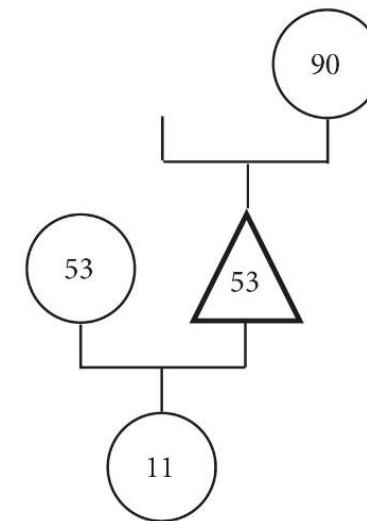
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Иванов	Дмитрий	Ермилов	глава	19,8	лет	Номер и ФИО подчеркнуты карандашом.
2	Иванова	Пелагия	Федорова	мать	48	лет	
3	Иванова	Степанида	Дементьевна	жена	18	лет	
4	Иванова	Марья	Дмитриева	дочь	2	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 36 об.–37 (Запись № 152).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 1. Расширение по восходящей линии

3. Крохины: мать-вдова, семья сына (глава)

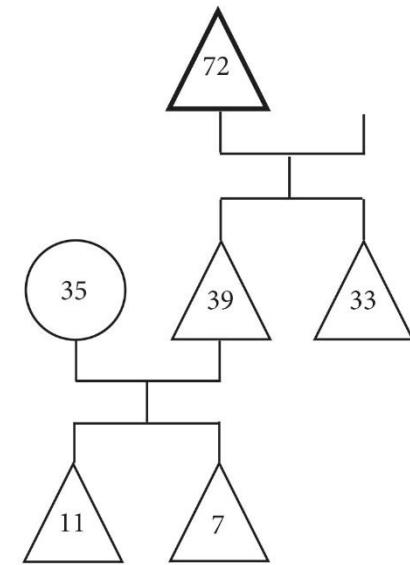
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм.-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Крохин	Артамон	Павлов	глава	53	лет	Справа от возраста галочка черным карандашом
2	Крохина	Марфа	Васильева	мать	90	лет	«Померла», год смерти не указан.
3	Крохина	Анисья	Егорова	жена	53	лет	Справа от возраста галочка черным карандашом
4	Крохина	Евгения	Артамонова	дочь	11	лет	Возраст зачеркнут черным карандашом, им же приписано справа: «в замужестве».

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 23 об.–24 (Запись № 100).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 2. Расширение по нисходящей линии

4. Мяконьких: отец (**глава**) с младшим холостым сыном
+ семья старшего сына

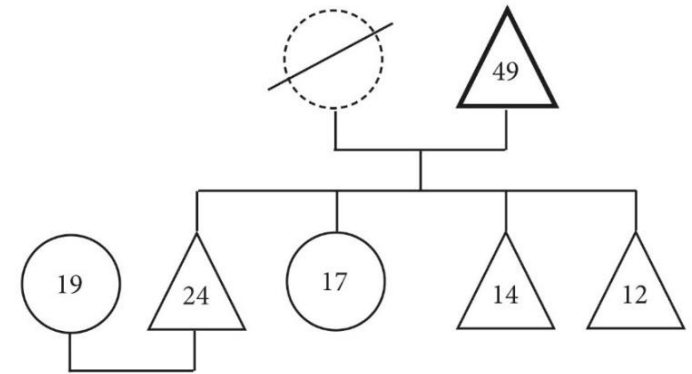
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Мяконьких	Осей	Мокиев	глава	72	лет	«Помер 30 ноября 1876 г.» В 1850-х гг. был сослан на Богословские заводы за отказ принять единоверие.
2	Мяконьких	Лев	Осеев	сын	39	лет	В 1887 г. числится одним из двух наследников своей тетки – екатеринбургской мещанки Прасковьи Мокеевны Алексеевой с домом на Главном пр., 10.
3	Мяконьких	Федор	Львов	внук	11	лет	Слева от имени знак «NB». Другим почерком справа: «Федор зачислен в ополчение в 1883 году».
4	Мяконьких	Ювеналий	Львов	внук	7	лет	Слева от имени знак «NB». Другим почерком справа, под записью о зачислении брата в ополчение: «того же в 1887 году».
5	Мяконьких	Трефилий	Осеев	внук	33	лет	Справа от возраста: «помер в 1881 г.»
6	Мяконьких	Гликерия	Семенова	внук	35	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 17 об.–18 (Запись № 72).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 2. Расширение по нисходящей линии

5. Саванниковы: отец (**глава**) с двумя несовершеннолетними сыновьями и незамужней дочерью
+ семья старшего сына

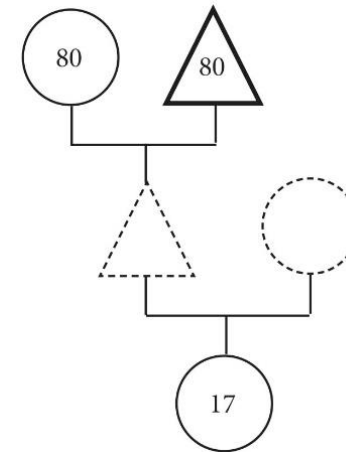

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Саванников	Абросим	Аверкиев	глава	49	лет	
2	Саванников	Осей	Абросимов	сын	24	лет	
3	Саванников	Михаил	Абросимов	сын	14	лет	Справа скобка, объединяющая с братом Осипом и пояснение: «Михайло Абросимов Саванников по предписанию Казенной палаты от 13 октября 1890 г. за № 10161м исключен со 2 пол. 1890 г. в Махневскую волость Верхотурского уезда». Далее: «В военной службе с 1880 г.»
4	Саванников	Осип	Абросимов	сын	12	лет	«В военной службе с 1882 г.», см. прим. о брате Михаиле.
5	Саванникова	Стефанида	Абросимова	дочь	17	лет	
6	Саванникова	Анна	Карпова	сноха	19	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 20 об.–21 (Запись № 88).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 2. Расширение по нисходящей линии

6. Шапошниковы: семья деда (**глава**) с внучкой

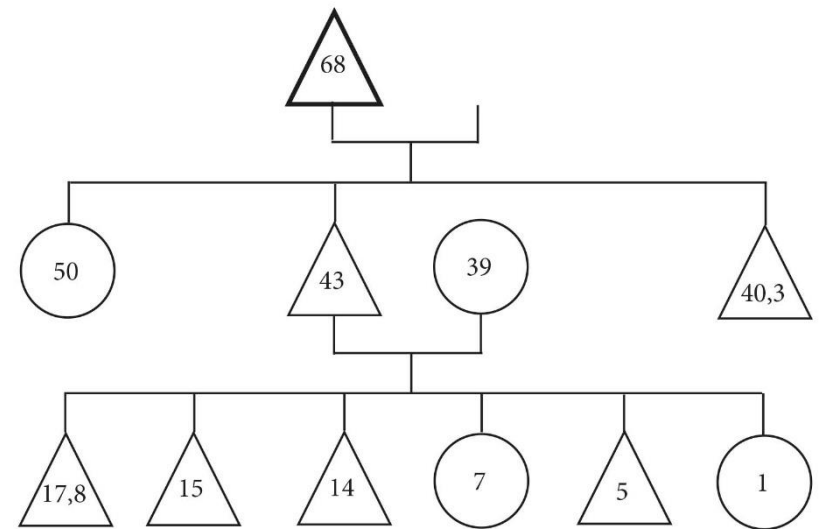
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Шапошников	Никон	Максимов	глава	80	лет	
2	Шапошникова	Харитина	Дементиева	жена	80	лет	
3	Шапошникова	Дарья	Кузмина	внучка	17	лет	«Выдана в замужество», год не указан.

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 38 об.–39 (Запись № 161).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 2. Расширение по нисходящей линии

7. Щербачевы: отец (**глава**) с незамужней дочерью и младшим холостым сыном
+ семья старшего сына

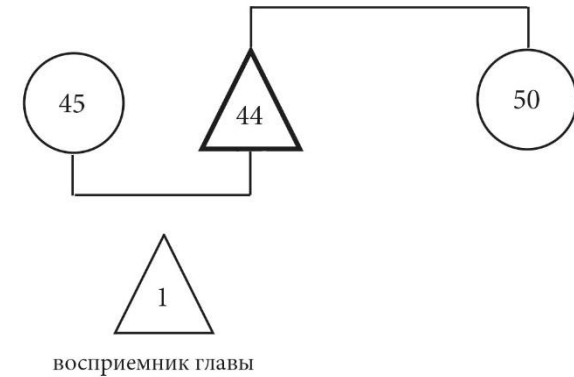
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Щербачев	Елифан	Александрович	глава	68	лет	Умер в 1874 г.
2	Щербачев	Никита	Епифанов	сын	43	лет	[Исключен в мещане]
3	Щербачев	Григорий	Никитин	внук	17,8	лет	слева от имени галочка; в крайнем правом столбце карандашом и чернилами: «Григорий поступил в ополчение в 1871 году».
4	Щербачев	Ермолай	Никитин	внук	15	лет	год смерти не указан
5	Щербачев	Парфен	Никитин	внук	14	лет	слева от имени галочка
6	Щербачев	Антон	Никитин	внук	5	лет	слева от имени галочка; справа от возраста крестик
7	Щербачев	Евстратий	Епифанов	сын	40,3	лет	
8	Щербачева	Настасья	Епифанова	дочь	50	лет	
9	Щербачева	Агафья	Венедиктова	сноха	39	лет	справа от имени галочка
10	Щербачева	Александра	Никитина	внучка	7	лет	справа от имени галочка
	Щербачева	Анна	Никитина	внучка	1	лет	справа от имени галочка

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 10 об.–11 (Запись № 31).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

8. Алексеевы (Ивановы): семья младшего брата (**глава**)
+ незамужняя старшая сестра

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Алексеев, он же Иванов	Федор	Матвеев	глава	44	лет	Возраст зачеркнут. Справа фиолетовыми чернилами «Федор помер 28 декабря 1892 г.»
2	Еремеев	Иван	Архипов	восприемник главы	1	лет	ФИО подчеркнуто карандашом. Фиолетовыми чернилами дата рождения «2 ноября 1873 г.», коричневыми чернилами справа: «причислен по предписанию Казенной палаты от 19 октября 1877 г. за № 8355м»
3	Алексеева (Иванова)	Настасья	Стахиева	жена	45	лет	
4	Алексеева (Иванова)	Агафья	Матвеев	сестра	50	лет	

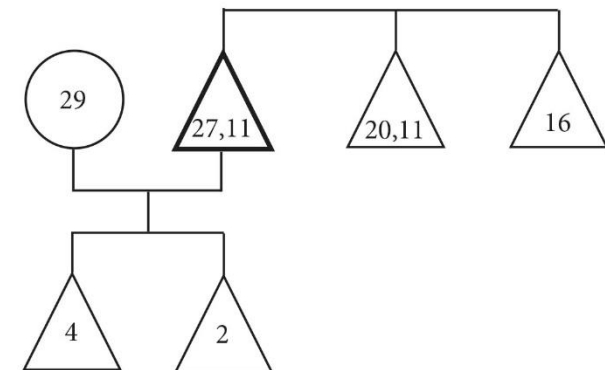
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 33 об.–34 (Запись № 140).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

9. Андреевы: семья старшего брата (**глава**)

+ холостые младшие братья

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Андреев	Федор	Дементьевич	глава	27,10	лет	ФИО и № записи зачеркнуты простым карандашом.
2	Андреев	Матвей	Дементьевич	брат	20,10	лет	возраст подчеркнут простым карандашом
3	Андреев	Захар	Дементьевич	брат	16	лет	
4	Андреев	Николай	Федорович	сын	4	лет	теми же чернилами что и дата рождения слева от имени «NB»
5	Андреев	Александр	Федорович	сын	2	лет	
6	Андреева	Агафья	—	жена	29	мес.	

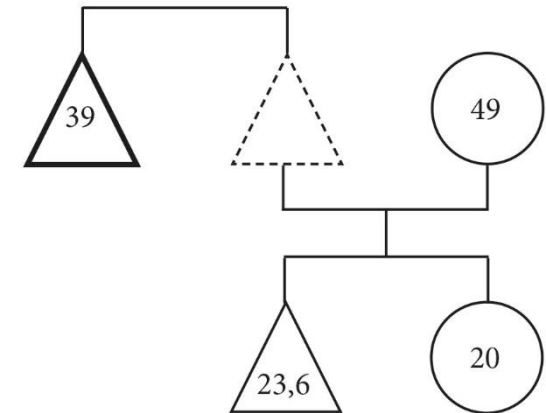
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 28 об.–29 (Запись № 121).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

10. Бобарыкины: холостой младший брат (**глава**)

+ семья вдовы старшего брата с неженатыми детьми

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Бобарыкин	Антип	Иванов	глава	39	лет	номер и ФИО зачеркнуты простым карандашом. «Помер в 1881 г.»
2	Бобарыкин	Стефан		племянник	23,6	лет	«исключен в мещане в 1876 г.»
3	Бобарыкина	Авдотья	Евтихиева	мать племянника Стефана	49	лет	В 1858 г. – жена Филарета Иванова Бобарыкина с сыном Стефаном 7 лет и дочерью Пелагеей 6 лет
4	Бобарыкина	Павла		племянница	20	лет	

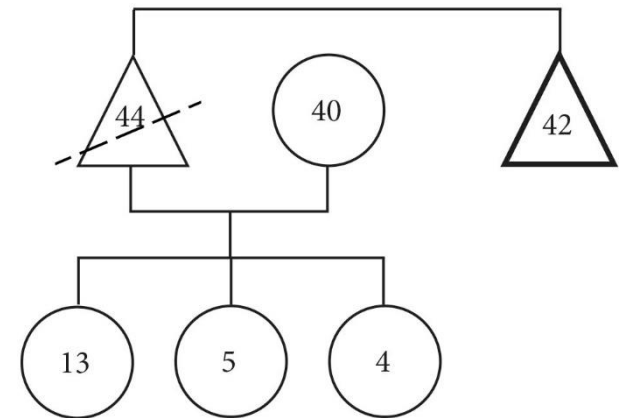
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 14 об.–15 (Запись № 53).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

11. Бойцовы: холостой младший брат (**глава**)

+ семья вдовы старшего брата

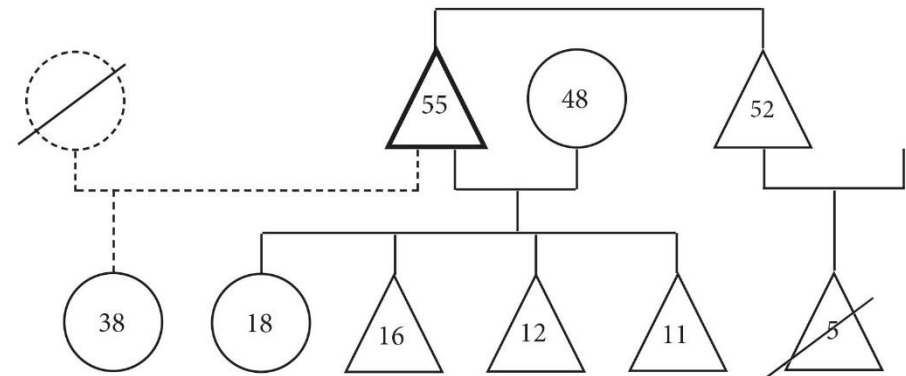
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Бойцов	Панфил	Трифонов	глава	42	лет	Номер и ФИО зачеркнуты простым карандашом
2	Бойцов	Игнатий	Трифонов	старший брат	44	лет	«Помер в 1874 г.»
3	Бойцова	Марья	Еремеева	невестка	40	лет	
4	Бойцова	Анна	Игнатьева	племянница	13	лет	справа от возраста скобка объединяющая с сестрой Саломией и приписка «в замужестве»
5	Бойцова	Саломия	Игнатьева	племянница	5	лет	справа от возраста скобка объединяющая с сестрой Анной и приписка «в замужестве»
6	Бойцова	Ирина	Игнатьева	племянница	4	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 13 об.–14 (Запись № 43).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

12. Гавриловы: семья старшего брата (**глава**) с детьми от двух браков
+ младший брат с сыном

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Гаврилов	Логгин	Фадеев	глава	55	лет	номер и ФИО зачеркнуты, справа от возраста: «помер», дата смерти не указана.
2	Гаврилов	Дементий	Логгинов	сын	16	лет	«Принят в военную службу в 1879 г.»
3	Гаврилов	Павел	Логгинов	сын	12	лет	«Принят на службу в 1882 г.»
4	Гаврилов	Николай	Логгинов	сын	11	лет	
5	Гаврилов	Платон	Фадеев	брат	52	лет	«помер в 1876 г.» – теми же чернилами и почерком, что и основная запись
6	Гаврилов	Василий	Платонов	племянник	5	лет	Указан возраст 5,7 лет, затем в графе «год и месяц рождения по метрике» справа от возраста зачеркнуто «25 апреля 1863 г.», далее «помер в 1868 г. 25 апреля»
7	Гаврилова	Фекла	Трифанова	жена	48	лет	
8	Гаврилова	Евфросиния	Логгинова	дочь	38	лет	справа от записи: «выдана в замужество»
9	Гаврилова	Мариамна	Логгинова	дочь	18	лет	

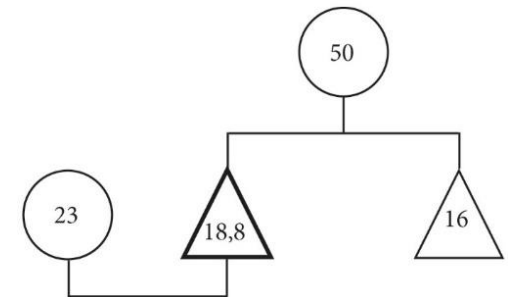
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 16 об.–17 (Запись № 60).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

13. Дмитриевских: семья старшего брата (**глава**)

+ холостой младший брат и их мать

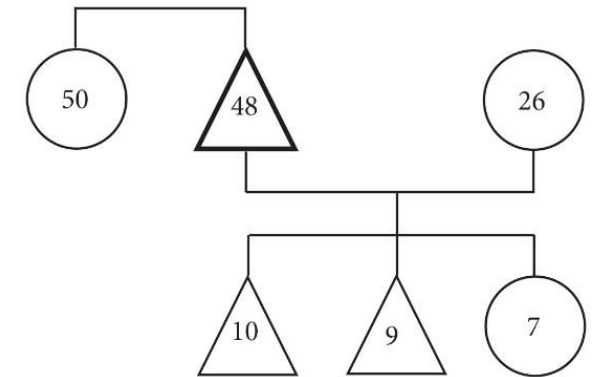
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1896 гг. и комментарии
1	Дмитриевских	Андрей	Варфоломеев	глава	18,8	лет	«Андрей Варфоломеев Дмитриевских был в 1876 г. призван в военную службу»
2	Дмитриевских	Петр	Варфоломеев	брат	16	лет	«Поступил в военную службу»
3	Дмитриевских	Марья	Артемьевна	мать	50	лет	
4	Дмитриевских	Маланья	Федорова	жена	23	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 4 об.–5 (Запись № 12).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

14. Егоровы: семья младшего брата (**глава**)
+ незамужняя старшая сестра

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Егоров	Леонтий	Адрианов	глава	48	лет	фамилия, имя, номера записи зачеркнуты простым карандашом
2	Егоров	Яков	Леонтиев	сын	10	лет	«умер»
3	Егоров	Даниил	Леонтиев	сын	9	лет	в ополчении с 1885 г. Слева от имени – крест простым карандашом
4	Егорова	Маремьяна	Афанасьева	жена	26	лет	
5	Егорова	Стефанида	Мокеева	дочь	7	лет	
6	Егорова	Матрена	Адрианова	сестра	50	лет	

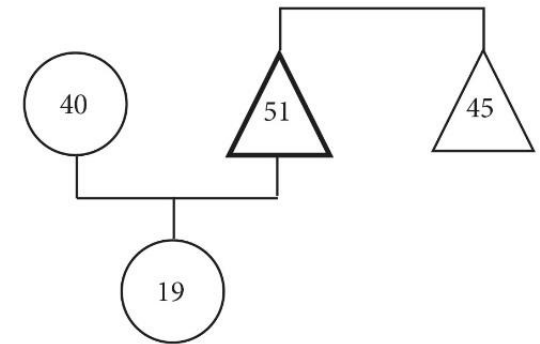
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 6 об.–7 (Запись № 16).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

15. Зайковы: семья старшего брата (**глава**)

+ холостой младший брат

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Зайков	Феопемпт	Федотов	глава	51	лет	Номер и ФИО зачеркнуты, «помер февраля 1876 г.» (первоначально «1877», исправлено поверх).
2	Зайков	Артемий	Федотов	брат	45	лет	«Исключен в мещане г. Екатеринбурга в 1875 г. 30 июля за № 6056м» – эта запись и ФИО зачеркнуты
3	Зайкова	Маремьяна	Афанасьева	жена	40	лет	
4	Зайкова	Анна	Феопемптова	дочь	19	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 11 об.–12 (Запись № 36).

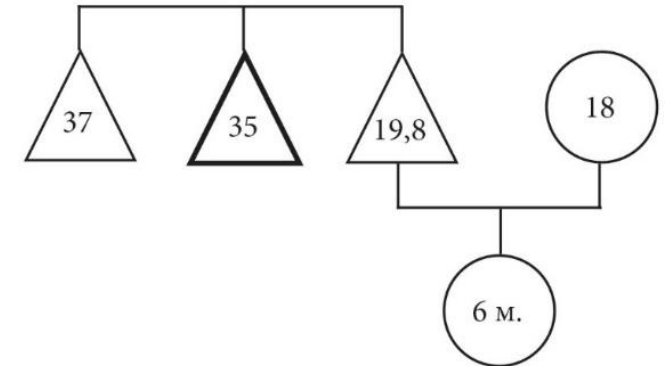
Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

16. Ивановы: холостой средний брат (**глава**)

+ семья младшего брата

+ холостой старший брат

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Иванов	Флор	Василисков	глава	35	лет	номер и ФИО зачеркнуты простым карандашом
2	Иванов	Агафон	Василисков	брат	19,8	лет	справа от возраста галочка простым карандашом; «Поступил в ополчение в 1875 году»
3	Иванов	Анфим	[Василисков]	брат Агафона	37	лет	галочка справа от возраста
4	Иванова	Феоктиста	Федорова	сноха	18	лет	галочка справа от возраста
5	Иванова	Настасья	Агафонова	племянница	6	мес.	галочка справа от возраста

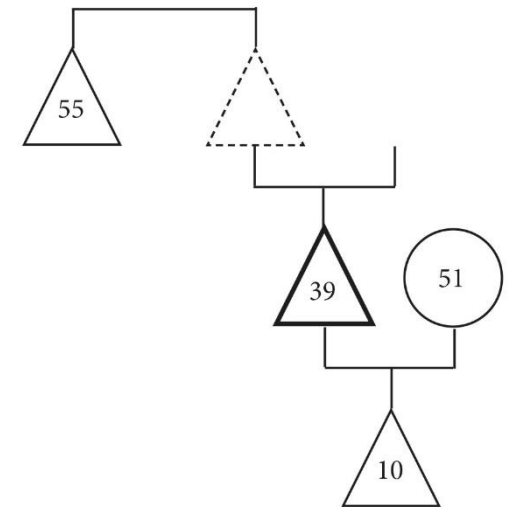
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 14 об.–15 (Запись № 52).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

17. Ивановы: семья племянника (глава)

+ холостой дядя

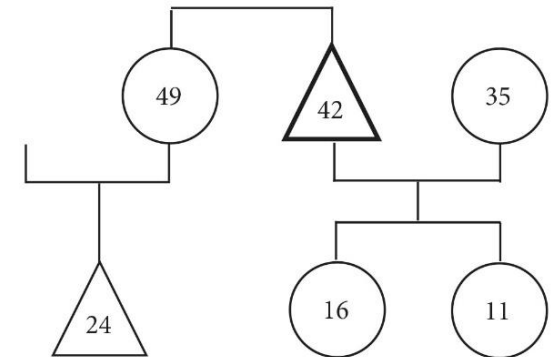
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Иванов	Даниил	Кузмин	глава	39	лет	ФИО главы и номера семьи зачеркнуты. «Умер», год смерти не указан.
2	Иванов	Иван	Даниилов	сын	10	лет	Справа от возраста – галочка
3	Иванов	Панкратий	0	дядя	55	лет	
4	Иванова	Матрена	Карпова	жена	51	лет	Галочка простым карандашом справа от возраста.

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 26 об.–27 (Запись № 111).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

18. Кобылины: семья младшего брата (**глава**)
+ вдова старшего брата с дочерью

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Кобылин, он же Осипов	Никита	Кондратьев	глава	42	лет	
2	Кобылин, он же Осипов	Ефим	—	племянник	24	лет	«Незаконнорожденный», «умер», года смерти нет
3	Кобылина (Осипова)	Евфимия	Семенова	жена	35	лет	
4	Кобылина (Осипова)	Александра	Никитина	дочь	16	лет	«Умерла», года смерти нет
5	Кобылина (Осипова)	Анна	Никитина	дочь	11	лет	
6	Кобылина (Осипова)	Марфа	Кондратьева	сестра	49	лет	

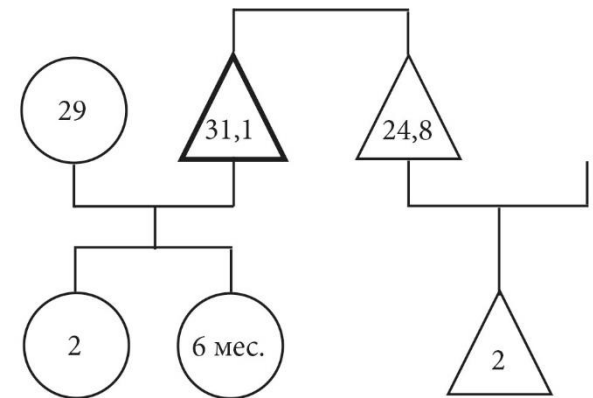
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 31 об.–32 (Запись № 133).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

19. Колпаковы: семья старшего брата (**глава**)

+ младший брат с сыном

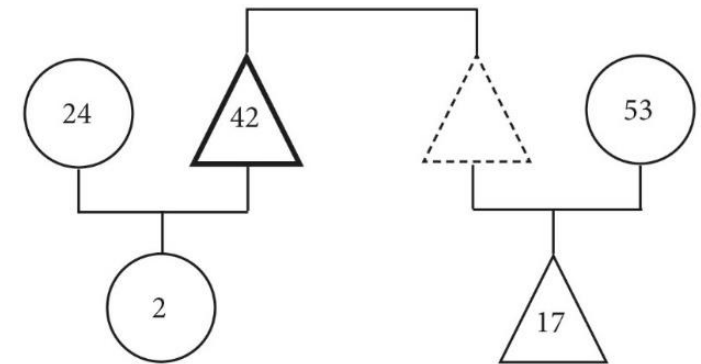
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Колпаков	Василий	Петров	глава	31,11	лет	Галочка черным карандашом справа от возраста
2	Колпаков	Егор	Петров	брат	24,8	лет	
3	Колпаков	Фотей	Егоров	племянник	2	лет	справа синими чернилами: «Фотей зачислен в ополчение в 1892 г.»
4	Колпакова	Устинья	Осипова	жена	29	лет	справа от возраста галочка черным карандашом
5	Колпакова	Гликерия	Васильева	дочь	2	лет	справа от возраста галочка черным карандашом
6	Колпакова	Василиса	Васильева	дочь	6	мес.	справа от возраста галочка черным карандашом

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 25 об.–26 (Запись № 108).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

20. Кузьмины: семья младшего брата (**глава**)
+ сын старшего брата со своей матерью

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Кузьмин	Савва	Кириллов	глава	42	лет	Справа приписка карандашом: «Умер», год не указан
2	Кузьмин	Леонтий	Иванов	племянник	17,11	лет	Отметка о поступлении в ополчение в 1874 г. и о перечислении в мещане в 1889 г.
3	Кузьмина	Марфа	Петрова	жена	24	лет	Год смерти не указан, приписка справа от возраста «умерла»
4	Кузьмина	Марья	Саввина	дочь	2	лет	
5	Кузьмина	Агафья	Антипьева	мать племянника	53	лет	«Умерла», год не указан

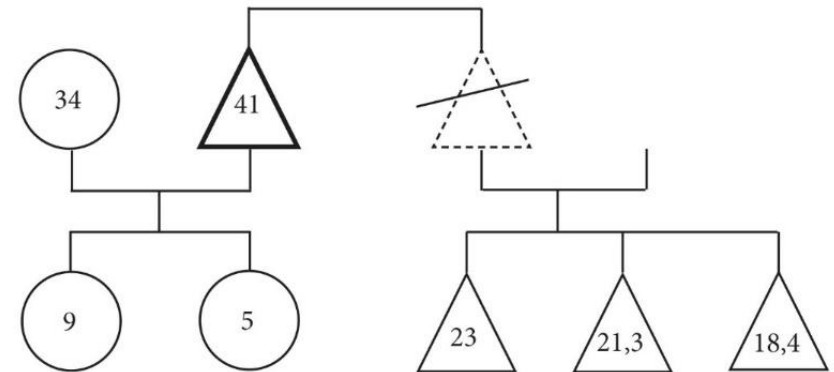
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 14 об.–15 (Запись № 54).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

21. Лапшины: семья младшего брата (**глава**)

+ его холостые племянники – сыновья старшего брата

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1896 гг. и комментарии
1	Лапшин	Андрей	Филиппов	глава	41	лет	«помер в 1877»
2	Лапшин	Иван	Александров	племянник	21,3	лет	в Сибирь сослан
3	Лапшин	Герасим	Александров	племянник	23	лет	«Поступил на военную службу в 1874 г.»
4	Лапшин	Василий	Александров	племянник	18,4	лет	«Поступил на военную службу в 1874 г.»
5	Лапшина	Евдокия	Потапова	жена	34	лет	Справа от имени стоит скобка, объединяющая её и дочерей, с припиской другими чернилами и почерком: «значатся по посемейному списку 1895 г. под №42 как сродные сестры Никанора Иванова»
6	Лапшина	Елена	Андреева	дочь	5	лет	
7	Лапшина	Наталья	Андреева	дочь	9	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 5 об.–6 (Запись № 13).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

22. Овчинниковы: семья **главы**

+ дядя со стороны отца

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Овчинников	Егор	Федотов	глава	52	лет	
2	Овчинников	Афанасий	Семенов	дядя	84	лет	
3	Овчинникова	Матрона	Петрова	жена	41	лет	
4	Овчинникова	Параскева	Егорова	дочь	11	лет	
5	Овчинникова	Елисавета	Егорова	дочь	9	лет	

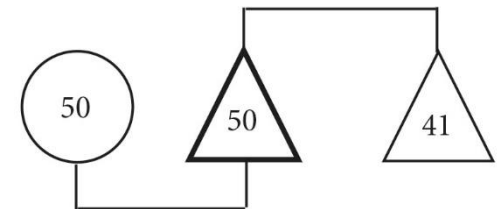
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 29 об.–30 (Запись № 126)

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

23. Онучины: семья старшего брата (**глава**)

+ холостой младший брат

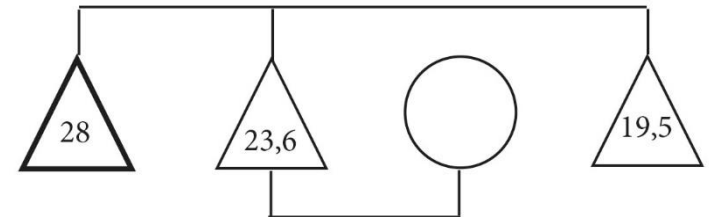
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Онучин	Ефим	Спиридонов	глава	50	лет	«В отлучке», (ниже) «помер в 1877 г.» Вся семейная запись зачеркнута простым карандашом, справа помета им же «не надо».
2	Онучин	Афанасий	Спиридонов	брат	41	лет	
3	Онучина	Екатерина	Дмитриева	жена	50	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 29 об.–30 (Запись № 125).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

24. Парфентьевы: холостой старший брат (**глава**), холостой младший брат
+ семья младшего брата

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Парфентьев	Стефан	Николаев	глава	28	лет	«Умер», год смерти не указан
2	Парфентьев	Ефрем	Николаев	брат	23,6	лет	«Умер 1го октября 1890 г.»
3	Парфентьев	Конон	Николаев	брат	19,5	лет	Год поступления в ополчение не указан
4	Парфентьева	Мария	Львова	невестка	—	лет	Возраст не указан

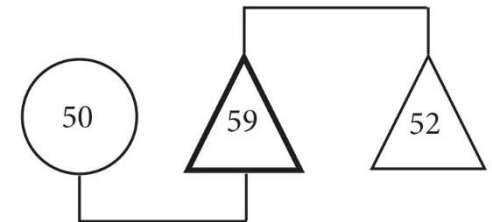
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 32 об.–33 (Запись № 137).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

25. Саванниковы: семья старшего брата (**глава**)

+ вдовый младший брат

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Саванников	Василий	Абрамов	глава	59	лет	
2	Саванников	Иван	Абрамов	брат	52	лет	
3	Саванникова	Параскева	Артемьева	жена	50	лет	

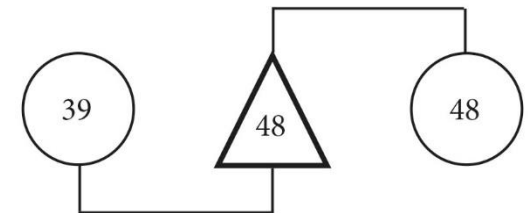
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 16 об.–17 (Запись № 61).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

26. Сапожниковы: семья старшего брата (**глава**)

+ незамужняя сестра

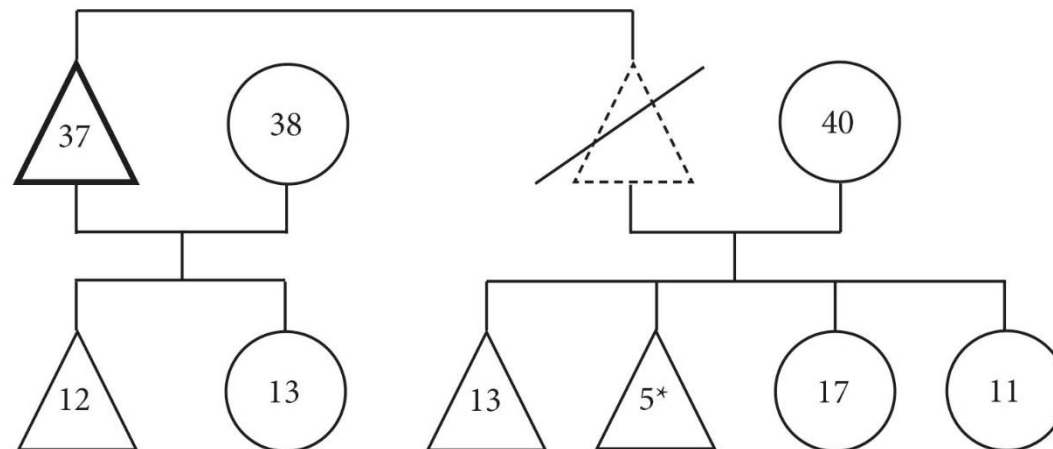
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Сапожников	Петр	Фомин	глава	48	лет	«Умер». Дата смерти не указана.
2	Сапожникова	Елена	Васильева	жена	39	лет	«Умерла». Справа от возраста: «по 1883 г.»
3	Сапожникова	Вера	Фомина	сестра	48	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 13 об.–14 (Запись № 46).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

27. Севрюгины: семья одного из братьев (**глава**)
+ вдова второго брата с детьми

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Севрюгин	Сергей	Федотов	глава	37	лет	
2	Севрюгин	Семен	Сергеев	сын	12	лет	
3	Севрюгин	Федор	Доментьев	племянник	13	лет	
4	Севрюгин	Филипп	Доментьев	племянник	5	лет	слева от имени помета «NB».
5	Севрюгина	Ирина	Трофимова	жена	38	лет	
6	Севрюгина	Анна	Сергевна	дочь	13	лет	выдана замуж
7	Севрюгина	Агапия	Андреева	[жена брата]	40	лет	
8	Севрюгина	Вера	[Доментьева]	племянница	17	лет	выдана замуж, год замужества не указан
9	Севрюгина	Екатерина	[Доментьева]	племянница	11	лет	выдана замуж, год замужества не указан

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 2 об.–3 (Запись № 2).

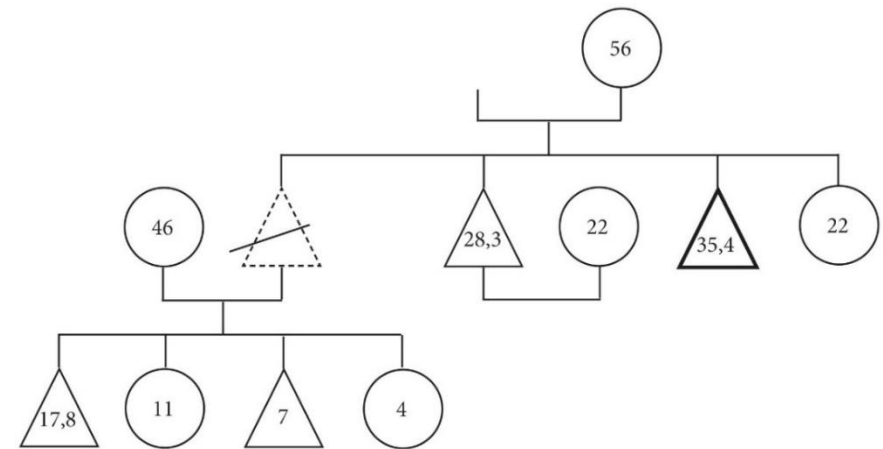
Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии

28. Хромых: неженатый старший брат (**глава**) с матерью и младшей сестрой

+ семья младшего брата

+ вдова еще одного брата с детьми

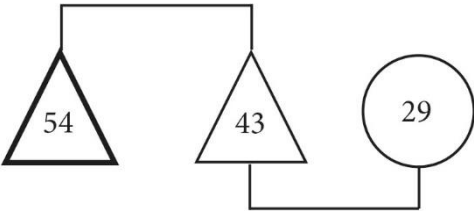

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Хромых	Емельян	Лазарев	глава	35,4	лет	«Исключен в мещане в 1877 г. по предписанию Палаты Емельян Хромых 29 апреля за №3561м»
2	Хромых	Кузьма	[Лазарев]	брат	28,3	лет	
3	Хромых	Фока	Иванов	племянник	17,8	лет	слева от имени пометка чернилами: «NB»; справа в соотв. столбцах: «Поступил в ополчение в 1877 году» (тем же почерком и чернилами, что и основная запись); «Фока умер 24 сентября 1892 года» (другим почерком и чернилами).
4	Хромых	Павел	[Иванов]	племянник	7	лет	справа от возраста помета карандашом: «службн.»; другим почерком и чернилами: «принят в военную службу в 1887 году»; третьим почерком: «Уволен в запас»
5	Хромых	Евгения	Нефедова	мать	56	лет	галочка простым карандашом справа от возраста
6	Хромых	Татьяна	[Лазарева]	сестра	22	лет	«Выдана в замужество в 1875 году»
7	Хромых	Агафья	Нестерова	жена брата	22	лет	галочка простым карандашом справа от возраста
8	Хромых	Анисья	Яковлева	мать племянников	46	лет	умерла
9	Хромых	Авдотья	[Иванова]	племянница	11	лет	умерла
10	Хромых	Настасья	[Иванова]	племянница	4	лет	выдана замуж

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 5 об.–6 (Запись № 15).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

29. Шадруковы: старший брат без пары (**глава**)
+ семья младшего брата

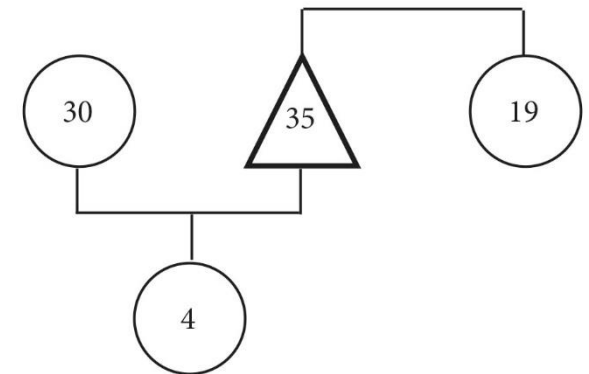
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Шадруков	Григорий	Иванов	глава	54	лет	
2	Шадруков	Савватий	Иванов	брат	43	лет	
3	Шадрукова	Марфа	Олимпиева	невестка	29	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 23 об.–24 (Запись № 97).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

30. Шляпниковы: семья старшего брата (**глава**)
+ незамужняя младшая сестра

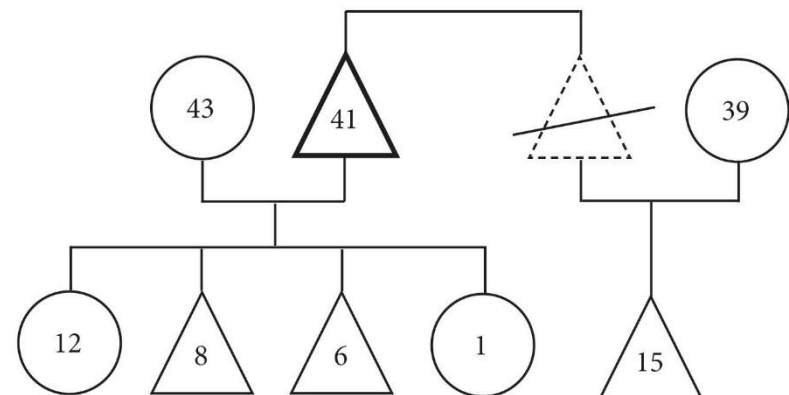
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Шляпников	Ипат	Дорофеев	глава	35	лет	Возраст по 1874 г. – зачеркнут фиолетовыми чернилами, далее ими же приписана причина отсутствия: «Умер»
2	Шляпникова	Марфа	Денисова	жена	30	лет	Год смерти не указан
3	Шляпникова	Ирина	Ипатова	дочь	4	лет	
4	Шляпникова	Агриппина	Дорофеева]	сестра	19	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 12 об.–13 (Запись № 41).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 3. Расширение по боковой линии

31. Шляпниковы: семья одного из братьев (**глава**)
+ вдова второго брата с сыном

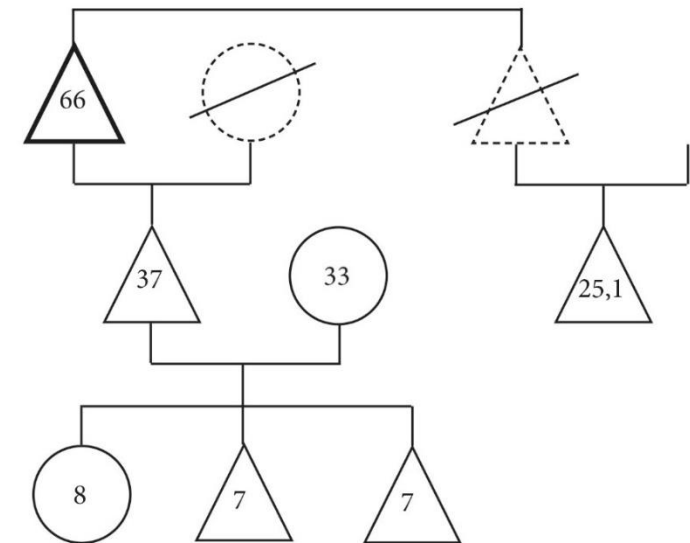
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Шляпников	Иван	Васильев	глава	41	лет	
2	Шляпников	Федор	Иванов	сын	8	лет	Другим почерком справа: «Федор Шляпников зачислен в ополчение в 1886 г.»
3	Шляпников	Михей	Иванов	сын	6	лет	Слева от имени крест простым карандашом. Другим почерком справа: «Освобожден от службы в 1888 г.»
4	Шляпников	Гавриил	Димитриев	племянник	15	лет	Справа от возраста галочка и дополнение «Гаврил зачислен в ополчение в 1879 году»
5	Шляпникова	Анна	Тарасова	жена	43	лет	
6	Шляпникова	Гликерия	Иванова	дочь	12	лет	Справа от возраста: «Выдана в замужество» в 1885 г.»
7	Шляпникова	Анисья	Иванова	дочь	1	лет	
8	Шляпникова	Анисья	Архипова	мать племянника Гавриила	39	лет	Слева от возраста галочка карандашом

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 20 об.–21 (Запись № 86).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 4-1. Расширение по боковой и нисходящей линиям

32. Колпаковы: вдовый отец (**глава**) с семьей сына
+ холостой племянник-сирота

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Колпаков	Савва	Мокиев	глава	66	лет	Вдовец
2	Колпаков	Аркадий	Саввин	сын	37	лет	
3	Колпаков	Савва	Кузьмин	племянник	25,1	лет	Справа от имени отметка «NB»
4	Колпаков	Игнатий	Аркадиев	внук	7	лет	Ополчение 1887 г.
5	Колпаков	Василий	Аркадиев	внук	7	лет	Умер в 1885 г., вместо возраста знак тождества с написанным выше – «7 л.»
6	Колпакова	Павла	Абрамова	жена сына	33	лет	
7	Колпакова	Мариамна	Аркадиева	внучка	8	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 7 об.–8 (Запись № 19).

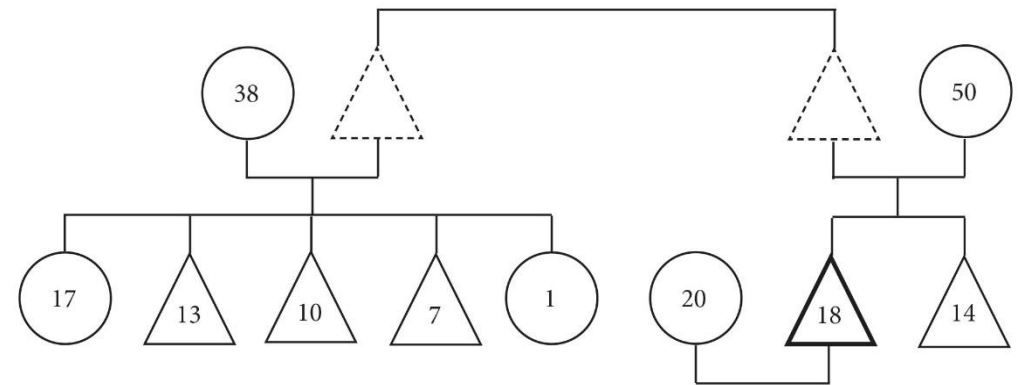
Тип II. Расширенная семья

Подтип 4. Расширение по восходящей и боковой линиям

33. Баклаевы: семья сына (глава)

+ мать-вдова с несовершеннолетней дочерью

+ семья тетки-вдовы

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Баклаев	Иван	Григорьев	глава	18	лет	ФИО главы и номера семьи зачеркнуты. «Зачислен в ополчение в 1882 г./1877 г.» Справа от возраста галочка простым карандашом
2	Баклаев	Стефан	Григорьев	брат	14	лет	«Умер в 1884 году»
3	Баклаев	Иван	Васильев	сродный брат	13	лет	«Зачислен в ополчение в 1882 г.»
4	Баклаев	Филимон	Васильев	сродный брат	10	лет	Первоначальный возраст – 10 лет, поверх него вписана позднее цифра «9». «Зачислен в ополчение в 1888 г.» Крест простым карандашом слева от ФИО.
5	Баклаев	Яков	Васильев	сродный брат	7	лет	Крест простым карандашом слева от ФИО. Между листами 26 об.–27 переплетено свидетельство о его крещении в Св.-Троицкой церкви с. Шарташ с указанием дат, родителей, восприемников.
6	Баклаева	Анастасия	Афанасьева	мать	50	лет	
7	Баклаева	Анна	Степанова	жена	20	лет	«Умерла в сентябре 1890 г.»
8	Баклаева	Пелагия	Иванова	мать сродных братьев	38	лет	
9	Баклаева	Пелагия	[Васильева]	дочь Пелагии Ивановой	17	лет	
10	Баклаева	Евдокия	[Васильева]	дочь Пелагии Ивановой	1	лет	Справа от возраста галочка простым карандашом

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 26 об.–27 (Запись № 114).

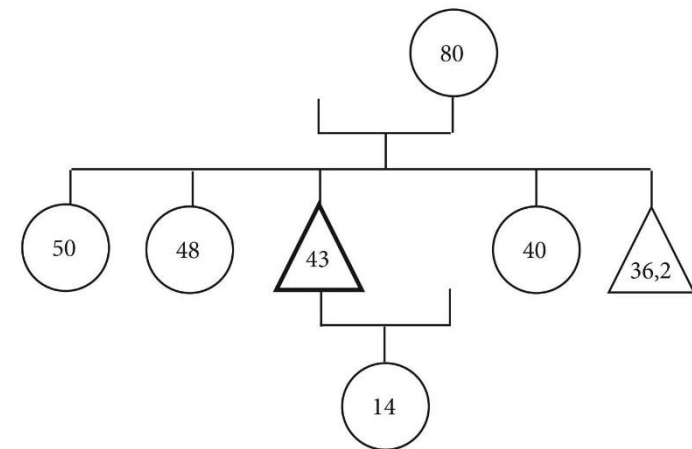
Тип II. Расширенная семья

Подтип 4-2. Расширение по боковой и восходящей линиям

34. Баклаевы: овдовевший (?) брат (**глава**) с дочерью

+ мать-вдова

+ незамужние сестры главы и холостой младший брат

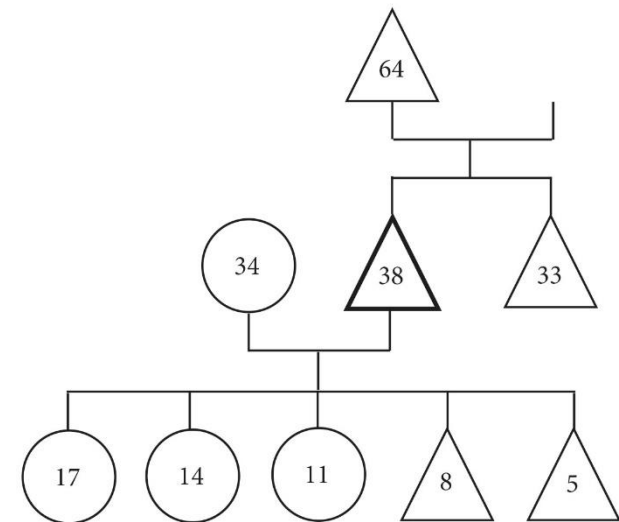
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Баклаев	Кирилл	Петров	глава	43	лет	
2	Баклаев	Иван	[Петров]	брат	36,2	лет	
3	Баклаева	Евфимия	Федорова	мать	80	лет	«Померла», год смерти не указан.
4	Баклаева	Настасья	[Петрова]	сестра	50	лет	
5	Баклаева	Ульяна	[Петрова]	сестра	48	лет	
6	Баклаева	Феодосия	[Петрова]	сестра	40	лет	
7	Баклаева	Марья	Кириллова	дочь	14	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 27 об.–28 (Запись № 119).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 4-2. Расширение по боковой и восходящей линиям

35. Мяконьких: вдовый отец, семья сына (глава)
+ холостой младший брат главы

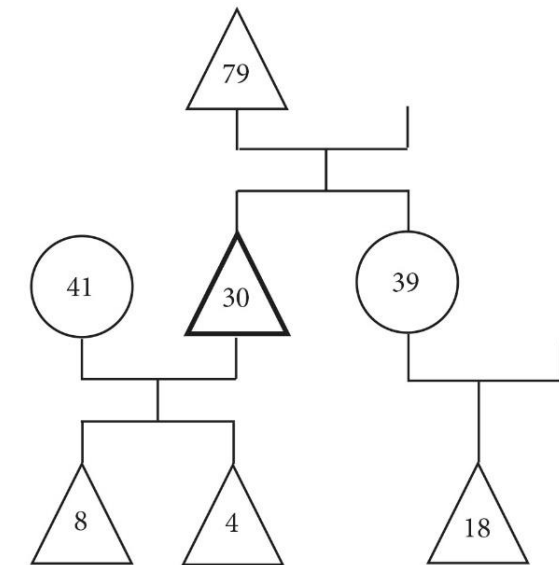

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Мяконьких	Иван	Трофимов	глава	38	лет	Слева от номера семьи – «2»
2	Мяконьких	Федор	Иванов	сын	8	лет	Другим почерком справа: «Федор Ив. зачислен в ополчение в 1886 г.»
3	Мяконьких	Тимофей	Иванов	сын	5	лет	Другим почерком справа: «Тимофей Иванов зачислен в ополчение в 1889 г.» Справа от возраста – крест.
4	Мяконьких	Харитон	Трофимов	брат	33	лет	«Харитон исключен в мещане от 29 января 1876 г. за №860м»
5	Мяконьких	Трофим	Тимофеев	отец	64	лет	
6	Мяконьких	Татьяна	Ипатова	жена	34	лет	
7	Мяконьких	Наталья	Иванова	дочь	17	лет	«Выдана в замужество в 1876 г.»
8	Мяконьких	Акилина	Иванова	дочь	14	лет	Справа скобка, объединяющая с младшей сестрой Матростовой и пояснение: «выданы в замужество»
9	Мяконьких	Матростовия	Иванова	дочь	11	лет	Справа скобка, объединяющая с сестрой Акилиной и пояснение: «выданы в замужество».

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 22 об.–23 (Запись № 93).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 4-2. Расширение по боковой и восходящей линиям

36. Сродных: вдовый отец, семья сына (глава)
+ семья вдовы брата домохозяина

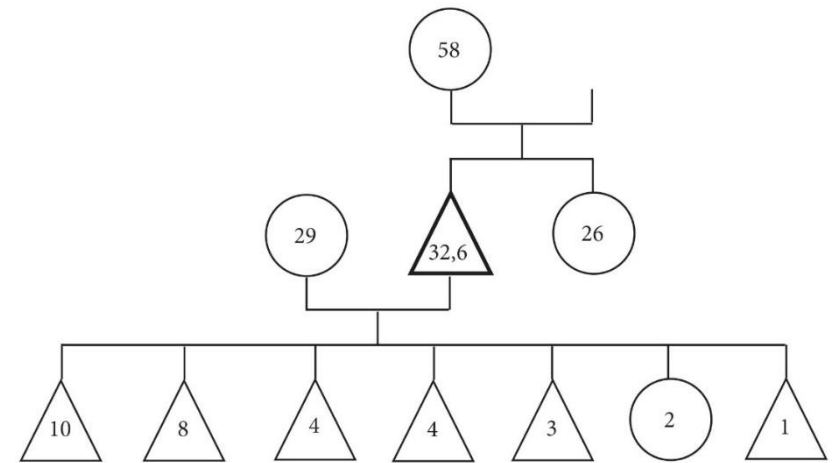
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Сродных	Вавило	Кононов	глава	30	лет	
2	Сродных	Иван	Вавилов	сын	8	лет	«Иван Вав. зачтен в ополчение в 1886 г.»
3	Сродных	Каллистрат	Вавилов	сын	4	лет	«Каллистрат в военную службу в 1890 г.»
4	Сродных	Андрей		племянник	18,10	лет	«Поступил в ополчение в 1876 г.», «<нрзб.>ил из <нрзб.> в Сибирь в 1890 г.»
5	Сродных	Конон		отец	79	лет	«Помер», год смерти не указан.
6	Сродных	Мастридия	Назарова	жена	41	лет	
7	Сродных	Анна	Кононова	сестра	39	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 23 об.–24 (Запись № 96).

Тип II. Расширенная семья

Подтип 4-2. Расширение по восходящей и боковой линиям

37. Ермиловы: мать-вдова, семья сына (**глава**)
+ незамужняя сестра главы

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Шветов	Сидор	Петров	глава	32,6	лет	Справа от записи всех мужчин в семье поставлена тем же почерком и чернилами объединяющая скобка с пояснением: «перечислены в мещане».
2	Шветов	Евграф	Сидоров	сын	10	лет	
3	Шветов	Павел	Сидоров	сын	8	лет	
4	Шветов	Василий	Сидоров	сын	4	лет	
5	Шветов	Максим	Сидоров	сын	4	лет	
6	Шветов	Иван	Сидоров	сын	1	лет	
7	Шветов	Иван	Сидоров	сын	3	лет	
8	Шветова	Феоктиста	Сергеева	жена	29	лет	
9	Шветова	Акилина	Сидорова	дочь	2	лет	Справа: «Померла в 1875 г.»
10	Шветова	Пелагея	Арсениева	мать	58	лет	
11	Шветова	Акилина	[Петрова]	сестра	26	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 18 об.–19 (Запись № 76).

Тип. III. Мультифокальные семьи

Подтип 1. Основная семья с вторичными семьями по восходящей линии

Подтип 2. Основная семья с вторичными семьями по нисходящей линии

1. Баклаевы
2. Благины
3. Егоровы
4. Ивановы
5. Ивановы
6. Иванчины
7. Катаевы
8. Красильниковы
9. Силантьевы
10. Харламовы

Варианты: Основная семья с вторичными семьями по нисходящей и расширениями по боковой / нисходящей линиям

11. Гавриловы
12. Масленниковы
13. Масленниковы
14. Шапошниковы
15. Шапошниковы

Подтип 3. Основная семья с вторичными семьями по боковой линии

16. Баклаевы
17. Ивановы
18. Патрушевы
19. Ульяновы
20. Хромцовы
21. Шляпниковы

Варианты: Основная семья с вторичными семьями по боковой и расширениями по боковой линии

22. Бойцовы
23. Ведерниковы
24. Лапшины
25. Поляковы
26. Фрыковы
27. Хромых
- по восходящей линии
28. Благины
29. Пастуховы
30. Силантьевы
31. Сродных
32. Хромцовы
33. Яковлевы

Подтип 4. Основная семья с вторичными семьями по нисходящей и боковой линиям

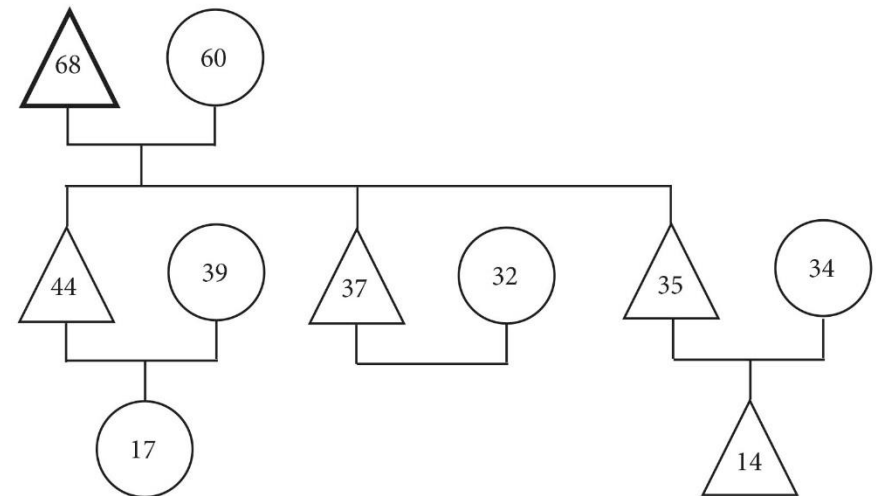
34.Ивановы

35.Кунаевы

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии

1. Баклаевы: первичная семья отца (**глава**)
вторичные семьи трех сыновей

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Баклаев	Порфирий	Исаев	глава	68	лет	«Помер в 1877 г.». Фамилия, имя зачеркнуты карандашом».
2	Баклаев	Михаил	Порфириев	сын	44	лет	«Умер» – написано другими чернилами и почерком, даты нет.
3	Баклаев	Семен	Порфириев	сын	37	лет	
4	Баклаев	Зотик	Порфириев	сын	35	лет	После возраста скобка, объединяющая с записью отца (выше) и далее: «исключен в мещане в 1975 г. от 20 декабря 1875 г. за № 13944м»
5	Баклаев	Киприян	Зотиков	внук	14	лет	
6	Баклаева	Евфимия	Никифорова	жена	60	лет	
7	Баклаева	Варвара	Васильева	жена Михаила	39	лет	
8	Баклаева	Пелагея	Михайлова	внучка	17	лет	
9	Баклаева	Татьяна	Сильвестрова	жена Семена	34	лет	
10	Баклаева	Федосья	Александрова	жена Зотика	32	лет	

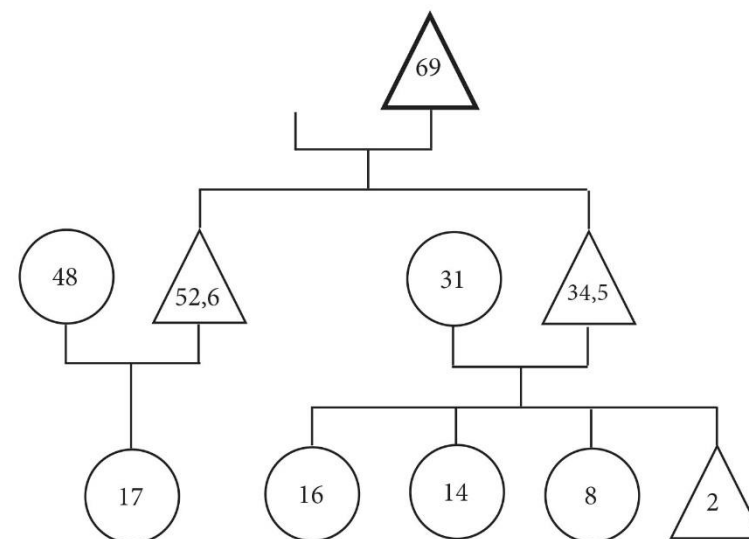
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 9 об.–10 (Запись № 28).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии

2. Благины: отец (**глава**)

вторичные семьи двух сыновей

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Благин	Осип	Осипов	глава	69	лет	«Помер в 1882 г.»
2	Благин	Павел	Осипов	сын	52,6	лет	Справа от возраста галочка
3	Благин	Евменей	[Осипов]	брат Павла	34,5	лет	
4	Благин	Василий	Евменеев	внук	2	лет	«Василий в призыв 1892 г. зачислен в ополчение»
5	Благина	Наталья	Потапова	сноха	48	лет	Галочка справа от возраста
6	Благина	Надежда	Павлова	внучка	17	лет	«Выдана в замужество», год не указан
7	Благина	Ирина	Саввина	сноха	31	лет	
8	Благина	Екатерина	Евменеева	внучка	16	лет	«В замужестве», год не указан
9	Благина	Ульяна	Евменеева	внучка	14	лет	«В замужестве», год не указан
10	Благина	Елисавета	Евменеева	внучка	8	лет	«В замужестве», год не указан

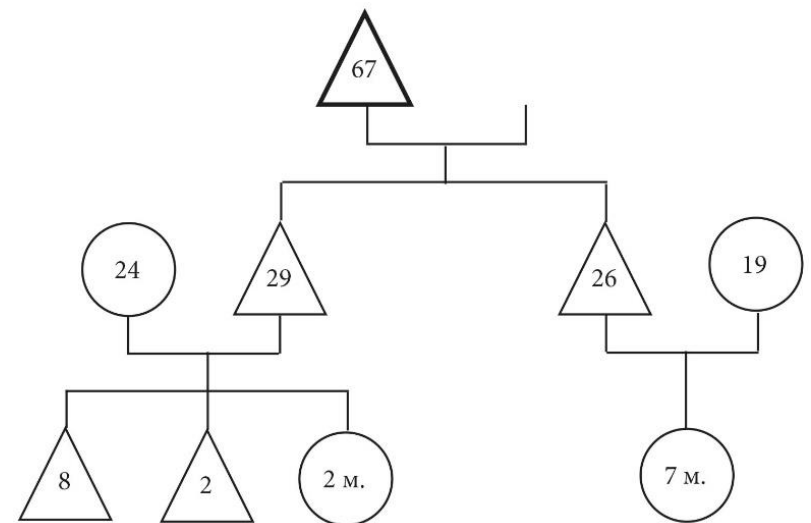
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 15 об.–16 (Запись № 59).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии

3. Егоровы: отец (**глава**)

две вторичные семьи сыновей

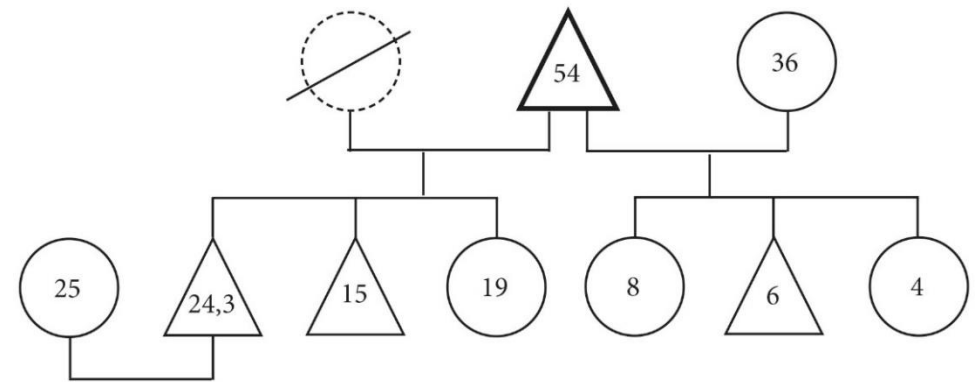
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Егоров	Николай	Иванов	глава	67	лет	«Умер», год не указан
2	Егоров	Фирст	Николаев	сын	29	лет	Галочка простым карандашом справа от возраста
3	Егоров	Ефим	Фирстов	внук	8	лет	
4	Егоров	Яков	Фирстов	внук	2	лет	Приписка простым карандашом «отсрочено на 1 год»
5	Егоров	Сергей	Николаев	сын	26	лет	
6	Егорова	Наталья	Ларионова	сноха	24	лет	Галочка простым карандашом справа от возраста
7	Егорова	Пелагия	Фирстова	внучка	2	мес.	Семейный статус и имя зачеркнуты простым карандашом, помета «померла»
8	Егорова	Федосия	Никитина	сноха	19	лет	
9	Егорова	Павла	Сергеева	внучка	7	мес.	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 36 об.–37 (Запись № 154).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии

4. Ивановы: первичная семья отца (**глава**) с несовершеннолетними детьми
вторичная семья старшего сына от первого брака

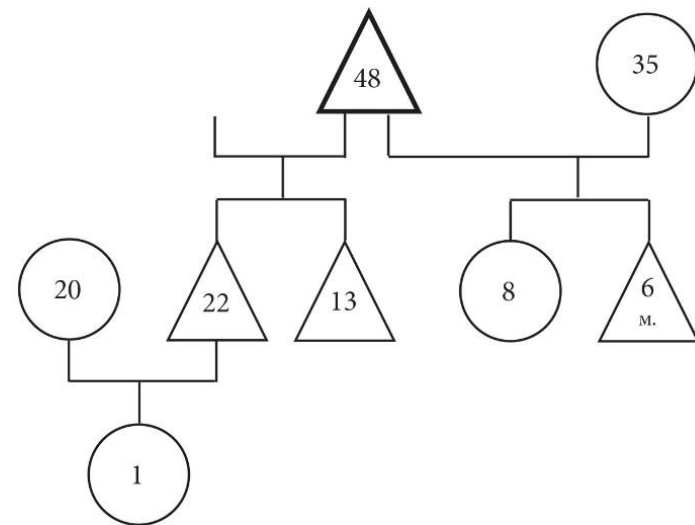
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Иванов	Денис	Николаев	глава	54	лет	Фамилия, имя, номера записи зачеркнуты простым карандашом
2	Иванов	Никанор	Денисов	сын	24,3	лет	Справа от возраста – галочка простым карандашом.
3	Иванов	Максим	Денисов	сын	15	лет	Имя вычеркнуто простым карандашом, слева от возраста – галочка простым карандашом. В военной службе с 1879 г.
4	Иванов	Петр	Денисов	сын	6	лет	Слева от имени – крест простым карандашом; справа от возраста - галочка простым карандашом. В военной службе с 1888 г.
5	Иванова	Авдотья	Прокопьева	жена	36	лет	«Померла» - отметка более темными чернилами, другим почерком
6	Иванова	Анна	Денисова	дочь	19	лет	Справа от имени простым карандашом – «дев[ица]». Слева от возраста - галочка простым карандашом, круглая скобка со знаком вопроса и «выданы в замужество» (фраза зачеркнута).
7	Иванова	Анна	Денисова	дочь	4	лет	Справа от имени простым карандашом – «выд[ана]». Слева от возраста - галочка простым карандашом, круглая скобка со знаком вопроса и «выданы в замужество» (фраза зачеркнута).
8	Иванова	Устинья	Денисова	дочь	8	лет	Справа от имени простым карандашом – «дев[ица]». Слева от возраста - галочка простым карандашом, круглая скобка со знаком вопроса и «выданы в замужество» (фраза зачеркнута).
9	Иванова	Марья	Евстропьева	жена старшего сына Никанора	25	лет	Справа от возраста – галочка простым карандашом.

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 8 об.–9 (Запись № 22).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии

5. Ивановы: первичная семья отца (**глава**) с несовершеннолетними детьми
вторичная семья старшего сына от первого брака

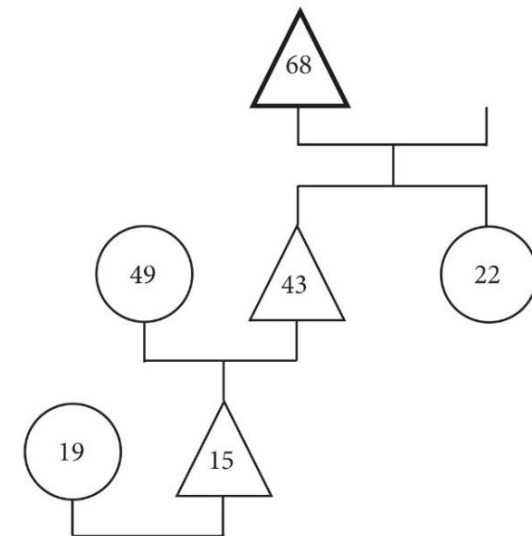
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Иванов	Зотей	Игнатъев	глава	48	лет	ФИО глава и номера семьи зачеркнуты, «помер в 1875 г.»
2	Иванов	Федот	Зотеев	сын	6	мес.	«Помер», год смерти не указан.
3	Иванов	Иван	Зотеев	сын	22	лет	Справа синими чернилами: «Иван сослан в Сибирь в 1893 г.»
4	Иванов	Григорий	Зотеев	сын	13	лет	«Умерш[ий]», год не указан, далее «Зачислен в ополчение в 1879 году».
5	Иванова	Евфросиния	Никанорова	жена	35	лет	
6	Иванова	Парасковья	Зотеева	дочь	8	лет	
7	Иванова	Стефанида	Гаврилова	сноха	20	лет	
8	Иванова	Александра	Иванова	внучка	1	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 25 об.–26 (Запись № 109).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии

6. Иванчины: первичная семья – вдовый отец (**глава**) с незамужней дочерью
вторичные семьи сына и внука

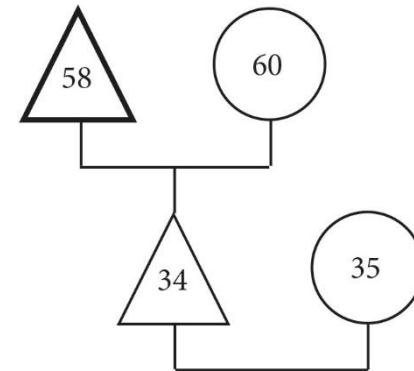
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Иванчин	Федосей	Нефедов	глава	68	лет	«Помер в 1881 г.»
2	Иванчин	Иван	Федосеев	сын	43	лет	Галочка карандашом справа от возраста 43
3	Иванчин	Никифор	Иванов	внук	15	лет	«Поступил в ополчение в 1879 г.» (первоначально год – 1880, исправлен поверх, теми чернилами)
4	Иванчина	Ирина	Ефимова	сноха	49	лет	Галочка карандашом справа от возраста
5	Иванчина	Аграфена	Николаева	жена внука	19	лет	Галочка карандашом справа от года рождения.
6	Иванчина	Парасковья	Федосеева	дочь	[22]	лет	Более темными чернилами – «40 лет в 1892 году»

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 9 об.–10 (Запись № 29).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии

7. Катаевы: первичная семья отца (**глава**)
вторичная семья сына

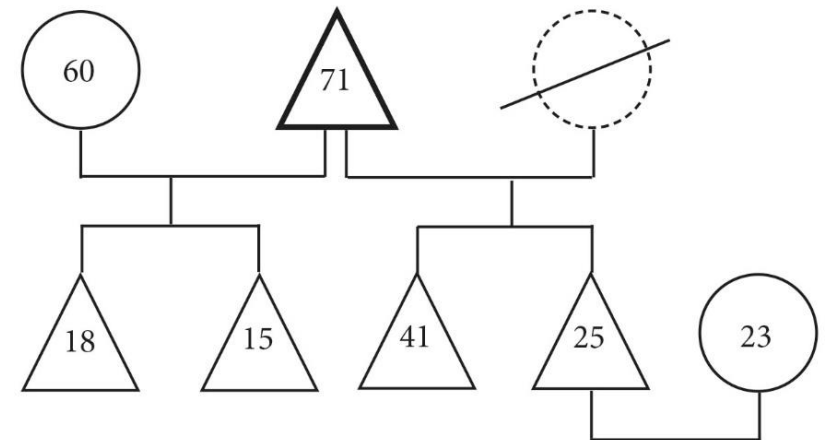
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Катаев	Парамон	Григорьев	глава	58	лет	«Помер» тем же почерком что и основной текст
2	Катаев	Андриан	Парамонов	сын	34	лет	«перечислен в мещане г. Екатеринбурга» год не указан
3	Катаева	Марья	Васильева	жена	60	лет	
4	Катаева	Феоктиста	Никитина	сноха	35	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 37 об.–38 (Запись № 156).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии

8. Красильниковы: первичная семья отца (**глава**) с неженатыми сыновьями
вторичная семья младшего сына от первого брака

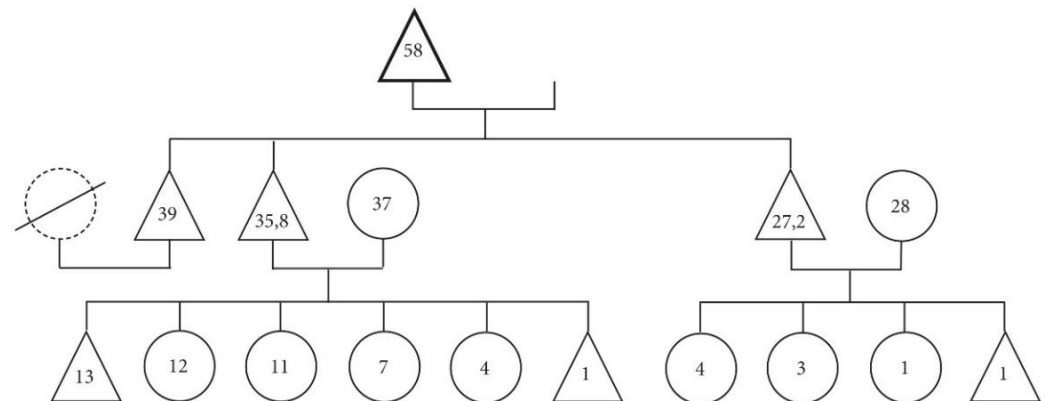
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Красильников	Афанасий	Данилов	глава	71	лет	Умер в 1874 г.
2	Красильников	Доментий	Афанасиев	сын	41	лет	
3	Красильников	Григорий	Афанасиев	сын	25	лет	
4	Красильников	Прокопий	Афанасиев	сын	18,11	лет	«В военной службе с 1876 г.»
5	Красильников	Ларион	Афанасиев	сын	15	лет	«Ларион зачислен в ополчение в 1879 году»
6	Красильникова	Прасковья	Иванова	мать сына Прокопия	60	лет	
7	Красильникова	Елисавета	Филиппова	жена сына Григория	23	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 7 об.–8 (Запись № 20).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии

9. Силантьевы: первичная семья – вдовый отец (**глава**) с вдовым старшим сыном
вторичные семьи младших сыновей

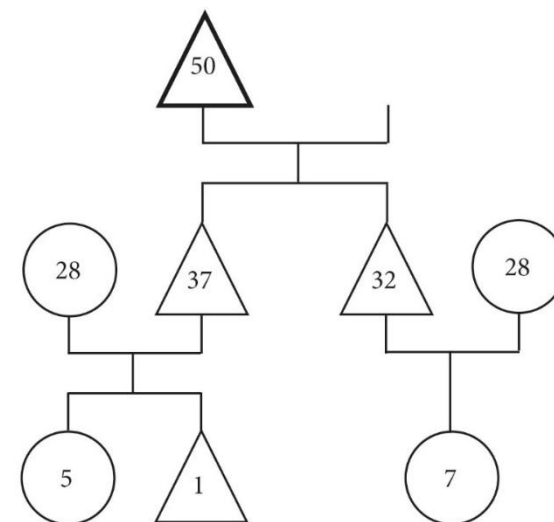
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Силантьев	Никифор	Григорьев	глава	59	лет	Вдовец. Умер в 1889 г.
2	Силантьев	Кирилл	Никифоров	сын старший	39	лет	Вдовец
3	Силантьев	Гурий	Никифоров	сын	35,8	лет	Справа от возраста объединяющая скобка с записью: «Исключен в мещане г. Екатеринбурга в 1876 году от 21 января за №860м»
4	Силантьев	Иван	Гурьев	внук	13	лет	
5	Силантьев	Константин	Гурьев	внук	1	лет	
6	Силантьев	Михаил	Никифоров	сын	27,2	лет	
7	Силантьев	Александр	Михайлов	внук	1	лет	
8	Силантьева	Марья	Яковлева	сноха	37	лет	
9	Силантьева	Афанасья	Гурьева	внучка	12	лет	
10	Силантьева	Ульяна	Гурьева	внучка	11	лет	
11	Силантьева	Клавдия	Гурьева	внучка	7	лет	
12	Силантьева	Анисья	Гурьева	внучка	4	лет	
13	Силантьева	Епистимия	Родионова	сноха	28	лет	
14	Силантьева	Анна	Михайлова	внучка	4	лет	
15	Силантьева	Марья	Михайлова	внучка	3	лет	
16	Силантьева	Анисья	Михайлова	внучка	1	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 11 об.–12 (Запись № 37).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии

10. Харламовы: отец (**глава**)
вторичные семьи сыновей

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Харламов	Савва	Калинин	глава	50	лет	«Помер 4 декабря в 1874 г.» Возраст зачеркнут карандашом
2	Харламов	Василий	Саввич	сын	37	лет	«Василий и Ларион сосланы»
3	Харламов	Константин	Васильев	внук	1	лет	«Константин Васильев помер ребенком»
4	Харламов	Ларион	Саввич	сын	32	лет	См. выше: «Василий и Ларион сосланы»
5	Харламова	Прасковья	Фомина	сноха	28	лет	Справа от возраста – скобка карандашом, объединяющая её и мать с примечанием «уехали в Сибирь»
6	Харламова	Прасковья	Васильева	внучка	5	лет	
7	Харламова	Екатерина	Никитина	сноха 2-я	28	лет	
8	Харламова	Мария	Ларионова	внучка	7	лет	

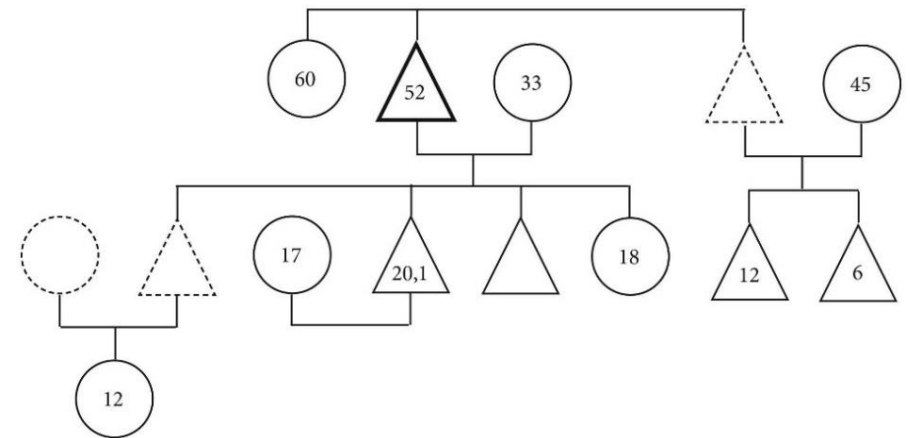
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 10 об.–11 (Запись № 30).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии и расширение по боковой

11. Гавриловы: первичная семья старшего брата (**глава**) с неженатыми детьми и внуком

вторичная семья его сына
 + незамужняя сестра главы
 + семья вдовы второго брата

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Гаврилов	Афанасий	Егоров	глава	52	лет	ФИО и № записи зачеркнуты простым карандашом, им же справа от возраста галочка. Фамилия подчеркнута синим.
2	Гаврилов	Агафон	[Афанасьев]	сын	20,1	лет	Справа от возраста галочка простым карандашом
3	Гаврилов	Яков	[Афанасьев]	сын		лет	Возраст не указан. «Поступил в ополчение в 1875 г.»
4	Гаврилов	Иван	Осипов	племянник	12	мес.	Отчество приписано справа синим, им же подчеркнуто имя. Справа от возраста галочка простым карандашом. «Поступил в ополчение в 1881 году».
5	Гаврилов	Егор	Осипов	племянник	6	лет	Отчество приписано справа синим, им же подчеркнуто имя. Справа от возраста галочка простым карандашом. «Поступил в ополчение в 1888 году».
6	Гаврилова	Татьяна	Никифорова	жена	33	лет	«умерла в июне 11 дня 1885 года. Афанасий Гаврилов вступил в сводный брак с Маремьяной Харламовой 28 лет»
7	Гаврилова	Параскева	Афанасьева	дочь	18	лет	
8	Гаврилова	Агафья	[Егорова]	сестра	60	лет	
9	Гаврилова	Анна	Трофимова	внучка	12	лет	
10	Гаврилова	Агапия	Гордеева	сноха	17	лет	Галочка простым карандашом справа от возраста
11	[Гаврилова]	Устинья	Кузьмина	мать племянников	45	лет	Галочка простым карандашом справа от возраста

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 28 об.–29 (Запись № 120).

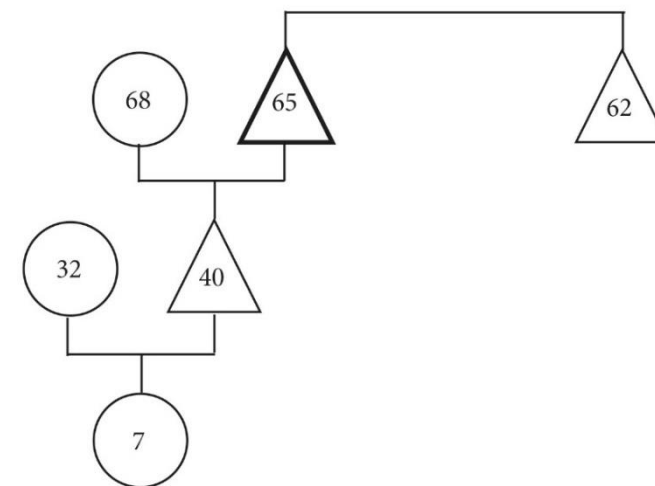
Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семьи по нисходящей линии и расширение по боковой

12. Масленниковы: первичная семья отца (**глава**)

вторичная семья сына

+ одинокий брат главы семьи

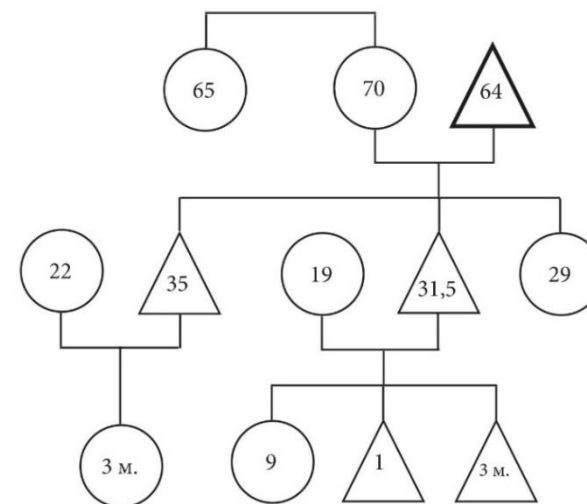
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Масленников	Максим	Иванов	глава	65	лет	«помер в 1881 году»
2	Масленников	Николай	Иванов	брат	62	лет	«помер в 1880 году»
3	Масленников	Спиридон	Максимов	сын	40	лет	пометка в виде галочки справа от возраста
4	Масленникова	Агриппина	Федотова	жена	68	лет	
5	Масленникова	Агриппина	Епифанова	сноха	32	лет	
6	Масленникова	Любовь	Спиридонова	внучка	7	лет	«умерла», год смерти не указан

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 12 об.–13 (Запись № 39).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии и расширение по боковой

13. Масленниковы: первичная семья – мать с отцом (**глава**) и незамужней дочерью
вторичные семьи двух сыновей
+ незамужняя свояченица (сестра жены домохозяина)

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Масленников	Моисей	Григорьев	глава	64	лет	после возраста объединяющая скобка: «Исключен в мещане г. Екатеринбурга от 24 сентября 1874 г. за № 10552м»
2	Масленников	Кирилл	Моисеев	сын	35	лет	Исключен в мещане с отцом. На левом поле помета синими чернилами: «11/IX-34 г.», ниже теми же: «26/IX-34 г.»
3	Масленников	Прокопий	Моисеев	сын	31,5	лет	после возраста объединяющая их скобка: «Исключен в мещане г. Екатеринбурга от 24 сентября 1874 г. за № 10552м»
4	Масленников	Мирон	Прокопьев	внук	1	лет	
5	Масленников	Гурий	Прокопьев	внук	3	лет	
6	Масленникова	Мариамна	Федотова	жена	70	лет	
7	Масленникова	Авдотья	Моисеева	дочь	29	лет	
8	Масленникова	Дарья	Федотова	своячина	65	лет	
9	Масленникова	Авдотья	Евтихиева	сноха	22	лет	
10	Масленникова	Васса	Кириллова	внучка	3	мес.	
11	Масленникова	Татьяна	Парамонова	сноха	19	лет	
12	Масленникова	Фекла	Прокопьева	внучка	9	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 15 об.–16 (Запись № 55).

Тип III. Мультифокальная семья

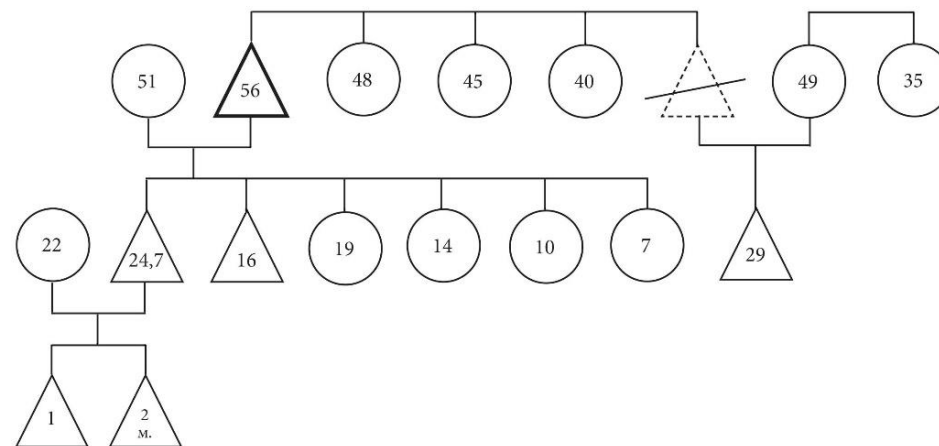
Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии и расширение по боковой

14. Шапошниковы: первичная семья старшего брата (глава)

вторичная семья его сына

+ незамужние сестры главы

+ семья вдовы второго брата

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Шапошников	Федор	Лавреньев	глава	56	лет	справа от списка мужчин семьи (кроме племянника) – скобка и пояснение: «Федор Шапошников отчислен с семейством в мещане в 1883 г.»
2	Шапошников	Абрам	Федоров	сын	24,7	лет	
3	Шапошников	Кузьма	Абрамов	внук	1	лет	
4	Шапошников	Порфирий	Абрамов	внук	2	мес.	
5	Шапошников	Марко	Федоров	сын	16	лет	см. прим. выше. Простым карандашом справа: «Справиться далее. Написат[ь] есть у него свидт.»
6	Шапошников	Платон	Иванов	племянник	29	лет	см. прим. главы
7	Шапошникова	Стефанида	Филипповна	жена	51	лет	
8	Шапошникова	Анна	Федорова	дочь	19	лет	
9	Шапошникова	Пелагия	Федорова	дочь	14	лет	
10	Шапошникова	Анна	Федорова	дочь	10	лет	
11	Шапошникова	Гликерия	Федорова	дочь	7	лет	
12	Шапошникова	Евфросиния	Лаврентьева	сестра	45	лет	
13	Шапошникова	Александра	Лаврентьева	сестра	40	лет	
14	Шапошникова	Хиония	Лаврентьева	сестра	48	лет	
15	Шапошникова	Марфа	Кузмина	сноха	22	лет	
16	Шапошникова	Анна	Акинтьева	мать племянника Платона	49	лет	
17	Шапошникова]	Ирина	Акинтьева	тетка Платона	35	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 19 об.–20 (Запись № 82).

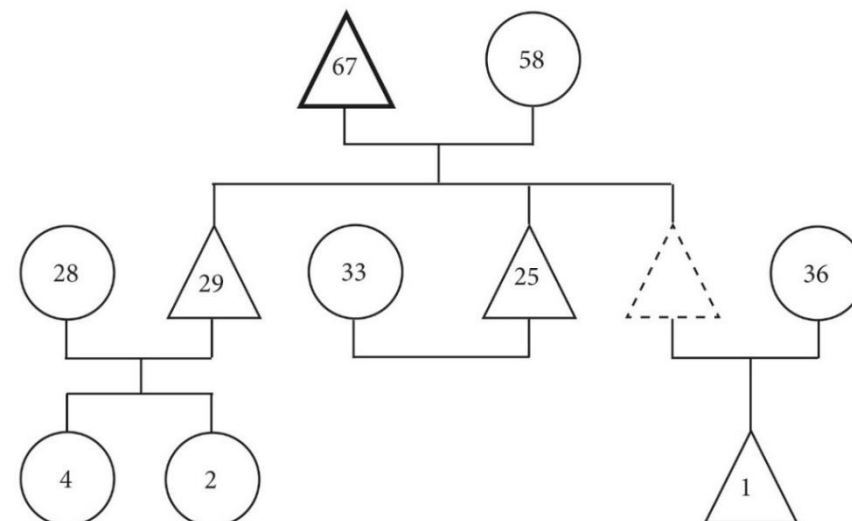
Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 2. Вторичная семья по нисходящей линии и расширение по нисходящей

15. Шапошниковы: первичная семья отца (**глава**)

две вторичные семьи сыновей

+ сноха (?) с сыном

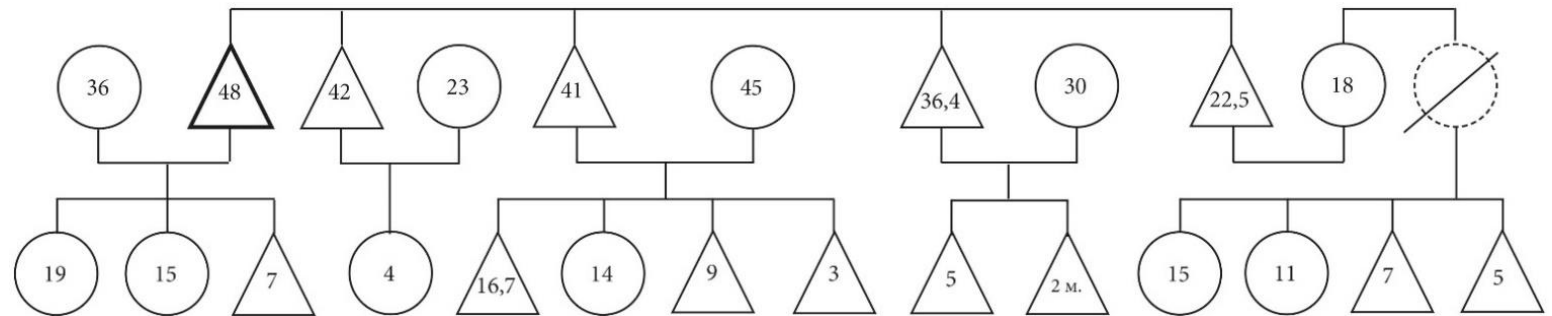

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Шапошников	Нестор	Кириллов	глава	67	лет	«Умер»
2	Шапошников	Евстафий	Несторов	сын	29	лет	Впоследствии мещанин Екатеринбурга
3	Шапошников	Кузьма	Несторов	сын	25,1	лет	«Умер» – запись карандашом
4	Шапошников	Павел	Титов	внук	1	лет	Справа от возраста – «NB» и галочка простым карандашом
5	Шапошникова	Екатерина	Тимофеева	жена	58	лет	
6	Шапошникова	Авдотья	Сидорова	жена старшего сына Евстафия	28	лет	
7	Шапошникова	Татьяна	Евстафиева	внучка	4	лет	
8	Шапошникова	Антонина	Евстафиева	внучка	2	лет	
9	Шапошникова	Матрена	Константиновна	жена младшего сына	33	лет	
10	Шапошникова	Дарья	Иванова	мать внука Павла Титова	36	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 7 об.–8 (Запись № 21).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичные семьи по
боковой линии

16. Баклаевы: первичная семья старшего брата (**глава**)
4 вторичные семьи младших братьев

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Баклаев	Елисей	Терентьев	глава	48	лет	Умер в 1884 г. Фамилия, имя , номера записи зачеркнуты простым карандашом
2	Баклаев	Ераст	Елисеев	сын	7	лет	Слева от имени – «NB», теми же чернилами, что даты рождения и зачисления в ополчение
3	Баклаев	Кузьма	Терентьев	брат	42	лет	
4	Баклаев	Петр	Терентьев	брат	41	лет	Справка о крещении им сына Ивана в 1864 г. в единоверческой церкви Екатеринбурга.
5	Баклаев	Павел	Петров	племянник	16,7	лет	«Павел зачислен в ополчение в 1887 г.»
6	Баклаев	Иван	Петров	племянник	9	лет	Слева от имени крест простым карандашом; возраст – 11, исправлен поверх на 9.
7	Баклаев	Андрей	Петров	племянник	3	лет	
8	Баклаев	Дмитрий	Терентьев	брат	36,4	лет	
9	Баклаев	Иван	Дмитриев	племянник	2	мес.	
10	Баклаев	Алексей	Дмитриев	племянник	5	лет	
11	Баклаев	Логгин	Терентьев	брат	22,3	лет	

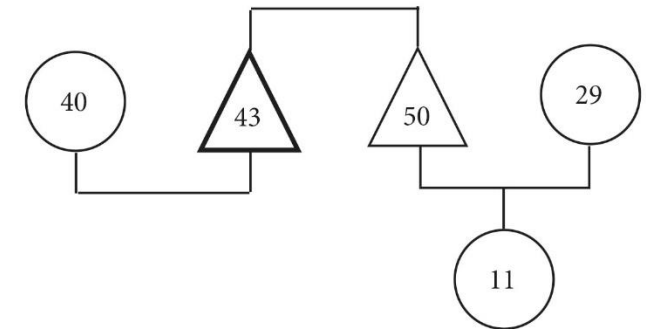
12	[Баклаев]	Мирон	Клементьев	племянник Логгинов	7	лет	Слева от имени пометка чернилами: «NB»; справа простым карандашом: «умер».
13	Баклаева	Ирина	Петрова	жена	36	лет	Справа от возраста галочка простым карандашом
14	Баклаева	Елена	Елисеева	дочь	19	лет	Справа от возраста галочка простым карандашом
15	Баклаева	Авдотья	Елисеева	дочь	15	лет	Справа от возраста галочка простым карандашом
16	Баклаева	Марина	Филиппова	[невестка]	23	лет	
17	Баклаева	Ульяна	Кузьмина	[племянница]	4	лет	Справа от возраста галочка простым карандашом
18	Баклаева	Анисья	Алексеева	[невестка]	45	лет	Справа от возраста крест теми же чернилами, что и запись «Умерла в 1889»
19	Баклаева	Маремьяна	Петрова	[племянница]	14	лет	
20	Баклаева	Евгения	Фомина	[невестка]	30	лет	
21	Баклаева	Макрида	Алексеева	[невестка]	18	лет	
22	[Баклаева]	Маремьяна	Клементьева	сестра племянника	15	лет	
23	[Баклаева]	Агафья	Клементьева	сестра племянника	11	лет	
24	[Баклаева]	Зиновья	Клементьева	сестра племянника	5	лет	Справа от возраста галочка простым карандашом

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 6 об.–7 (Запись № 17).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии

17. Ивановы: первичная семья младшего брата (**глава**)
вторичная семья старшего брата

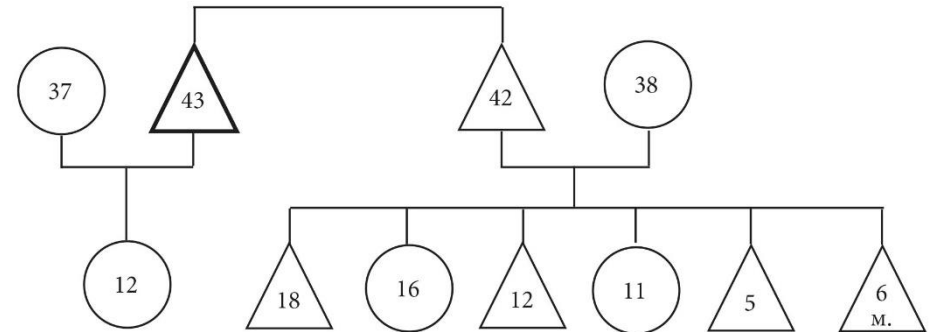
№ п/ п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Иванов	Михаил	Андреев	глава	43	лет	«Помер», год не указан.
2	Иванов	Иван	Андреев	брат	50	лет	
3	Иванова	Авдотья	Галактионова	жена	40	лет	
4	Иванова	Варвара	Филиппова	невестка	29	лет	
5	Иванова	Анастасия	Иванова	племянница	11	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 36 об.–37 (Запись № 150).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии

18. Патрушевы: первичная семья старшего брата (**глава**)
вторичная семья младшего брата

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Патрушев	Гурий	Яковлев	глава	43	лет	Галочка черным карандашом справа от возраста; первоначально был включен объединен скобкой с братом и его сыновьями про отчисление в мещане, затем его часть скобки зачеркнута теми чернилами.
2	Патрушев	Михаил	Яковлев	брат	42	лет	Справа объединяющая скобка: «Исключены в мещане г. Екатеринбурга 26 марта 1876 г. за № 3065м»
3	Патрушев	Федот	Михайлов	племянник	18	лет	
4	Патрушев	Григорий	Михайлов	племянник	12	лет	
5	Патрушев	Федот	Михайлов	племянник	5	лет	
6	Патрушев	Тимофей	Михайлов	племянник	6	мес.	
7	Патрушева	Екатерина	Ильина	жена	37	лет	галочка черным карандашом справа от возраста
8	Патрушева	Федосья	Гуриева	дочь	12	лет	галочка черным карандашом справа от возраста
9	Патрушева	Мария	Иванова	невестка	38	лет	
10	Патрушева	Устинья	Михайлова	племянница	16	лет	
11	Патрушева	Вера	Михайлова	племянница	11	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 24 об.–25 (Запись № 104).

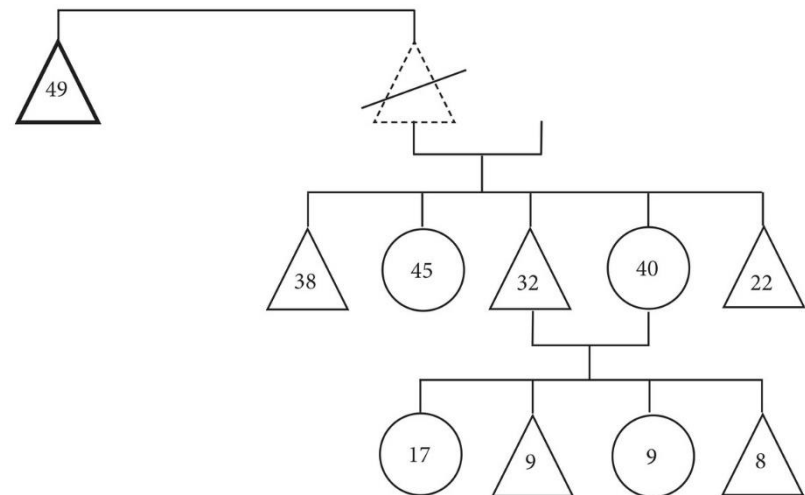
Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии

19. Ульяновы: отец (глава)

вторичные семьи племянников

+ холостой племянник

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Ульянов	Осип	Васильев	глава	49	лет	«Помер в 1882 г. 18 марта»
2	Ульянов	Емельян	Федоров	племянник	38	лет	
3	Ульянов	Фома	Федоров	племянник	32	лет	возраст подчеркнут простым карандашом
4	Ульянов	Тит	Федоров	племянник	22	лет	
5	Ульянов	Епифан	Фомин	сын племянника	9	лет	зачеркнут возраст «16», год рождения исправлен на 1869 (неправильно)
6	Ульянов	Еремей	Фомин	сын племянника	8	лет	зачеркнут возраст «15», год рождения исправлен на 1868 (неправильно) и потом снова зачеркнут.
7	Ульянова	Анна	Дмитриева	жена племянника	45	лет	
8	Ульянова	Ульяна	Иванова	жена племянника	40	лет	возраст подчеркнут простым карандашом
9	Ульянова	Александра	Фомина	дочь племянника	17	лет	
10	Ульянова	Марфа	Фомина	дочь племянника	9	лет	год смерти не указан

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 30 об.–31 (Запись № 129).

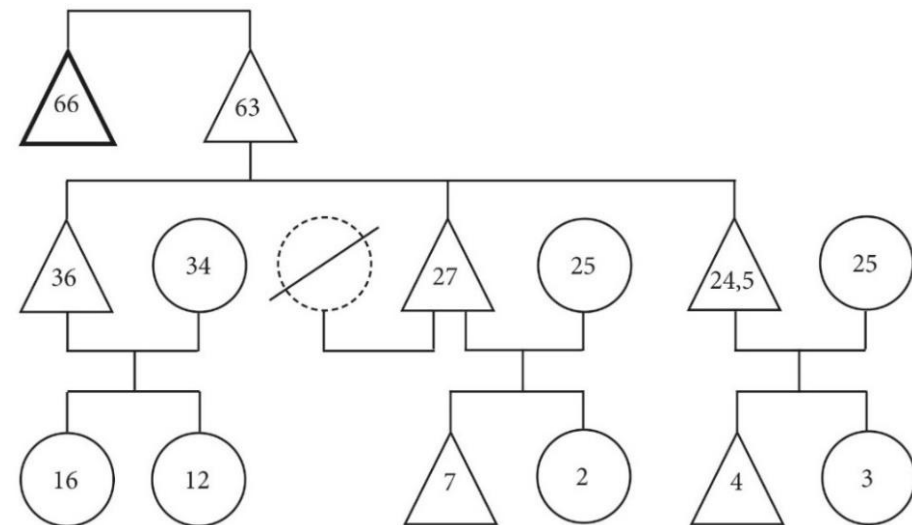
Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичные семьи по боковой линии

20. Хромцовы: три семьи братьев (вторичные)

+ их отец

+ их дядя (**глава**)

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Хромцов	Харитон	Вахрамеев	глава	66	лет	«помер в 1890 г.»
2	Хромцов	Матвей	Вахрамеев	брат	63	лет	
3	Хромцов	Иван	Матвеев	племянник	36	лет	«помер» – приписано карандашом
4	Хромцов	Иван же [2-й]	Матвеев	племянник	27	лет	справа от возраста галочка простым карандашом
5	Хромцов	Михаил	Иванов	внук	7	лет	справа от возраста галочка простым карандашом. Слева от имени «NB» теми же чернилами, что и основной текст. Зачислен в ополчение в 1887 г.
6	Хромцов	Савва	Матвеев	племянник	24,5	лет	после возраста скобка, объединяющая с сыном (ниже): «исключен в мещане г. Екатеринбурга от 30 декабря 1875 г. за № 13972м»
7	Хромцов	Михаил	Саввин	внук	4	лет	
8	Хромцова	Анна	Прокопьева	жена племянника	34	лет	
9	Хромцова	Анна	Иванова	внучка	16	лет	
10	Хромцова	Федосья	Иванова	внучка	12	лет	Справа от возраста галочка простым карандашом
11	Хромцова	Пелагея	Климентьева	2-я жена племянника Ивана 2-го	25	лет	Справа от возраста галочка простым карандашом

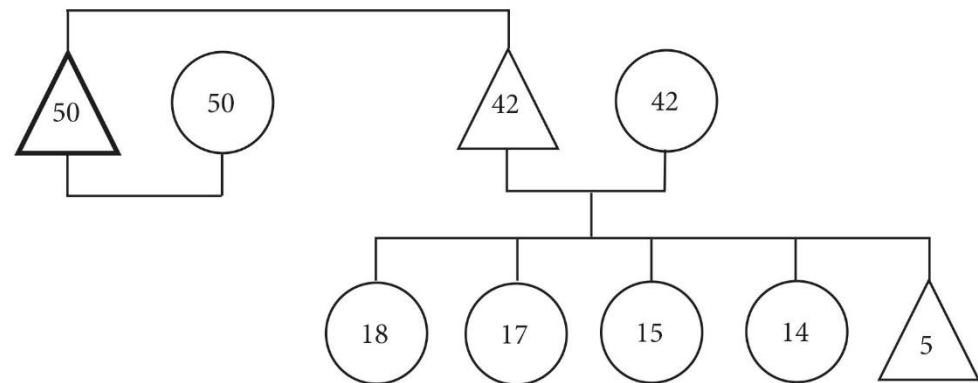
12	Хромцова	Феоктиста	Иванова	внучка	2	лет	
13	Хромцова	Олимпиада	Федорова	жена племянника	25	лет	
14	Хромцова	Ирина	Саввина	внучка	3	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 9 об.–10 (Запись № 27).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии

21. Шляпниковы: первичная семья старшего брата (**глава**)
вторичная семья младшего брата

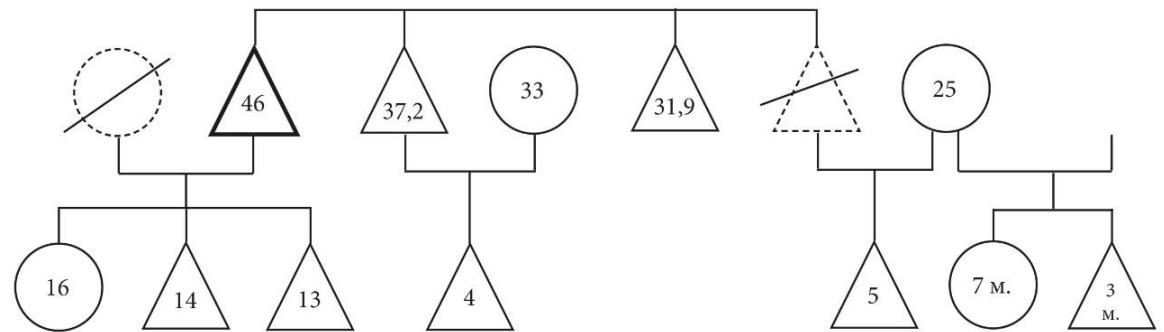
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Шляпников	Ефим	Ефимов	глава	50	лет	Справа от возраста галочка карандашом
2	Шляпников	Феопемт	Ефимов	брат	42	лет	Справа от возраста галочка карандашом
3	Шляпников	Евстигней	Феопемптов	племянник	5	лет	Справа от возраста галочка карандашом, далее приписано другими чернилами: «Зачислен в ополчение в 1889 г.»
4	Шляпникова	Пелагея	Григорьева	жена	50	лет	Справа от возраста галочка карандашом
5	Шляпникова	Евдокия	Николаева	невестка	42	лет	Справа от возраста галочка карандашом
6	Шляпникова	Елена	Феопемптова	племянница	18	лет	Справа скобка, объединяющая сестер и пояснение: «в замужестве»
7	Шляпникова	Ольга	Феопемптова	племянница	17	лет	Справа скобка, объединяющая сестер и пояснение: «в замужестве»
8	Шляпникова	Ульяна	Феопемптова	племянница	15	лет	Справа скобка, объединяющая сестер и пояснение: «в замужестве»
9	Шляпникова	Екатерина	Феопемптова	племянница	14	лет	Справа скобка, объединяющая сестер и пояснение: «в замужестве»

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 20 об.–21 (Запись № 87).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии и расширение по боковой

22. Бойцовы: первичная семья старшего брата (**глава**)
 вторичная семья младшего брата
 вторичная семья их невестки
 + холостой младший брат

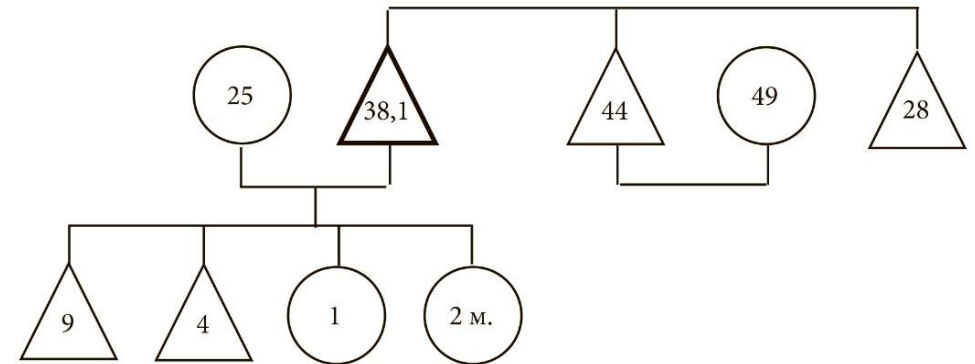
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Бойцов	Никон	Кириллов	глава	46	лет	ФИО зачеркнуты простым карандашом, им же галочка справа от возраста
2	Бойцов	Абросим	Никонов	сын	14	лет	
3	Бойцов	Никита	Никонов	сын	13	лет	Галочка карандашом справа от возраста
4	Бойцов	Павел	[Кириллов]	брат	37,2	лет	
5	Бойцов	Александр	Павлов	племянник	4	лет	Имя подчеркнуто простым карандашом. «Зачислен в ополчение в ряд[овые] в 1890 году»
6	Бойцов	Полиевкт	[Кириллов]	брат	31,9	лет	
7	Бойцов	Авксентий	Федотов	племянник	5	лет	Крестик рядом с возрастом соединен линией с записью «Зачислен в ополчение в 1889 г.»
8	Бойцов	Федот	[Федотов]	племянник	3	мес.	
9	Бойцова	Агриппина	Никонова	дочь	16	лет	
10	Бойцова	Варвара	Егорова	сноха	33	лет	Возраст подчеркнут одной чертой простым карандашом
11	Бойцова	Феврония	Зотеевна	мать племянников Федотовичей	25	лет	
12	Бойцова	Фекла		дочь Февронии	7	мес.	Возможно, родилась позднее 1874 г. Возраст – так в источнике.

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 27 об.–28 (Запись № 118).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии с расширением по боковой линии

23. Ведерниковы: первичная семья младшего брата (**глава**)
 вторичная семья старшего брата
 + холостой младший брат

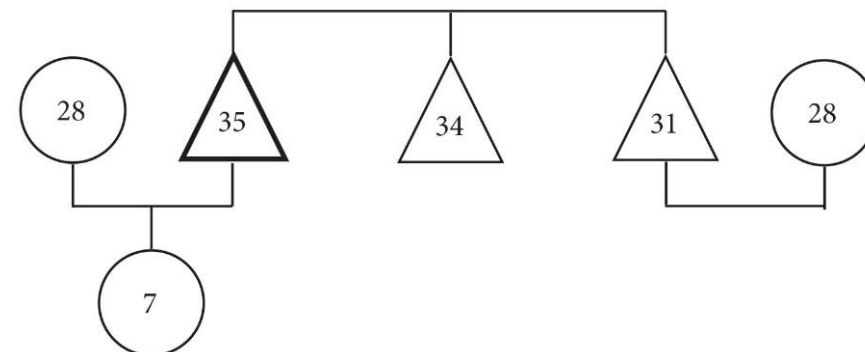
№ п/ п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Ведерников	Иван	Филиппов	глава	38,1	лет	ФИО зачеркнуто карандашом
2	Ведерников	Артеми	Иванов	сын	9	лет	
3	Ведерников	Викул	Иванов	сын	4	лет	
4	Ведерников	Максим	Филиппов	брат	44	лет	«Максим исключен в мещане г. Екатеринбурга от 30 июня 1875 г. за № 6056м»
5	Ведерников	Григорий	Филиппов	брат	28	лет	
6	Ведерникова	Марфа	Лаврентьева	жена	25	лет	
7	Ведерникова	Варвара	Иванова	дочь	1	лет	
8	Ведерникова	Марина	Иванова	дочь	2	мес.	
9	Ведерникова	Мелания	Стефанова	невестка	49	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 33 об.–34 (Запись № 138).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии с расширением по боковой

24. Лапшины: первичная семья старшего брата (**глава**)
 вторичная семья младшего брата
 + холостой средний брат

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Лапшин	Филимон	Никитин	глава	35	лет	«Помер», год не указан.
2	Лапшин	Варфоломей	Никитин	брат	34	лет	
3	Лапшин	Дорофей	Никитин	брат	31	лет	
4	Лапшина	Анфия	Андрианова	жена	28	лет	
5	Лапшина	Авдотья	Филимонова	дочь	7	лет	
6	Лапшина	Елисавета	Васильева	невестка	28	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 23 об.–24 (Запись № 99).

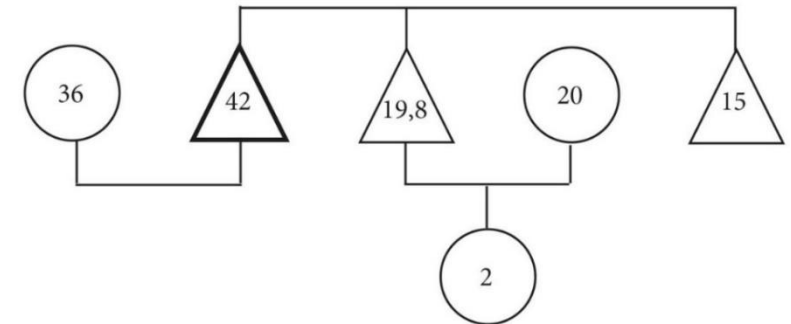
Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии и расширение по боковой

25. Поляковы: первичная семья старшего брата (**глава**)

вторичная семья среднего брата

+ холостой младший брат

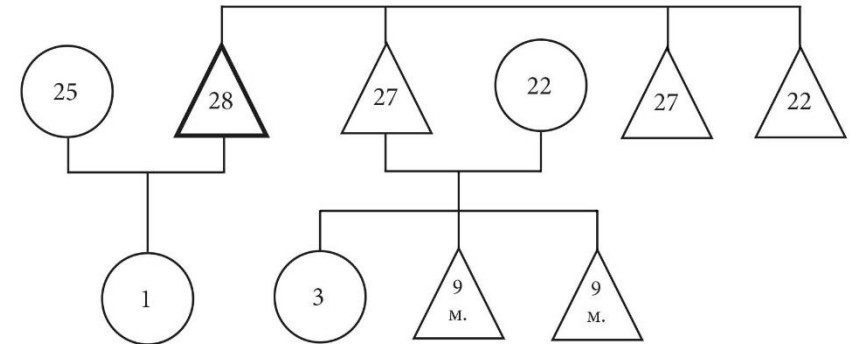
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Поляков	Киприян	Петров	глава	42	лет	
2	Поляков	Федор	Петров	брат	19,8	лет	«Поступил в ополчение в 1875 г.»; справа от возраста поставлена галочка карандашом.
3	Поляков	Григорий	Петров	брат	15	лет	«Поступил в военную службу»
4	Полякова	Елисавета	Иванова	жена	36	лет	
5	Полякова	Ирина	Иванова	жена брата	20	лет	Над именем приписка карандашом: «Федора Петрова»
6	Полякова	Пелагея	Федорова	племянница	2	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 3 об.–4 (Запись № 7).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии с расширением по боковой

26. Фрыковы: первичная семья старшего брата (**глава**)
 вторичная семья среднего брата
 + 2 холостых младших брата

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Фрыков	Елисей	Никитин	глава	28	лет	У обоих галочка простым карандашом справа от возраста
2	Фрыков	Иван	Никитин	брат	27	лет	
3	Фрыков	Ермилл	Иванов	племянник	9	мес.	Галочка простым карандашом справа от возраста. Возраст может быть прочитан и как 11/12
4	Фрыков	Максим	Иванов	племянник	9	мес.	«помер в 1876 г.»
5	Фрыков	Федор	Никитин	брат	22	лет	У всех поставлена галочка простым карандашом справа от возраста
6	Фрыков	Федул	Никитин	брат	27	лет	
7	Фрыкова	Авдотья	Григорьева	жена	25	лет	
8	Фрыкова	Настасья	Елисеева	дочь	1	лет	
9	Фрыкова	Авдотья	Матвеева	невестка	22	лет	
10	Фрыкова	Афанасия	Иванова	племянница	3	лет	Галочка простым карандашом справа от возраста

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 37 об.–38 (Запись № 157).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичные семьи по боковой линии с расширением по боковой

27. Хромых:

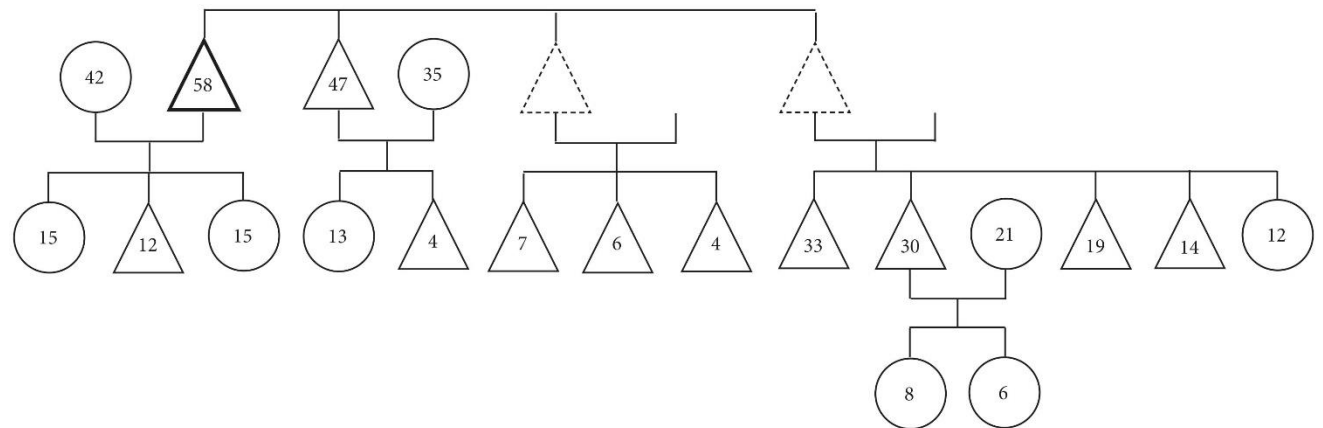
первичная семья старшего брата (**глава**)

вторичная семья младшего брата

вторичная семья племянника

+ несовершеннолетние племянники

+ холостые племянники

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Хромых	Стахий	Ларионов	глава	58	лет	Дата смерти не указана
2	Хромых	Егор	Стахиев	сын	12	лет	Справа от возраста галочка карандашом, далее «Зачислен в ополчение в призыв 1882 г.»
3	Хромых	Архип	Иванов	[племянник]	7	лет	Справа объединяющая с братьями скобка: «отчислены в мещане»
4	Хромых	Ларион	Иванов	[племянник]	4	лет	
5	Хромых	Мортиниан	Иванов	[племянник]	6	лет	
6	Хромых	Афанасий	Нестеров	племянник	33	лет	Справа от возраста галочка
7	Хромых	Павел	Нестеров	племянник	30	лет	Справа от возраста галочка
8	Хромых	Петр	Нестеров	племянник	19,11	лет	Справа от возраста галочка
9	Хромых	Петр 2-й	Нестеров	племянник	14	лет	«В военной службе с 1881 г.»
10	Хромых	Киприян	Ларионов	брат	47	лет	
11	Хромых	Дмитрий	Киприянов	племянник	4	лет	«Зачислен в ратники ополчения 2 разряда в 1890 г.» Между листами подшито свидетельство о его браке в православной церкви Златоустовского уезда в 1890 г.
12	Хромых	Авдотья	Максимова	жена	42	лет	Справа от возраста галочка
13	Хромых	Домника	Стахиева	дочь	15	лет	Справа объединяющая с сестрой скобка: «в замужестве»
14	Хромых	Анна	Стахиева	дочь	10	день	Справа объединяющая с сестрой скобка: «в замужестве»

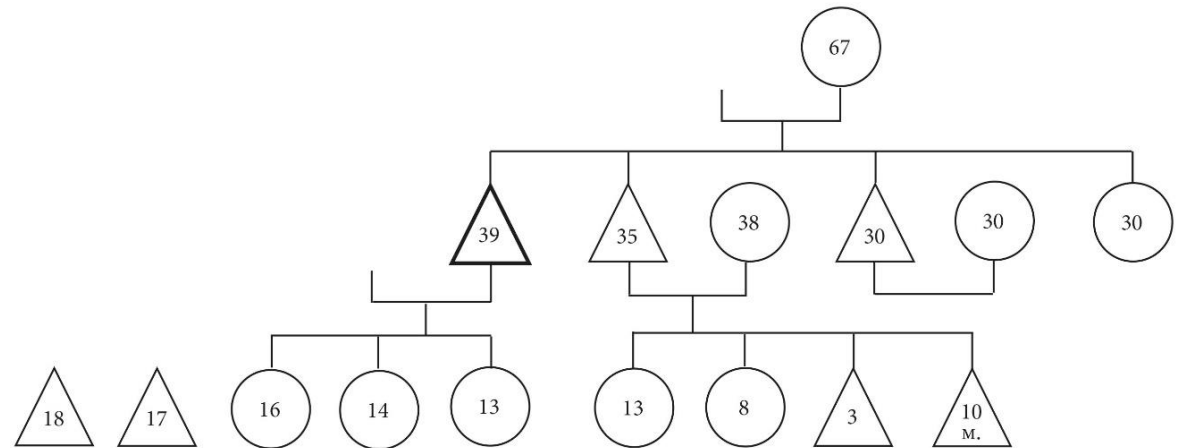
15	Хромых	Федосья	Нестерова	племянница	12	лет	Справа от возраста галочка
16	Хромых	Ирина	Леонтьева	жена племянника Павла	21	лет	Справа от возраста галочка
17	Хромых	Авдотья	Павлова	дочь племянника Павла	8	мес.	Справа от возраста галочка
18	Хромых	Марфа	Павлова	дочь племянника Павла	6	лет	Справа от возраста галочка
19	Хромых	Ульяна	Хрисанфовна	невестка	35	лет	
20	Хромых	Мариамна	Киприянова	племянница	13	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 21 об.–22 (Запись № 89).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии с расширением по восходящей и боковой

28. Благины: первичная семья старшего брата (**глава**)
 2 вторичные семьи младших братьев
 + мать-вдова с незамужней дочерью (сестрой главы)
 + 2 холостых племянника

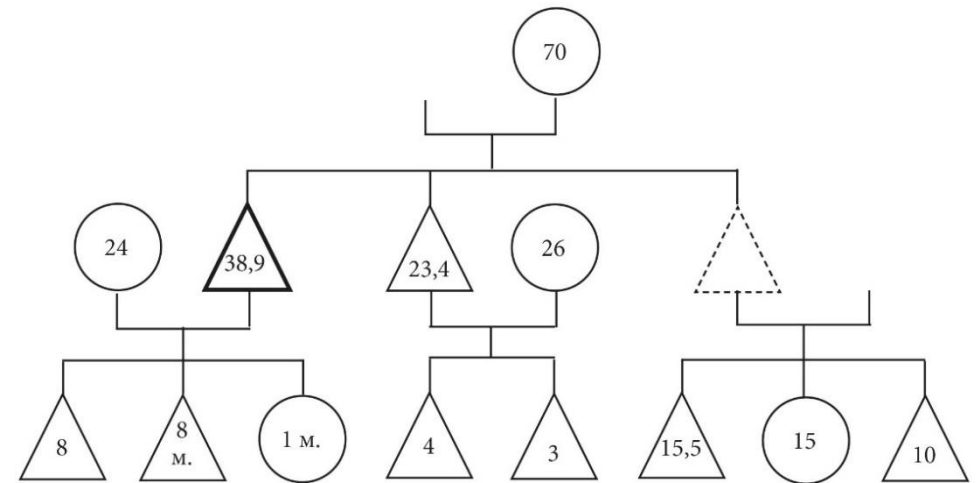
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Благин	Емельян	Иванов	глава	39	лет	ФИО и № записи зачеркнуты простым карандашом.
2	Благин	Михей	[Иванов]	брат	35	лет	
3	Благин	Калина	Михеев	племянник	3	лет	«зачислен в ратники ополчения 2 разряда в 1891 г.».
4	Благин	Конон	Михеев	племянник	10	мес	«Помер», год смерти не указан.
5	Благин	Евстафий	[Иванов]	брат	30	лет	«Помер», год смерти не указан.
6	Благин	Михаил		племянник	18,6	лет	Справа от имени скобка «Исключены в мещане от 14 августа 1875 г. за №7478».
7	Благин	Евгений		племянник	17	лет	
8	Благина	Васса	Тимофеева	мать	67	лет	
9	Благина	Татьяна	Иванова]	сестра	30	лет	
10	Благина	Анна	Емельянова	дочь	14	лет	
11	Благина	Мария	Емельянова	дочь	16	лет	
12	Благина	Евгения	Емельянова	дочь	13	лет	
13	Благина	Екатерина	Григорьева	невестка	38	лет	
14	Благина	Секлетьня	[Михеева]	племянница	13	лет	
15	Благина	Пораскева	[Михеева]	племянница	8	лет	
16	Благина	Евдокия	Филиппова	невестка	30	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 29 об.–30 (Запись № 124).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии и расширение по восходящей

29. Пастуховы: первичная семья старшего брата (глава)
 вторичная семья младшего брата
 + мать братьев и её несовершеннолетние внуки-сироты

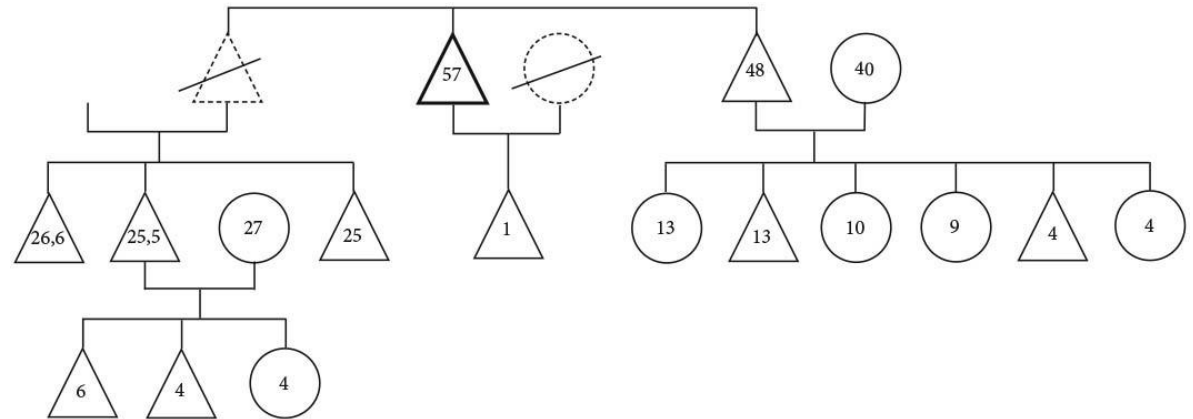
№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Пастухов	Антроп	Кузмин	глава	38,9	лет	Фиолетовыми чернилами справа от возраста «помер 24 февраля 1893 г.»
2	Пастухов	Павел	Антропов	сын	8	лет	«Павел Анфимов зачислен в ополчение в 1886 г.»
3	Пастухов	Еким	Антропов	сын	8	мес.	
4	Пастухов	Мартирей	Кузмин?	брат	23,4	лет	Коричневыми чернилами основным почерком «помер в 1883 г.»
5	Пастухов	Савва	Мартириев	племянник	4	лет	Возраст подчеркнут простым карандашом, коричневыми чернилами «зачислен в ополчение в 1890 г.»
6	Пастухов	Яков	Мартириев	племянник	3	лет	«Зачислен в ополчение в 1891 г.»
7	Пастухов	Харламий	Никифоров	племянник	15,5	лет	
8	Пастухов	Петр	Никифоров	племянник	10	лет	Возраст подчеркнут простым карандашом
9	Пастухова	Агафья	Венедиктова	мать	70	лет	Год смерти не указан
10	Пастухова	Марфа	Минеева	жена	24	лет	
11	Пастухова	Анастасия	Антропова	дочь	1	мес.	
12	Пастухова	Александра	Иванова	невестка	26	лет	Возраст подчеркнут простым карандашом
13	Пастухова	Агрипина	Никифоров	сестра племянника	15	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 31 об.–32 (Запись № 135).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии и расширение по боковой

30. Силантьевы: первичная семья старшего брата (**глава**)
 вторичная семья младшего брата
 вторичная семья племянника, с
 расширением

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Силантьев	Иван	Андреев	глава	57	лет	
2	Силантьев	Лазарь	Иванов	сын	1	лет	«в 1882 г. умер»
3	Силантьев	Федор	Андреев]	брат	48	лет	«Помер», год смерти не указан, возраст перечеркнут вместе с возрастом сына.
4	Силантьев	Лев	Федоров	племянник	13	лет	в источнике карандашом перечеркнут его возраст и его отца.
5	Силантьев	Евтихий	Федоров	племянник	5	лет	«Евтихий принят в военную службу в 1887 г.»
6	Силантьев	Павел	Иванов	племянник	25,5	лет	слева от возраста объединяющая скобка: «почислены в мещане г. Екатеринбурга 19 июля 1875 года за № 5818м»
7	Силантьев	Зотик	Павлов	сын племянника	6	лет	
8	Силантьев	Стефан	Павлов	сын племянника	4	лет	
9	Силантьев	Иван	Иванов	племянник	26,6	лет	
10	Силантьев	Константин	Иванов	племянник	25	лет	
11	Силантьева	Татьяна	Кондратьева	невестка	40	лет	«померла 5го октября 1884 г.»
12	Силантьева	Агрипина	Федорова	племянница	13	лет	
13	Силантьева	Екатерина	Федорова	племянница	10	лет	год замужества не указан
14	Силантьева	Авдотья	Федорова	племянница	9	лет	

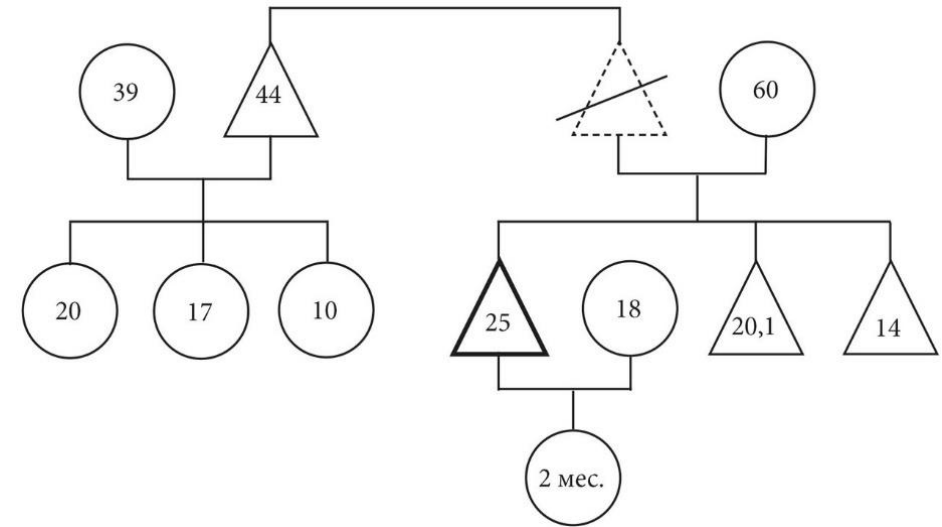
15	Силантьева	Доминика	Федорова	племянница	4	лет	«Померла в 1876 г.»
16	Силантьева	Устинья	Логинова	жена племянника	27	лет	
17	Силантьева	Анисья	Павлова	дочь племянника	4	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 34 об.–35 (Запись № 142).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии и расширение по боковой

31. Сродных: первичная семья старшего брата (**глава**)
вторичная семья дяди
+ неженатые братья

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Сродных	Харламний	Антонов	глава	25	лет	
2	Сродных	Михаил	Антонов	брат	20,10	лет	
3	Сродных	Артамон	Антонов	брат	14	лет	
4	Сродных	Карп	Трифонов	дядя	44	лет	
5	Сродных	Кирилл	Карпова	двоюродный брат	10	лет	
6	Сродных	Настасья	Лазарева	мать	60	лет	
7	Сродных	Марья	Егорова	жена	18	лет	
8	Сродных	Феоктиста	Харламбиева	дочь	2	мес.в	
9	Сродных	Доминика	Димитриева	жена Карпа	39	лет	«Померла», год смерти не указан.
10	Сродных	Анна	Карпова	двоюродная сестра	20	лет	«Выдана в замужество в 1875 г.»
11	Сродных	Марья	Карпова	двоюродная сестра	17	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 22 об.–23 (Запись № 95).

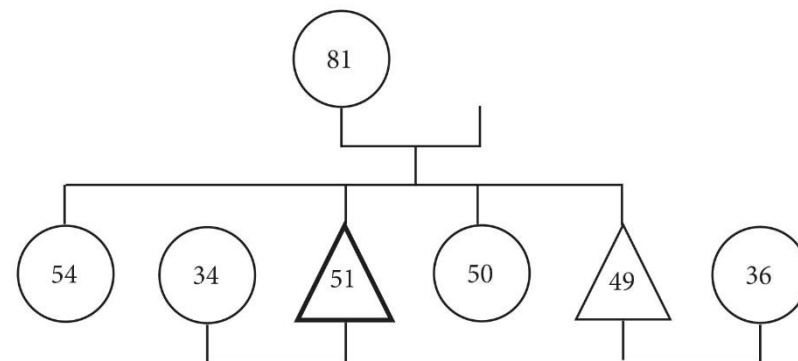
Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичная семья по боковой линии и расширение по восходящей

32. Хромых: первичная семья старшего брата (**глава**)

вторичная семья младшего брата

+ мать-вдова с незамужними дочерьми – сестрами главы

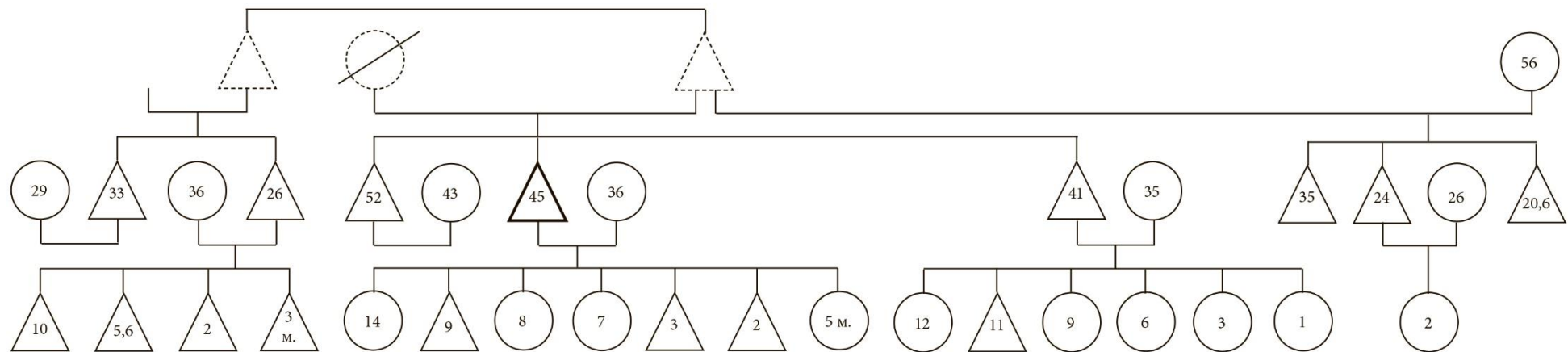

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Хромых	Апексим	Ильин	глава	51	лет	«Помер 29 августа 1877 г.»
2	Хромых	Филипп	Ильин	брат	49	лет	
3	Хромых	Евдокия	Иванова	жена	34	лет	
4	Хромых	Марфа	Михайлова	мать	81	лет	«Померла», год смерти не указан.
5	Хромых	Настасья	[Ильина]	сестра	50	лет	
6	Хромых	Стефанида	[Ильина]	сестра	54	лет	
7	Хромых	Татьяна	Гаврилова	жена брата	36	лет	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 16 об.–17 (Запись № 63).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичные семьи по боковой линиям

33. Яковлевы: первичная семья среднего брата (**глава**)

вторичные семьи двух его братьев

вторичная расширенная семья мачехи и сводных братьев (один женат)

вторичные семьи двух двоюродных братьев

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Яковлев	Фотей	Григорьев	глава	45	лет	«Фотей помер в 1892 г.»
2	Яковлев	Макар	Фотеев	сын	9	лет	Крест простым карандашом слева от имени; в соответствующей колонке «Поступил в военную службу в 1885 г.»
3	Яковлев	Федор	Фотеев	сын	7	лет	Слева на поле коричневыми чернилами «NB»; в соответствующей колонке «Федор Фот. зачислен в ополчение в 1887 г.»
4	Яковлев	Назар	Фотеев	сын	3	лет	

5	Яковлев	Игнатий	Фотеев	сын	2	лет	возраст подчеркнут простым карандашом, далее помета «отстрочено на 1 год»
6	Яковлев	Ипат	Григорьев	брат	52	лет	«помер в 1883 г.»
7	Яковлев	Ераст	Григорьев	брат?	41	лет	справа от возраста галочка простым карандашом
8	Яковлев	Порфирий	Ерастович	племянник?	11	лет	
9	Яковлев	Петр	Григорьев	брат?	35	лет	
10	Яковлев	Иван	Григорьев	брат?	24,1	лет	После объединяющей с скобки с братом: «исключены в мещане в 1874 г. от 5 марта за № 941»
11	Яковлев	Семен	Григорьев	брат?	20,6	лет	
12	Яковлев	Семен	Анисимов	двоюродный брат	26	лет	«помер 12 апреля 1876 г.»
13	Яковлев	Владимир	Семенов	сын двоюродного брата	10	лет	
14	Яковлев	Федор	Семенов	сын двоюродного брата	5,6	лет	«Федор Семен. принят в военную службу в 1887 г.»
15	Яковлев	Леонид	Семенов	сын двоюродного брата	3	месяцев	
16	Яковлев	Никита	Семенов	сын двоюродного брата	2	лет	«Никита по призыву в 1892 г. поступил на службу»
17	Яковлев	Кириян	Анисимов?	двоюродный брат	33	лет	возраст подчеркнут простым карандашом
18	Яковлева	Евфросиния	Ксенофонтова	жена главы	36	лет	
19	Яковлева	Ирина	Фотиева	дочь	14	лет	год замужества не указан
20	Яковлева	Марья	Фотиева	дочь	8	лет	год смерти не указан
21	Яковлева	Олимпиада	Фотиева	дочь	5	месяцев	
22	Яковлева	Марья	Егорова	невестка	43	лет	«Померла», год смерти не указан.
23	Яковлева	Мариамна	Саввина	невестка?	35	лет	справа от возраста галочка простым карандашом

24	Яковлева	Мария	Ерастова	племянница?	12	лет	возраст зачеркнут простым карандашом, справа помета коричневыми чернилами «в замуже»
25	Яковлева	Феоктиста	Ерастова	племянница?	9	лет	справа от возраста галочка простым карандашом
26	Яковлева	Пелагея	Ерастова	племянница?	6	лет	справа от возраста галочка простым карандашом
27	Яковлева	Авдотья	Ерастова	племянница?	3	лет	справа от возраста галочка простым карандашом
28	Яковлева	Ирина	Ерастова	племянница?	1	лет	Имя и возраст «1 г.» зачеркнуты простым карандашом, рядом им же помета «умершая».
29	Яковлева	Анна	Васильева	2-я жена отца (теперь вдова?)	56	лет	
30	Яковлева	Анна	Егорова	невестка?	26	лет	
31	Яковлева	Федосья	Иванова	племянница	2	лет	
32	Яковлева	Ирина	Никандрова	жена двоюродного брата	36	лет	
33	Яковлева	Хиония	Григорьева	жена двоюродного брата	29	лет	

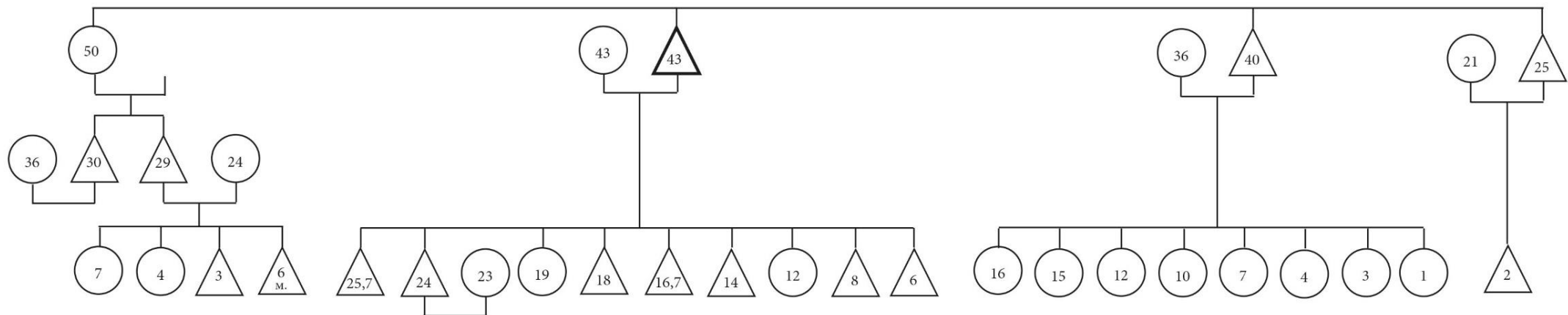
Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 35 об.-36 (Запись № 148).

Тип III. Мультифокальная семья

Подтип 3. Вторичные семьи по нисходящей и боковой линиям

34. Ивановы: первичная семья старшего брата (глава)

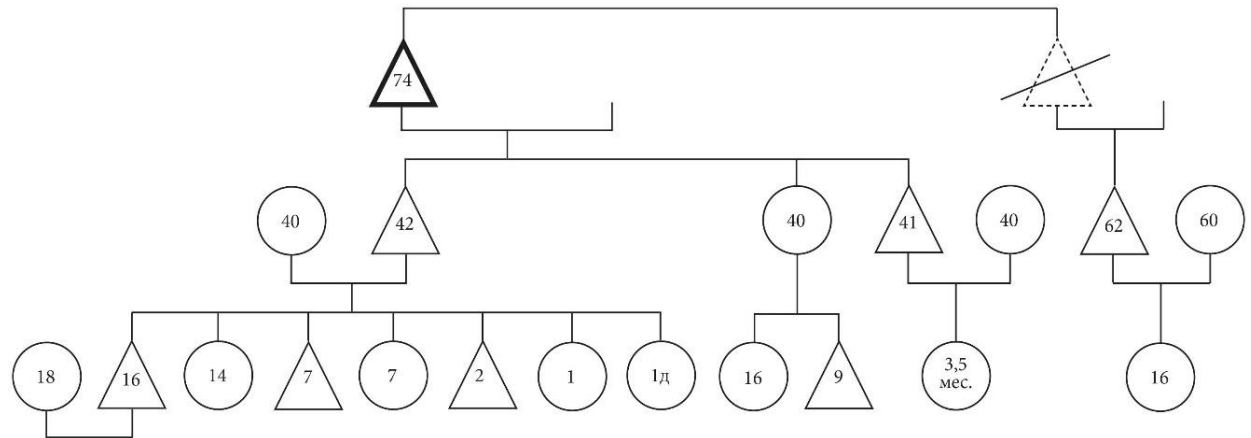
- 1 вторичная семья сына главы
- 2 вторичные семьи младших братьев
- 2 вторичные семьи племянников
- + сестра-вдова

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Иванов	Семен	Александров	глава	43	лет	объединяющая скобка: «исключены в мещане г. Екатеринбурга в 1875 г. 20 декабря за №13944»
2	Иванов	Назар	Семенов	сын	24	лет	
3	Иванов	Евграф	Семенов	сын	25,7	лет	
4	Иванов	Семен	Семенов	сын	18	лет	
5	Иванов	Петр	Семенов	сын	16,7	лет	
6	Иванов	Гурий	Семенов	сын	14	лет	
7	Иванов	Федор	Семенов	сын	8	лет	

8	Иванов	Захар	Семенов	сын	6	лет	
9	Иванов	Парамон	[Александров]	брат	40	лет	год смерти не указан
10	Иванов	Фаддей	Иванов	племянник	30	лет	год смерти не указан
11	Иванов	Иван	Иванов?	племянник	29	лет	объединяющая скобка: «исключены в мещане г. Екатеринбурга от 20 декабря 1876 г. (так!) за №13944»
12	Иванов	Петр	Иванов	сын племянника	3	лет	
13	Иванов	Ульян	Иванов	сын племянника	6	мес.	
14	Иванов	Карп	[Александров]	брат	25	лет	справа от возраста галочка
15	Иванов	Михаил	Карпов	племянник	2	лет	справа от возраста галочка. Справа фиолетовыми чернилами «Михаил зачислен в ополчение в 1892 году».
16	Иванова	Епистимия	Венедиктова	жена	43	лет	
17	Иванова	Епистимия	Семенова	дочь	19	лет	
18	Иванова	Анна	Семенова	дочь	12	лет	
19	Иванова	Татьяна	Лазарева	сноха	23	лет	
20	Иванова	Ирина	Филиппова	невестка	36	лет	галочка простым карандашом справа от возраста
21	Иванова	Татьяна	Парамонова	племянница	16	лет	«выдана в замужество»коричневыми чернилами
22	Иванова	Мариамна	Парамонова	племянница	15	лет	«выдана» чернилами
23	Иванова	Параскева	Парамонова	племянница	12	лет	«в замуж» простым карандашом
24	Иванова	Александра	Парамонова	племянница	10	лет	«т[оже]» простым карандашом
25	Иванова	Марфа	Парамонова	племянница	7	лет	«т[оже]» простым карандашом
26	Иванова	Агафья	Парамонова	племянница	4	лет	галочка простым карандашом справа от возраста
27	Иванова	Устинья	Парамонова	племянница	3	лет	галочка простым карандашом справа от возраста
28	Иванова	Евгения	Парамонова	племянница	1	лет	галочка простым карандашом справа от возраста
29	Иванова	Гликерия	Александрова	жена племянника	36	лет	возраст «40 по 1883»
30	Иванова	Марфа	Александрова	мать племянника Фаддея	50	лет	
31	Иванова	Агафья	Александрова	жена племянника	24	лет	
32	Иванова	Марья	Иванова	дочь племянника	7	лет	
33	Иванова	Екатерина	Иванова	дочь племянника	4	лет	
34	Иванова	Екатерина	Петрова	невестка	21	лет	галочка простым карандашом справа от возраста

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 32 об.–33 (Запись № 136).

№ п/п	Фамилия	Имя	Отчество	Статус в семье (по отношению к главе семьи)	Возраст 1 янв 1874 г.	Ед. изм-я возраста	Пометы внесенные в 1874–1894 гг. и комментарии
1	Кунаев	Афанасий	Егоров	глава	74	лет	умер в 1874 г.
2	Кунаев	Венедикт	Афанасиев	сын	42	лет	умер в 1884 г.
3	Кунаев	Евстрат	Венедиктов	внук	16	лет	
4	Кунаев	Семен	Венедиктов	внук	7	лет	умер, год не указан
5	Кунаев	Осип	Венедиктов	внук	2	лет	«Осип в призыв 1892 г. зачислен в ополчение»
6	Кунаев	Анфиноген	Афанасиев	сын	41	лет	«Исключен в мещане в 1876 г. по предписанию палаты от 3го марта за №2089»
7	Кунаев	Козьма	<i>незаконнорожден.</i>	внук	9	лет	«Зачислен в ополчение в 1885 году», на левом поле напротив имени черными чернилами крест
8	Кунаев	Трофим	Егоров	племянник	62	лет	
9	Кунаева	Афимья	<i>незаконнорожден.</i>	внучка	16	лет	
10	Кунаева	Агафья	Федотова	сноха	40	лет	«по 1883 г.» – дополнение поставлено сразу после возраста
11	Кунаева	Настасья	[Венедиктова]	внучка	14	лет	«Выдана в замужество», год замужества не указан
12	Кунаева	Екатерина	[Венедиктова]	внучка	7	лет	
13	Кунаева	Фетинья	[Венедиктова]	внучка	1	лет	
14	Кунаева	Наталья	[Венедиктова]	внучка	1	день	
15	Кунаева	Анна	Игнатьева	жена внука	18	лет	
16	Кунаева	Анна	Ларионова	жена сына	40	лет	

17	Кунаева	Александра	[Анфиногенова]	[внучка]	3,5	мес.	умерла
18	Кунаева	Аграфена		мать внука Козьмы	40	лет	крест рядом с возрастом
19	Паромова	Варвара		жена племянника	60	лет	умерла
20	[Паромова]	Ирина	[Трофимова]	[внучатая племянница]	17	лет	умерла

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 1. Л. 2 об.–3 (Запись № 1).

Приложение 5. Сфера деятельности и сословная принадлежность старообрядцев в Екатеринбурге во второй половине XIX – начале XX вв.

Фамилия, имя, отчество годы жизни (если известны)	1855–1858	1887	1906–1917
	статус, гильдия деятельность	статус, гильдия деятельность	статус, гильдия деятельность
Блохины Елизавета Григорьевна (в дев. Зотова) род. 1808 г. ум. до 1887 г.	купеческая нет данных вдова 3 г.		
Владимир Николаевич род. 1833 г. ум. до 1887 г.	купеческий нет данных сын 3 г.		
Мария Дементьевна (в дев. Белоусова?) род. ок. 1848 г. ум. 1908 г.		купеческая магазин «Книги и вдова картины» 2 г.	
Василий Владимирович		купеческий нет данных сын 2 г.	
Григорий Владимирович		купеческий нет данных сын 2 г.	купец участник полемики о правилах христианского жития, противник самоваров
Валентина Владимировна			купе- книжная и ческая канцелярская торговля дочь в двух магазинах, склад бумаги
Бородины Василий Матвеевич род. 1806 г. ум. 1885 г.		купец В 1858 г. единоведец, противник 2 г. белокрыницкого священства, в 1880-х гг. часовенный, черноризец. Гласный екатеринбургской думы в 1872– 1876 гг.; до 1884 г. самостоятельно съездил в турецкий Эннос для выяснения подробностей крещения митрополита Амвросия; попечитель часовни в Нижнем Тагиле.	
Александр Васильевич		купец директор Общественного банка 1 г. (1884 г.); гласный екатеринбургской думы в 1880– 1891 гг.; с братом Тимофеем совладелец 10 домов, магазина, участка земли и промышленного комплекса (скотобойня, салотопня, обработка вычесанной шерсти). Торговый дом «Сыновья В. М. Бородина»: мельница и торговля крупчаткой.	нет нет данных данных
Тимофей Васильевич род. 1851 г.		купечес- гласный екатеринбургской кий брат думы в 1888–1891 гг.; с братом Александром совладелец 10 домов, магазина, участка земли и промышленного комплекса (скотобойня, салотопня, обработка вычесанной шерсти). Торговый дом «Сыновья В. М. Бородина»: мельница и торговля крупчаткой.	нет нет данных данных
Михаил Васильевич		купец гласный екатеринбургской думы в 1880–1884 гг., владение тремя домами	

наследницы М. В. Бородина [и Елизаветы Саввишны (в дев. Тарасовой?)]				мещан ки	владение четырьмя домами
Павлов Иван Епифанович ум. после 1919 г.		купец 2 г.	бакалейная торговля	мещан ин	бакалейная торговля; отдельно рыбная лавка; председатель Совета Успенской общины часовенных
Потапов Иван Степанович род. 1839 г.	в 1857 г. нет данных приписалс я из мещан в купцы 3 г.	купец 2 г.	владение двумя домами, землей, салотопенный завод, оптовая торговля маслом	нет данны х	владелец недвижимостью, адреса аналогичны 1887 г.
Соколов Александр Михайлович род. 1837 г. ум. после 1887 г.	в 1858 г. нет данных приписался в купцы 3 г. из мещан	купец 2 г.	хлебная торговля, участник Екатеринбургского собора 1884 г. о «поискании священства», гласный Екатеринбургской городской думы	мещан ин?	нет данных, участник I Всероссийского съезда часовенных
Степан Александрович	купец		гласный Екатеринбургской городской думы		
Скорняковы Марфа Ивановна род. 1791 г. ум. после 1858 г.	купеческая нет данных вдова 3 г. (ум. муж – Назар)				
Ларион Назарович род. ок. 1818 г. ум. после 1858 г.	купечески нет данных й сын	нет данных	нет данных		
Иван Илларионович род. 1857 г. ум. после 1910 г.		мещанин	владелец дома, лавки, слесарно-кровельного заведения	нет данных	нет данных
наследник Артемия Назаровича: сын Степан		мещанин	владелец дома, слесарно- кровельного заведения	нет данных	нет данных
наследник Артемия Назаровича: сын Иван		купец 2 г.	владелец дома с каменной баней, торговля посудой староста Успенской часовни	нет данных	нет данных
Степановы Евстратий Козьмич род. 1800 г. ум. до 1887 г.	купец 2 г. канатное заведение, торговля				
Фекла Евтратьевна (в замуж. Ходова) род. 1829 г. ум. 1913 г.		купеческая вдова 2 г.	канатное заведение, лавка	мещанка	производство и торговля канатами и веревками
Сусловы Егор Петрович	нет данных нет данных	купец 2 г.	кондитерская, булочная при собственном особняке; гласный городской думы в 1876–1884; в 1885 г. член уездного податного присутствия; в 1877–1880 гг. директор Общественного городского банка	нет данных	нет данных
Петр Петрович	нет данных нет данных	купец	владелец двух домов в городе	нет данных	нет данных
Тарасовы Савва Лукич род. ок. 1801 г. ум. 1872 г. Иван Лукич род. ок. 1802 г. ум. после 1858 г.	купцы бакалейная торговля				

Иван Саввич род. 1834 г. ум. после 1889 г.	купеческий сын	потомстве нный почетный гражда- нин	участник золотопромышленного товарищества; ренковый погреб, салотопенный завод и торговля. Операции с крупчаткой, семенем, куделью.	
Петр Иванович род. 1859 г. ум. 1919 г.				потомств енный почетный граждан ин участник золотопромышленного товарищества на паях. Представительство технической конторы Вольфа. Организация «Общества Уральских горных техников», журнал «Уральский техник». Разработка нефтяных приисков в г. Грозный. Продажа оборудования для производства цемента. Коллекционирование монет.
Федотовы Николай Иванович род. 1820 г. ум. после 1888 г.	купец 3 г. нет данных	купец 2 г.	свечное, мыловаренное салотопенное заведения и торговля этими товарами, мясная лавка	
Исаак Николаевич род. 1847 г. ум. 1911 г.	купеческий сын	купеческий сын		мещанин торг постным маслом
Черных Севастьян	мещанин нет данных			
Ефим Севастьянович		купец 2 г.	завод по выделке кож, продажа кожевенного товара	
Григорий Ефимович		купеческий сын	нет данных	
Лука Ефимович		нет данных	нет данных	мещанин завод по выделке кож, продажа кожевенного товара; свечной завод на паях
Владимир Ефимович		нет данных	нет данных	мещанин дела Никольской Шарташской общины часовенного согласия
Щепетильниковы Варвара Степановна род. 1815 г. ум. после 1888 г.	купеческая нет данных вдова, 3 г. (ум. муж Кирилл Клементье вич)	купеческая вдова	владение двумя лавками и погребом в Старом гостином дворе	
Александр Кириллович род. 1835 г.	купеческий нет данных сын	нет данных	нет данных	
Щербаковы Лука и Наум Григорьевичи	мещане нет данных			
Гордей Лукич род. 1813 г.	мещанин нет данных			
Григорий Гордеевич род. 1845 г. ум. после 1817 г.	мещанин нет данных	купец 2 г.	салотопенное, свечное, мыловаренное, производство и торговля мясом; гласный думы в 1881–1891 гг.	купец паровые мельницы, мыловаренный, клееваренный, свечной заводы и торговля
Виктор Григорьевич				купеческий сын Руководство мукомольным заводом в Камышлове

Николай Григорьевич род. 1874 г. ум. 1910 г.			купеческий сын	отделение семейного дела в Камышловое
Федор Григорьевич			купеческий сын	председатель совета Никольской старообрядческой общины

Источники: *Блохины* – ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 139–141; Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 393, 550, 615, 890, 1034; Древлехранилище ЛАИ УрФУ. Невьянское (VI) собр. 54р/386. Л. 27; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 114. Л. 6 об.–7 (Запись № 18); Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник. Екатеринбург, 1911. С. 147, 160, 164; Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев. С. 15.

Бородины – Поминальник К. С. Овчинникова л. 1 об., 7 об. Древлехранилище ЛАИ УрФУ. Свердловское (IX) собр. 367р/5344. Л. 211–211 об.; Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 548, 832, 844, 956, 972, 1034. *Кельцев С.* Из поездки по Уралу. Сибиро-Уральская научно-промышленная выставка. М., 1888. С. 6–7; ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 77. Л. 26; Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 64, 64 об.; Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 1. Новосибирск, 1999. С. 347, 350.

Павлов – Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 556, 589; Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. С. 171; РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 63. Л. 38; Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев. С. 7; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 258. Л. 2 об.–3 (Запись № 6).

Потаповы – ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 361–362; Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 411, 416, 519, 557, 624, 756, 825.

Соколов – ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 332–333; Там же. Д. 1886. Л. 17 об.; Ф. 62. Оп. 1. Д. 130. Л. 12 об.–13; Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 558, 579, 838, 866, 957, 969; Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев. С. 16.

Скорняковы – ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 315–316; Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 118 об.–119; Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 334, 343, 383, 557, 620, 632, 641, 727, 943; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 140. Л. 4 об.–5 (Запись № 3); Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев. С. 18 (№ 95).

Степановы – ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 228. Л. 6 об.–7 (Запись № 16); Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 223–224; Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 122 об.; Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 516, 520, 559, 755. Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник. Екатеринбург, 1911. С. 164.

Суслavy – Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 303, 393, 396, 558, 838, 866, 755; Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 1. Новосибирск, 1999. С. 346; Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1877 г. С. 184.

Тарасовы – Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 558; Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. Торгово-промышленный справочник. Екатеринбург, 1911. С. 146, 156, 230; ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 172. Л. 15; Оп. 13. Д. 251. Л. 2 об.–4 (Запись № 6); Д. 252. Л. 8 об.–9 (Запись 12); Д. 282. Л. 9 об.–10 (Запись 15); Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев. С. 16; Зауральский край. 1917. № 13. Л. 4; *Агеев С. С., Микитюк В. П.* Рязановы – купцы екатеринбургские. Генеалогические схемы. № 13.

Федотовы – ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 176. Л. 3 об.–4 (Запись № 7); Ф. 8. Оп. 1. Д. 1775. Л. 323–325; Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 559, 583, 624, 756; *Кельцев С.* Из поездки по Уралу. Сибиро-Уральская научно-промышленная выставка. М., 1888. С. 11; Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал. С. 167.

Черных – ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1886. Л. 7–28 (№ 40); Ф. р-349. Оп. 1. Д. 9. Л. 43 об.; Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 559, 605; *Кельцев С.* Из поездки по

Уралу. Сибиро-Уральская научно-промышленная выставка. М., 1888. С. 13; Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев. С. 20.

Щербаковы – ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1886. Л. 16, 26 об. (№ 48, 140); Город Екатеринбург: сб. ист.-стат. и справ. сведений. С. 559, 605; *Кельцев С.* Из поездки по Уралу. Сибиро-Уральская научно-промышленная выставка. М., 1888. С. 10; Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев. С. 7, 15; ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 617. Л. 47, 49, 66; Екатеринбург и весь Урал. Торгово-промышленный справочник на 1914 год. Екатеринбург, 1914; Уральский старообрядец. 1915. № 1. С. 41 (рекламные листы).

**Приложение 6. Количество записей в метрических книгах
старообрядческих общин Екатеринбурга, 1907–1926 гг.**

Раздел	Родившиеся			Бракосочетавшиеся			Умершие		
	Троицкий белокриницкого согласия	Никольский часовенного согласия	Успенский часовенного согласия	Троицкий белокриницкого согласия	Никольский часовенного согласия	Успенский часовенного согласия	Троицкий белокриницкого согласия	Никольский часовенного согласия	Успенский часовенного согласия
Годы									
1907	16	28		9	4		10	20	
1908	42	26	22	14		5	25	22	
1909	42	16	17	13	3	5	38	15	
1910	57	17	24	9	4	6	32	15	
1911	39	18	22	9	2	6	24	13	13
1912	35	18	22	5	1	1	22	21	20
1913	45	21	22	5	1		16	20	
1914	37	17	20	8	1		21	12	19
1915	27	17	31	5	1	4	35	22	21
1916	24	14	16	4		2	27	20	20
1917	26	17	18	6		6	22	14	25
1918	18	16	6	14	4	6	25		7
1919	21	17		7	3		27		13
1920	4			5			17		
1921				4					
1922				5					
1923									
1924	20			6			4		
1925	15			1			1		
1926	2								
Нет данных				2					
Всего	470	242	220	131	24	41	346	194	125
		932			196			665	

Источник: ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 91–97, 113–118, 140, 175–185, 206–209, 227–230, 251–258, 281–283, 285–289, 307, 308, 331–336, 354, 356–358, 366–368 (метрические книги о родившихся, бракосочетавшихся и умерших старообрядцах Екатеринбурга 1907–1926 гг.).

**Приложение 7. Зарегистрированные общины, поддержавшие
ходатайство о проведении Первого Всероссийского съезда
старообрядцев часовенного согласия в 1911 г.**

№	Наименование общины	Место жительства большинства прихожан	Уполномоченные общины	
			Председатель	Члены Совета
1	Екатеринбургская община Никольского храма	Пермская губ., г. Екатеринбург	Щербаков Федор	Мягких Ананий Романов Гавриил
2	Екатеринбургская община Успенского храма	Пермская губ., г. Екатеринбург	Павлов Иван	Белоусов К., Крылов В. Соколов М. Тяжелых Потап Ульянов Викула
3	Бобыльская старообрядческая община Шадринского уезда	Пермская губ., Шадринский уезд, д. Бобыльская	Важенин Василий	Важенин С. Жилин Полиеквт
4	Большекрасноярская община	Тобольская губ. Тарский уезд Малокрасноярская вол., д. Большая Красноярка	Чистяков Яким	Перевалов Василий Пермяков Касян
5	Сосновская община	Оренбургская губ. Челябинский уезд и станица, пос. Сосновский	Марков Ларион	Давыдов Григорий Ряпунов Константин

№	Наименование общины	Место жительства большинства прихожан	Уполномоченные общины	
			Председатель	Члены Совета
6	Песчано-Таволжанская община	Пермская губ. Шадринский уезд с. Песчано-Таволжанское	Сараев Кузьма Степанович	Осинцев Дмитрий Алекс[еевич?] Сараев Евтихий Степанович Шитиков Иосий Тарасович
7	Челвинско-Русаковская община д. Сюезовой	Пермская губ. Пермский уезд д. Сюезова	Сюезев Филарет	Кетов Давид Плешков Гавриил Сюезев Карп
8	Песковская старообрядческая община	Пермская губ. Шадринский уезд Вознесенская вол. д. Пески	Лебедкин Артемий	Пахотин Нифантий Пахотин Осип Лебедкин Вавило Ванякин [Л.?)
9	Челябинская старообрядческая община	Оренбургская губ. г. Челябинск	Толстых П[авел Киприянович]	Мокеев А. Малышев Иван Федотов Ф. Попов В. Крюков И. Беляевский Л.
10	Таяндинская Михайло-Архангельская община	Оренбургская губ. Троицкий уезд Коельская станица пос. Таянда	Расторгуев Александр	Турковский Савва Башков Киприан Яковлевич Расторгуев Меркурий Алексеевич
11	Шершневская община	Оренбургская губ. Челябинский уезд и станица, пос. Шершневский	Калмыков Максим	Ильиных Трофим Ситников Лазарь
12	Свято-Троицкая старообрядческая община Сухомесовского поселка	Оренбургская губ. Челябинский уезд пос. Сухомесовский	Казанцев Игнат	Казанцев Григорий Плеташов (?) Павел Брагин Федор
13	Саранинская община Саранинской волости и завода*	Пермская губ. Красноуфимский уезд Саранинский завод	Торопов Петр	Трифонов Сергей
14	Преображенская Введенская община д. Бралгиной*	Тобольская губ. Курганский уезд Брылинская вол. д. Бралгина	Бралгин Александр	Бралгин Иван Бралгин Мокей
15	Большелысьвинская община*	Пермская губ. Пермский уезд Калино-Камасинская волость д. Большая Лысьва	Южаков Федор Ипатович	Завьялов Данило Завьялов Яков Чудинов Афанасий

Источник: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 63. Л. 38–55.

* Данные об общине в документе представлены без оттиска её печати.

Приложение 8. Имена данные при крещении в старообрядческих храмах Екатеринбурга, 1907–1926 гг.

Группы	Мужские имена			Доля окрещенных, %		Женские имена			Доля окрещенных, %		
1. Распространенные имена (выше среднего коэффициента одноименности)	1. Иоанн (Иван) 7.9 2. Александр 7.5 3. Никола 5.0 4. Михаил 4.8 5. Георгий 4.6		29,8	49,8	75,4	1. Мария 9,1 2. Анна 4.7 3. Нина 4.5 4. Клавдия 4.5 5. Зоя 4.0		26,7	45,4	75,5	
	6. Петр 4.6 7. Феодор 4.4 8. Василий 4.0 9. Борис 3.5 10. Григорий 3.5					6. Антонина (Антонида) 3.8 7. Зинаида 3.8 8. Ольга 3.8 9. Татиана 3.8 10. Валентина 3.6					
	11. Павел 3.5 12. Андрей 3.1 13. Алексей (Алексей) 2.9 14. Владимир 2.9 15. Сергей 2.7 16. Константин 1.7 17. Виктор 1.5 18. Димитрий (Дмитрий) 1.5 19. Анатолий 1.3 20. Геннадий (Генадий) 1.3 21. Герман 1.3 22. Леонид 1.0 23. Стефан 1.0			11. Александра 3.1 12. Надежда 3.1 13. Вера 2.7 14. Екатерина 2.7 15. Анастасия 2.4 16. Анфиса 2.4 17. Галина 2.4 18. Елизавета (Елисавета) 2.2 19. Ирина 1.6 20. Лидия 1.6 21. Пелагия (Пелагея) 1.6 22. Фаина 1.6 23. Агриппина 1.3 24. Людмила 1.3							
2. Редкие имена (ниже среднего коэффициента одноименности, но > 1)	Антоний 0.8 Аркадий 0.8 Артемий 0.4 Афанасий 0.8 Валентин 0.6 Валерий 0.4 Венедикт 0.4 Виссарион 0.4 Виталий 0.6 Гавриил 0.4	Евгений 0.8 Евсей 0.4 Евфимий (Ефимий) 0.6 Илларион (Иларион) 0.4 Игнатий 0.6 Иосиф 0.8 Ияков 0.4 Медост 0.4 Милий 0.4 Прокопий 0.4	Симеон 0.8 Фаддей 0.4 Феодот 0.4 Фирс 0.4 Хрисанф 0.4	13,8	Акилина 0.4 Алевтина 0.4 Анисия (Анисья) 1.1 Афанасия 0.7 Варвара 0.4 Виринея 0.4 Евгения 0.9 Евдокия 0.9 Евфросиния (Ефросиния) 0.7 Елена 1.1 Зиновия 0.7 Ираида (Ироида) 0.9 Иулия 0.7 Иулияния (Ульяния) 0.4 Ксения 0.7	Леонида 0.4 Лукия 0.4 Любовь 1.1 Марина 0.4 Наталья 1.1 Олимпиада 0.4 Павла 0.7 Парасковия 0.4 Платонида 0.4 София 0.4 Таисия 0.9 Фекла 0.4 Феодосия 0.4 Феоктиста 0.7	18,9				
3. Разовые	Августий Авим Алимпий Анания Ариан Артемон Вадим Валент Валериан Викул Вячеслав Глеб Гордий Давыд Даниил Дасий Донат Евдоким Евстигней	Зиновий Игорь Иоаким Иустин Карп Киприан Кирилл Клеонтий Кондрат Лев Леонтий Ливерий Маврикий Максим Марко Мефодий Мина Никанор Онисифор	Полиект Поликарп Прохор Савватий Серапион Сисой Стахий Тимофей Трофим Увеналий Филипп Фотий Фома Харитон	10,8	Августа Агапия Агния Гая Евфалия Евфимия Еликонида Епистимия Ипполита Иустина Капитолина Клеопатра Лариса Мавра Манефа Маргарита Мелания Минодора	Рипсимия (Римма) Руфина Серафима Тамара Феодотия Филицата Фотиния	5,6				
				100				100			

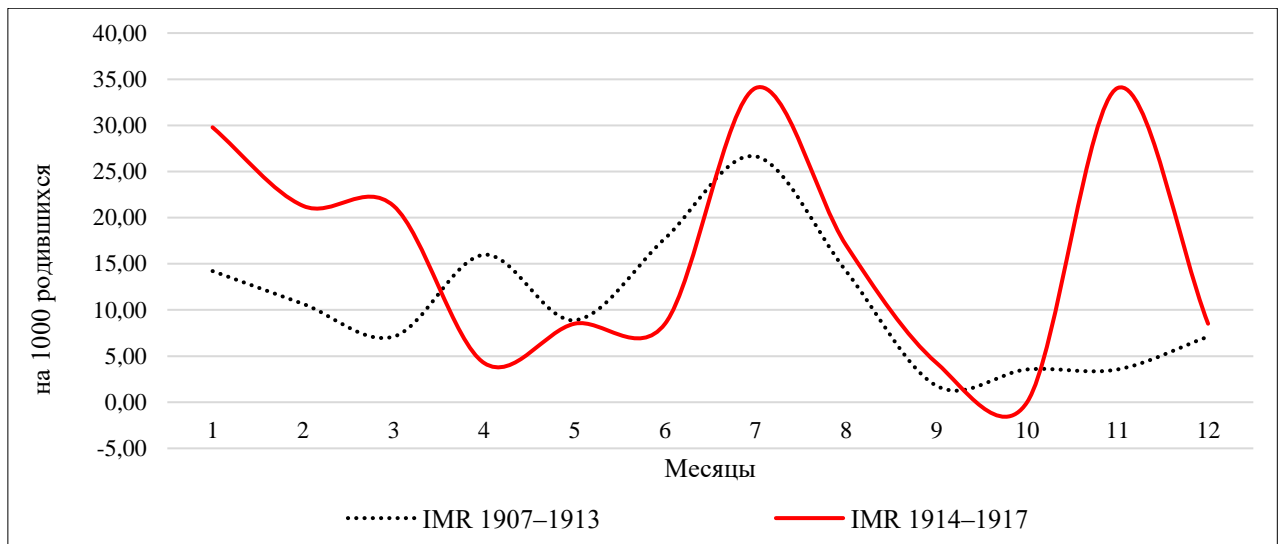
Источник: Регистр населения Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>

После имени приводится процент его носителей; каждое из разовых имен составляет 0.21% у мужчин и 0.22% у женщин. Выделены имена, не встретившиеся в разделе о родившихся у православных Екатеринбурга, данные о которых введены в «Регистр населения Урала» на 31.12.2018.

Приложение 9. Результаты анализа смертности в старообрядческих общинах Екатеринбурга по данным метрических книг, 1907–1918 гг.

1. Сезонность младенческой смертности у старообрядцев Екатеринбурга в 1907–1917 гг., до и во время I Мировой войны

(на основе 798 записей о родившихся и 118 умерших в возрасте до 1 года)

Источник: URaPP.

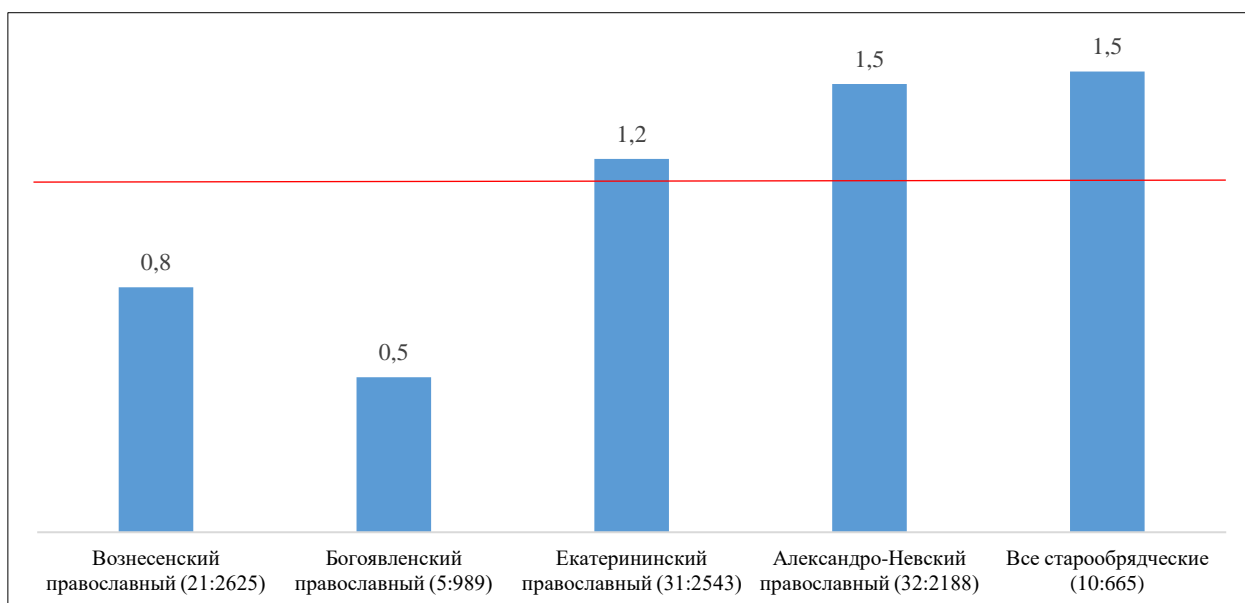
2. Причины младенческой смертности у старообрядцев Екатеринбурга в 1907–1917 гг.

(на основе записей о 118 умерших в возрасте до 1 года)

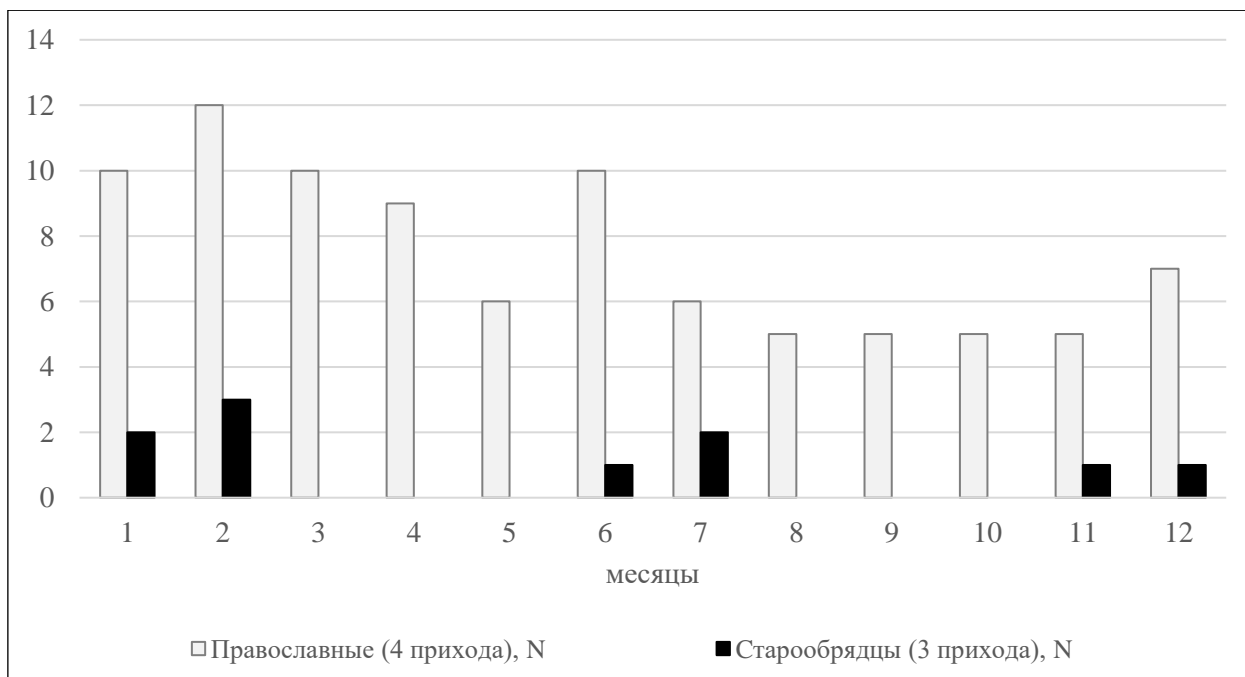
Источник: URaPP.

**3. Доля умерших от оспы в православных и старообрядческих приходах
Екатеринбурга в 1907–1918 гг., %**
(на основе записей о 9391 православных и 665 старообрядцах)

Источник: URaPP. Первая цифра в скобках после названия прихода – количество умерших от оспы в приходе, вторая – общее количество записей об умерших). Красной линией обозначено среднее значение – 1,1% по всем приходам.

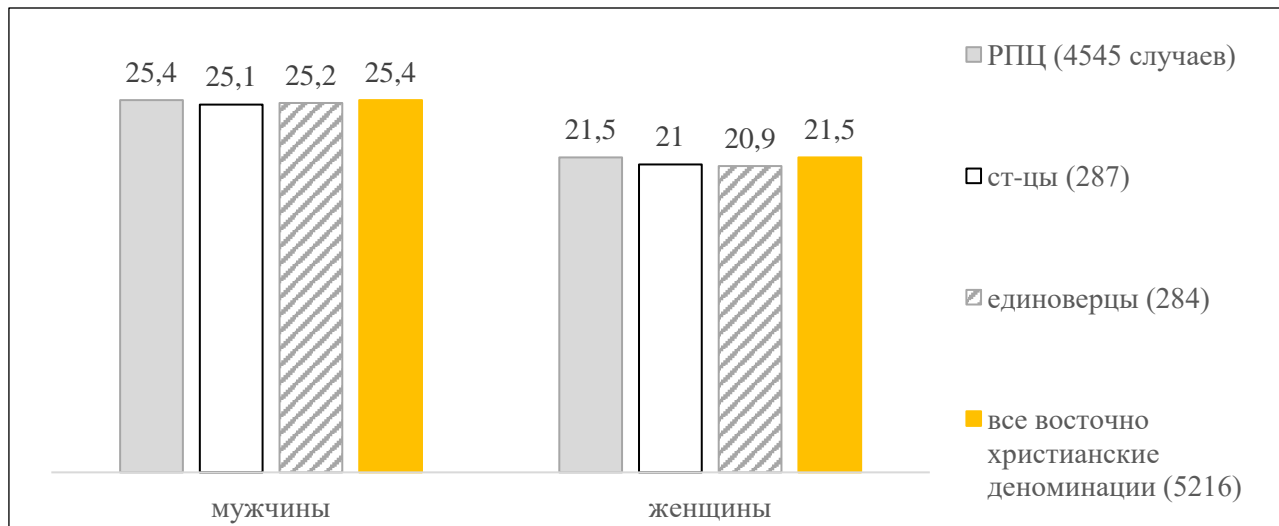
**4. Заболеваемость оспой по месяцам в восточно-христианских приходах
Екатеринбурга 1907–1918 гг.**
(на основе 100 записей: 90 православных и 10 старообрядческих)

Источник: URaPP.

Приложение 10. Возраст вступления в первый брак в восточно-христианских приходах Екатеринбурга в 1907–1919 гг.

1. Средний возраст 1-го брака по восточно-христианским деноминациям Екатеринбурга 1907–1919 гг.

Источник: URaPP.

2. Возраст 1-го брака крестьян в зависимости от миграционного статуса в восточно-христианских деноминациях Екатеринбурга 1907–1919 гг.

Деноминация	Количество случаев	Возраст 1-го брака у местных: жители пригорода Екатеринбурга/проживающие в месте приписки*	Возраст 1-го брака у мигрантов: приписанные в других уездах, но проживающие в городе или пригороде	Разница
Мужчины				
Православные	1176	23,7	25,5	+1,8
Единоверцы	68	22,5	24,8	+2,3
Старообрядцы	80	24,2	26,4	+2,2
Все восточно-христианские направления	1324	23,7	25,5	+1,8
Женщины				
Православные	1318	20,6	22	+1,4
Единоверцы	73	20,5	21,1	+0,6
Старообрядцы	79	21	21,2	+0,2
Все восточно-христианские направления	1470	20,6	21,9	+1,3

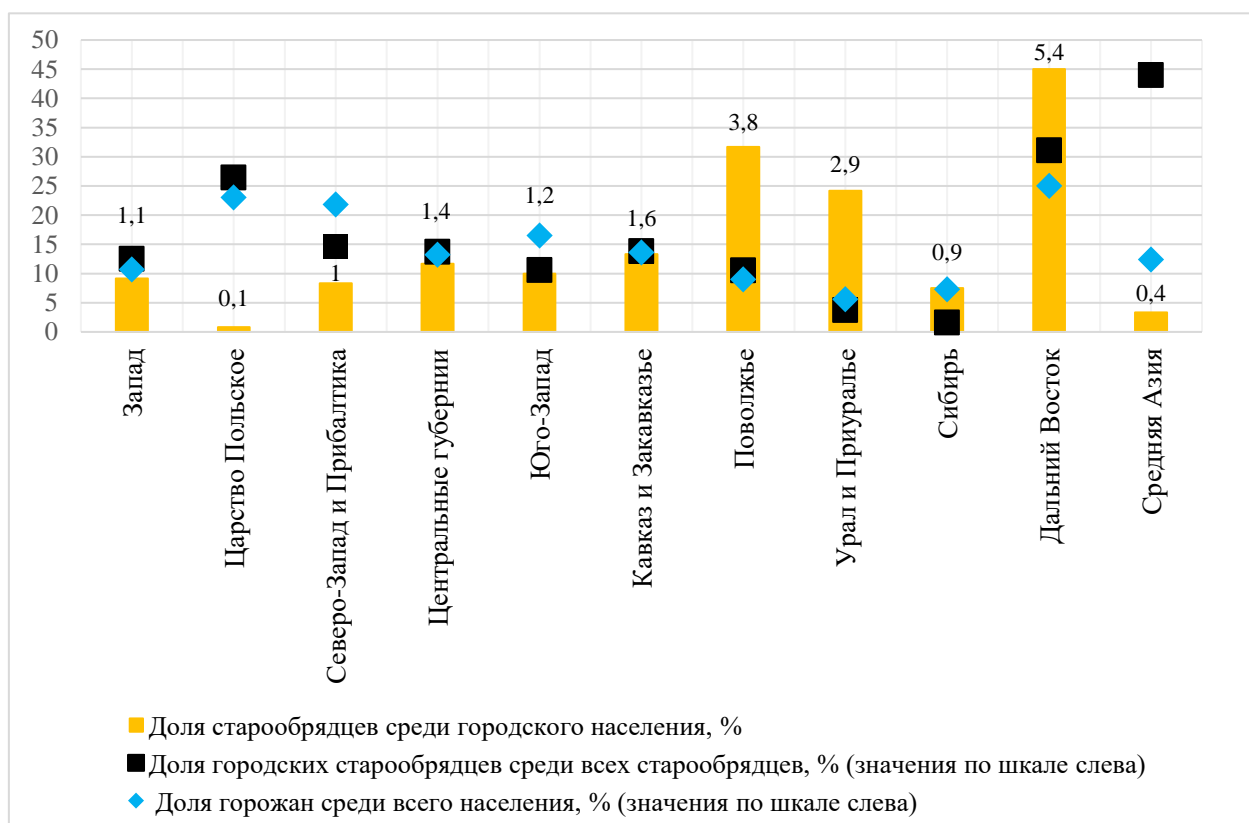
Источник: URaPP.

* у прихожан православной синодальной церкви и единоверцев отсутствует указание на место жительства, поэтому миграционный статус определен по приписке: местные – из Екатеринбургского уезда, мигранты – из остальных.

**Приложение 11. Численность и относительная величина
старообрядческого населения городов Российской империи
по данным Всеобщей переписи 1897 г.**

Регион	Губернии	Численность старообрядцев в городах, чел.	Доля старообрядцев среди городского населения, %	Доля городских старообрядцев среди всех старообрядцев, %	Доля горожан среди всего населения, %
Запад	Витебская, Гродненская, Житомирская, Киевская, Минская, Могилевская, Смоленская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Черниговская	29867	1,1	12,5	10,7
Царство Польское	Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Седлецкая, Сувальская	2483	0,1	26,4	23,0
Северо- Запад и Прибалтика	Архангельская, Виленская, Вологодская, Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Новгородская, Олонецкая, Петербургская, Псковская, Эстляндская	27951	1,0	14,5	21,8
Центральные губернии	Владимирская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская	43649	1,4	13,7	13,2
Юго-Запад	Бессарабская, Таврическая, Екатеринославская, Ставропольская, Херсонская и Черноморская губернии, Кубанская область и Область Войска Донского	26108	1,2	10,6	16,5
Кавказ и Закавказье	Бакинская, Елисаветпольская, Тифлисская, Кутаисская, Эриванская губернии, Дагестанская, Карская и Терская области	13813	1,6	13,8	13,6

Поволжье	Астраханская, Казанская, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Симбирская губернии	38892	3,8	10,5	9,0
Урал и Приуралье	Вятская, Оренбургская, Пермская, Уфимская губернии, Уральская область	16938	2,9	3,7	5,6
Сибирь	Енисейская, Иркутская, Тобольская, Томская губернии, Якутская области	3626	0,9	1,6	7,3
Дальний Восток	Амурская и Приморская области, о. Сахалин	5048	5,4	31,1	25,0
Средняя Азия	Акмолинская, Закаспийская, Самаркандская, Семипалатинская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Тургайская, Ферганская, области	3514	0,4	44,0	12,4
Все регионы		211889	1,3	9,7	13,4

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 1–89. / Под ред. Н. А. Тройницкого. [СПб.]: Центр. Стат. комитет М-ва вн. дел, 1897–1905. С. 1–4. Компонировка и расчеты мои – Ю. Б.

Примечания: на графике визуализированы относительные величины таблицы.

Ниже приведены данные об учтенных в ходе переписи старообрядцах в обеих столицах, крупных (свыше 100 тыс. жителей), больших (40–100 тыс. жителей), средних (10–40 тыс. чел.) и малых (5–10 тыс. чел.) городах, где зафиксировано старообрядческое население свыше 100 чел.

1. Столичные города

Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %
Санкт-Петербург	8982	1264920	0,7

Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %
Москва	18881	1038591	1,8

2. Крупные города: свыше 100 тыс. жителей

Города со старообрядческим населением свыше 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Города со старообрядческим населением от 100 чел. до 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Запад

Киев, центр губернии	1835	247723	0,7
-------------------------	------	--------	-----

Харьков, центр губернии	391	173989	0,2
----------------------------	-----	--------	-----

Царство Польское

—	—	—	—
---	---	---	---

Варшава центр губернии	513	683692	0,08
---------------------------	-----	--------	------

Северо-Запад и Прибалтика

Рига, центр губернии	9609	282230	3,4
Вильна, центр губернии	1318	154532	0,9

—	—	—	—
---	---	---	---

Юго-Запад

Кишинев, центр губернии	2228	108483	2,1
Одесса Херсонской губ.	1365	403815	0,3

Ростов-на-Дону Области Войска Донского	601	119476	0,5
Екатеринослав, центр губернии	263	112839	0,2

Кавказ и Закавказье

Тифлис, центр губернии	3144	159590	2,0
Баку, центр губернии	2811	111904	2,5

—	—	—	—
---	---	---	---

Центральные губернии

—	—	—	—
---	---	---	---

Тула, центр губернии	871	114733	0,8
-------------------------	-----	--------	-----

Поволжье

Саратов, центр губернии	5872	137147	4,3
Казань, центр губернии	2920	129959	2,2
Астрахань, центр губернии	1955	112880	1,7

—	—	—	—
---	---	---	---

Урал, Приуралье, Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия

—	—	—	—
---	---	---	---

—	—	—	—
---	---	---	---

3. Большие города: 40–100 тыс. жителей

Города со старообрядческим населением свыше 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Города со старообрядческим населением от 100 чел. до 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Запад

Двинск Витебской губ.	3495	69675	5,0
Витебск, центр губернии	1465	65871	2,2
Житомир, центр губернии	1393	65895	2,1

Бердичев Киевской губ.	696	53351	1,3
Кременчуг Полтавской губ.	520	63007	0,8
Смоленск, центр губернии	156	46699	0,3
Полтава, центр губернии	147	53703	0,3
Могилев, центр губернии	107	43119	0,2

Царство Польское

—	—	—	—
---	---	---	---

—	—	—	—
---	---	---	---

Северо-Запад и Прибалтика

—	—	—	—
---	---	---	---

Ковна, центр губернии	704	70920	1,0
Юрьев Лифляндской губ.	456	42308	1,1
Либава Курляндской губ.	432	64489	0,7
Кронштадт Петербургской губ.	309	59525	0,5

Юго-Запад

—	—	—	—
---	---	---	---

Новочеркасск, центр области	892	51963	1,7
Ставрополь, центр губернии	311	41590	0,7
Севастополь Симферопольской губ.	249	53595	0,5
Елисаветград Херсонской губ.	199	61488	0,3
Херсон, центр губернии	174	59076	0,3
Николаев Херсонской губ.	128	92012	0,1
Екатеринодар, центр губернии	109	65606	0,2

Кавказ и Закавказье

Владикавказ, центр области	3986	43740	9,1
-------------------------------	------	-------	-----

—	—	—	—
---	---	---	---

3. Большие города: 40–100 тыс. жителей (продолжение)

Города со старообрядческим населением свыше 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Города со старообрядческим населением от 100 чел. до 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Центральные губернии

—	—	—	—
---	---	---	---

Калуга, центр губернии	738	49513	1,5
Иваново- Вознесенск Владимирской губернии	459	54208	0,8
Орел, центр губернии	277	69735	0,4
Курск, центр губернии	242	75721	0,3
Тамбов, центр губернии	207	48015	0,4
Кострома, центр губернии	201	41336	0,5
Рязань, центр губернии	170	46122	0,4
Ярославль, центр губернии	158	71616	0,2
Пенза, центр губернии	131	59981	0,2

Поволжье

Самара, центр губернии	3478	89999	3,9
Царицын Саратовской губ.	2026	55186	3,7

Нижний Новгород, центр губернии	716	90053	0,8
Симбирск, центр губернии	199	41684	0,5

Урал и Приуралье

Екатеринбург Пермской губ.	1790	43239	4,1
Оренбург, центр губернии	1666	72425	2,3
Уфа, центр губернии	1070	49275	2,2

Пермь, центр губернии	287	45205	0,6
--------------------------	-----	-------	-----

Сибирь

—	—	—	—
---	---	---	---

Томск, центр губернии	375	52210	0,7
Иркутск, центр губернии	286	51473	0,6

Дальний Восток

—	—	—	—
---	---	---	---

—	—	—	—
---	---	---	---

Средняя Азия

—	—	—	—
---	---	---	---

Самарканд, центр губернии	111	55128	0,2
------------------------------	-----	-------	-----

4. Средние города: 10–40 тыс. жителей

Города со старообрядческим населением свыше 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Города со старообрядческим населением от 100 чел. до 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Запад

Новozyбков Черниговской губ.	5362	15362	34,9
Черкасы Киевской губ.	2162	29600	8,2
Балта Подольской губ.	1804	23363	7,7
Гомель Могилевской губ.	1688	36775	4,6
Режица Витебской губ.	1552	10795	14,4

Винница Подольской губ.	562	30563	1,8
Полоцк Витебской губ.	350	20294	1,7
Бобруйск Минской губ.	342	34336	1,0
Чугуев Харьковская губ.	294	12592	2,3
Новоград-Волыньск Волынской губ.	233	16904	1,4
Борисов Минской губ.	178	15063	1,2
Звенигородка Киевской губ.	153	16923	0,9
Стародуб Черниговской губ.	136	12381	1,1

Царство Польское

—	—	—	—
---	---	---	---

Млава Плоцкой губ.	271	13440	2,0
Сувалки, центр губернии	138	22648	0,6
Остроленка Ломжинской губ.	119	12949	0,9
Ломжа, центр губернии	111	26093	0,08

Северо-Запад и Прибалтика

—	—	—	—
---	---	---	---

Митава, центр губернии	344	35131	1,0
Псков, центр губернии	443	30478	1,5
Вилькомир Ковенской губ.	411	13532	3,0
Старая Русса Новгородской губ.	381	15183	2,5
Поневеж Ковенской губ.	265	12968	2,0
Царское Село Петербургской губ.	150	22480	0,7

4. Средние города: 10–40 тыс. жителей (продолжение)

Города со старообрядческим населением свыше 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Города со старообрядческим населением от 100 чел. до 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Юго-Запад

Тирасполь Херсонской губ.	2672	31616	8,5
Измаил Кишиневской губ.	2587	22295	11,6
Бендеры Кишиневской губ.	2003	31797	6,3
Килия Кишиневской губ.	1381	11618	11,9
Бердянск Херсонской губ.	1153	26496	4,4

Новогеоргиевск Херсонской губ.	608	11594	5,2
Хотин Бессарабской губ.	555	18398	3,0
Медвежа, с. Ставропольской губ.	362	12383	2,9
Оргеев Бессарабской губ.	323	12336	2,6
Майкоп Кубанской обл.	317	34327	0,9
Бельцы Бессарабской губ.	250	18478	1,4
Александрия Херсонской губ.	228	14007	1,6
Болград Бессарабской губ.	171	12300	1,4
Аккерман Бессарабской губ.	161	28258	0,6
Ананьев Херсонской губ.	129	16684	0,8

Кавказ и Закавказье

—	—	—	—
---	---	---	---

Грозный Терской обл.	426	15564	2,7
Карс, центр области	388	20805	1,9
Елисаветполь, центр губернии	340	33625	1,0
Эривань, центр губернии	335	29006	1,2
Шемаха Бакинская губ.	191	20007	1,0
Александрополь Эриванской губ.	140	30616	0,5
Батум Кутаисской губ.	137	28508	0,5

4. Средние города: 10–40 тыс. жителей (продолжение)

Города со старообрядческим населением свыше 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Города со старообрядческим населением от 100 чел. до 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Центральные губернии

Ржев Тверской губ.	5538	21265	26,0
Егорьевск Рязанской губ.	2142	19239	11,1

Богородск Московской губ.	351	11102	3,2
Обоянь Курской губ.	345	11832	2,9
Шуя Владимирской губ.	318	19583	1,6
Коломна Московской губ.	302	20277	1,5
Моршанск Тамбовской губ.	284	26458	1,1
Рыбинск Ярославской губ.	262	25290	1,0
Шацк Тамбовской губ.	249	13840	1,8
Ковров Владимирской губ.	244	14571	1,7
Владимир, центр губернии	196	28479	0,7
Борисоглебск Тамбовской губ.	161	22309	0,7
Вышний Волочек Тверской губ.	119	16612	0,7
Муром Владимирской губ.	112	13271	0,8
Торжок Тверской губ.	104	12698	0,8

Поволжье

Вольск Саратовской губ.	3559	27038	13,2
Хвалы́нск Саратовской губ.	3540	15127	23,4
Николаевск Самарской губ.	2709	12504	21,7
Кузнецк Саратовской губ.	2430	20473	11,9
Чистополь Казанской губ.	1718	20104	8,5
Сызрань Симбирской губ.	1348	32383	4,2
Бугуруслан Самарской губ.	1035	12109	8,5

Петровск Саратовской губ.	544	13304	4,1
Балашов Саратовской губ.	478	10309	4,6
Алатырь Симбирской губ.	206	12209	1,7
Бузулук Самарской губ.	201	14362	1,4
Камышин Саратовской губ.	148	16264	0,9

4. Средние города: 10–40 тыс. жителей (продолжение)

Города со старообрядческим населением свыше 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Города со старообрядческим населением от 100 чел. до 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Урал и Приуралье

Уральск, центр области	4790	36466	13,1
Стерлитамак Уфимской губ.	1097	15550	7,1

Златоуст Уфимской губ.	806	20502	3,9
Челябинск Оренбургской губ.	793	19998	4,0
Сарапул Вятской губ.	569	21398	2,7
Ирбит Пермской губ.	345	20062	1,7
Вятка, центр губернии	284	25008	1,1
Шадринск Пермской губ.	223	11678	1,9
Троицк Оренбургской губ.	203	23299	0,9

Сибирь

–	–	–	–
---	---	---	---

Минусинск Енисейской губ.	412	10231	4,0
Барнаул Томской губ.	395	21073	1,9
Тюмень Тобольской губ.	366	29544	1,2
Колывань Томской губ.	302	11711	2,6
Курган Тобольской губ.	215	10301	2,1
Красноярск, центр губернии	156	26699	0,6
Бийск Томской губ.	156	17213	0,9

Дальний Восток

Благовещенск Амурской обл.	4574	32834	13,9
-------------------------------	------	-------	------

Хабаровск, центр области	183	14971	1,2
Владивосток Приморской обл.	182	28933	0,6
Петропавловск Приморской обл.	119	19688	0,6

Средняя Азия

–	–	–	–
---	---	---	---

Асхабад, центр области	157	19426	0,8
Омск Акмолинской обл.	148	37376	0,4

5. Малые города: 5–10 тыс. жителей

Города со старообрядческим населением свыше 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Города со старообрядческим населением от 100 чел. до 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Запад

Брацлав Подольской губ.	1144	7863	14,5
----------------------------	------	------	------

Литин Подольской губ.	534	9420	5,7
Гайсин Подольской губ.	264	9374	2,8
Люцин Витебской губ.	251	5140	4,9
Бар Подольской губ.	233	9982	2,3
Гжатск Смоленской губ.	151	6324	2,4
Невель Витебская губ.	132	9349	1,4

Царство Польское

—	—	—	—
---	---	---	---

Липно Плоцкой губ.	240	9292	2,6
Янов Люблинской губ.	116	7919	1,5

Северо-Запад и Прибалтика

—	—	—	—
---	---	---	---

Якобштадт Курляндской губ.	617	5829	10,6
Новоалександровск Ковенской губ.	574	6359	9,0
Видзы Ковенской губ.	545	5103	10,7
Свенцяны Виленской губ.	502	6025	8,3
Порхов Псковской губ.	140	5551	2,5

Юго-Запад

Константиновская Область Войска Донского	1729	9267	18,7
Кавказская Екатеринодарской губ.	1372	8293	16,5

Нижне-Чирская Область Войска Донского	993	6780	14,6
Кагул Кишиневской губ.	806	7077	11,4
Новомиргород Херсонской губ.	111	9364	1,2

Кавказ и Закавказье

—	—	—	—
---	---	---	---

Ленкорань Бакинской губ.	494	8733	5,7
Моздок Владикавказской губ.	400	9330	4,3

5. Малые города: 5–10 тыс. жителей (продолжение)

Города со старообрядческим населением свыше 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Города со старообрядческим населением от 100 чел. до 1 тыс. чел.			
Город, губерния / область	Староверы, чел.	Все жители, чел.	Доля староверов среди жителей %

Центральные губернии

Боровск Калужской губ.	3710	8414	44,1
Сухиничи Калужской губ.	1390	5447	25,5
Пронск Рязанской губ.	1025	7907	13,0

Спасск Рязанской обл.	816	6439	12,7
Романово- Борисоглебск Ярославской губ.	564	6682	8,4
Дмитриев Курской губ.	157	6073	2,6
Козельск Калужской губ.	146	5619	2,6
Меленки Владимирской губ.	143	8909	1,6
Зарайск Рязанской губ.	116	8054	1,4
Кинешма Костромской губ.	105	7575	1,4

Поволжье

Новоузенск Самарской губ..	1407	6637	21,2
-------------------------------	------	------	------

Царев Астраханской губ.	208	6977	3,0
Аткарск Саратовской губ.	198	7300	2,7
Бугульма Самарской губ.	171	7581	2,3
Сенгилей Симбирской губ.	103	5734	1,8

Урал и Приуралье

—	—	—	—
---	---	---	---

Илецк, Уральской обл.	827	7154	11,6
Гурьев Уральской обл.	719	9322	7,7
Красноуфимск Пермской губ.	197	6251	3,2
Бирск Уфимской губ.	105	8589	1,2

Сибирь

—	—	—	—
---	---	---	---

Верхнеудинск Читинской губ.	241	8086	3,0
Мариинск Томской губ.	188	8216	2,3

Дальний Восток

—	—	—	—
---	---	---	---

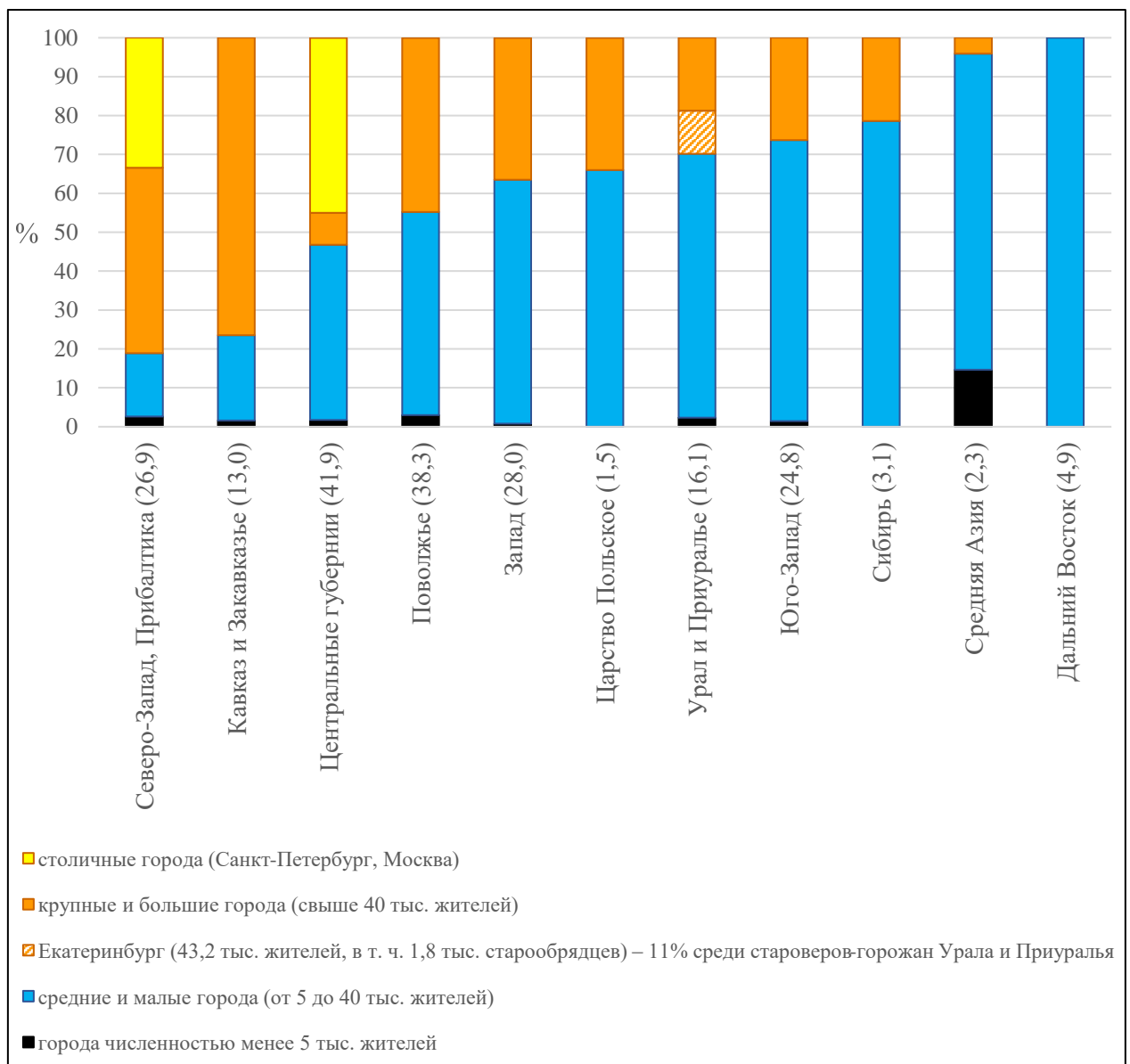
—	—	—	—
---	---	---	---

Средняя Азия

Казалинск Сыр- Дарьинской обл.	1230	7585	16,2
-----------------------------------	------	------	------

Павлодар Семипалатинской обл.	435	7738	5,6
Усть-Каменогорск Семипалатинской обл.	116	8721	1,3

**Городские общества старообрядцев численностью более 100 человек
в регионах Российской империи в 1897 г.,
в зависимости от величины населенного пункта**

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 1–89. / Под ред. Н. А. Тройницкого. [СПб.]: Центр. Стат. комитет М-ва вн. дел, 1897–1905. С. 1–4. Компоновка и расчеты мои – Ю. Б.

Примечание: Цифра в скобках рядом с названием региона соответствует численности старообрядческого населения в городах, в тыс. человек. Города, где проживало менее 100 старообрядцев не учтены в графике; на их долю приходится 5% (10,6 тыс. человек) всех старообрядцев-горожан в Российской империи.